This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

B 1,090,793

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
1817
M

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
1817

AS
262
.P524
v.59.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1974

Volume 59

1894

KRAUS REPRINT LTD.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

59

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1894.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

59

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1894.

KRAUS REPRINT LTD.

Nendeln, Liechtenstein

1966

AS
262
.P52
V.54

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, іюнь 1894 года.

Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Printed in Germany

Lessing-Druckerei – Wiesbaden

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LIX.

ОНЕЖСКІЯ БЫЛИНЫ,

ЗАПИСАННЫЯ

АЛЕКСАНДРОМЪ ѲЕДОРОВИЧЕМЪ

ГИЛЬФЕРДИНГОМЪ

ЛѢТОМЪ 1871 ГОДА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

(СЪ ПОРТРЕТОМЪ А. Ѳ. ГИЛЬФЕРДИНГА).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ,
Вас. Остр., 9 лин., № 12
1894.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, май 1894 г.
Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе III
Александръ Ѳеодоровичъ Гильфердингъ. . . . . V—XX
Олонецкая губернія и ея народные рапсоды. . . . . 1—62

БЫЛИНЫ

I.

ПОВѢНЕЦКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ.—ТОЛВУЙ.

ПОВѢНЕЦЪ.

I. Калинкинъ, Петръ Лукичъ.

1. — Святогоръ. 4
2. — Садко, Волынà и Микула . 8
3. — Илья Муромецъ и Соловей Разбойникъ. 19
4. — Илья Муромецъ и Идолище. 26
5. — Добрыня Никитичъ . . . 31
6. — Михайло Потыкъ 63
7. — Ставеръ. 92
8. — Смерть Чурилы 104
9. — Дюкъ. 109
10. — Князь Карамышевскій . . 127
11. — Рахта Рагнозерскій . . . 137
12. — Наѣздъ Литовцевъ. . . . 141
13. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ 147
14. — Гришка Отрепьевъ. . . . 156

II. Фомина, Аксинья Кузминишна.

15. — Вольгà 158
16. — Илья Муромецъ. 160
17. — Добрыня и Маринка . . . 163
18. — Василій Игнатьевичъ и Батыга. 166
19. — Хотенъ Блудовичъ. . . . 169
20. — Дюкъ. 171

III. Кононова, Домна Дмитріевна.

21. — Ставеръ. 177

IV. Коргаковъ, Ѳедоръ Александровичъ.

22. — Илья Муромецъ и Идолище. 183
23. — Добрыня и Алеша 186
24. — Кострюкъ. 195

V. Конбинъ, Степанъ.

25. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ 199

VI. Котòва, Мароа Трофимовна.

26. — Добрыня и Алеша 203
27. — Чурило 208
28. — Братья разбойники и сестра 211
29. — Пѣтухъ и Лисица 212

VII. **Попова**, Настасья Аѳанасьевна.

30. — Василій Буслаевичъ . . 215
31. — Два любовника 218

ТОЛВУЙ.

VIII. **Гришинъ**, Иванъ Артемьевичъ.

32. — Вольга и Микула. 220
33. — Добрыня и Алеша 224
34. — Дунай. 231
35. — Чурила 236
36. — Соловей Будиміровичъ . . 241
37. — Взятіе Азова 244

IX. **Тимоѳеевъ**, Андрей.

38. — Добрыня и Алеша 247
39. — Михайло Потыкъ 253

X. **Прохоровъ**, Петръ.

40. — Михайло Потыкъ 266
41. — Василій Игнатьевичъ и Батыга. 288
42. — Наѣздъ Литовцевъ. . . . 292

XI. **Антоновъ**, Тимоѳей.

43. — Добрыня и Алеша 296
44. — Василій Буслаевичъ . . . 303

II.

ПУДОГА.

XII. **Прохоровъ**, Никифоръ.

45. — Вольга и Микула. 312
46. — Илья и сынъ 315
47. — Илья въ ссорѣ съ Владиміромъ 322
48. — Илья Муромецъ и Идолище. 326
49. — Добрыня и Алеша 335
50. — Нѣпра и Донъ. 350
51. — Иванъ Годиновичъ. . . . 353
52. — Михайло Потыкъ 360
53. — Соловей Будиміровичъ . . 394
54. — Василій Буслаевичъ . . . 403

XIII. **Ѳеноновъ**, Иванъ.

55. — Вольга и Микула 413
56. — Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ 416
57. — Илья Муромецъ и Калинъ царь 424
58. — Послѣдняя поѣздка Ильи Муромца 434
59. — Добрыня и Змѣй. . . . 438
60. — Василій Игнатьевичъ и Батыга. 450
61. — Наѣздъ Литовцевъ. . . . 456
62. — Птицы и звѣри 462

XIV. **Антоновъ**, Потапъ Трофимовичъ.

63. — Сухманъ 469
64. — Добрыня и Змѣй. 475
65. — Добрыня и Алеша 488
66. — Василій Игнатьевичъ и Батыга. 504
67. — Смерть Чурилы 512
68. — Соловей Будиміровичъ . . 517

XV. **Сорокинъ**, Андрей Пантелѣевичъ.

69. — Илья Муромецъ и Калинъ царь 525
70. — Садко. 541
71. — Наѣздъ Литовцевъ . . . 560
72. — Сорокъ каликъ 573

Разнорѣчія у Рыбникова. . . . 589

GENERAL BOOKBINDING CO.
74 2 013 1 C
QUALITY CONTROL MARK

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Онежскія Былины», собранныя А. Ѳ. Гильфердингомъ, самый тщательно составленный сборникъ этихъ произведеній народнаго творчества, по праву является необходимымъ предметомъ изученія для всѣхъ лицъ, занимающихся исторіей русской словесности. Первое изданіе этого сборника, вышедшее въ 1873 г., давно уже сдѣлалось библіографическою рѣдкостью. Вотъ почему Отдѣленіе русскаго языка и словесности, по сношенію съ вдовою покойнаго А. Ѳ. Гильфердинга, приняло на себя новое изданіе «Онежскихъ Былинъ». Перепечатывая первое изданіе, находящійся въ прибавленіи къ нему «Дневникъ путешествія А. Ѳ. Гильфердинга по Олонецкой губерніи въ 1871 году» (будетъ помѣщенъ въ концѣ изданія) и статью его: «Олонецкая губернія и ея народные рапсоды» (здѣсь, какъ и въ первомъ изданіи Былинъ угольными скобками отмѣчены дополненія, сдѣланныя авторомъ послѣ напечатанія статьи его въ «Вѣстникѣ Европы»), новое изданіе присовокупляетъ: 1) біографическій очеркъ, составленный академикомъ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ; 2) былины, записанныя собирателемъ въ Новоладожскомъ уѣздѣ С.-Петербургской губерніи въ томъ же 1871 году и напечатанныя въ «Русской Старинѣ»; 3) словарь словъ областныхъ и малоупотребительныхъ въ общемъ-русскомъ языкѣ; 4) указатели, которые имѣютъ цѣлью дать полныя, такъ сказать, статистическія данныя

къ вопросамъ, касающимся былеваго эпоса; составныя части этого указателя предполагаются слѣдующія: a) указатель именъ собственныхъ, встрѣчающихся въ сборникѣ, съ перечнемъ фактовъ, касающихся этихъ именъ; b) указатель предметовъ и фактовъ, касающихся бытовой стороны эпоса; c) указатель былинныхъ эпитетовъ. Словарь и указатели составляются А. А. Ѳоминымъ, окончившимъ курсъ въ Московскомъ университетѣ. Сверхъ того, въ новое изданіе введенъ счетъ стиховъ въ каждой былинѣ; портреты и ноты, сопровождающіе первое изданіе, повторяются и во второмъ; сверхъ того прилагается портретъ Гильфердинга. Все изданіе разсчитано на три тома. Смотрѣніе за изданіемъ поручено Отдѣленіемъ академику К. Н. Бестужеву-Рюмину.

АЛЕКСАНДРЪ ѲЕОДОРОВИЧЪ ГИЛЬФЕРДИНГЪ

Александръ Ѳеодоровичъ Гильфердингъ принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ дѣятелей шестидесятыхъ годовъ и общественныхъ и литературныхъ. Его непродолжительная жизнь (онъ скончался на 42 году) посвящена была дѣятельности въ одномъ направленіи, согрѣта однимъ желаніемъ: будить сознаніе и въ родной землѣ и во всемъ славянствѣ. Оттого его зналъ весь славянскій міръ, и въ Россіи онъ встрѣчалъ болѣе сочувствія, чѣмъ противодѣйствія. Его характеръ ровный, изящный, его умъ ясный, чуждый крайностей, доставили ему особенное положеніе. Лучшимъ доказательствомъ такого его значенія служитъ общее сочувствіе къ нему, выразившееся единодушно въ литературѣ людьми всѣхъ партій по случаю его кончины, послѣдовавшей, какъ извѣстно, въ то время, когда онъ собиралъ остатки народнаго творчества въ Олонецкомъ краѣ и изучалъ бытъ мѣстнаго населенія. Была бы очень интересна подробная его біографія, но для нея нужна обширная подготовительная работа, въ особенности потому, что его служебная дѣятельность тѣсно связана съ его воззрѣніями и общимъ направленіемъ его жизни, для изученія которой необходимо и ознакомленіе съ архивами, и невозможность опредѣлить, что̀ именно лично принадлежитъ ему. Въ особенности это относится къ его участію въ преобразованіяхъ, введенныхъ въ Царствѣ Польскомъ, въ которыхъ онъ явился дѣятельнымъ сотрудни-

комъ Н. А. Милютина. Въ настоящее время ограничимся краткимъ очеркомъ его жизни и трудовъ, основываясь и на сообщеніяхъ, появившихся въ печати, и на личныхъ воспоминаніяхъ.

Александръ Ѳеодоровичъ родился 2-го іюля 1831 г. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ домѣ отца своего Ѳеодора Ивановича, служившаго директоромъ дипломатической канцеляріи при намѣстникѣ Царства Польскаго. Ѳеодоръ Ивановичъ былъ человѣкъ умный, образованный (онъ учился въ Московскомъ университетѣ), чрезвычайно добродушный и хорошій русскій патріотъ, не смотря на то, что былъ католическаго исповѣданія; онъ даже сына своего окрестилъ по православному обряду. Овдовѣвъ, Ѳеодоръ Ивановичъ посвятилъ всѣ свои досуги воспитанію сына, съ которымъ у него до конца жизни сохранились трогательныя дружескія отношенія. Воспитаніе молодому человѣку дано было самое тщательное: онъ основательно изучилъ древніе и новые иностранные языки и познакомился, что̀ тогда было рѣдкостью, съ славянскими нарѣчіями. Въ числѣ его учителей былъ извѣстный славистъ Паплонскій. Сохранилось непрерѣкаемое свидѣтельство о тогдашнемъ развитіи Гильфердинга и о тѣхъ интересахъ, которые и тогда уже занимали его: въ бумагахъ его нашлась тетрадка подъ заглавіемъ: «Краткій очеркъ исторіи славянскихъ народовъ въ IX и X столѣтіи». Здѣсь разсказывается разселеніе славянскихъ племенъ, основаніе первыхъ государствъ, проповѣдь Кирилла и Меѳодія, паденіе государствъ Болгарскаго и Моравскаго, основаніе Польскаго. Словомъ, въ этой юношеской работѣ мы встрѣчаемся съ тѣми самыми задачами, которыя занимали всю его жизнь и, что̀ всего замѣчательнѣе, съ тѣми же свойствами изложенія, которыя даютъ покойному такое высокое мѣсто въ ряду русскихъ писателей: умѣнье отдѣлить существенное отъ несущественнаго, поставить событія въ правильной исторической перспективѣ, изложить ясно, просто и положительно.

Въ 1848 г. Гильфердингъ поступилъ въ Московскій университетъ по историко-филологическому факультету. Универ-

ситетъ тогда еще былъ въ полномъ цвѣтѣ. Реформа — закрытіе каѳедры философіи, стѣсненіе преподаванія по нѣкоторымъ предметамъ, ограниченіе числа студентовъ — послѣдовала только въ 1849 г.; но и эта реформа существенно измѣнила немного, особенно на факультетѣ, выбранномъ Гильфердингомъ. Самою важною перемѣной была передача философіи профессору богословія; комплектъ студентовъ вошелъ въ силу только съ слѣдующаго года. Но не по этой причинѣ университетъ не имѣлъ такого глубокаго вліянія на Гильфердинга, какое имѣлъ на многихъ другихъ. Дѣло въ томъ, что въ 40-хъ годахъ московское интеллигентное общество рѣзко дѣлилось на два лагеря: съ одной стороны стояли западники, съ Бѣлинскимъ, только что тогда умершимъ, и Грановскимъ во главѣ, третьимъ вождемъ былъ только что эмигрировавшій Герценъ; съ другой стороны стояли славянофилы. Большинство профессоровъ Московскаго университета той поры были западниками; даже тѣ изъ нихъ, которые во многомъ сходились съ славянофилами (Буслаевъ, Соловьевъ), все-таки отдѣляли себя отъ нихъ; то же слѣдуетъ сказать и о Кавелинѣ, только что оставившемъ тогда университетъ и вліяніе котораго еще сильно чувствовалось. Близки къ славянофиламъ были только Шевыревъ и отчасти Бодянскій, впрочемъ по независимости своего характера державшій себя какъ-то особнякомъ. Гильфердингъ, по тому направленію, которое получилъ дома, не могъ стать западникомъ, а по связямъ своего отца получилъ доступъ въ славянофильскій кружокъ. Кружокъ этотъ былъ собраніемъ независимыхъ, высокообразованныхъ и ярко талантливыхъ людей: въ ихъ собраніяхъ слышались остроумныя и глубокомысленныя слова Хомякова, горячая, нравственно-чистая рѣчь К. С. Аксакова, изящная, звучащая непоколебимымъ убѣжденіемъ рѣчь Ю. Ѳ. Самарина; слышалась полная вѣры рѣчь И. В. Кирѣевскаго; говорилъ тамъ и П. В. Кирѣевскій, знатокъ народнаго творчества, проникнутый сознаніемъ народнаго духа, мало оцѣненный потому, что мало по себѣ оставилъ, но за то завѣщавшій потомству огромное богатство собраннаго имъ мате-

ріала. Попавъ въ этотъ кружокъ, молодой человѣкъ, особенно еще подготовленный къ воспріятію его взглядовъ первоначальнымъ воспитаніемъ, долженъ былъ подчиниться его вліянію. Такъ и было съ Гильфердингомъ. Изъ его университетскихъ учителей имѣлъ на него вліяніе только Григоровичъ, полгода замѣнявшій Бодянскаго. Въ «Русской Старинѣ» по смерти того и другого напечатано было письмо Гильфердинга къ Григоровичу, свидѣтельствующее, что непродолжительное преподаваніе его было плодотворно для молодого слависта. Подъ вліяніемъ филологическихъ взглядовъ Хомякова, которые онъ высказывалъ въ статьѣ, помѣщенной въ «Извѣстіяхъ II Отдѣленія Академіи Наукъ», Гильфердингъ принялся за изученіе санскритскаго языка; учителемъ его былъ К. А. Коссовичъ, а ревностнымъ товарищемъ въ занятіяхъ С. П. Микуцкій, умершій недавно преподавателемъ Варшавскаго университета, обладавшій громадною памятью словъ и формъ, любившій рискованныя сближенія, но къ сожалѣнію, не одаренный умственнымъ творчествомъ ни въ какой степени; впрочемъ не того отъ него и требовалось, а свѣдѣнія его служили значительнымъ пособіемъ. Кончивъ курсъ въ 1852 г., Гильфердингъ въ 1853 г. помѣстилъ въ «Извѣстіяхъ II Отдѣленія Академіи Наукъ» свое сочиненіе: «О сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ», и въ томъ же году защитилъ въ Московскомъ университетѣ диссертацію на степень магистра славянскихъ нарѣчій: «Объ отношеніяхъ языка славянскаго къ языкамъ родственнымъ». Филологическія работы Гильфердинга не оставили глубокаго слѣда въ наукѣ, но свидѣтельствовали о замѣчательномъ талантѣ молодого ученаго. Впослѣдствіи онъ рѣдко обращался къ филологіи: можно упомянуть объ его «Общеславянской Азбукѣ», трудѣ очень остроумномъ, но не имѣвшемъ практическаго успѣха. Отъ филологіи онъ обратился къ исторіи, какъ предмету болѣе ему сродному, и труды историческіе и публицистическіе положили основу его извѣстности и до сихъ поръ составляютъ украшеніе нашей литературы.

Въ 1854 г. появилось начало двухъ историческихъ сочи-

пеній Гильфердинга: въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» — «Письма объ исторіи Сербовъ и Болгаръ» (продолженіе было въ «Русской Бесѣдѣ»), въ «Москвитянинѣ» — «Исторія Балтійскихъ Славянъ» (продолженіе въ «Архивѣ» Калачева за 1861 г.; въ «Сочиненіяхъ, т. IV, помѣщено еще дальнѣйшее продолженіе, до смерти императора Генриха III, найденное въ бумагахъ покойнаго). Сочиненія эти, мало извѣстныя тогда у насъ, обратили на себя вниманіе въ славянскихъ земляхъ («Исторія Сербовъ» переведена на нѣмецкій языкъ). Въ нашей тогдашней исторической литературѣ они были положительною новостью: исторіей Славянъ занимались по большей части люди съ преобладаніемъ фантазіи (Венелинъ, Савельевъ-Ростиславичъ), профессора же славянскихъ нарѣчій отдавались почти исключительно филологіи и отчасти археологіи; существовалъ переводъ «Славянскихъ древностей» Шафарика, но по своему изложенію онѣ мало были доступны читателю и къ тому же обнимали только языческій періодъ. Такимъ образомъ, книги Гильфердинга были положительною новостью для тѣхъ, кто прочелъ ихъ; но прочли очень немногіе, ибо то было время преобладанія западничества. Извѣстно, что позднѣе (въ 1858) въ «Атенеѣ» австрійскій жандармъ провозглашался цивилизаторомъ между Западными Славянами. Въ сочиненіяхъ этихъ порою проглядываетъ юношеская неумѣлость; впрочемъ въ новомъ изданіи «Писемъ объ исторіи Сербовъ и Болгаръ», въ I т. «Сочиненій», вышедшемъ еще при жизни автора, она частью сглажена: уничтожена форма писемъ, уничтожены нѣкоторыя обращенія. Но это — мелочь, которая блѣднѣетъ при высокихъ ихъ достоинствахъ. Это не только исторія событій и даже смѣны учрежденій и бытовыхъ особенностей; нѣтъ, это исторія понятій и воззрѣній: передъ нами слагчивается изъ различныхъ стихій царство Болгарское и рядомъ съ нимъ образуется Сербское. Болгарское принимаетъ христіанство. Здѣсь мы видимъ значеніе христіанской проповѣди. Слѣдуетъ блистательный вѣкъ царя Симеона, его отношенія къ Византіи, причины паденія его царства: оно сложилось механически, внѣшне. Авторъ осуждаетъ

такое насильственное, внѣшнее соединеніе и видитъ въ этомъ обстоятельствѣ главную причину паденія царства Симеона. Также ярко характеризуется попытка Самуила, причины ея неудачи, изображаются преступленія его рода,— и картина выходитъ замѣчательно полная и округленная, безъ всякаго желанія блистать внѣшнею красотою разсказа и бить на эффектъ; отсутствіе эффекта при замѣчательной стройности изложенія болѣе всего поражаетъ непредубѣжденнаго читателя. Строгій критикъ можетъ остановиться на томъ, почему принято одно показаніе или оставлено другое. Можетъ быть, осужденія его будутъ иногда и правильны: объ этомъ пусть судятъ спеціалисты; но такую картину въ состояніи нарисовать немногіе даже и изъ спеціалистовъ. «Исторія Балтійскихъ Славянъ» представляетъ тѣ же достоинства, но съ тою разницею, что здѣсь въ значительной доли повѣствованіе о внѣшнихъ событіяхъ (извѣстія о которыхъ скудны) оттѣснено на задній планъ изложеніемъ особенностей быта, представляющаго такое разнообразіе въ этомъ уголкѣ славянщины, гдѣ нашли себѣ мѣсто всѣ формы политическаго устройства, которыя только встрѣчаются у древнихъ Славянъ (княжеская власть у однихъ племенъ, аристократія у другихъ, демократія у третьихъ), гдѣ встрѣчаются и попытки федеративнаго устройства, которыя, какъ основательно доказалъ Гильфердингъ, никогда не имѣли успѣха у Славянъ.

На службу Гильфердингъ поступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ и по заключеніи Парижскаго мира въ 1856 г. назначенъ былъ консуломъ въ Боснію. Время для дипломатіи русской было тяжелое: значеніе наше на Востокѣ понизилось вслѣдствіе неудачъ только что завершенной войны; постоянные наши соперники на Босфорѣ торжествовали побѣду и ревниво слѣдили за каждымъ нашимъ шагомъ; дома мало думали о вѣковыхъ задачахъ русской политики; все вниманіе было устремлено на приготовленіе внутреннихъ реформъ; восточной вопросъ казался препятствіемъ къ правильному развитію и помѣхою нашаго сближенія съ Европой.

Никогда, можетъ быть, западничество наше не заявляло себя такъ торжественно, и такъ не принижалось все національное. Общество наше было западническимъ и въ 20-хъ годахъ, но тогда роль Россіи представлялась господствующею въ Европѣ: «вождь вождей, царей диктаторъ» открылъ намъ дорогу въ Парижъ. Все ликовало, и если сознавались недостатки во внутреннемъ устройствѣ, недостатки иногда и мнимые, за то крѣпко вѣрили во внѣшнюю силу Россіи. Эта вѣра еще возросла въ слѣдующее царствованіе — и вдругъ неудача все поколебала и все подверглось сомнѣнію. Такъ внутреннiе вопросы не только затмили внѣшніе, но даже явилось сомнѣніе въ правильной постановкѣ этихъ внѣшнихъ вопросовъ.

Въ это-то время началась дипломатическая дѣятельность Гильфердинга. На Востокѣ консулъ не то, что̀ на Западѣ; тамъ онъ долженъ поддерживать мѣстное православное населеніе, слѣдственно, имѣетъ дѣло не только съ русскими подданными. Молодой консулъ съ честію занималъ этотъ постъ, находя къ счастію для себя поддержку въ умномъ и понимавшемъ дѣло директорѣ азіатскаго департамента: тогда этотъ постъ занималъ Е. П. Ковалевскій. Сараевскій консулъ былъ не только дипломатъ, онъ былъ и ученый. Побуждаемый интересомъ знанія, онъ объѣхалъ Боснію, Герцеговину и Старую Сербію и собралъ свои наблюденія въ книгѣ: «Боснія, Герцеговина и Старая Сербія» (С.-Пб. 1859). Книга эта (переиздана въ т. III «Сочиненій») представляетъ живые очерки мѣстностей, историческія воспоминанія, археологическія описанія храмовъ, литературныя замѣтки о рукописяхъ. Въ самой книгѣ и въ приложеніяхъ къ ней читатель знакомится и съ прошедшимъ и съ настоящимъ состояніемъ описанныхъ областей. Высокій интересъ предмета и необыкновенно даровитое изложеніе обратили на себя вниманіе всѣхъ интересующихся русскою литературой, безъ различія партій. Во время своего консульства Гильфердингъ написалъ по-французски обзоръ движенія у западныхъ славянъ и напечаталъ безъ имени въ Парижѣ подъ заглавіемъ: «Les Slaves

Occidentaux» въ 1858 году. Въ томъ же году Александръ Ѳедоровичъ женился на В. Ф. Ридель, съ которою былъ знакомъ еще въ Москвѣ, и скоро возвратился въ Россію.

Въ 1860 г. образовалась редакція «Энциклопедическаго Словаря». Мнѣ предложили отдѣлъ русской и славянской исторіи. По славянской мои свѣдѣнія были слабы, и я обратился за помощью къ А. Ѳ. Гильфердингу (отдѣлъ польскій принялъ на себя Ю. С. Рехпевскій). Это было поводомъ къ знакомству съ Гильфердингомъ. Хотя мы и были современниками въ университетѣ, но не встрѣчались, ибо были и на разныхъ курсахъ и на разныхъ факультетахъ. Мало по малу это дѣловое знакомство перешло въ тѣсную дружескую связь; изящная природа Гильфердинга, его необыкновенная талантливость, его житейскій тактъ неотразимо влекли къ себѣ. Онъ не любилъ говорить для разговора, и съ людьми мало знакомыми онъ былъ вѣжливъ, но неразговорчивъ; инымъ онъ являлся въ дружескомъ кругѣ и тамъ, гдѣ слово его было нужно, гдѣ приходилось защищать любимыя убѣжденія. Для меня сближеніе съ Гильфердингомъ было очень важно: это былъ первый изъ славянофиловъ, съ которымъ я сходился непмимолетно. Разговоръ его заставилъ меня вникнуть въ ученіе славянофиловъ, на которое дотолѣ я смотрѣлъ съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, вынесеннымъ изъ московскихъ литературныхъ кружковъ. Вотъ почему А. А. Григорьевъ замѣтилъ мнѣ разъ (съ нимъ, къ сожалѣнію, я былъ поверхностно знакомъ), что въ моей статьѣ: «Современное состояніе русской исторіи какъ науки» я смотрю на русскую народность слишкомъ объективно. Со времени знакомства съ Гильфердингомъ, а въ особенности съ изученія славянофиловъ (признаюсь, не сразу), я сталъ на значительно иную точку зрѣнія и почувствовалъ, что въ славянской природѣ есть нѣчто новое, своеобычное, что̀ измѣнило въ значительной степени и мой взглядъ на русскую исторію. Разговоры и сочиненія Гильфердинга много помогли мнѣ въ пониманіи особенностей славянскаго міра.

Здѣсь нахожу умѣстнымъ сказать кое-что объ общемъ направленіи воззрѣній Гильфердинга, сказавшемся какъ въ его ученыхъ трудахъ, такъ и въ его служебной и общественной дѣятельности. Слѣдующія замѣчанія были уже высказаны мною въ статьѣ «А. Ѳ. Гильфердингъ, какъ историкъ» (см. мой сборникъ: «Біографіи и характеристики». С.-Пб. 1882). Идеей, опредѣлившею всю дѣятельность Гильфердинга, было поднятіе нашего народнаго самосознанія; но это самосознаніе не ограничивалось для него географическими предѣлами Русскаго государства, ни даже этнографическими предѣлами русскаго племени: оно простиралось на весь славянскій міръ, который являлся ему однимъ цѣлымъ, не смотря на разнообразіе народовъ, его составляющихъ. Единство это являлось Гильфердингу коренным единствомъ взглядовъ, понятій. «Народный характеръ» читаемъ въ одной изъ записныхъ его книжекъ — «составляютъ не какія бы то ни были нравственныя качества, а понятія, на которыхъ онъ основываетъ свой общественный и частный бытъ. Измѣняемость нравственныхъ качествъ (вліяніе просвѣщенія и пр.); неизмѣняемость этихъ понятій. Эти понятія — плодъ первоначальной жизни народа (сравнить съ образованіемъ человѣческаго характера)». Далѣе, опровергая мнѣнія одного нѣмца, основывавшаго родство народовъ на сходствѣ нравственныхъ качествъ, онъ говоритъ: «Это то же самое, что еслибъ я, для доказательства родства своего съ такимъ-то (котораго наслѣдство, положимъ хотѣлъ бы получить), сказалъ, что онъ такой, какъ я, неуживчивый человѣкъ, такъ же предпочиталъ охоту и разбой мирному промыслу, такъ же былъ храбръ, такой же былъ пьяница, такъ же женился изъ-за денегъ, любилъ пѣсни и одѣвался одинаково. Родство народа съ народомъ, или и человѣка съ человѣкомъ, доказывается совершенно иначе». Проникнутый этими мыслями, онъ не оберегаетъ древнихъ Славянъ отъ обвиненій, напримѣръ, въ пиратствѣ и тѣмъ избавляется отъ свойственной многимъ историкамъ слабости находить у одного народа всѣ добродѣтели, а у другого — всѣ пороки; за то за понятіями онъ слѣдитъ внимательно и ихъ-то старается выста-

вить на первый планъ. Припомнимъ подробный анализъ учрежденій общественныхъ и семейнаго быта у Славянъ Балтійскихъ подъ вліяніемъ большаго или меньшаго искаженія, приносимаго Нѣмцами; припомнимъ краткій, но блистательный очеркъ исторіи Чехіи, доказывающій то же самое. Крайнимъ выраженіемъ этой мысли служитъ характеристика главнѣйшихъ народовъ арійскихъ въ «Древнѣйшей исторіи Славянъ», гдѣ три пары народовъ, чередовавшихся въ числѣ народовъ арійскихъ, Индусы и Персы, Греки и Римляне, Германцы и Славяне, раздѣлены на двѣ группы: въ одной отличительное свойство — индивидуализмъ съ его блестящимъ умственнымъ и художественнымъ развитіемъ; въ другой — общинность съ неизбѣжно соединенною съ нею способностью къ политической организаціи. Эта характеристика, возбудившая противъ себя толки, быть можетъ, потребуетъ значительныхъ смягченій, ограниченій, но тѣмъ не менѣе она не только блистательно остроумна, но и въ высшей степени важна, какъ указаніе на то, чего долженъ преимущественно добиваться историкъ въ изученіи жизни народовъ, въ чемъ онъ долженъ полагать свою главную задачу. Дѣйствительно, съ теченіемъ времени все измѣняется: и обычаи, и нравы, и экономическія отношенія, а все-таки остается что-то такое, что̀ составляетъ сущность народной жизни, и это что-то есть понятіе, выражающееся такъ или иначе средп всѣхъ измѣненій судебъ народовъ. Ясно, что, поставивъ себѣ подобную задачу, Гильфердингъ не могъ довольствоваться частными историческими изслѣдованіями, медленно подготовляющими матеріалы для будущаго зданія и долго съ сомнѣніемъ осматривающими каждый камень, годенъ ли онъ для предполагаемаго зданія; не могъ онъ также довольствоваться изложеніемъ того, что̀ уже принято въ наукѣ, имѣющей въ виду подготовить новыхъ тружениковъ на этомъ полѣ, указывать имъ, что̀ сдѣлано и чего еще не сдѣлано. Поставивъ цѣлью исторіи вообще, а слѣдовательно, и своихъ собственныхъ историческихъ трудовъ — не только изображать прошлое, т. е. указывать, на сколько народы прославили себя въ своей исторіи, но

и будить народное сознаніе въ настоящемъ, онъ не могъ ограничиться ни тою, ни другою дѣятельностью. Онъ даже съ нѣкоторою недовѣрчивостью относился къ различнымъ мнѣніямъ, многія изъ которыхъ казались ему просто ученою прихотью; а слѣдовательно, занятіе ими въ его глазахъ было бы только отвлеченіемъ отъ главной цѣли. Оттого въ его сочиненіяхъ такъ мало полемическаго элемента, что̀ имъ придаетъ особую занимательность. Что̀ бы мы ни думали по этому поводу, нельзя не согласиться, что съ своей точки зрѣнія онъ былъ совершенно правъ: онъ прокладываетъ новые пути, идетъ по нимъ; до того ли ему, чтобы доказывать, что старые никуда не годятся или годятся только въ половину!

Въ 1861 г., оставивъ министерство иностранныхъ дѣлъ, Гильфердингъ перешелъ на службу въ государственную канцелярію, гдѣ и началъ свою дѣятельность по отдѣленію государственной экономіи, которымъ въ то время управлялъ извѣстный и опытный финансистъ, нынѣ покойный А. П. Заблоцкій-Десятовскій. Въ этой, повидимому, чужой ему сферѣ Гильфердингъ скоро показалъ всю силу своихъ способностей. Приводимъ по этому случаю свидѣтельство М. И. Семевскаго[1]), бывшаго сослуживца Александра Ѳеодоровича: «Невозможно повѣрить, до какой степени легко давалась самая многосложная работа этому человѣку. Сноровка и быстрота, съ какими работалъ Гильфердингъ, почти вошла въ пословицу въ тѣхъ департаментахъ государственнаго совѣта, въ которыхъ онъ служилъ: все, что̀ другимъ доставалось нерѣдко весьма усидчивымъ и упорнымъ трудомъ, что̀ у другихъ выходило полно безчисленныхъ перемарокъ, то изъ-подъ пера Гильфердинга, въ немногіе часы, излагалось какъ-бы шутя, просто, легко, почти безъ помарки и всегда въ изложеніи краткомъ и ясномъ. Почеркъ его, кстати сказать, былъ очень четокъ и красивъ». Такимъ образомъ, и здѣсь умъ его, живой и ясный, служилъ горячо имъ любимой родной землѣ.

---

1) «Русская Старина» 1872 г., № 10.

Но скоро открылось ему другое, болѣе свойственное ему поприще: въ 1863 г. вспыхнуло польское возстаніе. Правительству пришлось и отписываться на дипломатическія ноты, и усмирять возстаніе, и преобразововать устройство Царства Польскаго. Эта послѣдняя задача поручена была Н. А. Милютину. Въ числѣ другихъ своихъ сотрудниковъ Милютинъ обратился и къ Гильфердингу, который съ тѣхъ поръ началъ работать въ комитетѣ по дѣламъ Царства Польскаго, участвуя въ то же время въ трудахъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго населенія. Дѣятельность Гильфердинга въ эти годы была обширна: онъ являлся редакторомъ офиціальныхъ бумагъ, помѣщалъ статьи въ газетахъ, въ которыхъ разъяснялся польскій вопросъ для русской публики, издалъ по-англійски брошюру (анонимно): «Polish Question». Общій свой взглядъ на лучшій способъ разрѣшенія польскаго вопроса высказалъ онъ въ 1863 г. въ слѣдующихъ словахъ одной изъ своихъ статей: «Наша обязанность тамъ — и для нашей собственной пользы, и для блага польской націи — доставить самостоятельность польскому крестьянству и употребить всѣ усилія для распространенія въ Польшѣ серьезнаго научнаго образованія. Эти вопросы несравненно важнѣе всякихъ вопросовъ о политическомъ устройствѣ Царства. Никакое политическое устройство, никакая система управленія не можетъ удовлетворить поляковъ; польскій вопросъ не разрѣшимъ никакими политическими мѣрами; польскій вопросъ можетъ быть только упраздненъ, а упразднить его могутъ только соціальныя средства». Таково же было мнѣніе и тогдашнихъ руководителей реформъ въ Царствѣ: послѣ устройства сельскаго населенія распространеніемъ на него Положенія 19-го февраля 1861 г. послѣдовалъ рядъ узаконеній объ устройствѣ учебныхъ заведеній, начиная съ низшихъ, отъ которыхъ устранено вліяніе ксендзовъ и шляхты, до среднихъ, въ которыхъ введено преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ на русскомъ языкѣ (полное обрусеніе преподованія относится къ послѣдующему времени). Устройство учебныхъ заведеній завершилось открытіемъ Вар-

шавскаго университета. Въ начертаніи этихъ уставовъ Гильфердингъ имѣлъ самое большое значеніе, хотя и не ему пришлось осуществить ихъ. Онъ также принималъ участіе въ начертаніи мѣръ для сокращенія числа католическихъ монастырей, новаго административнаго раздѣленія Царства и наконецъ въ работахъ по устройству судебной части.

Въ послѣдніе годы Гильфердингъ особенно занятъ былъ мыслью о трудѣ, который долженъ былъ сосредоточить въ себѣ всѣ ого предварительныя ученыя работы. Трудъ этотъ—«Исторія Славянъ» былъ имъ лишь только начатъ: первыя главы его появились въ «Вѣстникѣ Европы», подъ заглавіемъ: «Древнѣйшая исторія Славянъ»; въ бумагахъ покойнаго сохранились наброски еще двухъ главъ: о Славянахъ Паннонскихъ и о Скиѳахъ. Они должны были войти въ пятую часть его «Сочиненій», печатаніе которой остановилось по случаю банкротства издателя Д. Е. Кожанчикова. Труду этому покойный отдавалъ большую часть своихъ досуговъ: читалъ древнихъ писателей, отыскивалъ въ нихъ какія-либо свѣдѣнія о народахъ, въ которыхъ можно было бы признать Славянъ. Онъ не пренебрегалъ никакими свѣдѣніями и искалъ ихъ и въ твореніяхъ отцовъ церкви, и у историковъ, и у географовъ, и у писателей о земледѣліи и т. д. Множество выписокъ было имъ сдѣлано. Сколько разъ заставалъ я его у конторки надъ громадными книгами, которыя онъ внимательно изучалъ. Съ какою любовью говорилъ онъ объ этомъ трудѣ, и ему не суждено было осуществиться!..

Послѣ славянскаго съѣзда 1867 года, создалось въ Петербургѣ отдѣленіе Московскаго славянскаго благотворительнаго комитета. Сначала предсѣдатели смѣнялись, но скоро явился постоянный, и имъ былъ Гильфердингъ. Многіе еще помнятъ, съ какимъ тактомъ онъ предсѣдательствовалъ, какъ онъ умѣлъ руководить преніями, какъ онъ вдохновлялъ своими рѣчами, какъ онъ умѣлъ находить людей, направлять ихъ дѣятельность, какъ по его почину устраивались публичныя чтенія, живыя картины, которыми, съ одной стороны будился въ обществѣ интересъ къ

славянству, а съ другой — находились средства для благотворительной цѣли комитета. Его усиліями созданъ въ Прагѣ православный храмъ; но Александру Ѳедоровичу не суждено было дожить до его освященія.

Въ послѣдній годъ своей жизни Гильфердингъ былъ предсѣдателемъ этнографическаго отдѣленія Географическаго общества. Къ этой обязанности онъ относился также чрезвычайно внимательно: устраивалъ интересныя засѣданія, печаталъ важные этнографическіе труды и наконецъ самъ совершилъ капитальный этнографическій трудъ. Лѣтомъ онъ иногда уѣзжалъ далеко изъ Петербурга (разъ онъ совершилъ поѣздку къ Балканскимъ Славянамъ, откуда вывезъ собраніе рукописей, купленныхъ впослѣдствіи Хлудовымъ). Въ апрѣлѣ 1871 г. онъ задумалъ поѣздку въ Олонецкую губернію. Поводомъ къ поѣздкѣ было то обстоятельство, что скровища былиннаго эпоса, открытыя П. Н. Рыбниковымъ, возбуждали сомнѣнія въ нѣкоторыхъ ученыхъ. Гильфердингъ рѣшился лично повѣрить открытіе Рыбникова и посѣтилъ этотъ отдаленный край, гдѣ часто приходилось ему проѣзжать верхомъ по лѣсамъ и болотамъ. Трудъ его награжденъ былъ сторицею: онъ вывезъ оттуда «Онежскія былины» (изданныя уже по его кончинѣ). Гильфердингъ самъ знакомился съ пѣвцами[1]), заставляя ихъ пѣть речитативомъ, что̀ давало ему возможность записывать ихъ былины слово въ слово и даже отмѣчать удлиненіе слоговъ. Это послѣднее обстоятельство открыло ему тайну русскаго народнаго стиха. Такимъ образомъ «Онежскія былины» дали прочную основу для историковъ литературы, историковъ языка и т. д. Здѣсь въ первый разъ изслѣдователи встрѣтились съ матеріаломъ, вполнѣ годнымъ къ употребленію. Всѣ сомнѣнія замолкли сами собою. Свое путешествіе Гильфердингъ описалъ въ статьѣ «Олонецкая губернія и ея народные рапсоды» («Вѣстникъ Европы» 1872, № 3) перепеча-

1) Въ «Русской Старинѣ» 1872, № 12, напечатанъ неоцѣнимый по своему простодушію разсказъ одного изъ этихъ пѣвцовъ, Касьянова, о знакомствѣ съ Гильфердингомъ.

танной въ первомъ изданіи былинъ и повторенной въ настоящемъ, въ которой рукою мастера изображены и край, и бытъ народа и охарактеризованы пріемы пѣвцовъ. Нѣкоторые изъ нихъ пріѣзжали зимою 1871—72 г. въ Петербургъ, пѣли у Гильфердинга; а одинъ изъ нихъ, Рябининъ, пѣлъ и въ Славянскомъ комитетѣ, и въ Географическомъ обществѣ. По ходатайству Гильфердинга, черезъ Августѣйшаго предсѣдателя общества Рябинину пожалована была медаль. Лѣтомъ 1872 г. Гильфердингъ снова поѣхалъ въ Олонецкую губернію. Доѣхавъ на пароходѣ до Вознесенской пристани, онъ пересѣлъ на трешкотъ, желая прислушаться къ говору простого народа. Въ Вытегрѣ отъ почувствовалъ себя дурно, но лѣчиться не хотѣлъ и поѣхалъ въ Каргополь, откуда далѣе ѣхать не могъ: здѣсь посѣтилъ его докторъ и не могъ уже ничего сдѣлать: у больного былъ брюшной тифъ. 20-го іюня онъ скончался. Въ Каргополѣ онъ проболѣлъ всего пять дней [1]). При вѣсти о кончинѣ Гильфердинга отслужены были въ разныхъ мѣстахъ по немъ поминки. Въ Карлсбадѣ протоіерей Кустодіевъ произнесъ хорошую рѣчь, гдѣ сказалъ между прочимъ: «Мысль его многоплодно простиралась и на сѣверъ, но она болѣе утверждалась на югѣ въ той великой задачѣ, къ рѣшенію которой онъ стремился съ свойственною ему настойчивостью и благоразуміемъ». 4-го іюля тѣло Гильфердинга было привезено въ Петербургъ, встрѣчено на пристани друзьями и почитателями и похоронено въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Здѣсь тогдашній ректоръ семинаріи, впослѣдствіи епископъ Нижегородскій, нынѣ уже почившій Хрисанѳъ, со свойственнымъ ему глубокомыслiемъ и краснорѣчіемъ произнесъ рѣчь, изъ которой выпишемъ слѣдующія, проникнутыя мыслію и глубокимъ чувствомъ строки: «Это былъ дѣятель въ полномъ и широкомъ смыслѣ слова... Не напрасно и не по имени только здѣсь, у насъ, онъ былъ центромъ всѣхъ живыхъ дѣятельныхъ стремленій нашихъ во имя славянства. Всѣ мы

1) Письмо изъ Каргополя («Русская Старина» 1872, № 10).

знаемъ это, знаютъ объ этомъ и тамъ — среди самихъ славянскихъ племенъ. Въ самой государственной службѣ онъ является какъ ревностный помощникъ одного, также недавно умершаго поборника русскаго дѣла, русскихъ интересовъ въ борьбѣ съ одноплеменнымъ, но непріязненнымъ намъ народомъ. Словомъ, вся жизнь его была однимъ нераздѣльнымъ, цѣльнымъ служеніемъ одному дѣлу — одной національной идеи. «Но не то же ли говоритъ о немъ и самая смерть его, такъ поразившая насъ своею неожиданностью? Передъ нами, братья, жертва любви къ наукѣ и своему призванію, жертва ревности къ своему дѣлу. Смерть застигла его въ глухомъ краю, куда стремился онъ единственно за тѣмъ, чтобы собрать дорогія для него преданія изъ устъ народа, среди котораго еще уцѣлѣли слѣды первобытныхъ временъ, имѣющія скоро и здѣсь исчезнуть... Конецъ, достойный жизни»! [1])

14-го февраля 1873 г. петербургскій отдѣлъ Славянскаго благотворительнаго комитета собрался подъ предсѣдательствомъ И. П. Корнилова. Это торжественное засѣданіе съ присутствіемъ публики посвящено было памяти Гильфердинга. Тогда Т. И. Филипповъ прочелъ рѣчь о московскихъ годахъ жизни Гильфердинга, О. Ѳ. Миллеръ—объ его заслугахъ въ собираніи памятниковъ народнаго творчества, В. И. Ламанскій—объ его трудахъ по славянству, а нижеподписавшійся—объ его историческихъ трудахъ.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

---

1) Объ рѣчи напечатаны въ названномъ уже № «Русской Старины».

ОЛОНЕЦКАЯ ГУБЕРНІЯ

И

ЕЯ НАРОДНЫЕ РАПСОДЫ.

Мнѣ давно хотѣлось побывать на нашемъ Сѣверѣ, чтобы составить себѣ понятіе о его населеніи, которое до сихъ поръ живетъ въ эпохѣ первобытной борьбы съ невзгодами враждебной природы. Въ особенности манило меня въ Олонецкую губернію желаніе послушать хоть одного изъ тѣхъ замѣчательныхъ рапсодовъ, какихъ здѣсь нашелъ П. Н. Рыбниковъ. Самъ Павелъ Николаевичъ поощрялъ меня къ поѣздкѣ въ этотъ край, подавъ надежду, что она можетъ быть не безполезна и послѣ его работъ; онъ съ величайшею обязательностью сообщилъ мнѣ практическіе совѣты, извлеченные изъ опыта десятилѣтняго пребыванія въ Олонецкой губерніи. Имѣя передъ собою два свободныхъ мѣсяца нынѣшнимъ лѣтомъ, я расположилъ свою поѣздку такъ, чтобы посѣтить мѣстности, которыя были мнѣ указаны г. Рыбниковымъ, какъ пребываніе лучшихъ «сказителей», именно: Сѣнную Губу и Кижи на южной оконечности Заонежскаго полуострова, Толвуй на его сѣверной сторонѣ, Пудожское побережье на сѣверо-восточномъ берегу Онежскаго озера, Кенозеро въ сѣверо-восточномъ углу Пудожскаго и такъ-называемую Мошенскую сторону въ сѣверо-восточномъ углу Каргопольскаго уѣзда. Кромѣ того, предвари-

тельно переѣзда въ Сѣнную Губу, я изъ Петрозаводска заглянулъ въ Горскій погостъ и Мелую Губу; потомъ изъ Толвуя переѣхалъ въ Повѣнецъ и оттуда сдѣлалъ экскурсію черезъ Масельгу на Выгозеро и въ Даниловъ; а на Кенозеро поѣхалъ не прямымъ путемъ изъ Пудожа, а черезъ Сумозеро и Водлозеро. Эту длинную дорогу зигзагами, начатую изъ Петрозаводска 30-го іюня, я окончилъ въ Вельскѣ 27-го августа.

Я изложу съ нѣкоторою подробностью результаты моей поѣздки по отношенію къ предмету, который меня занималъ спеціально, именно — народной эпической поэзіи; но какъ Олонецкая губернія и особенно сѣверо-восточная ея часть вообще мало извѣстна, то предпошлю этимъ спеціальнымъ замѣчаніямъ нѣсколько словъ, чтобы сказать общее впечатлѣніе, какое этотъ край произвелъ на меня. Общее впечатлѣніе — и тяжелое и вмѣстѣ отрадное. Отрадно видѣть сѣверно-русскаго крестьянина этой мѣстности (другихъ не знаю и о нихъ не говорю), отрадно видѣть его *самого по себѣ;* тяжело видѣть обстановку, въ которую онъ поставленъ природою, еще тяжеле — ту, въ которой держитъ его масса сложившихся и наслоившихся недоразумѣній. Народа добрѣе, честнѣе и болѣе одареннаго природнымъ умомъ и житейскимъ смысломъ я не видывалъ; онъ поражаетъ путешественника столько же своимъ радушіемъ и гостепріимствомъ, сколько отсутствіемъ корысти. Самый бѣдный крестьянинъ, у котораго хлѣба не достаетъ на пропитаніе, и тотъ принимаетъ плату за оказанное одолженіе, иногда сопряженное съ тяжелымъ трудомъ и потерею времени, какъ нѣчто такое, чего онъ не ждалъ и не требуетъ. Онъ садится въ лодку гребцомъ, работаетъ весломъ часовъ 15 къ-ряду, не теряя до конца хорошаго расположенія духа и своей прирожденной шутливости. Пріученный большинствомъ мѣстнаго чиновничества къ крайне безцеремонному (чтобы выразиться помягче) обращенію, онъ относится къ этому съ изумительнымъ добродушіемъ и не обнаруживаетъ ни тѣни недовѣрія и непріязни къ нашему брату, человѣку привилегированнаго класса, хотя ему доводится имѣть дѣло только съ са-

мыми непривлекательными его экземплярами. При первомъ признакѣ человѣчнаго съ нимъ обхожденія, онъ такъ сказать расцвѣтаетъ, дѣлается дружественнымъ и готовъ оказать вамъ всякую услугу, но между тѣмъ никогда не впадаетъ въ тотъ тяжелый тонъ грубой, безтактной фамиліарности, отъ котораго не всегда можетъ удержаться простолюдинъ на Западѣ, когда съ нимъ захочетъ сблизиться человѣкъ изъ болѣе образованнаго слоя общества. Что касается матеріальной обстановки сѣверно-русскаго крестьянина и его экономическаго быта, то для сужденія о томъ потребовались бы совсѣмъ другія изслѣдованія, чѣмъ тѣ, какимъ я посвятилъ свое время въ эту поѣздку. Ограничусь только самыми общими замѣчаніями. Матеріальная обстановка сѣверно-русскаго крестьянина нѣсколько сносна у Онежскаго озера, потому что тутъ онъ располагаетъ обширнымъ водоемомъ, который находится въ прямой связи съ Петербургскимъ портомъ; но дальше къ сѣверу и востоку вы видите только лѣсъ, лѣсъ и болото и опять лѣсъ; озёра, разбросанныя въ этомъ краѣ, служатъ только для сообщенія между деревнями, ихъ окружающими. Климатъ такой, что здѣсь природа отказываетъ въ томъ, безъ чего намъ трудно себѣ представить жизнь русскаго человѣка; у него нѣтъ ни капусты, ни гречи, ни огурцовъ, ни луку; овесъ, разными способами приготовляемый, составляетъ существеннѣйшую часть пищи. Отсутствуетъ и другая принадлежность русскаго народа — телега. Телега не можетъ пройти по тамошнимъ болотистымъ дорогамъ. Она появляется только 35 верстъ южнѣе Кенозера, въ Ошевенской волости, съ которой начинается болѣе сухая и плодородная часть Каргопольскаго уѣзда. Сѣвернѣе, около Кенозера, Водлозера, Выгозера и по Заонежью возятъ что̀ нужно и лѣтомъ на саняхъ (дровняхъ), или же на волока́хъ, то есть оглобляхъ, которыя передними концами прикрѣплены къ хомуту, а задними волочатся по землѣ; къ нимъ придѣлана поперечная доска, къ которой привязывается кладь. Когда же нужно ѣхать человѣку, онъ отправляется верхомъ тамъ, гдѣ не можетъ пользоваться водянымъ со-

общежіемъ. Для своза хлѣба съ ближайшихъ къ деревнямъ полей есть кое-гдѣ двухколесныя таратайки, съ неуклюже сколоченными, скорѣе многоугольными, чѣмъ круглыми, деревянными безъ желѣзныхъ шинъ колесами, таратайки, передъ которыми здѣшнія чухонскія кажутся усовершенствованнымъ экипажемъ.

Легко вообразить, но трудно передать словами, какого тяжелаго труда требуетъ отъ человѣка эта сѣверная природа. Главныя и единственно-прибыльныя работы — распахиваніе «нивъ», то есть полянъ, расчищаемыхъ изъ-подъ лѣсу и черезъ три года забрасываемыхъ, и рыбная ловля въ осеннее время — сопряжены съ невѣроятными физическими усиліями. Но, чтобы существовать, крестьянинъ долженъ соединять съ этимъ и всевозможные другіе заработки: потому никто не ограничивается однимъ хлѣбопашествомъ и рыболовствомъ; кто занимается въ свободное время какимъ-нибудь деревенскимъ ремесломъ, кто идетъ въ извозъ къ Бѣлому морю зимою, а лѣтомъ въ бурлаки на каналъ, кто «полѣсуетъ», то есть стрѣляетъ и ловитъ дичь и т. д. Женщины и дѣвушки принуждены работать столько же, сколько мужчины. Крестьянинъ этихъ мѣстъ радъ и доволенъ, если совокупными усиліями семьи онъ, по тамошнему выраженію, «огорюетъ» какъ-нибудь подати и не умретъ съ голоду. Это — народъ-труженикъ въ полномъ смыслѣ слова.

И что особенно грустно, это слышать единогласно и повсемѣстно и видѣть несомнѣнные признаки, что тамошній народъ бѣднѣетъ, что положеніе его ухудшилось въ послѣднее время противъ прежняго. Это — благодаря нашей братьѣ бюрократамъ. Кому-то изъ нихъ пришло въ голову, что интересъ казны требуетъ охраненія лѣсовъ нашего Сѣвера отъ крестьянъ, которые распахиваютъ въ нихъ свои «нивы». Подсѣчное хозяйство было сочтено за неправильное, хищническое, варварское; забыли только, что безъ него тамъ жить нельзя; что только свѣжая лѣсная земля даетъ въ этомъ климатѣ урожай, окупающій трудъ; что распахиваются только такія мѣста, на которыхъ растетъ мелкій березовый и ольховый лѣсъ, никуда не годный, а цѣннаго

лѣсу не трогаютъ по той простой причинѣ, что земля, на которой растетъ сосна и лиственица, подъ посѣвъ не годится; что наконецъ полянки, которыя крестьяне въ силахъ распахать, составляютъ самую микроскопическую величину въ безконечности тамошнихъ «суземковъ» — поросшихъ лѣсомъ безлюдныхъ пространствъ, раздѣляющихъ поселенія на нашемъ Сѣверѣ. Нѣтъ, казенный интересъ превыше всего, а казенный интересъ требуетъ-молъ охраненія лѣсовъ! И вотъ крестьянскія расчистки были обставлены такими стѣсненіями, что, при добросовѣстномъ и «неусыпномъ» исполненіи на мѣстѣ предписаній, населеніе цѣлыхъ волостей вдругъ лишалось главнаго средства пропитанія, и крестьяне благословляли судьбу тамъ, гдѣ исполнитель позволялъ себя усыплять.

Это — одно изъ проявленій бюрократической опеки на нашемъ Сѣверѣ. Но есть проявленіе болѣе общее и также неотрадное, хотя оно не такъ ощутительно въ матеріальномъ отношеніи. Извѣстно, что всѣ крестьяне сѣверныхъ уѣздовъ Олонецкой губерніи принадлежатъ къ разряду крестьянъ государственныхъ. Какіе были ихъ внутренніе распорядки въ прежнія времена — не знаю; но со времени учрежденія министерства государственныхъ имуществъ они попали подъ непосредственную чиновничью опеку. Хоть имъ предоставлялись всѣ формы выборнаго общественнаго самоуправленія, но въ сущности вся власть передана была въ руки окружного начальства, и выборные головы и расправы стали только исполнителями его приказаній. Это до такой степени отучило тамошнихъ крестьянъ отъ серьезнаго отношенія къ своему общественному управленію, что и въ настоящее время, когда опека снята, они слишкомъ недовѣрчиво смотрятъ на данныя имъ права, считаютъ мирового посредника такимъ же начальникомъ, какимъ былъ окружной, и неохотно идутъ на общественныя должности, видя въ нихъ одни только хлопоты и отвѣтственность. По всей вѣроятности, пройдетъ цѣлое поколѣніе, пока изгладится этотъ мертвящій слѣдъ прежней чиновничьей опеки.

Но гдѣ слѣды бюрократическихъ «мѣропріятій» производятъ потрясающее впечатлѣніе, это — въ сѣверной части Повѣнецкаго уѣзда, около Выгозера! Едва ли есть страна, гдѣ жизнь горьчѣе для человѣка: ибо земля почти отказываетъ ему въ вознагражденіи за ея обработку, хлѣбъ то и дѣло вымерзаетъ, рыбы не много и не такая, которая годилась бы для вывоза, сплавлять лѣсъ некуда, звѣриный промыселъ недостаточенъ, чтобы кормить населеніе, слишкомъ для этого густое. Словомъ, здѣсь нужно безконечное, безысходное труженичество, чтобы только прокормиться. Какое же остается утѣшеніе человѣку при такой жизни? Одно единственное — религія, и дѣйствительно: народъ здѣсь отличается особенною набожностью. Но что же? Вы пріѣзжаете въ село, и среди опрятныхъ, красивыхъ его избъ васъ поражаетъ видъ какой-то печальной развалины. Проходя мимо, крестьяне, васъ провожающіе, благоговѣйно снимаютъ шапки и крестятся. — «Что это такое за развалина?» — «Да это была наша часовня, а лѣтъ двадцать тому назадъ пришелъ изъ Питера приказъ, да пріѣзжалъ изъ губерніи чиновникъ, вывезъ наши образа, запечаталъ часовню, снялъ съ нея крестъ и запретилъ намъ до нея дотронуться. Такъ она и стоитъ вотъ ужь двадцать лѣтъ и скоро совсѣмъ развалится». — «А гдѣ же теперь бываетъ у васъ богослуженіе?» — «Да нигдѣ, батюшко, потому намъ всякое «оказательство» запрещено». Другой крестьянинъ — православный — поясняетъ, что въ этомъ селѣ живутъ все раскольники, и начальство строго смотритъ, чтобы не было у нихъ богослуженія. И это не въ одномъ мѣстѣ, а то же самое почти въ каждомъ селѣ: вездѣ развалившіяся часовни, запечатанныя по распоряженіямъ изъ Петербурга; кладбища съ заколоченными воротами, въ которыя строго воспрещено входить, дабы кто-нибудь изъ раскольниковъ не отважился служить заупокойную службу по родителямъ, вездѣ это доброе, привѣтливое, кроткое населеніе труженниковъ-Выгозеровъ лишено утѣшенія религіи! И всего курьезнѣе, что это дѣлается не изъ какого-нибудь фанатизма къ православію, а просто такъ, по канцелярской рутинѣ.

Со мной ѣхалъ русскій простолюдинъ, петербургскій житель. Когда мы проѣхали первыя раскольничьи селенія, онъ вдругъ сдѣлалъ мнѣ такой наивный вопросъ: «Скажите, отчего это у насъ въ Петербургѣ позволяютъ и католикамъ, и лютеранамъ имѣть свои церкви на Невскомъ проспектѣ, и позволяютъ жидамъ и мусульманамъ служить по своей вѣрѣ, а здѣсь такъ стѣсняютъ нашихъ русскихъ мужичковъ въ ихъ вѣрѣ? Вѣдь они, какъ мы, вѣруютъ въ Господа Іисуса Христа, а не то, что жиды, которые Христа проклинаютъ; у нихъ тѣ же святые и тѣ же молитвы какъ у насъ, а не то что у лютеранъ и католиковъ, а ихъ такъ стѣсняютъ, что даже покойника не даютъ отпѣть и въ самый большой праздникъ не позволяютъ служить!». Признаюсь, я не нашелъ отвѣта. Нашелъ ли бы что отвѣчать кто-либо изъ моихъ благосклонныхъ читателей!

Ограничиваюсь этими общими впечатлѣніями и перехожу къ тому, что меня преимущественно занимало въ Олонецкомъ краѣ, именно — къ остаткамъ народной эпической поэзіи. Побывавши въ Олонецкой губерніи, особенно — въ сѣверной и восточной ея частяхъ, легко уяснить себѣ причины, по которымъ могла сохраниться здѣсь въ народной памяти эпическая поэзія, давно исчезнувшая въ другихъ мѣстахъ Россіи. Этихъ причинъ двѣ, и необходимо было ихъ совмѣстное дѣйствіе; эти причины— *свобода* и *глушь*.

Народъ здѣсь оставался всегда свободнымъ отъ крѣпостного рабства. Ощущая себя свободнымъ человѣкомъ, русскій крестьянинъ Заонежья не терялъ сочувствія къ идеаламъ свободной силы, воспѣваемымъ въ старинныхъ рапсодіяхъ. Напротивъ того, что могло бы остаться сроднаго въ типѣ эпическаго богатыря человѣку, чувствовавшему себя рабомъ?

Въ то же время свободный крестьянинъ Заонежья жилъ въ глуши, которая охраняла его отъ вліяній, разлагающихъ и убивающихъ первобытную эпическую поэзію: къ нему не проникали ни солдатскій постой, ни фабричная промышленность, ни новая мода; его едва коснулась и грамотность, такъ что даже

въ настоящее время грамотный человѣкъ между крестьянами этого края есть весьма рѣдкое исключеніе. Такимъ образомъ, здѣсь могли удержаться въ полной силѣ стихіи, составляющія необходимое условіе для сохраненія эпической поэзіи: вѣрность старинѣ и вѣра въ чудесное. Вѣрность старинѣ такова, что она препятствуетъ даже такимъ нововведеніямъ, которыхъ польза очевидна и которыя приняты во всей Россіи. Такъ, напримѣръ, сѣно косятъ не косами, а горбушами, не только тамъ, гдѣ это можетъ быть удобно, то есть между деревьями и по кочкамъ, а на самыхъ гладкихъ и хорошихъ лугахъ, хотя косьба горбушами требуетъ вдвое больше напряженія и времени. Изъ крестьянъ болѣе развитые сами признаютъ это, но говорятъ, что ничего не подѣлаешь: «наши дѣды и отцы косили горбушею»; это доводъ, противъ котораго заонежскій крестьянинъ не принимаетъ возраженія. Тотъ же отцовскій и дѣдовскій обычай поддерживаетъ изнурительное для лошади употребленіе дровней лѣтомъ даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ можно бы пользоваться телегою. Какъ было при отцахъ и дѣдахъ, такъ должно оставаться и теперь: понятно, какое это благопріятное условіе для сохраненія древнихъ преданій и былинъ. Въ то же время вся совокупность условій, въ которыхъ живетъ этотъ народъ, устраняетъ отъ него все, что могло бы ослабить въ немъ наивность дѣдовскихъ вѣрованій. Безъ вѣры въ чудесное не возможно, чтобы продолжала жить природною, непосредственною жизнію эпическая поэзія. Когда человѣкъ усомнится, чтобы богатырь могъ носить палицу въ сорокъ пудъ или одинъ положить на мѣстѣ цѣлое войско, — эпическая поэзія въ немъ убита. А множество признаковъ убѣдили меня, что сѣверно-русскій крестьянинъ, поющій былины, и огромное большинство тѣхъ, которые его слушаютъ, безусловно вѣрятъ въ истину чудесъ, какія въ былинѣ изображаются. Мнѣ очень памятенъ переѣздъ съ Сумозера на Водлозеро; меня сопровождалъ извѣстный уже г. Рыбникову сказитель Андрей Сорокинъ и отъ скуки затянулъ длинную былину про сорокъ калекъ съ калекою. Между нимъ и мною ѣхалъ хо-

зялъ лошади, которая шла подо мною, и онъ, никогда не слыхавъ этой былины, постоянно сопровождалъ ее своими замѣчаніями. «Ахъ она мерзкая баба», повторилъ онъ нѣсколько разъ, слушая, какъ княгиня Опраксія соблазняла каличьяго атамана сотворить съ нею грѣхъ. «Эка братъ бѣда пришла!» воскликнулъ онъ, когда у атамана въ подсумкѣ оказалась положенная туда мстительною княгинею чаша княженецкая, и атаману пришлось самому осудить себя на жестокую казнь:

А не рушайте вы заповѣди великіей,
А какъ вы сѣките мнѣ ноги рѣзвыи,
А й рубите-тко руки бѣлыи,
А й со лба-то копайте очи ясныи,
А й тяните-ко языкъ мнѣ-ка со темени,
А й копайте какъ по грудямъ во матушку сыру-землю.

«Вотъ чудесно, право!» было его заключеніе, когда пѣвецъ пропѣлъ о томъ, какъ приходилъ Микола Можайскій,

А ему вложилъ да ноги рѣзвыи,
А вложилъ да руки бѣлыи,
А положилъ ему да очи ясныи,
Положилъ языкъ во темя вѣдь,
А й положилъ какъ здыханье во бѣлу́ю грудь.

Словомъ, мой провожатый слушалъ всю эту былину съ такою же вѣрою въ дѣйствительность того, что̀ въ ней разсказывается, какъ еслибы дѣло шло о событіи вчерашняго дня, правда, необыкновенномъ и удивительномъ, но тѣмъ не менѣе вполнѣ достовѣрномъ. То же самое наблюденіе мнѣ пришлось дѣлать много разъ. Иногда самъ пѣвецъ былины, когда заставишь пѣть ее съ разстановкою, необходимою для записыванья, вставляетъ между стихами свои комментаріи, и комментаріи эти свидѣтельствуютъ, что онъ вполнѣ живетъ мыслію въ томъ мірѣ, который воспѣваетъ. Такъ, напримѣръ, Никифоръ Прохоровъ сопровождалъ событія, описываемыя имъ въ былинѣ о Михайлѣ По-

тыкѣ, такими замѣчаніями: «каково, братцы, три мѣсяца прожить въ землѣ!» или: «вишь поганая змѣя, выдумала еще хитрить»; или «вотъ, подумаешь, бабьи уловки каковы» и т. д. Когда со стороны какого-нибудь изъ грамотѣевъ заявляется сомнѣніе, дѣйствительно ли все было такъ, какъ поется въ былинѣ, рапсодъ объясняетъ дѣло весьма просто: «въ старину-де люди были вовсе не такіе какъ теперь». Только отъ двухъ сказителей я слышалъ выраженіе нѣкотораго невѣрія; и тотъ, и другой не только грамотные, но и начётчики, одинъ перешедшій изъ раскола въ единовѣріе, другой недавно «остаровѣрившійся». И тотъ, и другой говорили мнѣ, что имъ трудно вѣрится, будто богатыри дѣйствительно имѣли такую силу, какая имъ приписывается въ былинахъ, будто, напримѣръ, Илья Муромецъ могъ побить сразу 40 тысячъ разбойниковъ, но что они поютъ такъ, потому что такъ слышали отъ отца. Но эти скептики составляютъ самыя рѣдкія исключенія.

Огромное большинство живетъ еще вполнѣ подъ господствомъ эпическаго міросозерцанія. Потому неудивительно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого края эпическая поэзія и теперь ключомъ бьетъ.

Я никакъ не ожидалъ найти въ этомъ отношеніи такой богатой жатвы. Имѣя въ виду, что сборникъ г. Рыбникова былъ плодомъ многолѣтняго пребыванія въ краѣ, я, располагавшій только двумя мѣсяцами, вовсе не разсчитывалъ въ началѣ на возможность его сколько-нибудь существенно дополнить, а хотѣлъ только удовлетворить личному любопытству знакомствомъ съ нѣсколькими «сказителями». Между тѣмъ счастливый случай скоро заставилъ меня изъ туриста превратиться въ собирателя. Въ Петрозаводскѣ указали мнѣ слѣпого старика крестьянина, пріѣхавшаго туда для закупокъ. Онъ сначала неохотно сознался, что знаетъ кое-какія «старины», но какъ собирался ѣхать домой въ ту же сторону, куда лежалъ путь и мнѣ, то согласился сѣсть въ мою лодку. Дорогой я упросилъ его сказать свои старины, и старикъ Іевъ Еремѣевъ запѣлъ превосходную былину про пре-

вращенія Добрыни подъ магическимъ дѣйствіемъ нашей русской Цирцеи, Маринки:

Она стало-то Добрынюшку обвертывати:
Обвернула-то Добрыню да сорокою,
Обвернула-то Добрыню да вороною,
Обвернула-то Добрыню да свиньею,
Обвернула-то Добрынюшку гнѣдымъ туромъ:
Рожки у тура да въ золоти,
Ножки у тура да въ серебри,
Шерсть на туру да рыжа бархату.

Мнѣ не приходилось читать столь полнаго и архаическаго пересказа этой былины, и впечатлѣніе, подъ которымъ я находился, усилилось еще болѣе, когда я тутъ же изъ разговора Іева Еремѣева съ другими крестьянами узналъ, что онъ — завзятый раскольникъ.

Между тѣмъ, руководствуясь сборникомъ г. Рыбникова и объясненіемъ его [1]), я былъ увѣренъ, что у раскольниковъ нельзя найти никакихъ остатковъ народнаго эпоса, и думалъ, что посѣщеніе мѣстъ, гдѣ преобладаетъ старообрядчество, было бы для меня потерею времени. Явно языческая былина, пропѣтая человѣкомъ, извѣстнымъ своими раскольничьими убѣжденіями, совершенно мѣняла эти предположенія, отчасти даже самый планъ путешествія. Я сталъ подозрѣвать (а потомъ вполнѣ убѣдился), что г. Рыбниковъ не могъ найти ничего у старообрядцевъ по своему

1) См. «Замѣтку» его, т. III, стр. IX: «Шунгскіе туземцы смотрѣли на старину даже не совсѣмъ доброжелательно. Ихъ занимала только религіозная старина, и тутъ у меня подтвердилось замѣчаніе, сдѣланное мною еще въ Черниговской губерніи: гдѣ сильно развьется старообрядчество, тамъ народъ интересуется памятниками поэзіи и вообще искусства лишь на столько, на сколько они причастны религіозной области, и на сколько они поддерживаются обычаемъ, возымѣвшимъ силу съ XVII вѣка. Къ мірскимъ пѣснямъ ревностные старовѣры большею частію относятся еще съ тѣмъ настроеніемъ, которое вызвало въ аскетахъ древней Руси такого рода запрещеніе: «пѣсней сатанинскихъ не пѣти и мірскихъ людей не соблазняти». Потому въ Повѣнецкомъ уѣздѣ слышно едва-едва про двухъ-трехъ сказителей».

личному положенію, какъ членъ мѣстной губернской администраціи, но что въ дѣйствительности былины поются и раскольниками. Вмѣсто того, чтобы избѣгать мѣстъ населенныхъ старовѣрами, я рѣшился побывать въ самомъ центрѣ этого населенія, на Выгозерѣ. Программа на случай встрѣчи съ старообрядцами была у меня готовая: обходиться съ ними вѣжливо, не употреблять выраженій, оскорбительныхъ для ихъ религіознаго чувства, не вызывать религіозныхъ споровъ, а когда зайдетъ рѣчь о религіи, относиться къ ихъ вѣрованіямъ тѣмъ тономъ уваженія, которымъ принято въ образованномъ обществѣ говорить съ иновѣрцемъ объ его религіозныхъ убѣжденіяхъ. Программа, кажется, не хитрая, но, сколько мнѣ удалось замѣтить, она была тамъ до нѣкоторой степени новостью. Не знаю, приписать ли моей программѣ, что предвѣщанія, мною слышанныя, будто я встрѣчу со стороны раскольниковъ самый грубый пріемъ, и что они мнѣ ничего не сообщатъ, нигдѣ не сбывались. Разумѣется, я не дѣлалъ никакихъ щекотливыхъ разспросовъ; но былины они вездѣ охотно сказывали и позволяли записывать. Въ одномъ случаѣ нельзя было даже ожидать такого довѣрія. Мнѣ было извѣстно имя одного крестьянина въ Каргопольскомъ уѣздѣ, какъ отличнаго сказителя. Пріѣхавъ въ ту мѣстность, гдѣ онъ живетъ, я хотѣлъ послать нарочнаго, чтобы пригласить его къ себѣ. «Это совершенно безполезно»,—отвѣчалъ мнѣ хозяинъ дома, гдѣ я остановился;—«деньги, которыя вы заплатите гонцу (а нужно было ѣхать верстъ за 40 по очень дурной дорогѣ верхомъ) пропадутъ даромъ. Этотъ человѣкъ недавно только, всего года три тому, остаровѣрился (то есть перешелъ изъ православія въ расколъ) и боится попасть за это подъ отвѣтъ; онъ ни за что не поѣдетъ къ вамъ». Тѣмъ не менѣе я настоялъ на посылкѣ гонца, который на другой день вернулся съ весьма неопредѣленнымъ отвѣтомъ, «что молъ подумаетъ, что ему нездоровится» и проч.—«Ну, я такъ и зналъ»,—говорилъ мой хозяинъ;—«нѣтъ онъ не пріѣдетъ».—«А ежели я къ нему поѣду, то скажетъ ли онъ свои былины?»—«Конечно скажетъ, гостю вѣдь отказать нельзя».

Я уже сталъ собираться въ дорогу, какъ прискакалъ самъ «остаровѣрившійся» сказитель, который, дѣйствительно, своими былинами оправдалъ желаніе его послушать. Потомъ я узналъ, что онъ, по дорогѣ, заѣзжалъ къ какой-то наставницѣ, которая тамошнимъ раскольникамъ «за попа служитъ», и что она ему разрѣшила ѣхать сказывать старины.

Очень помогла мнѣ въ собираніи былинъ и другая, тоже совершенно случайная встрѣча при самомъ началѣ моей поѣздки.

Еще на пароходѣ, везшемъ меня изъ Петербурга, найдя себѣ мѣстечко на носовой палубѣ, я разговорился тутъ съ нѣкоторыми крестьянами изъ Заонежья, разспросилъ ихъ о сказителяхъ, которые мнѣ извѣстны были по книгѣ г. Рыбникова, и узналъ между прочимъ, что объ одномъ изъ этихъ сказителей, Абрамѣ Евтихіевѣ, можно получить свѣдѣнія въ самомъ Петрозаводскѣ, потому что тамъ живетъ его сынъ. Старикъ оказался въ гостяхъ у сына, и уже въ самый день моего пріѣзда я имѣлъ удовольствіе услышать его прекрасныя былины. Мы съ нимъ сошлись такъ, что онъ охотно согласился сопровождать меня по всему Заонежью и до самого Каргополя и былъ мнѣ весьма полезенъ. Будучи по ремеслу крестьянскимъ портнымъ, онъ всю осень и зиму ходитъ по деревнямъ Заонежья, останавливаясь тамъ, гдѣ нужна его работа. Такимъ образомъ у него есть знакомые во всѣхъ углахъ этого края, и благодаря ему, легко устранялось недовѣріе, съ какимъ крестьяне обыкновенно смотрятъ на пріѣзжаго изъ Петербурга. Я старался останавливаться въ такихъ селеніяхъ, гдѣ можно было разсчитывать навѣрно услышать былины; а пока я ихъ тамъ записывалъ, Абрамъ Евтихіевъ, бывало, пойдетъ по окрестности, иногда далеко, верстъ за 40 и даже за 50, «доставать сказителей», какъ онъ выражался; удостовѣренные имъ, что они будутъ вознаграждены, крестьяне шли очень охотно сообщить свои былины; потомъ слухъ о вознагражденіи приводилъ и такихъ, про которыхъ мы не знали. Случалось такъ, что инымъ приходилось ждать по два и по три дня, между тѣмъ какъ я записывалъ былины

до полнаго физическаго утомленія. Такимъ образомъ въ короткое время двухъ мѣсяцевъ удалось найти 70 человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, знающихъ былины. Я долженъ прибавить, что въ этомъ числѣ 16 человѣкъ[1]) извѣстны были частію лично, частію чрезъ посредство другихъ г. Рыбникову, что за симъ 5 человѣкъ[2]), отъ которыхъ у него записаны былины, съ того времени умерли, и что наконецъ 7 человѣкъ, упоминаемыхъ въ его сборникѣ, либо остались въ сторонѣ отъ моего пути, либо случайно не были мною отысканы. При знакомствѣ съ пѣвцами и пѣвицами былинъ я старался обращать вниманіе на личныя обстоятельства каждаго, чтобы уяснить себѣ вліяніе личности сказителя на характеръ самыхъ рапсодій; въ составляемомъ мною сборникѣ читатели найдутъ біографическія свѣдѣнія о каждомъ сказителѣ и сказительницѣ. Здѣсь позволю себѣ привести нѣкоторыя общія замѣчанія, основанныя на знакомствѣ съ этими 70-ю личностями.

Прежде всего необходимо имѣть въ виду, что былины сохранились только въ средѣ крестьянъ; я упомяну ниже объ единственномъ встрѣченномъ мною исключеніи, которое впрочемъ имѣетъ совершенно случайный характеръ. Мнѣ указывали на какого-то пономаря, а въ другомъ мѣстѣ на дьячка, которые будто бы знаютъ «старины»; обнадеживали, что услышу «старины» отъ одного изъ такъ-называемыхъ «обѣльныхъ вотчинниковъ» въ Чолмужахъ. Но оказалось, что пономарь разсказываетъ только какія-то сказки, что дьячекъ есть повѣствователь

---

1) Рябининъ, Кузьма Романовъ, Прохоровъ, Паромскій старикъ (то есть Иванъ Сивцевъ), Бутылка (то есть Абрамъ Евтихіевъ), Сорокинъ, Федотовъ (то есть Дутиковъ), Гевлевъ, Потахинъ (то есть Потапъ Антоновъ), Щеголёнокъ, Корниловъ, Сарафановъ, Никитинъ, Михайло Богдановъ (то есть Михайло Ивановъ), Лукинъ и слѣпой Иванъ (то есть Иванъ Федоновъ). Къ этому числу слѣдуетъ прибавить еще упоминаемую въ сборникѣ г. Рыбникова «племянницу Щеголёнка» (то есть Прасковью Гавриловну Юхову изъ дер. Ятовщины Кижской волости): она мнѣ пѣла былины, но ихъ ужь такъ плохо помнила и такъ путала, что я съ ея словъ ничего не рѣшился записать.

2) Леонтій Богдановъ, Трофимъ Романовъ, Василій Лазаревъ, Амосовъ и Самсонъ.

анекдотовъ, а обѣльный вотчинникъ въ Чолмужахъ знаетъ наизустъ жалованную грамоту царя Михаила Ѳеодоровича его предку.

Во-вторыхъ: почти всѣ наши рапсоды неграмотные. Я встрѣтилъ только пятерыхъ грамотныхъ между 70-ю пѣвцами и пѣвицами былинъ (Василій Акимовъ, Андрей Сарафановъ, Иванъ Касьяновъ въ Кижскомъ краѣ, Иванъ Кропачевъ на Кенозерѣ и Николай Швецовъ на Мошѣ).

Въ-третьихъ: былины поются православными и старовѣрами совершенно одинаково, безъ малѣйшаго признака измѣненія ихъ у послѣднихъ подъ вліяніемъ ихъ религіозныхъ идей.

Въ-четвертыхъ: пѣніе былинъ не развилось на нашемъ Сѣверѣ въ профессію, какъ было въ древней Греціи, въ средніе вѣка на Западѣ, и какъ мы видимъ въ Малороссіи, а остается дѣломъ домашняго досуга людей, которымъ память и голосъ позволяютъ усвоивать себѣ «старины». Профессіональный характеръ имѣетъ пѣніе духовныхъ стиховъ, составляющее источникъ дохода для нищихъ «каликъ» на ярмаркахъ и въ храмовые праздники; но калики почти не знаютъ народныхъ былинъ. Я встрѣтилъ только одного такого пѣвца по профессіи (Ивана Фепонова, извѣстнаго уже по сборнику г. Рыбникова подъ именемъ слѣпого Ивана), который соединяетъ съ пѣніемъ духовныхъ стиховъ знаніе былинъ; но на послѣднія онъ смотритъ, какъ на нѣчто второстепенное и постороннее для его профессіи. Но за то почти всѣ крестьяне и крестьянки, которыя поютъ былины, сверхъ того знаютъ и духовные стихи, особенно про Алексѣя человѣка божія, Егорія-храбраго, Анику-воина, царя Соломона и Голубиную Книгу. Я полагаю, что эти стихи ими выше цѣнятся и чаще поются, чѣмъ народныя былины.

Между сказителями, мною встрѣченными, только у одного можно было отчасти замѣтить, что онъ придаетъ нѣкоторымъ образомъ практическую цѣну знанію былинъ и считаетъ себя какъ бы пѣвцомъ былинъ по профессіи; это извѣстный по сборнику г. Рыбникова Кузьма Романовъ. Когда я пріѣхалъ въ его

сосѣдство и послалъ пригласить его, то онъ отказался-было идти, потому-де, что недавно передъ этимъ какой-то баринъ заставилъ его пропѣть нѣсколько былинъ и далъ ему за это всего 10 коп. Подобнаго меркантильнаго взгляда я рѣшительно ни у кого другого изъ пѣвцовъ былинъ не встрѣчалъ; напротивъ, они обыкновенно удивлялись, что я платилъ деньги за былины, и одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ сказителей, молодой парень на Выгозерѣ, получивъ за то, что пропѣлъ мнѣ нѣсколько былинъ, больше, чѣмъ сколько могъ бы въ то же время заработать въ полѣ, сталъ потомъ объявлять во всеуслышаніе, что отнынѣ не будетъ пропускать мимо ушей ни одной былины, а все станетъ заучивать, потому что теперь-де видитъ, что и это знаніе имѣетъ свою цѣну. Что же касается до Кузьмы Романова, то его взглядъ на пѣніе былинъ, какъ на свою профессію, образовался, какъ кажется, только въ недавнее время, благодаря пользѣ, которую оно ему принесло: слѣпой и безпомощный старикъ, онъ, по милости г. Рыбникова, принявшаго въ немъ участіе, сталъ получать пожизненное пособіе (по 6 руб. въ годъ), а затѣмъ удостоился даже приглашенія пропѣть былины предъ покойнымъ Цесаревичемъ, во время пріѣзда его высочества въ Олонецкую губернію: фактъ, который поднялъ Романова, какъ пѣвца былинъ, неизмѣримо высоко во мнѣніи мѣстныхъ жителей и его собственномъ. Читатель видитъ, что обстоятельства сложились совершенно исключительно, чтобы придать пѣнію былинъ для Романова практическое значеніе; но, повторю, этотъ случай единственный.

Затѣмъ весьма замѣчательно, что знаніе былинъ составляетъ какъ бы преимущество наиболѣе исправной части крестьянскаго населенія. Исключенія (кромѣ весьма немногихъ лицъ, которыхъ я засталъ случайно разоренными пожаромъ, либо продолжительными горячками) составляютъ только одни слѣпые (Кузьма Романовъ, Иванъ Фепоновъ, Семенъ Корниловъ и Петръ Прохоровъ), которые поставлены своимъ физическимъ недостаткомъ въ безпомощное положеніе; по впрочемъ, и между слѣпыми ска-

зителями я нашелъ человѣка, именно вышеупомянутаго Іева Еремѣева, который, оставшись въ дѣтствѣ слѣпымъ и нищимъ сиротою, благодаря изумительной энергіи и способностямъ, самъ, своими трудами, создалъ себѣ порядочное хозяйство. Лучшіе пѣвцы былинъ извѣстны въ то же время какъ хорошіе и, относительно, зажиточные домохозяева: я назову Рябинина и Касьянова въ Кижахъ, Андрея Тимооеева въ Толвуи, Абрама Евтихіева и Петра Калинина на Пудожской Горѣ, Никифора Прохорова въ Купецкомъ, Потапа Антонова въ Шалѣ, Сорокина на Сумозерѣ, Никитина, Ѳедора Захарова и Алексѣя Висаріонова на Выгозерѣ, Ивана Захарова, лучшаго сказителя и перваго богача на Водлозерѣ, Ивана Сивцова Пóромскаго, перваго сказителя и одного изъ зажиточнѣйшихъ крестьянъ на Кенозерѣ, кенозерскихъ же сказителей Петра Воинова и Михаила Иванова, Николая Швецова на Мошѣ и друг. Повидимому, былины укладываются только въ такихъ головахъ, которыя соединяютъ природный умъ и память съ порядочностью, необходимою и для практическаго успѣха въ жизни. Сколько разъ мнѣ говорили, что въ такой-то деревнѣ я найду такого-то нищаго или такого-то кабацкаго засѣдателя, который сумѣетъ спѣть разныя «исторіи»; но нищіе по профессіи, какъ сказано выше, знали только духовные стихи, а пропившіеся въ кабакѣ мудрецы являлись съ запасомъ пѣсенъ, болѣе или менѣе разгульныхъ, и анекдотовъ, болѣе или менѣе остроумныхъ, но ни одинъ рѣшительно не былъ эпическимъ рапсодомъ. Изъ крестьянъ, отъ которыхъ можно услышать былины, многіе вовсе не пьютъ вина; извѣстнаго же какъ пьяницу я между ними ни одного не встрѣтилъ.

Разспрашивая этихъ крестьянъ про обстоятельства ихъ жизни, я могъ вывести заключеніе, что сохраненію былинъ особенно благопріятствовали нѣкоторыя мастерства. Такъ, когда читатель будетъ просматривать свѣдѣнія о сказителяхъ, со словъ которыхъ мною записаны былины, онъ замѣтитъ, что многіе изъ нихъ, и именно тѣ, которые больше другихъ упомнили, либо сами занимаются портняжнымъ, или сапожнымъ ремесломъ, или изготов-

леніемъ рыболовныхъ снастей, либо заимствовали былины отъ лицъ, занимавшихся этими мастерствами. Сами крестьяне не разъ объясняли мнѣ, что, сидя долгіе часы на мѣстѣ за однообразною работою шитья или плетенья сѣтей, приходитъ охота пѣть «старины», и онѣ тогда легко усвоиваются; напротивъ того, «крестьянство» (то есть земледѣліе) и другія тяжелыя работы не только не оставляютъ къ тому времени, но заглушаютъ въ памяти даже то, что прежде помнилось и пѣвалось. Впрочемъ, читатель долженъ имѣть въ виду, что мастерства, о которыхъ я говорю, отнюдь не составляютъ исключительнаго занятія кого-либо изъ пѣвцовъ былинъ; каждый изъ нихъ въ то же время земледѣлецъ и лѣтомъ работаетъ по своему крестьянскому хозяйству. Разница только та, что иные въ свободное зимнее время занимаются мастерствомъ, благопріятствующимъ сохраненію эпическихъ пѣсенъ, тогда какъ занятія другихъ, напримѣръ, звѣриный промыселъ, лѣсныя работы, извозничество и т. п., не оставляютъ досуга для рапсодій.

Прежде чѣмъ закончу эти общія замѣчанія о нашихъ народныхъ рапсодахъ и перейду къ болѣе частнымъ, остановлюсь на двухъ фактахъ, которые указываетъ г. Рыбниковъ. Во-первыхъ, у него говорится, что «у женщинъ есть свои бабьи старины, которыя поются ими съ особенною любовью, а мужчинами не такъ-то охотно»: во-вторыхъ, онъ представляетъ эпическую поэзію какъ нѣчто вымирающее: «У большинства сказителей»—говоритъ онъ,—«врядъ ли найдутся наслѣдники и черезъ двадцать-тридцать лѣтъ, по смерти лучшихъ представителей нынѣшняго поколѣнія пѣвцовъ, былины и въ Олонецкой губерніи удержатся въ памяти у очень немногихъ изъ сельскаго населенія». Это вполнѣ справедливо относительно той мѣстности, съ которою г. Рыбниковъ лично ознакомился, именно прибрежья Онежскаго озера; здѣсь, дѣйствительно, эпическая поэзія близка къ вымиранію, былины поются преимущественно стариками, и этимъ старикамъ-сказителямъ, точно, не видно преемниковъ въ молодомъ поколѣніи; здѣсь, дѣйствительно, женщины рѣдко знаютъ другія былины, кромѣ какъ про Ставра, Ивана Годиновича и Чурилу Пленковича, ко-

торыя, кажется, ихъ интересуютъ тѣмъ, что въ этихъ былинахъ главныя дѣйствующія лица—женщины же. Но совершенно другое дѣло дальше къ сѣверу и востоку, на Выгозерѣ, на Водлозерѣ, на Кенозерѣ. Тамъ былевая поэзія живетъ столько же въ старшемъ, сколько въ молодомъ поколѣніи; тамъ незамѣтно также никакой разницы между предметами, о которыхъ поютъ мужчины и женщины. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно Кенозеро. Прибрежья этого озера, въ которое со всѣхъ сторонъ вдаются колѣнами мысы и «наволоки», такъ что, не смотря на его значительную величину, озеро имѣетъ въ каждой точкѣ видъ залива, либо пролива,— прибрежья Кенозера составляютъ какъ бы отдѣльный, довольно хлѣбородный, усѣянный деревнями оазисъ среди громаднаго пустыря болотъ и лѣсовъ, и въ этомъ оазисѣ цвѣтетъ въ настоящее время эпическая поэзія. Крестьяне и крестьянки, поющія былины, насчитываются здѣсь десятками; поютъ былины старый и малый; вы здѣсь услышите одинъ и тотъ же варіантъ отъ пяти-шести человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, которые живутъ въ разныхъ деревняхъ; въ то же время вы встрѣтите трехъ братьевъ, которые живутъ въ одномъ домѣ, и изъ которыхъ каждый знаетъ свои особыя былины; вы встрѣтите семейство, въ которомъ и мужъ, и жена охотники пѣть былины и поютъ разныя. Женщины здѣсь воспѣваютъ тѣхъ же богатырей, какъ и мужчины, спеціальный же «бабій» богатырь Прионежья, Ставеръ, котораго хитрая жена выручаетъ отъ князя Владиміра, вовсе неизвѣстенъ кенозеркамъ. На Кенозерѣ мнѣ сказали, что знаетъ былины и супруга мѣстнаго іерея, бывшаго благочиннаго, о. Георгіевскаго. Это меня крайне удивило, потому что дотолѣ не встрѣчалось ни малѣйшаго признака, чтобы былины пѣлись внѣ крестьянской сферы, и первая моя мысль была, не принадлежитъ ли пѣвица былинъ, о которой мнѣ сказали, по происхожденію сама къ этой сферѣ. Но оказалось, что нѣтъ. Г-жа Георгіевская — дочь бывшаго прежде на Кенозерѣ священника, родилась и воспитывалась въ отцовскомъ домѣ «на погостѣ» и въ немъ же осталась жить и замужемъ. Обязательно

позволивъ мнѣ записать съ ея голоса тѣ былины, которыя остались у нея въ памяти (а прежде она знала ихъ больше, пока заботы хозяйства и воспитанія дѣтей не поглотили всего ея досуга), почтенная г-жа Георгіевская разсказала, что ея отецъ, отличавшійся крайнею суровостью, строжайше запрещалъ своимъ дочерямъ пѣніе святочныхъ, плясовыхъ и т. под. пѣсенъ, которыя составляютъ обыкновенную забаву молодыхъ дѣвушекъ, такъ какъ онъ эти пѣсни почиталъ грѣховными: что же было дѣлать, чтобы разгонять скуку? И вотъ, дочери строгаго іерея заучили и принялись распѣвать былины, которыя онѣ слышали отъ старика-крестьянина, каждую зиму работавшаго въ ихъ домѣ какъ портной.

Другой фактъ не менѣе замѣчателенъ. Я записывалъ былины со словъ крестьянки Матрены Меньшиковой, записалъ былину про Илью Муромца, какъ онъ пришелъ въ Кіевъ каликою и сталъ пить «голей кабацкихъ», записалъ варіантъ рѣдкой и единственно на Кенозерѣ слышанной мною былины про Щелкана Дудентьевича, какъ вдругъ Меньшикова, сказавъ, что знаетъ еще хорошую старинку, запѣла:

Были юные Ово и дѣвушка Мара,
Двое съ трехъ лѣтъ выростали,
Одною водицей умывались и т. д.,

словомъ, пропѣла съ начала до конца всю предлинную сербскую пѣсню про Іову и Мару въ переводѣ Щербины. «Отъ кого, спрашиваю, ты этой старинкѣ научилась?» — «Да отъ стариковъ нашихъ слыхала, отецъ и другіе старики пѣвали». Этотъ отвѣтъ показывалъ, что пѣвица уже не отличала «Іовы и Мары» отъ другихъ «старинъ», которыя она заимствовала отъ родителей; потомъ изъ разговора съ нею я узналъ, что мужъ у нея грамотный и сынъ, тоже выучившійся грамотѣ, бывалъ въ Петербургѣ. Такимъ образомъ не трудно было догадаться, что къ нимъ въ домъ попалъ экземпляръ Щербиновской «Пчелы», и что мужъ или сынъ прочиталъ вслухъ при Матренѣ переводъ «Іовы и Мары».

Но знаменателенъ фактъ усвоенія этой поэмы безграмотною кенозерскою крестьянкою, несмотря на чуждый русскому уху складъ стиха, на непонятныя слова, которыми поэма пересыпана. Не смотря на все это, она въ состояніи была пропѣть всю сербскую поэму такъ же плавно и безъ запинки, какъ какую-нибудь родную былину [1]). Она примѣняла сербскій стихъ къ нашему эпическому

---

1) Для сличенія приводимъ начало этой былины, какъ ее усвоила себѣ кенозерская крестьянка, и печатный текстъ Щербины:

«Іово и Мара» въ устахъ Матрены Меньшиковой.

Были юные Ово и дѣвушка Мара,
Двое съ трехъ лѣтъ выростали,
Одною водицей умывались,
Одинѣмъ полотномъ утирались,
Одинъ же сонъ ночью видали,
Такъ любо другъ другу въ очи смотрѣли,
И какъ солнце въ глубокое море.
Ованъ-отъ былъ удалъ изъ удалыхъ,
И не простого — господскаго рода.
А Мара-то была сиротка,
И столь была гибка, какъ ель молодая,
И мало было вѣку любить эту Мару.
Какъ не видишь, такъ такъ и заболѣешь,
А увидишь, такъ вылѣчитъ разомъ.
Въ пору ужъ было Іовѣ жениться,
Дѣвушкѣ Марѣ можно ужъ выйти и замужъ.
Спрашиваетъ юные Ово:
«Душа моя Мара,
«Любишь ли меня, мое сердце,
«Какъ я держу тебя на мысляхъ?»
Потихоньку Мара ему отвѣчала:
«Юные Ово, перо дорогое!
«Дороже очей ты мнѣ своихъ,
«Какъ мать сына у сердца ношу я».
Выслушалъ эти рѣчи непримѣтные сторожъ,
Донесъ онъ Ованової майки.
Говоритъ-де Овану эта майка:
«Юные Ово, перо дорогое!

Печатный текстъ.

Двое милыхъ, любясь, выростали:
Юный Іово да дѣвушка Мара,
Съ малолѣтства отъ третьяго года;
Ихъ увидишь,— такъ радостно станетъ —
Скажешь, это василекъ со тминомъ...
Умывались одною водою,
Утирались одинъ полотенцемъ,
Любо въ очи другъ другу глядѣли,
Будто солнце въ глубокое море;
Пѣли пѣсню одну вечерами,
Темной ночью одинъ сонъ видали.
Въ пору Іовѣ ужъ было жениться
Можно было отдать Мару замужъ...
Выросъ Іово — удалъ изъ удалыхъ,
Красотою — красивѣй дѣвицы.
Мара—слова для Мары не сыщешь!—
И на свѣтѣ такой не бывало!...
Не увидишь очей ея лучше,
Тоньше стана ея не найдется,
Миловидна, что̀ горная вила,
А гибка-то, что́ ель молодая.
Годъ на Мару гляди — все и мало
Мало бъ вѣку любить эту Мару!
Какъ увидишь ее — заболѣешь,
А посмотритъ — такъ вылѣчитъ разомъ ..
Но сироткой была наша Мара,
Іовъ жъ былъ изъ богатаго рода,
Не простого — господскаго рода.
Разъ онъ Марѣ, вздохнувши, промолвилъ:

складу, протягивая хорейческое его окончаніе, такъ что оно занимало темпъ дактиля, она преисправно произносила слова «тамбура», «горная вила», «родимая майка» и проч. Не показываютъ ли эти факты, что тамъ, на Кенозерѣ, воздухъ, такъ сказать, еще пропитанъ духомъ эпической поэзіи, что эта поэзія тамъ не только не вымираетъ, а даже еще ищетъ себѣ новыхъ предметовъ? То же самое можно сказать и про Водлозеро, гдѣ только начинаютъ прививаться былины. Изъ семи человѣкъ, которыхъ мнѣ тамъ указали, какъ знатоковъ былинъ, только одинъ заимствовалъ ихъ отъ отца; всѣ прочіе выучились былинамъ на чужой сторонѣ, а если у себя дома, то отъ заѣзжихъ людей. Особенно характеристиченъ слѣдующій случай. Крестьянинъ деревни Чуялы на Водлозерѣ, Матвѣй Нигозёркинъ, пропѣлъ очень складно былины про Дюка Степановича и про неудавшуюся свадьбу Алеши Поповича на Добрыниной женѣ; пропѣлъ, наконецъ, начало бы-

---

«Забудь ты и думать объ этой дѣвочкѣ:
«Даютъ за тебя лучше и краше,
«Даютъ-де Отлагича Злата Фатиму.
«Не видала, что солнце что мѣсяцъ,
«Не видала, какъ поля зеленѣютъ,
«Не видала муравки на полѣ,
«Не видала мужчины ни разу,
«И къ тому же богатаго рода,
«И не простого — господскаго рода
«Богатство во время тебѣ пригодится...»
и такъ далѣе.

«Такъ ли любишь меня, моя Мара,
«Какъ люблю я тебя, мое сердце?»
Тихо Мара ему отвѣчала:
«Милый Іово, ты глазъ мнѣ дороже,
«Завсегда ты на мыслях у Мары!
«Какъ мать сына, ношу тебя въ сердцѣ...»
Ихъ подслушалъ незамѣтный сторожъ —
Мать Іована тѣ слышала рѣчи;
Злясь на Мару, сказала Іовану:
«Милый Іово, перо дорогое!
«Позабудь ты объ этой дѣвчонкѣ...
«Есть невѣста и лучше, и краше:
«То — Фатима, Атлагича злато.
«Фата съ дѣтства взлелѣяна въ клѣткѣ,
«И не знаетъ, что̀ солнце, что̀ мѣсяцъ;
«Не видала, какъ хлѣбъ зеленѣетъ,
«Не видала муравки на полѣ,
«Не видала ни разу мужчины, —
«А къ тому жъ и богатаго рода,
«И въ подмогу богатствомъ сгодится..
и такъ далѣе.

лины про три поѣздки Ильи Муромца. Когда я, по обыкновенію, сталъ его разспрашивать, откуда онъ знаетъ эти былины, Нигозёркинъ разсказалъ, что онъ имъ научился не далѣе какъ *въ прошломъ году* (а надо замѣтить, что это человѣкъ уже не молодой, ему за 40 лѣтъ), что до того времени онъ никогда не пѣвалъ былинъ, но прошлою осенью заѣхалъ къ нему переночевать какой-то старичокъ-крестьянинъ изъ-за Кенозера. У него въ избѣ сидѣло тогда человѣкъ полдесятокъ, они и стали просить старичка разсказать или спѣть имъ что-нибудь. Старикъ пропѣлъ имъ былину про Дюка Степановича, и она Нигозёркину такъ понравилась, что онъ просилъ своего гостя ее спѣть другой, а потомъ еще и третій разъ. Такъ онъ ее и «понялъ». Старикъ на другой день уѣхалъ, но на возвратномъ пути опять остановился переночевать у Нигозёркина, который тогда выучилъ отъ него былину про Добрыню и Алешу; былины же про Илью Муромца не удалось запомнить всей, а только начало.

Такъ-то усвоивается эпическая поэзія на Водлозерѣ. Не знаю, не стоитъ ли явившаяся вдругъ въ Водлозерахъ охота къ былинамъ въ связи съ переходомъ въ ихъ бытѣ; они, прежде жившіе земледѣліемъ, вдругъ, вслѣдствіе усердія начальства, воспретившаго дѣлать расчистки въ окружающихъ лѣсахъ, принуждены были помирать съ голоду и, чтобы не совсѣмъ помереть, принялись плести какія-то усовершенствованныя сѣти и вылавливать рыбу изъ Водлозера: а плетеніе сѣтей, какъ мы видѣли, есть занятіе, особенно благопріятствующее былевой поэзіи.

Какъ бы то ни было, нѣтъ ни какого сомнѣнія, что на Кенозерѣ и Водлозерѣ нашъ народный эпосъ еще совершенно живучъ, и можетъ тамъ долго-долго продержаться, если только въ эту глушь не проникнетъ промышленное движеніе и школа. Сравнительно съ Водлозеромъ и Кенозеромъ, берега Онежскаго озера, соединеннаго водянымъ путемъ съ Петербургомъ, суть мѣста, гораздо болѣе открытыя вліяніямъ, убивающимъ эпическую поэзію въ народѣ, и потому неудивительно, что здѣсь она уже представляетъ признаки вымиранія. Къ числу этихъ признаковъ

я отношу и замѣченное г. Рыбниковымъ явленіе, что у женщинъ есть какъ-бы особыя любимыя былины. Примѣръ Кенозера показываетъ, что это не есть явленіе общее. Въ самомъ Пинежскомъ краѣ любимыя былины женщинъ про Ставра, про Ивана Годиновича, про Чурилу поются также мужчинами; но за то рѣдкая изъ женщинъ знаетъ былины болѣе, такъ-сказать, серьезныя, какъ-то: про Илью Муромца, про Садка, про Вольгу и т. дал. Мнѣ кажется, что и здѣсь одинъ и тотъ же кругъ былинъ былъ нѣкогда, какъ на Кенозерѣ, общимъ достояніемъ и мужчинъ, и женщинъ; по мѣрѣ же утраты вкуса къ эпической поэзіи, послѣднія перестали пѣть все то, что не представляло для нихъ особеннаго интереса, и такимъ образомъ сохранили въ памяти только пикантныя былины про Ставра, Чурилушку, Хотенку Блудова и т. под.

Когда слушаешь нашихъ народныхъ рапсодовъ, прежде всего дивишься тому, до какой степени всѣ они, всѣ безъ исключенія, вѣрно выдерживаютъ характеры дѣйствующихъ въ былинахъ лицъ. Рапсоды эти далеко не равны по достоинствамъ: они представляютъ цѣлую градацію отъ истинныхъ мастеровъ, одаренныхъ несомнѣннымъ художественнымъ чувствомъ, до безобразныхъ пачкуновъ, такъ что собраніе былинъ, съ ихъ словъ записанныхъ, можно сравнить съ картинною галлереею, въ которой однообразный рядъ сюжетовъ повторялся бы въ нѣсколькихъ десяткахъ копій, начиная отъ прекраснѣйшихъ рисунковъ и кончая отвратительнымъ маранъемъ. Но каковъ бы ни былъ рисунокъ, самый изящный или карикатурный, обликъ каждой физіономіи въ этой галлереѣ вездѣ сохраняетъ свои типическія черты. Ни разу князь Владиміръ не выступитъ изъ роля благодушнаго, но не всегда справедливаго правителя, который самъ лично совершенно безсиленъ; ни разу Илья Муромецъ не измѣнитъ типу спокойной, увѣренной въ себѣ скромной, чуждой всякой аффектаціи и хвастовства, но требующей себѣ уваженія силы; вездѣ Добрыня явится олицетвореніемъ вѣжливости и изящнаго благородства, Алеша Поповичъ — нахальства

и подлости, Чурила — франтовства и женолюбія, вездѣ Михайло Потыкъ будетъ разгульнымъ, увлекающимся всякими страстями удальцомъ, Ставеръ — глупымъ мужемъ умнѣйшей и преданной женщины, Василій Игнатьевичъ — пьяницей, отрезвляющимся въ минуту бѣды и который тогда становится героемъ, Дюкъ Степановичъ — хвастливымъ рыцаремъ, который пользуется преимуществами высшей цивилизаціи передъ русскими, и т. д.; словомъ сказать, типичность лицъ въ нашемъ эпосѣ выработана до такой степени, что каждый изъ этихъ типовъ сталъ неизмѣннымъ общенароднымъ достояніемъ. Сѣверно-русскому крестьянину, сохраняющему въ памяти эпическія сказанія, очевидно присущи не только какія-нибудь общія неопредѣленныя представленія о его герояхъ, но живыя очертанія ихъ характеровъ; иначе наши былины, въ которыхъ мы такъ часто встрѣчаемъ искаженія и крайнюю путаницу въ обстоятельствахъ описываемыхъ дѣйствій, искажали и путали бы и характеры дѣйствующихъ лицъ; а этого-то никогда не бываетъ. Потому кажется, что въ сохраненіи и преемственной передачѣ былинъ, кромѣ механическаго дѣйствія памяти, должно участвовать какое-то коллективное, если можно такъ выразиться, поэтическое чутье въ народѣ. Но за симъ главнѣйшее участіе принадлежитъ памяти. Въ самомъ дѣлѣ, нужна громадная сила памяти для того, чтобы заучить и пѣть безъ запинки поэмы, которыя длятся иногда по два и по три часа. Это одна изъ причинъ, что эпическая поэзія должна исчезать съ развитіемъ грамотности и промышленнаго духа въ народѣ: эпическимъ пѣснямъ нужна свободная память, онѣ могутъ вмѣститься только въ голову, не загроможденную книжнымъ ученіемъ, не занятую разчетами житейской борьбы. Память есть единственная сила, которая сознательно для самихъ пѣвцовъ дѣйствуетъ въ усвоеніи и воспроизведеніи ихъ рапсодій; участія личнаго творчества никто изъ нихъ не подозрѣваетъ, хотя оно существуетъ несомнѣнно. Изъ разговора съ любымъ сказителемъ вы сейчасъ увидите, что онъ вполнѣ чуждъ сочинительства: онъ старается пѣть именно такъ, какъ пѣлъ его отецъ,

дѣдъ или учитель; если онъ чего-нибудь не упомнилъ, то либо пропускаетъ, либо разсказываетъ словами; но какъ бы подробно онъ ни зналъ содержанія какого-нибудь эпизода или цѣлой былины, онъ, разъ забывши, какъ она поется, никогда не рѣшится возстановить ее стихами, хотя при однообразіи эпическаго склада это казалось бы весьма легко. Я былъ свидѣтелемъ смѣшного фіаско, которое потерпѣлъ одинъ водлозерскій нищій, слѣпой Анисимъ, поющій по профессіи духовные стихи: ему захотѣлось заработать у меня денегъ, и когда я ему сказалъ, что духовныхъ стиховъ мнѣ не нужно, а нужны былины, онъ, видно понадѣявшись на себя, прехладнокровно началъ пѣть про Илью Муромца; но пѣлъ онъ чепуху и нескладицу невообразимую. Такъ, напримѣръ, онъ пѣлъ:

И говоритъ-то Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ
Своему-то родителю батюшку и матушки,
Говоритъ-то ёнъ имъ таково слово:
— А й ты родитель мой батюшка и матушка,
Дай прощеньицо благословеньицо
Во чистое поле ѣхати и поляковать
И биться и ратиться
За церкви соборныи, за весь тотъ міръ православный,
За вѣрушку да кровь отечество,
За царя да за земнаго правителя,
Всероссіійскаго да содержателя,
За все воинство и христолюбимое!

Потомъ онъ сознался, что былинъ не пѣвалъ, а зналъ про Илью разсказъ только словами. Другой крестьянинъ, Андрей Сорокинъ, говорилъ мнѣ, что, будучи еще съ малолѣтства охотникомъ до былинъ, онъ иногда пытался распѣвать голосомъ, въ видѣ былины, ту или другую сказку, но что это ему никогда не удавалось. Впрочемъ, самая эта попытка показываетъ въ Сорокинѣ склонность къ личному сочинительству, которая не могла не отозваться и на его былинахъ. И дѣйствительно: ни въ комъ не было видно такого, можно сказать, безцеремоннаго отношенія

къ тексту былинъ. Однажды, записывая былину, которую я уже прежде слышалъ отъ Сорокина, я замѣтилъ ему въ одномъ мѣстѣ, что онъ прежде пѣлъ этотъ эпизодъ иначе: «Ахъ, это все равно»— отвѣчалъ Сорокинъ—«я могу спѣть такъ или иначе, какъ вамъ будетъ угодно»! Ничего подобнаго мнѣ ни отъ кого другого изъ сказителей не приходилось слышать, и я приписываю склонности къ сочинительству въ Сорокинѣ особый характеръ, которымъ отличаются его былины, ихъ безконечную амплификацію, дѣлающую ихъ такъ скучными [1]).

Сорокинъ составляетъ единственное въ своемъ родѣ явленіе. Всѣ прочіе сказители всегда утверждали, что то, что́ разсказывается словами, никоимъ образомъ не можетъ быть пѣто стихомъ; когда я замѣчалъ имъ, что они пропустили что-нибудь или спѣли нескладно, то иные старались «выпомнить» лучше это мѣсто, но ни кому въ голову не приходило сгладить пропускъ или нескладицу собственнымъ измышленіемъ. Обыкновенно же, хотя бы указана была въ былинѣ явная нелѣпица, сказитель отвѣчалъ:

---

1) Г. Рыбниковъ обратилъ вниманіе на эту черту былинъ Сорокина и писалъ: «Обиліе подробностей, нѣкоторая расплывчивость, богатство эпизодовъ, соединеніе многихъ былинъ въ одну — у Сумозерскаго пѣвца (дѣло идетъ о Сорокинѣ) ясно указываетъ промыселъ сказителя, содержателя постоялаго двора: чѣмъ дольше длится былина, тѣмъ ему выгоднѣе: обязательные слушатели рады лежа слушать до поздняго вечера» (т. IV, замѣтка, стр. XXXVI). Я долженъ оговорить ошибку, въ которую впалъ почтенный собиратель по невольному недоразумѣнію. Андрей Сорокинъ никогда не былъ содержателемъ постоялаго двора и даже крайне удивился, когда я его спросилъ объ этомъ; въ мѣстности, гдѣ онъ живетъ, нѣтъ ни одного постоялаго двора. Но деревня Сумозеро единственная на протяженіи 60-ти верстъ, отдѣляющихъ Водлозеро отъ города Пудожа; потому всѣ проѣзжающіе по этому направленію принуждены въ ней ночевать и пользуются для того гостепріимствомъ сумозерскихъ крестьянъ, между прочимъ и Сорокина, у котораго есть своя изба. Оттого г. Рыбниковъ могъ подумать, что онъ содержитъ постоялый дворъ. Впрочемъ, не только пріемъ проѣзжихъ не составляетъ промысла для Сорокина, который живетъ исключительно хлѣбопашествомъ и съ гордостью показывалъ мнѣ большія пространства «нивъ», расчищенныхъ его руками изъ-подъ лѣсу, но обстоятельство, что онъ живетъ въ такомъ проѣзженъ мѣстѣ, какъ Сумозеро, не могло повліять на складъ его былинъ, ибо онъ переселился въ эту деревню уже взрослымъ работникомъ (его принялъ въ домъ тесть), а родился и выросъ въ деревушкѣ Щенежахъ у Пудожа.

«такъ поется», а про что разъ сказано, что «такъ поется», то свято; тутъ, значитъ, разсуждать нечего. Когда попадалось въ въ былинѣ какое-нибудь непонятное слово и я спрашивалъ его объясненія, то получалъ его только въ такомъ случаѣ, когда слово принадлежало къ употребительнымъ мѣстнымъ провинціализмамъ: если же слово не было въ употребленіи, то былъ всегда одинъ отвѣтъ: «такъ поется», или «такъ пѣвали старики, а что значитъ, мы не знаемъ». Не разъ сказитель, пропѣвъ про князя Владиміра какой-нибудь стихъ, весьма къ нему непочтительный, просилъ за это не взыскать, «потому-де мы сами знаемъ, что не хорошо такъ говорить про святого, да что дѣлать? такъ пѣвали отцы, и мы такъ отъ нихъ научились». Только благодаря тому, что каждый сказитель считаетъ себя обязаннымъ пѣть былину такъ, какъ самъ ее слышалъ, а его слушатели вполнѣ довольствуются тѣмъ, что «такъ поется», и объясненій никакихъ не требуютъ, — только благодаря этому и могла удержаться въ былинахъ такая масса древнихъ, ставшихъ непонятными народу словъ и оборотовъ; только благодаря этому могли удержаться бытовыя черты другой эпохи, не имѣющія ничего общаго съ тѣмъ, что окружаетъ крестьянина, подробности вооруженія, котораго онъ никогда не видалъ, картины природы, ему совершенно чуждой. Нужно побывать на нашемъ Сѣверѣ, чтобы вполнѣ понять, какъ велика твердость преданія, обнаруживаемая въ народѣ его былинами. Мы, жители менѣе сѣверныхъ широтъ, не находимъ ничего особенно для насъ необычнаго въ природѣ, изображаемой нашимъ богатырскимъ эпосомъ, въ этихъ «сырыхъ дубахъ», въ этой «ковыль-травѣ», въ этомъ «раздольѣ чистомъ полѣ», которые составляютъ обстановку каждой сцены въ нашихъ былинахъ. Мы не замѣчаемъ, что сохраненіе этой обстановки приднѣпровской природы въ былинахъ Заонежья есть такое же чудо народной памяти, какъ напримѣръ, сохраненіе образа «гнѣдаго тура», давно исчезнувшаго, или облика богатыря съ шеломомъ на головѣ, съ колчаномъ за спиною, въ кольчугѣ и съ «палицей боевою». Видалъ ли крестьянинъ Заонежья дубъ? Дубъ ему знакомъ столько

же, сколько намъ съ нимъ, читатель, какая-нибудь банана. Знаетъ ли онъ, что̀ это такое ковыль-трава? Онъ не имѣетъ о ней ни малѣйшаго понятія. Видалъ ли онъ хоть разъ на своемъ вѣку «раздолье чистое поле»? Нѣтъ, поле, какъ раздолье, на которомъ можно проскакать, есть представленіе для него совершенно чуждое: ибо поля, какія онъ видитъ, суть маленькіе, по большей части усѣянные каменьемъ или пнями клочки пашни либо сѣнокосу, окруженные лѣсомъ; если же виднѣется кое-гдѣ чистое гладкое мѣсто, то это не раздолье для скакуна, это — трясина, куда не отважится ступить ни лошадь, ни человѣкъ. А крестьянинъ этого края продолжаетъ пѣть про раздолье чистое поле, какъ будто бы онъ жилъ на Украинѣ!

Но само собою разумѣется, что, кромѣ завѣщаннаго преданіемъ, сѣверно-русская былина носитъ въ себѣ и мѣстныя, и личныя стихіи. Когда сказитель поетъ, что добрый конь богатырскій

Мхи болота перескакивалъ,
Мелкія озера промежъ ногъ пущалъ,

то онъ рисуетъ картину, которая составилась на мѣстѣ. Такихъ чертъ можно найти не мало. Нельзя не замѣтить той особливой обстоятельности, съ которою въ былинахъ нашихъ изображается сѣдланіе коня и снаряженье корабля: эти картины, конечно, не принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя привнесены на Сѣверъ въ составъ нашихъ былинъ; но если именно сѣдланье коня и снаряженье корабля излагается въ нихъ пространнѣе и съ большею, такъ-сказать, любовью, чѣмъ другія дѣйствія, — то это могло произойти оттого, что изъ всѣхъ дѣйствій, приписываемыхъ богатырямъ, именно сѣдланье коня и снаряженье корабля особенно близко знакомы сѣверно-русскому крестьянину. Когда ему нужно отправиться въ путь, приходится либо осѣдлать себѣ лошадь, либо снарядить парусную лодку. Я думаю, что вліянію мѣстной жизни слѣдуетъ приписать и то, что, въ Онежскомъ краѣ сохранился, рядомъ съ богатыремъ-мужчиною, образъ бо-

гатыря-женщины или *поляницы*. Это представленіе до такой степени стало чуждо намъ, что, при изданіи въ Москвѣ перваго тома сборника Рыбникова, тамъ даже ученые не поняли, что̀ такое поляница, какъ показываетъ примѣчаніе издателей къ этому слову (стр. 27): «*паленица, поленица, поляница*: удалая голова, что̀ рыскаетъ по полю ради подвиговъ»[1]). Между тѣмъ въ сѣверной части Олонецкой губерніи на Выгозерѣ, на Водлозерѣ, на Повѣнецкомъ и Пудожскомъ побережьѣ каждый крестьянинъ вамъ скажетъ положительно, что въ старину богатырскіе подвиги совершали одинаково и мужчины, и женщины, и что какъ мужчины назывались *богатырями*, такъ женщины *поляницами*. Это я слышалъ десятки разъ. [«Поляница — это значитъ женщина-*богатырица*», говорилъ водлозеръ Сухановъ]. Что̀ такое поляница? спросилъ я между прочимъ у [другого] водлозерскаго пѣвца Нигозёркина, думая поставить его втупикъ, такъ какъ онъ только недавно и случайно выучился кое-какимъ былинамъ. «А вотъ видите, отвѣчалъ онъ, досюль (то есть въ прежнее время) и женщины воевали, ходили на войну какъ и мужчины; это *поляницы* значитъ по нашему, по-деревенски».

Не стану дѣлать гипотезъ о томъ, имѣетъ ли преданіе о женщинахъ-богатыряхъ въ нашемъ эпосѣ связь съ женщинами-воительницами, о которыхъ говорятъ писатели древности у племенъ, обитавшихъ въ Черноморскихъ краяхъ, или съ воинственными дѣвами чешскихъ легендъ, но какъ бы образъ женщины-богатыря ни сложился, сохраненію его въ живомъ представленіи народа способствовали несомнѣнно бытовыя условія въ сѣверной части Олонецкой губерніи. Здѣсь отъ женщины требуется не только равная доля физическаго труда, но требуется та же неустрашимость и отвага, что̀ отъ мужчины. Здѣсь женщина въ бурю должна умѣть грести и править лодкою, въ осеннюю непо-

---

1) Такое же неправильное толкованіе и въ Словарѣ Даля: *поленица* — удальцы, ватага шалуновъ, наѣздники, разбойники; *поленица удалая* — шайка, вольница.

году тянутъ «кереводы» и невода, въ зимнія мятели отправляться въ извозъ къ Бѣлому морю. Олицетворяя въ богатырѣ мужскую силу и отвагу, крестьянинъ этихъ мѣстъ не могъ отдѣлять его отъ такого же героическаго типа женщины; потому такъ ясно и сохранилось здѣсь понятіе о *поляницѣ*, которое въ другихъ краяхъ Россіи потеряло свою опредѣленность. Такъ даже въ Кижахъ и на Кепозерѣ, въ отвѣтъ на вопросъ о томъ, что̀ такое поляница, скажутъ, либо что это — то же самое, что̀ богатырь, либо что поляницами назывались воители пониже степенью, чѣмъ богатыри, либо, наконецъ, отвѣтятъ просто: «такъ поется, поляница, а что̀ такое, не знаемъ». [Впрочемъ, и тамъ лучшіе пѣвцы (напримѣръ Рябининъ) употребляютъ названіе «поляница»,—хотя кажется безсознательно, по старой памяти, — собственно тогда, когда рѣчь идетъ о женщинахъ-воительницахъ] [1]).

Кромѣ мѣстныхъ вліяній, въ былинѣ участвуетъ личная стихія, вносимая въ нее каждымъ пѣвцомъ; участіе это чрезвычайно велико, гораздо больше, чѣмъ можно бы предполагать, послушавъ увѣренья самихъ сказителей, что они поютъ именно такъ, какъ переняли отъ стариковъ. На Кенозерѣ я встрѣтилъ двухъ весьма замѣчательныхъ сказителей, которые заимствовали былины отъ одного и того же учителя: это — Иванъ Сивцевъ, по прозванію Пòромской, который выучился пѣть былины отъ своего отца, и Петръ Воиновъ, ученикъ того же старика Пòромскаго, у котораго онъ жилъ въ работникахъ. Если сличить былины, съ ихъ словъ записанныя, то сейчасъ замѣтишь, что онѣ весьма сходны по содержанію, но значительно разнятся въ подробностяхъ изложенія и оборотахъ рѣчи. Такое же различіе представляютъ былины кенозерскаго же пѣвца Андрея Гусева и тѣ же былины, какъ ихъ поетъ его сынъ Харламъ Гусевъ.

---

1) [См. №№ 77 и 81. Если въ былинѣ о королевичахъ изъ Крякова (№ 87) Рябининъ, повидимому, смѣшиваетъ поляницу съ богатыремъ мужескаго пола, то это произошло очевидно оттого, что часть этой былины, въ которой говорится о поляницѣ, есть почти буквальная вставка изъ другой былины, изображающей борьбу Ильи Муромца съ настоящею поляницею—его дочерью (№ 77)].

Можно сказать, что въ каждой былинѣ есть двѣ составныя части: мѣста *типическія*, по большей части описательнаго содержанія, либо заключающія въ себѣ рѣчи, влагаемыя въ уста героевъ, и мѣста *переходныя*, которыя соединяютъ между собою типическія мѣста, и въ которыхъ разсказывается ходъ дѣйствія. Первыя изъ нихъ сказитель знаетъ наизусть и поетъ совершенно одинаково, сколько бы разъ онъ ни повторялъ былину; переходныя мѣста, должно быть, не заучиваются наизусть, а въ памяти хранится только общій остовъ, такъ что всякій разъ, какъ сказитель поетъ былину, онъ ее тутъ же сочиняетъ, то прибавляя, то сокращая, то мѣняя порядокъ стиховъ и самыя выраженія. Въ устахъ лучшихъ сказителей, которые поютъ часто и выработали себѣ, такъ-сказать, постоянный текстъ, эти отступленія составляютъ, конечно, весьма незначительные варіанты; но возьмите сказителя съ менѣе сильною памятью или давно отвыкшаго отъ своихъ былинъ и заставьте его пропѣть два раза одну и ту же былину, — вы удивитесь, какую услышите большую разницу въ ея текстѣ, кромѣ типическихъ мѣстъ.

Эти типическія мѣста у каждаго сказителя имѣютъ свои особенности, и каждый сказитель употребляетъ одно и то же типическое мѣсто всякій разъ, когда представляется къ тому подходящій смыслъ, а иногда даже некстати, прицѣпляясь къ тому или другому слову. Оттого всѣ былины, какія поетъ одинъ и тотъ же сказитель, представляютъ много сходныхъ и тожественныхъ мѣстъ, хотя бы не имѣли ничего общаго между собою по содержанію. Такимъ образомъ типическія мѣста, о которыхъ я говорю, всего болѣе отражаютъ на себѣ личность сказителя. Каждый изъ нихъ выбираетъ себѣ изъ массы готовыхъ эпическихъ картинъ запасъ, болѣе или менѣе значительный, смотря по силѣ своей памяти и затвердивъ ихъ, этимъ запасомъ одинаково пользуется во всѣхъ своихъ былинахъ. У двухъ сказителей, Ивана Федонова и Потапа Антонова, богатыри отличаются особенною набожностью, они то и дѣло молятся Богу; а изъ этихъ сказителей, Федоновъ, какъ упомянуто выше, калика, то есть

пѣвецъ духовныхъ стиховъ по профессіи, — Антоновъ же, хотя простой крестьянинъ-земледѣлецъ, но выучился былинамъ тоже отъ калики, по профессіи, нынѣ умершаго. Такимъ образомъ, набожный складъ духовныхъ стиховъ отразился у нихъ и въ былинахъ.

Изложенныя здѣсь наблюденія представлялись мнѣ сами собою, пока я слушалъ нашихъ сказителей и записывалъ ихъ рапсодія. Я тогда же пришелъ къ убѣжденію, что собранныя былины должны быть, при изданіи, расположены не по предметамъ, а *по сказителямъ*. Конечно, эта система имѣетъ большія неудобства, и я первый готовъ признать, что окончательное, полное изданіе нашихъ эпическихъ пѣсенъ, точно также какъ необходимое въ литературѣ нашей очищенное изданіе избранныхъ былинъ, слѣдуетъ сдѣлать по предметамъ, съ систематическимъ подборомъ варіантовъ. Но для полнаго изданія еще не наступило время; изданіе же хрестоматіи не есть моя цѣль. Я считаю эпическія пѣсни, сохранившіяся въ народѣ нашемъ, на столько цѣнными для науки, что онѣ заслуживаютъ всѣ изданія; при изданіи же сырого матеріала, какимъ представляется собраніе записанныхъ мною былинъ, система расположенія ихъ по рапсодамъ имѣетъ то преимущество, что при ней можетъ легко уясниться важный вопросъ объ отношеніяхъ личнаго творчества и преданія въ составѣ былинъ. Съ этой точки зрѣнія получаетъ цѣну многое, что́ иначе казалось бы не заслуживающимъ никакого вниманія. Такъ, напримѣръ, читатель встрѣтитъ въ моемъ сборникѣ два ужасно плохіе варіанта извѣстной былины про отъѣздъ Добрыни Никитича и неудачное сватовство Алеши Поповича на его женѣ. Въ одномъ изъ этихъ пересказовъ всего подробнѣе описываются и выставляются ребромъ заботы Владиміра о томъ, чтобы прислуга не впускала никого посторонняго на брачный пиръ Алешинъ, и переговоры Добрыни съ служителями о томъ, чтобы ему дозволили войти: словомъ, центръ дѣйствія перенесенъ въ переднюю. Въ другомъ пересказѣ Владиміръ, чтобы понудить Добрынину жену выйти за Алешу Поповича, издаетъ указъ уда-

лить изъ Кіева «всѣхъ вдовъ и женъ безпашпортныхъ» и грозитъ Настасьѣ этимъ закономъ. Что можетъ быть безобразнѣе того и другого пересказа? Между тѣмъ первый изъ нихъ характеристиченъ по отношенію къ личности самого пѣвца: это — молодой человѣкъ, который ходилъ бурлакомъ на каналъ, на заработанныя деньги кутилъ въ Петербургѣ на Сѣнной, прокутившись поступилъ въ услуженіе къ какому-то купцу и недавно только воротился къ себѣ въ деревню и сѣлъ тамъ на крестьянство. Изъ всѣхъ пѣвцовъ былинъ, мнѣ встрѣтившихся, этотъ больше всѣхъ вращался въ лакейской сферѣ, и героями былины вышли у него лакеи. Пересказъ же, гдѣ говорится о безпашпортныхъ вдовахъ, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ запечатлѣвается въ былинахъ слѣдъ событій, поражавшихъ народъ. Этотъ варіантъ, который я слышалъ единственно на Водлозерѣ, заключаетъ въ себѣ воспоминаніе того, что въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія разогнали изъ раскольничьихъ скитовъ въ Даниловѣ и на Лексѣ (то-есть, за нѣсколько десятковъ верстъ отъ Водлозера) всѣхъ вдовъ и дѣвицъ, проживавшихъ тамъ безъ паспортовъ.

Каждая былина вмѣщаетъ въ себѣ и наслѣдіе предковъ, и личный вкладъ пѣвца; но, сверхъ того она носитъ на себѣ и отпечатокъ мѣстности. Сколько мнѣ показалось, пѣвцы былинъ въ Олонецкой губерніи должны быть раздѣлены, по мѣстности, на двѣ большія группы, изъ которыхъ каждая имѣетъ, затѣмъ, свои подраздѣленія. Эти двѣ большія группы можно бы нынѣшнему въ Петербургѣ назвать *Прионежскою* (или если угодно употребить старинное слово — *обонежскою*) и *Заонежскою*, потому что первая обнимаетъ мѣстности, прилегающія къ Онегу, а вторая — край, которые лежатъ къ сѣверу и востоку отъ Онега; но второе названіе произвело бы путаницу, такъ какъ слово *Заонежье* употребляется народомъ въ смыслѣ діаметрально противоположномъ тому, который мы бы ему теперь придали. Заонежьемъ русскіе (когда колонизація этого края шла съ востока на западъ) назвали тотъ большой полуостровъ, который вдается въ Онежское озеро по сю сторону главнаго его бассейна. Итакъ,

намъ приходится искать другого названія: я назову эту группу, въ противоположность Прионежской, группою *сѣверо-восточною*, такъ какъ она обнимаетъ окрестности Выгозера, Водлозера, Кенозера и Моши.

Группа *Прионежская* характеризуется пространностью былинъ, *Сѣверо-восточная* группа—относительною ихъ сжатостью. Эти два типическіе признака являются какъ въ построеніи самыхъ рапсодій, такъ и въ складѣ стиха. Въ Прионежьѣ былины отличаются качествомъ, которое еще Горацій приписывалъ эпическимъ пѣснопѣніямъ, — длиннотою: «dic age *longum*, Calliope, *melos*». Въ Прионежьѣ слышатся былины въ тысячу стиховъ и болѣе, и замѣтна склонность сказителей къ длинному стиху (7-ми-8-ми-и 9-ти-стопному) со множествомъ вставочныхъ частицъ. На сѣверо-востокѣ, напротивъ того, преобладаетъ стихъ короткій, 5-ти и 6-ти-стопный; вставочныя частицы употребляются умѣреннѣе; повторенія, которыя такъ удлиняютъ былины въ устахъ прионежскихъ пѣвцовъ, здѣсь вводятся гораздо рѣже; ходъ разсказа живѣе и менѣе обставленъ подробностями, такъ что рѣдкая былина достигаетъ и 300 — 400 стиховъ. Само собою разумѣется, что и на Прионежьѣ нѣкоторыя былины бываютъ короткія, а у выгозерскихъ и кенозерскихъ сказителей попадаются такія, которыя изобилуютъ длиннотами: но я говорю объ общемъ, преобладающемъ типѣ, а въ этомъ, какъ мнѣ кажется, различіе весьма явственно.

Перехожу къ подраздѣленіямъ обѣихъ группъ и начинаю съ Прионежской. Когда я былъ на томъ полуостровѣ, который слыветъ Заонежьемъ, то слышалъ, что народъ дѣлитъ его по какому-то старинному преданію на три части: Кижи, Толвуй и Шуньгу. Имя *Кижъ* обнимаетъ югозападную часть Заонежья, то-есть, погосты Сѣнногубскій, Кижскій, Великогубскій, Яндомозерскій, Космозерскій; Толвуй есть общее названіе для восточной полосы Заонежья, то есть погостовъ Типеницкаго, Кузарандскаго, Выгозерскаго, Толвуйскаго, Фоймогубскаго; наконецъ Шуньгою называется сѣверо-западный уголъ Заонежья.

Про послѣдній край ничего не могу сказать, потому что въ немъ не былъ, а слышалъ, что тамъ едва ли можно встрѣтить былины; но я былъ удивленъ тѣмъ, что хотя между Кижами и Толвуей нѣтъ ни природной, ни административной, а есть только какая-то воображаемая по преданію граница, — манера у пѣвцовъ былинъ въ томъ и другомъ краѣ совершенно особенная. Въ то же время Толвуйская манера совершенно сходна съ тою, которая замѣчается на противоположномъ, сѣверо-восточномъ берегу Онежскаго озера, въ Повѣнецкомъ уѣздѣ до самаго перевала на Масельгѣ. Потому думаю, что можно Прионежскихъ рапсодовъ раздѣлить на двѣ, такъ сказать, школы — Кижскую и Толвуй-Повѣнецкую. Что это заключеніе не совсѣмъ произвольное, могу подтвердить свидѣтельствомъ самихъ крестьянъ. Въ Пудожгорскомъ погостѣ, въ деревнѣ Горкѣ, стоятъ рядомъ, бокъ-о-бокъ, избы двухъ замѣчательныхъ сказителей: Абрама Евтихіева (Бутылки), о которомъ я упоминалъ выше, и Петра Лукина Калинина. Первый сопровождалъ меня изъ Петрозаводска, ко второму мы пріѣхали въ гости на Пудожскую Гору. Когда Калининъ пропѣлъ длинную былину о Добрынюшкѣ, хозяинъ и гребцы моей лодки, привыкшіе слышать Абрама, всѣ тотчасъ замѣтили: «Какъ странно, два такіе близкіе сосѣда, а сказываютъ былины совершенно разно!» Абрамъ Евтихіевъ тотчасъ объяснилъ намъ это: «Петръ Лукичъ»—говорилъ онъ,—«понялъ былины отъ своего отца, а я отъ своего; батюшка же мой не тутошній, онъ родомъ изъ Кижъ, съ Космозера, и переселился со мною на Пудожскую Гору, когда мнѣ уже было лѣтъ двадцать, оттого я и пою былины какъ Кижане, а не какъ здѣшніе».

Въ чемъ же состоитъ различіе этихъ двухъ школъ? Въ чертахъ весьма мелкихъ, но которыя даютъ, такъ сказать, тонъ всей рапсодіи, а именно въ тѣхъ безпрерывно повторяющихся вставочныхъ частицахъ, которыя служатъ какъ бы подпорками нашего эпическаго стиха, подобно гомерическимъ частицамъ ἄρα, αὐ, νέ, δὴ и прочія.

Въ Кижахъ такими частицами, кромѣ общеупотребительныхъ *да, а, и, ли,* служатъ обыкновенно: *какъ, въдъ* и *де;* у Толвуйскихъ сказителей вы никогда не услышите ни *какъ,* ни *въдъ,* ни *де* въ смыслѣ простой вставки; они опираютъ стихъ на частицахъ *нынь* или *нунь, же, было* и *есть* или *е:* это послѣднее (*есть* или, сокращенно, *е*) большею частію употребляется при глаголахъ прошедшаго времени, такъ что оно является какъ бы остаткомъ старинной формы образованія прошедшаго, но какъ смыслъ этого приставочнаго «есть» или «е» уже потерянъ, то сказители нерѣдко пользуются имъ просто для стиха.

Отъ школы Повѣнецко-Толвуйской, также какъ отъ Кижской, однако менѣе отъ первой, чѣмъ отъ послѣдней, отличаются по складу былины, которыя я слышалъ на восточной сторонѣ Онега, ближе къ городу Пудожу. Но въ этой мѣстности нашлось только четверо сказителей, изъ которыхъ у каждаго есть весьма замѣтныя особенности. Это объясняется различіемъ источниковъ ихъ былинъ. Только у одного изъ нихъ, Сорокина, онѣ мѣстнаго происхожденія; другой, Иванъ Федоновъ, выучился былинамъ на Онегѣ-рѣкѣ; къ третьему, Потапу Антонову, онѣ перешли изъ Вытегорскаго уѣзда; наконецъ Никифоромъ Прохоровымъ поются былины, занесенныя тоже изъ какого-то дальняго мѣста (его отецъ выучился имъ, когда служилъ въ пастухахъ у помѣщика, стало быть, во всякомъ случаѣ не близко отъ родины Прохорова, потому что тамъ нѣтъ вовсе помѣщичьихъ имѣній). Итакъ, этихъ четверыхъ сказителей можно соединить по мѣстности въ группу, но нельзя назвать одною школою.

Что касается до *Сѣверо-восточной* группы, то я не подмѣтилъ тамъ различія собственно въ складѣ былинъ между отдѣльными мѣстностями. Во всѣхъ мѣстностяхъ этой группы, на Выгозерѣ, Водлозерѣ, Кенозерѣ, манера сказителей одна и та же, — тѣ же короткіе стихи, та же краткость въ разсказѣ, та же относительная умѣренность въ употребленіи вставочныхъ частицъ. Тѣмъ не менѣе считаю нужнымъ раздѣлить сѣверо-восточную группу географически на Выгозерскую, Водлозерскую и Кено-

зерскую, потому что между этими мѣстностями есть различіе — не въ складѣ былинъ, а въ ихъ сюжетахъ. На Выгозерѣ воспѣваются тѣ же герои, что и въ Прионежьѣ: общеизвѣстные Илья Муромецъ, Добрыня, Чурило и такъ далѣе, и сверхъ того, Дунай Ивановичъ, Ставеръ Годиновичъ, Дюкъ Степановичъ, Садко купецъ богатый; на Кенозерѣ же про четырехъ послѣднихъ вовсе не поютъ, про Дуная и Ставра тамъ даже не слыхивали; напротивъ того, сказанія про Илью Муромца и Чурилу здѣсь многочисленнѣе, особенно — пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ имѣютъ у кенозерскихъ сказителей такое преобладающее значеніе, какого не видно въ Прионежьѣ; сверхъ того, на Кенозерѣ поются нѣкоторыя былины, вовсе неизвѣстныя въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, о Щелканѣ. Группа Водлозерская не имѣетъ никакой опредѣленной физіономіи, потому что, какъ замѣчено выше, тамъ эпическая поэзія только начинаетъ водворяться, заносимая съ разныхъ сторонъ. Наконецъ, въ послѣдней изъ мѣстностей, которыя я рѣшился причислить къ Сѣверо-восточной группѣ, — на Мошѣ, слишкомъ мало остатковъ эпической поэзіи, чтобы можно было судить о ея характерѣ. Былины тамъ, по большей части, перешли въ прозаическіе разсказы въ видѣ сказокъ, и на Мошѣ остался только одинъ замѣчательный пѣвецъ былинъ (Швецовъ). Его былины довольно замѣтно отличаются отъ кенозерскихъ, и какъ Мошенскій край, по природнымъ условіямъ, всего ближе связанъ съ Шенкурскимъ уѣздомъ Архангельской губерніи, то можно бы предположить, что и въ отношеніи къ былевой поэзіи онъ составляетъ часть Шенкурской группы: но объ этой послѣдней я не имѣю никакихъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ личнаго наблюденія.

Между прочимъ слѣдуетъ замѣтить, что кенозерскія и мошенскія былины отличаются отъ всѣхъ прочихъ по нарѣчію. На всемъ Прионежьѣ, также какъ на Выгозерѣ и на Водлозерѣ, господствуетъ сѣверно-русское нарѣчіе, въ которомъ *о* произносится всегда чисто, безъ перехода въ *а*, и родительный падежъ прилагательныхъ на *аго, ого* выговаривается такъ, какъ мы его

пишемъ; при этомъ замѣчается еще свойственная новгородцамъ наклонность буквы *ъ* къ звуку *и* и буквы *ц* къ звуку *ч*, но случаи, въ которыхъ вмѣсто *ъ* слышится чистое *и*, вмѣсто *ц* — чистое *ч*, рѣдки и непостоянны,—обыкновенно же является средній звукъ, который трудно передать, Такъ, напримѣръ, очень рѣдко скажутъ: *бѣлый свитъ, молодечь*, обыкновенно же выходитъ не то *билый свитъ, молодечь*, не то *бѣлый свѣтъ, молодецъ*, а что-то среднее.

Съ Водлозера на Кенозеро ѣдешь верстъ 90 или 100 болотистыми рѣками, по совершенно безлюдному «суземку», на серединѣ котораго волокъ въ 5 верстъ и деревушка. Этотъ волокъ есть водораздѣлъ между водами Балтійскаго и Бѣломорскаго бассейновъ. Переѣхавъ водораздѣлъ, замѣчаешь тотчасъ и нѣкоторую перемѣну въ нарѣчіи: *ц* произносится чисто, *ъ* уже весьма рѣдко принимаетъ оттѣнокъ звука *и*, впервые слышится переходъ *і* въ *е* въ родительномъ падежѣ, особенно въ мелкихъ словахъ *тово, сево, нево* и тому подобныхъ.

Тотъ же самый говоръ слышенъ и на Мошѣ; далѣе по пути отъ Моши къ Вельску переѣзжаешь другой большой болотистый пустырь, отдѣляющій воды, которыя текутъ въ Онегу-рѣку, отъ притоковъ Сѣверной Двины. Съ этимъ водораздѣломъ опять-таки соединено измѣненіе въ нарѣчіи: ослабѣваетъ *ожанье*, окончаніе *аго* чаще переходитъ въ *аво*, произношеніе *ъ* какъ *и* совсѣмъ исчезаетъ, и любопытно, что съ перемѣною въ нарѣчіи совпадаетъ и другая, экономическая. До этого водораздѣла вся экономическая жизнь народа тяготѣетъ исключительно къ Петербургу и Архангельску, съ Москвою нѣтъ ни малѣйшей связи (кромѣ рѣдкихъ богатыхъ торговцевъ, бывающихъ на Нижегородской ярмаркѣ): за болотистымъ волокомъ, отдѣляющимъ Мошенскій край отъ Пуйскаго, Москва является главнымъ, наиболѣе знакомымъ народу экономическимъ центромъ, Петербургъ отходитъ на второй планъ.

Я удалился отъ нити своего изложенія. Мнѣ остается къ замѣчаніямъ о складѣ нашихъ былинъ прибавить нѣсколько наблю-

деній на счетъ ихъ размѣра. Къ этимъ наблюденіямъ меня привела съ перваго же дня встрѣча съ Абрамомъ Евтихіевымъ, съ которымъ, какъ сказано, я познакомился при самомъ пріѣздѣ въ Петрозаводскъ. Онъ сталъ мнѣ пѣть свои былины, уже извѣстныя мнѣ по изданію г. Рыбникова, и слѣдя за ними по печатному тексту, я былъ пораженъ разницею — не въ содержаніи разсказа, а въ стихѣ. Въ печатномъ текстѣ стихотворное строеніе выражается только дактилическимъ окончаніемъ стиха; внутри же стиха никакого размѣра нѣтъ; когда же пѣлъ Абрамъ Евтихіевъ, то у него явно слышался не только музыкальный каданъ напѣва, но и тоническое стопосложеніе стиха. Я рѣшился записать былину вновь; сказитель вызвался сказать мнѣ ее «пословесно», безъ напѣва, и говорилъ, что онъ уже привыкъ «пословесно» передавать свои былины тѣмъ, которые прежде ихъ у него «списывали». Я началъ «списывать» былину о Михайлѣ Потыкѣ; размѣръ исчезъ, выходила рубленая проза въ родѣ той, какою эта былина напечатана была въ «Олонецкихъ Вѣдомостяхъ»[1]) и потомъ перешла въ сборникъ г. Рыбникова (т. I, № 38). Я попытался было переправить эту рубленую прозу въ стихъ, заставивъ сказителя вторично пропѣть ее, но это оказалось неисполнимымъ, потому что, какъ объяснено выше, сказители каждый разъ мѣняютъ нѣсколько изложеніе былины, переставляютъ слова и частицы, то прибавляютъ, то опускаютъ какой-нибудь стихъ, то употребляютъ другія выраженія. Прислушавшись нѣсколько дней къ первымъ встрѣченнымъ сказителямъ и напрасно пробившись съ ними, чтобы записать былину совершенно вѣрно, съ соблюденіемъ размѣра, какимъ она поется, я попробовалъ пріучить своего спутника рапсода *петь* (а не пересказывать только словами) былину съ такою разстановкою между каждымъ стихомъ, чтобы можно было записывать. Это было легко растолковать Абраму Евтихіеву, и я рѣшился записать вновь его былины. Напѣвъ поддерживалъ стихотворный размѣръ, который

1) По списку, доставленному П. О. Бутемевымъ

при передачи сказителемъ былины словами тотчасъ исчезаетъ отъ пропуска вставочныхъ частицъ и сліянія двухъ стиховъ въ одинъ, и былина вышла на бумагѣ такою, какъ она дѣйствительно была пропѣта. Тотъ же пріемъ употреблялъ я впослѣдствіи со всѣми другими сказителями, и онъ мнѣ удавался почти всегда. Только въ рѣдкихъ случаяхъ (они будутъ мною всякій разъ обозначаемы) мои старанія были тщетны. Такъ черезъчуръ ветхій и почти глухой старикъ Кузьма Романовъ и замѣчательная, впрочемъ, сказительница Домна Сурикова никакъ не могли приладится къ пѣсенной передачѣ былины. Когда они начинали сказывать ее нараспѣвъ, то не въ состояніи были остановиться, чтобы не пропѣть вдругъ цѣлую тираду, которую могъ бы записать развѣ стенографъ; когда же я ихъ останавливалъ и просилъ повторить то же потише, то впадали въ прозаическій пересказъ, въ которомъ стихосложеніе исчезало.

Записавъ съ возможною внимательностью къ стихотворному размѣру былины 70-ти сказителей и сказительницъ, позволю себѣ сдѣлать нѣкоторые общіе выводы. Сказителей въ этомъ отношеніи можно распредѣлить на три группы:

1) сказители, которые точно соблюдаютъ въ каждой былинѣ правильный размѣръ;

2) сказители, которые соблюдаютъ размѣръ, но не всегда правильный; и

3) сказители, которые вовсе не соблюдаютъ размѣра.

Что правильное тоническое стопосложеніе составляетъ коренное, нормальное свойство русской народной былины; что неправильность въ стихотворномъ размѣрѣ есть признакъ порчи, а совершенное отсутствіе размѣра — дальнѣйшая степень такой порчи, это не требуетъ доказательствъ для каждаго, кто либо послушаетъ нашихъ сказителей, либо потрудится прочесть былины, записанныя съ ихъ напѣва. Онъ найдетъ правильный тонический стихъ у тѣхъ именно сказителей, у которыхъ былины и по содержанію самыя складныя, самыя полныя, самыя архаическія; онъ замѣтитъ, что рапсоды, которые допускаютъ непра-

вильности въ стопосложеніи, все-таки обыкновенно поютъ правильнымъ стихомъ повторяющіяся типическія мѣста, то-есть, то, въ чемъ всего болѣе сохраняется древній складъ рѣчи; онъ увидитъ, что совершенно разрушенный стихъ имѣетъ спутникомъ разрушеніе и въ содержаніи, и во внутреннемъ складѣ былинъ.

Какой же размѣръ нашего народнаго эпическаго стиха? Не одинъ, а нѣсколько.

Г. Рыбниковъ замѣтилъ, что у Рябинина «одинъ и тотъ же быстрый голосъ очень веселъ въ «Ставрѣ», въ «Пѣтыкѣ» какъ-то заунывнѣе, а въ «Вольгѣ и Микулушкѣ» выходитъ торжественнымъ». Г. Рыбниковъ разумѣетъ здѣсь собственно напѣвъ, но за напѣвомъ скрывается его основа — размѣръ стиха. Въ «Ставрѣ» у Рябинина хорей съ дактилемъ, въ «Пѣгыкѣ»—чистый хорей, въ «Вольгѣ и Микулѣ»—анапестъ. Эти три размѣра вмѣщаютъ въ себѣ весь нашъ народный эпосъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ болѣе позднихъ его произведеній.

Преобладающій размѣръ, который я назову *обыкновеннымъ эпическимъ размѣромъ*, есть чистый хорей съ дактилическимъ окончаніемъ.

Число стопъ неопредѣленно, такъ что стихъ является *растяжимымъ*. Растяжимость при правильномъ типическомъ размѣрѣ составляетъ отличительное свойство русскаго эпическаго стиха. Но при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что у хорошихъ пѣвцовъ растяжимость стиха бываетъ весьма умѣренная. Рѣшительное преобладаніе принадлежитъ стиху 5-ти и 6-ти-стопному, который затѣмъ можетъ расширяться до 7-ми и суживаться до 4-хъ стопъ; стихи же длиннѣе или короче того допускаются лишь развѣ какъ самая рѣдкая аномалія. Чрезмѣрно длиннаго стиха (болѣе 8-ми стопъ) вы никогда не услышите отъ сказителя, если только онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, у которыхъ размѣръ стиха совсѣмъ разрушенъ. Встрѣчая такіе длинные стихи въ печатныхъ изданіяхъ былинъ, мы должны ихъ объяснять тѣмъ, что сказители, когда передаютъ былину сло-

вами безъ напѣва, часто сливаютъ два и даже три стиха въ одинъ. Можно также замѣтить, что въ нѣкоторыхъ былинахъ преобладаетъ типъ стиха болѣе короткаго, такъ что наибольшая часть стиховъ 4-хъ-и 5-ти-стопные, въ другихъ преобладаютъ длинные, 6-ти-стопные съ примѣсью 7-ми-стопныхъ. Такъ Калининъ пѣлъ былины про Илью Муромца стихомъ по преимуществу 4-хъ-и 5-ти-стопнымъ, про Добрыню Никитича 6-ти-и 7-ми-стопнымъ. Любопытно было бы сравнить русскій эпическій стихъ съ такимъ же стихомъ у другихъ народовъ: какіе бы это сравненіе дало результаты? Съ стихомъ южно-славянскимъ, силлабическимъ и нерастяжимымъ (то-есть, безъ тоническаго склада и съ непремѣннымъ соблюденіемъ одинаковаго числа слоговъ), у насъ нѣтъ ничего общаго кромѣ того, что каждый стихъ, и русскій и южно-славянскій, долженъ представлять какой-нибудь болѣе или менѣе цѣльный смыслъ, какую-нибудь фразу или отдѣльный членъ фразы, не допускал ни въ какомъ случаѣ такъ-называемаго enjambement, столь любимаго напротивъ въ стихѣ древне-греческаго, германскаго и скандинавскаго эпоса.

Впрочемъ, не стану удаляться отъ своего предмета и потому возвращаюсь къ размѣрамъ олонецкихъ сказителей. Вотъ примѣръ стиха, который я назвалъ обыкновеннымъ эпическимъ [1]):

---

1) Если читатель потрудится сравнить эти строки съ напечатанными въ сборникѣ г. Рыбникова, т. I, стр. 54, то онъ замѣтитъ, какъ размѣръ исчезалъ вслѣдствіе того, что былина записывалась имъ по-словесно и только повѣрялась по напѣву (см. «замѣтку» въ III т., стр. XIX), а не списывалась непосредственно съ голоса.— Вотъ соотвѣтствующее мѣсто у г. Рыбникова:

Старый казакъ Илья Муромецъ
Поѣхалъ на добромъ конѣ
Мимо Черниговъ градъ:
Подъ Черниговымъ силушки червымъ черно,
Чернымъ черно, какъ черна ворона.
Припустилъ онъ коня богатырскаго
На эту силушку великую,
Сталъ конемъ топтать и копьемъ колоть,
Потоптал и покололъ силу въ скоромъ времяни,
И подъѣхалъ онъ ко городу ко Чернигову.
Приходятъ мужики къ нему Черниговцы,

Изъ того ли то изъ города изъ Муромля,
Изъ того села да съ Карачирова,
Выѣзжалъ удаленькой, дородній добрый молодецъ.
Онъ стоялъ заутрену во Муромли
А й къ обѣденкѣ поспѣть хотѣлъ онъ въ стольнёй Кіевъ градъ,
Да й подъѣхалъ онъ ко славному ко городу къ Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнано-то силушки черным-черно,
А й черным-черно какъ черна ворона,
Такъ пѣхотою никто тутъ не прохаживатъ,
На добромъ кони никто тутъ не проѣзживатъ,
Птица черный воронъ ие пролетыватъ,
Сѣрый звѣрь да не прорыскиватъ.
А подъѣхалъ какъ ко силушкѣ великоей,
Онъ какъ сталъ-то эту силушку великую,
Сталъ коиемъ топтать да сталъ копьемъ колоть,
А й побилъ онъ эту силу всю великую.

Отворяютъ ему ворота въ Черниговъ градъ
И зовутъ его въ Черниговъ воеводою.
Говоритъ имъ Илья таковы слова:
«А й же вы, мужики Черниговцы!
«Нейду я къ вамъ въ Черниговъ воеводою;
«А скажите-ка мнѣ дорогу прямоѣзжую,
«Прямоѣзжую дорогу въ стольно-кіевъ градъ».
Говорили ему мужички Черниговцы:
— А й же, удаленькій дородній добрый молодецъ,
— Славный богатырь свято-русскій!
— Прямоѣзжею дорожкою въ Кіевъ пятьсотъ верстъ,
— Окольною дорожкою цѣла тысяча.
— Прямоѣзжая дороженька заколодила,
— Заколодила дорожка, замуравѣла;
— Сѣрый звѣрь туда ие прорыскиватъ,
— Черный воронъ ие пролетыватъ:
— Какъ у тоя у Грязи у Черныя
— У тоя у березы у покляпыя,
— У славнаго креста у Леванидова,
— У славненькой у рѣчки у Смородинки,
— Сидитъ Соловей разбойникъ Одихмантьевъ сынъ.
— Свищетъ Соловей онъ по соловьему,
— Воскричитъ-то онъ, злодѣй, по звѣриному:
— Темны лѣсушки къ землѣ преклоняются,
— Что есть людюшекъ, всѣ мертвы лежатъ.—

Енъ подъѣхалъ-то подъ славный подъ Черниговъ градъ.
Выходили мужички да тутъ черниговски
И отворяли-то ворота во Черниговъ градъ,
А й зовутъ его въ Черниговъ воеводою.
Говоритъ-то имъ Илья да таковы слова:
«А й же мужички да вы Черниговски,
«Я не йду къ вамъ во Черниговъ воеводою.
«Укажите мнѣ дорожку прямоѣзжую,
«Прямоѣзжую да въ стольній Кіевъ градъ».
Говорили мужички ему Черниговски:
— Ты удаленькой, дородній добрый молодецъ,
— А й ты славиыя богàтырь святорусскіи!
— Прямоѣзжая дорожка заколòдѣла,
— Заколодѣла дорожка, замуравѣла.
— А й по той ли по дорожкѣ прямоѣзжою
— Да й пѣхотою никто да не прохаживалъ
— На добрóмъ коии никто да не проѣзживалъ.
— Какъ у той ли-то у грязи-то у Чернóей,
— Да у той ли у березы у покляпыи,
— Да у той ли рѣчки у Смородины,
— У того креста у Леванидова,
— Сиди Сòловей розбойникъ во сыромъ дубу,
— Сиди Сòловей розбойникъ Одихманьевъ сынъ,
— А то свищетъ Сòловей да по солòвьему,
— Енъ крычитъ злодѣй розбойникъ по звѣриному.
— Й отъ него ли-то отъ пòсвисту солòвьяго,
— Й отъ него-ли то отъ пòкрыку звѣринаго
— То всѣ травушки муравы уплетаются,
— Всѣ лазуревы цвѣточки отсыпаются,
— Темны лѣсушки къ земли вси приклоняются,
— А что есть людей, то вси мертвы лежатъ. —

Этимъ размѣромъ лучшіе сказители, какъ-то Рябининъ, Еремѣевъ, Калининъ, вамъ пропоютъ былину въ тысячу слишкомъ стиховъ, не сбиваясь въ стопосложеніи. Если у нихъ въ сотнѣ стиховъ найдется одинъ какой-нибудь неправильный, то это конечно такъ же мало значитъ, какъ то, что и старикъ Гомеръ бывало, «засыпая», скажетъ плохой гекзаметръ. Но большинство

нашихъ сказителей позволяютъ себѣ въ хореическомъ стихѣ двѣ вольности, которыя, впрочемъ, мало замѣтны при пѣніи былины: именно, въ началѣ стиха они изрѣдка допускаютъ приставку или недостачу одного слога, такъ какъ хорей превращается въ ямбъ, а въ срединѣ иногда вмѣсто хорея употребляютъ дактиль; но какъ при этомъ два краткіе слога дактиля сливаются въ произношеніи, то хореическій кадансъ отъ того не теряется. Привожу примѣръ такой былины, записанный со словъ Абрама Евтихіева:

Добрынюшкѣ-то матушка говаривала,
Да й Микитичу-то матушка наказывала:
«Ты не ѣзди-ко далече во чистó полё
«На тую́ горý да сорочинскую,
«Не топчи-ко мла̀дыихъ зміёнышёвъ,
«Ты не выручай-ко по̀лоновъ да русьскіихъ,
«Не куплись Добрыня во Пучай рѣки;
«Но Пучай рѣка очѝнь свирипая,
«Но середняя-то струйка какъ огонь сѣчётъ».
А Добрыня сво̀ей матушки не слушался,
Какъ онъ *пдетъ* далече во чистó полё,
А на̀ тую на гору сорочинскую,
Потопталъ онъ младыѝхъ зміенышевъ,
А й повыручалъ онъ полоновъ да русьскіихъ.
Богатырско его сердце роспотѣлоси,
Роспотѣлось сердце нажадѣлоси,
Онъ приправилъ своего добра̀ коня.
Онъ добра коня да ко Пучай-рѣки.
Онъ слѣзалъ Добрыня со добра̀ коня,
Онъ снималъ Добрыня платье цвѣтноё,
Да онъ *за̀брелъ за струечку* за первую,
Да онъ *за̀брелъ за струечку* за среднюю
И самъ говорилъ да таково слово:
«Мнѣ *Добрынюшки* матушка говарпвала,
«Мнѣ *Микитичу* маменька й наказывала,
«Что не ѣзди-ко далече во чистó полё
«На тую́ горý на сорочинскую,
«Не топчй-ко младыихъ зміенышовъ,

«А не *выручай* по́лоновъ да русьскіихъ
«*И не купись Добрыня во Пучай рѣки*,
«Но Пучай рѣка очи́нь свирипая,
«А середняя-та струйка какъ огонь сѣчётъ;
«А Пучай рѣка она кротна́-смирна
«Она будто лужа-та дождевая».
Не успѣлъ Добрыня словца молвити,—
Вѣтра нѣтъ — да тучу на́днесло
Тучи нѣтъ — да быдто дождь дождитъ
А й дождя-то нѣтъ, да только громъ гремитъ,
Громъ гремитъ да свищетъ молнія.
А какъ ле́титъ зміищо Горынчищо
О тыёхъ двѣнадцати о хоботахъ.
А Добрыня той змѣи да пріужа́хнется.
Говоритъ змѣя ему проклятая:
— Ты теперича До́брыня во моихъ рукахъ;
— Захочу тебя Добрыню те́перь по́топлю,
— Захочу тебя Добрыню те́перь съѣмъ-сождру,
— Захочу тебя Добрыню въ хобота́ возьму,
— Въ хобота возьму Добрыню, въ нору́ снесу.—
Прида́дастъ змѣя какъ ко быстрой рѣки,
А Добрынюшка-то плавать онъ гораздъ вѣдь былъ
Онъ нырнётъ на бе́режокъ на та́мошной
Онъ нырнётъ на бережокъ на здѣшныій, и т. д.

Такимъ образомъ, на 52 стиха оказывается 42 совершенно правильныхъ хореическихъ, въ 4-хъ стихахъ хорей превращенъ въ ямбъ, въ 6-ти стихахъ есть дактилическія стопы вмѣсто хорея [1]) Можно сказать, что такой, нѣсколько тронутый порчею,

---

1) Въ сборникѣ г. Рыбникова (т. I, 122) это мѣсто читается такъ по списку г. Бутенева, записанному, какъ разсказывалъ самъ Евтихіевъ, съ «словесной» передачи былины:

Добрынюшкѣ матушка говорила:
«Что молодъ началъ ѣздить во чисто поле,
«На тую гору Сорочинскую,
«Топтать-то молодыхъ зміенышей,
«Выручать-то полоновъ русскіихъ.
«Не купись, Добрыня, во Пучай-рѣки.
«Пучай-рѣка есть свирипая:

хорей въ настоящее время преобладаетъ у олонецкихъ сказителей, за исключеніемъ немногихъ наилучшихъ, которые умѣютъ

«Середня струйка какъ огонь сичетъ».
Добрынюшка матушки не слушался.
. . . . . .
Какъ былъ онъ во чистомъ поли,
На тыихъ горахъ на высокіихъ,
Потоптылъ младыихъ змиенышей,
Повыручилъ полоновъ русскіихъ,
Богатырско его сердце пожадѣлося
Пожадѣлося и распотѣлося.
Онъ приправилъ своего добра коня,
Добра коня ко Пучай-рѣки,
Сѣзаетъ онъ скоро съ добра коня,
Снималъ съ себя платье цвитное,
Забрелъ за струечку за первую,
И забрелъ за струечку за среднюю.
И самъ говорилъ таково слово:
«Мнѣ Добрынюшки матушка говаривала,
«Мнѣ Пикитичу матушка наказывала,—
«Что не ѣзди далече во чисто поле,
«На тую гору Сорочинскую,
«Не топчи-ко младыихъ змиенышей.
«Не выручай полоновъ русскіихъ,
«Не купись, Добрыня, во Пучай-рѣки,
«Что Пучай-рѣка есть свирипая:
«Средня струйка какъ огонь сичетъ.
«А Пучай-рѣка есть кротка, смирна:
«Она будто лужа дожжевая».
Какъ въ тую пору въ то время
Вѣтра нѣтъ, тучу надвесло.
Тучи нѣтъ, а только дожжь дожжитъ,
Дожжя-то нѣтъ, искры сыпятся,—
Летитъ Зминще-Горынчище
О двинадцати зминя о хоботахъ.
Хочетъ змия его съ конемъ сожечь,
Сама говоритъ таково слово:
— Тепереча Добрыня въ моихъ рукахъ,
— Захочу — Добрыню теперь потоплю,
— Захочу — Добрыню въ хобота возьму,
— Въ хобата возьму и на Русь возьму,
— Захочу — Добрыню съѣмъ сожру.—
Добрынюшка плавать гораздъ онъ былъ.
Нырнетъ на бережекъ на тамошній,
Нырнетъ на бережекъ на здѣшній.

выдерживать размѣръ стиха совершенно, и съ другой стороны— тѣхъ, какъ Щеголёнокъ, Сорокинъ, Сарафановъ, которые вовсе утратили размѣръ въ стихѣ.

Второй размѣръ въ былинахъ можно назвать *игривымъ*, какъ по его тону, такъ и потому, что этимъ размѣромъ сложены былины менѣе серьезныя по содержанію, а именно про Соловья Будимірова, Чурилу Пленковича, Ставра, иногда про Дуная Ивановича, а также про нашествіе Батыя на Кіевъ, событіе, которому народный эпосъ придалъ шутливый колоритъ. Размѣръ этотъ отличается тѣмъ, что хорическія стопы перемѣшаны съ дактилическими, которыя при томъ не скрадываются, какъ въ чисто-эпическомъ размѣрѣ, а выговариваются весьма явственно. Надобно замѣтить, что никогда былина не складывается цѣликомъ изъ такихъ стиховъ,— что̀ было бы черезъ-чуръ утомительно для слуха,— а они перемѣшиваются съ чистыми хорическими стихами. Для примѣра привожу начало пропѣтой Рябининымъ былины о Дунаѣ Ивановичѣ:

Владыміръ князь стольно-кіевской
Заводилъ онъ почестенъ пиръ-пированьицо
А й на всѣхъ-то на князеи̯ на бо̀яровъ
Да й на русьскихъ могучихъ бога̀тырей̯,
На всѣхъ славныхъ поляницъ на удалыихъ.
А сидятъ-то молодцы на честно̀мъ пиру,
Всѣ-то сидятъ пьяны-веселы.
Владыміръ князь по горенки похаживалъ,
Пословечно государь выговаривалъ:
«Всѣ есть добры молодцы поженены,
«Красныи дѣвушки замужъ даны,
«Столько я одинъ хожу холостъ не же́ненои̯.
«То вы знаете ль мнѣ братцы супротивничку,
«Чтобы лпчушкомъ она да й супротивъ меня,
«Очшуки у неи̯ бы ясныхъ соболеи̯,
«Бровушки у нёи̯ бы черныхъ соболеи̯,
«А походочкой она бы лани бѣлою,
«Бѣлою лани напольскою,
«Напольской лани златорогія,

«А чтобы было бы мнѣ съ кимъ жить да быть, вѣкъ корóтати
«А'ще вамъ молодцамъ было бъ то кому поклонятися».
Всѣ богáтыри за столикомъ умолкнули,
Всѣ молодци да пріутихнули
За столомъ-та сидятъ, загулялися, и т. д.

Пусть читатель сравнитъ это мѣсто съ началомъ былины того же пѣвца о Добрынѣ и Васильѣ Казиміровѣ. Тамъ Рябининъ пѣлъ:

Заводилъ почестенъ пиръ да й пированьицо,

Здѣсь:

Заводилъ онъ почестенъ пиръ пированьицо

Тамъ:

На всѣхъ сильныхъ русьскіихъ могучихъ на богáтырей
А й на славныхъ поляницъ на удалыихъ

Здѣсь:

Да й на русьскихъ могучихъ богáтырей
На всѣхъ славныхъ полянницъ на удалыихъ.

Такимъ образомъ одинъ и тотъ же стихъ, смотря по характеру былины, складывается то хорейческимъ, то дактилическимъ размѣромъ. Любопытно при томъ, что въ концѣ былинъ про Дуная и про Чурилу, когда игривый ихъ тонъ уступаетъ мѣсто трагической развязкѣ, дактилическіе стихи исчезаютъ, и размѣръ переходитъ въ чистый хорей.

У нѣкоторыхъ сказителей мы находимъ особенный варіантъ дактилическаго размѣра, состоящій въ томъ, что послѣдняя стопа удлиняется и стихъ кончается не дактилемъ, а четырехъ — или пяти-сложною стопою съ небольшимъ повышеніемъ голоса на послѣднемъ слогѣ. Это придаетъ еще бóльшую легкость размѣру; но такіе стихи никогда не допускаются иначе, какъ въ перемежку съ обыкновенными:

Зго́воритъ младъ Соловéй сынъ Гудíміровíчъ:
«Сходенку выкидывай серéбряную,

«Другу выкидывай подзоло́ченую̀,
«Третью выкидай испово́лжаную̀.
«Берите подарки умильніи,
«Куницъ вы лисицъ да заморскіихъ».
Брали ёны во бѣлы́и руки,
Матушку камочку узо́рчатую̀,
И самъ беретъ гуселка яро́вчатый̀,
И самъ и́детъ по сходенки золо́ченый̀,
Матушка идѐтъ по сере́бряный̀,
Вся его дружина по испово́лжаный̀;
Приходятъ оны ко Влади́міру на дво̀ръ.
Приходитъ въ палату грановитую,
Крестъ кладетъ по писа́ному,
А поклоны-ты ведѐтъ по уче́ному,
На всѣ три вѣдь на четыре онъ на сто́роны.
Тому ли Владиміру въ особину.
Подаютъ ему подарочки хорошіе,
Матушка камочку узо́рчатую̀
Молодой княгини Опраксіи.
Взимаетъ княгиня на бѣлы́и рукѝ,
А взимаетъ княгиня дивуется:
Да не до́рога камочка заморская,
А й дороги узоры заморскіи.
Сталъ его Владиміръ выспра́шиватѝ
Сталъ его Владиміръ вывѣ́дыватѝ:
— Ты скажись, молодецъ, съ коѐй земли,
— Какъ молодца именѐмъ зовутъ?

Третій размѣръ, *анапестическій*, отличается тѣмъ, что вся тяжесть стиха падаетъ на послѣднемъ слогѣ, другое на третьемъ или четвертомъ слогѣ съ конца, а у одного сказителя (Висаріонова) слышалось иногда два ударенія на двухъ послѣднихъ слогахъ рядомъ, и при этомъ на послѣднемъ болѣе протяжное, такъ что стихъ выходитъ какой-то особенно медленный и грузный. Анапестическій размѣръ соотвѣтствуетъ тому, что̀ г. Рыбниковъ называетъ «торжественнымъ» напѣвомъ, и встрѣчается въ весьма немногихъ былинахъ, а именно о Вольгѣ, Микулѣ и Колыванѣ. Тѣмъ же размѣромъ пѣлась, вѣроятно, и былина о дѣтствѣ Ильи

Муромца, но единственный сказитель, сохранившій эту былину, Щеголёнокъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые отвыкли отъ соблюденія размѣра, и только отдѣльные стихи напоминали у него анапестическій складъ. Былины о Вольгѣ и Микулѣ Селяниновѣ принадлежатъ тѣмъ, которыя меньше всѣхъ интересуютъ народъ и мало поются даже тѣми, которые ихъ еще помнятъ. Потому и размѣръ, о которомъ я говорю, является вездѣ болѣе или менѣе разрушеннымъ во внутреннемъ строеніи стиха. Вотъ примѣры:

Жалъ Святославъ девяносто лѣтъ,
Жалъ Святославъ и переставился;
Оставалось отъ него чадо милое,
Молодой Вольга̀ Святославговичъ.
Сталъ Вольга̀ онъ ростѣ̀ть матерѣ̀ть,
Похотѣлось Вольги̇-то много мудрости:
Щукой рыбою ходить Вольги во си́нихъ моря̀хъ,
Птицей соколомъ летать Вольги подъ о́болоки,
Волкомъ и рыскать во чи́стыхъ поля̀хъ.
Уходили-то всѣ рыбушки въ глубо́кія моря̀,
Улетали всѣ птички за о́болоки̇,
Убѣгали-то всѣ звѣри за те́мны лѣса̀.
Сталъ Вольга̀ онъ ростѣ̀ть матерѣ̀ть
И собралъ соби дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцовъ безъ единого,
Самъ еще Вольга̀ во тридцатыихъ, и т. д.

Рябининъ.

[illegible]

Во чистомъ поли съѣзжа́лоси̇
Три сильніихъ могучіихъ бога́тыря̀
До имени перво̀й Колыванъ бога́ты̀рь,
Другой Муромля̀нъ бога́тырь,
Третій Самсонъ бога́тырь.
Про между собою рѣчи говори́ли̇,
Которыя изъ насъ будетъ бо́льшій бра̀тъ?
Говоритъ Самсо̀нъ бога́ты̀рь:
Якобы былъ столо̀бъ въ земли̇,

«Кабы было кольцо въ столбу̀
«Я бы землю всю во кру̀гъ повернýлъ».
Говорѝтъ Муромля̀нъ бога́тырь;
«Я бы такожде по́вернýлъ».
Го́воритъ Колыва̀нъ бога́ты̀рь:
«Я такожде мо́гъ повернýть».
Господь Всевышнія творѐцъ
За ихнее похвале́ніѐ
Далъ имъ привидѣ́ніѐ:
Куда у ихъ было на́рчено въ путь ѣ́ха̀ть,
Лежѝтъ на дороги сумка̀,
Въ таковоѝ сумкѣ̀ сложенъ весь земны́я гру̀зъ.
Выскакиватъ со своего со до́браго коня̀
Самсо̀нъ бога́ты̀рь,
Хватаетъ такову̀ю сумку̀,
Сумка съ мѣ̀ста не ворохне́тся̀.
Выходѝтъ Муромля́нъ бога́ты̀рь
Со своего со до́браго коня̀,
Хватаетъ такову̀ю сумку̀,
По колѣ́намъ въ зе́млю усѣ̀лъ,
Сумка съ мѣ̀ста не ворохне́тся̀.
Выходѝтъ Колыванъ бога́ты̀рь
Со своего со до́браго коня̀,
Хватаетъ такову́ю су́мку̀
По грудямъ въ зе́млю сѣ̀лъ,
Сумка съ мѣ̀ста не ворохне́тся̀.
Съ небесъ имъ гласъ прогласи́ло:
«Сильніѝ могучіѝ бога́тырѝ!
Отстаньте прочь отъ таковы́я сумкѝ,
Весь земныя грузъ въ сумку сло́жѐнъ.
Впредкѝ не похваля́йтѐсь
Всёю землёю влад ѣ́тѝ,
Наблюдайте своё доброё,
Ѣздитѐ по Русѝ,
Дѣ̀лайте защи́ту̀,
Сохраняйте Ру́сею отъ не́пріятеля̀,
А хвастать по пустому̀ вного не зна́йтѐ».

Алексѣй Висаріоновъ.

Эти три размѣра: обыкновенный хореическій, хореическій съ дактилемъ и анапестическій, какъ я сказалъ, вмѣщаютъ въ себѣ весь нашъ народный эпосъ; я разумѣю циклъ былинъ, которыя составляютъ главное содержаніе эпическихъ сказаній нашего Сѣвера, такъ-называемыя кіевскія и новгородскія былины и разныя рапсодіи, тоже называемыя въ народѣ былинами, въ которыхъ описываются событія, такъ сказать, безыменныя (напримѣръ, про братьевъ-разбойниковъ, про горѣ, про ревниваго мужа и такъ далѣе). Но этимъ не ограничилось развитіе великорусскаго эпоса, и въ другихъ его произведеніяхъ являются и другіе размѣры. Укажу на тѣ, которыя мнѣ случилось встрѣтить занесенными въ Олонецкую губернію.

Во-первыхъ, есть типъ, сходный со вторымъ изъ приведенныхъ размѣровъ (хорей съ дактилемъ), но отличающійся тѣмъ, что стихи состоятъ изъ меньшаго числа стопъ, 3-хъ или 4-хъ вмѣсто обыкновеннаго 5-ти, 6-ти и 7-ми-стопнаго стиха. Такимъ размѣромъ поются: былина про Щелкана Дудентьевича и какая-то шутливая былина про князя Ромодановскаго и его большого быка.

А на стулѣ на бархати,
На златомъ на ремеиьчатомъ
Сидѣлъ тутъ царь Возвягъ,
Возвягъ сынъ Таврольевичъ,
Ёнъ де суды разсу́живалъ
Всѣ дѣла приговаривалъ
И князьевъ бояръ жаловалъ
Селами, помѣстьями,
Городамъ съ пригородками.
И Хому дарилъ Томкою [1])
И Ерёму Новы́мъ-городомъ.
И Щелканушка дома не случилосе.
И уѣхалъ Щелканушко
Ёнъ во землю жидовскую,
Ёнъ для чёртова пра́вежу,

1) Т. е. Тотьмою.

Ради дани и выходу.
Ёнъ-де съ поля по ко́лосу бралъ,
Съ улицы по курици,
Съ мужика по пяти́ рублей,
У кого-де пяти рублей нѣтъ
У того онъ жену́ беретъ,
У кого какъ жены́-то нѣтъ
И того самого́ беретъ.
Какъ у Щелкана не вы́робишься,
Со двора вонъ не вы́рядиться.
Какъ пріѣхалъ Щелканушко
Изъ земли изъ жидовскіе
Ко царю на широкой дворъ:
«Токо токо [1]) ты, царь Возвягъ,
Царь Возвягъ сынъ Таврольевичъ,
И ты су́ды разсуживалъ,
Всѣ дѣла приговаривалъ,
Всѣхъ князьевъ бояръ жаловалъ
И селами и помѣстьями,
Городамъ съ пригородками,
И Хому дарилъ Токмою
И Ерёму Новы́мъ-городомъ;
Подари-тко Щелканушка,
Ты любимаго зятюшка,
Ме́ня Тверію городомъ,
Ме́ня Тверію славною,
Ме́ня Тверію богатою,
Двумя братцами ро́дными
И князьёмъ благовѣрными,
И Борисомъ Борисовичемъ
И Митріемъ Борисовичемъ».
Говоритъ ему царь Возвягъ:
«Ты любимое зятюшко
Щелка́нъ сынъ Дудентьевичъ!
Заколи́-ко чада милаго,
Своего сына любимаго,

---

1) Частица, сложенная изъ *то* и приставки *ко*, употребляется вмѣсто *то* или *тутъ*.

Ты Гордѣя Щелкановича,
Нацѣди-ко ты чашу́ руды
Токо чашу серéбряную,
Выпей ту чашу́ руды,
Стоючи́сь передъ Звягой-царёмъ,
Передъ Звягой Таврольевичемъ!»
Токо взявши Щелканушко
Закололъ чада милаго,
Своего сына́ любимаго,
И Гордѣя Щелкановича,
Нацѣдилъ же ёнъ чашу руды,
Токо чашу серéбряную
Выпилъ ту чашу руды,
Стоючись передъ Звягой царёмъ,
Передъ Звягой Таврольевичемъ.
Подарилъ его царь Возвягъ
Ѣго Тверію городомъ,
Ѣго Тверію славною,
Ѣго Тверью богатою,
Двумя братцами ро́дными
И князьёмъ благовѣрными,
И Борисомъ Борисовичемъ
И Митріемъ Борисовичемъ.
И поѣхалъ Щелканушко,
И заѣхалъ Щелканушко
Къ родной сестры проститпся,
Токо къ Марьѣ Дудентьевной:
«Ты прощай моя ро́дна сестра̀
Токо Марья Дудентьевна!»
— «Ты прощай же мой ро́дной братъ,
Ужо по̀ роду ро̀дной-братъ,
По прозванью окаянной братъ!
И кабы̀ ти у̀ѣхати
И назадъ не прiѣхати
Ка́бы ти самому на ножѝ остыть
И на сабли на вострые!»
И у̀ѣхалъ Щелканушко
Еще самъ голово̀й вершилъ.

Матрена Меньшикова.

Во-вторыхъ, существуютъ былины, ясно принадлежащія XVII вѣку, которыя сложены тѣмъ самымъ размѣромъ, какъ записанныя для Ричарда Джемса пѣсни временъ Самозванцевъ. Это 5-ти и 6-ти-стопный хорей (изрѣдка по неправильности переходящій въ ямбъ или дактиль) съ хорейческимъ же, а не дактилическимъ окончаніемъ. Произведенія, этимъ стихомъ сложенныя, уже не суть собственно былины, а скорѣе должны быть названы историческими пѣснями. Въ нихъ отсутствуетъ героическій характеръ. Когда же пѣвецъ XVII вѣка облекалъ событія, хотя бы близкой ему эпохи, блескомъ чудеснаго, то онъ пѣлъ о нихъ эпическимъ размѣромъ былинъ кіевскаго и новгородскаго цикла. Сравните былины, въ которыхъ героемъ является Никита Романовичъ со всѣми аттрибутами эпическаго богатыря, и историческія пѣсни, записанныя для Ричарда Джемса въ 1619 году, или нижеслѣдующую былину о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и вы увидите, что разница въ размѣрѣ совпадаетъ съ различіемъ въ самомъ тонѣ и, такъ сказать, освѣщеніи поэтическаго разсказа.

Посредѣ ль было Московскаго царства
Середѝ было Россійска государства,
Какъ у свѣта у Архангелы Михайлы,
У Ивана у великаго въ соборѣ,
Зазвонили во большой во ко́локолъ,
Всихъ князей-бояръ къ обѣднѣ созывали,
Тамъ служили святыи молебенъ.
Выходилъ наша̀ надежда государь-царь
Алексѣй сударь Михайловичъ московской,
Становился государь на ро́вно мѣсто,
На всѣ стороны онъ поклонился.
Что ни золота труба да вострубила,
Не серебряная полочка звенѣла,
Зговорила наша̀ надежда государь-царь
Алексѣй сударь Михайловичъ московскій:
«Ай же вы князья-бояра
«Пособите государю дума думать,

хорей въ настоящее время преобладаетъ у олонецкихъ сказителей, за исключеніемъ немногихъ наилучшихъ, которые умѣютъ

«Середня струйка какъ огонь сичетъ».
Добрынюшка матушки не слушался.
. . . . . .
Какъ былъ онъ во чистомъ полѣ,
На тыихъ горахъ на высокіихъ,
Потопталъ младыихъ змиенышей,
Повыручилъ полоновъ русскіихъ,
Богатырско его сердце пожадѣлося
Пожадѣлося и распотѣлося.
Онъ припрягалъ своего добра коня,
Добра коня ко Пучай-рѣки,
Слѣзаетъ онъ скоро съ добра коня,
Снималъ съ себя платье цвитное,
Забрелъ за струечку за первую,
И забрелъ за струечку за среднюю.
И самъ говорилъ таково слово:
«Мнѣ Добрынюшки матушка говаривала,
«Мнѣ Пикитичу матушка наказывала,—
«Что не ѣзди далече во чисто поле,
«На тую гору Сорочинскую,
«Не топчи-ко младыихъ змиенышей.
«Не выручай полоновъ русскіихъ,
«Не купись, Добрыня, во Пучай-рѣки,
«Что Пучай-рѣка есть свирипая:
«Средня струйка какъ огонь сичетъ.
«А Пучай-рѣка есть кротка, смирна:
«Она будто лужа дожжевая».
Какъ въ тую пору въ то время
Вѣтра нѣтъ, тучу надвесло.
Тучи нѣтъ, а только дожжь дожжитъ,
Дожжя-то нѣтъ, искры сыпятся,—
Летитъ Змиище-Горынчище
О двинадцати змия о хоботахъ.
Хочетъ змия его съ конемъ сожечь,
Сама говоритъ таково слово:
— Тепереча Добрыня въ моихъ рукахъ,
— Захочу — Добрыню теперь потоплю,
— Захочу — Добрыню въ хобота возьму,
— Въ хобата возьму и на Русь возьму,
— Захочу — Добрыню съѣмъ сожру.—
Добрынюшка плавать гораздъ онъ былъ.
Нырнетъ на бережекъ на тамошній,
Нырнетъ на бережекъ на здѣшній.

выдерживать размѣръ стиха совершенно, и съ другой стороны— тѣхъ, какъ Щеголёнокъ, Сорокинъ, Сарафановъ, которые вовсе утратили размѣръ въ стихѣ.

Второй размѣръ въ былинахъ можно назвать *игривымъ*, какъ по его тону, такъ и потому, что этимъ размѣромъ сложены былины менѣе серьезныя по содержанію, а именно про Соловья Будимірова, Чурилу Пленковича, Ставра, иногда про Дуная Ивановича, а также про нашествіе Батыя на Кіевъ, событіе, которому народный эпосъ придалъ шутливый колоритъ. Размѣръ этотъ отличается тѣмъ, что хореическія стопы перемѣшаны съ дактилическими, которыя при томъ не скрадываются, какъ въ чисто-эпическомъ размѣрѣ, а выговариваются весьма явственно. Надобно замѣтить, что никогда былина не складывается цѣликомъ изъ такихъ стиховъ,— что̀ было бы черезъ-чуръ утомительно для слуха,— а они перемѣшиваются съ чистыми хореическими стихами. Для примѣра привожу начало пропѣтой Рябининымъ былины о Дунаѣ Ивановичѣ:

Владыміръ князь стольно-кіевской
Заводилъ онъ почестенъ пиръ-пированьицо
А й на всѣхъ-то на князеи̯ на бо̀яровъ
Да й на русьскихъ могучихъ бога̀тыреи̯,
На всѣхъ славныхъ поляницъ на удалыихъ.
А сидятъ-то молодцы на честно̀мъ пиру,
Всѣ-то сидятъ пьяны-веселы.
Владыміръ князь по горенки похаживалъ,
Пословечно государь выговаривалъ:
«Всѣ есть добры молодцы поженены,
«Красныи дѣвушки замужъ даны,
«Столько я одинъ хожу холостъ не же́ненои̯.
«То вы знаете ль мнѣ братцы супротивничку,
«Чтобы личушкомъ она да й супроти̯въ меня,
«Очшуки у неи̯ бы ясныхъ соболеи̯,
«Бровушки у нёи̯ бы черныхъ соболеи̯,
«А походочкой она бы лани бѣлою,
«Бѣлою лани напольскою,
«Напольскои̯ лани златорогія,

«А чтобы было бы мнѣ съ кимъ жить да быть, вѣкъ корóтати
«А'ще вамъ молодцамъ было бъ то кому поклонятпся».
Всѣ богáтыри за столикомъ умолкнули,
Всѣ молодци да пріутихнули
За столомъ-та сидятъ, загулялися, и т. д.

Пусть читатель сравнитъ это мѣсто съ началомъ былины того же пѣвца о Добрынѣ и Васильѣ Казиміровѣ. Тамъ Рябининъ пѣлъ:

Заводилъ почестенъ пиръ да й пированьицо,

Здѣсь:

Заводилъ онъ почестенъ пиръ пированьицо

Тамъ:

На всѣхъ сильныхъ русьскіихъ могучихъ на богáтырей
А й на славныхъ полянпцъ на удалыихъ

Здѣсь:

Да й на русьскихъ могучихъ богáтырей
На всѣхъ славныхъ полянпцъ на удалыихъ.

Такимъ образомъ одинъ и тотъ же стихъ, смотря по характеру былины, складывается то хорепческимъ, то дактилическимъ размѣромъ. Любопытно при томъ, что въ концѣ былинъ про Дуная и про Чурилу, когда игривый ихъ тонъ уступаетъ мѣсто трагической развязкѣ, дактилическіе стихи исчезаютъ, и размѣръ переходитъ въ чистый хорей.

У нѣкоторыхъ сказителей мы находимъ особенный варіантъ дактилическаго размѣра, состоящій въ томъ, что послѣдняя стопа удлиняется и стихъ кончается не дактилемъ, а четырехъ — или пяти-сложною стопою съ небольшимъ повышеніемъ голоса на послѣднемъ слогѣ. Это придаетъ еще бóльшую легкость размѣру; но такіе стихи никогда не допускаются иначе, какъ въ перемежку съ обыкновенными:

Згóворитъ младъ Соловéй сынъ Гудíміровíчъ:
«Сходенку выкидывай серéбряную,

«Другу выкидываѝ подзоло́ченую,
«Третью выкидаѝ исповóлжаную.
«Берите подарки умильніѝ,
«Купцы вы лисицъ да заморскіихъ».
Брали ёны во бѣлы́ѝ руки,
Матушку камочку узóрчатую,
И самъ беретъ гуселка яровчатыѝ,
И самъ и́детъ по сходенки золóченыѝ,
Матушка идѐтъ по серéбряныѝ,
Вся его дружина по исповóлжаныѝ;
Приходятъ оны ко Владимíру на двóръ.
Приходитъ въ палату грановитую,
Крестъ кладетъ по писáному,
А поклоны-ты ведѐтъ по учéному,
На всѣ три вѣдь на четыре онъ на стóроны.
Тому ли Владимíру въ особину.
Подаютъ ему подарочки хорошіе,
Матушка камочку узóрчатую
Молодоіѝ княгини Опраксіи.
Взимаетъ княгиня на бѣлы́ѝ рукѝ,
А взимаетъ княгиня дивуется:
Да не дóрога камочка заморская,
А ѝ дороги узоры заморскіѝ.
Сталъ его Владимíръ выспра́шиватиı̀
Сталъ его Владимíръ вывѣ́дыватиı̀:
— Ты скажись, молодецъ, съ коѐѝ земли,
— Какъ молодца именѐмъ зовутъ?

Третіѝ размѣ́ръ, *анапестическіѝ*, отличается тѣмъ, что вся тяжесть стиха падаетъ на послѣ́днемъ слогѣ, другое на третьемъ или четвертомъ слогѣ съ конца, а у одного сказителя (Висаріонова) слышалось иногда два ударенія на двухъ послѣ́днихъ слогахъ рядомъ, и при этомъ на послѣ́днемъ болѣе протяжное, такъ что стихъ выходитъ какой-то особенно медленный и грузный. Анапестическіѝ размѣ́ръ соотвѣтствуетъ тому, что̀ г. Рыбниковъ называетъ «торжественнымъ» напѣвомъ, и встрѣчается въ весьма немногихъ былинахъ, а именно о Вольгѣ, Микулѣ и Колыванѣ. Тѣмъ же размѣромъ пѣлась, вѣроятно, и былина о дѣтствѣ Ильи

Муромца, но единственный сказитель, сохранившій эту былину, Щеголёнокъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые отныкли отъ соблюденія размѣра, и только отдѣльные стихи напоминали у него анапестическій складъ. Былины о Вольгѣ и Микулѣ Селянинѣ принадлежатъ тѣмъ, которыя меньше всѣхъ интересуютъ народъ и мало поются даже тѣми, которые ихъ еще помнятъ. Потому и размѣръ, о которомъ я говорю, является вездѣ болѣе или менѣе разрушеннымъ во внутреннемъ строеніи стиха. Вотъ примѣры:

Жилъ Святославъ девяносто лѣтъ,
Жилъ Святославъ и переставился;
Оставалось отъ него чадо милое,
Молодой Вольга̀ Святославговичъ.
Сталъ Вольга̀ онъ ростѣ̀ть матерѣ̀ть,
Похотѣлось Вольги̇-то много мудрости:
Щукой рыбою ходить Вольги во си́нихъ моря̀хъ,
Птицей соколомъ летать Вольги подъ о́болоки,
Волкомъ и рыскать во чи́стыхъ поля̀хъ.
Уходили-то всѣ рыбушки въ глубо́кія моря̀,
Улетали всѣ птички за о́болоки̇,
Убѣгали-то всѣ звѣри за те́мны лѣса̀.
Сталъ Вольга̀ онъ ростѣ̀ть матерѣ̀ть
И сбиралъ соби дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцовъ безъ единого,
Самъ еще Вольга̀ во тридцатыихъ, и т. д.

Рябининъ.

Или:

Во чисто̀мъ поли съѣзжа́лоси̇
Три сильніихъ могучіихъ бога́тыря̀
По имени перво̀й Колыванъ бога́ты̀рь,
Другой Муромля̀нъ бога́тырь,
Третій Самсонъ бога́тырь.
Про между собою рѣчи говори́ли̇,
Которыя изъ насъ будетъ бо́льшій бра̀тъ?
Говоритъ Самсо̀нъ бога́ты̀рь:
«Кабы былъ столо̀бъ въ земли̇,

«Кабы было кольцо въ столбу̀
«Я бы землю всю во кру̀гъ поверну̀лъ».
Говоритъ Муромля̀нъ бога́тырь;
«Я бы такожде по́верну̀лъ».
Го́воритъ Колыва̀нъ бога́ты̀рь:
«Я такожде мо̀гъ поверну̀ть».
Господь Всевышнія творѐцъ
За ихнее похвале́ніё
Далъ имъ привидѣ́ніё:
Куда у ихъ было на́рчено въ путь ѣ́ха̀ть,
Лежитъ на дороги сумка̀,
Въ таковои сумкѣ сложенъ весь земны́я гру̀зъ.
Выскакиватъ со своего со до́браго коня̀
Самсо̀нъ бога́ты̀рь,
Хватаетъ такову̀ю сумку̀,
Сумка съ мѣста не ворохне́тся̀.
Выходитъ Муромля́нъ бога́ты̀рь
Со своего со до́браго коня̀,
Хватаетъ такову̀ю сумку̀,
По колѣнамъ въ зе́млю усѣ̀лъ,
Сумка съ мѣста не ворохне́тся̀.
Выходитъ Колыванъ бога́ты̀рь
Со своего со до́браго коня̀,
Хватаетъ такову́ю су́мку̀
По грудямъ въ зе́млю сѣ̀лъ,
Сумка съ мѣста не ворохне́тся̀.
Съ небесъ имъ гласъ прогласи́ло:
«Сильніи могучіи бога́тырѝ!
Отстаньте прочь отъ таковы́я сумкѝ,
Весь земныя грузъ въ сумку сло́жѐнъ.
Впредки не похваля́йтѐсь
Всёю землёю владѣ́тѝ,
Наблюдайте своё доброё,
Ѣздите по Русѝ,
Дѣлайте защи́ту̀,
Сохраняйте Ру́сею отъ не́пріятеля̀,
А хвастать по пустому вного не зна́йтѐ».

Алексѣй Висаріоновъ.

Эти три размѣра: обыкновенный хореическій, хореическій съ дактилемъ и анапестическій, какъ я сказалъ, вмѣщаютъ въ себѣ весь нашъ народный эпосъ; я разумѣю циклъ былинъ, которыя составляютъ главное содержаніе эпическихъ сказаній нашего Сѣвера, такъ-называемыя кіевскія и новгородскія былины и разныя рапсодіи, тоже называемыя въ народѣ былинами, въ которыхъ описываются событія, такъ сказать, безыменныя (напримѣръ, про братьевъ-разбойниковъ, про горѣ, про ревниваго мужа и такъ далѣе). Но этимъ не ограничилось развитіе великорусскаго эпоса, и въ другихъ его произведеніяхъ являются и другіе размѣры. Укажу на тѣ, которыя мнѣ случилось встрѣтить занесенными въ Олонецкую губернію.

Во-первыхъ, есть типъ, сходный со вторымъ изъ приведенныхъ размѣровъ (хорей съ дактилемъ), но отличающійся тѣмъ, что стихи состоятъ изъ меньшаго числа стопъ, 3-хъ или 4-хъ вмѣсто обыкновеннаго 5-ти, 6-ти и 7-ми-стопнаго стиха. Такимъ размѣромъ поются: былина про Щелкана Дудентьевича и какая-то шутливая былина про князя Ромодановскаго и его большого быка.

А на стулѣ на бархати,
На златомъ на ременьчатомъ
Сидѣлъ тутъ царь Возвягъ,
Возвягъ сынъ Таврольевичъ,
Ёнъ де суды разсу́живалъ
Всѣ дѣла приговаривалъ
И князьевъ бояръ жаловалъ
Селами, помѣстьями,
Городамъ съ пригородками.
И Хому дарилъ Томкою [1])
И Ерёму Новы́мъ-городомъ.
И Щелканушка дома не случилосе.
И уѣхалъ Щелканушко
Ёнъ во землю жидовскую,
Ёнъ для чёртова пра́вежу,

1) Т. е. Тотьмою.

Ради дани и выходу.
Ёнъ-де съ поля по ко́лосу бралъ,
Съ улицы по курици,
Съ мужика по пяти́ рублей,
У кого-де пяти рублей нѣтъ
У того онъ жену́ беретъ,
У кого какъ жены́-то нѣтъ
И того самого́ беретъ.
Какъ у Щелкана не вы́робишься,
Со двора вонъ не вы́рядишься.
Какъ пріѣхалъ Щелканушко
Изъ земли изъ жидовскіе
Ко царю на широкой дворъ:
«Токо токо [1]) ты, царь Возвягъ,
Царь Возвягъ сынъ Таврольевичъ,
И ты су́ды разсуживалъ,
Всѣ дѣла приговаривалъ,
Всѣхъ князьевъ бояръ жаловалъ
И селами и помѣстьями,
Городамъ съ пригородками,
И Хому дарилъ Токмою
И Ерёму Новы́мъ-городомъ;
Подари-тко Щелканушка,
Ты любимаго зятюшка,
Ме́ня Тверію городомъ,
Ме́ня Тверію славною,
Ме́ня Тверію богатою,
Двумя братцами ро́дными
И князьёмъ благовѣрными,
И Борисомъ Борисовичемъ
И Митріемъ Борисовичемъ».
Говоритъ ему царь Возвягъ:
«Ты любимое зятюшко
Щелка́нъ сынъ Дудентьевичъ!
Заколи́-ко чада милаго,
Своего сына любимаго,

---

1) Частица, сложенная изъ *то* и приставки *ко*, употребляется вмѣсто *то* или *тутъ*.

Ты Гордѣя Щелкановича,
Нацѣди-ко ты чашу́ руды
Токо чашу серéбряную,
Выпей ту чашу́ руды,
Стоючи́сь передъ Звягой-царёмъ,
Передъ Звягой Таврольевичемъ!»
Токо взявши Щелканушко
Закололъ чада милаго,
Своего сына́ любимаго,
И Гордѣя Щелкановича,
Нацѣдилъ же ёнъ чашу руды,
Токо чашу серéбряную
Выпилъ ту чашу руды,
Стоючись передъ Звягой царёмъ,
Передъ Звягой Таврольевичемъ.
Подарилъ его царь Возвягъ
Ёго Тверію городомъ,
Ёго Тверію славною,
Ёго Тверью богатою,
Двумя братцами ро́дными
И князьёмъ благовѣрными,
И Борисомъ Борисовичемъ
И Митріемъ Борисовичемъ.
И поѣхалъ Щелканушко,
И заѣхалъ Щелканушко
Къ родной сестры проститися,
Токо къ Марьѣ Дудентьевной:
«Ты прощай моя ро́дна сестра́
Токо Марья Дудентьевна!»
— «Ты прощай же мой ро́дной братъ,
Ужо по́ роду ро̀дной-братъ,
По прозванью окаянной братъ!
И кабы́ ти у́ѣхати
И назадъ не пріѣхати
Ка́бы ти самому на ножи́ остыть
И на сабли на вострые!»
И у́ѣхалъ Щелканушко
Еще самъ голово́й вершилъ.

Матрена Меньшикова.

Во-вторыхъ, существуютъ былины, ясно принадлежащія XVII вѣку, которыя сложены тѣмъ самымъ размѣромъ, какъ записанныя для Ричарда Джемса пѣсни временъ Самозванцевъ. Это 5-ти и 6-ти-стопный хорей (изрѣдка по неправильности переходящій въ ямбъ или дактиль) съ хорическимъ же, а не дактилическимъ окончаніемъ. Произведенія, этимъ стихомъ сложенныя, уже не суть собственно былины, а скорѣе должны быть названы историческими пѣснями. Въ нихъ отсутствуетъ героическій характеръ. Когда же пѣвецъ XVII вѣка облекалъ событія, хотя бы близкой ему эпохи, блескомъ чудеснаго, то онъ пѣлъ о нихъ эпическимъ размѣромъ былинъ кіевскаго и новгородскаго цикла. Сравните былины, въ которыхъ героемъ является Никита Романовичъ со всѣми аттрибутами эпическаго богатыря, и историческія пѣсни, записанныя для Ричарда Джемса въ 1619 году, или нижеслѣдующую былину о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и вы увидите, что разница въ размѣрѣ совпадаетъ съ различіемъ въ самомъ тонѣ и, такъ сказать, освѣщеніи поэтическаго разсказа.

Посредѣ ль было Московскаго царства
Середѝ было Россійска государства,
Какъ у свѣта у Архангелы Михайлы,
У Ивана у великаго въ соборѣ,
Зазвонили во большой во ко́локолъ,
Всихъ князей-бояръ къ обѣднѣ созывали,
Тамъ служили святыи молебенъ.
Выходилъ наша̀ надежда государь-царь
Алексѣй сударь Михайловичъ московской,
Становился государь на ро́вно мѣсто,
На всѣ стороны онъ поклонился.
Что ни золота труба да вострубила,
Не серебряная полочка звенѣла,
Зговорила наша̀ надежда государь-царь
Алексѣй сударь Михайловичъ московскій:
«Ай же вы князья-бояра
«Пособите государю дума думать,

«Дума думать государю, не продумать,
«А отдать ли мнѣ то городъ Смоленецъ и т. д.

Иванъ Касьяновъ.

Тѣмъ же самымъ размѣромъ сложена и весьма распространенная былина о птицахъ и звѣряхъ:

А й отчего же зима да зачаласе,
А й красное лѣто состоялось?
Зачалася зима да отъ мороза,
А й красно лѣто отъ солнца,
А й богатая осень отъ лѣта.
И по тыя-то осени богатой
Вылетала малая птица,
А й малая птица пѣвица.
Садилась въ зелену́ садочку.
А на тое на дерево калино,
Ай начала пѣти жупе́ти,
Всякими она-те ясака́ми.
А й услыхали русьскія птичи,
Собиралися стады́ оны стадами,
Прилетали къ зелену́ садочку,
А й садились птичи рядами,
Въ одну сторону́ до головами,
А начали пѣти, жупѣти,
Заморскую птицу пытати!
«Ай малая птица пѣвица!
«Скажи Божью правду, не утай ее:
«Кто у васъ за моремъ бо́льшій,
«Кто за Дунаечкимъ ме́ньшій?» и т. д.

Иванъ Фепоновъ.

Наконецъ, я долженъ упомянуть и о третьемъ разрядѣ былинъ, которыя тоже слышатся на нашемъ Сѣверѣ, хотя онѣ занесены туда случайно, — о былинахъ поволжскихъ или казацкихъ. Нужно ихъ послушать на мѣстѣ и въ большомъ числѣ, чтобы судить объ ихъ складѣ и размѣрѣ. Сколько я могъ замѣтить, онѣ составляютъ переходъ отъ эпическихъ къ лирическимъ

пѣснямъ; это — единственныя былины, которыя поются съ переливами голоса, съ перехватомъ посреди стиха, съ повтореніемъ слоговъ и словъ, напримѣръ:

Какъ сбирались казаки | — на крутъ бережокъ,
Ахъ доньски гребеньски | — запорожскіи,
Запорожски казаки | — и все были яицкіи,
Ахъ атаманъ былъ у дон | — скихъ у казаковъ.
Ой изъ тихаго Дону Ермакъ | — былъ Тимоѳеевичъ,
А есаулъ былъ у дон | — скихъ у казаковъ
Ахъ со Двины Оста | — фей Лаврентьевичъ.
Какъ садились казаки | — на легки стружки,
Ай на легки стружки | — сѣли на мелки павозки
Какъ грянули размахну | — ли внизъ по Волги рѣки и т. д.

Или:

Какъ во славномъ было го|роди во Вастракани
Проявился тамъ дѣти|нушка незнаемъ человѣкъ,
Какъ незнаемой дѣти|нушка невѣдомой откуль.
Баско щепетно по Ва|стракани погуливаетъ,
Ужъ онъ штапамъ офице|рушкамъ не кланяется,
Востраканскому губерна|тору челомъ ему не бьетъ.
А сапоженки на нож|кахъ шелкомъ таченый,
Черна шляпа на кудряхъ | и перщатки на рукахъ,
А й свои тотъ вишневои кафтанъ | на одномъ плечи таскалъ
И какъ персидской кушачекъ | во бѣлыхъ рукахъ держалъ.
Какъ увидѣлъ молодца, губернаторъ скрычалъ:
Вы сходите приведи|те удалаго молодца.
Еще сталъ то губерна|торъ его спрашивати:
«А ты скажись, скажись ко дѣти|нушка незнаемъ человѣкъ
«Изъ тиху ли ты Дону казакъ | аль казачей сынъ,
«Аль ты съ нашего крѣпкато го|рода изъ Вастракани?»
Какъ проговоритъ дѣти|нушка незнаемъ человѣкъ;
«Изъ тиху-то я Дону не казакъ | не казачей сынъ,
«Я не съ вашего крѣпкаго го|рода, а изъ Вастракани
«Я со Камы то со рѣки | Сеньки Разина сынъ,
«Посулился мой-то ба|тюшка завтра въ гости къ вамъ быть,
«Вы умѣйте-тко моего ба|тюшка кормить его поить,
«Вы кормить его поить | и честно жаловати».

Или наконецъ:

Ой ростужится расплачется | нашъ Прусскòй — нашъ Прусскòй, — нашъ Прусскòй король,
А й сидючись то на украсушки ой на крутой — горы,
А онъ глядѣлъ смотрѣлъ на свою укрѣпушку на Берлинъ — на Берлинъ — городъ
И на свою укрѣпушку | на Берлинъ да на Берлинъ — на Берлинъ — городъ:
«Ты ли то укрѣпа | моя ты укрѣ — укрѣ — пушка,
«Ты мой Берлинъ | мой Берлинъ — мой Берлинъ — городъ!
«А ты кому-то моя укрѣпушка — доставала — достава — ласе?
«Доставаласе да достава ласе моя укрѣ — укрѣ — пушка
Ой царю бѣлому | ой царю — ой царю — бѣлому
А какъ другому же генера|лушку Краснощо — Краснощо — кову и т. д.

Иванъ Захаровъ.

Впрочемъ, въ Олонецкой губерніи всѣ эти послѣдніе разряды пѣсенъ составляютъ весьма рѣдкое исключеніе въ массѣ былинъ, сложенныхъ то чистымъ хореемъ съ дактилическимъ окончаніемъ, то хореемъ, смѣшаннымъ съ дактилемъ. Прислушиваясь къ этимъ былинамъ, записывая ихъ съ голоса сказителей, я вынесъ полное убѣжденіе, что тоническое стопосложеніе въ русскомъ стихѣ не есть изобрѣтеніе Ломоносова, а есть изобрѣтеніе самого русскаго народа, его коренное достояніе. Если Ломоносовъ, подъ вліяніемъ нѣмецкихъ образцовъ, примѣнилъ тоническое стихосложеніе къ нашей художественной поэзіи, то руководился ли онъ собственно подражаніемъ нѣмцамъ? Нѣтъ, какъ онъ самъ писалъ, первымъ и главнѣйшимъ его основаніемъ было то, что «россійскіе стихи надлежитъ сочинять по природному нашего языка свойству»; и когда Ломоносовъ съ такимъ вѣрнымъ чутьемъ съ перваго же раза угадалъ въ стихѣ «природное языка нашего свойство», то кто знаетъ, не слышался ли ему отзвукъ народныхъ былинъ, конечно, знакомыхъ его уху: ибо и до сихъ поръ помнятъ на Выгозерѣ, что былины перешли туда съ Поморья? Надобно припомнить и

то, что Ломоносовъ въ своей «версификаціи» отводитъ почетное мѣсто такъ-называемымъ имъ «тригласнымъ» риомамъ, то есть дактилическимъ; а дактиль на концѣ стиха—этого, конечно, онъ не могъ найти въ своихъ нѣмецкихъ образцахъ.

Да извинитъ меня читатель за это отступленіе отъ своего намѣренія держаться исключительно круга фактическихъ наблюденій и замѣчаній, не вдаваясь въ область личныхъ догадокъ и толкованій. У насъ до сихъ поръ, къ сожалѣнію, толкованіе народнаго эпоса черезъ-чуръ опережало и перевѣшивало его собираніе. Надѣюсь, что меня не обвинятъ въ этой слабости, если я въ заключеніе моей длинной статьи представлю и съ своей стороны маленькую догадку о происхожденіи одного изъ богатырей нашихъ былинъ — Святогора. Всякій, конечно, чувствуетъ, что это имя искусственное, навѣянное сказаніемъ о томъ, что Святогоръ, какъ поется во всѣхъ о немъ былинахъ, жилъ на какихъ-то *Святыхъ горахъ*, всякій чувствуетъ, что за этимъ именемъ скрывается что-либо другое. И вотъ одинъ изъ лучшихъ сказителей, слѣпой Иванъ Федоновъ, пропѣлъ въ былинѣ о нашествіи Батыги на Кіевъ:

А по грѣху ли то тогда да учинилосе,
А й богатыреи во Кіевѣ не случилосе:
Святополкъ богатырь на Святыхъ на горахъ,
А й молодой Добрыня во чистомъ поли,
А Алешка Поповичъ въ богомольной стороны,
А Самсонъ да Илья у синя моря.

Въ этомъ мѣстѣ другіе сказители поютъ «Святогоръ богатырь на Святыхъ на горахъ». Я думалъ сперва, что ослышался, или что Федоновъ ошибся, я заставилъ его потому разъ пять повторить эти самые стихи; но онъ все твердилъ свое: «*Святополкъ* богатырь на Святыхъ на горахъ», и увѣрилъ меня при этомъ, что такъ-молъ поется. Мнѣ сперва показалось это имя

Святополка страннымъ, а теперь думаю, что оно имѣетъ значеніе. Вспомнимъ, что Святогоръ есть единственный богатырь, дружественный русскимъ, но нерусскій, богатырь, который «не ѣздилъ на Святую Русь», а къ которому, напротивъ, русскіе богатыри ѣздятъ на поклоненіе, какъ къ старшему и сильнѣйшему; вспомнимъ, что онъ живетъ на горахъ, вспомнимъ его таинственное исчезновеніе, — всѣ эти черты получаютъ смыслъ только въ примѣненіи къ Святополку Великоморавскому, этому древнѣйшему представителю славянской силы, этому легендарному герою, который уже въ разсказѣ Космы Пражскаго укрывается въ горы и тамъ кончается таинственною смертію.

Пусть читатель судитъ о степени вѣроятности этой гипотезы. Если же она подтвердится, то личность Святогора будетъ весьма важна, какъ звено, связывающее нашъ народный эпосъ съ древностью другихъ славянъ.

А. Гильфердингъ.

I.

ПОВѢНЕЦКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ.

ТОЛВУЙ.

ПОВѢНЕЦЪ.

I.

КАЛИНИНЪ.

Петръ Лукичъ Калининъ, крестьянинъ дер. Горка Пудожгорскаго погоста (Повѣнецкаго уѣзда) 43 лѣтъ, средняго роста, съ черными волосами, небольшой черной бородкой и голубыми глазами, странно неповоротливый и неуклюжій. По ремеслу онъ портной; мальчикомъ и молодымъ человѣкомъ онъ много ходилъ по деревнямъ въ окрестностяхъ Шуньги и Толвуи для портняжныхъ работъ и при этомъ привыкъ пѣть былины, которыя частью слышалъ отъ стариковъ въ тѣхъ мѣстахъ, частью же перенялъ у своего отца; послѣдній, по словамъ Калинина, зналъ ихъ очень много. Въ послѣдствіи Калининъ бросилъ портняжное дѣло и «сталъ на крестьянство»; съ этого времени онъ рѣже поетъ былины и многія изъ нихъ забылъ, въ молодости же онъ зналъ ихъ столько, что и въ недѣлю бы не переслушать. О громадной памяти Калинина свидѣтельствуетъ то, что кромѣ былинъ, ниже помѣщаемыхъ, онъ знаетъ еще много духовныхъ стиховъ и предлинныхъ сказокъ. Калининъ поетъ не очень изящно, но весьма складно, строго соблюдая стихотворный размѣръ и сбиваясь съ него только въ тѣхъ былинахъ, которыя онъ уже плохо помнитъ, какъ напр. въ Святогорѣ (№ 1) и Садкѣ (№ 2). Про послѣднюю онъ говорилъ, что слышалъ ее болѣе лѣтъ 20 тому назадъ отъ древняго старика нищаго гдѣ-то около Толвуи или

Шуньги и тотчасъ ее перенялъ, но уже не пѣвалъ ея лѣтъ 20 и потому многое въ ней забылъ. — Г. Рыбниковъ приглашалъ Калинина къ себѣ, но онъ, какъ разсказывалъ, не рѣшился къ нему ѣхать и постарался также уклониться отъ писаря, которому мѣстный исправникъ поручилъ записать его былины для г. Рыбникова. Писарь этотъ записалъ (и то сокращенно) двѣ былины съ его словъ (см. сборникъ г. Рыбникова т. IV №№ 12 и 17, гдѣ онъ по ошибкѣ названъ Васильемъ Лукинымъ; въ «замѣткѣ» къ III-му тому стр. XXXVI онъ упоминается подъ именемъ Петра Лукина).

Былины, здѣсь печатаемыя, записаны всѣ «съ голоса», т. е. въ томъ видѣ, какъ онѣ поются, а не съ пословеснаго пересказа стиховъ.

1.

СВЯТОГОРЪ [1]).

На тыхъ горахъ высокіихъ,
На той на Святой Горы,
Былъ богáтырь чюдныи,
Что ль во весь же міръ онъ дивныи,
Во весь же міръ былъ дивныи.
Не ѣздилъ онъ на святую Русь,
Не носила его да мать сыра земля.
Хотѣлъ узнать казакъ нашъ Илья Муромецъ
Славнаго Святогора нунь [2]) богáтыря.
Отправляется казакъ нашъ Илья Муромецъ
Къ тому же Святогору тутъ богáтырю
На тыи было горы на высокіи.
Пріѣзжаетъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ

---

1) По словамъ пѣвца, это есть окончаніе очень пространной былины про Святогора; но больше этого отрывка онъ не могъ припомнить.

2) Нунь, нуньчу, нунечу — вмѣсто нынь, ныньче.

А на тыи было горушки высокіи
Къ тому же Святогору да богáтырю,
Пріѣзжаетъ-то къ ему да поблизёхонько,
А й поклонъ ведетъ да понизёхонько:
«Здравствуешь богáтырище порныи [1])
«Порныи богáтырь ты да дивныи!»
— Ты откуда, добрыи молодецъ,
— Какъ тя нарекаютъ по отечеству?
«Я есть города нунь Муромля
«А села да Карачаева,
«Я старыи казакъ да Илья Муромецъ.
«Захотѣлъ я посмотрѣть Святогора нунь богáтыря:
«Онъ не ѣздитъ нунь на матушку сыру землю,
«Къ намъ богáтырямъ да онъ не явится».
Отвѣчаетъ богáтырь было порныи:
— Я бы ѣздилъ тутъ на матушку сыру землю,—
— Не носитъ меня мать сыра земля,
— Мнѣ не придано тутъ ѣздить на святую Русь,
— Мнѣ позволено тутъ ѣздить по горамъ да по высокіимъ
— Да по щéлейкамъ [2]) по толстыимъ.
— А ты старыи казакъ да Илья Муромецъ,
— Мы съѣздимъ же-ко нунечу по щéлейкамъ,
— А поѣздимъ-ко со мной да по Святыимъ Горамъ.
Ѣздили оны было по щелейкамъ,
Разъѣзжали тутъ оны да по Святыимъ Горамъ,
Ѣздили оны по многу времени,
Ѣздили оны да забавлялися.
Находили тутъ оны да чюдо чюдное,
Находили тутъ оны да диво дивное,
Находили площаницу [3]) да огромную.
Говоритъ богáтырь Ильи Муромцу:

---

1) Т. е. крѣпкіи.
2) Щелья — скала.
3) Площаница — гробъ.

— Ахъ ты старыи казакъ да Илья Муромецъ!
— Ты ложись-ка въ площаницу да въ огромную:
— Поглядимъ-ка площаницы мы огромною,
— Что она тебѣ поладится-ль? —
Спускается казакъ да Илья Муромецъ,
Опускался тутъ казакъ да изъ добра конп
А ложился было въ гробъ въ этотъ въ огромныи, —
А этотъ гробъ-то Илья Муромцу да дологъ есть.
Опускается богáтырь Святогорскiи
А съ того было съ добра коня,
А ложился въ площаницу онъ во дивную, —
Та же площаница да по немъ пришла,
Самъ же съ площаницы тутъ не выстанетъ:
— Ахъ ты старыи казакъ да Илья Муромецъ!
— Ты повыздынь съ площаницы да огромныи. —
Приставае тутъ казакъ да Илья Муромецъ
Къ Святогору да богáтырю, —
Да не могъ поднять онъ Святогорá тутъ богáтырп
А съ того гробá глубокаго.
Говоритъ же тутъ богáтырь Святогорскiи:
— Ты сломай-ко эти щелья да высокiи
— А повыздынь-ко съ гробá меня глубокаго. —
Старыи казакъ да Илья Муромецъ
Какъ ударилъ своей палицей
Да по щелейки по толстыи,
А по той горы да по высокiи, —
Ставился тутъ обручъ да желѣзныи
Черезъ тотъ да гробъ еще великiи,
Черезъ тую площаницу было дивную.
Бьетъ тутъ Илья Муромецъ да дрýгой разъ, —
Что ударитъ, тутъ же обручъ было ставится.
Отвѣчаетъ тутъ богáтырь Святогорскiи:
— Видно тутъ же есть богáтырь да кончается!
— Ахъ ты старыи казакъ да Илья Муромецъ,

— А ты съѣзди-тко да къ моему было родителю
— Къ древному да батюшку,
— Къ древному да темному,
— Ты проси-ка у мойго родителя у батюшка
— Мнѣ-ка вѣчнаго прощеньица. —
Отправляется казакъ да Илья Муромецъ
Отъ того же Святогора прочь богáтыря
На ту гору на Палавóнскую
А къ тому же старичку да было древному,
Хотъ бы древному да темному.
Пріѣзжае Илья Муромецъ
На ту на гору Палавóнскую
Къ древному да къ темному:
«Здравствуешь, престарыи да дѣдушка,
«Древныи ты темныи!
«Я привезъ тебѣ поклонъ да челомъ-битьицо
«Отъ твоего сына любимаго
«Отъ того же Святогора я богáтыря:
«Проситъ онъ прощеньица да вѣчнаго.
«Какъ легъ же въ площаницу онъ въ огромную
«Да во тотъ было во гробъ во каменной,
«Я оттуль не могъ его повыздынуть».
Разсердился тутъ старикъ да было темныи,
Темныи старикъ да было древніи:
— Знать убилъ же Святогора ты богáтыря,
— Пріѣжаешь нынь ко мнѣ-ка-ва со вѣдома,
— Ты привозишь мнѣ-ка вѣсточку нерадостну. —
Какъ хватитъ тутъ же палицу да богáтырскую
Да помáхне во богатыря,
А й богáтырь тутъ увéрнется,
Да старикъ тутъ образумится.
Далъ ему да вѣчное прощеньицо
Святогору да богáтырю
Да и сыну да любезному.

Пріѣзжаетъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ
Къ Святогору да богáтырю,
Онъ привозитъ тутъ прощенье ему вѣчное.
Съ имъ же онъ да тутъ прощается,
Святогоръ же тутъ же онъ кончается.

Записано въ дер. Римъ на
Пудожской Горѣ 24 іюля.

2.

САДКО, ВОЛЬГА И МИКУЛА [1]).

Во славномъ во Новѝ градѝ
Находится купецъ да богáтыѝ,
Былъ работникъ Сатóкъ новгородскіѝ.
Отправлялись купци новгородскіѝ
Торговать за сѝне морѐ
. . . . . [2])
Торговали за синимъ за славнымъ морюшкòмъ.
Отправляются они во славныѝ во Новгорòдъ,
Выѣзжали они срéди морѝ.
Становились корабли нóвгородскіѝ,
Стояли на мори трóи суткѝ,
Не куда оны не подаваютсѝ.
Говорятъ купци новгородскіѝ:
«Требуе изъ насъ Водянóи цàрь
«Каку ни съ нáсъ онъ пошлинýю».
Отвѣцае водá имъ матушкà:
— Проситъ человѣка Водянóи цàрь. —
Выбирали купци нóвгородскіѝ

---

1) Эта былина отличается особымъ размѣромъ, съ двумя ударéніями въ концѣ стиха, при чемъ ударéніе на послѣднемъ слогѣ произносится особенно рѣзко.

2) Калининъ не могъ припомнить названія страны, куда купцы поѣхали.

Изъ артели человѣка въ синё морѣ.
Пожелалъ съ артели Сатóкъ работничóкъ,
Рядилъ много злата серебрà
И мелкихъ съ ѝхъ же жемчугóвъ:
Буде буду я на святую Рýсь,
Должны отдать купцы новгородскіѝ.
Отпускали Сатка работничкà
Во славно во синё морѣ
На двухъ дощечкахъ дубóвыѝхъ.
Отправлялся Сатóкъ работничóкъ
За большое у нихъ было злóто.
Спустился Сатóкъ работничóкъ
Во славно во синё морѣ.
Приходитъ къ сѝлы къ отпадшіѝ,
Къ тому къ царю́ къ невѣрному́,
Къ тому приходитъ къ двору́ къ царевому́.
На трехъ столбахъ у двора́ царевагó
Положено по голови́ человѣческóй.
Говоритъ Сатóкъ работничóкъ:
«Ляже видно моя́ головушкà
«У того царя́ невѣрнагó,
«У той же силы отпáдшію».
Приходитъ Сатóкъ работничóкъ,
Приходитъ же óнъ въ царскіѝ дóмъ
И на то онъ судѝлищó:
Остужается цáрь невѣрныѝ
Со своеѝ молодóѝ женóѝ,
И спрашиватъ Саткá работничкà:
— Что Сатóкъ работничóкъ?» —
«Отъ тѣхъ купцовъ новгорóдскіѝхъ
«Посланъ Сатóкъ работничóкъ.
«Объ чёмъ ты, царь невѣрныѝ,
«Требуешь человѣка ты́ съ Русѝ?»
— И зову я къ себѣ на судѝлищó, —

— Спорилъ со своей молодо́й женой́:
— Что на Россіи у насъ пуньчу дѣется́:
— Дороже булатъ-желѣзо красна́го видь золота?
Отвѣчаетъ Сато́къ работничо́къ:
«У насъ на Россіи нунь дѣется́, —
«Подороже булатъ-желѣзо красна́го видь золота́».
Скочилъ же ца́рь невѣрный,
Тяпне въ руки са́блю вострую́,
Отсѣкъ царици буйну голову́ [1]).
Отвѣчаетъ Сатку́ работничку́:
— Ай Сато́къ работничо́къ!
— Не угодно ли служить царю невѣрному́? —
«Отъ васъ, ца́рь, не отнимаюсь,
«Только хотѣлось бы на бѣлый свѣтъ».
— Женись-ко Сато́къ работничо́къ,
— Награжу тебя Сато́къ имѣніемъ. —
Не отнимался Сато́къ работничо́къ
Отъ того царя невѣрнаго.
Приводитъ ёнъ ему три дѣвушки́:
Двѣ дѣвушки бѣленьки́хъ,
Третья дѣвушка черна́я,
Черна дѣвчонька чиганочка́.
Ступае дѣвчонька на́ погу́
Тому Сатку работничку́, —
Догадался Сато́къ работничо́къ,
Отвѣчаетъ царю невѣрному́:
«Возьму я дѣвушку че́рну́ю».
Отвелъ же невѣрный ца́рь
Ему дѣвушку че́рную.
Ложился Сатокъ работничо́къ
И спать онъ съ дѣвушкой че́рною.

---

1) Пѣвецъ объяснилъ, что царица, жена Водянаго, увѣряла, будто на Руси золото дороже желѣза, и что для разрѣшенія этого спора потребовалъ Водяной человѣка съ Руси.

Говоритъ ему дѣвушка че́рная̀,
Черна ди́вчонька чиганочка:
— Не вались, Сато́къ работничо̀къ,
— Близехонько ко мни къ дѣ́вушкѝ,
— Накинь свои ру́чки Сатковыѝ,
— Накинь конецъ пе́рстико̀въ. —
Накинулъ Сато́къ работничо̀къ,
Накинулъ онъ конецъ перстичко̀въ, —
И тутъ Сато́къ работничо̀къ
Объявился въ тую ночь въ Нови́ градѝ
И лежитъ покрай матушки Во́лхова̀,
Одни ручки въ воды́ его̀.
Пріѣзжаютъ купци новгородскіѝ
Изъ-за славнаго синя́ моря̀:
Получилъ съ ихъ злато и се́ребро̀,
Получилъ съ ихъ и мелкіи жемчугѝ.
Вознесся Сатокъ работничо̀къ
Вознесся е славою̀,
Прописалъ себя въ купци́ богатыѝ.
Кажется Сатку́ богатому̀,
Не во снѣ ему́ кажется̀,
На яву ему́ видится̀:
— Вяжи-тко ты шелко́въ нево̀дъ,
— Лови-тко ты въ матушки Волховѝ
— Что попадетъ тебѣ въ неводкѝ:
— Сострой амбары́ вели́кіѝ,
— Въ амбарь́ вали безпощадно гря̀зь. —
Попадае мусоръ и че́врой [1]) ту̀тъ,
Попадае листья и дубья коло́динкѝ.
Валилъ въ амбары́ вели́кіѝ
И всяку неподо́льну гря̀зь.
Вси новгородчана смѣялисѝ

1) Чеврой — рѣчной песокъ.

Надъ тымъ Саткомъ работничкомъ:
— Вознесся Сатокъ работничокъ,
— Прописалъ себя въ купéчество
— И залогу велúкаго,
— А нунь ловитъ мусоръ и чеврой тутъ
— И всяку неподóльну грязь,
— И валитъ въ амбарú велúкiя! —
На яву у Сатка причудúлось,
Все золото и серебро въ амбарѣ объявúлось.
Произвелъ Саткó купецъ богáтый
И все на денежный счетъ же вдрýгъ, —
И не узналъ свою казну безсмéтную.
Повыхвасталъ Саткó богатый,
Повыхвасталъ съ купцами новгорóдскими:
«Ай же вы купци новгорóдскiя,
«Ай же вы купци издревле здú!
«Я повыкуплю у васъ запасы всѣ хлéбные,
«Повыкуплю товары вси крáсные
«И на свое было имéнiе
«И на свою злату казнý!»
И вси купци новгорóдскiя
Вси купци задýмалúсь:
— Неужто не можетъ поставить на Сатка купца богáтаго
— Хлѣбовъ запасныихъ и товаровъ цамъ краспыихъ,
— Чтобы не выкупить Сатку́ купцý богатому
— Нашего имýщества? —
Не смѣли бить о велúкъ залогъ,
Не смѣли на одúнъ же рàзъ,
А били съ Саткомъ они нá три рàзъ, —
Били купци о своихъ главàхъ,
И Сатокъ купецъ богатый
Билъ о своей буйной гóловы.
Сталъ купить запасы онъ хлѣбные
И товары вси красные,

Очистилъ вси лавки у купцовъ нóвгородскіихъ.
Нечего купить Сатку богатому
У тыхъ купцовъ нóвгородскіихъ,
Повыкупилъ съ лабазовъ запасы всѣ хлѣбный,
Съ лавокъ товары вси красный.
Наставляли купци было въ дрýгой рàзъ
Про того Сатка купца богатагò,
Сталъ купить Сатокъ въ другóй рàзъ
Изъ лабазовъ запасы онъ хлѣбный,
Изъ лавокъ товары все красный,
Повыкупилъ на свое большое имѣніе
Изъ лабазовъ запасы онъ хлѣбный,
Изъ лавокъ товары всѣ красный,
Не осталось запасовъ тутъ хлѣбныихъ,
Не осталось товаровъ тутъ красныихъ.
Сами купци новгородскіи
Сами купци призадумалiсь,
Сами купци пріужахнулiсь:
— Набъ [1]) намъ поставить буйны головы,
— Не заправимъ запасовъ мы хлѣбныихъ,
— Не заправимъ товаровъ мы красныихъ,
— Чтобъ не выкупить Сатку купцу богатому. —
Писали купцамъ гречсскимъ,
Писали купцамъ заморскіимъ:
Пособили бы наставить запасы же хлѣбный,
Пособили бы наставить товары все красный.
Наставили купци заморскіи,
Заморскіи купци что ли гречески,
Наставили запасы тутъ хлѣбный,
Наставили товары тутъ красный
Въ нóмочь купцамъ нóвгородскіимъ
Сталъ купить Сатокъ купецъ богатый

---

1) Набъ — надобно.

Въ томъ своёмъ въ Нови́ гради́,
Повыкупилъ Сатокъ онъ же тре́тью часть:
Не хватае у Сатка больше золота
Купить тутъ запасовъ да хлѣбныихъ,
Да товаровъ да красныихъ.
За свое за бахвальство за ложноѣ,
За свое пустое за хвастаньѣ
Отсѣчь набъ Сатку буйна го́лова,
Прикончить Сатку своя скора жизнь.
Сбѣжалъ Сатокъ купецъ богатый
Отъ тыхъ купцёвъ новгородскіихъ,
Сбѣжалъ изъ думы изъ кре́пкіи
Къ тому Вольги́ Всеславьеву́:
«Молодой Вольга́ Всеславьевичъ,
«Сберегѝ меня Сатка купца богатаго
«Отъ тою смерти напра́сною
«За своё за ложноё хвастаньѣ!»
Одѣвался Вольга́ Всеславьевичъ
И въ латы богатырскіи,
Беретъ орудію богатырскую,
Ставился Вольга́ Всеславьевичъ,
Ставился на матушку на Во́лховѣ,
Ставился на ши́рокъ мостъ,
Казнилъ онъ народъ безщадно безпошлинно,
Рылъ[1]) народъ во матушку во Во́лховѣ
И всихъ купцёвъ новгородскіихъ;
Бѣжали купцы́ новгородскіи,
Тыи мужики новгородчане
Къ тому было отцу его крестному
Къ тому Вольги Всеславьева:
— Упроси-тко ты Вольгу́ Всеславьева.
— За того Сатка купца богатаго

1) Рыть — сбрасывать.

— Казнитъ народъ безданно безпошлинно. —
Одѣвается отецъ его крестный,
Кладывае колоко́лъ себя на́ главу̀
Кладывае колоко́лъ же мѣ́дный,
Мѣ́дный колоко́лъ еще сорокъ пудъ.
Идетъ къ крестовому дитятку̀
Къ тому Вольги Всеславьеву̀:
«Ай крестовое мое ты дитятко̀,
«Ай Вольга̀ Всеславьевѝчъ!
«Не кажи жъ народъ безданно безпошлинно
«За того купца ты невѣ́рнаго,
«Не за вѣ́рнаго купца богатаго,
«За богатаго Сатка новгородскаго!»
Упирается отца онъ крестнаго,
А ударилъ отца онъ крестнаго
Своимъ копьемъ бурзамецкіимъ
Во его буйную голову,
Въ тотъ колоко́лъ было мѣ́дный,
И молодой Вольга́ Всеславьевѝчъ.
И лопнулъ колоко́лъ было мѣ́дный
На главы у того отца крестоваго.
Убилъ отца онъ крестоваго.
Тутъ самъ Вольга́ ужахну́лся вдру̀гъ,
Убирался онъ съ матуш̀ки съ Волхова,
Приходитъ къ родители къ матери,
Самъ Вольга и хвастаетъ:
— Ай родитель моя матушка!
— Я сдѣлалъ теперь незаконный судъ,
— Убилъ своего отца было крестнаго. —
Говоритъ родитель ему матушка
Тому Вольги Всеславьеву:
«Молодой Вольга Всеславьевичъ!
«Не потерпитъ тебя небесной царь,
«Что убилъ отца ты крестнаго,

«За ту напрасну смерть».
Молодой Вольга Всеславьевичъ
Справляется къ дружины хороброю,
Набралъ дружины хороброю
Набралъ сорокъ стрѣльцёвъ молодыхъ молодцёвъ,
Сорокъ молодцёвъ удалыхъ борцёвъ,
Отправляется съ дружиной хороброю,
Отправляется Вольга́ Всеславьеви́чъ,
Отправлялся въ дальню сторону́.
Пріѣзжае Вольга́ Всеславьеви́чъ,
Пріѣзжае къ Викулы Селягину́.
Паше Викула Селягинъ сы́нъ
Въ томъ въ чисто́мъ поли́,
Борозды гоняе предолгіи́,
Сошка его поскриплива́тъ,
Солова́ кобылка его поступлива́тъ,
Камешки вонъ вывертыва́тъ,
Де́репъ Викула внизъ повертыватъ.
Пріѣзжаетъ Вольга́ Всеславьеви́чъ
Къ Викулы Селягину:
— Богъ помочь, ратарь великій,
— Во чистомъ поли попа́хива́ть!
— Какъ тя зовутъ, ратарь вели́кій,
— По имени нарекаютъ по отечеству́? —
Отвѣчаетъ тутъ ратарь великій,
Называется Викулушкой,
По изотчинѣ звеличается Селягинъ сы́нъ.
— Къ тебѣ я ѣхалъ Викула Селягинъ сынъ
— А нашолъ тебя въ чистомъ поли́
И спрашиватъ Викула Селягинъ сынъ:
«Откуда удалой добрый молодецъ?»
— Есть я молодецъ изъ дальнихъ мѣстъ,
— По прозваньицу Вольга́ Всеславьеви́чъ. —
«И вы есть Вольга Всеславьеви́чъ?

«Куда вы отправились?»
— Отправился къ Викулы Селягину̀,
— Искать Викулы Селягина̀,
— Что порешъ Викула Селягинъ сы̀нъ. —
И отвѣчаетъ Викула Селягинъ сынъ:
«Вели́ка сила у Викулы Селягина̀,
«Какъ ратаремъ живу во чисто́мъ полѝ».
— Ай ты молодой Викула Селягинъ сынъ!
— Поѣдемъ съ нами въ Курчевецъ,
— Поѣдемъ съ нами въ Орѣховецъ. —
Отвѣчае Викула Селягинъ сы̀нъ:
«Я недавно былъ братцы во Курчевцѝ,
«Привезъ два мѣха соли пребо́льшійхъ,
«Въ который же мѣхъ входитъ сорокъ пу̀дъ».
Зоветъ его Вольга́ Всеславьевичъ
Съ собою ѣхать въ Курчевецъ,
Съ собою ѣхать въ Орѣховецъ.
Не отнимался Викула Селягинъ сынъ,
Выпрягалъ кобылку онъ со́лову̀,
Клалъ сошку на поженку̀,
Липнулъ [1]) сошку далёко въ край.
Садился на кобылку на со́лову̀,
Поѣхалъ Викула Селягинъ сынъ.
Пошла Викулина кобылка тутъ со́лова̀,
Пошла во цѣлый шахъ, —
Молодой Вольга́ Всеславьевѝчъ
Со своей дружиной хороброю
Одва гонятся во всю же рысь.
Испрого́воритъ Вольга Всеславьевичъ
— Ай Викула Селягинъ сынъ!
— Эта бы кобыла конемъ была̀,
— Стои́ла бы кобыла пятьсотъ рублёвъ. —

1) Т. е. кинулъ.

Отвѣчае Викула Селягинъ сынъ:
«Не возьму за кобылу цѣлой тысящи».
Поѣхали въ путь дороженку,
Не доѣхали до города Орѣхова,
Попадае имъ камень огромный,
На камешки подпись великая:
Скакать черезъ этотъ же камешокъ
Тому же богатырю
Тому Вольгѣ Всеславьеву,
Дружинушки его въ поперёгъ каменя,
Ему Вольгѣ вдоль камешка, —
Не скочитъ Вольгѣ Всеславьевичъ,
Тутъ будетъ Вольги скора смерть.
Отправляется дружина хоробрая,
Скакала она впоперёгъ сёго каменя;
Направляется Вольгѣ Всеславьевичъ
Скочить сёго вдоль каменя.
Скочилъ Вольгѣ Всеславьевичъ
Черезъ всю длину сёго каменя,
Задѣвае конь подковамы
За длинныи за камешокъ.
Застрадалъ Вольгѣ Всеславьевичъ,
Не доѣхалъ Вольгѣ до Орѣховца,
Скончался на той пути дороженкѣ
И тотъ же Вольгѣ Всеславьевичъ.
Доставала дружина хоробрая
Доставала Вольгу Всеславьева
Въ свое же мѣсто великое[1]).
Тутъ же Вольга приставился.

Записано тамъ же, 22 іюля.

---

1) Пѣвецъ не могъ припомнить названія мѣста, куда дружина отвезла похоронить Вольгу.

3.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

Того ли города онъ Муромля,
Изъ того ли нунь села да Карачаева,
А Илья да сынъ Ивановичъ
Проситъ у родителя прощеньица,
Онъ прощенья проситъ съ бласловленьицомъ
Ѣхать къ городу Чернигову,
Отъ Чернигова-то ѣхать нунь ко Кіеву
А ко ласковому князю ко Владиміру.
Далъ отецъ прощенье съ бласловленьицомъ
Ѣхать къ городу Чернигову.
Онъ садился тутъ Илья да на добра́ коня,
Бралъ же въ руки онъ да ту́гой лукъ,
А поѣхалъ онъ прямой дорожкой неокольною
А отъ города отъ Муромля
А до города Чернигова.
Перевелъ станы́ больши́ разбойнички,
Онъ очистилъ тутъ дороженки.
Подъѣзжаетъ тутъ онъ подъ Черниговъ градъ,
Гди стоитъ тутъ войско бусурманьское
А й подъ городомъ Черниговымъ, —
Тутъ не сдѣлано ни выпуску ни выѣзду
Что ли князю да черниговску.
Молодой Илья да сынъ Ивановичъ
Онъ прибилъ же тое войско всё буса́рское *(такъ)*,
Всихъ татаръ да всихъ поганыихъ,
Онъ очистилъ тутъ Черниговъ градъ,
Збавилъ князя да черниговска
Отъ татаръ было поганыихъ.
Пріѣзжаетъ тутъ ко князю ко черниговску,
Князь черниговскій зради́ется:

«Ты откуда, добрый молодецъ,
«Ты коéй земли, коéй орды,
«Какъ тя нарекаютъ по отечеству?»
— Я есть города отъ Муромля
— Да села есть Карачаевска,
— Да Илья же сынъ Ивановичъ. —
Принялъ его князь черниговскій
Во великое себѣ-ка-ва гостéбище,
Онъ дарилъ ему да чéстныя подарочки,
Подарилъ тутъ е орудію да богатырскую,
Подарилъ копьё да ему вострое,
Да пожертвовалъ ёнъ саблю ему вострую.
Тутъ поѣхалъ да Илья же сынъ Ивановичъ
Отъ Чернигова па Кіевъ градъ
А прямой дорожкой не окольною,
А гди Сóловей да сынъ Рахматовичъ
А сидитъ онъ на двѣнадцати дубахъ да сорочинскихъ,
Не пропуститъ онъ ни коннаго, ни пѣшаго,
Бьетъ онъ свистомъ соловьинымъ,
Покрыкомъ своимъ звѣринымъ.
Тутъ есть стáны да разбойнички
Да артели тутъ великія
На прямой дорожки не окольныя.
Тутъ поѣхалъ же Илья да сынъ Ивановичъ
Отъ Чернигова до Кіева,
Перевелъ же стáны вси разбойнички,
Онъ убилъ артели вси разбойниковъ.
Подъѣзжае подъ гнѣздо да Соловьиное
Того Сóловья Рахматова.
Засвисталъ же Сóловей Рахматовичъ,
Засвисталъ по соловьиному,
Закрычалъ онъ по звѣриному;
У Ильи сына Иванова
Добрый конь его да подтыкается.

Спáдатъ со рѣзвы́ихъ ногъ,
Падатъ онъ же на колѣночка.
Говоритъ Илья Ивановичъ:
— Ахъ ты волчья сытъ, медвѣжья выть!
— Что же ты да ноньче подтыкаешься!
— Что ль ты не бывалъ да во темнóмъ лѣсу,
— Не слыхалъ ты соловьинаго да пóсвисту,
— Не слыхалъ ли ты звѣринаго да пóкрыку?
— Ты ставай-ко на рѣзвы́ ноги,
— Ты вези-ко подъ гнѣздо́ да Соловьиное
— Подъ того же было Со́ловья Рахматова! —
Подъѣзжае тутъ Илья да сынъ Ивановичъ
Подъ того же Со́ловья Рахматова
Подъ гнѣздо да соловьиное.
Какъ подъѣхалъ Илья да сынъ Ивановичъ
Подъ гнѣздо да Соловьиное,
Онъ натягивалъ свой ту́гой лукъ,
Онъ натягивалъ тетивочки шелко́вы,
А накладывалъ тутъ стрѣлочку кале́ную,
Стрѣлилъ стрѣлочку во Со́ловья
Во того да во Рахматова
Во того да во разбойника;
Попадала тая стрѣлочка
А во Со́ловья Рахматова
И свалила тая стрѣлочка
Оттуль Со́ловья Рахматова
А Рахматова разбойничка, —
Повалился будто сѣнная-та ку́чищо.
А до смерти не убило ли,
Только Со́ловья разило ли.
А Илья да сынъ Ивановичъ
Бралъ же Со́ловья Рахматова,
Бралъ Илья да за желты́ кудри,
Вязалъ Со́ловья Рахматова

Онъ ко лѣвою ко стремены.
Тутъ садился на добра коня,
По́везъ Со́ловья Рахматова
А й ко городу ко Кіеву
А ко ласковому князю ко Владиміру,
Черезъ тотъ же было домъ да Соловьиный,
Гдѣ живетъ же тамъ жена е Соловьиная
Со своима тамъ же дѣткамы.
А глядятъ же его дѣтушки
Того Со́ловья Рахматова
Во косевчато окошечко,
Говорятъ же тыи дѣтушки:
«Ахъ ты матушка, ты матушка!
«Батюшка-тотъ ѣде, мужика везетъ».
Была дочь да одноглазая,
А глядитъ она въ окошечко,
А сама она да испрого́воритъ:
— Ахъ вы глупыи вы дѣтушки,
— Неразумны наши дѣтушки!
— А не батюшка-тотъ ѣде, мужика везетъ,
— А мужикъ-тотъ ѣде, везе батюшка. —
Говоритъ же Соловьина молода жена:
«Вы бѣжите-тко на ши́рокъ дворъ,
Тамъ здымайте подворотенку
Подворотенку да вы серебряну,
А убейте мужика да на проѣздѣ тутъ
Во своихъ было воротахъ ли.
Увидалъ же тутъ да Со́ловей Рахматовичъ
Подворотенку здымаючи:
— Ахъ вы глупыи вы дѣтушки,
— Неразумныи вы дѣтушки!
— Вы зачимъ же нунь здымаете
— Подворотенку серебряну?
— Что ли у́бьете вы подворотенкой,

— Какъ не могъ-то я убить да еще раньше васъ?
— Вы зовите-тко въ гостёбищо,
— Вы дарите-тко подарочки,
— Чтобы онъ оставилъ вамъ же батюшка. —
Звали во великое гостёбищо
Да Илью сына̀ Иванова,
Выносили ёму честныи подарочки.
Не бралъ честныихъ подарочковъ,
Не оставилъ имъ же Со́ловья Рахматова,
Везъ ко городу ко Кіеву
А ко ласковому князю ко Владиміру.
Пріѣзжае онъ ко городу ко Кіеву
А ко ласковому князю ко Владиміру,
Тутъ же онъ пріѣхалъ да на ши́рокъ дворъ
Къ тымъ же ко полатамъ бѣлокаменнымъ,
Вяжетъ онъ коня да у столба да у точенаго
У того кольца да золоченаго,
Зашолъ же во полаты бѣлокаменны,
Крестъ кладетъ да по писа́ному,
А поклонъ ведетъ да по учёному,
Бьетъ челомъ да поклоняется
А на всихъ же на четыре на сторонушки,
Князю со княгинушкой въ особину:
«Здравствуй, солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
«Со своей было княгиною!»
Спрашиватъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Ты откудова, удалый доброй молодецъ,
— А коёй земли коёй орды,
— Какъ тя именёмъ зовутъ,
— Какъ тя нарекаютъ по отечеству?
«Я есть города отъ Муромля
«А села да Карачаева,
«А Илья да сынъ Ивановичъ».
— А отъ города отъ Муромля

— Отъ села да Карачаева
— Вы куда-ка нуньчу ѣхали? —
Отвѣчае тутъ Илья да сынъ Ивановичъ:
«Мы ѣхали да на Черниговъ градъ,
«Отъ Чернигова на Кіевъ градъ
«А прямой дорожкой неокольною».
Говоритъ ему Владиміръ стольнё-кіевской:
— Ай же ты Илья да сынъ Ивановичъ:
— Тутъ великія артели да разбойниковъ
— На прямой дорожки неокольною. —
«Вси разбойнички убитыи,
«Вси дороженьки очищены».
Спрашиватъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Подъ Черниговомъ да стóитъ войско бусурманское,
— Всё поганыи татарова,
— А стóитъ татаръ да много тысящей,
— Запертъ да Черниговъ градъ,
— Нѣтъ ни выходу ни выѣзду. —
Говоритъ же тутъ Илья да сынъ Ивановичъ:
«А убито тое войско бусурманское,
«Да очищенъ тутъ Черниговъ градъ,
«Что ль избавленъ еще князь черниговской
«А отъ тыхъ поганыихъ татаровей».
— Отъ Чернигова куды же вы тутъ ѣхали? —
«Ѣхали да отъ Чернигова
«Отъ Чернигова на Кіевъ градъ
«А й прямой дорожкой неокольною,
«Гди живетъ тутъ Сóловей Рахматовичъ».
Говоритъ ему Владиміръ стольнё-кіевской:
— Какъ же вы оттуда-ка проѣхали?
— Тутъ великія артели е разбойниковъ. —
«А разбойнички убитыи,
«Что ли стáночки посóжганы».
— Тутъ же Сóловей Рахматовичъ

— Онъ сидитъ на двѣнадцати дубахъ да сорочинскіихъ,
— Не стрѣльбой пальбой онъ бьетъ да человѣческой,
— Бьетъ же по́свистомъ да соловьинымъ,
— Бьетъ же по́крыкомъ звѣринымъ. —
«Со́ловей Рахматовичъ
«На твоемъ да широко́мъ двори
«У моей было у лѣвои у стремены,
«Онъ приве́зенъ нунь во Кіевъ градъ».
Князь да со княгиною
А скорешенько бѣжали да на ши́рокъ дворъ
Посмотрѣть да было Со́ловья Рахматова.
Выбѣгали тутъ на широкъ дворъ
Къ тому Со́ловью Рахматову
А й къ Рахматову разбойнику:
— Ахъ ты Со́ловей Рахматовичъ,
— Засвищи по соловьиному,
— Закрычи-тко по звѣриному! —
Отвѣчае имъ же Со́ловей:
«Не у васъ я хлѣба кушаю,
«А не васъ я хо́чу слушати».
А й выходитъ тутъ Илья да сынъ Ивановичъ;
Испроговоритъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Ай же ты Илья да сынъ Ивановичъ!
— За́ставь Со́ловья да за́свистать,
— Засвистать по соловьиному,
— Закрычать да по звѣриному. —
Говорилъ Илья Ивановичъ:
«Ахъ ты Со́ловей Рахматовичъ,
«Засвищи-ко ты полу́-свистомъ,
«Закрычи-ко нунь полу́-крыкомъ!»
Со́ловей Рахматовичъ
А Рахматовичъ разбойничекъ,
Засвисталъ-то онъ во весь же свистъ,
Закрычалъ-то онъ во весь тутъ крыкъ.

Князь да со княгиною
Пали оны, о́мерли.
Какъ Илья же сынъ Ивановичъ
Какъ подскочитъ онъ ко Со́ловью,
Къ Со́ловью Рахматову
А къ Рахматову разбойнику,
Какъ отде́рнетъ да отъ стремены,
Какъ ударитъ о кирпиченъ мостъ, —
Повернулись тутъ глаза-ты вонъ косицамы,
На четыре части голова тутъ лопнула;
А рострясъ князя̀ съ княгиною
Что ли солнышка Владиміра
А и князя стольнё-кіевска.
Испроговоритъ Владиміръ стольнё-Кіевской:
— Благодарствуешь Илья да сынъ Ивановичъ;
— Збавилъ насъ отъ смерти отъ напрасныя!
— Нареку тебѣ я имя да по новому:
— Быдь-ко ты казакъ да Илья Муромецъ
— Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
— А живи-тко ты у насъ во Кіеви,
— А отнынѣ ты живи вѣкъ по́ вѣку! —

Записано тамъ же, 24 іюля.

4.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

Ай татаринъ да поганыи,
Чтоль Идолищо великое,
Набралъ силы онъ татарскіи,
Набралъ силы много тысящей,
Онъ поѣхалъ нынь татаринъ да поганыи,
А Идолищо великое,

А великое да страшное,
А й ко солнышку Владиміру
А й ко князю стольнё-кіевску.
Пріѣзжаетъ тутъ татаринъ да поганыи,
А Идолищо великое,
А великое да страшное,
Ставитъ силушку вкругъ Кіева,
Ставитъ силушку на много вёрстъ,
Самъ поѣхалъ онъ къ Владиміру.
Убоялся нашъ Владиміръ стольнё-кіевской
Что ль татарина да онъ было поганаго,
Что ль Идолища да онъ было великаго.
Не случилоси да у Владиміра
Дома русьскіихъ могучіихъ богáтырей:
Уѣхали богатыри въ чистó поле,
Во чистó поле уѣхали поляковать:
А й ни стараго казáка Ильи Муромца,
А й ни мóлода Добрынюшки Никитича,
Ни Михайлы было Пóтыка Иванова.
Былъ одинъ Алешенька Левонтьевичъ,
Хоть бы смѣлыи Алешка — не удалыи.
А не смѣлъ же ѣхать въ супротивности
А протúвъ было поганаго татарина
А протúвъ того Идолища великаго.
Ужъ какъ солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
Что ль татарину да кланялся,
Звалъ онъ тутъ въ великое гостебищо,
На свое было велико пированьицо
Во свои было палаты бѣлокаменны.
Тутъ же ѣздитъ Илья Муромецъ да у Царя-града,
Онъ незгодушку про Кіевъ да провѣдаетъ.
Какъ приправитъ Илья Муромецъ да коня добраго,
Отъ Царя-града приправитъ же до Кіева,
Тутъ поѣхалъ Илья Муромецъ въ чисто поле

А подъ тую было силу подъ татарскую.
Попадаетъ ему старецъ перегримищо,
Перегримищо да тутъ могучіи Иванищо;
Говоритъ ему казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
«Ты Иванищо да е могучіи!
«Не очистишь что же нуньчу града Кіева,
«Ты не у́бьешь нунь поганыихъ татаровей?»
Говорилъ ему Иванищо могучее:
— Тамъ татаринъ е вели́кіи,
— А великіи Идолищо да страшныи,
— Онъ по́ кулю да хлѣба къ выти ѣстъ,
— По ведру вина да онъ на разъ-то пьетъ,
— Такъ не смію я итти туды къ татарину. —
Говоритъ ему казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
«Ай же ты Иванищо могучее!
«Дай-ко мнѣ-ка платьицевъ нунь старческихъ
«Да лаптёвъ же мнѣ-ка нуньчу старческихъ,
«Своей шляпы нунь же мнѣ-ка-ва да старческой,
«Да й клюки же мнѣ-ка́ сорока пудовъ, —
«Не узналъ бы нунь татаринъ да поганыи,
«Что меня же нунь каза́ка Ильи Муромца,
«А Ильи сына́ Иванова».
— А не далъ бы я ти платьицевъ да старческихъ,
— А не смію не́ дать платьицевъ тутъ старческихъ:
— Съ чести ти не дать, такъ во́зьмешь не́ съ чести,
— Не съ чести возьме́шь, ужь мнѣ-ка бокъ набьешь!
Отдавае ему платьица-ты старчески,
Лапти тутъ давае онъ же старчески,
Шляпу онъ давае тутъ же старческу,
А клюху-ту онъ давае сорока пудовъ.
Принимаетъ тутъ же платья богатырскіи
А садился на коня да богатырскаго,

Онъ поѣхалъ Ильей Муромцомъ.
А идетъ тутъ Илья Муромецъ,
Что идетъ же къ солнышку Владиміру,
Что идетъ Иванищо могучее
Въ платьяхъ тутъ же старческихъ,
Онъ идетъ мимо̀ палаты бѣлокаменны
Мимо ты косевчаты окошечка,
Гди сидитъ было Идолищо поганое,
Гди татаринъ да невѣрныи.
А взглянулъ было татаринъ во окошечко,
Самъ татаринъ испрогóворитъ,
Говоритъ же тутъ татаринъ да поганыи:
— А по платьицамъ да иде старчищо,
— По походочкѣ такъ Илья Муромецъ. —
Онъ приходитъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ
А въ тыи въ полаты бѣлокаменны
И во тыхъ было во платьяхъ да во старческихъ
Того старца перегримища,
Перегримища да тутъ Иванища.
Говоритъ же тутъ Идолищо поганое:
— Ай же старчищо да перегримищо!
— А й великъ у васъ казакъ да Илья Муромецъ? —
Отвѣчае ему старецъ перегримищо:
«Не огромный нашъ казакъ да Илья Муромецъ,
«Ужъ онъ толь великъ какъ я же есть».
— А по многу ли вашъ ѣсть да Илья Муромецъ?
Отвѣчае ёму старецъ перегримищо:
«Не по многу ѣстъ казакъ да Илья Муромецъ:
«По три калачика крупивчатыхъ».
— Онъ по многу же ли къ выти да вина-то пьетъ? —
Отвѣчае ёму старецъ перегримищо:
«Онъ одинъ же пьетъ да нунь стаканецъ ли».
Отвѣчаетъ тутъ Идолищо поганое:
— Это что же есть да нуньчу за богáтырь ли!

— Какъ нашіи татарскіи богáтыри
— По кулю да хлѣба къ выти кушаютъ,
— На разъ же по ведру вина да выпьютъ ли. —
Отвѣчаетъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
«Какъ у нашего попа да у Левонтья у Ростовскаго
«Какъ бывала тутъ коровища обжорища,
«По кýбочѣ[1]) соломы да на рáзъ ѣла,
«По лохани да питья е да на рáзъ пила,
«Ѣла, ѣла, пила, пила, сама лопнула!»
Тутъ Идолищу поганому не кажется, —
Какъ ухватитъ онъ ножищо да кинжалищо
Да какъ máхне онъ въ казáка Илью Муромца
Во того было Илью Иванова.
А казакъ тотъ былъ на ножки еще пóвертокъ,
А на печку Илья Муромецъ выскакивалъ,
На́ лету онъ ножичокъ подхватывалъ,
А назадъ да къ нему носомъ поворачивалъ,
Какъ подскочитъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ
Со своей было клюхою сорочинскою,
Какъ ударитъ онъ его да въ буйну голову, —
Отлетѣла голова да будто пугвица.
А какъ выскочитъ онъ да на шúрокъ дворъ,
Взялъ же онъ клюхой было помахивать
А поганыихъ татаровей охаживать,
А прибилъ же всихъ поганыихъ татаровей,
А очистилъ Илья Муромецъ да Кіевъ градъ,
Збавилъ онъ же солнышка Владиміра
Изъ того же было полону великаго.
Тутъ же Ильѣ Муромцу да-е славу́ поютъ.

Записано тамъ же, 24 іюля.

---

1) Кубоча — тукачъ или снопъ соломы.

5.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧЪ [1]).

Добрынюшки-то матушка говаривала,
Никитичу-то родненька наказывала:
«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитинничъ!
«Ты походишь нунь гулять да е во Кіевъ градъ,
«Подь ты нунь гуляй да по всимъ уличкамъ,
«И по тымъ же ты по мелкимъ переулочкамъ,
«Только нѐ ходи ко сукиной Маринушки,
«Къ той Маринушки Кайдаловной,
«А Кайдальевной да королевичной,
«Въ тую ли во частую во уличку,
«Да во тотъ ли нунь во мелкій переулочекъ.
«Сука блядь Маринка та Кайдальевна
«А Кайдальевна да королевична,
«Королевична да и волшебница,
«Она много нунь казнила да князей князевичевъ,
«Много королей да королевичевъ,
«Девять русьскіихъ могучіихъ богáтырей,
«А безъ счету тутъ народушку да черняди.
«Зáйдешь ты, Добрынюшка Никитинничъ,
«Къ той же ко Маринушкѣ Кайдаловной,
«Тамъ тебѣ Добрынѣ живу нѐ бывать!»
Отправляется Добрыня сынъ Никитинничъ
Онъ ходить гулять по городу по Кіеву,
Да по тымъ же нунь по частымъ по уличкамъ,
Тутъ по мелкіимъ Добрыня переулочкамъ,
Ходитъ тутъ Добрыня сынъ Никитинничъ,
А не шолъ же онъ къ Маринушкѣ Кайдаловной.

---

1) Калининъ пѣлъ подъ-рядъ всю былину о Добрынѣ Никитичѣ, какъ одно цѣлое, но говорилъ, что она обыкновенно поется въ трехъ частяхъ, которыя составляютъ каждая отдѣльную былину.

Онъ увидѣлъ голуба да со голубушкой,
А сидитъ же голубъ со голубушкой
А во той же нушь Маришки во Кайдальевны
Въ ей же онъ сидитъ голу́бъ во улички,
Сидятъ что ли голубъ со голубкою
Что ли носъ съ носкомъ а ротъ съ роткомъ.
А Добрынюшкѣ Никитичу не кажется,
Что сидитъ же тутъ да голубъ со голубушкой
Носъ съ носкомъ да было ротъ съ роткомъ,
Онъ натягивалъ тетивочки шелко́выи,
Онъ накладывалъ тутъ стрѣлочки кале́ныи,
Онъ стрѣляетъ тутъ же въ голуба́ съ голубушкой.
Не попала тая стрѣлочка каленая
А й во го́луба да со голубкою,
А летѣла тая стрѣлочка прямо во высо́къ теремъ,
Во то было окошечко косевчато
Къ сукѣ ко Маринушки Кайдальевной,
А й Кайдальевной да королевичной.
Тутъ скорешенько Добрыня шолъ да широки́мъ дворомъ,
Поскорѣе тутъ Добрыня по крылечику,
Вѣжливѣе же Добрыня по новы́мъ сѣнямъ,
А побасче тутъ Добрыня въ новой горенкѣ,
А беретъ же свою стрѣлочку каленую.
Говоритъ ему Маришка да Кайдальевна
А й Кайдальевна да каролевична:
«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Сдѣлаемъ, Добрынюшка, со мной любовь».
Отвѣчаетъ тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ахъ ты душенька Маринушка Кайдальевна!
— Я тебѣ-ка-ва не полюбовничокъ. —
Обернулся тутъ Добрыня съ новой горницы,
И выходитъ тутъ Добрынюшка на ши́рокъ дворъ.
Тутъ скочила же Маринушка Кайдаловна,
Брала тутъ ножищо да кинжалищо,

А стругаетъ тутъ слѣдочки да Добрынины,
Рыла [1]) тутъ во печку во муравлену
И сама же тутъ къ слѣдочкамъ приговариватъ:
«Горите вы слѣдочки да Добрынины
«Въ то́й было во печки во муравленой,
«Гори-тко во Добрынюшки по мнѣ душа!»
Воротился тутъ Добрыня съ широка двора,
А приходитъ ко Маринѣ ко Кайдальевной,
А й къ Кайдальевной да королевичной:
— Ахъ ты душенька Маринушка Кайдальевна,
— А й Кайдальевна да королевична!
— Ужъ ты сдѣлаемъ Маринушка со мной любовь,
— Ахъ ты съ душенькой съ Добрынюшкой Микитичемъ. —
«Ахъ ты мо́лодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Что же надо мной да надсмѣхаешься?
«Да́вень тебя звала въ полюбовнички, —
«Ты въ меня топерь [2]) Добрыня не влюблялся ли;
«Нунечу зовешь да въ полюбовницы!»
Воротила тутъ она было бога́тыря
Тымъ было туро̀мъ да златорогіимъ,
А спустила тутъ бога́тыря въ чисто́ поле:
А пошолъ же тутъ бога́тырь по чисту́ полю,
А пошолъ же онъ туро́мъ да златорогіимъ.
Увидае онъ тутъ стадо да гусиноё
Той же онъ Авдотьи онъ Ивановны
А желанной онъ своей да было тётушки,
Притопталъ же всѣхъ гусей да до единаго,
Не оставилъ онъ гусеныша на си́мена.
Тутъ приходя пастухи было гусиныи
А приходя пастухи да жалобу́ творятъ:
«Ахъ ты мо́лода Авдотья да Ивановна!

---

1) Т. е. бросала.
2) Т. е. въ то время.

«А приходитъ къ намъ же туръ да златорогіи,
«Притопталъ же всѣхъ гусей да до единаго,
«Не оставилъ намъ гусеныша на сѝмена».
Приходилъ же къ стаду къ лебединому,
Притопталъ же лебедей всѣхъ до единоё,
Не оставилъ онъ лебёдушки на сѝмена.
Не поспѣли пастухи да взадъ сойти,
А приходятъ пастухи да лебединыи,
Тыи жъ пастухи да жалобу́ творятъ:
«Мо́лода Авдотья да Ивановна!
«Приходилъ къ намъ туръ да златорогіи,
«Притопталъ же лебедей всѣхъ до единоё,
«Не оставилъ онъ лебёдушки на сѝмена».
Онъ приходитъ туръ во стадо во овечьеё,
Притопталъ же всѣхъ овецъ да до единою,
Не оставилъ онъ овечки имъ на сѝмена.
Не поспѣли пастухи да тыи взадъ сойти,
А приходя пастухи было овечьіи:
«Молода Авдотья да Ивановна!
«Приходилъ къ намъ туръ да златорогіи,
«Притопталъ же всѣхъ овецъ да до единоё,
«Не оставилъ онъ овечки намъ на сѝмена».
Шолъ же туръ да златорогіи
А во то было во стадо во скотинное,
Ко тому было ко ско́ту ко рогатому,
Притопталъ же всѣхъ коровъ да до единою,
Не оставилъ имъ коровушки на сѝмена.
Не поспѣли пастухи да тыи взадъ сойти,
А приходя пастухи же къ ей коровьіи,
Тыи пастухи да жалобу́ творятъ:
«Ахъ ты молода Авдотья да Ивановна!
«Приходилъ ко стаду ко скотинному
«Приходилъ же туръ да златорогіи,
«Притопталъ же всѣхъ коровъ да до единою,

«Не оставилъ намъ коровушки на сѝмена».
Говорила тутъ Авдотья да Ивановна:
— А не быть же нунь турў да златорогому,
— Быть же нунь любимому племяннику,
— Мóлоду Добрынюшки Никитичу.
— Онъ обвернутъ у Маришки у Кайдальевной
— Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
— А повернутъ онъ туромъ да златорогѝимъ. —
Находилъ же стадо онъ кониное
Тотъ же туръ да златорогіи,
Разгонялъ же всихъ коней да по чистў полю,
Не оставилъ имъ лошадушки на сѝмена.
А й приходятъ пастухи да къ ей конинын,
Сами пастухи да жалобў творятъ:
«Молода Авдотья ты Ивановна!
«Приходилъ же къ намъ туръ туръ да златорогіи,
«Разгонялъ же всихъ коней да по чисту полю,
«Не оставилъ намъ лошадушки на сѝмена».
Молода Авдотья да Ивановна
Повернулась тутъ она было сорокою,
А летѣла къ сукѣ ко Маринушкѣ Кайдальевной,
А садилась на окошечко косевчато.
Стала тутъ сорока выщекатывать,
Стала тутъ сорока выговаривать:
— Ахъ ты сука нунь Маринушка Кайдальевна,
— Ай Кайдальевна да королевична!
— А зачѣмъ же пóвернула ты Добрынюшку,
— А Добрынюшку да ты Никитича,
— Тымъ же нунь турòмъ да златорогѝимъ,
— А спустила тутъ Добрыню во чистó поле?
— Отврати-тко ты Добрынюшку Никитича
— Отъ того же нунь турà да златорогаго:
— Не отворотишь ты Добрынюшки Никитича
— Отъ того же отъ тура да златорогаго, —

— Ѡверну тебя, Маринушка, сорокою,
— Я спущу тебя, Маришка, во чисто полё:
— Вѣкъ же ты летай да тамъ сорокою! —
Обвернулась тутъ Маришка да сорокою,
А летѣла тутъ сорока во чистó поле,
А садиласи къ туру да на златы рога.
Стала тутъ сорока выщекатывать,
Взя́ла тутъ сорока выговаривать:
«Ай же туръ да златорогіи,
«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Сдѣлай съ нами заповѣдь великую
«А принять со мной съ Маришкой по злату вѣнцу:
«Отврачу я отъ тура́ тя златорогаго».
Говорилъ же тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ахъ ты душенька Маринушка Кайдальевна,
— А й Кайдальевна да королевична!
— Отврати-тко отъ тура́ да златорогаго,
— Сдѣлаю я заповѣдь великую,
— Я приму съ тобой, Марина, по злату вѣнцу —
Отвернула отъ тура́ да златорогаго
Мóлода Добрынюшку Никитича.
Приходили тутъ ко городу ко Кіеву
Къ ласковому князю ко Владиміру,
Принялъ со Мариной по злату вѣнцу.
А проводитъ онъ свою да было свадебку,
Отправляется во ложни да во теплыи
Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
Самъ же онъ служаночкамъ наказыватъ:
— Аїй же слуги мои вѣрныи!
— Попрошу у васъ же чару зелена́ вина,
— Вы попрежде мни подайте саблю вострую. —
Шолъ же онъ во ложни да во теплыи;
Обвернула тутъ его да горносталушкомъ,
Взя́ла горносталиша попужывать,

Взя́ла горносталина покышкивать,
Приломалъ же горносталь да свои нёкти прочь.
Обвернула тутъ она его соколикомъ,
Взя́ла тутъ соколика попуживать,
Взя́ла тутъ соколика покышкивать,
Примахалъ сокóлъ да свои крыльица.
Тутъ смолился онъ Маринушки Кайдальевной,
Ай Кайдальевной да королевичной:
— Не могу летать я нунечку соколикомъ,
— Примахалъ свои я нуньчу крыльица,
— Ты позволь-ко мнѣ-ка выпить чару зелена вина.
Молода Маришка да Кайдальевна,
Ай Кайдальевна да королевична,
Отвернула тутъ Добрыню добрымъ мóлодцемъ;
А скрычалъ же тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ай же слуги мои вѣрныи,
— Вы подайте-тко мнѣ чару зелена вина! —
Подавали ему тутъ слуги вѣрныи,
Поскорешенько тутъ подавали саблю вострую.
Нѣ пилъ онъ тутъ чары зелена вина,
Смáхне онъ Добрыня саблей вострою
И отнесъ же онъ Маринѣ буйну голову,
А за ей было поступки неумильніи.
По утру сходилъ во теплую свою да парну баенку,
Идутъ же было князи тутъ да бояра:
«Здравствуешь, Добрыня сынъ Никитиничъ,
«Со своей да съ любимóй семьей
«Съ той было Маринушкой Кайдальевной,
«А й Кайдальевной да королевичной!»
— А й же нунь вы князи еще бóяра,
— Вси же вы Владимíровы двóряна!
— Я вечоръ же братци былъ женáтъ нѣ хóлостъ,
— А нынечу я сталъ братци холóстъ нѣ жёнатъ!
— Я отсѣкъ же нунь Маринѣ буйну голову

— За ейны было поступки неумильніи.—
«Благодарствуешь Добрыня сынъ Никитиничъ,
«Что отсѣкъ же ты Маринки буйну голову
«За ейны поступки неумильніи!
«Много тутъ казнила да народу она русьскаго,
«Много тутъ князей она князевичевъ,
«Много королей да королевичевъ,
«Девять русьскіихъ могучіихъ богáтырей,
«А безъ счету тутъ народушку да черняди!»

Матушка Добрынюшкѣ говаривала,
Матушка Никитичу наказывала:
«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Ты не ѣзди-тко на гору сорочинскую,
«Не топчи-тко тамъ ты малыихъ зміенышовъ,
«Не выручай же пóлону тамъ русьскаго,
«Не куплись-ко ты во матушкѣ Пучай-рѣки;
«Тая рѣка свирипая,
«Свирипая рѣка сама сердитая:
«Изъ-за первоя же струйки какъ огонь сѣчетъ,
«Изъ-за дрýгоей же струйки искра сыплется,
«Изъ-за третьеей же струйки дымъ столбомъ валитъ,
«Дымъ столбомъ валитъ да самъ со пламенью».
Мóлодой Добрыня сынъ Никитиничъ
Онъ не слушалъ да родители тутъ матушки
Честнóй вдовы Офимьи Олександровной,
Ѣздилъ онъ на гору сорочинскую,
Тóпталъ онъ тутъ малыихъ змѣенышковъ,
Выручалъ тутъ полону да русьскаго.
Тутъ купался да Добрыня во Пучай-рѣки,
Самъ же тутъ Добрыня испроговорилъ:
— Матушка Добрынюшки говаривала,
— Родная Никитичу накáзывала:

— «Ты не ѣзди-тко на гору сорочинскую,
— «Не топчи-тко тамъ ты малыихъ зміенышовъ,
— «Не купись Добрыня во Пучай-рѣки,
— «Тая рѣка свирипая,
— «Свирипая рѣка да е сердитая:
— «Изъ-за первоя же струйки какъ огонь сѣчетъ,
— «Изъ-за дру́гоей же струйки искра сыплется,
— «Изъ-за третьеей же струйки дымъ столбомъ валитъ,
— «Дымъ столбомъ валитъ да самъ со пламенью».
— Эта матушка Пучай-рѣка
— Какъ ложипушка дождёвая. —
Не поспѣлъ тутъ же́ Добрыня словця мо́лвити, —
Изъ-за первоя же струйки какъ огонь сѣчетъ,
Изъ-за другою же струйки искра сыплется,
Изъ-за третьеей же струйки дымъ столбомъ валитъ,
Дымъ столбомъ валитъ да самъ со пламенью.
Выходитъ тутъ змѣя было проклятая,
О двѣнадцати змѣя было о хоботахъ:
«Ахъ ты мо́лодой Добрыня сынъ Никитинничъ!
«Захочу я нынь Добрынюшку цѣло́ сожру,
«Захочу Добрыню въ хобота возьму,
«Захочу Добрынюшку въ полонъ снесу».
Испроговоритъ Добрыня сынъ Никитинничъ:
— Ай же ты змѣя было проклятая!
— Ты поспѣла бы Добрынюшку да за́хватить,
— Въ ты пору Добрынюшкой похвастати,
— А нуньчу Добрыня не въ твоихъ рукахъ.
Ны́рнетъ тутъ Добрынюшка у бережка,
Вынырнулъ Добрынюшка на дру́гоёмъ,
Нѣту у Добрыни ко́ня добраго,
Нѣту у Добрыни ко́пья востраго,
Нечѣмъ тутъ Добрынюшкѣ поправиться.
Самъ же тутъ Добрыня пріужа́хнется,
Самъ Добрыня испрого́воритъ:

— Видно нонечу Добрынюшкѣ кончинушка! —
Лежитъ тутъ колпакъ да земли греческой,
А вѣсу-то колпакъ буде трехъ пудовъ.
Ударилъ онъ змѣю было по хоботамъ,
Отшибъ змѣи двѣнадцать тыхъ же хоботовъ,
Сбился на змѣю да онъ съ колѣнками,
Выхватилъ ножищо да кинжалищо,
Хоче онъ змѣю было порóспластать.
Змѣя ему да тутъ смолиласи:
«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Быдь-ка ты Добрынюшка да большій братъ,
«Я теби да сёстра меньшая.
«Сдѣлаемъ мы же заповѣдъ великую:
«Тебѣ-ка-ва не ѣздить нынь на гору сорочинскую,
«Не топтать же здѣ-ка маленькихъ змiёнышковъ,
«Не выру́чать по́лону да русьскаго;
«А я теби сестра да буду меньшая, —
«Мнѣ-ка не летать да на святую Русь,
«А не брать же больше по́лону да русьскаго,
«Не носить же мнѣ народу христiаньскаго».
Отслабилъ онъ колѣнъ да богатырскiихъ.
Змѣя была да тутъ лукавая,
Сподъ колѣнъ да тутъ змѣя свернуласи,
Улетѣла тутъ змѣя да во кувыль-траву.
И мо́лодый Добрыня сынъ Никитиничъ
Пошолъ же онъ ко городу ко Кiеву,
Ко ласковому князю ко Владимiру,
Къ своей тутъ къ родители ко матушки,
Къ честной вдовы Офимьѣ Олександровной.
И самъ Добрыня порасхвастался:
— Какъ нѣту у Добрыни ко́ня добраго,
— Какъ нѣту у Добрыни ко́пья востраго,
— Не на комъ поѣхать нынь Добрынѣ во чисто поле! —
Испроговоритъ Владимiръ стольнё-кiевской:

«Какъ солнышко у насъ идетъ на вечерѣ,
«Почестный пиръ идетъ у насъ на весели,
«А мнѣ-ка-ва Владиміру не весело.
«Одна у меня любимая племянничка,
«И мóлода Забава дочь Потятична;
«Летѣла тутъ змѣя у насъ проклятая,
«Летѣла же змѣя да черезъ Кіевъ градъ;
«Ходила нунь Забава дочь Потятична
«Она съ мамкамы да съ нянькамы
«Въ зеленомъ саду гулятиться.
«Подпадáла тутъ змѣя было проклятая
«Ко той матушки да ко сырой земли,
«Ухватила тутъ Забаву дочь Потятичну
«Въ зеленомъ саду да ю гуляючи
«Во свои было во хобота змѣиныи,
«Унесла она въ пещерушку змѣиную».
Сидятъ же тутъ два русьскіихъ могучіихъ богатыря:
Сидитъ же тутъ Алешенька Левонтьевичъ,
Во дрýгіихъ Добрыня сынъ Никитиничъ.
Испроговоритъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Вы русьскіи могучіи богатыри,
«Ай же ты Алешенька Левонтьевичъ!
«Можь ли ты достать у насъ Забаву дочь Потятичну
«Изъ той было пещеры изъ змѣиною?»
Испроговоритъ Алешенька Левонтьевичъ:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Я слыхалъ было на семъ свѣти,
— Я слыхалъ же отъ Добрынюшки Никитича:
— Добрынюшка змѣи́ было крестовый братъ.
— Отдастъ же тутъ змѣя проклятая
— Мóлоду Добрынюшки Никитичу
— Безъ бою́ безъ драки кроволитія
— Тую же нунь Забаву дочь Потятичну. —
Испроговоритъ Владиміръ стольнё-кіевской:

«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Ты достань-ко нунь Забаву дочь Потятичну
«Да изъ той было пещерушки змѣиною.
«Не достанешь ты Забавы дочь Потятичной,
«Прикажу теби Добрыня голову́ рубить».
Повѣсилъ тутъ Добрыня буйну голову,
Утопилъ же очи ясныи
А во тотъ ли во кирпиченъ мостъ;
Ничего ему Добрыня не отвѣтствуетъ.
Ставаетъ тутъ Добрыня на рѣзвы́ ноги,
Отдаетъ ему великое почтенiё
Ему нунь за весело пированiё.
И пошолъ же ко родители ко матушкѣ
И къ честной вдовы Офимьи Олександровной.
Тутъ стрѣтаетъ его да родитель матушка,
Сама же тутъ Добрынѣ испроговоритъ:
«Что же ты рожоноё не весело,
«Буйну голову рожоноё повѣсило?
«Ахъ ты молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Али ѣствы-ты были не по́ уму?
«Али питьица-ты были не по разуму?
«Аль дуракъ-тотъ надъ тобою надсмѣялся ли?
«Али пьяница ли тамъ тебя прiо́бозвалъ?
«Али чарою тебя да тамъ прiо́бнесли?»
Говорилъ же тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ,
Говорилъ же онъ родители тутъ матушкѣ
А честной вдовы Офимьи Олександровной:
— Ай честна вдова Офимья Олександровна!
— Ѣствы-ты же были мнѣ-ка по́ уму
— А и питьица-ты были мнѣ по разуму,
— Чарою меня тамъ не прiо́бнесли
— А дуракъ-тотъ надо мною не смѣялся же
— А и пьяница меня да не прiо́бозвалъ;
— А накинулъ на насъ службу да великую

А сѣдлае своего да онъ добра́ коня,
Кладыва́е онъ же потнички на потнички,
А на потнички онъ кладе войлочки,
А на войлочки черкальское сѣделышко,
И садился тутъ Добрыня на добра коня.
Провожаетъ тутъ родитель его матушка
А честна вдова Офимья Олександровна;
На поѣздѣ ему плёточку нунь подала,
Подала тутъ плётку шамахинскую
А семи шелковъ да было разныихъ,
А Добрынюшкѣ она было наказыватъ:
«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитинычъ!
«Вотъ теби да плетка шамахинская:
«Съѣдешь ты на гору сорочинскую,
«Станешь то́птать маленькихъ змiенышовъ,
«Выручать тутъ полону да русьскаго,
«Да не станетъ твой же бурушко поскакивать
«А змiенышовъ отъ ногъ да прочь отряхивать, —
«Ты хлыщи бурка да нунь проме́жъ уши,
«Ты проме́жъ уше́й хлыщи да ты проме́жъ ноги,
«Ты проме́жъ ноге́й да про́межъ задніи,
«Самъ бурку да приговаривай:
«Бурушка ты нунь поскакивай,
«А змiенышовъ отъ ногъ да прочь отряхивай!»
Тутъ простпласи да воротиласи.
Видли тутъ Добрынюшку да сядучи,
А не видли тутъ удалаго поѣдучи.
Не дорожками поѣхалъ не воротами,
Черезъ ту стѣну́ поѣхалъ городовую,
Черезъ тую было башню наугольную,
Онъ на тую гору сорочинскую;
Сталъ топтать да маленькихъ змiенышовъ,
Выручать да полону нунь русьскаго.
Подточилп тутъ змiёныши бурку да щоточкг

Да большое тутъ съ Добрыней кроволитіё.
Бился тутъ Добрыня со змѣёй трои́ сутки
А не може онъ побить змѣи проклятою.
Наконецъ хотѣлъ Добрынюшка отъѣхати, —
Изъ небесъ же тутъ Добрынюшки да гласъ гласитъ:
«Ахъ ты мо́лодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Бился со змѣёй ты да трои́ сутки,
«А побейся-ко съ змѣёй да еще три́ часу».
Тутъ побился онъ Добрыня еще три́ часу,
А побилъ змѣю да онъ проклятую.
Попустила кровь свою змѣиную,
Отъ востока кровь она да внизъ да запада,
А не при́жре матушка да тутъ сыра земля
Этой крови да змѣиною.
А стоитъ же тутъ Добрыня во крови́ трои́ сутки,
На кони сидитъ Добрынл — пріужа́хнется,
Хочетъ тутъ Добрыня прочь отъѣхати.
Зъ-за небесей Добрынѣ снова гласъ гласитъ:
«Ай ты мо́лодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Бей-ко ты копьемъ да бурзамецкімъ
«Да во ту же матушку сыру землю,
«Самъ къ земли да приговаривай».
Сталъ же бить да во сыру землю,
Самъ къ земли да приговаривать:
— Розступись-ко ты же, матушка сыра земля,
— На четыре на вси стороны,
— Ты пріжри-ко эту кровь да всю змѣиную! —
Розступилась было матушка сыра земля
На всихъ на четыре да на стороны,
Пріжрала да кровь въ себя змѣиную.
Опускается Добрынюшка съ добра коня
И пошолъ же по пещерамъ по змѣиныимъ,
Изъ тыи же изъ пещеры изъ змѣиною
Сталъ же выводить да полону онъ русьскаго,

Много вывелъ онъ было князей князевичевъ,
Много королей да королевичевъ,
Много онъ дѣвицъ да королевичныхъ,
Много нунь дѣвицъ да и князевичныхъ
А изъ той было пещеры изъ змѣиною,
А не може онъ найти Забавы дочь Потятичной.
Много онъ прошолъ нещеръ змѣиныихъ
И заходитъ онъ въ пещеру во послѣднюю,
Онъ нашолъ же тамъ Забаву дочь Потятичну
Въ той послѣднею пещеры во змѣиною.
А выводитъ онъ Забаву дочь Потятичну
А изъ той было пещерушки змѣиною,
Да выводитъ онъ Забавушку на бѣлый свѣтъ,
Говоритъ же королямъ да королевичамъ,
Говоритъ князямъ да онъ князевичамъ
И дѣвѝцамъ королевичнымъ
И дѣвѝцамъ онъ да нунь князевичнымъ:
— Кто откуль вы да унѐсены,
— Всякъ ступайте въ свою сторону
— А сбирайтесь вси да по своимъ мѣстамъ,
— И не троне васъ змѣя болѓѣ проклятая.
— А убита е змѣя да та проклятая
— А пропущена да кровь она змѣиная
— Отъ востока кровь да внизъ до запада,
— Не унесетъ нунь бо̀лѓѣ полону да русьскаго
— И народу христіаньскаго.
— А убита е змѣя да у Добрынюшки
— И приконьчена да жизнь нуньчу змѣиная. —
А садился тутъ Добрыня на добра́ коня,
Бралъ же онъ Забаву дочь Потятичну
А садилъ же онъ Забаву на право́ стегно
А поѣхалъ тутъ Добрыня по чисту́ полю.
Испрого́воритъ Забава дочь Потятична:
«За твою было великую за вы́слугу

«Назвала тебя бы я нунь батюшкомъ,
«И назвать тебя Добрыня нуньчу нѐ можно!
«За твою великую за выслугу
«Я бы назвала нунь братцемъ да родимымъ,
«А назвать тебя Добрыня нуньчу нѐ можно!
«За твою великую за выслугу
«Я бы назвала нынь другомъ да любимымъ,
«Въ насъ же вы Добрынюшка не влю́битесь!»
Говоритъ же тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ
Молодой Забавы дочь Потятичной:
— Ахъ ты мо́лода Забава дочь Потятична!
— Вы есть нуньчу роду княженецкаго,
— Я есть роду христіаньскаго:
— Насъ нельзя назвать же другомъ да любимымъ —
А везетъ же онъ Добрыня по чисту полю,
Онъ наѣхалъ во чистомъ поли да и́скопыть,
Ископыть да лошадиную,
А какъ стульями земля да проворочена.
Тутъ поѣхалъ нунь Добрыня сынъ Никитиничъ
Той же ископытью лошадиною,
Онъ увидѣлъ тутъ Алешеньку Левонтьева:
— Ай же ты Алешенька Левонтьевичъ!
— Ты прими отъ насъ Забаву дочь Потятичну.
— Везъ же я Забаву да во честности,
— Да отъ насъ прими Олешенька во честности,
— Не стыди-тко ей да личка бѣлаго,
— Ты присты́дишь ей да личко бѣлое,
— Мнѣ-ка-ва она да тутъ пожалится,
— Я те завтра тутъ Олешка голову́ срублю!
— А свези-ко ты къ Владиміру во честности,
— Къ солнышку ко князю стольнѐ-кіевску. —
Отправляетъ тутъ Забаву дочь Потятичну
Съ тымъ было Олешенькой Левонтьевымъ,
Самъ поѣхалъ ископытью лошадиною.

Наѣзжае онъ богáтыря въ чистóмъ поли,
А сидитъ богатырь на добрóмъ кони,
А сидитъ богатырь въ платьяхъ женскіихъ.
Говоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Е же не богáтырь на добрóмъ кони,
— Есть же поляница знать удалая
— А какá ни тутъ дѣвица либо женщина! —
И поѣхалъ тутъ Добрыня на богáтыря,
Онъ ударилъ поляницу въ буйну голову.
А сидитъ же поляница, не сворóхнется,
А назадъ тутъ поляница не оглянется.
На кони сидитъ Добрыня, пріужáхнется,
Отъѣзжае прочь Добрыня отъ богáтыря
А отъ той же поляницы отъ удалыя:
— Видно смѣлостью Добрынюшкѣ по старому,
— Видно сила у Добрыни не по прежному! —
А стоитъ же во чистомъ поли да сы́рой дубъ
Да въ обнёмъ же онъ стоитъ да человѣческій.
Наѣзжаетъ же Добрынюшка на сы́рой дубъ
А попробывать да силы богатырскіи.
Какъ ударитъ тутъ Добрынюшка во сы́рой дубъ,
Онъ росшибъ же дубъ да весь по ластиньямъ.
На кони сидитъ Добрыня, пріужáхнется:
— Видно сила у Добрынюшки по старому,
— Видно смѣлость у Добрыни не по прежному!
Разъѣзжается Добрыня сынъ Никитиничъ
На своёмъ же тутъ Добрыня на добромъ кони
А на ту же поляницу на удалую,
Чéсне поляницу въ буйну голову.
На кони сидитъ же поляница, не сворóхнется
И назадъ же поляница не оглянется.
На кони сидитъ Добрыня, самъ ужáхнется:
— Смѣлость у Добрынюшки по прежному,
— Видно сила у Добрыни не по старому!

— Со змѣёю же Добрыня нынь повыбился! —
Отъѣзжае прочь отъ поляницы отъ удалыи,
А стоитъ тутъ во чистомъ поли да сы́рой дубъ,
Онъ стоитъ да въ два обнёма человѣческихъ.
Наѣзжаетъ тутъ Добрынюшка на сырой дубъ,
Какъ ударитъ тутъ Добрынюшка во сырой дубъ,
А росшибъ же дубъ да весь по ластиньямъ.
На кони сидитъ Добрыня, пріужа́хнется:
— Видно сила у Добрынюшки по старому,
— Видно смѣлость у Добрыни не по прежному!
Розгорѣлся тутъ Добрыня на добри́ кони,
И наѣхалъ тутъ Добрынюшка да въ третій разъ
А на ту же поляницу на удалую,
Да ударитъ поляницу въ буйну голову.
На кони сидитъ же поляница, сворохнулася,
И назадъ же поляница оглянулася,
Говоритъ же поляница да удалая:
«Думала же, русскіи комарики покусываютъ,
«Ажно русскіи бога́тыри пощалкиваютъ!»
Ухватила тутъ Добрыню за желты́ кудри,
Сдернула Добрынюшку съ копя долой
А спустила тутъ Добрыню во глубокъ мѣшокъ,
А во тотъ мѣшокъ да тутъ во кожаной.
А повезъ же ейный было добрый конь,
А повезъ же онъ да по чисту полю;
Испровѣщится же ейный добрый конь:
— Ай же поляница ты уда́лая,
— Молода́ Настасья дочь Никулична!
— Не могу везти да двухъ бога́тырей:
— Силою бога́тырь супротивъ тебя,
— Смѣлостью бога́тырь да вдвоёмъ тебя. —
Молода Настасья дочь Никулична
Здымала тутъ бога́тыря съ мѣшка да вонъ же съ кожаньца,
Сама къ бога́тырю да испрого́воритъ:

«Старыи богáтырь да матёрыи —
«Назову я нунь себѣ-ка-ва да батюшкой;
«Ежели богáтырь да молóдыи,
«Ежели богáтырь памъ прилюбится,
«Назову я сéбѣ другомъ да любимыимъ;
«Ежели богатырь не прилюбится,
«На долонь кладу, другой прижму
«И въ овсяный блинъ да ёго сдѣлаю».
Увидала тутъ Добрынюшку Никитича:
«Здравствуй душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!»
Испрогóворитъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ахъ ты поляница да удалая!
— Что же ты меня да нуньчу знаешь ли?
— Я тобя да нунь не знаю ли. —
«А бывала я во городи во Кіеви,
«Я видала тя Добрынюшку Никитича,
«А тебѣ же меня нуньчу негдѣ знать.
«Я того же короля дочь ляховицкаго,
«Молода Настасья дочь Никулична,
«А поѣхала въ чистó поле поляковать
«А искать же я собѣ-ка супротивничка.
«Вóзьмешь ли Добрыня во замужество,
«Я спущу тебя Добрынюшка во живности,
«Сдѣлай со мной заповѣдь великую.
«А не сдѣлаешь ты заповѣди да великія,
«На долонь кладу, другой сверхý прижму,
«Сдѣлаю тебя я да въ овсяный блинъ».
— Ахъ ты молода Настасья дочь Никулична!
— Ты спусти меня во живности,
— Сдѣлаю я заповѣдь великую,
— Я приму съ тобой Настасья по злату вѣнцу —
Сдѣлали тутъ заповѣдь великую.
Нунь поѣхали ко городу ко Кіеву
Да ко ласковому князю ко Владимíру.

Пріѣзжаютъ тутъ ко городу ко Кіеву
А ко ласковому князю ко Владиміру.
Пріѣзжаетъ тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ
А къ своей было къ родители ко матушки
А къ честно̀й вдовы Офимьи Олександровной,
А стрѣтаетъ тутъ родитель е́го матушка
А честна̀ вдова Офимья Олександровна,
И сама же у Добрынюшки да спра́шиватъ:
«Ты кого привезъ, Добрыня сынъ Никитиничъ?»
— Ай честна вдова Офимья Олександровна,
— Ты родитель моя да нуньчу матушка!
— Я привезъ себѣ-ка супротивную,
— Молоду Настасью дочь Никуличну,
— А принять же съ ей съ Настасьей по злату вѣнцу. —
Отправлялись же ко ласковому князю ко Владиміру
Да во гридни шли они да во столовыи.
Крестъ-то клалъ да по писа́ному,
Бьетъ челомъ Добрыня покланяется
Да на всихъ же на четыре онъ на стороны,
Князю со княгинушкой въ особину:
— Здравствуй, солнышко Владиміръ стольнё-кіевской! —
«Здравствуешь, Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Ты кого привезъ, Добрынюшка Никитиничъ?»
Испрого́воритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Я привезъ же нынь себѣ-ка супротивную,
— А принять же намъ съ Настасьей по злату вѣнцу. —
Сдѣлали объ ихъ же публикацію,
Провели же ю да въ вѣрушку крещоную,
Принялъ тутъ съ Настасьей по злату вѣнцу,
Сталъ же онъ съ Настасьей вѣкъ коро́тати.

Добрынюшка-тотъ матушкѣ говаривалъ,
А Никитиничъ-тотъ ро́дненькой наказывалъ:
— Ты зачѣмъ меня несчастнаго споро́дила!
— Спороди́ла бы, родитель моя матушка,
— Обвертѣла бы мою да буйну голову,
— Обвертѣла тонкимъ бѣленькимъ рукавчикомъ,
— А спустила бы во черное-то море во турецкое:
— Я бы вѣкъ да тамъ Добрыня во мори́ лежалъ,
— Я отнынѣ бы Добрыня вѣкъ да по́ вѣку,
— Я не ѣздилъ бы Добрыня по святой Руси,
— Я не билъ бы нынь Добрыня безповинныхъ душъ,
— Не слезилъ бы я Добрыня отцей матерей,
— Не пускалъ бы сиротать да малыхъ дѣтушокъ! —
Отвѣчала тутъ родитель ёму матушка
А честна вдова Офимья Олександровна:
«Я бы рада тя споро́дити
«А таланомъ-участью да въ Илью Муромца,
«Силою во Святогора нынь бога́тыря,
«Красотою было въ Осипа прекраснаго,
«Славою было въ Вольгу́ Всеславьева,
«А й богачествомъ въ купца Садка богатаго,
«А й богатаго купца да новгородскаго,
«А смѣлостью въ Олешку во Поповича,
«А походкою щапливою
«Во того было Чурилушку Пленко́вича,
«Только вѣжествомъ въ Добрынюшку Никитича:
«Тыи ста́тьи есть да дру́гихъ Богъ не далъ,
«Дру́гихъ Богъ тебѣ не далъ да не пожаловалъ».
Розсердился тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ
На родитель свою матушку,
Да скорешенько Добрынюшка на дворъ-тотъ шолъ,
А сѣдлаетъ тутъ Добрынюшка добра коня,
Кладыва́е онъ же потнички на потнички,
Да на потнички онъ кла́де войлочки

А на войлочки черкальское сѣделышко,
А подтягивать двѣнадцать тугихъ подпруговъ
А тринадцатый для-ради крѣпости,
Чтобы добрый конь изъ-подъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца въ чистомъ поли не выронилъ.
А у той ли у правыи у стремены
Провожала его тутъ родитель матушка,
А у той было у лѣвыи у стремены
Провожала-то его да любима семья,
Молода Настасья да Микулична.
А тутъ честна вдова Офимья Олександровна
Тутъ простилася да воротилася
А домой пошла, сама заплакала.
А у той было у лѣвыи у стремены
Иде молода Настасья дочь Никулична,
Стала у Добрынюшки выспрашивать,
Она стала у Никитича вывѣдывать:
«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Ты скажи-тко нунь, Добрыня сынъ Никитиничъ,
«А когда же ждать тя нуньчу со чиста поля
«А когда тя сожидаться въ свою сторону?»
Испроговоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ахъ ты молода Настасья дочь Никулична!
— Какъ ты стала у Добрынюшки выспрашивать,
— Стала у Никитича вывѣдывать,
— Я ти стану нунь высказывать:
— Жди-тко ты Добрынюшку по три годы,
— Я по три годы не буду, жди по друго три;
— А какъ пройде тому времени да шесть годовъ,
— Я не буду тутъ Добрыня изъ чиста поля,
— Хоть вдовой живи да хоть замужъ поди,
— Поди за князя хоть за боярина,
— Хоть за русьскаго могучаго богатыря,
— Только не ходи за брата за названаго,

— За того было Олешеньку Поповича. —
Тутъ простиласи да воротиласи
А домой пошла, сама заплакала.
День-то за день будто дождь сѣкётъ,
А недѣля за недѣлей какъ трава ростётъ,
Годъ-тотъ за годо́мъ да какъ рѣка бѣжитъ,
А прошло-то тому времечки да три годы,
Не бывалъ же тутъ Добрыня изъ чиста поля.
Стала ждать Добрынюшку по дру́го три.
День-то за день будто дождь сѣкётъ,
А недѣля за недѣлей какъ трава ростётъ,
Годъ-тотъ за годо́мъ да какъ рѣка бѣжитъ,
А пришло-то тому времени да шесть годовъ,
Не бывалъ же тутъ Добрыня изъ чиста́ поля.
Пріѣзжаетъ тутъ Олешенька Левонтьевичъ,
Онъ привозитъ было вѣсточку нерадостну:
А побитъ лежитъ Добрыня во чисто́мъ поли,
А плеча его да испрострѣляны,
Голова его да испроломана,
Головой лежитъ да въ частъ ракитовъ кустъ.
А честна́ вдова Офимья Олександровна
Она взя́ла по полатамъ-то похаживать,
Своимъ го́лоскомъ поваживать:
«А лежитъ въ чистомъ поли Добрынюшка убитыи!»
Тутъ сталъ солнышко Владиміръ-тотъ захаживать
А Настасью-ту Никуличну засватывать:
«Поди за́ князя хоть за боярина,
«Хоть за русьскаго могучаго бога́тыря».
А побольше тутъ зовутъ-то за Олешеньку,
За того было Олешку за Поповича.
Не пошла она не за́ князя не за боярина,
Не за русьскаго могучаго бога́тыря,
Не за смѣлаго Олешку за Поповича:
«Справила я заповѣдь-то мужнюю,

«Справлю свою заповѣдь-то женьскую».
Стала ждать Добрынюшку по дру́го шесть.
День-то за день будто дождь сѣкётъ,
А недѣля за недѣлей какъ трава ростётъ,
Годъ-тотъ за годо́мъ да какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времечки двѣнадцать лѣтъ,
Не бывалъ же тутъ Добрыня изъ чиста́ ноля.
Пріѣзжаетъ тутъ Олешенька Левонтьевичъ,
Пріѣзжаетъ тутъ Олешка да во дру́гой разъ,
А привозитъ было вѣсточку въ дру́гой разъ,
Тую вѣсточку привозитъ да нерадостну:
А побитъ лежитъ Добрыня во чисто́мъ поли,
А плеча его да испрострѣляны,
Голова его да испроломана,
Головой лежитъ да въ частъ ракитовъ кустъ.
Тутъ сталъ солнышко Владиміръ-тотъ захаживать
А Настасью-ту Никуличну засватывать:
«Поди хоть за́ князя, хоть за боярина,
«Хоть за русьскаго могучаго бога́тыря».
А побольше стали звать да за Олешеньку,
За того было Олешеньку Поповича.
Не пошла она не за́ князя, не за боярина,
Не за русьскаго могучаго бога́тыря,
А пошла замужъ за смѣлаго Олешу за Поповича.
Что ли свадебка у нихъ была по третій день
А севодня-то итти да ко Божьёй церквы.
Ѣздитъ тутъ Добрыня у Царя-града.
Конь-то тутъ Добрынинъ подтыкается
А къ сырой земли да приклоняется:
— Ахъ ты волчья сытъ, медвѣжья выть!
— Что же ты да нуньчу подтыкаешься?
— Надъ собой ли ты незгодушку-ту вѣдаешь,
— Надъ собой ли вѣдаешь, аль на́до мной,
— Надо мной Добрынюшкой Никитичомъ? —

Изъ небесъ было Добрынюшки да гласъ гласитъ:
«Ахъ ты мо́лодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«А твоя-та любима́ семья за му́жъ пошла
«А за смѣлаго Олешку за Поповича,
«Свадебка у нихъ было по третій день,
«А принять-же имъ съ Олешкой по злату вѣнцу».
Розсердился тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ,
Какъ приправилъ ко́ня добраго
Отъ Царя-града на Кіевъ градъ,
Не дорожкамы поѣхалъ, не воротамы,
Рѣки-ты озера перескакивалъ,
Широки́ раздолья промежъ ногъ пущалъ,
А ко Кіеву Добрынюшка прискакивалъ,
А пріѣхалъ онъ ко славному ко городу ко Кіеву
А ко ласковому князю ко Владиміру.
Черезъ ту стѣну́ наѣхалъ городовую,
Черезъ тую башню наугольную,
А къ тому было подворьицу вдовиному,
А къ честно́й вдовы Офимьи Олександровной,
Со чиста́ поля наѣхалъ онъ скоры́мъ гоньцёмъ,
А не спрашивалъ у две́рей онъ придверничковъ,
У воротъ не спрашивалъ да приворотничковъ,
Всихъ же прочь взаше́й да и отталкиватъ,
А бѣжитъ тутъ во полаты бѣлокаменны.
Вси придвернички да приворотнички
Вслѣдъ идутъ да жалобу́ творятъ:
«А честна́ вдова Офимья Олександровна!
«Этотъ-то удалый добрый молодецъ
«Со чиста́ поля наѣхалъ онъ скоры́мъ гоньцёмъ,
«Ко подворьицу онъ ѣхалъ ко вдовиному,
«Онъ не спрашивалъ у дверей да придверничковъ,
«У воротъ не спрашивалъ да приворотничковъ,
«Всихъ же насъ тутъ взаше́й прочь отталкивалъ!»
А честна вдова Офимья Александровна

Она взя́ла по полатамъ-то похаживать,
Своимъ женскимъ тутъ го́лоскомъ поваживать:
«А прошло-то времени двѣнадцать лѣтъ,
«Закатилось у меня да красно солнышко,
«Какъ уѣхалъ тутъ Добрыня сынъ Никитинчъ,
«А уѣхалъ тутъ Добрыня да́лече далéче во чисто́ поле,
«А лежитъ же тутъ Добрыня во чисто́мъ поли,
«А плеча его да испрострѣляны,
«Голова его да испроломана,
«Головой лежитъ да въ часть ракитовъ кустъ!
«А какъ пунечку было теперечку
«Закатается да младъ свѣтёлъ мѣсяцъ!»
Испрого́воритъ Добрыня сынъ Никитинчъ:
— Ай честна вдова Офимья Олександровна!
— Мнѣ-ка-ва Добрынюшка крестовый братъ,
— Мнѣ-ка-ва Добрынюшка наказывалъ,
— А Добрыня-тотъ поѣхалъ ко Царю-граду,
— Я-то пунь поѣхалъ да ко Кіеву,
— А не слу́читъ ли ти Богъ же быть во Кіеви,
— А велѣлъ спросить про мо́лоду Настасью про Микуличну,
— Про Добрынину да любому́ семью. —
Испрого́воритъ честна вдова Офимья Олександровна:
«А какъ пунечу Добрынина да любима́ семья
«А какъ пунечу Настасья да замужъ пошла
«За того за смѣлаго Олешку за Поповича.
«Свадебка у нихъ было по третій день,
«А принять же имъ съ Олешкой по злату вѣнцу»
Говоритъ же тутъ Добрыня сынъ Никитинчъ:
— Мнѣ-ка-ва Добрынюшка крестовый братъ,
— Мнѣ-ка-ва Добрынюшка наказывалъ:
— Слу́читъ Богъ же быть тебѣ во Кіеви
— У того было подворьица вдовиного,
— А велѣлъ же взять онъ платья скоморовскія
— Въ новой горенки да тутъ на стопочки,

— А въ глубокіихъ своихъ во погребахъ
— Взять дубинку сорока пудовъ,
— А на свадебки меня бы не обидѣли,
— Да велѣлъ же взять гусёлышка яровчаты,
— Да во томъ же во глубокоемъ во погреби. —
А честна вдова Офимья Олександровна
Тутъ скорёшенько бѣжала въ нову горенку,
Притащила ёму платья скоморовскіи,
Отмыкала она погреба глубокіи,
Подавала тутъ гусёлышка яровчаты,
Самъ же взялъ дубинку сорока пудовъ,
А пошолъ же скоморошиной на свадебку.
А приходитъ скоморошиной на свадебку
А й къ тому двору да княженецкому,
А не спрашиватъ у двéрей да придверничковъ,
У воротъ не спрашиватъ да приворотничковъ,
Онъ всихъ взáшей прочь отталкивалъ.
Вси придвернички да приворотнички
Они вслѣдъ идутъ да жалобý творятъ:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Этотъ-то удалый добрый молодецъ
«Со чистà поля онъ давешь ѣхалъ да скорымъ гонцёмъ
«Ко тому было подворью ко вдовиному,
«Тамъ не спрашивалъ у двéрей да придверничковъ,
«У воротъ не спрашивалъ да приворотничковъ,
«Онъ всихъ взáшей прочь отталкивалъ;
«Нынь идетъ на княженецкій дворъ,
«Нынь идетъ да скоморошиной,
«А не спрашиватъ у двéрей да придверничковъ,
«У воротъ насъ приворотничковъ,
«Взáшей прочь насъ всихъ отталкиватъ».
Говоритъ ему Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ай же ты удáла скоморошина!
«Ты зачѣмъ же ѣхалъ давешь ко подворьицу,

«А къ тому подворьицу вдовиному,
«Тамъ не спрашивашь ты у дверей придверничковъ
«У воротъ не спрашивашь да приворотничковъ,
«Взáшей прочь ты всихъ отталкивалъ?
«Нынь идешь на княженецкій дворъ
«И не спрашивашь ты у дверей придверничковъ,
«У воротъ-то нашихъ приворотничковъ,
«Взáшей прочь ты всихъ отталкивашь?»
Скоморошина тутъ въ рѣчи да не вчуется,
Скоморошина тутъ къ рѣчамъ да не примется,
Говоритъ же тутъ удáла скоморошина:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Гдѣ-то наше мѣсто скоморовское? —
Отвѣчае князь Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ваше мѣсто скоморовское
«Что ль на печки да на зáпечки».
Скоморошина тутъ мѣстомъ не побрёзговалъ
А скочилъ на печку на муравлену,
Заиграетъ тутъ въ гуселышка яровчаты
А на той было на печки на муравленой,
А играетъ-то Добрынюшка во Кіеви
А на вы́игрышъ беретъ да во Цари-гради,
А отъ стараго да всихъ до малаго
А повыигралъ поíменно.
Вси же за столомъ да призадумались,
Вси же тутъ игры да призаслухались,
Вси же за столомъ да испрогóворятъ:
«А не быть же нынь удалой скоморошины,
«Быть же нынь дородною добру молодцу,
«Свято-русьскому могучему богáтырю!»
Говорилъ же тутъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ай же ты удала скоморошина,
«А дородній добрый молодецъ!
«Опускайся-ко изъ печки да изъ зáпечка,

«Дамъ теби три мѣста три любимыихъ:
«Одно мѣсто нунь возли́ меня,
«Друго мѣсто супротивъ меня,
«Третье мѣсто куда самъ захошь».
Говоритъ же тутъ удала скоморошина:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Дай-ко мнѣ-ка мѣсто на скамеечкѣ
— Супротивъ было княгинушки моло́дыи,
— Молодо́й Настасьи да Никуличной. —
Говоритъ ему Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ай же ты удала скоморошина!
«Дано ти три мѣста три любимыихъ, —
«Куды знаешь ты туды садись,
«Что ты здумаешь такъ то́ дѣлай,
«Что захочешь такъ ты то́ твори!»
— А позволь-ко мнѣ, Владиміръ стольнё-кіевской,
— Налитъ чару зелена́ вина. —
Наливае было чару зелена вина,
А опуститъ въ чару свой злаче́нъ перстень,
А подноситъ онъ Настасьи да Никуличной,
Той княгинушки моло́дыи:
— Ахъ ты мо́лода Настасья дочь Никулична!
— Ужъ ты хошь добра, такъ нуньчу пьешь до дна,
— А не хошь добра, такъ ты не пьешь до дна.
Мо́лода Настасья дочь Никулична
Взя́ла она чару едино́й рукой,
Выпила ту чару едины́мъ духомъ,
Тутъ увидла въ чары свой злаченъ перстень,
Да которымъ съ Добрыней обручаласи,
Сама же о́на князю поклониласи:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«А не тотъ мой мужъ, который нунь возли́ меня,
«Тотъ мой мужъ, который супротивъ меня.
«Тутъ пріѣхалъ нунь Добрыня въ свою сторону,

«Онъ напомнилъ тутъ Добрыня отца матушку,
«Отыскалъ Добрыня молоду жену».
Ай выходитъ зъ-за столовъ да вонъ зъ-за дубовыхъ,
Пала тутъ Добрыни во рѣзвы́ ноги:
«Ты прости, прости, Добрыня сынъ Никитиничъ,
«А во той вины прости меня во глупости,
«Что не по твоему́ наказу я нунь сдѣлала,
«А пошла за му́жъ за смѣлаго Олешку за Поповича,
«А во той вины прости меня во глупости!»
Говоритъ же тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Не дивую я тутъ разуму да женскому:
— У ней волосъ дологъ у́мъ кӧрӧтӧкъ,
— А я дивую нунь же солнышку Владимiру
— Со своей было княгиною:
— Онъ же солнышко Владимiръ стольнё-кіевской
— Онъ же былъ да сватомъ ли,
— А княгинушка да свахою,
— Отъ живаго мужа жонушку за му́жъ берутъ, просватаютъ!—
Тутъ солнышко Владимiръ стольнё-кіевской
Онъ повѣсилъ буйну голову
А въ тотъ же во кирпиченъ мостъ
Со своей было княгиною.
Тутъ выходитъ да Олешенька Левонтьевичъ
Зъ-за тыихъ столовъ да бѣлоду́бовыхъ,
Палъ же тутъ Добрынѣ во рѣзвы́ ноги:
«Ты прости, прости, Добрыня сынъ Никитиничъ,
«Что я по́сидѣлъ возли́ твоей княгинушки моло́дыи,
«Мо́лодой Настасьи дочь Никуличной!»
— Ай же братецъ ты названыи,
— Ай Олешенька Левонтьевичъ!
— А во той-то ви́ны братецъ тебя Богъ проститъ,
— А во дру́гой вины братецъ тебя не́ прощу:
— А зачѣмъ же пріѣзжалъ ты изъ чиста́ поля,

— Привозилъ же про насъ вѣсточку нерадостну,
— Что лежитъ побитъ Добрыня во чистомъ поли,
— А плеча его да испрострѣляны,
— Голова его да испроломана,
— Головой лежитъ да въ частъ ракитовъ кустъ?
— Ты слезилъ же пунь родитель мою матушку
— А честну́ вдову Офимью Олександровну.
— Тяжелешенько тутъ она по мнѣ плакала
— А слезила тутъ она да очи ясныи,
— А скорбила тутъ она да личко бѣлоё,
— Тяжелешенько она́ да по мнѣ плакала! —
Какъ ухватитъ онъ Алёшку за желты кудри,
Взялъ же онъ Алешеньку охаживать,
А не слышно было въ бухканьи да охканья!
Хоть и всякой-то на свѣти женится,
Да не всякому женитьба удается,
А не дай Богъ да женитьбы да Олешкиной!
Только тутъ Алешка и женатъ бывалъ,
Только тутъ Алешка да съ женой сыпалъ.
Синему морю да на ти́шину,
Всѣмъ добрыимъ же людямъ на послу́шаньё.

Записано тамъ же, 22 и 23 іюля.

6.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ.

(См. Рыбникова, т. IV № 12).

А й у солнышка да у Владимiра
Пированьицо было́ по третiй день.
Солнышко идетъ на вечери,
А почестный пиръ идетъ на весели,
Вси-то на пиру да напивалися,
Вси же на честно́мъ да наѣдалися,

Вси же на пиру и поросхвастались.
Испрогóворитъ солнышко Владимíръ стольнё-кіевской:
«Нечѣмъ солнышку Владимíру похвастати.
«Не повыправлёны дани выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною».
Сидятъ же тутъ три русьскíихъ могучíихъ богáтыря:
Старын казакъ да Илья Муромецъ,
Мóлодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.
Испрогóворитъ Владимíръ стольнё-кіевской:
«Ай же вы три русьскíихъ могучíихъ богáтыря!
«Старын казакъ да Илья Муромецъ,
«Вы съѣздитé-тко въ Каменну́ Орду,
«Въ Каменну́ю-то Орду въ большу землю,
«Повыправьте-тко дани выходы
«За двѣнадцать годъ за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
«Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Съѣздитé-тко вы да нé въ большу землю,
«Не въ большую-ту землю да въ Золоту Орду,
«Тамъ повыправьтé-тко дани выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
«Трстьíи могучíи богáтырь да Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
«Ты съѣздú-тко въ землю во Подольскую,
«Тамъ повыправь-ко ты дани выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною».
А богáтыри они да призадумались.
И повѣсили свои да буйны головы,
Утопили свои очи ясныи
Да во тотъ же во кирпичень мостъ.

Испрогóворитъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:
— Что же вы богáтыри задумались?
— А держúте-тко богáтыри отвѣтъ же нынь. —
Испрогóворитъ казакъ да Илья Муромецъ:
«Ахъ ты солнышко Владимíръ стольнё-кіевской!
«Отправляй-ко ты меня да во большу землю,
«Во большую ту землю да въ Каменну́ Орду,
«Тамъ повыправлю да дани — выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною».
Испрогóворитъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ахъ ты солнышко Владимíръ стольнё-кіевской!
— Отправляй-ко ты меня да не въ большу землю,
— Не въ большую-ту землю да въ Золоту Орду,
— Тамъ повыправлю да дани — выходы
— За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
— За тринадцать лѣтъ да съ половиною. —
А Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ Владимíру да испроговоритъ:
— Ахъ ты солнышко Владимíръ стольнё-кіевской!
— Отправляй-ко ты меня въ землю Подольскую,
— Я повыправлю да дани выходы
— За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
— За тринадцать лѣтъ да съ половиною. —
Первый русьскій могучій бóгатырь,
Старый казакъ да Илья Муромецъ,
Ставае онъ по утрышку ранёхонько,
Умывается онъ да и бѣлёхонько,
Снаряжается да хорошохонько,
Онъ сѣдлае своего добра коня,
Кладывáе онъ же потнички на потнички,
А на потнички онъ клáде войлочки,
А на войлочки черкальское сѣделышко,
Подтягиватъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,

Тринадцатый-тотъ клалъ да ради крѣпости,
Чтобы въ чи́стомъ поли доброй конь же съ-подъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца въ чистѣмъ поли не выронилъ.
Видли добра молодца-то сядучи,
Тутъ не видли да удалаго поѣдучи.
Не дорожками поѣхалъ, не воротами,
Черезъ ту стѣну́ поѣхалъ городовую,
Черезъ тую было башню наугольную,
Да къ тому кресту поѣхалъ Леванидову.
Тутъ бога́тырь опочивъ держалъ.
Другій русьскій могучій бо́гатырь,
Молодой Добрынюшка Никитинычъ,
Онъ ставае по утрышку ранёхонько,
Умывается было бѣлёхонько,
Снаряжается да хорошохонько,
Сѣдлае своего добра́ коня,
Кладывае было потнички на потнички,
А на потнички онъ кладе войлочки,
А на войлочки черкальское сѣделышко,
Подтягиватъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Онъ тринадцатый-тотъ клалъ да ради крѣпости,
Чтобы въ чи́стомъ поли добрый конь же съ-подъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца въ чистѣмъ поли не выронилъ.
Видли добра молодца-то сядучи,
А не видли да удалаго поѣдучи.
Не дорожками поѣхалъ, не воротами,
Черезъ ту стѣну́ поѣхалъ городовую,
Черезъ тую было башню наугольную,
Да къ тому кресту поѣхалъ Леванидову.
Тутъ богатырь опочивъ держалъ.
А третій же русьскій могучій бо́гатырь,
Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ,

Онъ ставае по утрышку ранёхонько,
Умывается было бѣлёхонько,
Снаряжается да хорошохонько,
Сѣдлае своего добра́ коня,
Кладывае было потнички на потнички,
А на потнички онъ кладе войлочки,
А на войлочки черкальское сѣделышко,
Подтягиватъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Онъ тринадцатый-тотъ клалъ да ради крѣпости,
Чтобы въ чи́стомъ поли добрый конь же съ-подъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца въ чистóмъ поли не выронилъ.
Видли добра молодца-то сядучи,
А не видли да удалаго поѣдучи.
Не дорожкамы поѣхалъ, не воротамы,
Черезъ ту стѣну́ поѣхалъ городовую,
Черезъ тую было башню наугольную,
Да къ тому кресту поѣхалъ Леванидову.
Тутъ бога́тырь опочивъ держалъ.
Тутъ крестами да бога́тыри побратались,
Назвались да братьями крестовыми.
Испрогóворитъ казакъ да Илья Муромецъ:
— Кто попрежде насъ тутъ е повыправитъ,
— Къ дру́гому на стрѣту братцы пóспѣвать. —
Тутъ простилиси да оны братьица
Старыи казакъ да Илья Муромецъ
Онъ поѣхалъ во большу землю,
Во большую ту землю да въ Каменну́ Орду
Онъ повыправлять да даней выходовъ
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Мужички же вдругъ да скашевалися [1]),

1) Т. е. взбунтовались.

А не стали ѳтдавать да даней — выходовъ
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Тутъ старыи казакъ да Илья Муромецъ
По своему онъ съ мужичками распоряжается,
Мужички же перепалися,
Отъ его да ростулялися [1]),
Стали отдавать да дани — выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ
Съѣхалъ онъ же не въ большу землю,
Не въ большую-ту землю да въ Золоту Орду,
Сталъ же выправлять да даней — выходовъ,
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Мужички же вдругъ да скашевалися,
А не стали отдавать да даней — выходовъ
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Молодой Добрынюшка Никитиничъ
По своему онъ съ мужичками распоря́дился,
Мужички же перепалися,
Отъ его да ростулялися,
Стали отдавать да дани — выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Съѣхалъ въ землю во Подольскую,
Сталъ же выправлять да даней — выходовъ
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.

---

1) Попрятались.

Мужички же вси да скашевалися,
А не стали отдавать да даней — выходовъ
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Распорядился тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Распорядился онъ по богатырскому.
Мужички же перепалися,
Отъ его да растулялися,
Стали отдавать да дани — выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Онъ повыправилъ да дани — выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Тутъ Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ пошолъ было ходить гулять по заводямъ,
Стрѣлять же онъ да бѣлыихъ лебёдушокъ.
Ходилъ гулялъ по заводямъ,
Стрѣлялъ же онъ да бѣлыихъ лебёдушокъ,
Находилъ же онъ да бѣлую лебёдушку:
Плаваетъ лебёдушка на заводи.
Онъ натягивалъ же было ту́гой лукъ,
Накладыватъ онъ стрѣлочку каленую,
Хочетъ стре́лить бѣлую лебёдушку,
Лебёдушка ему да испрого́воритъ:
«Ай Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не стрѣляй-ко ты же бѣлою лебёдушки.
«Я есть же нонь не бѣлая лебёдушка,
«Есть же я да красна дѣвушка,
«Марья лебедь бѣлая да королевична,
«Королевична да я подо́лянка.
«Не убей-ко ты меня же нунь подолянки,
«Ты возьми меня нунь во замужество,
«Ты свези-тко нунь меня во Кіевъ градъ,

«Проведи-тко мѐня въ вѐрушку крещоную,
«Примемъ мы съ тобою по злату вѐнцю,
«Станемъ мы же вѐкъ съ тобой коро́тати».
Задавался тутъ Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ.
Бралъ же Марью лебедь бѐлую,
Лебедь бѐлую да королевичну,
Королевичну да онъ подолянку,
Дѣлалъ же онъ съ Марьей да великъ залогъ.
Получаетъ тутъ же дани — выходы
Со того же короля да со Подольскаго,
За двѐнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Отправляется онъ было въ Кіевъ градъ,
Ко тому было ко солнышку Владиміру
А й ко князю стольнё-кіевску.
Пріѣзжаетъ тутъ Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ
А ко стольнёму ко городу ко Кіеву
А й ко ласковому князю ко Владиміру.
Привозитъ онъ да дани — выходы
Изъ той было изъ зе́мли изъ Подольскія,
Отъ того же ко́роля да отъ Подольскаго.
Отдавае онъ Владиміру да князю стольнё-кіевску,
Князь же тутъ да зрадова́лся ли.
Получае онъ съ Михайлы По́тыка Иванова,
Получае онъ да дани — выходы
За двѐнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Благодарилъ его Владиміръ стольнё-кіевской,
Что повыправилъ ты дани — выходы
За двѐнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною,
Изъ той ли зе́мли изъ Подольскія.
Марью лебедь бѐлую да королевичну,
Королевичну да онъ подолянку,

Онъ привёлъ же было въ вѣрушку крещоную,
Сдѣлалъ съ ею заповѣдь великую:
Кто изъ насъ да нынь попе́реди,
Кто пойдетъ да во сыру́ землю,
Дру́гому итти да на три мѣсяца,
Итти же во сыру землю.
Испрого́воритъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Что ты дѣлаешь да заповѣдь великую,
— Заповѣдь да неподольную,
— Да на долго тутъ итти да во сыру землю? —
Тутъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Самъ Михайло испрого́воритъ:
«Видно надо сдѣлать мнѣ-ка заповѣдь великую
«Съ Марьей лебедь бѣлою,
«Что она-то мнѣ-ка прилюбилася».
А прі́нялъ-то же съ ей да по злату вѣнцу,
Сталъ же съ ею вѣкъ корбтати.
Въ тую пору да во то́ время
Наѣзжае было царь Бухарь заморскій,
Наѣзжае царь Бухарь съ посланникомъ,
Правитъ онъ да дани — выходы
Что ли съ солнышка Владиміра,
Что ль со князя стольнё-кіевска:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Ты пожалуй-ко нынь дани — выходы
— За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
— За тринадцать лѣтъ да съ половиною. —
Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
Призывае онъ Михайлу По́тыка Иванова:
«Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Пріѣзжае къ намъ же царь Бухарь заморскій,
«Правитъ онъ же съ насъ да дани — выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,

«За тринадцать лѣтъ да съ половиною».
Испрогóворитъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
— Ты садись-ко нунь Владиміръ на ременьчатъ стулъ,
— Пиши-тко было ерлычкѝ да скорописчаты:
— Отправлены да дани — выходы
— За Михайлой Пóтыкомъ Ивановымъ
— За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
— За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
— Я поѣду нынечу безъ даней — выходовъ. —
Онъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
Поѣзжаетъ онъ къ царю Бухàрю да заморскому,
Повозитъ ёрлычки да скорописчаты
Къ тому же онъ къ царю ко Бухарю́ да ко заморскому,
Что отправлены да дани — выходы
За Михайлой Пóтыкомъ Ивановымъ
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Пріѣзжаетъ къ Бухарю царю заморскому,
Подаваетъ ёрлычки да скорописчаты
Да царю Бухарю заморскому.
Принимае было царь Бухарь заморскій
Ты ёрлычки да скорописчаты,
Скорешенько ерлычки да роспечатывать,
Поскорѣе того да онъ прочитывать,
Самъ же царь Бухарь да тутъ зрадýется:
«Ты Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Гдѣ же ý васъ выходы остались?»
— У насъ оси да въ телѣжкахъ приломились,
— Да телѣжки у насъ поломались.
— Тамъ починщички да въ поли пріостались,
— А телѣжекъ во чистóмъ поли починивать».
Испрогóворитъ царь Бухарь заморскій:
«Ты Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!

«Чимъ же нынь у васъ да на Россіи забавляются?»
— У насъ же на Россіи забавляются, —
— Нынь играютъ да во шашечки дубовыи,
— Что ли ставятъ да дощечки да кленовыи. —
Доставали тутъ дощечку да кленовую,
Что же ставили тутъ шашечки дубовыи
На тую тутъ на дощечку на кленовую;
Тутъ играли было въ шашечки дубовыи
Тую было дощечку да кленовую.
А на ту дощечку на кленовую
Ставилъ тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
Ставилъ же онъ своего добра коня,
Ставилъ же свою да буйну голову.
Царь Бухарь было заморскіи
Ставилъ на дощечку на кленовую,
Ставилъ онъ же дани — выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Тутъ играли было въ шашечки дубовыи,
Тую было дощечку да кленовую.
Проигралъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Проигралъ онъ своего добрá коня,
Проигралъ же онъ свою да буйну голову
На той было дощечки на кленовою
Тому Бухарю онъ царю заморскому.
Тутъ царь Бухарь было заморскіи,
Тутъ же царь да онъ зрадýется.
Ставили дощечку да во дрýгой разъ,
Ставили тутъ шашечки дубовыи
На тую же на дощечку на кленовую.
Ставилъ тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
На ту было на дощечку на кленовую
Свою же Марью лебедь бѣлую,
Лебедь бѣлую да королевичну,

Королевичну подолянку;
Въ дру́гихъ ставилъ онъ родитель свою матушку
На тую же на дощечку на кленовую.
Царь Бухарь было заморскій
Ставилъ на дощечку на кленовую,
Ставилъ тутъ Михайлина добра́ коня,
Ставилъ тутъ его да буйну голову,
Ставилъ онъ да дани — выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Тутъ играли да дощечку да во дру́гой разъ.
Сыграли было дощечку въ дру́гой разъ,
Повыигралъ Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
Своего повыигралъ добра́ коня,
Повыигралъ свою да буйну голову
И повыигралъ да дани — выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Ставили дощечку они въ третій разъ.
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Ставилъ онъ да дани — выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною
На ту было дощечку на кленовую,
Ставилъ своего добра коня,
Ставилъ онъ свою да буйну голову.
Царь Бухарь было заморскій
Ставилъ на дощечку на кленовую,
Ставилъ онъ полъ-царства полъ-имянства онъ заморскаго.
Стали тутъ играть дощечку да во третій разъ,
Играли тутъ дощечку да во третій разъ.
Тутъ Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Повыигралъ дощечку было въ третій разъ,
Повыигралъ полъ-царства полъ-имянства онъ заморскаго

Со царя Бухáря со заморскаго.
Розсердился было царь Бухарь заморскій,
Ставили дощечку во четвертый разъ.
Ставилъ онъ все царство все Бухарское заморское,
А Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Ставилъ онъ полъ-царства полъ-имянства онъ заморскаго,
Ставилъ онъ да дани — выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Играли тутъ дощечку да въ четвертый разъ.
Повыигралъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ дощечку да въ четвертый разъ
Со того царя Бухаря онъ съ заморскаго,
Повыигралъ все царство онъ Бухарско да заморское.
Ставили дощечку они въ пятый разъ.
Царь Бухарь было заморскій,
Ставилъ онъ свою да буйну голову.
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Ставилъ царство тутъ Бухарско да заморское
На ту было дощечку да на пятую.
Стали тутъ играть да óны въ шашечки.....
На пяту́-то дверь тутъ отворяется,
Крестовый ёму братецъ да пихается,
Пріѣзжаетъ тутъ Добрыня сынъ Никитинычъ:
«Мóлодой ты Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Играешь ты во шашечки въ дубовыи
«Да на той же на дощечки на кленовыи,
«Надъ собой же ты незгодушки не вѣдаёшь,
«Какъ твоя-то Марья лебедь бѣлая,
«Лебедь бѣлая да королевична,
«Королевична было подолянка,
«Что она же ныньчу было пóмерла».
Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ скочилъ же на свои да на рѣзвы ноги,

Ухватитъ онъ дощечку да кленовую
Съ тыма шашкамы съ дубовыма,
Ударилъ онъ во двери съ ободвереньемъ,
Повыставилъ онъ двери вонъ со лѝпиной.
Перепался было царь Бухарь заморскій,
Смолился онъ Михайлы По́тыку Иванову:
— Михайла Потыкъ ты Ивановичъ!
— Ты оставь меня царя да нунь во живности,
— Получай же нунь ты царство все Бухарское заморское! —
А Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Самъ же тутъ да братьямъ испрого́воритъ:
«Ай вы братьица мои было крестовыи!
«Получайте-тко нунь съ царя со Бухáря со заморскаго
«Вы царство нунь Бухарско все заморское,
«Оставьте-тко царя да посидѣльщичкомъ,
«Не досугъ же мнѣ-ка-ва съ нимъ нунь угладиться *(такъ)*.
«Я поѣду нунь ко городу ко Кіеву
«А й по ласковому князю ко Владимiру».
Тутъ уѣхалъ да Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ.
А русьскіи могучіи бога́тыри
Получали тутъ съ царя да дани — выходы,
Получали тутъ же царство да Бухарско все заморское,
Оставили царя да посидѣльщичкомъ.
А Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Пріѣзжае онъ ко городу ко Кіеву
А й по ласковому князю ко Владимiру.
Князь же тутъ его да было спрашиватъ:
— Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
— Какъ же ты оттуль да нонь повыѣхалъ? —
Испрого́воритъ Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ:
«Ахъ ты солнышко Владимiръ стольнё-кіевской!
«Повыиграны у насъ дани выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною,

«Съ того царя Бухаря да съ заморскаго,
«Да повыиграно царство все Бухарско все заморское
«И съ того царя съ Бухаря да съ заморскаго,
«Все царьство все имянство все Бухарьское.
«Остались получать же тамъ богáтыри,
«Мои братьица крестовыи,
«Старыи казакъ да Илья Муромецъ
«И мóлодый Добрыня сынъ Никитиничъ».
— Да чимъ же нонь тебя мнѣ наскори пожертвовать?
— Города ли теби дать да съ пригородками,
— Аль села тебѣ же дать да со приселками,
— Золотой казны тобѣ-ка-ва по нáдобью? —
«Ничего же мнѣ-ка-ва не надобно,
«Городовъ мнѣ нонь не надо съ пригородками,
«Что ли селъ не надо со приселками,
«Золотой казны не надобно по надобью,
«Дай-ко на царевыихъ на кáбакахъ,
«Дай-ко мни поволечку великую
«Пить же мнѣ вино да нонь безденежно,
«Гдѣ кружкою да полукружкою,
«Гдѣ четвертью да гдѣ полуведромъ,
«А при времечки гдѣ и цѣлы́мъ ведромъ».
Солнышко Владимíръ стольнё-кіевской
Далъ ему поволечку великую
На тыхъ же на царéвыихъ на кáбакахъ
Пить ему вино было безденежно,
Гдѣ кружкою да полукружкою,
Гдѣ четвертью да гдѣ полуведромъ,
А при времечки гдѣ и цѣлы́мъ ведромъ.
Испрогóворитъ Владимíръ стольнё-кіевской:
— Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— Напрасно же ты сдѣлалъ нуньчу заповѣдь великую. —
Испрогóворитъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:
«Ахъ ты солнышко Владимíръ стольнё-кіевской!

«И тоё-то да нуньчу сдѣлано,
«Надо нунь итти да во сыру́ землю,
«Во сыру землю итти да на три мѣсяца».
Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Приказалъ же онъ тутъ дѣлать домовищечко,
Чтобы мошно мнѣ-ка сто́я стоять,
Стоя стоять да си́дя сидѣть,
При времечки да чтобы ле́жа лечь.
Бралъ же онъ запасъ туды великіи:
Бралъ свѣчи́ туды и ладоны,
Беретъ хлѣба на три мѣсяца,
Воды бе́ретъ на три мѣсяца.
Ходилъ же онъ было ко кузницамъ,
Велѣлъ ковать же клещи да желѣзныи,
Бралъ же прутья онъ да троіи,
Первы пру́тья оловяныи,
Вторы́и было прутья онъ желѣзныи,
Третьи прутья онъ беретъ да туды мѣдныи.
Отправляется же онъ тутъ во сыру землю,
Отправляется онъ да на три мѣсяца.
Прожилъ тутъ Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
Прожилъ въ матушкѣ сырой земли первы́ сутки,
Начинаетъ жить же онъ тутъ сутки дру́гіи,
Приплываетъ къ ему змѣище да проклятое,
О двѣнадцати была змѣя о хоботахъ.
Пролизала ему гробъ было желѣзныи.
А Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Захватилъ было змѣю онъ да проклятую
Тыма́ было клещамы да желѣзныма.
Сѣкъ же онъ ю прутьями да оловяными,
Другі́ми сѣкъ же прутьями желѣзными,
Третьима́ онъ сѣкъ ю прутьями да мѣдными.
Змѣя ему да тутъ смолилася:
— Ты Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!

— Не убей меня змѣи было проклятою,
— Дамъ тебѣ я заповидь великую
— Оживить-то нунь тебѣ-ка Марью лебедь бѣлую,
— Лебедь бѣлую да королевичну,
— Королевичну было подолянку,
— Достану я тебѣ-ка-ва живой воды. —
Испрогóворитъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:
«Ой же ты змѣя было проклятая,
«Ты змѣя было лукавая,
«Дай-ко ты змѣёныша въ великъ залогъ!»
Дала тутъ змѣя лукавая,
Дала тутъ змѣёныша въ великъ залогъ.
Рубилъ же онъ змѣёныша на мелкіи на часточки.
Отправляется змѣя было проклятая,
Доставаетъ тутъ она было живу воду.
Складывалъ же онъ змѣёныша во мѣсто ли,
Мочилъ же тóго малаго змѣёныша:
Засвивался было маленькій змѣёнышокъ.
Брызгáлъ же Марью лебедь бѣлую,
Брызгáлъ онъ ю во трú же разъ:
Первый разъ она продрогнула,
Дрýгой разъ она зашевелиласи,
Трéтій разъ она да проглаголила:
— Фу фу фу, я долго нунь попрóспала! —
Испрогóворитъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:
«Кабъ не я, такъ ты отнынь до вѣкъ бы прóспала».
Скричалъ же тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Своимъ голосомъ да богатырскімъ.
Теремки да попатилиси,
Околенки у нихъ да повалилиси,
Вси же вó гради да пріужáхнулись,
Вси сами же тутъ въ городѣ спрогóворятъ:
— И нашему уродищу въ сырой земли не пóжилось.
— Отправлялся онъ въ сыру землю да на три мѣсяца,

— Наступаютъ нунь на насъ трои́ сутки,
— Изъ сырой земли уродищо давается. —
И здымали тутъ его да изъ сырой земли,
Изъ сырой земли на бѣлый свѣтъ.
Тутъ Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ пошолъ гулять да по царевымъ по ка́бакамъ,
Пить вино да онъ безденежно,
Гдѣ кружкою да полукружкою,
Гдѣ четвертью да гдѣ полуведромъ,
А при времечки гдѣ и цѣльи́мъ ведромъ.
Марья лебедь бѣлая,
Королевична было подолянка,
Посылала она вѣдомъ королю да Политовскому,
Что наѣхалъ бы король да Политовскіи,
Увезъ бы онъ меня да Марью лебедь бѣлую,
Лебедь бѣлую онъ да подолянку,
А й подолянку да королевичну,
Въ тую землю во Литовскую.
Пріѣзжаетъ тутъ король да Политовскіи,
Пріѣзжаетъ тутъ король да по молчаному,
Онъ увозитъ Марью лебедь бѣлую,
Лебедь бѣлую да королевичну,
Королевичну онъ да подолянку.
Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Надъ собой же онъ того да тутъ не вѣдаётъ,
Что увезъ же да король да Политовскіи
Его же Марью лебедь бѣлую,
Лебедь бѣлую да королевичну,
Королевичну онъ да подолянку.
Прискакала было вѣсточка нерадостна
Михайлы По́тыку Иванову:
«Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Ты пьешь да проклаждаешься,
«Надъ собой незгодушки не вѣдаёшь,

«Какъ твоя-то Марья лебедь бѣлая,
«Лебедь бѣлая да королевична,
«Королевична было подолянка,
«Уѣхала съ королемъ да Политовскімъ
«Во матушку да въ земляну Литву».
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Одѣвае онъ же платьица-ты женскіи,
Накручается же онъ да было женщиной
И поѣхалъ вслѣдъ же онъ погоною
За тымъ же королемъ да Политовскімъ.
Не узналъ бы да король да Политовскіи,
Не узналъ бы онъ да вслѣдъ погонушки.
Подъѣзжаетъ тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Вслѣдъ же онъ было погоною
За тымъ же королемъ да Политовскімъ.
Увидала Марья лебедь бѣлая,
Лебедь бѣлая да королевична,
Королевична да тутъ подолянка,
Сама ему да испрогóворитъ:
— Ай же ты король да Политовскіи!
— Ѣде нунь за нами вслѣдъ погонушка,
— Ѣдетъ тутъ за нами женщина, —
— Хоть и женщиной да ту́да-ка сокру́ченось,
— Не женщина тутъ ѣдетъ вслѣдъ погонушка,
— Ѣдетъ тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.
— Отправляй меня скорешенько на стрѣту ли,
— И давай же мнѣ напитковъ еще сонныихъ.
— Онъ же до вина да есте спадсливый.
— Поднесу ему я чару зелена вина, —
— Гди выпье, онъ же тутъ и въ сонъ заснетъ. —
Подъѣзжаетъ тутъ къ ему она на стрѣту ли,
Тяжелешенько да она плаче ли:
«Ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Увезъ меня король да Политовскіи,

«Что ли силою увезъ меня изъ Кіева».
Подноситъ ёму чару зелена вина:
«Выпей още чару зелена вина».
Гди выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.
Подскочила тутъ къ коню да къ богатырскому,
Принимаетъ на плечо да на волшебное,
Спустила тутъ его было черезъ плечо,
Сама же тутъ Михайлы приговариватъ:
«Гди былъ мо̀лодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
«Стань-ко нынь горючій бѣлой камешокъ.
«Будь-ко ты Михайло нынь во камени».
Отправляется съ королемъ да Политовскімъ
Въ ту было да въ земляну Литву,
И уѣхала да въ земляну Литву
Къ тому же королю да Политовскому.
Жила съ ко́ролемъ да Политовскімъ,
Жи́ла она много тамъ же времени.
Стосковалось было братьямъ же крестовымъ:
Старому каза́ку Ильѣ Муромцу,
Мо́лодому Добрынюшку Никитичу.
Крутились было они каликамы,
Обували они лапти было липовы,
Надѣвали они платьица нецвѣтныя,
Пошли оны да ту́да-ка каликамы
Отъ солнышка Владиміра отъ князя стольнё-кіевска
Къ тому же королю да къ Политовскому
Искать же тутъ Михайла По́тыка Иванова,
Своего же было братца да крестоваго.
Въ день они идутъ было по солнышку,
А въ ночь они идутъ было по камешку.
Приходятъ тутъ ко бѣлому ко каменю.
Выходитъ тутъ изъ другою изъ ро́эстани,
Выходитъ тутъ калика было старая,
И старая калика да сѣдатая.

Хотя сѣдатая калика да й плѣшатая.
— Здравствуйте, калики перехожіе! —
«Ты здравствуешь калика было старая
«Старая калика ты матёрая,
«Ты матёрая калика да сѣдатая,
«Ты сѣдатая калика да плѣшатая».
— Куда же вы калики нунь направились? —
Испрогóворятъ тутъ русьскіи могучіи богáтыри:
«Ай же ты калика было старая!
«Хотъ нынь у насъ накрученось каликамы,
«Е мы не калики перехожіи,
«Е мы русьскіи могучіи богáтыри:
«Старыи казакъ да Илья̀ Муромецъ,
«Мóлодый Добрынюшка Никитиничъ.
«Пошли искать Михайлы Пóтыка Иванова,
«Своего же братца мы крестоваго,
«Святорусьскаго богáтыря».
Испрогóворятъ же русскіи могучіи богáтыри·
«Ты откудова калика есть же старая?»
— Я дальняя калика есть же старая,
— И дальняя калика я не здѣшняя,
— Пошолъ искать Михайлы Пóтыка Иванова.—
Приходили тутъ калики перехожіи
А къ тому же королю да Политовскому,
Ставились калики срéди города,
Супротивъ того двора да королевскаго.
Тутъ скрыцали да калики перехожіи, —
Теремки у нихъ да пошатилиси,
Околенки у нихъ да повалилиси,
Вси же вó гради да пріужáхнулись:
Что же нунь да чюдо е случилоси,
Какѝ же намъ калики появилиси?
Испрогóворитъ король да Политовскіи:
«Это е три чюда объявилоси».

Говорила Марья лебедь бѣлая,
Лебедь бѣлая да королевична,
Королевична да тутъ подолянка:
— Тутъ не чюдо къ намъ же нуньчу объявилоси,
— Два богáтыря да къ намъ же нунь явилоси:
— Старын казакъ да Илья Муромецъ,
— Мóлодой Добрынюшка Никитинычъ.
— А третьяя калика незнакомая,
— Незнакомая калика да сѣдатая,
— Сѣдатая калика да плѣшатая,
— Тая е калика да незнаема.
— Зови-тко ты король да во гостёбищо
— Этыихъ каликъ да перехожіихъ.
— Не пойдутъ оны къ намъ да въ гостёбщо,
— Розорятъ оны же нашу земляну Литву
— Два русьскія могучія богáтыря. —
Выходилъ же тутъ король да Политовскій,
Скорешенько же выходилъ на шúрокъ дворъ
Съ той ли Марьей лебедь бѣлою,
Лебедь бѣлою да онъ подолянкой,
А подолянкой да королевичной.
Подходила она къ братьецамъ крестовымъ
Своего же она мужа да названаго,
Звала тутъ себѣ-ка-ва въ гостёбищо,
Тяжелешенько по нёмъ да она плакала.
Спрашивали русьскія могучія богáтыри,
Старын казакъ да Илья Муромецъ,
Что ли мóлодой Добрынюшка Никитинычъ:
«Не видала ли Михайла Потыкá да ты Иванова?»
— Не видала я Михайла Пóтыка Иванова.
— Тяжелешенько по нёмъ да я же плачу есть,
— Вспомню я его да въ кажный день. —
И зовётъ она себѣ-ка-ва въ гостёбищо
Къ тому же королю да Политовскому.

Тутъ приходитъ же король да Политовскій
И зовётъ же онъ богáтырей къ собѝ въ гости.
Приходятъ тутъ калики перехожіи
Къ тому же кòролю да къ Политовскому,
Гостили у того же короля да Политовскаго.
Дарили имъ же честныи тутъ дáрева,
Дарили имъ же злато что ли серебро,
И мелкіи имъ тутъ же жемчуги,
И кáменья дарили драгоцѣнныи.
Откланялись тутъ же калики перехожіи,
Отправились калики со гостёбища,
Ничего же тутъ калики не провѣдали
Про русьскаго могучаго богáтыря,
Про Михайлу Пóтыка Иванова.
Отправились же въ путь они дороженьку,
Въ день они идутъ было по солнышку,
Въ ночь они идутъ было по камешку.
Приходятъ тутъ ко бѣлому горючему ко каменю.
Испрогóворитъ калика было старая,
Еще старая калика да матéрая:
«Вамъ же нунь, калики перехожіи,
«Вамъ же нунь пойти же надо въ сторону,
«Мнѣ-ка-ва пойти надò же въ дрýгую.
«Будемъ на прощенье животовъ дѣлить».
Испрогóворятъ тутъ русьскіи могучіи богáтыри:
— Ай же ты калика нуньчу старая,
— Ты старая калика да матерая,
— Матерая калика да сѣдатая,
— Сѣдатая калика да плѣшатая!
— Ты дѣли-тко нуньчу дáрева. —
Дѣлила-то калика было старая,
Старая калика да матерая,
И дѣлила тутъ великіи подарочки,
И дѣлитъ она да на четыре да на часточки.

Испрогóворятъ тутъ русьскiи могучiи богáтыри:
«Что же ты, калика было старая,
«Старая калика ты матерая,
«Что дѣлúшь ты нынь подарочки,
«На четыре ты дѣлишь на часточки?
«Трое насъ же нунечу находится,
«А кому же эта часть нунь остается?»
Говоритъ же имъ калика было старая:
— Ай же вы калики перехожiи!
— Станемъ-ко здымать мы этотъ камешокъ.
— Кто изъ насъ же здыне этотъ камешокъ черéзъ плечо,
— А тому же часть четвертая достанется. —
Думаютъ же русьскiи могучiи богáтыри
Своимъ же тутъ умомъ да богатырскiимъ:
Неужтò не здынемъ мы да каменя?
Часть этà да намъ же нынь достанется.
Испроговоритъ калика имъ же старая,
Старая калика да матерая:
— Ай вы русьскiи могучiи богáтыри!
— А здымайте-тко горючiй бѣлый камешокъ. —
Принимается Добрыня сынъ Никитиничъ
Здымать же нынь горючiй бѣлый камешокъ,
Здымать же этотъ камень да черéзъ плечо.
Выздынулъ Добрынюшка до пояса, —
По колѣну тутъ Добрынюшка во землю сѣлъ,
Не могъ же онъ здынýть да было камешка
Черезъ тóе нунь плечо да богатырское.
Принимался тутъ же старыи казакъ да Ильё Муромецъ.
Онъ здымае этотъ бѣлыи горючiй камешокъ,
Онъ здымае себѣ камешокъ на грудя ли,
А по стегнамъ Илья Муромецъ да въ землю сѣлъ.
Приходитъ тутъ калика эта старая,
Эта старая калика да сѣдатая,
Сѣдатая калика да плѣшатая,

Налагаетъ еще руки на бѣлыи горючій камешокъ
И здымае камешокъ черезъ плечо,
Спуститъ этотъ камешокъ черезъ плечо,
Спуститъ камень о сыру землю,
Сама же къ каменю да приговариватъ:
— Колись-ко этотъ камешокъ да на двое,
— Иди-ко ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
— Изъ бѣлаго горючаго изъ камешка! —
Кололся этотъ камешокъ нунь на двое,
Выходитъ тутъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Увидае онъ же братьецовъ крестовыихъ.
«Здравствуйте вы братьеца крестовыи!»
— Здравствуй ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Отъ чего попалъ въ горючій бѣлый камешокъ? —
«Отъ своей же я нунь Марьи лебедь бѣлыи,
«Лебедь бѣлыи да я подолянки,
«А й подолянки да королевичной.
«Подносила она зелья мнѣ-ка соннаго,
«Подносила она зеленымъ виномъ, —
«А гдѣ выпилъ, тутъ я въ сонъ заснулъ,
«И самъ себе я нонечу не вѣдаю».
Говоритъ же тутъ калика ему старая,
Старая калика да матерая:
— Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Будешь ты у города у Кіева
— А у ласковаго князя у Владиміра,
— Ты сдѣлай-ко двѣ церкви, двѣ соборныихъ,
— Одну церковь нуньче дѣлай ты Спасителю,
— Другу церковь матушкѣ да пресвятой Богородицы,
— Въ той же нунь Миколы да святителю.
— Упросила матушка да пресвятая Богородица
— А сходить меня для васъ да на сыру землю,
— Избавитъ нунь отъ смерти отъ напрасною,
— Отъ напрасною отъ смерти отъ волшебною. —

Простиласи калика было старая,
Старая калика да матерая,
Отправилась калика въ свою сторону.
Испрогóворятъ тутъ русьскіи могучіи богáтыри:
«Ай ты братецъ да названыи,
«Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Пойдемъ-ко съ нами въ свою сторону,
«Къ тому было ко городу ко Кіеву,
«Ко ласковому князю ко Владиміру».
Говорилъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:
— Ай же мои братьица крестовыи!
— Мнѣ-ка-ва сходить надо во земляну Литву,
— А къ тому же королю ко Политовскому.
— Угналъ онъ да моего добрá коня,
— И увезъ же Марью лебедь бѣлую,
— Лебедь бѣлую да королевичну,
— Королевичну онъ да подолянку. —
Испрогóворятъ тутъ братьица крестовыи:
«Ай ты братецъ да названыи,
«Михайла Пóтыкъ да Ивановичъ!
«Не жена теби она, да есть волшебница,
«Скопаетъ твою голову да богатырскую,
«Ты получишь отъ ей смертъ напрасную».
Тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ братьицовъ крестовыихъ не слушаётъ,
Приказалъ же брать имъ этыи подарочки
И отправляться имъ ко городу ко Кіеву.
Самъ пошолъ же къ королю да Политовскому,
Политовскому да земли-Польскому *(такъ)*,
Въ тую онъ пошолъ во земляну Литву.
Приходитъ онъ каликой перехожеей,
Ставился же онъ тутъ среди города,
Противу тутъ двора да королевскаго,
Крычалъ же онъ да во всю голову.

Теремы́ же тутъ да пошатилиси,
Что околенки у нихъ вси повалилиси,
Вси уродища оны да пріужа́хнулись,
Сами же оны тутъ испрого́ворятъ:
— Недавно чюда здѣ-ка были объявилиси,
— А нынь опять да чюдо появилоси. —
Испрого́воритъ тутъ Марья лебедь бѣлая,
Лебедь бѣлая да королевична,
Королевична да-и подолянка:
«Не калика это есть да перехожая,
«А Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ».
Скорешенько наливае чару зелья соннаго,
Выбѣгаетъ тутъ скоренько да на ши́рокъ дворъ,
Стрѣтаетъ тутъ Михайла По́тыка
Съ чарой зелена вина.
Выпилъ онъ же чару зелена вина, —
Какъ онъ выпилъ чару зелена вина,
Гди выпилъ, тутъ же въ сонъ заснулъ.
Тащила тутъ во сѣни во челя́динны.
Увидала тутъ Настасья королевична,
Что тащатъ си *(такъ)* бога́тыря во сѣни во челядинны,
По немъ она да сжалова́лася.
Приходила тутъ во сѣни во челядинны
Эта Марья лебедь бѣлая,
Лебедь бѣлая да королевична,
Прибивала тутъ бога́тыря да на́ стѣну,
Била ему въ руки въ ноги еще гво́здища
Не хватило тутъ гвозда да у̇ ней пятаго,
Пятаго гвозда ему середняго,
Середняго гвозда ему сердечнаго.
Побѣгала тутъ изъ сѣней изъ челядинныхъ,
Побѣгала за гвоздомъ она да пятымъ.
Молода Настасья королевична
Вытаскивала гво́здья вонъ да со́ стѣны,

Прибила тутъ на мѣсто да татарина,
Прибила тутъ татарина да мертваго,
Мертваго татарина да мерзлаго.
Уводила тутъ Настасья королевична
Того было богáтыря изъ сѣней изъ челядинныхъ.
Прибѣгаетъ Марья лебедь бѣлая,
Лебедь бѣлая да королевична,
Королевична она подолянка,
Не смотрѣла тутъ она да нá стѣну,
Забила тутъ татарина мѣсто богáтыря.
Отправляется къ кóролю да Политовскому,
Сама же тутъ ему да еще хвастаетъ:
— Перевела я нынѣчу своего да ненавистничка,
— Михайла Пóтыка сынá Иванова. —
Прожилъ у Настасьи онъ потай да трои суточки,
Проситъ онъ коня да богатырскаго,
Да у той было Настасьи королевичной:
«Ахъ ты мóлода Настасья королевична!
«Проси-тко у родителя у батюшка,
«Нѣтъ ли нынь коня да богатырскаго
«Съѣздить въ чисто поле да поляковать».
Молода Настасья королевична
Тутъ приходитъ къ королю да Политовскому,
Къ своему она къ родителю да батюшку:
— Ахъ ты старын король да Политовскій,
— Ай же ты родитель мой да батюшко!
— Дай-ко мни коня да богатырскаго
— Съѣздить въ чисто поле да поляковать,
— Простудить лицо свое да женское. —
Испрогóворитъ король же Политовскій:
«Поди-ко на конюшни на стоялыи,
«Выбирай-ко ты коня да нынь по разуму».
Приходила на конюшни на стоялыи,
Выбирала тутъ коня да богатырскаго

Михайлы По́тыка Иванова.
Пригоняетъ тутъ коня да богатырскаго
А Михайлы По́тыка Иванова
Къ своему крыльцю да королевскому.
Одѣвается бога́тырь да по женскому,
Уѣзжае онъ бога́тырь было женщиной,
Уѣзжаетъ тутъ бога́тырь во чи́сто́ поле,
Изъ чиста поля наѣхалъ онъ бога́тыремъ,
Ставился же онъ тутъ середи двора,
У того же короля да Политовскаго,
Онъ проситъ же тутъ войска да великаго.
Узнаваетъ Марья лебедь бѣлая,
Лебедь бѣлая да королевична,
Королевична да тутъ подолянка.
Скоре́шенько выбѣгаетъ да на широкъ дворъ,
Наливаетъ она чару зелены́мъ виномъ
И подноситъ ему зелье было сонное.
Мо́лода Настасья королевична
По поясу броси́лася въ окошечко:
— Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
— Выпьешь чару нынь же ты да зелена вина,
— Гди выпьешь тутъ же въ сонъ заснешь.
— Будетъ ти отсѣчь она твоя да буйна го́лова,
— А твоей же тутъ да саблей вострою. —
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Не пи́лъ же чары зелена вина;
Сма́хне онъ да саблей вострою, —
Отнесъ же ейну буйну голову
За ейны́ поступки неумильни́и.
Розсердѣлся тутъ бога́тырь святорусьскіи:
«Отнесу же королю я буйну голову,
«Розорю же я тутъ землю всю Литовскую!»
Упросила тутъ Настасья королевична:
— Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!

— Не руби-тко ты родителю да буйной головы
— За его было поступки неумильніи,
— Не розори-тко ты да земляной Литвы. —
Укротилъ же свое сердце богатырское;
Бралъ одну Настасью королевичну
Отъ того же короля да Политовскаго,
Бралъ мóлоду Настасью онъ во честности.
Увезъ къ городу было ко Кіеву,
А къ ласковому князю ко Владиміру,
И привелъ же онъ тутъ въ вѣрушку крещоную.
Принялъ тутъ съ Настасьей по злату вѣнцу,
Сталъ же съ ней да вѣкъ корóтати.
Сталъ же строить онъ двѣ церкви двѣ соборныихъ,
Перву церковь онъ соборную
Строилъ онъ Спасителю,
Дрýгу церковь онъ же строилъ да соборную
Матушки да пресвятою Богородици
И Миколы онъ было святителю.
Тутъ Михайлы Пóтыку сынý Иванову славý поютъ,
Синему морю на тúшину,
Всимъ добрымъ людямъ на послушанье.

Записано тамъ же, 21 іюля.

7.

СТАВЕРЪ.

А у солнышка да у Владиміра
Пированьицо было на третій день.
А вси-то на пиру да напивалиси,
Вси же на честноемъ наѣдалиси,
Вси же на пиру да порасхвастались.
Íный хвалитъ города да съ пригородками,

И́ный хвалитъ тутъ же села со приселками,
И́ный хвастаетъ тутъ золотой казной,
Золотой казной да тутъ безсмѣтною,
И́ный хвалится да добрыма̀ тутъ ко́моньмы,
Разумный хвастаетъ да родной матушко́й,
Безумный хвалится да молодой женой.
Сидитъ мо́лодой Ставёръ да сынъ Годиновичъ,
Онъ не ѣстъ, не пьетъ, не кушаетъ,
Его бѣлою лебёдушки не рушаетъ,
Да ничѣмъ Ставёръ не хвастаетъ.
Ходитъ солнышко Владиміръ стольнё-кіевской,
Самъ солнышко да испрого́воритъ:
«Ахъ ты мо́лодой Ставёръ да сынъ Годиновичъ!
«Ты не ѣшь, не пьешь, да самъ не ку́шаешь,
«Моей бѣлоей лебёдушки не рушаешь,
«Самъ же нунь Ставёръ да е не хвастаешь.
«У васъ нѣту городовъ да съ пригородками,
«Видно нѣтъ у васъ да селъ и со приселками,
«Нѣту золотой казны по надобью,
«Нѣту добрыхъ ко́моней по надобью,
«А не хо́роша Ставрова ро́дна матушка,
«Да не по́хвальна Ставрова молода жена?»
Отвѣчаетъ тутъ Ставёръ да сынъ Годиновичъ:
— У насъ есть тутъ города да съ пригородками,
— То мнѣ молодцу не по́хвальба;
— Есть у насъ и сёла со приселками,
— То мнѣ молодцу не по́хвальба;
— Золота казна у молодца не держится [1]),
— То мнѣ молодцу не по́хвальба;
— Добры комони у молодца не ѣздятся,
— То мнѣ молодцу не по́хвальба;
— Хоть и хороша моя да ро́дна матушка,

1) Т. е. не издерживается, не переводится.

— То мнѣ молодцу не по́хвальба;
— Хоть бы по́хвальна моя да молода жена,
— То мнѣ молодцу не по́хвальба:
— Она всѣхъ князей бояръ повыманитъ[1]),
— Она солнышка Владиміра съ ума сведетъ. —
А вси князи тутъ бояра призадумались.
«А похвасталъ нынь Ставёръ да сынъ Годиновичъ,
«Ай похвасталъ онъ своей да молодой женой:
«Всихъ князей бояръ да нынь она повыманитъ,
«Она солнышка Владиміра съ ума сведетъ!
«Засади́те-тко Ставра да въ по́греба,
«А во тыи было по́греба глубокіи.
«Пусть-ко нынь Ставрова молода жена
«Всихъ князей бояръ да насъ повыманитъ,
«Солнышка Владиміра съ ума сведетъ».
Былъ же у Ставра́ да было сво́й чёлове́къ,
А садился на Ставрова на добра коня,
Онъ поѣхалъ тутъ во землю Ляховитскую,
Къ той же Василисты ко Никуличной[2]),
Да къ Ставровой молодой жены.
Пріѣзжае къ Василисты ко Никуличной,
Къ той же ко Ставровой молодой жены.
Говоритъ же Василисты да Никуличной:
— Ай же Василиста дочь Никулична,
— Ай же ты Ставрова молода жена!
— А похвасталъ нынь Ставёръ да сынъ Годиновичъ
— А тобой да молодой женой,
— Василистой да Никуличной,
— Что же всихъ князей бояръ да ты повыманишь,
— Солнышка Владиміра съ ума сведешь. —

---

1) Т. е. обманетъ.

2) По объясненію Калинина, эта Василиса была сестра Настасьи Никуличны, жены Добрынинои.

Говоритъ тутъ Василиста дочь Никулична:
«Деньгами Ставра да мнѣ не выкупить,
«Силою Ставра да мнѣ не выручить, —
«Могу ли нѣтъ догадкамы да женскима».
А бѣжала тутъ она къ фельдмаршаламъ *(такъ)*,
Подрубила волосá да по мужичьему,
Набрала дружинушки хороброю,
Сорóкъ молодцѐвъ, молодыхъ борцёвъ,
Сорóкъ молодцѐвъ, молодыхъ стрѣльцёвъ,
А сама она поѣхала посланникомъ.
А ко солнышку Владимíру,
А ко князю стольнё-кіевску.
Оставляетъ тутъ дружину во чистóмъ поли,
А сама тутъ пріѣзжаетъ да посланникомъ.
— Здравствуй солнышко Владимíръ стольнё-кіевской!
«Ты откудовá, удалый добрый молодецъ,
«Ты коéй земли, коéй орды,
«Какъ тя нунь зовутъ по имечки,
«Нарекаютъ по изотчины?»
— Я изъ зéмли Ляховинскíи,
— Того кóроля сынъ Ляховитскаго,
— Молодой Василíй да Никуличъ ли.
— Ахъ ты солнышко Владимíръ стольнё-кіевской!
— Я пріѣхалъ нунь о добромъ дѣлѣ къ вамъ, объ свáтовстви
— На твоей было любимыи на дочери. —
«Я пойду къ дочéри нунь подумаю».
Приходитъ солнышко Владимíръ стольнё-кіевской
А своей дочéри еще спрашиватъ:
— Ахъ ты дочь моя возлюбленна!
— Пріѣзжае короля сынъ Ляховитскаго,
— Молодой Василíй да Никуличъ ли,
— На теби любимыи на дочери да свататься. —
Отвѣчае ему дочь было возлюбленна:
«Ахъ ты солнышко Владимíръ стольнё-кіевской!

«Что у тя Владиміръ нуньчу на́ умѣ,
«Что у тебя нуньчу да на разумѣ?
«Выдаваешь ты дѣвчи́ну самъ за женщину:
«Пельки[1]) мяко́ньки все по женьскому,
«Ричь поговоры все по женьскому,
«Гди жуковинья-ты[2]) были, тамъ и мѣсто знать,
«Она стёгна жметъ добра́ бёрёжетъ».
Испрого́воритъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Я пойду посла теперечь поотвѣдаю. —
Приходитъ тутъ къ послу да ляховитскому,
Къ мо́лоду Василью да Никуличу.
— Молодой Василій да Никуличь ли!
— Не угодно ли съ дороги сходить въ баенку? —
«Это, солнышко Владиміръ, да не худо намъ
«А сходить съ дороги въ теплу парну баенку».
Приказалъ Владиміръ стопить баенку,
А приходитъ тутъ Владиміръ стольнё-кіевской
Къ мо́лоду Василью да Никуличу:
— А пожалуй-ко ты въ теплу парну баенку. —
А дока́ Владиміръ въ домѣ гладился[3]),
Той порой посолъ въ байны́ отпарился,
Стрѣту-ту идетъ, да ему че́сть воздаетъ:
«Благодарствуешь, Владиміръ стольнё-кіевской,
«Да на тепло-парною вашей на баенки».
Владиміръ тутъ ему да отвѣчаетъ ли:
— Что же скоро въ баенкѣ отпарились? —
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Ваше дѣло е хозяйское,
«Наше дѣло е посольное,
«Недосугъ намъ долго въ байнѣ гладиться,

---

1) Груди.
2) Мѣста подъ кольцами.
3) Т. е. ладился, собирался.

«Въ теплопарною тамъ париться.
«Я пріѣхалъ вамъ о добромъ дѣлѣ да объ сва́тоствѣ
«На твоей любимыи на дочери».
— Я пойду еще къ дочéри тамъ подумаю. —
Соляышко Владиміръ стольнё-кіевской
Онъ приходитъ тутъ, дочéри самъ же спрашиватъ:
— Ай ты дочь моя возлюбленна!
— Того кóроля сынъ Ляховитскаго,
— Молодой Василій да Никуличъ ли,
— Онъ пріѣхалъ да о добромъ дѣлѣ да о сва́товствѣ
— На тебѣ было любимыи на дочери. —
Отвѣчае дочь ему любимая:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Что у тя Владиміръ нуньчу на́ умѣ,
«Что у тебя нуньчу да на разумѣ?
«Выдаваешь ты дѣвчи́ну самъ за женщину:
«Пельки мякóньки все по женьскому,
«Рычь поговоры все по женьскому,
«Гди жуковинья-ты были, тамъ и мѣсто знать,
«Она стёгна жметъ, добра́ бережетъ».
Испрогóворитъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Я пойду посла теперечь поотвѣдаю. —
Тутъ приходитъ да къ Василію ко Никуличу;
— Ахъ ты мóлодой Василій да Никуличъ ли!
— Ты пройди въ палаты бѣлокаменны,
— Тамъ ты хлѣба соли да откушаешь,
— А отдóхнешь послѣ теплопарной баенки. —
А проходитъ онъ въ палаты бѣлокаменны,
Тамъ же онъ да хлѣба кушаётъ.
А выходитъ онъ изъ-за́ столовъ
И Владиміру да чéсть воздаетъ.
А отводитъ тутъ Владиміръ стольнё-кіевской
А во тыи нунь да ложни да во тёплыи.
Молодой Василій да Никуличъ ли,

Гдѣ головой-то быть, да тутъ же жопой легъ.
Выходитъ онъ изъ ложни да изъ теплыи:
«Благодарствуешь, Владиміръ стольнё-кіевской,
«На твоей да тамъ на ложни да на теплыи!
«Я пріѣхалъ нонь о добромъ дѣлѣ къ вамъ, о сва́товствѣ
«На твоей любимыя на дочери».
Отвѣчаетъ тутъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Я пойду еще къ дочёри, тамъ подумаю. —
Тутъ заходитъ онъ во ложни да во теплыи,
Смотритъ тамъ плеча да богатырскіи,
А широкіи плеча да богатырскіи.
И приходитъ онъ къ дочёри, самъ же спрашиватъ:
«Ай ты дочь моя возлюбленна!
«Того ко́роля сынъ Ляховитскаго,
«Мо́лодой Василій да Никуличъ ли,
«А пріѣхалъ къ намъ о добромъ дѣлѣ да о сва́товствѣ
«На тебѣ было любимыи на дочери».
Отвѣчае дочь ему любимая:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Что у тя Владиміръ нуньчу на́ умѣ,
— Что у тебя нуньчу да на разумѣ?
— Выдаваешь ты дѣвчи́ну самъ за женщину:
— Пельки мяко́ньки все по женьскому,
— Ричь поговоры все по женьскому,
— Гдя жуковинья-ты были, тамъ и мѣсто знать,
— Она стёгна жметъ, добра́ бережетъ. —
Испрого́воритъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Я пойду посла еще да поотвѣдаю. —
Приходитъ тутъ къ Василью ко Никуличу:
«Ахъ ты мо́лодой Василій да Никуличъ ли!
«Не угодно ли съ дворянами потѣшиться,
«Пострѣлять въ колечко золоченое?»
Отвѣчаетъ тутъ Василій да Никуличъ ли:

— Оставлены стрѣльци да во чистомъ поли.
— Мнѣ-ка-ва теперичу да самому отвѣдати,
— А стрѣлять въ колечко золочёное. —
Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
Онъ поставилъ молода́ стрѣльця.
Первой разъ стрѣли́лъ, да онъ не до́стрѣлилъ,
А другой же разъ стрѣли́лъ, пере́стрѣлилъ,
Третій разъ стрѣли́лъ, да туды не́ попалъ.
Молодой Василій да Никуличъ ли
А натягивалъ тетивочки шелко́выи,
А накладывалъ онъ стрѣлочку кале́ную,
А стрѣляетъ тутъ въ колечко золочёное,
Попадаетъ тутъ въ колечко золочёное,
Коле стрѣлочку да на́ двое,
Мѣрою однаки да вѣсо́мъ равны.
Самъ Василій испрого́воритъ:
«Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Я пріѣхалъ нонь о добромъ дѣлѣ къ вамъ, о сва́-
товствѣ
«На твоей любимыи на дочери».
— Я пойду къ дочёри, тамъ подумаю. —
Приходитъ онъ къ дочёри, самъ же спрашиватъ.
Говоритъ ему да дочь любимая:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Что у тя Владиміръ нуньчу на́ умѣ,
«Что у тебя нуньчу да на разумѣ?
«Выдаваешь ты дѣвчи́ну самъ за женщину:
«Пельки мяконьки все по женьскому,
«Ричь поговоры все по женьскому,
«Гди жуковинья-ты были, тамъ и мѣсто знать,
«Она стёгна жметъ, добра́ бережетъ».
Испрого́воритъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Я пойду посла теперечь поотвѣдаю. —
А приходитъ тутъ къ Василію ко Никуличу,

Къ мо́лодому Василію да Никуличу:
«Молодой Василій да Никуличъ ли!
«Неугодно ль съ моима̀ дворянами потѣшиться,
«А й потѣшиться да поборотиться?»
— Да оставлены борьци да во чисто́мъ поли,
— Самому же пуньчу мнѣ-ка поотвѣдати. —
Тутъ выходитъ да Василій да Никуличъ ли,
Онъ выходитъ да на ши́рокъ дворъ,
Сталъ съ дворянами онъ тѣшиться,
Сталъ онъ тѣшиться да онъ боротиться.
Одного захватитъ въ руку, дру́гаго да въ дру́гую,
Третьяго онъ сма́хнетъ во серёдочку.
По трою же онъ Василій да на зень ложилъ, —
А которыихъ положитъ, больше ты не выстанутъ.
А выходитъ тутъ Владиміръ да на ши́рокъ дворъ:
«Ахъ ты мо́лодой Василій да Никуличъ ли!
«Укроти-тко свое сердце богатырское».
Испрого́воритъ мо́лодый Василій да Никуличъ ли:
— Я пріѣхалъ нонь о добромъ дѣлѣ къ вамъ, о сватовствѣ
— На твоей любимыи на дочери,
— А ты съ чести мнѣ не дашь, такъ во́зьму не́ съ чести,
— Не́ съ чести возьму́, да тёби бокъ набью. —
Не пошолъ же тутъ Владиміръ больше спрашивать,
Сталъ свою тутъ дочь просватывать,
За того было Василья за Никулича,
За тую было Ставрову молоду́ жену.
А свадебка у нихъ была по третій день,
А Василій да Никуличъ закручинился,
Онъ повѣсилъ свбю да буйну голову,
Утопилъ же очи ясны о кирпичень мостъ.
Испрого́воритъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Что же ты Василій закручинился?»
— Что же мнѣ-ка стало нунь не весело:

— Батюшка ли дома у насъ по́меръ ли,
— Али матушка у насъ да дома по́мерла,
— Аль надъ дружиной во чистѣмъ поли не ладно есть.
— Нѣтъ ли у́ васъ мла́дыхъ гусельщичковъ,
— Поиграть да во гуселышка яровчаты,
— Звеселить мое сердечико? —
Доставали что ли младыхъ загусельщичковъ.
Все играютъ да не весело,
Не могли же звеселить Василья да Никулича.
Говоритъ было Василій да Никуличъ ли:
— Нѣтъ ли у тя мла́дыхъ затюремщичковъ,
— Поиграть въ гуселышка яровчаты? —
Повыпустили младыхъ затюремщичковъ,
Стали тутъ играть въ гуселышка яровчаты,
Все играютъ да не весело.
Говоритъ было Василій да Никуличъ ли:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Я слыхалъ же отъ своихъ было родителей:
— Нѣтъ ли здѣсь Ставра́ Годинова,
— Онъ гораздъ играть въ гуселышка яровчаты. —
Тутъ выводятъ Ста́вра съ по́гребовъ глубокіихъ,
Заигралъ въ гуселышка яровчаты,
Звеселился тутъ Василій да Никуличъ ли.
— Здравствуешь Ставёръ да сынъ Годиновичъ!
— Ты меня Ставёръ да нунь же знаешь ли? —
Отвѣчаетъ тутъ Ставёръ да сынъ Годиновичъ:
«Я тебя топеричку не знаю ли».
— А помнишь ли, Ставёръ да сынъ Годиновичъ,
— Какъ мы съ тобою въ грамотѣ учились ли,
— А моя была чернильница серебряна,
— А твое было перо да подзолочено,
— Ты тутъ помакивалъ всегды, всегды,
— А я помакивалъ тогды сегды? —
«Я съ тобою въ грамотѣ не у́чивался».

— А не помнишь ли, Ставёръ да сынъ Годиновичъ,
— А мы съ тобою сваечкой поигрывали,
— А мое было колечко золоченое,
— Твоя-то была сваечка серебряна,
— Ты тутъ попадывалъ всегды, всегды,
— А я попадывалъ тогды сегды? —
«Я-то съ тобой сваечкой не игрывалъ».
Говоритъ же тутъ Василій да Никуличъ ли:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Ты спусти-ко со мной Ставра съѣздить во чисто поле,
— Посмотрѣть дружинушки хороброю. —
Говорятъ тутъ князи бояра:
«Какъ спустить Ставра, такъ не видать Ставра,
«Не спустить Ставра, такъ розгнѣвить посла».
А не смѣли тутъ посла порозгнѣвить,
Отпустили Ставра съѣздить во чисто поле.
Пріѣзжаетъ тутъ Василій во чисто поле
Ко своей было дружинушки хоробрей.
Тутъ идетъ въ шатры да онъ полотняны,
Одѣвае платья было женьскія,
Сокручается Василій было женщиной.
— Здравствуешь Ставёръ да сынъ Годиновичъ!
— А нунечу меня да ты не знаешь ли? —
Отвѣчаетъ тутъ Ставёръ да сынъ Годиновичъ:
«Здравствуй, молодая Василиста дочь Никулична,
«Нунечу Ставрова молода жена!»
Спрашиватъ да Василиста дочь Никулична
У того Ставра Годинова:
— Молодой же ты Ставёръ да сынъ Годиновичъ!
— Ты за что же засаженъ да былъ во погреба? —
«Я похвасталъ нунь тобой да молодой женой,
«Что ты всихъ князей бояръ теперь повыманишь,
«Что ли солнышка Владиміра съ ума сведешь.
«А поѣдемъ, Василиста дочь Никулична,

«Мы поѣдемъ въ свою сторону».
Говорила Василиста дочь Никулична:
— Намъ не честь хвала да молодецкая,
— Что ли во́ровски уѣхать намъ со Кіева.
— А поѣдемъ-ко мы свадебки доигрывать.
— Вси князи да боя́ра нунь повы́манены,
— Солнышко Владиміръ да съ ума сведенъ. —
Накрутилась тутъ она да е посланникомъ,
Пріѣзжаетъ тутъ она ко городу ко Кіеву
А ко ласковому князю ко Владиміру,
Что ли свадебки она доигрывать,
А сама же у Владиміра тутъ спрашиватъ:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— А за что же засаженъ Ставёръ Годиновичъ
— А во по́греба глубокіи? —
«А за то же засаженъ Ставёръ Годиновичъ
«А во по́греба глубокіи:
«Онъ похвасталъ нунь своёй да молодой женой:
«Всихъ князей бояръ она повыманитъ,
«Она солнышка Владиміра съ ума сведетъ».
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Что у тя Владиміръ нуньче на́ умѣ,
— Что у тя Владиміръ е на разумѣ,
— Выдаваешь ты дѣвчи́ну самъ за женщину,
— А за тую за Ставрову молоду́ жену,
— А за тую Василисту за Никуличну?—
Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
Онъ повѣсилъ буйну голову,
Утопилъ же очи ясны во кирпиченъ мостъ.
Вси же князи тутъ бояра призадумались,
Вси же князи тутъ бояра испрого́ворятъ:
«Она всихъ князей бояръ да насъ повы́манила,
«Тебя солнышко Владиміръ да съ ума свела.
«Благодарствуешь Ставёръ да сынъ Годиновичъ!

«Зналъ похвастать молодой женой!
«Ты торгуй-ко нунь Ставёръ да здѣ во Кіевѣ,
«Ты отнынѣ же торгуй, да вѣкъ же по́ вѣку,
«Здѣ во Кіевѣ безпошлинно».

Записано тамъ же, 23 іюля.

8.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ [1]).

А справляется Чурилка, убирается,
Обувае сапожки зеленъ сафьянъ,
Кругъ носочка яичко кати,
Пятка о пятку — туды воробей летѣлъ,
Туды воробей летѣлъ, самъ крыломъ не задѣлъ.
Одѣвае онъ платьица цвѣтныи,
Одѣвае онъ шапоньку въ пятьсотъ рублей,
А й ушисту, пушисту, завѣсисту,
И спереди не видно личка бѣлаго,
И сзади не видно кудеръ жолтыихъ.
Справляется Чурилка, убирается,
Убирае Чурилка добра кона,
Кладывалъ онъ потнички на потнички,
На потнички кладе войлочки,
А на войлочки кладётъ да онъ сѣделышко.
Подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Чтобы сподъ сѣдла же добрый конь не выскочилъ,
Добра молодца въ чистóмъ поли не выронилъ.
Видли Чурилушку сядучи,
А не видли удала поѣдучи.

---

1) Размѣръ дактилическій.

Уѣхалъ Чурила во чисто полё,
Пріѣзжае къ Катеринѣ Микуличной,
Подъ ей же окошко косевчато,
Къ той ли Катерины Микуличной.
Увидала Катеринушка Микулична,
По поясу броси́лась въ окошечко,
Говорила Чурилушки Плёнкову:
«Молодой Чурила сынъ Плёнковичъ!
«Поѣзжай-ко Чурила въ гостёбищо.
«Нѣту Безмѣра Васильевича,
«Ушолъ у насъ Безмѣръ да Васильевичъ,
«Ушолъ же Безмѣръ ко заутренки
«И буде стоятъ тамъ обѣденку».
Подъѣзжае Чурила сынъ Плёнковичъ
Къ той же Катеринѣ Микуличной,
Заѣзжае Чурила на ши́рокъ дворъ.
Выбѣгала Катерина Микулична,
Стрѣтала Чурилушку Плёнкова,
Брала за ручки за бѣлыи,
За тыи перстни за злаченыи,
Цѣловала въ уста его въ сахарніи.
Брала Чурилина добра́ коня,
Вела на конюшни стоялыи
И сыпала пшену бѣлоя́рову.
Отошла отъ коня, поклонилася:
«Ѣшь-ко конь лошадь добрая!
«Не для тебя я, конь, кланяюсь,
«Для твоя *(такъ)* любимаго хозяина,
«Для того Чурилушки Плёнковича».
Взяла тутъ Чурилушку Плёнковича,
Проводила тутъ въ полаты бѣлокаменны,
Садила его было на стульчики,
Подносила дощечку дубовую.
Стали играть оны въ шашечки;

Сама же Чурилы испрогóворитъ:
«Чорта-то да не зá игра
«А во тыи во шашки во шахманки!
«Пойдемъ-ко, Чурила, позабавимся
«На тую кроватку тисовую,
«На тую перинку пуховую,
«Тамъ же Чурила позабавимся».
Увидала дѣвчоночка чорная,
Хоть бы чорна дѣвчонка челя́динка,
Тую же Катерину Микуличну
Съ тымъ же Чурилушкой Плéнковичемъ
На той же кроватки тисовыи,
На той же перинки пуховыи.
Выскочилъ Чурилушка Плёнковичъ
Изъ тои кроватки съ тисовою,
Съ тои же периночки пуховыи,
Говорилъ же дѣвчóночку чорному:
— Ужъ ты чорна дѣвчонка чиганочка!
— Вотъ ти полтина на бѣлилишка,
— И дру́га полтина на румянишка,
— А третью полтину куды хóшь клади.
— Вотъ теби шапонька пятьсотъ рублёвъ,
— Ушиста, пушиста, завѣсиста,
— И спереди не видно личка чорнаго,
— И сзади не видно пучка вшиваго. —
Говорила Катерина Микулична.
«Ай же Чурилушка Плёнковичъ!
«Эты полтинушки мни отдай,
«Этую шапоньку самъ держи».
Обвернула дѣвчоночка чéрная
Изъ той же полаты бѣлокаменной,
Бѣжала дѣвчоночка во Божей храмъ
Къ тому было Безмѣру Васильевичу:
— Ахъ ты мóлодой Безмѣръ сынъ Васильевичъ

— Ты стоишь же здѝ, Богу молишься,
— У тебя же е тамъ нунь гость въ гостяхъ,
— У твоей же Катерины Микуличной
— Е же Чурилушка Пленковичъ:
— Братъ съ сестрой что ли мужъ съ женой,
— Что ли мужъ съ женой забавляются. —
Молодой Безмѣръ сынъ Васильевичъ
Скорешенько пошолъ со Божья́ храму
Къ той же полаты бѣлокаменной.
Приходитъ ко полаты бѣлокаменной.
Выбѣгала Катеринушка Микулична,
Рострепала волоса свои женьскіи,
Стрѣтала Безмѣра Васильевича:
«Ахъ ты мо́лодой Безмѣръ сынъ Васильевичъ!
«Одва безъ тебя я не у́мерла,
«Заболѣло сердечко ретливое».
Говорилъ же Безмѣръ сынъ Васильевичъ
Той же дѣвчонки челядинной:
— Завела же ты, дѣвчонка, доказывать,
— А нунечу, дѣвчонка, показывай. —
«Ахъ ты мо́лодой Безмѣръ сынъ Васильевичъ!
«Поди-ко на конюшню стоялую,
«Во твоей же конюшни стоялыи
«Стоитъ же Чурилушкинъ доброй конь
«И зобле пшену бѣлоярову».
Приходитъ Безмѣръ сынъ Васильевичъ
Онъ на тую конюшню стоялую,
Увидѣлъ Чурилина добра́ коня,
Отсѣкъ же Чурилину добру́ коню,
Отсѣкъ же ему буйну голову.
Приходитъ въ полаты бѣлокаменны,
Самъ же дѣвчонку испрого́ворилъ:
— Завела же ты, дѣвчонка, доказывать,
— Нунечу, дѣвчонка, показывай. —

Говорила дѣвчоночка чёрная,
Черна дѣвчонка челя́динка:
«Бери-тко ларци́ окова́нныи,
«А здымай ларци выше головы».
Тяпнулъ ларци окова́нныи,
Ломалъ же ларци окованныи,
Увидѣлъ Чурилушку Пленкова.
Отсѣкъ же Чурилы буйну голову
За его же поступки неумильніи.
Говорила Катерина Микулична:
— Гди пала́ головка кониная,
— Тутъ пала́ головка Чурилина,
— Тутъ пади головка Катеринина! —
Отсѣкъ же Безмѣръ сынъ Васильевичъ,
Отсѣкъ же Катерины буйну голову
А за сѝ да поступки неумильніи.
Говоритъ тутъ Безмѣръ сынъ Васильевичъ:
«Гди пала́ головка кониная,
«Тутъ пала́ головка Чурилина,
«Тутъ пала́ головка Катеринина,
«Тутъ пади головка дѣвки чёрною!
«Черна дѣвчонка челя́динка,
«Знала бы дѣвчонка коровъ кормить,
«Не доказывала бы она мужнихъ женъ».
Отсѣкъ же дѣвчонки буйну голову.
Самъ же Безмѣръ пріужахнется:
Отсѣкъ же Безмѣръ себи голову.

Записано тамъ же, 22 іюля.

9.

ДЮКЪ.

А во той Индѣюшки богатыи,
Да во той было Корелы во проклятыи,
А былъ мóлодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.
А севодня день да былъ суботнiи.
Онъ ходилъ гулялъ да по всимъ зàводямъ,
Онъ стрѣлялъ гусей да тамъ же лебедей;
Сдумалъ ѣхать онъ было во Кіевъ градъ.
А севодня день братцы суботнiи,
Завтра намъ итти да ко Божьёй церквы.
Онъ ставае тутъ по утрышку ранешенько,
Отправляется онъ до къ Божьёй церквы.
Онъ стоялъ же тамъ великодённую заутреню,
Сдумалъ ѣхать тутъ же онъ во Кіевъ градъ,
А приходитъ ко родители ко матушкѣ,
А къ честнóй вдовы Мамельфы Тимофеевной,
Онъ отъ той великодённыи заутрени:
«Ты родитель моя матушка,
«Ты честнáя вдова Мамельфа Тимофеевна!
«Дай прощенье съ бласловленьицомъ
«Ѣхать къ стольнёму ко городу ко Кіеву
«А ко ласковому князю ко Владимiру
«Посмотрить же мнѣ-ка Кіевъ градъ.
«Скажутъ: Кіевъ градъ въ честѝ въ добри».
Матушка ему да испрогóворитъ,
А честнáя вдова Мамельфа Тимофеевна:
— Ай рожоно мóе дитятко,
— Молодой боярингъ Дюкъ Степановичъ!
— А й окольною дорожкой туды дальнею
— А гоньци гоняютъ по три мѣсяца,
— Съ коня нá конь, съ лошади тутъ нà лошадь.
— Пройдс времени въ дороги да три мѣсяца.

— А прямой дорожкой не окольною
— Е три заставы великіихъ:
— Перва застава великая
— Что ли горушки толкучіи.
— Какъ ростóлнутся да горы вмѣсто стóлнутся,
— Тутъ ти Дюку не проѣхати,
— Молодому живу нé бывать.
— Дрýга застава великая
— Что ли птичушки клевучіи.
— А росправя птици крыльица,
— Тутъ ти Дюку не проѣхати,
— Молодому живу нé бывать.
— Третья застава великая:
— А лежитъ змѣя проклятая,
— О двѣнадцати змѣя о хоботахъ.
— А росправитъ змѣя хоботы,
— Тутъ ти Дюку не проѣхати,
— Молодому живу нé бывать. —
Испрогóворитъ бояринъ Дюкъ Степановичъ
А родители тутъ матушки,
А честнóй вдовы Мамельфы Тимофеевной:
«Ты родитель моя матушка,
«Честнà вдова Мамельфа Тимофеевна!
«Дай прощеньицо съ бласловленьицомъ
«Ѣхать къ стольнёму ко городу ко Кіеву
«А й ко ласковому князю ко Владимíру:
«Дашь прощеньицо съ благословленьицомъ — поѣду ли.
«Хоть не дашь прощеньпца съ благословленьицемъ,
«Все равно поѣду я».
Дала тутъ прощенье съ бласловеньицомъ
Ѣхать къ стольнёму ко городу ко Кіеву
А й ко ласковому князю ко Владимíру.
Онъ кормилъ коня пшеною бѣлояровой,
Поилъ питьями медвяныма,

Онъ сѣдлаетъ тутъ добра́ коня,
Кладывае онъ же потнички на потнички,
А на потнички да кла́де войлочки
А на войлочки черкальское сѣде́лышко.
Онъ подтягиватъ двѣнадцать ту́гихъ подпруговъ
А тринадцатый-тотъ клалъ для-ради кре́пости,
Чтобы въ чистомъ поли добрый конь да сподъ сѣдла не выскочилъ,
Добра мо́лодца въ чисто̀мъ полѝ не выронилъ.
Провожаетъ-то его да ро́дна матушка,
Та было Мамельфа Тимофеевна,
А сама ему наказыватъ:
— А рожоно мо́е дитятко,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Ты не хвастай-ко своимъ большимъ имѣніемъ,
— Не быдь-ко ты рожоное захвастливо,
— Такъ не будешь ты рожоное захвачено. —
Распростиласи да воротиласи.
Видли добра молодца-то сядучи,
А не видли тутъ удалаго поѣдучи.
Съ горы на́ гору да съ холмы на́ холму
Взялъ онъ рѣки-ты озера перескакивать,
Широки раздолья промежъ ногъ пущатъ.
Къ первой за́ставы прискакивалъ,
А ростолнутся-то горы, вмѣсто столнутся.
Тыи горушки ростолнулись,
Не поспѣли вмѣсто столнуться,
Его бурушко проскакивалъ,
Его маленькій провертывалъ.
Съ горы на́ гору да съ холмы на̀ холму
Къ другой за́ставы прискакивалъ.
Не поспѣли птици крыльицовъ росправити.
Его бурушко проскакивалъ,
Его маленькій провертывалъ.

Съ горы на́ гору да съ холмы на́ холму
Рѣки-ты озера перескакивалъ,
Широки́ раздолья промежъ ногъ пущалъ.
Къ третьей за́ставы прискакивалъ.
Не поспѣла змѣя хоботовъ росправити,
Его бурушко проскакивалъ,
Его маленькій провертывалъ.
Съ горы на́ гору да съ холмы на́ холму
Рѣки взялъ озера перескакивать,
Широки́ раздолья промежь ногъ пущать,
Онъ ко городу ко Кіеву прискакивалъ.
Пріѣзжае что ли къ солнышку къ Владиміру,
А ко князю стольнё-кіевску.
Привязалъ же онъ добра́ коня
У того столба да у точёнаго,
У того кольца да золочёнаго,
А й заходитъ онъ въ полаты бѣлокаменны,
Крестъ кладетъ да по писа́ному,
А поклонъ ведетъ да по учёному,
Бьетъ челомъ да поклоняется
А на всихъ же на четыре стороны,
Князю со княгиною въ особину.
«Здравствуй, солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
«Со своей было княгиною Апраксіей!»
Говорилъ ему Владиміръ стольнё-кіевской:
— Ужъ ты здравствуешь, удалый добрый молодецъ!
— И какъ тебя зовутъ нуньчу по имени,
— Нарекаютъ по отечеству? —
«Я изъ той же нунь Индѣи да богатою,
«А изъ той было Корелы я проклятою,
«Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ».
— А давно ли ты бояринъ да повыѣхалъ? —
«Ай ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Дома я стоялъ же тамъ заутренку,

«А сюды поспѣлъ же я нунь ко обѣденкѣ
«А вотъ было во Кіевъ градъ».
А справляется тутъ солнышко къ обѣденкѣ
Съ тымъ же молодымъ бояриномъ,
Съ Дюкомъ нунь Степановымъ.
А пошли оны по уличкамъ,
Пали дождички великіи,
Сдѣлали тутъ улички да грязныи.
Шолъ же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Измаралъ же онъ сапожки да зелёнъ сафьянъ.
Тутъ приходитъ да бояринъ ко обѣденки,
На сапожки тутъ бояринъ да поглядыватъ:
— А сказали было: Кіевъ градъ въ чести въ добри!
— Ай же въ Кіеви да не по нашему,
— Посланы мосты да все кирпичныи,
— Сыпаны пески да рудожолтыи,
— Пали дождики великіи,
— Измочили тутъ пески да рудожолтыи,
— Измаралъ-то я сапожки да зелёнъ сафьянъ.
— А у насъ было въ Индѣи во богатыи,
— А у насъ было въ Корелы во проклятыи,
— Все же стланы мостики дубовыи,
— Поверху было да сукна одинцовыи. —
А стоитъ же тутъ Чурилушка сынъ Плёнковичъ,
Говорилъ же тутъ Чурила сынъ же Плёнковичъ:
«Ай же ты мужикъ да деревенщина,
«А пустымъ ты мужикъ да нуньчу хвастаешь!
«Ты убилъ купця либо боярина,
«Снялъ же тутъ сапожки да зелёнъ сафьянъ,
«Самъ же ты сапожковъ знать не держивалъ,
«Все же на сапожки ты поглядывашь.
«А ударимъ-ко бояринъ во великъ залогъ,
«Ѣздить-то же намъ да е по три́ годы,
«А по три́ годы-то намъ же ѣздить по́ три дни,

«Въ каждый день да платьица-ты смѣнныи,
«Чтобы конюшки у насъ да были смѣнныи».
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Билъ же тутъ съ Чурилой о великъ залогъ,
Ѣздить имъ же нунь по трѝ годы,
А по трѝ годы то намъ же ѣздить по три дни,
А который же изъ насъ лучше повыступитъ,
Дрýгому изъ насъ да голова рубить.
А по Чурилушки по Плёнкови
А ручались Кіевомъ Черниговомъ,
А по томъ было по Дюкѣ по Степаповѣ
Да ручался одинъ отче да черниговской,
А крестовой его батюшко:
Ѣздить-то имъ да по трѝ годы,
А по трѝ годы-то имъ же ѣздить по три дни,
А который же изъ нихъ лучше повыступитъ,
Дрýгому изъ нихъ да голова рубить.
Тутъ выходятъ отъ великодённыи обѣденки.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Прóшолъ къ солнышку Владимíру
А й ко князю стольнё-кіевску,
Тутъ пришолъ да хлѣба кушати
А во тыи гридни во столовыи.
Тутъ садилиси за столики дубовыи,
Приносили тутъ колачики крупивчаты
Что ли Дюку да Степанову.
Сталъ же онъ колачиковъ тутъ кушати,
Мякишокъ-тотъ ѣстъ да корочку подъ столъ мечетъ:
— А сказали: Кіевъ градъ въ чести въ добри!
— А все въ Кіеви да не по нашему.
— Этыи колачики крупивчаты
— Пахнутъ-то на глинушку дожжовую,
— А на то же на помялушко сосновое.
— У моей было родители у матушки

— Есть же печки тамъ муравлены,
— Тамъ помялушка шелковыи,
— А не пахнутъ тамъ колачики на глину на дожжовую
— А колачикъ съѣшь, другова хочется,
— Дру́гой съѣшь, третьѣй съ ума не йдетъ. —
Вонъ исходитъ зъ-за столовъ да за дубовыихъ,
Крестъ кладетъ да по писа́ному,
А поклонъ ведетъ да по учёному:
— Благодарствуешь, Владиміръ стольнё-кіевской,
— За твои было колачики крупивчаты. —
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Сталъ справляться во Индѣюшку,
А во ту было Индѣю во богатую,
А во ту было Корелу во проклятую.
Не спустили тутъ боярина
Ѣхать въ ту было Индѣю во богатую,
А во ту было Корелу во проклятую.
Тугъ садился да бояринъ на ременчатъ стулъ,
Пише ёрлуки да скорописчаты,
Кладыва́е онъ же въ сумки перемётныи,
Отпускае онъ добра́ коня
Съ тыма сумкамы да перемётныма
Ко своей было къ родители ко матушки,
Ко честно́й было Мамельфы Тимофеевной.
— Ай родитель моя матушка,
— Ты честна́ вдова Мамельфа Тимофеевна!
— Посылай ко ты мнѣ-ка-ва нынь платьицовъ
— А на три́ годы пошли да ты же на три дни,
— Въ каждый день да платьица-ты смѣнныи;
— Ты пошли-ко злата се́ребра,
— Ты пошли-ко мнѣ на три́ годы,
— Ты на три́ годы пошли да на три дни,
— А не спустя меня съѣздить во Индѣюшку,
— А во ту было въ Индѣю во богатую,

— А во ту было въ Корелу во проклятую.
— Я ударилъ нуньчу здѣ-ка о великъ залогъ,
— Я похвасталъ знать Индѣей да богатою,
— Да похвасталъ я Корелой да проклятою:
— У насъ было во Индѣи во богатыи, —
— А стоятъ у насъ полаты бѣлокаменны,
— Что ли столбики у насъ да тамъ точеныи,
— Крышки тамъ у насъ да золоченыи,
— А за то же я захваченъ Дюкъ Степановичъ. —
Отправляетъ тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Отправляетъ тутъ добра́ коня
Ко родители ко матушки
А къ честно́й вдовы Мамельфы Тимофеевной.
Сталъ же его бурушко поскакивать,
Съ горы на́ гору да съ холмы на́ холму,
Взялъ же рѣки-ты озера перескакивать,
Широки́ раздолья промежъ ногъ пущать.
Къ первой за́ставы прискакивалъ.
Не успѣла змѣя хоботовъ росправити,
Тую за́ставу проскакивалъ.
Къ дру́гой за́ставы прискакивалъ,
Не успѣли птици крыльицовъ росправити,
Тую за́ставу проскакивалъ.
Къ третьей за́ставы прискакивалъ.
Не успѣли горы вмѣсто столнуться,
Тую за́ставу проскакивалъ,
Ко Индѣюшки прискакивалъ,
Середи двора да ставился,
За́ржалъ лошадинымъ тутъ я́сакомъ.
Услыхала тутъ Мамельфа Тимофеевна,
Тутъ взглянула во косевчато окошечко,
Увидала тутъ боярина добра коня:
«Видно тутъ рожоное убитоё!»
Выбѣгала тутъ на ши́рокъ дворъ,

Увидала о́на сумки переме́тныя,
Брала о́на сумки переме́тныя,
Выносила сумки переме́тныя,
Роспечатывать тутъ ёрлуки да скорописчаты,
Сама же тутъ да испрого́воритъ:
«Видно тутъ рожоное захвастливо,
«Тамъ мое рожоное захвачено».
Собирала тутъ служанокъ своихъ вѣрныихъ,
Отправляе ёму платьицовъ на три́ годы,
А на три́ годы да на три дни,
Въ каждый день да трижды днёмъ
Ему платьица-ты смѣнныи.
Отпускае еще злата ёму се́ребра,
А на три́ годы да на три дни,
Чтобъ хватило да боярину
Дюку да Степанову.
Пише ёрлычки да скорописчаты
Мо́лоду боярину а Дюку да Степанову:
Да не хватитъ буде злата се́ребра,
А ко мни да вѣдомъ посылайте-тко.
Рыла она сумки переме́тныи,
Отправляла тутъ его добра́ коня
Къ мо́лоду боярину а къ Дюку да Степанову
Тутъ было во Кіевъ градъ.
А й пошолъ же его бурушко поскакивать
Съ горы на́ гору да съ холмы на́ холму,
Взялъ же рѣки-ты озера перескакивать,
Широки́ раздолья промежъ ногъ пущать.
Къ первой заставы прискакивалъ.
Не успѣли горы вмѣсто столнуться,
Тую за́ставу проскакивалъ,
Къ дру́гой за́ставы прискакивалъ.
Не успѣли птици крыльицовъ росправити,
Тую за́ставу про́скакивалъ,

Къ третьей за́ставы прискакивалъ.
Не успѣла змѣя хоботовъ росправити,
Тую заставу проскакивалъ,
Тутъ ко городу ко Кіеву прискакивалъ.
Онъ приноситъ было сумки перемётныя,
Молоду боярину а Дюку да Степанову,
А привозитъ ёму цвѣтныя да платьица,
Онъ на три́ годы привозитъ на три дни.
Вси Кіевомъ платьицовъ ужахнулись,
Стали выбирать они общѣнщичковъ
А во ту было Индѣю во богатую:
Мо́лода Добрынюшку Никитича,
Въ дру́гихъ тутъ Михайлу По́тыка Иванова,
А въ третьихъ Олешеньку Поповича.
Говоритъ же тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Вы не посылайте-тко Олешеньки Поповича
— А во ту было Индѣю во богатую
— Нашихъ животовъ общѣнивать.
— Наши жи́воты сиротскія,
— Его глазушка поповскія,
— Его глазушка оза́рятся,
— А не выити вѣкъ съ Индѣюшки.
— Вы пошлите-тко каза́ка Илью Муромца,
— Мо́лода Добрынюшку Никитича,
— Въ третьихъ Михайлу По́тыка Иванова,
— А трехъ русскихъ могучихъ богатырей,
— А не вѣкъ же имъ тамъ животы общѣнивать:
— Не какіе наши жи́воты, сиротскіи. —
А отправились бога́тыри,
А отправились въ Индѣю во богатую
А во ту было въ Корелу во проклятую,
Дюковы́хъ жи́вотовъ общѣнивать.
Сталъ же тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ,

Сталъ же со Чурилушкой поѣзживать.
Въ кажный день Чурилушки да конюшки-ты смѣнныи
Наставляютъ ёму Кіевомъ.
А молодо́й бояринъ Дюкъ Степановичъ
На росы бурка́ да перека́тывать,
Шерсть же на бурки да перемѣнится,
Въ кажный день-то шерсть да на емъ смѣнная.
Одѣвае въ кажный день-то платьица онъ смѣнныи,
Да не то бояринъ и по трижды въ день.
Стали ѣздить со Чурилой было Плёнковымъ
А гулять да во чисто́мъ поли.
А пошли туды да русьскіи могучіи бога́тыри
А во ту было Индѣю во богатую
Его жи́вотовъ общѣнивать,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Молодой Добрынюшка Никитинычъ,
Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ.
Коротали тутъ въ дорогѣ да три мѣсяца,
А подходятъ подъ Индѣю подъ богатую,
А подъ ту было Корелушку проклятую.
Усмотрѣли тутъ Индѣю да богатую,
Усмотрѣли тутъ Корелу да проклятую.
Вся Индѣя что ли насъ да перепаласи,
Вся Индѣя вдругъ да загорѣласи?
А подходятъ подъ Индѣю подъ богатую,
А подходятъ подъ Корелу подъ проклятую,
Думали Индѣя перепаласи,
Лжно ихъ Индѣя не спугаласи,
Вся Индѣя тутъ стоитъ да у нихъ въ золоти,
А й полаты тутъ у нихъ да бѣлокаменны,
Столбики у нихъ были точеныи,
Крышки-ты у нихъ да золоченыи.
Выходятъ тутъ оны да сре́ди города
А къ той было Мамельфы Тимофеевной

Къ ей же нунь полатамъ бѣлокаменнымъ.
Тутъ идутъ же отъ обѣдни жены старо-ма́теры.
«Ужъ вы здравствуйте артель да жоны старо-ма́теры!»
Отвѣчаютъ имъ же жоны старо-ма́теры:
— Вы откуда добры молодцы?—
Отвѣчаютъ имъ удалы добры молодцы,
Святорусьскіи бога́тыри:
«Есть мы города нунь Кіева
«А й отъ ласковаго князя отъ Владиміра,
«А й общѣнщички же Дюковымъ жи́вотамъ.
«Мы пришли общѣнивать да Дюковыихъ жи́вотовъ.
«Есть ли этта Дюковая матушка?»
— Нѣту этта Дюковыи матушки,
— Этта Дюковы коровници. —
А приходитъ тутъ артель да ихъ же дру́гая:
«Здравствуйте вы, жоны старо-ма́теры!
«Есть ли этта Дюковая матушка?»
Отвѣчаютъ тутъ же жоны старо-ма́теры:
«Нѣту этта Дюковыи матушки,
«Этта Дюковы да портомойници».
А идётъ же тутъ артель да было третьяя:
— Здравствуйте вы, жоны старо-ма́теры!
— Есть ли этта Дюковая матушка?—
«Нѣту этта Дюковыи матушки,
«Этта Дюковы постельници».
А идётъ же тутъ артель четвертая:
— Здравствуйте вы, жоны старо-ма́теры!
— Есть ли этта Дюковая матушка?—
«Нѣту этта Дюковыи матушки,
«Этта Дюковы колачници».
А идётъ же тутъ артель да пятая:
— Здравствуйте вы, жоны старо-ма́теры!
— Есть ли этта Дюковая матушка?—
«Нѣту этта Дюковыи матушки,

«Этта Дюковы да горничны».
А идётъ же тутъ артель да шóстая,
Тутъ идетъ женá да старо-мáтера,
Вся она идетъ да было въ золоти:
— Здравствуйте вы жоны старо-мáтеры!
— Есть ли этта Дюковая матушка? —
Говорятъ тутъ, жоны старо-мáтеры:
«Есть же этта Дюковая матушка».
Тутъ выходитъ Дюковая матушка,
А честнá вдова Мамельфа Тимофеевна:
— А вы здравствуйте, удалы добры молодцы!
— Вы коéй земли, коéй орды,
— Какъ васъ именёмъ зовутъ,
— Какъ васъ нарекаютъ по отечеству? —
«Есть же мы тутъ города-е Кіева
«А й отъ ласковаго князя отъ Владимíра,
«Посланы у Дюка у Степанова
«Своихъ жúвотовъ общѣнивать.
«Я есть старын казакъ да Илья Муромецъ,
«Другой мóлодой Добрыня сынъ Никитинычъ,
«Въ третьихъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
«А й удалы добры молодцы,
«Святорусьскiи богáтыри».
— Ужъ ты старын казакъ да Илья Муромецъ,
— Ужъ ты молодый Добрынюшка Никитинычъ,
— А Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— А подите къ намъ да хлѣба соли нуньчу кушати,
— Бѣлою лебёдушки порушати.
— Не какiе наши жúвоты, сиротскiи,
— Наши жúвоты бобыльскiи,
— А не долго прóйде животы̀ общѣнивать. —
Отправлялиси богáтыри
А й во ты было полаты бѣлокаменны,
Къ той было Мамельфы Тимофеевной,

Тутъ же хлѣба кушати.
Тутъ приходятъ да во гридни во столовыи,
Крестъ кладутъ да по писа́ному
И поклонъ ведутъ да по учёному,
Бьютъ челомъ да покланяются
На всѣ на четыре стороны,
Ей Мамельфы да въ особину.
Тутъ садилисъ они хлѣба было кушати,
Ей же бѣлою лебёдушки порушати.
А колачикъ съѣли, дру́гаго тутъ хочется,
А по третьеёмъ душа горитъ.
Наѣдалиси они да было до́ сыти,
Напивалиси оны да было до́ пьяна.
Стали тутъ бога́тыри отдохъ держать,
Спали тутъ бога́тыри трои́ сутки.
А по той же по Индѣи по богатоей,
А по той же по Корелы по проклятоей
Потекла рѣка да было съ зо́лотомъ.
Прохватилисъ тутъ же русьскіи могучіи бога́тыри,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Молодой Добрынюшка Никитинычъ,
Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
А пошли тутъ по Индѣюшки погуливать,
Узнавать было Индѣюшки богатыи,
Узнавать было Корелушки проклятыи,
Что обцѣнивать Индѣл-та богатая,
А какіе есть тутъ Дюковыя жи́воты.
А во той было Индѣи во богатыи,
А во той было Корелушки проклятыи
Станы тамъ же мостики дубовыи,
На верёхъ-то у нихъ сукна одинцовыи.
Проходили тутъ бога́тыри
А по той было Индѣи по богатыи,
А узнали тутъ же Дюковыя жи́воты,

Увидали тутъ рѣку да золоченую,
И самы себи оны да испрогóворятъ:
«Какъ намъ этта Дюковыи жи́воты общѣнивать,
«Тутъ же вѣкъ свой намъ скорóтати».
Стали тутъ же общѣнивать да жи́вотовъ,
Да общѣнивали сбрую лошадиную.
Прошло времечки безъ мала да три гóды есть,
И самы себи богáтыри спрогóворятъ:
«Ай же мы да братьица крестовыи!
«А не нужно намъ всихъ животовъ общѣнивать,
«А какъ вси намъ жи́воты общѣнивать
«Такъ намъ вѣкъ же ту́да-ка скорóтати».
Отправляются три русьскіихъ могучіихъ богатыря
А изъ той же изъ Индѣи изъ богатыи,
Да изъ той же изъ Корелы вопъ съ проклятыи
А ко стольнему ко городу ко Кіеву
А й ко ласковому князю ко Владиміру.
Шли въ дорогѣ да три мѣсяца,
А приходя къ городу ко Кіеву
А ко ласковому князю ко Владиміру.
Говорили что ли солнышку Владиміру,
Что ли князю стольнё-кіевску:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Не могли же мы да Дюковыихъ животовъ пріóбщѣнить.
«Общѣнять же тамъ намъ Дюковыи жи́воты,
«Такъ же вѣкъ же тамъ да надо намъ скорóтати».
Тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Ѣздилъ со Чурилушкой по три́ годы,
А по три годы, да по три дни.
А приходитъ имъ было послѣдній день,
Кто у нихъ получше да повыступитъ,
Дру́гому изъ нихъ да голова рубить.
Сегодня день братцы у насъ суботніи,
Завтра у насъ день да воскресеньицо,

А итти-то имъ да ко Божьёй церквы.
Да который-то изъ нихъ лучшѐ повыступитъ,
Дру́гому изъ ихъ да голова рубить.
Тутъ приходятъ да оны да ко заутренки,
А Чурилушко тотъ Пленковичъ
Ставится на крылосо на правое,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Ставится на крылосо на лѣ́вое.
Молодой Чурилушко сынъ Пленковичъ
Сталъ же свою славушку показывать,
Сталъ же онъ тутъ плеточкой поважи́вать,
Онъ отъ пуговки да сталъ было до пуговки,
А й отъ петелки до петелки;
Тутъ отъ пуговки до пуговки
А й пошли враны́, стали прогуркивать,
А й отъ петелки до петелки
Поплыла змѣя, стала просвистывать.
Кіевомъ было Черниговомъ
Вси оны да пріужахнулись,
Вси оны да тутъ же призадумались
А самы ему да испрого́ворятъ:
— Благодарствуешь Чурилушка сынъ Пленковичъ!
— Некуда́ боярину да Дюку да Степанову,
— Некуда́ да лучше нынь повыступить. —
Мо́лодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Онъ повѣ́силъ буйну голову,
Утопилъ онъ очи ясны во кирпиченъ мостъ,
Самъ бояринъ призадумался.
Сталъ же тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ
Сталъ онъ плеточкой поважи́вать,
А й отъ пуговки да онъ до пуговки,
Что ль отъ петелки да онъ до петелки.
А й отъ пуговки было до пуговки
Пошли птицушки пѣ́вучіи,

А й отъ петелки до потелки
Пошли звѣрюшки крыкучіи,
Вдругъ запѣли тыи птицушки пѣвучіи,
Закрычали вдругъ же звѣри вси крыкучіи.
Вси во церквы пали, обмерли.
Говорилъ же тутъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ахъ ты молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Ай уйми-тко ты же птиценекъ пѣвучіихъ,
«Да уйми-тко всихъ же звѣрюшковъ крыкучіихъ,
«Ты оставь-ко намъ людей да хоть на сѝмена».
Отвѣчаетъ тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Не у васъ я хлѣба соли нуньчу кушаю,
— Я не васъ то хочу нуньчу слушати. —
Говорилъ же тутъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ай же отче ты черниговской!
«Ты молись-ко да крестовому нунь дитятки,
«Молоду боярину что ль Дюку да Степанову,
«Унялъ чтобы птиценекъ пѣвучіихъ,
«Чтобы унялъ звѣрюшковъ крыкучіихъ».
Говорилъ же ёму отче да черниговской,
А крестовый его батюшка:
— Ахъ ты молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Ты уйми-тко нуньчу птиценекъ пѣвучіихъ,
— А уйми-тко ты же звѣрюшковъ крыкучіихъ. —
Отвѣчаетъ тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Я у васъ же хлѣба соли нуньчу кушаю,
«Да я васъ же хочу слушати».
Унялъ тутъ же птиценекъ пѣвучіихъ,
Всихъ же унялъ звѣрюшковъ крыкучіихъ.
Говоритъ же тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Кто у насъ получше да повыступилъ?»
Тутъ повѣсилъ да Владиміръ буйну голову,
Утопилъ да очи ясны во кирпиченъ мостъ,

Ничего ему да не отвѣтствуетъ.
Испрогóворитъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Обзадорилъ ты Чурилушка сынъ Пленковичъ!
— Это молодцамъ да намъ съ тобой не пóхвальба,
— А поѣдемъ-ко Чурилушка къ Пучай-рѣки,
— Скочимъ черезъ матушку Пучай-рѣку:
— Кто изъ насъ тутъ лучше да повыступитъ? —
Не хотѣлось бы Чурилушки ѣхать къ матушки Пучай-рѣки,
Его пóхвальба да напередъ зашла.
Поѣзжаетъ тутъ Чурилушка сынъ Пленковичъ
Что ли съ молодымъ бояриномъ
Да со Дюкомъ со Степановымъ
Къ тою матушки Пучай-рѣки.
Пріѣзжаютъ тутъ же къ матушки Пучай-рѣки
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Тотъ же да Чурилушка сынъ Пленковичъ.
Говоритъ ему боярынъ Дюкъ Степановичъ:
«Ай ты мóлодой Чурила сынъ да Пленковичъ!
«Твоя пóхвальба-та напередъ зашла,
«Скочи-ко черезъ матушку Пучай-рѣку
«На своемъ-то на добрóмъ конѣ».
Тотъ же Чурилушка сынъ Пленковичъ
Розсердилъ же тутъ онъ своего добрáго коня,
Скочитъ черезъ матушку Пучай-рѣку,
Осередъ рѣки Чурилушка въ водý пошолъ.
Молодой боярынъ Дюкъ Степановичъ
Онъ приправитъ своего тутъ бурушка
Черезъ матушку Пучай-рѣку.
Съ бережка боярынъ да выскакиватъ,
Къ другóму боярынъ да прискакиватъ,
Поскорешенько назадъ коня да поворачиватъ,
Осередъ рѣки боярынъ да припадываетъ,
Зá волосы онъ Чурилушку захватываетъ,
Да съ воды съ конёмъ выздымливаетъ,

Къ солнышку къ Владиміру притаскиватъ.
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевскои!
— Кто у насъ получше да повыступилъ? —
Говоритъ же тутъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ахъ ты мóлодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Не сруби-тко ты Чурилки буйной головы
«За его теперь поступки неумильніи,
«За его было да ложное-то хвáстанье».
Отвѣчаетъ тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Кабы лучше насъ Чурилушка повыступилъ,
— Мнѣ-ка-ва бы онъ срубилъ да буйну голову.
— А пустъ-ко ти, Чурилушка ты Пленковичъ,
— А не срублена твоя да буйна гóлова
— За твои поступки неумильніи,
— За твое за ложное за хвáстанье.
— Ты княземъ да Владиміромъ упрошенный,
— Кіевскима да черниговскима,
— А й черниговскима бабамы умоленный.
— Ты пе ѣзди-тко нунь съ намы со бурлаками,
— А ты ѣзди-тко нунь въ Кіеви,
— Въ Кіеви въ Чернигови межъ бабамы,
— А вѣкъ же тамъ ты ѣзди пó вѣку! —

Записано тамъ же, 24 іюля.

10.

КНЯЗЬ КАРАМЫШЕВСКІЙ.

Былъ же славный князь да Карамы́шевскóй,
Жилъ онъ покрай матушки Вятлы́ рѣкѝ,
Ѣздилъ онъ по матушки Вятлы́ рѣкѝ,
Прибиралъ же себи мѣсто да любимоё,

А прибралъ себи мѣсто да любимоё
Покрай матушки было Вятлы рѣки;
Далъ за мѣсто онъ пятьсотъ рублей.
Признали тутъ же князи было бóяра
Его мѣсто да любимоё,
Давали тутъ за мѣсто цѣлу тысящу.
И тотъ же князь да Карамышевской
Заводилъ же онъ тутъ да почестный пиръ,
На князей пиръ да онъ на бóяръ пиръ
И на всихъ гостей да званыхъ браныихъ.
Пріѣзжаетъ тутъ Илья да кумъ же тéмныи,
Илья да кумъ же темныи розбойничёкъ,
Со своей было дружинушкой хороброю,
И съ Гришкой нынь съ Олешкой со Баскаковымъ,
На то же на велико пированіё
А на тотъ же на почестный пиръ.
Розсадилъ же было князь да Карамышевской,
Всихъ же розсадилъ по своимъ мѣстамъ,
Вси же ѣли, вси же пили тутъ да кушали,
Его бѣлую лебёдушку тутъ рушали.
А сидитъ Илья да кумъ же тéмныи,
Онъ не ѣстъ, не пьетъ, да самъ не кушаетъ,
Его бѣлою лебёдушки не рушаетъ.
Ходитъ князь Иванъ да Карамышевской
По своимъ было полатамъ бѣлокаменныимъ,
И самъ же князь да испрогóворитъ:
«Ай же ты Илья да кумъ же тéмныи,
«А кумъ же темныи розбойничекъ!
«Ты что не ѣшь, не пьешь, да ты не кушаёшь,
«Моей бѣлою лебёдушки не рушаешь?
«Ѣствы-ты мои теби не пó уму,
«Али питьица мои ти не по разуму?
«Али чарою тебя да нынь пріóбнесли,
«Аль дуракъ-тотъ надъ тобой да насмѣялся ли,

«Али пьяница тебя да нунь пріобозвалъ?»
— Ѣствы-ты твои да были по́ уму,
— Питьица твои былѝ по разуму,
— Чарою меня тамъ не пріобнесли,
— Дуракъ надо мною не смѣялся ли,
— И пьяница меня да не пріобозвалъ. —
Ходитъ было князь да Карамышевской
И по тымъ же по полатамъ бѣлокаменнымъ.
Говорилъ же князь да Карамышевской:
«Твое сердце знать розбойничко,
«На кой день же ты головушки не у́бьешь ли,
«На тотъ же день не мошь ты живъ же быть».
Тутъ мутно е́го око помутилоси,
Розбойническое сердце розгорѣлоси
И съ кровью тутъ глаза да повернулиси,
Повыглянулъ на князя онъ же съ по́длобья.
Говоритъ же тутъ княгиня Карамышевска
Своему же было князю Карамышевску:
— Ай же князь да Карамышевской!
— Ты роздра́жилъ нунь Илью да ку́ма те́мнаго,
— Ку́ма те́мнаго розбойничка.
— Его мутное тутъ око помутилоси,
— А розбойничко тутъ сердце розгорѣлоси,
— А съ по́длобья на васъ да онъ повы́глянулъ. —
Говорилъ же тутъ да князь да Карамышевской:
«Зналъ же я розбойничка роздра́жити,
«Знаю я розбойничка утѣшити»
Шолъ же во глубокій во по́греба,
На мису́ онъ клалъ да красна золота,
А на дру́гу кладыва́е чистаго тутъ се́ребра,
А на третьюю каменьевъ драгоцѣнныихъ.
Тутъ подноситъ онъ Илью́ да ку́му те́мному,
Ку́му те́мному, розбойнику,
Эти честныи да да́рева.

Принимаетъ тутъ Илья да кумъ же темныи
Эти честныи подарочки,
Самъ ему да кланялся:
— Благодарствуешь да князь же Карамышевской
— За твои великіи подарочки.
— Ты не бойся-тко Ильи да ку́ма те́мнаго,
— Ку́ма те́мнаго розбойника,
— Со дружинушкой меня да со хороброю,
— Съ Гришкой нунь съ Олешкой со Баскаковымъ.
— Бойся-тко ты ноченьки нунь те́мныи,
— Темныи ты ноченьки осеннiи. —
Князь же Карамышенской зрадуется:
«Я зналъ же нунь розбойника роздра́жити,
Я умѣлъ же нунь розбойника утѣшити»
Съ той же со великою со радости,
Что утѣшилъ онъ да кунечку розбойника,
А того же нунь Илью да кума те́мнаго,
Тутъ до́пьяна же князь да напивается,
И до́сыта же князь да наѣдается,
И самъ же тутъ же князь да поросхвастался
Своимъ тутъ мѣстомъ да любимыимъ:
«Я ѣздилъ нунь по матушки Вятлы́ рѣки,
«Прибиралъ же себи мѣсто я любимоё,
«Далъ же я за мѣсто нунь пятьсотъ рублёвъ,
«Князи же бояра мни давали цѣлу тысящу,
«Я не продалъ нунь да мѣста да любимаго».
Вси тутъ на пиру да наѣдалися,
Вси же на честномъ да напивалися,
Вси со пи́ру по домамъ да розбиралися.
Тутъ уѣхалъ да Илья же кумъ да те́мныи,
А Илья же кумъ да темныи розбойничекъ,
Со своей было дружиной со хороброю.
Дожидается онъ ноченьки тутъ темныи,
Хоть бы темныи тутъ ноченьки осеннiи,

И дождался тутъ онъ ноченьки да темныи,
Хоть бы темныи тутъ ноченьки осеннiи.
Говорилъ же онъ дружинушки хороброю:
«Ай вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы,
«Ай же вы дружинушка хоробрая!
«А поѣдемте-тко къ князю Карамышинску,
«Подъ его было подъ мѣсто подъ любимое».
Собиралиси тутъ Гришка да Олешка нунь Баскаковы
Съ тымъ же нунь Ильёй да кумомъ тёмнымъ,
Кумомъ темнымъ розбойникомъ.
Садились они въ лодочку коломенку,
Поѣзжали тутъ по матушки Вятлы́ рѣки,
Подъѣзжали тутъ подъ мѣсто подъ любимоё.
Прогряну́ла было лодочка коломенка
Да проскры́пали веселышка яровчаты
А подъ то бы́ло село да подъ любимое,
Подъ того ли было князя Карамышенска.
Говорила тутъ княгиня Карамышенска:
— Ай же князь Иванъ да Карамышенской!
— А подъ нашеё село любимое
— Прогряну́ла было лодочка коломенка
— А проскрыпнули веселышка яровчаты,
— Тутъ подъѣхалъ нунь Илья къ намъ кумъ да темныи,
— Кумъ же темныи, розбойничёкъ. —
Говоритъ же было князь тутъ Карамышевской:
«Не напился бы теперечку я допьяна,
«Не боялся бы Ильи да ку́ма тёмнаго.
«Кабы могъ я нунь ходить да на рѣзвы́хъ ногахъ,
«Могъ носить въ рукахъ бы я черливый вязъ,
«Не боялся бы Ильи да ку́ма тёмнаго,
«Кума темнаго розбойника!»
Подъ окномъ же тутъ Илья все да повыслухалъ,
Говорилъ же Гришки нунь Олешкѣ да Баскаковымъ:
— Вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы!

— Берите-тко конецъ бревна да слягу бѣлую,
— И выставьте-тко двери вонъ со липиньёмъ.—
Тутъ Гришка да Олешка нунь Баскаковы
Брали тутъ конецъ бревна да слягу бѣлую,
Ударили тутъ въ двери да со липиньёмъ
И выставили двери съ ободвереньей.
Приходитъ тутъ Илья же кумъ да темныи,
Кумъ же темныи, розбойничёкъ,
Приходитъ тутъ въ полаты бѣлокаменны,
Говоритъ же тутъ Илья да кумъ же темныи,
Кумъ же темныи, розбойничёкъ:
«Вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы!
«Вы берите-тко копье да бурзамецкое,
«Вы сколите-тко нунь князя Карамышенска,
«А во той было во ложни да во тёплыи».
Говорили тутъ же Гришка да Олешка нунь Баскаковы:
— Ай не носятъ насъ да ножки рѣзвыи,
— А не здынутся да ручки нашн бѣлыи,
— Что сколоть же нунь намъ князя Карамышенска
— А во той было во теплыи во ложеньки.
— Мы ѣли, пили, тутъ же кушали,
— Его бѣлую лебедушку тутъ рушали,
— Мы приняли да честныи подарочки,
— Не можемъ мы сколоть нунь князя Карамышенска. —
Его мутное тутъ око помутилоси,
А розбойницкое сердце розгорѣлоси.
Какъ тяпне онъ копье да бурзамецкое,
И скололъ же тутъ онъ князя Карамышенска
А во той было во ложни да во тёплыи.
Говорилъ же тутъ Илья да кумъ же тёмныи,
Кумъ же темныи, розбойничёкъ:
«Ай вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы!
«Вы сколите-тко княгиню нунь за люлечкой».
Отвѣчаютъ Гришка да Олешка нунь Баскаковы:

— Ай не носятъ насъ да ножки рѣзвыи,
— А не здынутся да ручки наши бѣлыи
— Да сколоть же намъ княгину да за люлечкой!
— Она мужа тутъ да не учила ли[1])
— Что роздражить Илью кума темнаго. —
Его мутное тутъ око помутилоси,
А розбойницкое сердце розгорѣлоси,
И скололъ же онъ княгину да за люлечкой.
«Ай вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы!
«Вы возьмите-тко младенчика изъ люлечки,
«Рвите-тко младенчика да на двое».
Гришка тутъ Олешка да Баскаковы
Отвѣчали тутъ Ильи да куму темному:
— Ай не носятъ насъ да ножки рѣзвыи,
— А не здынутся да ручки наши бѣлыи,
— Что его нунь душенка безвинная,
— Не училъ же онъ да отца матери! —
Мутное тутъ око помутилоси,
Хоть розбойницко же сердце розгорѣлоси,
Выхватилъ младенчика изъ люлечки,
На ногу ступилъ, за другую да дернулъ ли,
На двое младенчика порозорвалъ.
Тутъ пограбилъ онъ же князя Карамышинска,
Сожгалъ тутъ же мѣсто да любимое,
И уѣхалъ тутъ Илья да кумъ же темныи
Со своей было дружинушкой хороброю.
Съѣхалъ тутъ Илья да въ свой же домъ
Со своей было дружинушкой хороброю.
Мутно его око тутъ же мутится,
Розбойническое сердце роздѣляется:
Ѣхать мнѣ ко городу ко Кіеву

---

1) Ли не имѣетъ здѣсь смысла вопросительнаго, а напротивъ, утвердительный, вмѣсто: не учила вѣдь.

А й ко ласковому князю ко Владиміру,
А й убить же тамъ Василья сына Карамышинска.
Собралъ онъ дружины сорокъ тысячей,
Самъ розбойничекъ поѣхалъ да посланникомъ
А й ко солнышку къ Владиміру,
А й ко князю стольнё-кіевску.
Пріѣзжае со дружинушкой хороброю,
Половину оставляе во чистóмъ поли,
А съ другою пріѣзжае въ Кіевъ градъ.
Проситъ у Владиміра да войска безпощаднаго,
Онъ большаго проситъ кроволитія [1]).
Убоялся нашъ Владиміръ стольнё-кіевской
Тутъ Ильи да кума темнаго розбойника,
Онъ просилъ къ себѣ во гридни во столовыи,
Во великое себѣ-ка во гостёбищо.
Пожелалъ же тутъ Илья да кумъ же тёмныи,
Кумъ же темныи, розбойничёкъ,
Что ли къ солнышку къ Владиміру,
Что ль ко князю стольнё-кіевску,
А во ты ли въ гридни во столовыи
Во великое гостёбищё
Со своей дружинушкой хороброю,
Съ Гришкой со Олешкой со Баскаковымъ.
Тутъ солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
Ставилъ онъ же столики дубовыи
И угащивалъ великимъ гостебищемъ,
А садилъ Илью на мѣсто да на первое,
А садилъ во мѣсто да во бóльшее.
Да разнощикъ былъ Василій да Ивановичъ,
Что ль любимыи его племя́нничокъ,
Племянничокъ да й крестничокъ,

---

1) По объясненію пѣвца, это значитъ, что онъ объявитъ Владиміру войну.

Того князя Карамышевска его-то ро́дной сынъ.
Розносилъ онъ чару зелена вина
На томъ ли на великоемъ гостебищѣ.
Перву чару нёсъ онъ, не́ донесъ,
А другую нёсъ же, пе́ренесъ,
А третьей чары Ильи не́ подалъ,
А и не́ подалъ розбойничку.
Мутно его око помутилоси,
А розбойничко тутъ сердце загорѣлоси,
Съ кровью тутъ глаза да повернулиси,
Съ по́длобья да онъ повы́глянулъ
На того было Василья на Иванова.
Самъ же тутъ Илья да испрого́воритъ:
«Ай ты солнышко Владимі́ръ стольнё-кіевской!
«И какой у тя поставленъ да рознощичокъ,
«Перву чару нёсъ да къ намъ же не́ донесъ,
«А другу чару нёсъ да насъ онъ пе́ренесъ,
«И третьею-то чары намъ же не́ подалъ?
«А заводитъ онъ же бой драку́ великую,
«А большое онъ же съ вами кроволитіе».
Говорилъ же тутъ Владимі́ръ стольнё-кіевской:
— Ай же ты любимыи племяшничокъ,
— Ай Василей да Ивановичъ,
— Ты крестовое мое да было дитятко!
— А зачѣмъ же ты роздра́жилъ нунь Илью да ку́ма те́мнаго,
— Кума темнаго розбойника?
— За твои по́стушки неумильіи
— Прикажу ти голову́ рубить! —
Тяжеле́шенько тутъ онъ да порсплакался:
«Ахъ ты солнышко Владимі́ръ стольнё-кіевской,
«Ты родитель мой же дѣдушка,
«Да крестовый мой же батюшко!
«Ты не носятъ да меня же ножки рѣзвыи,
«Да не здынутся мои же ручки бѣлыи

«Подать чары зелена вина.
«А й убилъ же онъ родителя нунь батюшка,
«Что ли князя Карамышенска,
«Твоего ли зятя да любимаго,
«А во той было во ложни да во тёплыи,
«А мою было родитель тутъ же матушку
«А твою было сестрицу да родимую,
«А скололъ же онъ за люлечкой,
«Моего же было братца да родимаго
«А и вьюноша тутъ малаго,
«А онъ выдернулъ изъ люлечки,
«На ногу ступилъ, за дру́гую тутъ дернулъ ли,
«И на двоё его порозорвалъ!
«И видѣлъ бы Илью да я на ножики,
«А не то же поднести да ёму чару зелена вина,
«А тому Ильѣ да куму тёмному,
«Куму темному, розбойнику!»
Говоритъ ему Владимiръ стольнё-кіевской:
— Ай же ты крестово мое дитятко,
— Ай Василей да Ивановичъ!
— Буде мошь отлить ты кровь родительску,
— Буде мошь ты съ нимъ да нунь поправиться,
— Ты убей-ко нунь Илью да кума тёмнаго,
— Кума темнаго, розбойника. —
Мутно е́го око помутилоси,
Богатырско сердце загорѣлоси,
Подскочилъ къ столамъ да онъ дубовымъ,
Какъ ухватитъ онъ Илью да за желты кудри,
Здынетъ тутъ Илью да выше го́ловы,
Топнулъ онъ Илью да о кирпиченъ мостъ,
Повернулись тутъ глаза да вонъ косицами.
Какъ ухватитъ онъ его да тутъ же за ноги,
Взялъ же онъ розбойникомъ помахивать.
Выскочилъ Василей да на ши́рокъ дворъ,

Добирается до оси до телѣжныи,
До телѣжныи до оси до желѣзныи,
А таи́-то ёму мѣра по плечу пришла.
Взялъ же по той силушки помахивать,
Вся же сила тутъ его да розбѣжаласи,
Малыи да розбѣжалиси,
Старыи тутъ ростулялиси,
Вся та силушка назадъ ушла,
Вся же сила по своимъ мѣстамъ.
Забирается во гридни во столовыи
Что ль ко солнышку ко князю ко Владиміру.
— Благодарствуи́ ты любимыи племянничокъ,
— Ты племянничокъ да крестничокъ,
— Да Василей ты Ивановичъ!
— Отпилъ ты ему да кровь родительску
— Да тому было розбойничку,
— Да тому Ильи да ку́му тёмному. —

Записано тамъ же, 22 іюля.

11.

РАХТА РАГНОЗЕРСКІЙ [1]).

Проѣзжалъ борецъ было невѣрныи,
Много городовъ прошолъ,

---

1) Рагнозеромъ называются небольшое озеро и деревушка къ юго-востоку отъ Пудожской горы, къ юго-западу отъ Водлозера; на картѣ неправильно написано Рангозеро. Говорятъ, будто тамъ еще существуетъ преданіе, что въ этой деревнѣ нѣкогда жилъ знаменитый борецъ. Когда Калининъ пропѣлъ эту былину, бывшій тутъ кижскій крестьянинъ В. Я. Мореходовъ сказалъ мнѣ, что онъ слыхалъ ее, когда былъ мальчикомъ лѣтъ 12-ти (т. е. лѣтъ 30 тому назадъ), отъ старика, который приходилъ къ нимъ въ домъ, что онъ помнитъ, что старикъ этотъ московскаго князя называлъ Василіемъ, но какъ по отечеству не можетъ припомнить, и что Калининъ пропустилъ одну памятную ему подробность, именно, что Рахтѣ, прежде чѣмъ вести его на единоборство, завязали глаза.

Много онъ борьцóвъ пóвáлилъ,
Иныихъ онъ до смéрти убилъ.
Пріѣзжае онъ въ Москву да бѣлокаменну,
Самъ же князю похваляется:
«Ай же князь ты московскій!
«Дай мнѣ нуньчу поединщичка.
«Ты не дáдешь намъ да поединщичка,
«Я вашею Москву да всю огнёмъ прижгу».
Много находилоси младыхъ борьцовъ,
А никто не можетъ съ нимъ да супротивиться,
А й борецъ противъ его да не находится.
Изъ той же изъ-подъ сѣверной сторонушки
А стоятъ же мужики да балахонники,
А й самы́ оны да испрогóворятъ:
— Кабы нашъ-то же да Рахта рагнозерскій,
— Этого борьца онъ бы нунь въ кучку склалъ! —
Подходитъ человѣкъ да незнакомыи,
У тыхъ же мужиковъ онъ да спрашиватъ:
«Вы откуда мужички да балахонники,
«А какой же у́ васъ Рахта рагнозерскій?»
Отвѣчали мужики да балахонники:
— Нашъ бы Рахта рагнозерскій
— Этого борьца да онъ бы въ кучку склалъ. —
Подхватили мужиковъ да балахонниковъ
А держали ихъ-то въ крѣпости,
Отправляли тутъ скорá гонца
Въ ту деревню Рагнозерскую,
За тѣмъ Рахтой рагнозерскімъ.
Пріѣзжаетъ тутъ гонецъ было московскій
Въ ту деревню Рагнозерскую.
Не случилось было Рахты дома ли,
При тоёмъ гонци да при московскоемъ,
Находился Рахта въ лисяхъ е.
Спрашиватъ гонецъ было московскій:

«Этта ль есть да Рахта рагнозерскіи?»
Отвѣчаетъ тутъ ему да было женщина:
— Тутъ живетъ же Рахта рагнозерскіи.
— Ты откудова удалый добрый молодецъ?
«Я изъ той Москвы да бѣлокаменной,
«Тотъ гонецъ да было скорыи
«А за тѣмъ было за Рахтой рагнозерскіимъ.
«Требуе тутъ было князь московскіи
«Съ тымъ борьцемъ да поборотися,
«А съ невѣрныимъ поратиться».
Отвѣчаетъ ёму женщина:
— Ай же ты гонецъ было московскіи!
— Какъ изъ лѣсу прйде Рахта рагнозерскіи,
— Не серди ты-тко его голоднаго,
— А й голоднаго ёго да холоднаго.
— Дай ему волю хлѣба нунь покушати,
— А тожно [1]) ты его да нуньчу спрашивай. —
Тутъ приходитъ съ лѣсу Рахта рагнозерскіи.
Зготовляетъ обѣдъ да ёму женщина,
Онъ же сѣлъ тутъ хлѣба кушати,
А поѣлъ же тутъ нунь Рахта рагнозерскіи.
Ты ставае да гонецъ было московскіи
А й ему же тутъ нунь поклоняется:
«Ты есть нуньчу Рахта рагнозерскіи?
«Требуетъ тя князь нуньчу̀ московскіи
«Съ тымъ борьцёмъ да поборотиться,
«Что ль съ невѣрныимъ да попытатися».
— Отправляйся-ко, гонецъ да ты московскіи,
— Нунь въ Москву свою да бѣлокаменну.
— Я послушаю нунь князя да московскаго
— А прибуду я въ Москву да на бореніе,
— Да прибуду нунь попрежде васъ.

---

1) Тогда.

— А прибуду буде раньше васъ,
— Гди искать мнѣ князя да мовсковскаго? —
«Ты прибудешь нунь въ Москву да бѣлокаменну,
«Спросишь же ты князя тамъ московскаго,
«Тамъ тебѣ-ка-ва покажутъ ли».
А й гонецъ въ Москву да отправляется;
Рахта тутъ на лыжи было ставится,
Что ли Рахта тутъ въ Москву да отправляется,
Да попрежде тутъ гонца въ Москву онъ ставится.
Отыскалъ же тутъ онъ князя, да московскаго,
А кормили тутъ его да было досыти,
А поили тутъ его да было допьяна.
Тотъ гонецъ въ Москву было прискакивалъ,
А про Рахту онъ у князя было спрашивалъ.
Отвѣчае тутъ да князь было московскій:
— Здѣсь-ко Рахта что ль въ Москвы да объявляется,
— Именемъ своимъ да Рахта называется. —
Говоритъ гонецъ было московскій
Что ли князю да московскому:
«Ты держи-тко ёго сутки да голоднаго,
«Тожно ты спусти къ борьцу да на бореніё
«А къ невѣрному на показаніё».
Выдержали сутки да голоднаго
А спустили тутъ его да на бореніё.
Говоритъ тутъ Рахта рагнозерскій:
— Я бороться князь да нунечу не знаю ли,
— Я поратиться съ борьцомъ да не умѣю ли,
— Да привычка нунь у насъ да была женская. —
Какъ ухватитъ онъ борьца за плечи ли
Да топнетъ тутъ борьца да о кирпичень мостъ,
Сбилъ его всего да въ кучку вдругъ.
«Ай же ты да Рахта рагнозерскій!
«Чимъ тебя да нунечу пожертвовать?»
— Ничего мнѣ князь не надобно.

— Дай-ко мнѣ-ка бласловеньицо,
— Что ль на нашемъ было на озерушкѣ
— Не ловили да мелкою тамъ рыбушки
— А безъ нашего да дозволеньица. —
Далъ ему да князь было московскій,
Далъ ему да князь тутъ дозволеньицо,
Чтобъ не ловили безъ его благословленьица.

Записано на Мариволокѣ, 26 іюля.

12.

НАѢЗДЪ ЛИТОВЦЕВЪ.

(См. Рыбникова, т. IV, 17).

У того же короля да Политовскаго
Пированьицо было на третій день.
Вси же на пиру да напивалися,
Вси же на честнóемъ наѣдалися,
Вси же на пиру да поросхвастались.
Сидятъ на пиру два малыихъ два Витвичка,
Два тыихъ поганыихъ татарина,
Два тыихъ любимыихъ племянничка,
Не ѣдятъ они, не пьютъ было, не кушаютъ,
Его бѣлою лебёдушки не рушаютъ.
Ходитъ старый да ихъ же дядюшка,
Тотъ же нунь король да Политовскій,
Политовскій король да земли Польскій.
«Что же вы два малыихъ два Витвичка,
«Два тыихъ любимыихъ племянничка,
«Вы не ѣли нунь, не пили, да не купали,
«Моей бѣлою лебёдушки не рушали?
«Ѣствы-ты ли вамъ нуньчу не пó уму,
«Али питьица-ты вамъ да не по разуму,

«Али думаете думушку вы крѣпкую,
«Али крѣпкую вы думу заединую?»
Отвѣчали тутъ любимыи племяннички,
Тыи нунь поганыи татарова,
А любезному тутъ дядюшки,
Старому же королю да Политовскому:
— Политовскiи король да земли Польскiи!
— Думаемъ мы думушку нунь крѣпкую,
— Крѣпкую мы думу заединую,
— Ѣхать намъ во матушку во каменну́ Москву,
— Въ каменну́ Москву да въ Золоту орду. —
Говоритъ же имъ тутъ старыи нунь дядюшка,
Тотъ же нунь король да Политовскiи,
Политовскiи король да земли Польскiи:
«Ай вы два тыихъ два малыихъ два Витвичка,
«Два тыихъ любимыихъ племянничка!
«Вы не ѣдьте-тко да въ каменну́ Москву,
«Въ каменну́ю-ту Москву да въ Золоту орду.
«Я колько́ ни нунь туды-ка-ва да ѣзживалъ,
«А во цѣлости назадъ да не пріѣзживалъ.
«Силушку свою да поростратарю *(такъ)*,
«Самъ же я король да на уходъ уйду.
«Ай совѣтуетъ вамъ старыи нунь дядюшка,
«Политовскiи король да земли Польскiи:
«Поѣзжайте-тко въ Индѣю во богатую,
«А во ту Корелушку проклятую,
«Розорите тамъ Индѣюшку богатую,
«Розорите всю Корелу тамъ проклятую».
Два тыихъ два малыихъ два Витвичка,
Два тыихъ любимыихъ племянничка,
Два тыихъ поганыихъ татарина
А послухали тутъ дядюшки да стараго,
Стараго тутъ дядюшки матераго,
А того же короля да Политовскаго.

А поѣхали они да во Индѣюшку,
А въ ту было Индѣю во богатую,
А въ ту было Корелу во проклятую.
Подъѣзжали тутъ оны да подъ Индѣюшку,
А подъ ту было Индѣю подъ богатую,
А подъ ту было Корелу подъ проклятую.
Розорили тутъ Индѣю всю богатую,
Розорили всю Корелушку проклятую,
Изъ конца они въ конецъ да съ головнёй прошли.
А приходя ко кресту да Леванидову,
Стали тутъ татара опочивъ держать,
И самы́ себѣ да испрогово́рятъ:
— Ай же этымъ намъ разомъ да поладилось,
— А поѣдемъ-ка мы братцы въ каменну́ Москву,
— Въ каменну́ Москву да въ Золоту орду! —
Пріѣзжали тутъ они да въ каменну́ Москву,
Въ каменну́ю-ту Москву да въ Золоту орду.
Розорили тутъ они да каменну́ Москву,
Каменну́ Москву да Золоту орду,
Первое они тутъ сёло Ярославское,
Дру́гое тутъ сёло Переславское,
Третъее-то сёло Косы-Улицы [1]).
Стали тутъ татара опочивъ держать,
Стали тутъ татара хлѣба кушати.
А на той было на горочки на Вшивыи
Старыи Никитушка Романовичъ
А провѣдалъ тутъ же онъ побѣду́шку [2]):
Розорили тутъ они да каменну́ Москву,
Первое-то сёло Ярославское,
Дру́гое-то сёло Переславское,

---

1) По объясненію пѣвца, эти три села составляли первоначально Москву, а послѣ описываемаго здѣсь разгрома она стала строиться городомъ.

2) Т. е. бѣду.

Третье розорили сёло Косы-Улицы.
Сталъ онъ тутъ могучима плечами поворачивать,
Самъ себи Микита испрогóворитъ:
«Ахъ ты молодость ты молодецкая!
«Улетѣла моя молодость въ чистó поле,
«Во чистó поле да яснымъ соколомъ,
«Прилетѣла ко мнѣ старость со чистá поля,
«Со чистá поля да чернымъ ворономъ,
«А садилась за плеча да богатырскіи!»
Тутъ же взялъ онъ по полатамъ-то похаживать,
Своей силушки [1]) Микитушка наказывать:
«Ай ты, силушка моя было безсмѣтная,
«А безсмѣтная ты силушка, безсмертная!
«Улечу же нуньчу я въ чистó поле,
«Во чистó поле да чернымъ ворономъ».
Обвернулся тутъ Микита чернымъ ворономъ,
Улетѣлъ же тутъ Микита во чистó поле.
Вся же сила у татаръ да спать порóзлегла.
Обвернулся тутъ Микитушка сѣры́мъ волкомъ,
А конюшокъ-то всѣхъ у нихъ повыдавилъ.
Обвернулся тутъ Микита добрымъ молодцомъ,
Вси замочики въ оружьицахъ повыщербилъ,
Сабелки у нихъ да вси повытупилъ,
Тесачики у нихъ да вси повыломалъ.
Обвернулся онъ да горносталышкомъ
А приходитъ во полаты бѣлокаменны
Ко своей было любимоей племянничкѣ,
Къ той было Авдотьѣ ко Ивановной.
А сидитъ его племянничка за люлечкой,
Молода Авдотья да Ивановна.
— Бай люли́ дѣтищо да великоё!
— Кабы вѣдалъ ты, любимыи нашъ дядюшка,

---

1) *Сила* здѣсь въ смыслѣ войска.

— Старыи Микитушка Романовичъ,
— Моего бы нуньчу мужа не потре́били
— А меня бы нунь младой не обезчестили! —
Ходитъ тутъ младенчикъ трехъ годовъ,
Самъ младенчикъ испрого́воритъ:
«А родитель моя матушка,
«Мо́лода Авдотья да Ивановна!
«Нашъ-то старыи тутъ дядюшка,
«Что Микитушка Романовичъ,
«А въ избушкѣ онъ у насъ нунь горносталушкомъ».
Тымъ же двумъ нунь малыимъ двумъ Витячкамъ,
Тымъ же двумъ поганыимъ татаровамъ
Недосугъ же имъ было-то хлѣба кушати.
А скочили тутъ татара на рѣзвы́ ноги,
Тяпнули тутъ шубку соболиную
А накинули они на горносталушка.
Горносталь же былъ тотъ по́вертокъ,
Да въ рукавъ-то горносталь да вонъ выскакивалъ,
Что ль въ окошечко да вонъ вымахивалъ.
Обвернулся онъ да чернымъ ворономъ,
Улетѣлъ же онъ да во чисто́ поле
А заграялъ онъ же чернымъ ворономъ,
Стала тутъ Микитина да силушка коней сѣдлать.
Дру́гой разъ заграялъ чернымъ ворономъ,
Силушка тутъ да поѣхала.
Третій разъ заграялъ чернымъ ворономъ,
Вся Микитина тутъ силушка при е́мъ стала.
Тыхъ два тыихъ два малыихъ два Витячка,
Два тыихъ поганыихъ татарина
Тутъ броси́лися они да за оружьица,
Тутъ въ оружьицахъ замочики повы́щерблены.
А броси́лися они было за сабелки,
Сабелки у нихъ да вси повы́туплены.
А броси́лися они да за тесачики,

[illegible] у нихъ да нунь повы́ломаны.
А [illegible] да за добры́хъ коней,
[illegible] у нихъ да вси задавлены.
[illegible] было поганымъ татаровамъ.
[illegible] тутъ же силушка на кругъ же ихъ
А того было Микитушки Романова.
[illegible] Микитушка Романовичь
[illegible] же ихъ поганыихъ татаровей,
А [illegible] же онъ великій плѣнъ,
[illegible] же силу всю татарскую,
[illegible] же двухъ поганыихъ татариновъ.
[illegible] да глаза выкопалъ,
[illegible] по колѣнамъ ноги вырубилъ
А [illegible] брату кошелемъ [1]) его:
[illegible] его за плéчамы,
[illegible] дорогу да показывай.
[illegible] къ старому да дядюшкѣ,
[illegible] да Политовскому,
[illegible] къ дядюшки да хвастайте:
[illegible] каменну́ Москву,
[illegible] Москву да Золоту орду,
[illegible] Ярославское,
[illegible] Переславское,
[illegible] Косы-Улицы, —
[illegible] къ дядюшки да хвастайте!».

[illegible]

[illegible]

13.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

А й когда-жде *(такъ)* возсіяло солнце красное
А на томъ было на нёбушкѣ на ясноемъ,
Какъ въ ты́ пору теперичку
Воцарился нашъ прегрозный царь,
Нашъ прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ.
Онъ повывелъ тутъ измѣну изъ Казань-града,
Онъ повывелъ тутъ измѣну изъ Рязань-града,
Онъ повывелъ-то измѣнушку изо́ Пскова,
А й повынесъ онъ царенье изъ Царя-града,
А царя-то Перфила онъ подъ мечъ склонилъ,
А царицы-то Елены голову́ срубилъ,
Царскую перфилу на себя одѣлъ,
Царскій костыль да себи въ руки взялъ.
Заводилъ же онъ почестный пиръ,
А на князей пиръ, на бо́яръ пиръ
А на всихъ гостей да званыхъ братыихъ.
Вси же на пиру да напивалиси,
Вси же на пиру да поросхвастались.
Поросхвастался прегрозный царь,
Нашъ прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ:
«Я повывелъ тутъ измѣну изъ Казань-града,
«Я повывелъ тутъ измѣну изъ Рязань-града,
«Я повывелъ-то измѣнушку изо́ Пскова,
«А й повынесъ я царенье изъ Царя-града,
«А царя-то Перфила я подъ мечъ склонилъ,
«А царицы-то Елены голову́ срубилъ,
«Царскую перфилу на себя одѣлъ,
«Царскій костыль да себи въ руки взялъ.
«Я повывелъ нунь измѣну съ Новгородчины,
«Я повыведу измѣну съ каменно́й Москвы».
Ходитъ тутъ Иванушко царе́вичъ го́су́да́рь,

Самъ же испрогóворитъ:
— Ай прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ!
— Не повывести измѣны съ каменнóй Москвы.
— За однымъ столомъ измѣна хлѣба кушаетъ,
— Платьица-ты носитъ одноцвѣтныи
— А сапожки-ты на ножкахъ одноличныи. —
Мутно éго око помутилоси,
Царско его сердце загорѣлоси.
«Ай же ты Иванушко царéвичъ гóсýдáрь!
«А подай-ко мнѣ измѣнщика да нá очи,
«Я теперичку измѣнщику да головý срублю!»
Ходитъ тутъ Иванушко царéвичъ гóсýдáрь,
Самъ Иванушко да испрогóворитъ:
— Я же глупыимъ да разумомъ промолвился.
— На себя сказать, такъ живу нé бывать,
— А й на братца скáзать — братца жаль,
— А и жаль братцà не тáкъ какъ себя...
— Ай прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ,
— Ай родитель нашъ же батюшко!
— Ты-то ѣхалъ уличкой,
— Иныхъ билъ казнилъ да и́ныхъ вѣшалъ ли,
— Достальни́хъ по тюрьмамъ садилъ.
— Я-то ѣхалъ уличкой,
— Иныхъ билъ казнилъ да и́ныхъ вѣшалъ ли,
— Достальни́хъ по тюрьмамъ садилъ;
— А серёдечкой да ѣхалъ Ѳёдоръ да Ивановичъ,
— Билъ казнилъ да и́ныхъ вѣшалъ ли,
— Достальни́хъ по тюрьмамъ садилъ,
— Напередъ же онъ указы да пóрозсылалъ,
— Чтобы малыи да порозбѣгались,
— Чтобы старыи да ростулялиси...
— А нунечку теперечку
— Вся измѣнушка у насъ да вдругъ повыстала. —
Мутно éго око помутилоси,

Его царско сердце розгорѣлоси.
«Ай же палачи вы немилóсливы!
«Вы возьмите-тко нунь Θёдора Иванова
«За тыѝ за рученьки за бѣлыи,
«За тыѝ перстнѝ да за злаченыи,
«Вы сведите Θёдора да во чистó поле
«На тоѐ болотце да на житное,
«На туѝо на плаху да на липову,
«А срубите Θёдору да буйну голову
«За его поступки неумильнiи».
Сидятъ тутъ палачи да немилóсливы,
Большей тулится за средняго,
Средній тулится за меньшаго,
А й отъ меньшаго-то братцу вѣкъ отвѣту нѣтъ.
Сидитъ маленькій Малютка воръ Шкурлатовъ сынъ:
— Ай прегрозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Много я казнилъ князей князевичевъ,
— Много королей да королевичевъ,
— Нунь да Θёдору я нé спущу. —
Бралъ тутъ Θёдора Иванова
За тыѝ за рученьки за бѣлыи,
За тыѝ перстнѝ да за злаченыи,
Велъ же Θёдора въ чистó поле
На тоѐ болотцо да на житное,
На туѝо на плаху да на липову.
А и Марѳа-та Романовна
Кинулась она въ одной рубашки бéзъ костыща[1])
А въ однихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
А накинула тутъ шубку соболиную,
Черныхъ соболей да шубку во пять сотъ рублей,
А й бѣгомъ бѣжитъ на горочку на Вшивую
Къ тому братцу ко родимому,

---

1) Костычъ — родъ сарафана.

Ко Микитушкѣ Романову.
Прибѣгала тутъ на горочку на Вшивую
Къ тому братцу ко родимому,
Ко Микитушкѣ Романову.
Не спрашивать тутъ у дверей придверничковъ,
У воротъ да приворотничковъ,
А прочь взашѐй она да всихъ отталкивать.
А й придверички да приворотнички
Они вслѣдъ идутъ да жалобу́ творятъ:
«Ай Микитушка Романовичъ!
«Да твоя-то есть сестрица да родимая,
«Что ли Марѳа-та Романовна,
«А й бѣжитъ она не въ по́крути,
«Надъ тобой она да надсмѣхается,
«Всихъ же насъ да взáшей прочь отталкивать».
Говоритъ же тутъ Никитушка Романовичъ:
— Что же ты, сестрица да родимая,
— Что бѣжишь, надъ нами надсмѣхаешься,
— Нашихъ взáшей прочь отталкиваешь? —
Тяжелешенько она да поросплакалась
А Микитушки Романову розжалилась.
«Ай ты братецъ ты родимыи
«Да Никитушка Романовичъ!
«Я ли надъ тобой да надсмѣхаюся,
«Али ты же надо мной да надсмѣхаешься,
«Али надъ собой незгодушки великiя не вѣдаешь,
«Али надъ собой да нунѣ на́до мной,
«Надъ сестрицей да родимою?
«Твоего-то племничка,
«Племничка да крестника,
«Али Ѳёдора Иванова,
«Увели его да во чисто́ поле
«На тоѐ болотце да на житное,
«На тую на плаху да на липову,

«Срубить Ѳёдору да буйну голову
«За него поступки неумильніи».
Старыи Никита да Романовичъ
Бросилъ онъ кафтанъ да на одно плечо,
Кинулъ шляпу на одно ухо,
Тяпнулъ въ руки саблю вострую,
Онъ садился на коня да не на сѣдлана,
Не на сѣдлана коня да не на уздана,
Онъ садился на коня однимъ стегномъ.
Городомъ-то ѣде голосо́мъ крычитъ,
Голосо́мъ крычитъ да самъ шляпо́й машетъ:
— Ахъ ты маленькой Малютка воръ Шкурлатовъ сынъ!
— Не клони-тко нунь же Ѳёдора Иванова
— На ту было на плаху да на липову,
— Не руби-тко Ѳёдору да буйной го́ловы
— За его поступки неумильніи.
— Срубишь же ты Ѳёдору да буйну голову,
— Не тотъ же ку́сокъ съѣшь а самъ подавишься,
— Не тотъ же сто́кашъ выпьешь самъ заклёкнешься! —
А не спрашиватъ Малютка воръ Шкурлатовъ сынъ,
Клонитъ Ѳёдора Иванова.
А скрычалъ же тутъ Микитушка Романовичъ:
— Ай ты Ѳёдоръ да Ивановичъ!
— Не клони-тко своей буйныи ты го́ловы,
— Царскій родъ на казени не ка́знится. —
А не сталъ же Ѳёдоръ да сдаватися,
А не сталъ клонить своей да буйной го́ловы
А на тую онъ на плаху да на липову.
А розъѣхался Микитушка Романовичъ
А къ тому же палачу да немило́сливу,
Къ малому Малютѣ да Шкурлатову.
Не клопилъ же онъ Малютки да Шкурлатова
На тую на плаху да на липову,
Какъ сма́хне онъ да саблей вострою,

«Али думаете думушку вы крѣпкую,
«Али крѣпкую вы думу заединую?»
Отвѣчали тутъ любимыи племяннички,
Тыи нунь поганыи татарова,
А любезному тутъ дядюшки,
Старому же королю да Политовскому:
— Политовскіи король да земли Польскіи!
— Думаемъ мы думушку нунь крѣпкую,
— Крѣпкую мы думу заединую,
— Ѣхать намъ во матушку во каменну́ Москву,
— Въ каменну́ Москву да въ Золоту орду. —
Говоритъ же имъ тутъ старыи нунь дядюшка,
Тотъ же нунь король да Политовскіи,
Политовскіи король да земли Польскіи:
«Ай вы два тыихъ два малыихъ два Витвичка,
«Два тыихъ любимыихъ племянничка!
«Вы не ѣдьте-тко да въ каменну́ Москву,
«Въ каменну́ю-ту Москву да въ Золоту орду.
«Я колько́ ни нунь туды-ка-ва да ѣзживалъ,
«А во цѣлости назадъ да не пріѣзживалъ.
«Силушку свою да поростратарю *(такъ)*,
«Самъ же я король да на уходъ уйду.
«Ай совѣтуетъ вамъ старыи нунь дядюшка,
«Политовскіи король да земли Польскіи:
«Поѣзжайте-тко въ Индѣю во богатую,
«А во ту Корелушку проклятую,
«Розорите тамъ Индѣюшку богатую,
«Розорите всю Корелу тамъ проклятую».
Два тыихъ два малыихъ два Витвичка,
Два тыихъ любимыихъ племянничка,
Два тыихъ поганыихъ татарина
А послухали тутъ дядюшки да стараго,
Стараго тутъ дядюшки матераго,
А того же короля да Политовскаго.

А поѣхали они да во Индѣюшку,
А въ ту было Индѣю во богатую,
А въ ту было Корелу во проклятую.
Подъѣзжали тутъ оны да подъ Индѣюшку,
А подъ ту было Индѣю подъ богатую,
А подъ ту было Корелу подъ проклятую.
Розорили тутъ Индѣю всю богатую,
Розорили всю Корелушку проклятую,
Изъ конца они въ конецъ да съ головнёй прошли.
А приходя ко кресту да Леванидову,
Стали тутъ татара опочивъ держать,
И самы́ себѣ да испрого́ворятъ:
— Ай же этымъ намъ разомъ да поладилось,
— А поѣдемъ-ка мы братцы въ каменну́ Москву,
— Въ каменну́ Москву да въ Золоту орду! —
Пріѣзжали тутъ они да въ каменну́ Москву,
Въ каменну́ю-ту Москву да въ Золоту орду.
Розорили тутъ они да каменну́ Москву,
Каменну́ Москву да Золоту орду,
Первое они тутъ сёло Ярославское,
Дру́гое тутъ сёло Переславское,
Третьее-то сёло Косы-Улицы [1]).
Стали тутъ татара опочивъ держать,
Стали тутъ татара хлѣба кушати.
А на той было на горочки на Вшивыи
Старыи Никитушка Романовичъ
А провѣдалъ тутъ же онъ побѣ́душку [2]):
Розорили тутъ они да каменну́ Москву,
Первое-то сёло Ярославское,
Дру́гое-то сёло Переславское,

---

1) По объясненію пѣвца, эти три села составляли первоначально Москву, а послѣ описываемаго здѣсь разгрома она стала строиться городомъ.

2) Т. е. бѣду.

Третье розорили сёло Косы-Улицы.
Сталъ онъ тутъ могучима плечами поворачивать,
Самъ себи Микита испрогóворитъ:
«Ахъ ты молодостъ ты молодецкая!
«Улетѣла моя молодость въ чистó поле,
«Во чистó поле да яснымъ соколомъ,
«Прилетѣла ко мнѣ старость со чистá поля,
«Со чистá поля да черным ворономъ,
«А садилась за плеча да богатырскiи!»
Тутъ же взялъ онъ по полатамъ-то похаживать,
Своей силушки [1]) Микитушка наказывать:
«Ай ты, силушка моя было безсмѣтная,
«А безсмѣтная ты силушка, безсмертная!
«Улечу же нуньчу я въ чистó поле,
«Во чистó поле да черным ворономъ».
Обвернулся тутъ Микита черным ворономъ,
Улетѣлъ же тутъ Микита во чистó поле.
Вся же сила у татаръ да спать порóзлегла.
Обвернулся тутъ Микитушка сѣры́мъ волкомъ,
А конюшокъ-то всѣхъ у нихъ повыдавилъ.
Обвернулся тутъ Микита добрымъ молодцомъ,
Вси замочики въ оружьицахъ повыщербилъ,
Сабелки у нихъ да вси повытупилъ,
Тесачики у нихъ да вси повыломалъ.
Обвернулся онъ да горносталышкомъ
А приходитъ во полаты бѣлокаменны
Ко своей было любимоей племянничкѣ,
Къ той было Авдотьѣ ко Ивановной.
А сидитъ его племянничка за люлечкой,
Молода Авдотья да Ивановна.
— Бай люли́ дѣтищо да великоё!
— Кабы вѣдалъ ты, любимыи нашъ дядюшка,

---

1) *Сила* здѣсь въ смыслѣ войска.

— Старыи Микитушка Романовичъ,
— Моего бы нуньчу мужа не потре́били
— А меня бы нунь младой не обезчестили! —
Ходитъ тутъ младенчикъ трехъ годовъ,
Самъ младенчикъ испрого́воритъ:
«А родитель моя матушка,
«Мо́лода Авдотья да Ивановна!
«Нашъ-то старыи тутъ дядюшка,
«Что Микитушка Романовичъ,
«А въ избушкѣ онъ у насъ нунь горносталушкомъ».
Тымъ же двумъ нунь малыимъ двумъ Витвичкамъ,
Тымъ же двумъ поганыимъ татаровамъ
Недосугъ же имъ было-то хлѣба кушати.
А скочили тутъ татара на рѣзвы́ ноги,
Тяпнули тутъ шубку соболиную
А накинули они на горносталушка.
Горносталь же былъ тотъ по́вертокъ,
Да въ рукавъ-то горносталь да вонъ выскакивалъ,
Что ль въ окошечко да вонъ вымахивалъ.
Обернулся онъ да чернымъ ворономъ,
Улетѣлъ же онъ да во чисто́ поле
А заграялъ онъ же чернымъ ворономъ,
Стала тутъ Микитина да силушка коней сѣдлать.
Дру́гой разъ заграялъ чернымъ ворономъ,
Силушка тутъ да поѣхала.
Третій разъ заграялъ чернымъ ворономъ,
Вся Микитина тутъ силушка при е́мъ стала.
Тыхъ два тыихъ два малыихъ два Витвичка,
Два тыихъ поганыихъ татарина
Тутъ броси́лися они да за оружьица,
Тутъ въ оружьицахъ замочики повы́щерблены.
А броси́лися они было за сабелки,
Сабелки у нихъ да вси повы́туплены.
А броси́лися они да за тесачики,

Вси тесачики у нихъ да нунь повы́ломаны.
А броси́лиси они да за добры́хъ коней,
Конюшки у нихъ да вси задавлены.
Некуда уйти было поганымъ татаровамъ.
Обступила тутъ же силушка на кругъ же ихъ
А того было Микитушки Романова.
Старыи Микитушка Романовичь
Онъ забралъ же ихъ поганыихъ татаровей,
А забралъ же онъ великій плѣнъ,
Поплѣнилъ же силу всю татарскую,
Захватилъ же двухъ поганыихъ татариновъ.
Одному же взялъ да глаза выкопалъ,
Дру́гому же по колѣнамъ ноги вырубилъ
А садилъ же брату кошелемъ [1]) его:
Одинъ поди тащи его за плéчамы,
Другой поди дорогу да показывай.
«Вы подьте-тко нунь къ старому да дядюшкѣ,
«Къ тому же королю да Политовскому,
«А подьте-тко вы къ дядюшки да хвастайте:
«Розорили мы нуньчу каменну́ Москву,
«Каменну́ю-ту Москву да Золоту орду,
«Первое-то село Ярославское,
«Другое-то сёло Переславское,
«Третье сёло Косы-Улицы, —
«Подьте-тко вы къ дядюшки да хвастайте!».

Записано въ дер. Римъ на
Пудожской Горѣ, 28 іюля.

---

1) Т. е. на спину, какъ носятъ кошель.

13.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

А й когда-жде *(такъ)* возсіяло солнце красное
А на томъ было на нёбушкѣ на ясноемъ,
Какъ въ ты́ пору теперичку
Воцарился нашъ прегрозный царь,
Нашъ прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ.
Онъ повывелъ тутъ измѣну изъ Казань-града,
Онъ повывелъ тутъ измѣну изъ Рязань-града,
Онъ повывелъ-то измѣнушку изо́ Пскова,
А й повынесъ онъ царенье изъ Царя-града,
А царя-то Перфила онъ подъ мечъ склонилъ,
А царицы-то Елены голову́ срубилъ,
Царскую перфилу на себя одѣлъ,
Царскій костыль да себи въ руки взялъ.
Заводилъ же онъ почестный пиръ,
А на князей пиръ, на бо́яръ пиръ
А на всихъ гостей да званыхъ брапыихъ.
Вси же на пиру да напивалиси,
Вси же на пиру да поросхвастались.
Поросхвастался прегрозный царь,
Нашъ прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ:
«Я повывелъ тутъ измѣну изъ Казань-града,
«Я повывелъ тутъ измѣну изъ Рязань-града,
«Я повывелъ-то измѣнушку изо́ Пскова,
«А й повынесъ я царенье изъ Царя-града,
«А царя-то Перфила я подъ мечъ склонилъ,
«А царицы-то Елены голову́ срубилъ,
«Царскую перфилу на себя одѣлъ,
«Царскій костыль да себи въ руки взялъ.
«Я повывелъ нынь измѣну съ Новгородчины,
«Я повыведу измѣну съ каменно́й Москвы».
Ходитъ тутъ Иванушко царе́вичъ го́су́да́рь,

Самъ же испрогóворитъ:
— Ай прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ!
— Не повывести измѣны съ каменнóй Москвы.
— За однымъ столомъ измѣна хлѣба кушаетъ,
— Платьица-ты носитъ одноцвѣтныи
— А сапожки-ты на ножкахъ одноличныи. —
Мутно éго око помутилоси,
Царско его сердце загорѣлоси.
«Ай же ты Иванушко царéвичъ гóсýдáрь!
«А подай-ко мнѣ измѣнщика да нá очи,
«Я теперичку измѣнщику да головý срублю!»
Ходитъ тутъ Иванушко царéвичъ гóсýдáрь,
Самъ Иванушко да испрогóворитъ:
— Я же глупыимъ да разумомъ промолвился.
— На себя сказать, такъ живу нé бывать,
— А й на братца скáзать — братца жаль,
— А и жаль братцà не тáкъ какъ себя...
— Ай прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ,
— Ай родитель нашъ же батюшко!
— Ты-то ѣхалъ уличкой,
— Иныхъ билъ казнилъ да и́ныхъ вѣшалъ ли,
— Достальни́хъ по тюрьмамъ садилъ.
— Я-то ѣхалъ уличкой,
— Иныхъ билъ казнилъ да и́ныхъ вѣшалъ ли,
— Достальни́хъ по тюрьмамъ садилъ;
— А серёдечкой да ѣхалъ Ѳёдоръ да Ивановичъ,
— Билъ казнилъ да и́ныхъ вѣшалъ ли,
— Достальни́хъ по тюрьмамъ садилъ,
— Напередъ же онъ указы да пóрозсылалъ,
— Чтобы малыи да порозбѣгались,
— Чтобы старыи да ростулялиси...
— А нунечку теперечку
— Вся измѣнушка у насъ да вдругъ повыстала. —
Мутно éго око помутилоси,

Его царско сердце розгорѣлося.
«Ай же палачи вы немилóсливы!
«Вы возьмите-тко нунь Θёдора Иванова
«За тыѝ за рученьки за бѣлыи,
«За тыѝ перстнѝ да за злаченыи,
«Вы сведите Θёдора да во чистó поле
«На тоѐ болотце да на житное,
«На туѝо на плаху да на липову,
«А срубите Θёдору да буйну голову
«За его поступки неумильнiи».
Сидятъ тутъ палачи да немилóсливы,
Большей тулится за средняго,
Средній тулится за меньшаго,
А й отъ меньшаго-то братцу вѣкъ отвѣту нѣтъ.
Сидитъ маленькій Малютка воръ Шкурлатовъ сынъ:
— Ай прегрозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Много я казнилъ князей князевичевъ,
— Много королей да королевичевъ,
— Нунь да Θёдору я нé спущу. —
Браль тутъ Θёдора Иванова
За тыѝ за рученьки за бѣлыи,
За тыѝ перстнѝ да за злаченыи,
Велъ же Θёдора въ чистó поле
На тоѐ болотцо да на житное,
На туѝо на плаху да на липову.
А и Марѳа-та Романовна
Кинулась она въ одной рубашки бéзъ костыца[1])
А въ однихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
А накинула тутъ шубку соболиную,
Черныхъ соболей да шубку во пять сотъ рублей,
А й бѣгомъ бѣжитъ на горочку на Вшивую
Къ тому братцу ко родимому,

---

1) Костычъ — родъ сарафана.

Ко Микитушкѣ Романову.
Прибѣгала тутъ на горочку на Вшивую
Къ тому братцу ко родимому,
Ко Микитушкѣ Романову.
Не спрашиватъ тутъ у дверей придверничковъ,
У воротъ да приворотничковъ,
А прочь взашѐй она да всихъ отталкиватъ.
А й придверички да приворотички
Они вслѣдъ идутъ да жалобу́ творятъ:
«Ай Микитушка Романовичъ!
«Да твоя-то есть сестрица да родимая,
«Что ли Марѳа-та Романовна,
«А й бѣжитъ она не въ по́крутв,
«Надъ тобой она да надсмѣхается,
«Всихъ же насъ да взáшей прочь отталкиватъ».
Говоритъ же тутъ Никитушка Романовичъ:
— Что же ты, сестрица да родимая,
— Что бѣжишь, надъ нами падсмѣхаешься,
— Нашихъ взáшей прочь отталкиваешь? —
Тяжелешенько она да поросплакалась
А Микитушки Романову розжалилась.
«Ай ты братецъ ты родимыи
«Да Никитушка Романовичъ!
«Я ли надъ тобой да надсмѣхаюся,
«Али ты же надо мной да надсмѣхаешься,
«Али надъ собой незгодушки великiи не вѣдаешь,
«Али надъ собой да нунѣ нáдо мной,
«Надъ сестрицей да родимою?
«Твоего-то племничка,
«Племничка да крестника,
«Али Ѳёдора Иванова,
«Увели его да во чистó поле
«На тоѐ болотце да на житное,
«На тую на плаху да на липову,

«Срубить Ѳёдору да буйну голову
«За него поступки неумильніи».
Старыи Никита да Романовичъ
Бросилъ онъ кафтанъ да на одно плечо,
Кинулъ шляпу на одно ухо,
Тяпнулъ въ руки саблю вострую,
Онъ садился на коня да не на сѣдлана,
Не на сѣдлана коня да не на уздана,
Онъ садился на коня однимъ стегномъ.
Городомъ-то ѣде голосо́мъ крычитъ,
Голосо́мъ крычитъ да самъ шляпо́й машетъ:
— Ахъ ты маленькой Малютка воръ Шкурлатовъ сынъ!
— Не клони-тко нунь же Ѳёдора Иванова
— На ту было на плаху да на липову,
— Не руби-тко Ѳёдору да буйной го́ловы
— За его поступки неумильніи.
— Срубишь же ты Ѳёдору да буйну голову,
— Не тотъ же ку́сокъ съѣшь а самъ подавишься,
— Не тотъ же сто́канъ выпьешь самъ заклёкнешься! —
А не спрашиватъ Малютка воръ Шкурлатовъ сынъ,
Клонитъ Ѳёдора Иванова.
А скрычалъ же тутъ Микитушка Романовичъ:
— Ай ты Ѳёдоръ да Ивановичъ!
— Не клони-тко своей буйныи ты го́ловы,
— Царскій родъ на казени не ка́знится. —
А не сталъ же Ѳёдоръ да сдаватися,
А не сталъ клонить своей да буйной го́ловы
А на тую онъ на плаху да на липову.
А розъѣхался Микитушка Романовичъ
А къ тому же палачу да немило́сливу,
Къ малому Малютѣ да Шкурлатову.
Не клопилъ же онъ Малютки да Шкурлатова
На тую на плаху да на липову,
Какъ сма́хне онъ да саблей вострою,

Онъ отсѣкъ Малютки буйну голову
За него поступки неумильніи,
Что зачимъ везе на казень царскій родъ
А срубить-то ему буйну голову.
Онъ бралъ Ѳёдора было Иванова
За тыи за рученьки за бѣлыи,
Цѣловалъ въ уста его сахáрніи,
Посадилъ его да на добрá коня,
На свое садилъ было да на правó стегно,
Пóвезъ Ѳёдора Иванова
А на ту было на горочку на Вшивую
А къ тому было къ подворьицу Микитину.
Севодни братцы день суботніи,
Завтра день да воскресеньицо,
Имъ итти-то ко Божьёй церкви.
А ставалъ же тутъ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ
Онъ по утрышку ранехонько,
Умывается онъ да бѣлехонько,
Снаряжается онъ хорошохонько,
Одѣвае платья опалёныи,
Кóней подпрягаютъ воронёныихъ.
А и поѣхалъ тутъ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ,
Онъ поѣхалъ ко заутрени.
А ставае тутъ Микитушка Романовичъ
А и по утрышку ранехонько,
Умывается онъ да бѣлехонько,
Снаряжается онъ хорошохонько,
Одѣвае платья красныи,
Кóней подпрягаютъ все же рыжіихъ
Кареты подпрягаютъ золоченыи.
Пріѣзжае онъ да тутъ же ко заутренки.
Испрогóворитъ Микитушка Романовичъ:
— Здравствуй ты, прегрозныи сударь царь Иванъ Васильевичъ,

— Со своей да любимóй семьей
— А со Марѳóй-то Романовной,
— Да со Ѳёдоромъ Ивановымъ,
— Со Иваномъ-то Ивановымъ! —
Говоритъ же тутъ прегрозный царь,
Нашъ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ай ты старыи Никита да Романовичъ,
«Ай ты шуринъ да любимыи!
«Ты незгодушки не вѣдаешь,
«Надо мной великою незгодушки:
«Твоего-то племничка,
«Племничка да крестничка,
«Что ли Ѳёдора Иванова,
«Нѣту Ѳёдора во живности».
Старыи Микитушка Романовичъ
Снова тутъ его да онъ проздравствовалъ:
— Здравствуй ты, прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ,
— Со своей да любимóй семьей
— А со Марѳóй-то Романовной,
— Да со Ѳёдоромъ Ивановымъ,
— Со Иваномъ-то Ивановымъ. —
Говоритъ же нашъ прегрозный царь,
Нашъ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ахъ ты старыи Никита да Романовичъ!
«Что же въ рѣчи ты не вчуешься,
«Самъ ты къ рѣчамъ да не примешься?
«Твоего то племничка,
«Племничка да крестничка,
«Нѣту Ѳёдора во живности».
Говоритъ же тутъ Микитушка да въ третій разъ:
— Здравствуй ты, прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ,
— Со своей да любимóй семьей

— А со Марѳой то Романовной,
— Да со Ѳёдоромъ Ивановымъ,
— Со Иваномъ-то Ивановымъ. —
Мутно е́го око помутилоси,
Царско е́го сердце розгорѣлоси.
Отвѣчае тутъ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ахъ ты старый песъ Микитушка Романовичъ!
«Надо мною знать Микита надсмѣхаешься?
«Выдемъ отъ великодённыи заутрени,
«Прикажу теби Микита голову́ срубить».
Тяжелешенько тутъ царь да поросплакался:
«По ворахъ да по разбойничкахъ
«Е заступчички да заборонщички.
«По моемъ рожоноёмъ по дитятки
«Не было нунь да заступушки,
«Ни заступушки ни заборонушки!»
Говоритъ же тутъ Микитушка Романовичъ:
— А бываетъ ли тутъ грѣшному прощеньицо? —
«А бываетъ тутъ да грѣшному прощеньицо,
«Того грѣшнаго да негдѣ взять».
Говоритъ было Микитушка во дру́гой разъ:
— А бываетъ ли тутъ грѣшному прощеньицо? —
«А бываетъ тутъ да грѣшному прощеньицо,
«Того грѣшнаго да негдѣ взять».
Говоритъ же тутъ Микитушка да въ третій разъ:
— А прости-тко того грѣшнаго. —
«Того грѣшнаго нунь Богъ проститъ,
«Того грѣшнаго нунь негдѣ взять!»
Отвѣчаетъ тутъ Микитушка Романовичъ:
— Ай прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ!
— Не отрублена да Ѳёдору да буйна го́лова,
— А отрублена Малюткѣ да Шкурлатову
— За него поступки неумильніи,
— Да зачимъ же и́дс ка́знить царскіи родъ:

— Царскій родъ на казни не ка́знится. —
Говоритъ же нашъ прегрозный царь,
Нашъ прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ:
«Ахъ ты старыи Микитушка Романовичъ,
«Ай да шуринъ да любимыи!
«Что теби Микитушка пожаловать?
«Города ли теби дать да съ пригородками,
«Али села дать да со приселками,
«Али силушки тобѣ-ка-ва по надобью,
«Али золотой казны тобѣ-ка-ва по надобью,
«Али добрыхъ ко́моней тобѣ-ка-ва по надобью?»
Отвѣчаетъ тутъ Микитушка Романовичъ:
— Не надо мнѣ-ка городовъ да съ пригородками,
— Не надо мнѣ-ка селъ да со приселками,
— Мнѣ-ка силушки по надобью,
— Золотой казны по надобью,
— Добрыхъ ко́моней по надобью:
— Золота казна у мо́лодца не держится [1]),
— Добра ко́мони у мо́лодца не ѣздятся.
— Дай-ко мнѣ Микитину да отчину.
— Хоть коня угони, хоть жену ўвёдй,
— Хоть каку ни е побѣдушку да сдѣлай ли,
— Да въ Микитину да отчину́ уйди,
— Того добраго же мо́лодца да Богъ простилъ. —
А й прегрозный царь Иванъ Васильевичъ
Далъ Микитину да отчину.

Записано тамъ же, 24 іюля.

---

1) Т. е. не задерживается.

14.

ГРИШКА ОТРЕПЬЕВЪ [1]).

Ай Гришка розстрига Отрепьевъ сынъ,
Не поспѣлъ воръ собака воцаритися,
Захотѣлъ воръ собака женитися,
Не у князей бóяръ въ каменнóй Москвы,
У того кóроля въ земляной Литвы.
Взялъ Гришка Маришку королевичну,
Заводилъ законъ по своему:
Князи бóяра къ обѣдни шли,
А й Гришка съ Маришкою въ байну шолъ.
Князи бóяра отъ обѣдни шли,
А й Гришка съ Маришкой изъ бáйни идётъ.
У Іоанна Великаго,
У Софíи премудрыи
Приказалъ звонить въ нáбóльшій колоколъ,
Въ самый огромныи:
«Ко мнѣ-ка-ва ѣдетъ вѣдь дальній гость,
«Дальній гость ѣде любúмый тесть,
«Еще тотъ же король Политовскіи,
«Политовскіи король земли Пóльскіи,
«Ко мнѣ-ка во гостёбищо».
Михайла князь Скопинъ москóвскіи
Видитъ измѣнщика,
Садился Михайла на ременьчатъ стулъ,
Писалъ ёрлуки скорописчаты [2])
Ко тому королю Политовскому,
Политовскому королю ли Польскому:
— Политовскіи король земли Польскіи,

---

1) Размѣръ дактилическій.

2) Калининъ объяснилъ, что Скопинъ писалъ въ Польшу эти подложныя письма отъ имени Самозванца нарочно для того, чтобы появленіемъ поляковъ въ Москвѣ возбудить бунтъ противъ Гришки.

— Ты мой любимый тесть!
— Ты пошли-ко мнѣ силы сорокъ тысящей,
— Очистить своя каменна́ Москва. —
Сошли ёрлуки скорописчаты
Тому королю Политовскому.
Политовскій король земли Польскій
Посылае силы сорокъ тысящей.
Приходитъ тутъ сила польская
Въ ту Москву бѣлокаменну.
Стоитъ Гришка розстрижка Отрепьевъ сынъ
Противъ зеркала хрустальняго,
Держитъ книгу въ рукахъ волшебную,
Волхвуе Гришка розстрижка Отрепьевъ сынъ:
«Я стоялъ же Гришка нынь три́ годы,
«Простою я тридцать лѣтъ».
Заглянулъ въ окошко косевчато,
Обступила сила круго́мъ вокругъ,
Все сила съ копьями.
Гришка розстрижка Отрепьевъ сынъ
Думаетъ умомъ своимъ царскімъ:
«Подѣлаю крыльица дьявольски,
«Улечу нынь я дьяволомъ».
Не поспѣлъ Гришка сдѣлать крыльицовъ,
Тамъ скололи Гришку розстрижку Отрепьева.
Только тутъ Гришка царемъ бывалъ,
Только тутъ Гришка вѣдь царствовалъ.

Записано тамъ же, 24 іюля.

II.

АКСИНЬЯ ѲОМИНА.

Аксинья Кузминишна Ѳомина, близкая сосѣдка Калинина, крестьянка дер. Римъ на Пудожской Горѣ, лѣтъ 30-ти отъ роду,

большая мастерица пѣть былины и пѣсни. Ея манера пѣть отличается особенно тѣмъ, что по требованію стиха она нерѣдко, не прибѣгая къ вставнымъ частицамъ, вмѣсто того превращаетъ букву ъ въ гласный звукъ и произноситъ его какъ ы. Былины свои она научилась пѣть отъ матери, которой уже нѣтъ въ живыхъ. Кромѣ печатаемыхъ здѣсь былинъ, она пѣла еще про отъѣздъ Добрыни и Алешу Поповича совершенно сходно съ Калининымъ, отъ котораго заимствовала эту былину, но съ нѣкоторыми пропусками и сокращеніями.

15.

ВОЛЬГА.

Когда зарождался младъ свѣтѣлъ мѣсяцъ.
Тогда зарождался Вольга́ богатырь.
Отъ его отъ славы богатырскою
Орги-ты [1]) вси да пріумолкнули,
Птица улетѣла вся подъ оболоку̀,
Рыба ушла да въ глубоки́ стана̀,
Звѣри ушли да во темны́ лѣса̀,
Царь Санталъ да въ Вольгу́ [2]) сбѣжалъ
Со своей царицей со Давыдьевной.
Сталъ Вольга̀ да лѣтъ десятки-то,
А й задался онъ Вольга да во мудрости,
А й во мудрости Вольга да онъ въ хитры хитрости,
Птицей онъ летать да подъ оболоку̀,
Рыбою ходить да въ глубо́ки стана̀,
Звѣрями ходить да во темны́ лѣса̀.
Овернулся Вольга̀ да малой птичиной,

---

1) Что̀ значитъ «орги», пѣвица не умѣла объяснить, увѣряя только, что такъ поется.

2) Ѳомина нѣсколько разъ повторила этотъ стихъ и на вопросъ, что̀ это значитъ: «въ Вольгу сбѣжалъ», отвѣчала только, что «такъ поется».

Улетѣлъ-то Вольга̀ да онъ подъ о́болоку̀,
А й птицу всю да онъ поро́згонялъ.
Овернулся Вольга̀ да добрымъ молодцомъ:
«Братцы дружинушка хоробрая!
«Ставьте-тко па́сточки [1]) дубовыи,
«Силышка вы ладьте-тко шелковыи,
«Птица не улетѣла бъ подъ о́болоку̀.»
Овернулся Вольга̀ да свѣжей рыбиной,
А й пошолъ-то Вольга̀ да въ глубоки́ стана̀
Рыбу-то всю да онъ поро́згонялъ.
Овернулся Вольга̀ да добрымъ молодцомъ:
«Братцы дружинушка хоробрая!
«Ладьте-тко не́вода шелко́выи,
«Проволо́ки вы кладите да золочоныи,
«Рыба не ушла бъ въ глубоки́ стѣна̀.»
Овернулся Вольга да лютыи́мъ звѣре́мъ,
А й ушолъ-то Вольга̀ да во темны́ лѣса,
Звѣрей-то всѣхъ да онъ поро́згонялъ.
Овернулся Вольга̀ да добрымъ молодцомъ:
«Братцы дружинушка хоробрая!
«Ладьте-тко пищалочки винтовыи,
«Закатите-тко пулечки калёныи,
«Звѣри не ушли бъ да во темны́ лѣса.»
Поѣзжае Вольга̀ въ Вольгу́-горо̀дъ.
Видла царица нехоро́шiй со̀нъ:
Бьется соко́лъ да съ черны́мъ воронòмъ,
Пе́ребилъ соко́лъ да черна́ ворона̀:
Ясный тотъ соколъ — Вольга́ богатырь,
Черный тотъ воронъ — то самъ Санталъ.

Записано въ дер. Римъ на
Пудожской Горѣ, 24 іюля.

---

1) Западни для ловли птицъ.

16.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ [1]).

У стольняго у князя у Владиміра
Заводился у него да почестный пиръ..
Вси на пиру да напивалися,
Вси на пиру да поросхвастались.
Единый тотъ хвастатъ золотой казной,
Единый тотъ хвастатъ цвѣтнымъ платьицомъ,
Единый тотъ хвастатъ добры́мъ конемъ;
Умный тотъ хвастаетъ отцомъ матерью,
А й безумный тотъ хвастатъ молодой женой.
А й сидитъ Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
А й сидитъ да ничимъ онъ не хвастаётъ.
Стольнёй князь да Владиміры *(такъ)*
Зго́воритъ да таково слово:
«Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
«Что же ты сидишь ничимъ не хвастаёшь?»
— Платья у меня да есть на во́злюдьё *(такъ)*
— Золотой казны у мни да есть по надобью,
— Добрыхъ ко́ней да на выѣздъ есть,
— Отца матушки да живого нѣтъ.
— Есть у мня да молода жена,
— Офимья у меня да Олександровна:
— Оманула у меня да девять царей,
— Десять русьскіихъ могучіихъ богатырёвъ,
— А й оманетъ тебя стольнё-князя Владиміра. —
А й посадилъ его въ крѣпь во тёмную,
Самъ посылалъ скоры́хъ гонцёвъ
А й къ его-то молодой жены,
А й ко той Офимьѣ Олександровной:

---

1) Здѣсь Илья Муромецъ, конечно просто по ошибкѣ, поставленъ въ роль, обыкновенно приписываемую Ставру Годиновичу.

— Ай же молода жена Офимья Олександровна!
— Наказывалъ да теби Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ да сынъ Иваповичъ,
— Обмануть тебѣ стольнё-князя Владимiра. —
Говоритъ Офимья Олександровна:
«Какъ мой мужъ да напивается,
«Такъ отъ пущай да прохмѣляется».
Сама повыпустила скорыхъ пословъ,
Садилась-то на стулья на дубовыи,
Подрубила-то волосы по мужскому,
Сокрутиласи да въ платьица во мужскiи,
Обсѣдлала она да вѣдь добра коня,
Брала она стрѣлочку каленую,
Палицу да во сорокъ пудъ,
Пріѣзжала ко стольнёму ко князю ко Владимiру,
Сваталаси на его на родной дочери,
На Катерины она да Микуловной *(такъ)*.
«Ай ты чьей земли да чьей орды?
«Ты чьего отца да чьей матушки?»
— Я есть посолъ скорый земли Руськiи. —
Зговоритъ Катерина Владимiрна:
«Ай же ты да родный татенька!
«Глупымъ разумомъ вольничаёшь,
«Выдаваешь ты дѣвчину а за женщину:
«У ей жопка крутенька какъ по женскому,
«У ей пеленьки [1]) мяконьки какъ по женскому,
«Гдѣ жуковины лежали тутъ и мѣста знать».
— Молчи-тко ты дочи, мы попытаемъ-тко,
— Можетъ ли натянуть да тугой лукъ,
— А й выстрѣлять да съ каленой стрѣлы.
— Пошлемъ съ Чурилушкой Щипленковымъ
— А й на далечо чисто поле. —

1) Т. е. груди.

А й Чурилушка да Щипленковичъ
А й не могъ да натянуть онъ ту́гой лукъ,
А й выстрѣлить да съ каленóй стрѣлы.
Пóслы [1]) скорыи да зéмли Русьскіи
А натянула она да вѣдь тугой лукъ.
И выстрѣлила да съ каленой стрѣлы.
Говоритъ Катерина Владимірна:
«Ай же ты родной мой татенька!
«Глупымъ ты разумомъ вольни́чаешь,
«Выдаваешь ты дѣ́вчину за женщину:
«У ей жопка крутенька какъ по женскому,
«У ей пéлечки мяконьки какъ по женскому,
«Гди жуковины лежали, тутъ и мѣ́ста знать».
— Молчи ты дочи́, да попытаемъ-ко,
— Положимъ во спальню во теплую,
— На перина́ положимъ на пуховую.
— Если она да буде женщина,
— Буде яма на постели-то.
— Если она мужчина-то,
— Буде яма на зголовьицы. —
Проспала да темну ноченьку
Ногами да на зголовьицо
А й плечами она да на постелю-то.
А й тутъ повѣ́рилъ стольнiи князь Владимiръ,
А й просватывалъ свою рóдну дочь.
Водили ихъ во церкву во Божію,
Витыма перстнями обручили-то,
Злáтыма вѣнцами обложили-то.
Заводили они да почестный пиръ.
А й сидитъ-то послы скорыи,
Послы скорыи земли Русьскіи,
Повѣшена сидитъ да буйна гóлова.

---

1) Т. е. посолъ.

А й зго́воритъ стольный князь да Владимі́ръ:
«Ай же послы скорыи земли Русьскіи,
«Зять моло́дыи да послы скорыи!
«Ай зачѣмъ же ты вѣсишь буйну голову?»
Зго́ворилъ да таково слово:
— Стольный князь да Владимі́ръ!
— Есть у тебя да во темно́й крѣпи
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.
— Нельзя ли его да повыпустить,
— Со мною-то на почестный пиръ?
— Мы въ одномъ поли съ нимъ поѣзживали
— Съ одной стрѣлочки мы выстрѣливали,
— Въ одно колечечко попадывали. —
Стольній князь да Владимі́ръ
Онъ повыпустилъ да Илью Муромца,
А й на зятнищъ его да на почестный пиръ
Зго́воритъ послы скорыи земли Русьскіи
Послы скорыи да зять моло́дыи:
«Ужь ты знаешь ли Илья, догадаешься ль Илья,
«Ужь я чья жена?»
Зго́воритъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
— Эй же ты стольный князь да Владимі́ръ!
— Оманула тя да моя жена,
— Выдалъ ты дѣвчину а за женщину! —

Записано тамъ же, 22 іюля.

17.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.

Три́ году Добрынюшка стольничалъ,
Три году Добрынюшка чашничалъ,
Три году Добрыня у воротъ простоялъ,

На десятый годъ еще гулять ушолъ.
Наказывала Добрыни ро́дна матушка:
«Ты ходи гуляй Добрынюшка по городу,
«Ты по городу гуляй по Кіеву,
«Только не ходи во улички Маринкины,
«Въ переулки не ходи да во Игнатьевски.
«Тамъ е дѣвушка да зельчица,
«Зельчица дѣвушка кореньщица.
«Извела-то она девя́ть молодцёвъ,
«Девять русьскіихъ могучіихъ бога́тырёвъ,
«Тебя же изведетъ да во десятыихъ».
Забылъ-то наказанье родной матушки,
Зашолъ-то онъ во улички Маринкины.
У Маринушки да на окошечки
Сидятъ голубы да со голубушкамы,
Носочки съ носочками цѣлуются,
Они правыма крылами обнимаются.
Тутъ Добрыни въ запрету́ пришло,
Натягивалъ Добрынюшка тугой лукъ,
Направливалъ Добрыня калену́ стрѣлу,
Убилъ у Маринушку мила́ дружка,
А Ивана убилъ царевича,
По прозваньицу убилъ Туга-змѣе́вича.
Бросилась Маринушка по плечь во окно:
— Ай же ты Добрынюшка Микитинычъ!
— Холостъ ты ходишь не жена́тъ ноньку,
— Я красна дѣви́ца на выда́ваньѣ:
— Возь-ко меня да за себя́ замужъ. —
Не съ ума Добрыня слово спро́говорилъ:
«Ай же ты дѣвушка зельщица,
«Зельщица ты кореньщица!
«Извела ты девя́ть молодцёвъ,
«Девять русьскіихъ могучіихъ бога́тырёвъ,
«Меня же изведешь да во десятыихъ».

Обвернулся Добрынюшка, домой пошолъ.
Она брала-то ножички булатніи,
Она-то рѣзала Добрынины слѣдочики,
Приговоры приговаривала крѣпкія:
— Такъ бы рѣзало у Добрыни ретливо сердцо́ по мни. —
Обвернулся Добрынюшка и къ ей пришолъ.
Повернула Добрыню сѣрымъ волкомъ,
Отпустила Добрыню ко синю́ морю.
Добрынина матушка
Ена день ждала, да другой ждала,
Недѣлю ждала, да другу́ ждала,
Ена годъ еще ждала, другой ждала,
Не слыхать Добрынюшки Микитича.
Накинула шубу на одно плечо,
Приходила къ Маринкѣ подъ окошечко:
«Эй же ты дѣвушка зельчица!
«Отверни у мни Добрынюшку по старому,
«По старому Добрынюшку по прежному.
«Не отвёрнешь ты Добрынюшки по старому, —
«Я тя поверну собакою,
«Собакой поверну тя подоконною.
«Еще тебя потѣшу я сорокою.
«Сорокою тебя да я коловою»[1]).
Отвернула Добрынюшку по старому.
Онъ бралъ въ руки стрѣлочку каленую,
Розвязалъ ю на скамеечку дубовую,
Розстрѣлялъ ёнъ Марину по чисту́ полю.

Записано тамъ же, 22 іюля.

---

1) Сорока называется коловою, потому что сидитъ по кольямъ на заборахъ (объясненіе пѣвицы).

18.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

Изъ-подъ бѣлоей березки кудревастоёй
Выходила турица златорогая
Со своима турамы со дѣтушкамы.
Розошлась турица, роспростиласи:
«Вы прости-тко туры да малы дѣтушки».
Случилось турамъ мимо Кіевъ градъ итти,
Мимо тую стѣну да городовую.
А й сподъ той стѣны сподъ городовыи
Ходитъ дѣвица душа красная,
Въ рукахъ носитъ святу книгу евангельё,
А не только[1]) читае, вдвоемъ она плачётъ
Не дѣвица ходитъ душа красная,
Плаче стѣна да городовая,
Ёна свѣдала надъ Кіевымъ незгодушку.
Сподъ восточною да сподъ сторонушки
А й наѣде Батыга Батыговичъ
Со своимъ со сыномъ со Батыгушкою,
А й со зятемъ Тороканчикомъ Корабликовымъ,
А й со тымъ со дьячкомъ со выдумщичкомъ.
У Батыги-то силы сорокъ тысячей,
А й у сына-то силы сорокъ тысячей,
У дьячка-то вѣдь силы сорокъ тысячей,
А й у зятя-то силы сорокъ тысячей.
Обступае Батыга околъ Кіева кругомъ,
А й Кіевъ градъ да не малъ не великъ,
Соколу же летѣть да на меженный день,
А и маленькой птиченкѣ не пролетѣть.
А й во Кіевѣ Владиміръ пороздумался:

---

1) Т. е. столько.

«А й не знаю я да съ Батыгою поправиться,
«А й некому съ Батыгой супротивиться.
«Косогоры *(такъ)* богатырь во Святы́хъ во гора̀хъ,
«А й Самсонъ да Илья у синя́ у моря̀,
«А й мо́лодой Добрыня во чисто́мъ во поли̇̀,
«А й мо́лодой Олеша въ богомо́льной стороны̀».
По голямъ-то гулялъ двѣнадцать лѣтъ
По прозваньицу Василій сынъ Игнатьевичъ.
А й приходитъ Василій ко Баты́ги на лицо̀,
Убилъ лучшіихъ головушекъ хоро́шенькіи̇̀хъ:
Убилъ сына Батыгу Баты́говича̀,
Убилъ зятя Тороканчика Кора́бликова̀,
А й убилъ дьячка онъ выдумщичка.
А й посылае Батыга скоры́хъ гонцёвъ,
А й скорыхъ гонцёвъ да во Кіевъ славенъ градъ,
А й во Кіевъ славенъ градъ да винова́таго иска̀ть.
А й во Кіеви Владиміръ пороздумался:
«А й не знаю я да винова́таго найти̇̀».
Приходили солдаты корау́льныи:
— Бласлови-тко Владиміръ слово спро́говори̇̀ть.
— А й знаёмъ мы да винова́таго найти̇̀:
— По голямъ-то гуляль двѣнадцать лѣтъ
— По прозваньицу Василій сынъ Игнатьевичъ. —
Находили Василія въ кабаки́ на печи̇̀,
Приводили Василія ко царю́ на лицё̀.
«Опохмѣль меня Владиміръ чарой хмѣльною».
Наливае онъ чару зелена́ вина,
Другу наливае пива пьянаго,
А и третью рюму̀ да сла́дкаго меду̀.
А й сливали питьё во едино́ судно,
А й мѣрой питья полъ-пята́ ведра,
А й вѣсомъ питья полъ-пята́ пуда.
Принимается Василей едино́й рукой,
Выпивае Василей на единый духъ.

Розгорѣлось у Василья ретливо́ сердцо,
Розмахалась у Василья ручка правая:
«А и нунѣ пойду́ да ко Батыи́ги на лицо́.
«Опохмѣль меня Батыга чарой хмѣльною,
«А й пособлю я тебѣ славенъ Кіевъ градъ-тотъ взятъ».
А й на ты рѣчи Батыга пріокинулся.
Наливае онъ чару зелена вина,
Другу наливае пива пьянаго,
А й третью рюму́ да сла́дкаго меду́.
А й сливали питьё во едино́ судно,
А й мѣрой питья полъ-пята́ ведра,
А й вѣсомъ питья полъ-пята́ пуда.
Принимается Василей едино́й рукой,
Выпивае Василей во единый духъ.
Розгорѣлось у Василья ретливо сердцо,
Розмахалась у Василья ручка правая.
А и сталъ онъ по силушкѣ поѣзживатѝ,
А и сталъ-то онъ силушки поруби́ватѝ.
А и были у Батыги кони добрыи,
Кони добрыи да изнаря́женыѝ.
Поѣзжае Батыга, заклинается:
«Не дай Господи ни мни да ни дѣтямъ ни моѝмъ,
«А й ни дѣтямъ ни моимъ ни внучатамъ,
«А не внучатамъ ни пра́внучатѝмъ!
«Видно есте во Кіеви бога́тыри».

Церковно́ пѣтьё въ каменно́й Москвы,
Колокольный звонъ во Нови́-городѝ,
Щелье каменье въ сѣверно́й стороны̀,
Мхи да болота въ помо́рской стороны̀.

Записано тамъ же, 23 іюля.

19.

ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ.

У стольнаго у князя у Владимíра
Заводился у него да почестный пиръ.
Было на пиру да двѣ вдовы:
Одна Маринка Часова́ вдова,
Друга Авдотья Блудова́ вдова.
Наливае Авдотья Блудова вдова,
Наливала она чару зелена вина,
Не только вина что сладкаго́ меду,
Подносила Маринки Часовой вдовы,
За чарою она вѣдь да посваталась
На Чайноей дѣвицы на Часовичной.
Ена вылила чару во ясны́ очи,
Измочила шубу черныхъ соболей.
Ушла-то Авдотья Блудова́ вдова,
Идетъ она домой, да прикручинивши,
Прикручинивши она да запечаливши.
Стрѣчаетъ ю молодой Котёнко Блудовъ сынъ:
«Ай же ро́дна ты да моя матушка!
«Что же ты идешь да закручинивши?
«Мѣстомъ ли тебя да пріобнизили,
«Пьяница ли городова тебя вы́ругала,
«Аль чарою ли тебя да пріо́бнесли?»
— Чарою меня да не пріобнесли,
— Пьяница городовая не выругала,
— Мѣстомъ меня да не обнизили.
— Наливала я вѣдь чару зелена вина,
— А й не только вина что сладкаго́ меду,
— Подносила Марины Часовой вдовы,
— А й за чарою я да посваталась
— А й на Чайноёй дѣвицѣ на Часовичной.
— Ена вылила чару во ясны́ очи,

— Измочила у мня шубу черныхъ соболей. —
«Ай же ро́дна ты да моя матушка!
«Чайная дѣвица на моихъ рукахъ:
«Я какъ захочу, такъ за себя возьму,
«Я не захочу, — за служку за панютушку».
Справлялся онъ да скорешенько,
Убирался онъ да хорошошенько.
Видли добра молодца сядучи,
А й не видли добра молодца поѣдучи.
А й повыѣхалъ да на чисто́ поле́,
Ѣхалъ мимо покоевъ Маринки Часовой вдовы,
Хлопнулъ-то онъ палицей по терему,
Вси-ты терема да пошатался,
Верен же всѣ да розвалялися,
Терема унесъ да во чисто поле́.
Чайная дѣвица Часовична
А й бросаласи да что ль поплечь въ окно.
— Ай же молодой Котёнко ты Блудовъ сынъ!
— Отца-то у тя звали видь Блудищомъ,
— А й тебя же будутъ звать да уродищомъ!
— Что же ѣздишь по городу, уродуёшь? —
Ешъ зго́воритъ да таково слово:
«Ахъ ты Чайная дѣвица Часовична!
«У тебя-то есть да девя́ть братцёвъ,
«У твоей-то матушки девя́ть сынковъ:
«Пусть-ко выѣдутъ на чисто́ поле
«Съ молодымъ Котёнкомъ перевидѣться».
Насыпае Марина Часова вдова,
Насыпала она мису злата серебра,
Дру́гу насыпае скачна жемчугу,
Жертвуе стольнёму князю Владимiру,
Своему братцю родимому:
— Стольнiй князь да Владимiры!
— Упроси-тко молода Котёнка Блудовъ сынъ *(такъ)*,

— Чтобы взялъ бы Чайную дѣвицу Часовичну за себя замужъ,
— Не за служку бы онъ за панютушку. —
Зго́воритъ стольній князь да Владимі́ръ:
«Ай же сестрица роднмая!
«Какъ же ты да напивалася,
«Такъ же нунь да прохмѣляйся-тко».
Зго́воритъ молодой Котёнко Блудовъ сынъ:
«Кто же отъ бѣды да откупается,
«Стольній князь да накупается?»
Прирубилъ онъ, пригубилъ да до еди́ной головы
У Маринушки да Часовой вдовы,
А й сплѣнилъ-то онъ девя́ть сыновъ,
Покорилъ-то стольняго князя Владимі́ра,
Взялъ Чайну дѣвицу Часовичну
Замужъ за служку за панютушку.

Записано такъ же, 23 іюля.

20.

ДЮКЪ.

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Выѣзжае онъ на далече чисто́ полё,
Хоче по́стрѣлить да чорна ворона.
Чорный тотъ вѣдь воронъ ему смолится:
«Ай же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Не збей моей туши о сыру́ землю,
«А й не рушай моихъ перьевъ по чисту́ полю,
«Не пролей-ко крови по сыру́ дубу!
«Слава тая по Ру́си носится:
«Старца убить не спасёньё добыть,
«Во́роца убить не коры́сть получить.

«А й поѣзжай-ко ты да во Кіевъ градъ:
«Есте во Кіеви богáтыри,
«Е кому да тамъ поправиться,
«Е кому съ тобой да супротивиться».
Богатырское сердецко розгорѣлоси,
Ворона убить не захотѣлоси.
А й пріѣзжае онъ да домой-то видь
Со далеча со чиста поля:
— Ай же родна моя да вѣдь матушка,
— Ай Нанерпа ты Тимофеевна!
— Дай прощеньице мнѣ съ бласловленьицомъ,
— Я поѣду-то да во Кіевъ градъ. —
«Ай же чадо ты да мое милоё,
«Мóлодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Уродилось мое дитятко захвастливо,
«Росхватаешься животишками сиротскима».
— А й какъ дашь прощеньице, я поѣду-то,
— А й не дашь-то, я все поѣду ли. —
«Поѣзжаешь ты чадо мое милоё,
«Мóлодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«А й надéжь на себя платья́ не цвѣтныи,
«А й сапожки па ноги да не зелéнъ сафьянъ,
«А й возьми коника да мала шахманка».
Платьица надѣлъ на сéбе цвѣтныи,
А сапожки обулъ да зеленъ сафьянъ,
Бралъ коника да мала шахманка.
Видли добра молодца сядучи,
А не видли добра молодца поѣдучи.
А й бѣжалъ копёкъ да малый шахманокъ,
Горы онъ долы промежъ ногъ пущалъ,
Маленьки озерка перепрыгивалъ,
А и быстрыи рѣчки хвостóмъ застилалъ.
Во ихной во Индѣи въ богатоёй,
Во ихной во Корелы во проклятоёй,

Во ихной во деревеньки во Галичи,
Отходили отъ заутрены отъ раннёю,
А й пріѣзжае онъ да во Кіевъ градъ.
Зазвонили ко обѣдни ко столовою,
А и приходитъ во черковь присвященную,
Богу онъ да низко молится,
На вси стороны да онъ вѣдь клонится,
Крёстъ онъ кладётъ да по писа́ному,
А й поклонъ онъ ведётъ да по учёному,
Съ ножки на ножку поступливатъ,
Съ плеча́ онъ на плече́ поглядываетъ,
Онъ цвѣтны́мъ платьицемъ подрачиватъ,
Стольняго онъ князя подра́живатъ.
Згово́ритъ стольній князь да Владиміръ-тотъ:
— Какая-то наѣхала холошина боярская,
— Убилъ князя либо боярина,
— Нѣтъ дакъ сильняго могучаго бога́тыря,
— А й съ того онъ содралъ платья цвѣтныи,
— А й сапожковъ зеленъ сафьянъ не держивалъ,
— Цвѣтныихъ-то платьицовъ не нашивалъ. —
Отхо́дя-то отъ обѣдни отъ столовою,
Згово́ритъ стольній князь да Владиміры:
— Люди есть да вы вѣдь зашлыи,
— Хлѣба кушать я ми́лости прошу́. —
Згово́ритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«А й въ чужомъ-то мѣсти да къ обѣду радъ».
А й самъ згово́ритъ да таково слово:
«Ай сказали что во Кіеви хорошо́ да хорошо́!
«Здѣ-ка мостики да все вѣдь каменны
«А дороженьки да здѣсь вѣдь гли́нянны,
«А й зеленъ сафьянъ сапожки мараются.
«Какъ у насъ-то во Индѣи во богатоей,
«Во Корелы-то у насъ да во проклятоей,
«Во дере́венькѣ у насъ да въ Галичи,

«Мостики у насъ-то все калиновы,
«Сукна-то у насъ да одинцовыи,
«А й зеленъ сафьянъ сапожки идя чистятся,
«Во черну́ю грязь да не мараются».
Приходитъ онъ во полаты бѣлокаменны,
А й сидитъ ёнъ за столомъ да за дубовымъ,
Мякишокъ онъ ѣстъ, корочки подъ столъ роётъ,
Самъ въ окошечко сидитъ да поглядываетъ:
«Ай сказали что въ Кіеви хорошо́ да хорошо̀!
«Здѣ-ка печки все да вѣдь глиняны,
«А й помялушка-то все да вѣдь сосновыи,
«А й пахнутъ пирожки да на помялышка.
«Какъ у моей-то у родной у матушки
«У Наперпы да Тимофеевны
«А й печки у нёй да всѣ хрустальныи,
«Помялушка у ней да семи шелковъ, —
«Пирожокъ-тотъ ѣшь — другой въ ру́ки берёшь,
«По третьеёмъ да душа горитъ.
«Здѣ-ка домики да все камешныи,
«Крышечки да все желѣзныи.
«У насъ какъ во Индѣи во богатоёй,
«Во Корелы-то у насъ да во проклятоей,
«Въ нашей во дере́вньки во Галичи,
«Домики у насъ да сто́я мѣдныи,
«Крыши у насъ да все серебряны,
«Шо́ломы, потоки[1]) золочоные,
«Шарики самоцвѣтныи камешки,
«Домики стоятъ да быдто жаръ горятъ».
— Ай же мо́лодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— А й можешь ли да намъ сказать:
— Колько писаревъ могутъ имѣнье о́писать? —
«Ай же стольнёй князь да Владимі́ры!

1) Шоломы — крыши, потоки — желоба для стока воды.

«Не описать мойго имѣнья шести писарямъ,
«Шести писарямъ.да во двѣнадцать годъ».
Отправляе стольнёй князь да Владиміры
Трехъ писарей да трехъ молóдыихъ,
Ужъ какъ мáстеровъ да онъ ученыихъ,
А й посадилъ его въ крѣпь да во тёмную.
А й приходятъ писари-то молóдыи,
Мáстеры приходятъ что ль ученыи
А во ихъ-то во Индѣю во богатую,
А во ихъ-то во Корелу во проклятую,
Во дерéвеньку его да вѣдь во Гáличу,
Къ родной его да вѣдь къ матушки
А й къ Нанерпы оны къ Тимофеевной:
— Здравствуёшь Наперпа Тимофеевна,
— Молода боярина Дюка Степанова матушка!
— Мы посланы отъ стольняго отъ князя отъ Владиміра
— Описывать ваше что ль имѣньицо. —
Она згóворитъ да таково слово:
«Уродилось моё дитятко захвастливо,
«Росхвастался животишками сиротскима».
Отворила она погребъ глубокіи,
Показала она сбрую лошадиную.
А й сидѣли три писаря молóдыихъ,
А й писали-то мáстера ученыи,
Шесть годовъ описали шостую частиночку
Этой сбруи лошадиноёй.
Самы згóворятъ да таково слово:
— Не описать намъ имѣнья на своемъ вѣку.
— Ай же родна его матушка,
— Нанерпа ты да Тимофеевна!
— Мы не будемъ описывать имѣньица,
— Только отвори-тко погребы глубокіи. —
Отворила она погребы глубокіи.
А й висятъ-то во погребѣ три бочечки,

А й бочечки висятъ да серебряны
На цѣпочечкахъ да золочоныихъ
А й въ одно мѣсто да пощáлкиваютъ,
Будто бѣлыи лебёдушки разговáриваютъ.
Они згóворятъ да таково слово:
— Ты прощай-ко Нанерпа Тимофеевна!
— Мы поѣдемъ да въ свою сторону,
— Къ стольнёму князю ко Владимíру. —
Идутъ-то мастеры молóдыи,
Писари идутъ да вѣдь ученыи.
Згóворитъ стольней князь Владимíры:
— Срубимъ мы вѣдь буйну голову
— Молоду боярину Дюку Степановичу.
— Описали три писаря молóдыихъ
— А имѣнье его во шесть годовъ. —
А й приходя ко стольнему ко князю ко Владимíру.
— Стольней князь да Владимíръ-то,
— А й тебѣ рубить да буйна голова,
— Не описать намъ имѣнья на своемъ вѣку. —
А й повыпустили молода боярина Дюка Степановича
А й съ темнóй крѣпи.
Онъ повыѣхалъ на чистó поле
А й побилъ молода Чурилушку Щаплёнкова,
Завоевалъ онъ двухъ братцевъ двухъ Любóвичёвъ,
А й покорилъ онъ стольняго князя Владимíра.

Записано тамъ же, 23 іюля.

III.

ДОМНА КОНОНОВА.

Домна Дмитріевна Кононова, мать богатыхъ крестьянъ-торговцевъ Кононовыхъ въ дер. Римъ на Пудожской Горѣ, 69-лѣтняя беззубая старуха. Она знала въ молодости довольно много былинъ

и поетъ ихъ до сихъ поръ, но только для того, чтобы «тѣшить» (т. е. баюкать) внучатъ, которыхъ ей предоставлено нянчить. Съ ея словъ было очень трудно записывать, потому что она, шамкая, выговариваетъ слишкомъ невнятно. Она часто путаетъ и сбивается на прозаическій ладъ сказки. Здѣсь помѣщается одна ея «старинка», какъ образчикъ былины, получившей названіе колыбельной пѣсни. Въ такомъ же родѣ она пѣла отрывки былинъ про Илью Муромца и Дюка Степановича.

21.

СТАВЕРЪ.

Солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской
Задернулъ онъ почéстный пиръ
На всихъ князей, на бóяра,
На всихъ могучіихъ богáтырей,
На всихъ поляницъ на удалыихъ.
Соѣзжалися на почестный пиръ
Вси князи и вси бóяра,
Вси могучіи богáтыри,
Вси поляницы удалыи.
Отъ города Черни́-города
Пріѣзжае молодый Ставёръ сынъ Гординовичъ.
По ступенькамъ ставится тихошенько,
По сѣнечкамъ и́де легошенько,
Крестъ кладе по писáному,
Поклонъ веде по ученому
На вси на четыре на стороны,
Солнышку Владиміру въ особину:
«Здравствуй солнышко Владиміръ князь,
«Со своей любимой племянничкой,
«Со Анной со Владиміровной!»
Говоритъ солнышко Владиміръ князь:

— Поди-тко дородній добрый молодецъ!
— Ты коéй земли, коéй орды,
— Коего отца, коéй матери,
— Какъ тебя именéмъ зовутъ,
— Какъ величаютъ по отечеству? —
«Я изъ города Черни́-города
«Мóлодой Ставёръ сынъ Гординовичъ».
Садился за дубовый столъ.
Они пили, веселилися,
Вси стали пьяны-веселы,
Вси на пиру поросхвастались.
Сильный хвастаетъ своей силою,
Богатый хвастаетъ богачествомъ,
Иный хвастатъ добры́мъ конемъ,
А разумный хвастатъ отцомъ матерью,
А безумный хвастатъ молодой женой.
Молодой Ставёръ сынъ Гординовичъ
Сидитъ, не ѣстъ, не пьетъ, не кушаетъ,
Ничимъ же онъ не хвастаетъ.
Говоритъ солнышко Владимíръ князь стольнё-кіевской:
— Что же ты, дородній добрый молодецъ,
— Сидишь, не ѣшь, не пьешь, не кушаешь,
— Ничимъ же ты молодецъ не хвастаешь? —
Говоритъ молодой Ставёръ сынъ Гординовичъ:
«Ай ты солнышко Владимíръ князь стольнё-кіевской!
«Чимъ же мнѣ молодцу похвастати?
«Силою я вышелъ не сильный,
«А богачествомъ не богатый,
«А добра́ коня не случилоси.
«Только хвастать мнѣ не хвастать ли молодой женой,
«Молодой женой Настасьей Микуличной:
«Есть у меня молода жена,
«Вашъ Кіевъ градъ купи́тъ-продастъ,
«Самого царя съ ума выведетъ».

Тып рѣчи ему не слюбилиси,
Онъ зго́воритъ своимъ слугамъ вѣрнымъ:
— Вы возьмите Ставра́, сведи́те Ставра́,
— Сведите Ставра во глубокъ погребъ,
— За его за рѣчи неумильни,
— За́прите рѣшеточки желѣзни,
— Клади́те на́кладки булатни. —
Взяли слуги вѣрны,
Повели Ставра во глубокъ погребъ.
Былъ у него грозёнъ посёлъ,
Служка Микулка Селя́гиновичъ.
Садился онъ на добра́ коня,
Былъ во городи во Кіеви,
Объявился въ городи въ Черни́-городи,
Приходитъ къ молодой женѣ,
Къ молодой Настасьѣ Микуличной:
«Здравствуй молода жена,
«Молода Настасья Микулична!
«Ты ѣшь да пьешь да прохлаждаешься,
«Надъ собой незгодушки не вѣдаешь!
«Засаженъ Ставёръ во глубокъ погребъ
«За свои за рѣчи неумильни:
«Ухвасталъ тобой молодой женой,
«Что скупишь-продашь весь Кіевъ градъ,
«Самого царя съ ума выведешь».
А скорешенько ставала на рѣзвы́ ноги,
Здумала своимъ умомъ-разумомъ,
Садилась на ременьчатъ стулъ,
Подбривала волоса свои женски по мужичьему,
Надѣвала она платьица мужичьи,
Сѣдлала она добра́ коня.
Какъ видли Настасьюшку сядучи,
А не видли Настасьюшки поѣдучи.
Была въ городи Черни́-городи,

Объявиласи во городи во Кіеви.
По ступенцамъ идетъ тихошенько,
По сѝнечкамъ и́де полегошенько,
Крестъ кладе по писа́ному,
Поклонъ веде по ученому
На вси на три на четыре на стороны,
Солнышку Владимі́ру въ особину:
— Здравствуешь Владиміръ стольнё-кіевской,
— Со своей Анной со Владиміровной! —
«Поди-тко ты пожалуй добрый молодецъ!
«Ты коéй земли, коéй орды,
«Коего отца, кóей матери,
«Какъ тебя именéмъ зовутъ,
«Какъ величаютъ по отечеству?»
— Я отъ города отъ Черни́-города,
— А зовутъ Василій Микулиничъ.
— У тебя есть племянница любимая
— А по имени Анна Владиміровна,
— Хочу взять за себя, ты хоти-тко да́ть за меня,
— Честнымъ пиркомъ да за свадебку. —
Говоритъ Анна Владиміровна:
«Не отдавай ты дѣвчину за женщину,
«Обумъ [1]) буде съ тоски пропасть».
— А я могу посла отвѣдати:
— Истоплю я парну баенку,
— Сходимъ мы съ посломъ попариться. —
Истопили парну баенку,
Солнышко Владиміръ иде въ баенку,
А молодой посолъ иде изъ баенки.
Говоритъ Владиміръ князь стольнё-кіевской:
«Что же грозёнъ посёлъ скорò попарился?»
— Ай ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!

---

1) Т. е. обоимъ.

— Ваше дѣло е хозяйское,
— Наше дѣло е дорожное. —
Говоритъ Анна Володиміровна:
«Не отдавай ты дѣвчину за женщину,
«Обумъ буде съ тоски пропастъ».
— А я могу посла отвѣдати:
— Постелимъ ему постельку пуховую. —
Онъ полъ-ночи спалъ головой на зголовьицѣ,
А полъ-ночи спалъ ногами на зголовьицѣ.
Не могъ посла отвѣдати,
Хочетъ выдать Анну Володиміровну.
Анна Володиміровна тутъ змолиласи:
«Не отдавай ты дѣвчину за женщину,
«Обумъ буде съ тоски пропастъ.
«На лавочки сидитъ, ногами вмѣстѣ жметъ,
«Съ проволóкою глаза поваживаетъ».
— А я могу посла отвѣдати:
— Дамъ ему стрѣлочку каленую,
— Пускай росколетъ во чистóмъ поли,
— Чтобы обѣ стороны ровнымъ ровны,
— А тамъ честнымъ пиркомъ да за свадебку. —

Раскололъ Василій Микулиничъ; потомъ онъ потребовалъ себѣ поединщика. Владиміръ спрашиваетъ: кого дать поединщикомъ? Онъ говоритъ: Есть у тебя въ погребу Ставеръ Гординовичъ; дай мнѣ его въ поединщики». Тутъ они въ чистомъ полѣ съѣхались и разъѣхались; разъ съѣхались, — никой никого не ранили; она говоритъ:

Помнишь ли Ставёръ, памятуешь ли Ставёръ,
Когда я колечко поставливала,
Ты стрѣлочкой въ колечко-то попадывалъ?

Онъ въ эти рѣчи не вчуется; съѣхались въ другой разъ, опять никой никого не ранилъ. Она говоритъ:

Помнишь ли Ставёръ, памятуешь ли Ставёръ,
Когда я колечко поставливала,
Ты сваечкой въ колечко попадывалъ?

Въ третій разъ съѣхались, опять другъ друга не ранили. Тутъ она размахнула груди свои женскіи.

Тутъ онъ бралъ ю за ручки за бѣлыи,
Цѣловалъ въ уста сахарніи,
Пошолъ ко солнышку Владиміру.

Владиміръ князь стольнё-кіевской ему простилъ вину, что похвасталъ молодой женой:

Не пустымъ онъ ей похвасталъ.

Записано тамъ же, 22 іюля.

IV.

КОРСАКОВЪ.

Ѳедоръ Александровичъ Корсаковъ, крестьянинъ дер. Костиной, Песчанской волости (сосѣдней съ Пудожгорскою, но принадлежащей къ Пудожскому уѣзду), парень 26 лѣтъ, выучившись портняжному мастерству, ходилъ работать по деревнямъ и въ это время научился пѣть былины. Потомъ, бросилъ это занятіе, ходилъ бурлачить на каналъ, работалъ въ камещыкахъ въ Гатчинѣ; истративъ заработанныя деньги въ Петербургѣ, поступилъ въ услуженье къ одному купцу; наконецъ возвратился домой и, женившись, сѣлъ на крестьянство. Корсаковъ необыкновенный весельчакъ, юмористъ, мастеръ пѣть лихія и похабныя пѣсни; большой охотникъ погулять, онъ служитъ запѣвалой и вожакомъ молодежи на деревенскихъ праздникахъ. Былины отошли у него на второй планъ; онъ забылъ бо́льшую часть тѣхъ, которыя пѣвалъ въ прежнее время.

22.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

Тѣни изъ-подъ тѣни изъ-подъ той стѣны высокія,
Изъ-подъ той ли сподъ березки сподъ кудрявыя
Протекала тутъ рѣченка быстрая.
Изъ-подъ той ли изъ-подъ сѣверной сторонушки
Ѣхалъ тутъ черезъ эту быстру рѣченку,
Ѣхалъ Батыга Батыговичъ,
Ѣхалъ-то онъ да во Кіевъ градъ
А й ко ласковому князю ко Владиміру
И со своёй ли рать-силою великою,
Обставилъ тутъ силы-то кругъ Кіева,
А на всѣ же на сторонушки а на шесть верстъ,
Хочетъ забрать нашъ Кіевъ градъ.
Выходили тутъ тура̀ со турятами,
А й со глупыма со малыма ребятами.
Они видѣли надъ Кіевомъ незгодушку,
Они видѣли надъ Кіевомъ великую,
Они видѣли надъ Кіевомъ чудны́мъ чудны́мъ-чудно̀,
Они видѣли надъ Кіевомъ дивны́мъ дивны́мъ-дивно̀.
Выходилъ-то нынь нашъ Владиміръ князь
Со своими подарками золочеными.
Онъ встрѣчалъ-то Батыгу Батыговица.
Проситъ Батыгу Батыговича
А въ свои полаты бѣлокаменны,
И хлѣбца соли-то ему да покушати,
А колачиковъ крупивчатыхъ порушати.
Идётъ-то Одолище поганое
А ко ласковому князю ко Владиміру.
Вдругъ посылалъ онъ повѣсточку
Къ старому казакѣ къ Ильи Муромцу,
Къ Ильи Муромцу да во чисто́ полё,
Посѣвалъ бы онъ да на бощо.

Услыхалъ нашъ казакъ Илья Муромецъ,
Сталъ-то успѣвать по своимъ успѣхамъ богатырскімъ,
Сталъ-то успѣвать со чистà поля да во Кіевъ градъ
А ко ласковому князю ко Владимiру.
Пріѣзжаетъ онъ во дворовую,
Одѣваетъ нунь одежу соби стариковскую,
Кладывáетъ собѣ шляпоньку пуховую,
А беретъ въ руки клюху нунь горбатую,
А идетъ онъ нунь въ полату бѣлокаменну,
Къ тому ли-то къ Одолищу поганому.
А сидитъ-то Одолищо поганое
За почестнымъ столомъ да у князя у Владимiра.
Очень нашъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Очень же низко ему кланялся:
— Здравствуй-ко Одолищо поганое! —
«Здравствуй ты калика перехожая!
«Видалъ ли ты, калика перехожая,
«Храбраго воина да Илью Муромца?»
Отвѣчалъ-то калика перехожая:
— А й такой же нашъ богáтырь Илья Муромецъ,
— Онъ такой же есть какъ и самый я. —
Говоритъ тутъ Одолищо поганоё:
«А по многу ли вашъ казакъ Илья Муромецъ къ выти хлѣба кушаётъ?»
— Малую часть нашiй кушаетъ,
— По три-то фунтика колачиковъ крупивчатыхъ,
— А й по малепькой-то чашечкѣ воды-то пьетъ. —
Отвѣчаетъ Одолищо поганоё:
«По семи-то пудовъ я къ выти кушаю,
«По цѣлой кадки воды кушаю».
Говоритъ тутъ калика перехожая
А й тому ли-то Одолищу поганому:
— Была-то у моего же родна нуни батюшка,
— Была же лошадь халстная *(такъ)*,

— А по многу она ѣла, пила, кушала,
— Очень-то скоро сама лопнула. —
Не понравилось Одолищу поганому.
Онъ смахнулъ-то со стола да ножомъ собѣ длиннымъ,
Этотъ-то ножъ да стоёмъ же сталъ.
Обвернулся нашъ калика перехожая,
А подвинулся къ Одолищу поганому,
Какъ ударилъ ёму шляпонькой пуховою,
А й прогрязла голова тутъ у Одолища поганаго.
Старыи казакъ Илья Муромецъ
Выходилъ-то онъ во дворовую,
Онъ беретъ собѣ коня да богатырсково,
Во другихъ-то беретъ собѣ палицу стопудовую,
Въ другу-ту руку копье длинное.
Поѣхалъ онъ на рать на силушку великую,
На великую, на татарскую.
Сталъ-то по силушки поскакивать,
Онъ прибилъ нунь всю силу-то великую.
Пріѣзжаетъ-то ко князю ко Владимiру.
Сдѣлали весельицо почестный пиръ,
Стали тутъ жить оны по прежному.
Ничего-то князь нунь не опасается,
Никого ли-то нунь не сумляется.
Отправлялся нашъ старыи казакъ Илья Муромецъ
Ко тому ли-то ко ко́ролю Литомскому
Посмотрить его дочери любимоей,
Той ли-то Марьи Митрiе́вичной.
А женить ему нужно братца нунь крестоваго,
А й братца того ли названаго,
А того ли то Иванушка могучаго.
Пріѣзжали тутъ ко ко́ролю Литомскому,
А ко его ли-то ко доченки любимыя,
А ко той ли-то ко Марьи Митрiевичной.
Взяли то ю и въ замужество

За того ли-то Иванушка могучаго,
Сдѣлали оны да почестный пиръ,
На пиру-то вси напивалися,
На пиру-то вси похвалялися.
Говоритъ-то нашъ князь стольнё-кіевской:
«Вы вѣрныи мои да служители!
«Не съѣзжайте-ко вы со Кіева,
«А живите-тко вы да по старому,
«Живите-тко по старому по прежному».

Записано въ дер. Римъ на
Пудожской Горѣ, 23 іюля.

23.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Въ славномъ во городѣ во Муровѣ,
А й села-тко да Качегарова,
А й у ласковаго князя у Владимiра,
Былъ у нихъ да есть почестный пиръ.
На пиру да былъ слуга вѣрныи,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Во другихъ-то мóлодый Дюкъ Степановичъ,
А Чурилушка же Плёнковичъ,
А й Олешенька Поповичъ королевскiй сынъ,
А еще-то былъ Добрынюшка Микитиничъ;
Онъ захвастливый же былъ да неудачливый.
Онъ выходилъ съ почестнаго пира отъ князя отъ Владимiра,
И приходилъ-то къ государыни къ своей да родной мамепьки
И воспроговорилъ же ей да таково слово:
«Ай же ты государыни Добрынюшкина матушка,
«А Ефимья ты же Олександровна!
«И ты когда меня спорóдила,
«Завернула бы въ камочки во крушатыя,

«Ты кидала бы меня да во сине море!
«Не ходилъ бы я Добрыня по бѣлу́ свѣту,
«Не рутил̀ъ бы я Добрынюшка тутъ горькихъ слезъ».
— Ай же ты мое да чадо милоё,
— А дитя мое любимоё,
— Ты Добрыня сынъ Никитиничъ!
— Ужъ я рада бы тебя спо́родить,
— А я силою въ бога́тыря да въ Илью Муромца,
— Я богачествомъ во Дюка во Степанова,
— А я удалью въ Чурилушку е Плёнкова,
— А я смѣлостью въ Олешеньку въ Поповича. —
Какъ во пору же е во то́ время
Выходилъ-то нашъ Добрынюшка да онъ Никитиничъ,
Онъ-ка бралъ соби коня есте добраго,
А онъ добра́ коня да богатырскаго,
А сѣдлалъ ему сѣделушко черкальское,
А стремена кладетъ да золоченыя,
Онъ подтяжечки подтягивалъ шелковыя.
Одѣвае собѣ латы богатырскія,
Онъ беретъ соби копьс-то въ руки длинное,
Онъ-ка палицу да стопудовую.
Онъ садился на своего добра́ коня
И хочетъ выѣхать онъ съ широка́ двора,
А съ широка двора да онъ въ чисто́ поле́.
И наказывае на поѣздѣ таково слово
Государыни своей да родной маменькѣ
Онъ Офимьѣ Олександровной,
И во дру́гихъ онъ наказывалъ своей да молодой женѣ,
Молодой-то е Настасіи Микуличной:
«Я ѣду въ чисто́ поле,
«Проживи-тко ты, исполни мою заповѣдь,
«Проживи же ты нуньчу шесть годовъ,
«А потомъ-то хоть вдовой живи, хоть заму́жъ поди,
«Если я не буду черезъ шесть годовъ съ чиста́ поля,

[illegible] быть за богатыря, хоть за крестьянина,
[illegible] ты за братца за крестоваго,
[illegible] ты Поповича,
[illegible] за любимого ты надсмѣшника».
[illegible] богатыря-то сядучи,
[illegible] богатыря поѣдучи.
[illegible] Добрыня съ широка́ двора,
[illegible] воротами широкима,
[illegible] черезъ стѣну городовую,
[illegible] горы на гору поскакивать,
[illegible] между ногъ пустилъ,
[illegible] кунь озера перескакивалъ.
[illegible] богатырскія,
[illegible] лошадиныя
[illegible] какъ вода течетъ,
[illegible] и дождь дожжитъ.
[illegible] времечки е шесть годовъ,
[illegible] Добрынюшки съ чиста поля.
[illegible] королевскій сынъ похаживать,
[illegible] столынё-кіевской.
[illegible]
[illegible] жену,
[illegible] Микуличну,
[illegible] за крестоваго,
[illegible]
[illegible] за друго шесть годовъ:
[illegible] сынъ Никитиничъ,
[illegible] чистá поля,
[illegible] пойду.
[illegible] богатырскія,
[illegible] лошадиныя
[illegible] какъ вода течетъ,
[illegible] и дождь дожжитъ.
[illegible] времечки двѣнадцать годъ,

Не видать-то все Добрынюшки съ чиста поля.
И приходилъ Олеша королевскій сынъ,
Въ другихъ съ нимъ князь стольнё-кіевской,
Приходили на́ ей теперь свататься.
Тутъ Добрынина да молода жена,
И молода-то е Настасья да Микулична,
Еще ту́да-ка она да е замужъ пошла
За того ли-то за братца за крестоваго,
За Олешеньку она да за Поповича.
Какъ повелся-то у нихъ почестный пиръ да свадебка,
Повелась-то свадебка двѣнадцать дёнъ,
На пиру-то вси да напивалися,
На пиру-то вси да наѣдалися.
Очень строго е приказано
Какъ у ласковаго князя у Владиміра,
Кто если вспомнитъ на почестномъ пиру на свадебки
А й Добрынюшки его да нунь Микитича,
Еще прямо нунь сади того во крѣпости,
А не спрашивать ни роду и ни племени,
Никакого его теперь да отзыву.
Они крѣпости всѣ да повы́ладили,
А столбы-то вси оны е повы́ставили,
А для всякою опасности,
Въ особину же для Добрынюшки да е Микитича,
Чтобы въ ту пору да въ то время
Не пріѣхалъ нашъ Добрыня на почестенъ пиръ:
Какъ идетъ у нихъ почестный пиръ да свадебка
И послѣдній день да е двѣнадцатой.
Какъ во ту пору во то время
Наѣзжалъ-то нашъ Добрынюшка съ чиста поля.
Онъ пріѣхалъ осерёдъ двора широкаго,
Привязалъ коня да ко столбу да ко точеному,
И къ тому ли-то кольцу да золоченому,
И приходилъ онъ къ государыни къ своей родной маменькѣ

Ужъ онъ крёстъ-отъ да кладетъ тамъ по писа́ному,
Онъ поклонъ-тотъ тамъ ведетъ да по учёному,
А й на вси да на чстыре на сторонушки,
Онъ какъ матушки своёй да е въ особину.
Воспрого́воритъ же самъ да таково слово
А своей да ро́дной маменькѣ
Онъ Офимьѣ Олександровной:
«Ужъ ты здравствуй государыни Добрынюшкина матушка!
«Отъ Добрыни я тебѣ-ка-ва поклонъ привезъ.
«Мы съ твоимъ-то чадомъ милымъ,
«А съ дѣтёмъ твоимъ да е любимымъ,
«А й съ Добрынюшкой Микитицомъ
«Вмѣстѣ были во чисто́мъ поли.
«Онъ поѣхалъ тамъ дороженькой околыею,
«Я же ѣхалъ тамъ дорожкой прямоѣзжею.
«Онъ поѣхалъ на почестный пиръ на свадебку
«А ко ласковому князю ко Владиміру,
«А ко своему-то братцу ко названому,
«А къ тому ли-то Олешенькѣ Поповичу».
— Ай же ты молодая скоморошина,
— Ты кабацкая кака ни е подпо́рина!
— Не должно бы те да надо мною надсмѣхатися.
— Закатилоси мое да красно солнышко двѣнадцать годъ,
— Закатается теперь да младъ свѣтёлъ мѣсяцъ,
— А й Добрынина да молода жена,
— Молода-то е Настасья да Микулична,
— А й тутъ она замужъ ушла
— А й за братца за названаго крестоваго,
— За Олешеньку да е Поповича.
— А й ведется тамъ у нихъ почестный пиръ да свадебка,
— А ведется-то послѣдній день двѣнадцатый. —
Воспрого́воритъ Добрыня таково слово:
«Еще велѣлъ Добрынюшка Микитинычъ
«Привезти-то онъ гусёлышка яровчаты,

«А которыи находятся въ пего во ложняхъ тамъ во теплыихъ
«На кроваточки кисовыя
«А на стопочки да на точёныя,
«И велѣлъ-то привезти на почестный пиръ на свадебку,
«Звеселить свое сердечко богатырскоё».
Только стала нонь смекатися,
По рѣчамъ его да догадатися,
Кинула ему руку на голову,
Увидала у него да е примѣточку:
— Не моё ли ты да чадо милоё,
— Не моё ли ты дитя было любимоё,
— А не Добрыня ль сынъ да былъ Никитиничъ?
— Извини-ко ты да нунь пожалуста,
— Что обругала я тебя да обезчестила,
— А удаленькаго храбраго же воина. —
Цѣловала тутъ его въ бѣлы́ уста,
Нарекала своимъ сыномъ милымъ
А дѣтёмъ она его любимымъ.
Ухватилъ-то тутъ Добрынюшка Микитиничъ
Онъ свои-то тамъ гуселышки яровчаты,
Поскакалъ-то онъ на гридню на столовую
А ко ласковому князю ко Владиміру
Да къ названому ко братцу ко крестовому,
А къ тому ли ко Олешенькѣ Поповичу,
Да къ княгинѣ ко своей да молодой жены.
Пріѣзжалъ-то онъ ко каменно́й стѣны,
Къ широкимъ-то воротамъ, ко крѣпости.
Какъ у ласковаго князя у Владиміра
А приставлены-то всѣ да заключевники
А всѣ главныи свои да дворнички
А ко той ли къ высокой да каменно́й стѣны
А къ воротамъ да ко широкімъ.
Очень строго имъ наказано:
А й у князя у Владиміра

Не пущать-то на почестный пиръ на свадебку
Никакого-то безъ званія,
Безъ доклада все жъ у ласковаго князя у Владиміра.
Высыпаетъ имъ онъ злата коньку сéребра,
А всимъ дворничкамъ да заключевничкамъ,
Онъ же скачнаго имъ жемчуга.
Очень крѣпко имъ да здоложается,
На почестный пиръ дается:
«Выпустите-ко меня вы нунь пожалуста,
«А вси дворнички вы заключевнички,
«А ко ласковому князю ко Владиміру».
Не пущаютъ нунь Добрынюшки Микитича,
Не берутъ съ него ни злата нунь ни серебра,
А ни скачнаго-то жемчуга,
Не пущаютъ на почестный пиръ на свадебку
А ко братцу названому крестовому,
А къ тому ли-то къ Олешенькѣ къ Поповичу
И молодой жены къ Настасьи да къ Микуличной:
«Вы подите-ко пожалуста,
«А вси дворнички вы заключевнички,
«Здоложите-ко вы ласковому князю да Владиміру
«Обо мнѣ о храброемъ о воинѣ».
Отошли отъ воротъ вси дворнички
А вси главные его да заключевнички.
Розгорѣлоси его сердечнко ретливое,
Онъ столбы-то всѣ повышаталъ
И ворота-то во чисто поле повыкидалъ.
Онъ зашолъ-то на почестный пиръ на свадебку
И высталъ тамъ на печеньку муравую,
И сталъ онъ струночки потягивать,
Сталъ гуселышка подлаживать.
Заигралъ какъ онъ въ гуселышка яровчаты,
На почестноемъ пиру да на свадебкѣ,
На пиру-то вси да призамолкнули.

Звеселилъ-то онъ какъ ласковаго князя да Владимíра,
Воспрогóворитъ ему да таково слово:
— Ай же ты молодецъ, съ какой земли, съ какой орды?
— Я не знаю есть ли имечки тобѣ, отечества.
— Опущайся-ко со печки со муравыя,
— Ты садись-ко съ нами на почестный пиръ на золотъ стулъ
— А въ особину, гдѣ мѣсто е понравится. —
Наливаетъ ёму чару зелена вина,
Еще медамы настоялыма,
Подносилъ-то тутъ Добрыни е Микитицу:
— Ай же ты да молодой игрокъ!
— Ужъ ты пей-ко отъ меня да чару зелена вина. —
А й другую чару-то подноситъ братецъ да названенькой,
Молодой князь а й Олешенька Поповичъ королевскій сынъ.
Еще третью чару наливае молода жена,
Молода Настасéя-та Микулична:
«Пей-ко ты же отъ меня да чару зелена вина.
«Какъ игралъ такой игрой мой прежній мужъ,
«А Добрыня сынъ Микитиничъ».
И взялъ пóложилъ Добрынюшка Микитиничъ
А свой перстень-то злаченыя,
А которымъ съ ней да поручался,
Онъ во чару зелена вина,
Подносилъ возвратно молодой жены:
— Ай же ты княгиня молодá! пей отъ меня чару зелена вина.
— Ужъ ты пьешь до дна, такъ увидашь добра,
— А не пьешь до дна, не видашь добра. —
Выпивала Настасéя тутъ Микуличпа,
Выпивала она чару зелена вина,
Увидала тамъ свой перстень-то злачоныя,
А которымъ же съ Добрыней поручаласи.
Воспрогóворитъ она за почестнымъ пиромъ за свадебкой,
Воспрогóворитъ она да таково слово:

Помнишь ли Ставёръ, памятуешь ли Ставёръ,
Когда я колечко поставливала,
Ты сваечкой въ колечко попадывалъ?

Въ третій разъ съѣхались, опять другъ друга не ранили. Тутъ она размахнула груди свои женскіи.

Тутъ онъ бралъ ю за ручки за бѣлыи,
Цѣловалъ въ уста сахарніи,
Пошолъ ко солнышку Владиміру.

Владиміръ князь стольнё-кіевской ему простилъ вину, что похвасталъ молодой женой:

Не пустымъ онъ ей похвасталъ.

Записано тамъ же, 22 іюля.

IV.

КОРСАКОВЪ.

Ѳедоръ Александровичъ Корсаковъ, крестьянинъ дер. Костиной, Песчанской волости (сосѣдней съ Пудожгорскою, но принадлежащей къ Пудожскому уѣзду), парень 26 лѣтъ, выучившись портняжному мастерству, ходилъ работать по деревнямъ и въ это время научился пѣть былины. Потомъ, бросилъ это занятіе, ходилъ бурлачить на каналъ, работалъ въ каменьщикахъ въ Гатчинѣ; истративъ заработанныя деньги въ Петербургѣ, поступилъ въ услуженье къ одному купцу; наконецъ возвратился домой и, женившись, сѣлъ на крестьянство. Корсаковъ необыкновенный весельчакъ, юмористъ, мастеръ пѣть лихія и похабныя пѣсни; большой охотникъ погулять, онъ служитъ запѣвалой и вожакомъ молодежи на деревенскихъ праздникахъ. Былины отошли у него на второй планъ; онъ забылъ бо́льшую часть тѣхъ, которыя пѣвалъ въ прежнее время.

22.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

Тѣши изъ-подъ тѣни изъ-подъ той стѣны высокія,
Изъ-подъ той ли сподъ березки сподъ кудрявыя
Протекала тутъ рѣченка быстрая.
Изъ-подъ той ли изъ-подъ сѣверной сторонушки
Ѣхалъ тутъ черезъ эту быстру рѣченку,
Ѣхалъ Батыга Батыговичъ,
Ѣхалъ-то онъ да во Кіевъ градъ
А й ко ласковому князю ко Владиміру
И со своёй ли рать-силою великою,
Обставилъ тутъ силы-то кругъ Кіева,
А на всѣ же на сторонушки а на шесть верстъ,
Хочетъ забрать нашъ Кіевъ градъ.
Выходили тутъ турà со турятами,
А й со глупыма со малыма ребятами.
Они видѣли надъ Кіевомъ незгодушку,
Они видѣли надъ Кіевомъ великую,
Они видѣли надъ Кіевомъ чудны́мъ чудны́мъ-чудно̀,
Они видѣли надъ Кіевомъ дивны́мъ дивны́мъ-дивно̀.
Выходилъ-то нынь нашъ Владиміръ князь
Со своими подарками золочеными.
Онъ встрѣчалъ-то Батыгу Батыговича.
Проситъ Батыгу Батыговича
А въ свои полаты бѣлокаменны,
И хлѣбца соли-то ему да покушати,
А колачиковъ крупивчатыхъ порушати.
Идётъ-то Идолище поганое
А ко ласковому князю ко Владиміру.
Вдругъ посылалъ онъ повѣсточку
Къ старому казáкѣ къ Ильи Муромцу,
Къ Ильи Муромцу да во чистó полё,
Посѣвалъ бы онъ да на бощо.

Услыхалъ нашъ казакъ Илья Муромецъ,
Сталъ-то успѣвать по своимъ успѣхамъ богатырскімъ,
Сталъ-то успѣвать со чистà поля да во Кіевъ градъ
А ко ласковому князю ко Владимiру.
Пріѣзжаетъ онъ во дворовую,
Одѣваетъ нунь одежу соби стариковскую,
Кладывáетъ собѣ шляпоньку пуховую,
А беретъ въ руки клюху нунь горбатую,
А идетъ онъ нунь въ полату бѣлокаменну,
Къ тому ли-то къ Одолищу поганому.
А сидитъ-то Одолищо поганое
За почестнымъ столомъ да у князя у Владимiра.
Очень нашъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Очень же низко ему кланялся:
— Здравствуй-ко Одолищо поганое! —
«Здравствуй ты калика перехожая!
«Видалъ ли ты, калика перехожая,
«Храбраго воина да Илью Муромца?»
Отвѣчалъ-то калика перехожая:
— А й такой же нашъ богáтырь Илья Муромецъ,
— Онъ такой же есть какъ и самый я. —
Говоритъ тутъ Одолищо поганоё:
«А по многу ли вашъ казакъ Илья Муромецъ къ выти хлѣба кушаётъ?»
— Малую часть нашiй кушаетъ,
— По три-то фунтика колачиковъ крупивчатыхъ,
— А й по малепькой-то чашечкѣ воды-то пьетъ. —
Отвѣчаетъ Одолищо поганоё:
«По семи-то пудовъ я къ выти кушаю,
«По цѣлой кадки воды кушаю».
Говоритъ тутъ калика перехожая
А й тому ли-то Одолищу поганому:
— Была-то у моего же родна нуни батюшка,
— Была же лошадь халстнáя *(такъ)*,

— А по многу она ѣла, пила, кушала,
— Очень-то скоро сама лопнула. —
Не понравилось Одолищу поганому.
Онъ смахнулъ-то со стола да ножомъ собѣ длиннымъ,
Этотъ-то ножъ да стоёмъ же сталъ.
Обвернулся нашъ калика перехожая,
А подвинулся къ Одолищу поганому,
Какъ ударилъ ёму шляпонькой пуховою,
А й прогрязла голова тутъ у Одолища поганаго.
Старыи казакъ Илья Муромецъ
Выходилъ-то онъ во дворовую,
Онъ беретъ собѣ коня да богатырсково,
Во другихъ-то беретъ собѣ палицу стопудовую,
Въ другу-ту руку копье длинное.
Поѣхалъ онъ на рать на силушку великую,
На великую, на татарскую.
Сталъ-то по силушки поскакивать,
Онъ прибилъ нынь всю силу-то великую.
Пріѣзжаетъ-то ко князю ко Владиміру.
Сдѣлали весельицо почестный пиръ,
Стали тутъ жить оны по прежному.
Ничего-то князь нынь не опасается,
Никого ли-то нынь не сумляется.
Отправлялся нашъ старыи казакъ Илья Муромецъ
Ко тому ли-то ко кóролю Литомскому
Посмотритъ его дочери любимоей,
Той ли-то Марьи Митріéвичной.
А женить ему нужно братца нынь крестоваго,
А й братца того ли названаго,
А того ли то Иванушка могучаго.
Пріѣзжали тутъ ко кóролю Литомскому,
А ко его ли-то ко доченки любимыя,
А ко той ли-то ко Марьи Митріевичной.
Взяли то ю и въ замужество

За того ли-то Иванушка могучаго,
Сдѣлали оны да почестный пиръ,
На пиру-то вси напивалися,
На пиру-то вси похвалялися.
Говоритъ-то нашъ князь стольнё-кіевской:
«Вы вѣрныи мои да служители!
«Не съѣзжайте-ко вы со Кіева,
«А живите-тко вы да по старому,
«Живите-тко по старому по прежному».

Записано въ дер. Римъ на Пудожской Горѣ, 28 іюля.

23.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Въ славномъ во городѣ во Муровѣ,
А й села-тко да Качегарова,
А й у ласковаго князя у Владиміра,
Былъ у нихъ да есть почестный пиръ.
На пиру да былъ слуга вѣрныи,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Во другихъ-то молодый Дюкъ Степановичъ,
А Чурилушка же Плёнковичъ,
А й Олешенька Поповичъ королевскій сынъ,
А еще-то былъ Добрынюшка Никитиничъ;
Онъ захвастливый же былъ да неудачливый.
Онъ выходилъ съ почестнаго пира отъ князя отъ Владиміра,
И приходилъ-то къ государыни къ своей да родной маменьки
И воспроговорилъ же ей да таково слово:
«Ай же ты государыни Добрынюшкина матушка,
«А Ефимья ты же Олександровна!
«И ты когда меня спородила,
«Завернула бы въ камочки во крушатыя,

«Ты кидала бы меня да во сине море!
«Не ходилъ бы я Добрыня по бѣлу́ свѣту,
«Не рутѝлъ бы я Добрынюшка тутъ горькихъ слезъ».
— Ай же ты мое да чадо милоё,
— А дитя мое любимоё,
— Ты Добрыня сынъ Никитиничъ!
— Ужъ я рада бы тебя спо́родить,
— А я силою въ бога́тыря да въ Илью Муромца,
— Я богачествомъ во Дюка во Степанова,
— А я удалью въ Чурилушку е Плёнкова,
— А я смѣлостью въ Олешеньку въ Поповича. —
Какъ во пору же е во то́ время
Выходилъ-то нашъ Добрынюшка да онъ Никитиничъ,
Онъ-ка бралъ соби коня есте добраго,
А онъ добра́ коня да богатырскаго,
А сѣдлалъ ему сѣделушко черкальское,
А стремена кладетъ да золоченыя,
Онъ подтяжечки подтягивалъ шелковыя.
Одѣвае собѣ латы богатырскія,
Онъ беретъ соби копье-то въ руки длинное,
Онъ-ка палицу да стопудовую.
Онъ садился на своего добра́ коня
И хочетъ выѣхать онъ съ широка́ двора,
А съ широка двора да онъ въ чисто́ полё.
И наказывае на поѣздѣ таково слово
Государыни своей да родной маменькѣ
Онъ Офимьѣ Олександровной,
И во дру́гихъ онъ наказывалъ своей да молодой женѣ,
Молодой-то е Настасіи Микуличной:
«Я ѣду въ чисто́ поле,
«Проживи-тко ты, исполни мою заповѣдь,
«Проживи же ты нуньчу шесть годовъ,
«А потомъ-то хоть вдовой живи, хоть заму́жъ поди,
«Если я не буду черезъ шесть годовъ съ чиста́ поля,

«А поди хоть за богáтыря, хоть за крестьянина,
«Не ходи-ка ты за братца за крестоваго,
«За Алешеньку ты Поповича,
«А й за бабьяго ты надсмѣшника».
Ужъ какъ видѣли богатыря-то сядучи,
Не видѣли богатыря поѣдучи.
Онъ какъ выѣхалъ Добрыня съ широкá двора,
Онъ какъ ѣхалъ не воротами широкима,
Онъ скочилъ да черезъ стѣну городовую,
Сталъ овъ съ горы на гору поскакивать,
Широки раздолья между ногъ пустилъ,
Онъ какъ рѣки нунь озера перескакивалъ.
Отъ него поѣздки богатырскія,
Отъ него поступки лошадиныя
Времечко идетъ да какъ вода течетъ,
А день за день какъ и дождь дожжитъ.
А прошло-то тому времечки е шесть годовъ,
Не видать-то тутъ Добрынюшки съ чиста поля.
Сталъ Олешенька же королевскій сынъ похаживать,
Въ дрýгихъ съ нимъ князь стольнё-кіевской.
Они стали-то да е подсватывать
А й Добрынину его да молоду жену,
А й Настасьюшку да е Микуличну,
За того ли-то за братца за крестоваго,
За Алешеньку Поповича.
И положила она заповѣдь на дрýго шесть годовъ:
Если не буде нунь Добрыня сынъ Микитиничъ,
Какъ не буде онъ да со чистá поля,
А й потомъ я за тебя замýжъ пойду.
Отъ него ли-то поѣздки богатырскія,
Отъ него ли-то поступки лошадиныя
Времень *(такъ)* йдетъ да какъ вода течетъ,
А день за день какъ и дождь дожжитъ.
А прошло-то тому времечки двѣнадцать годъ,

Не видать-то все Добрынюшки съ чиста поля.
И приходилъ Олеша королевскій сынъ,
Въ другихъ съ нимъ князь стольнё-кіевской,
Приходили на́ ей теперь свататься.
Тутъ Добрынина да молода жена,
И молода-то е Настасья да Микулична,
Еще ту́да-ка она да е замужъ пошла
За того ли-то за братца за крестоваго,
За Олешеньку она да за Поповича.
Какъ повелся-то у нихъ почестный пиръ да свадебка,
Повелась-то свадебка двѣнадцать дёнъ,
На пиру-то вси да напивалися,
На пиру-то вси да наѣдалися.
Очень строго е приказано
Какъ у ласковаго князя у Владиміра,
Кто если вспомнитъ на почестномъ пиру на свадебки
А й Добрынюшки его да нунь Микитича,
Еще прямо нунь сади того во крѣпости,
А не спрашивать ни роду и ни племени,
Никакого его теперь да отзыву.
Они крѣпости всѣ да повы́ладили,
А столбы-то вси оны е повы́ставили,
А для всякою опасности,
Въ особину же для Добрынюшки да е Микитича,
Чтобы въ ту пору да въ то время
Не пріѣхалъ нашъ Добрыня на почестенъ пиръ:
Какъ идетъ у нихъ почестный пиръ да свадебка
И послѣдній день да е двѣнадцатой.
Какъ во ту пору во то время
Наѣзжалъ-то нашъ Добрынюшка съ чиста поля.
Онъ пріѣхалъ осерёдъ двора широкаго,
Привязалъ коня да ко столбу да ко точеному,
И къ тому ли-то кольцу да золоченому,
И приходилъ онъ къ государыни къ своей родной маменькѣ.

Ужъ онъ крѣстъ-отъ да кладетъ тамъ по писа́ному,
Онъ поклонъ-тотъ тамъ ведетъ да по учёному,
А й на вси да на четыре на сторонушки,
Онъ какъ матушки своёй да е въ особину.
Воспрого́воритъ же самъ да таково слово
А своей да ро́дной маменькѣ
Онъ Офимьѣ Олександровной:
«Ужъ ты здравствуй государыни Добрынюшкина матушка!
«Отъ Добрыни я тебѣ-ка-ва поклонъ привезъ.
«Мы съ твоимъ-то чадомъ милымъ,
«А съ дѣтёмъ твоимъ да е любимымъ,
«А й съ Добрынюшкой Микитицомъ
«Вмѣстѣ были во чисто́мъ поли.
«Онъ поѣхалъ тамъ дороженькой окольнею,
«Я же ѣхалъ тамъ дорожкой прямоѣзжею.
«Онъ поѣхалъ на почестный пиръ на свадебку
«А ко ласковому князю ко Владиміру,
«А ко своему-то братцу ко названому,
«А къ тому ли-то Олешенькѣ Поповичу».
— Ай же ты молодая скоморошина,
— Ты кабацкая кака ни е подпо́рина!
— Не должно бы те да надо мною надсмѣхатися.
— Закатилося мое да красно солнышко двѣнадцать годъ,
— Закатается теперь да младъ свѣтёлъ мѣсяцъ,
— А й Добрынина да молода жена,
— Молода-то е Настасья да Микулична,
— А й тутъ она замужъ ушла
— А й за братца за названаго крестоваго,
— За Олешеньку да е Поповича.
— А й ведется тамъ у нихъ почестный пиръ да свадебка,
— А ведется-то послѣдній день двѣнадцатый. —
Воспрого́ворятъ Добрыня таково слово:
«Еще велѣлъ Добрынюшка Микитиничъ
«Привезти-то онъ гусёлышка яровчаты,

«А которыи находятся въ него во ложняхъ тамъ во теплыихъ
«На кроваточки кисовыя
«А на стопочки да на точёныя,
«И велѣлъ-то привезти на почестный пиръ на свадебку,
«Звеселить свое сердечко богатырскоё».
Только стала нонь смекатися,
По рѣчамъ его да догадатися,
Кинула ему руку на голову,
Увидала у него да е примѣточку:
— Не моё ли ты да чадо милоё,
— Не моё ли ты дитя было любимоё,
— А не Добрыня ль сынъ да былъ Никитиничъ?
— Извини-ко ты да нынь пожалуста,
— Что обругала я тебя да обезчестила,
— А удаленькаго храбраго же воина. —
Цѣловала тутъ его въ бѣлы́ уста,
Нарекала своимъ сыномъ милымъ
А дѣтёмъ она его любимымъ.
Ухватилъ-то тутъ Добрынюшка Микитиничъ
Онъ свои-то тамъ гуселышки яровчаты,
Поскакалъ-то онъ на гридню на столовую
А ко ласковому́ князю ко Владиміру
Да къ названому ко братцу ко крестовому,
А къ тому ли ко Олешенькѣ Поповичу,
Да къ княгинѣ ко своей да молодой жены.
Пріѣзжалъ-то онъ ко каменно́й стѣны,
Къ широкимъ-то воротамъ, ко крѣпости.
Какъ у ласковаго князя у Владиміра
А приставлены-то всѣ да заключевники
А всѣ главныи свои да дворнички
А ко той ли къ высокой да каменно́й стѣны
А къ воротамъ да ко широкімъ.
Очень строго имъ наказано:
А й у князя у Владиміра

Не пущать-то на почестный пиръ на свадебку
Никакого-то безъ званія,
Безъ доклада все жъ у ласковаго князя у Владиміра.
Высыпаетъ имъ онъ злата ноньку сéребра,
А всимъ дворничкамъ да заключевничкамъ,
Онъ же скачнаго имъ жемчуга.
Очень крѣпко имъ да здоложается,
На почестный пиръ дается:
«Выпустите-ко меня вы нунь пожалуста,
«А вси дворнички вы заключевнички,
«А ко ласковому князю ко Владиміру».
Не пущаютъ нунь Добрынюшки Микитича,
Не берутъ съ него ни злата нунь ни серебра,
А ни скачнаго-то жемчуга,
Не пущаютъ на почестный пиръ на свадебку
А ко братцу названому крестовому,
А къ тому ли-то къ Олешенькѣ къ Поповичу
И молодой жены къ Настасьи да къ Микуличной:
«Вы подите-ко пожалуста,
«А вси дворнички вы заключевнички,
«Здоложите-ко вы ласковому князю да Владиміру
«Обо мнѣ о храброемъ о воинѣ».
Отошли отъ воротъ вси дворнички
А вси главные его да заключевнички.
Розгорѣлося его сердечнко ретливое,
Онъ столбы-то всѣ повышаталъ
И ворота-то во чисто поле повыкидалъ.
Онъ зашолъ-то на почестный пиръ на свадебку
И высталъ тамъ на печеньку муравую,
И сталъ онъ струночки потягивать,
Сталъ гуселышка подлаживать.
Заигралъ какъ онъ въ гуселышка яровчаты,
На почестноемъ пиру да на свадебкѣ,
На пиру-то вси да призамолкнули.

Звеселилъ-то онъ какъ ласковаго князя да Владимíра,
Воспрогóворитъ ему да таково слово:
— Ай же ты молодецъ, съ какой земли, съ какой орды?
— Я не знаю есть ли имечки тобѣ, отечества.
— Опущайся-ко со печки со муравыя,
— Ты садись-ко съ нами на почестный пиръ на золотъ стулъ
— А въ особину, гдѣ мѣсто е понравится. —
Наливаетъ ёму чару зелена вина,
Еще медамы настоялыма,
Подносилъ-то тутъ Добрыни е Микитицу:
— Ай же ты да молодой игрокъ!
— Ужъ ты пей-ко отъ меня да чару зелена вина. —
А й другую чару-то подноситъ братецъ да названенькой,
Молодой князь а й Олешенька Поповичъ королевскій сынъ.
Еще третью чару наливае молода жена,
Молода Настасéя-та Микулична:
«Пей-ко ты же отъ меня да чару зелена вина.
«Какъ игралъ такой игрой мой прежній мужъ,
«А Добрыня сынъ Микитиничъ».
И взялъ пóложилъ Добрынюшка Микитиничъ
А свой перстень-то злаченыя,
А которымъ съ ней да поручался,
Онъ во чару зелена вина,
Подносилъ возвратно молодой жены:
— Ай же ты княгиня молодá! пей отъ меня чару зелена вина.
— Ужъ ты пьешь до дна, такъ увидашь добра,
— А не пьешь до дна, не видашь добра. —
Выпивала Настасéя тутъ Микулична,
Выпивала она чару зелена вина,
Увидала тамъ свой перстень-то злачоныя,
А которымъ же съ Добрыней поручаласи.
Воспрогóворитъ она за почестнымъ пиромъ за свадебкой,
Воспрогóворитъ она да таково слово:

«По Русíи пословица та водится:
«А мужъ въ лѣсъ по дрова, жена замýжъ пошла.
«Ай ты Добрынюшка Микитиничъ,
«Ты возьми-ко нуньку плёточку шелковую,
«Ужъ ты бей меня-то жонушку по нáгузку!»
Воспрогóворитъ Добрыня таково слово
За почестнымъ пиромъ онъ да за свадебкой:
— Не дивую я теби да молода жена,
— А Настасья ты Микулична!
— Я дивую-то названому же братцу е крестовому,
— А тому ли Олешеньки Поповичу:
— Отъ жива мужа жену беретъ;
— А въ другихъ-то я дивую ласковому князю е Владимíру:
— Отъ жива мужа да жону сватаётъ. —
Розгорѣлося его да сердце богатырское,
Возсерчалъ-то онъ на братца на крестоваго,
На Олешеньку Поповича.
Ухватилъ его за желты́ кудри,
Выводилъ да за почестнаго пира за свадебки,
Выводилъ его на гридню на столовую,
Ужъ какъ сталъ-то онъ по гридни да поваживать,
А въ одной рукѣ-то держитъ у него желты кудри,
А въ другой рукѣ держи́тъ гуселышка яровчаты,
И сталъ за желты кудри поваживать,
А гуселышками тутъ Олешеньку охаживать.
Воспрогóворитъ Олеша таково слово:
«По Русíи-то пословица та водится:
«Ужъ какъ всякій, братцы, женится,
«А не всякому женидьба задавается.
«Не дай Господи на сёмъ свѣти
«Какъ Олешеньки Поповичу!»
А какъ взялъ то онъ свою да молоду жену,
Молоду-то е Настасью Микуличну,

Увозилъ-то е возвратно въ свою сторону.
Еще ту́да-ка Олешеньки славы́ поютъ,
А тому ли-то пиру да вѣкъ по́ вѣку,
А вѣкъ по вѣку отнынѣ до́ вѣку.

Записано тамъ же, 23 іюля.

24.

КОСТРЮКЪ.

Въ той было столичѣ,
Въ дальнею граничѣ,
Была поляница-та крымская,
Царица татарская,
Съ Кострюкомъ пріумиласи,
Съ молодымъ сговориласи
Ѣхать въ царство русійское,
Государство московское.
До Москвы-то не доѣдучи
И до горы до Ясавулова,
Вси шатры-то тутъ роздернули,
Ербучки-то вси повыстлали *(такъ)*,
Посылали скоропосле́шнаго посланничка
Ко тому ли царю къ Ивану Васильевицу,
Заказать да поотвѣдати,
Чтобы полаты онъ розглаживалъ
А ёнъ ѣствы-ты налаживалъ
А ёнъ питья-ты да приставливалъ.
Еще ѣдетъ-то Кострюкъ Темнюкъ,
Поляница было крымская
А царица та удалая:
«Есть ли у тя Богъ на стѣны,
«Есть ли у тя хлѣбъ на столи,

«Есть ли борци на дворци,
«Да удалы добры молодци
«Съ Кострюкомъ-то поборотися,
«Со удалымъ попытатися
«А плеча да богатырскаго,
«А личя-то молодецкаго?»
Воспрогóворитъ нунь грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Воспрогóворитъ ему да таково слово:
— Еще есть-то у меня Богъ на стѣны,
— Еще есть у меня же хлѣбъ на столи,
— Еще есть у меня борци на дворци,
— Ай удалы добры молодци,
— Съ Кострюкомъ-то попытатися,
— Съ молодымъ поотвѣдати
— А й плеча да богатырскаго,
— А личя его да молодецкаго.
— А й два братца есть крестовеньки,
— Они родной же съ Вологды:
— Одного-то зовутъ Ѳедькою,
— А другаго есть Михалкою,
— И не бьются есть не борются,
— Одной кашки есть напорются,
— Какъ живутъ у меня въ прислужникахъ. —
Нунь въ ту пору да во то время
Наѣзжалъ самъ Кострюкъ на съѣзжій дворъ,
Онъ же къ грозному царю къ Ивану е Васильеву.
Закрычалъ-то онъ своимъ да громкимъ голосомъ,
Онъ своимъ да богатырскімъ,
Онъ по всей землѣ, по всей орды,
Онъ по всей да подселенною:
«Ай давай же мнѣ-ка царь да супротивника.
«Если ты не дашь да супротивника,
«Я все царство нунь пройду да головнéю прокачу!»
А несетъ-то грозный царь Иванъ Васильевичъ,

Онъ несетъ же ему нунь подарочокъ,
Ему злата было сéребра.
Онъ же проситъ нунь въ свои полаты бѣлокаменны
Хлѣбца соли есть покушати
И колачиковъ порушати.
Ничего Кострюкъ не слушаетъ,
А й одно кричитъ: «давай же супротивника».
Какъ во ту пору, во то время
Какъ скамья случилоси двуногая
Близко сильнаго богáтыря.
Ухватилъ-то нашъ Кострюкъ Темнюкъ
Онъ скамью да есть двуногую.
Онъ-ка билъ да всѣхъ богáтырей
Безъ разбору государскіихъ.
Какъ убилъ же тридцáть есть богáтырей,
Пятьдесятъ-то онъ татариновъ,
А и пятьдесятъ-то онъ татариновъ плѣненныихъ.
Еще вси они лежатъ какъ мы́ши пища,
Еще моля Кострюку да Темнюку,
Сильнему богáтырю:
— Еще дай бы теби Господи
— А й на дворъ итти да скокою,
— А й со двора да окоракою! —
Какъ бѣжалъ-то нашъ Кострюкъ,
По мосткамъ-то бѣжалъ да деревяннымъ,
А мости́нья-то вси да зыблются,
А тынинья-ты съ мостинья вси вонъ сыплются.
И прискакалъ-то онъ на съѣзжій дворъ
Онъ ко братцамъ ко крестовыимъ,
Онъ съ нима́ да поборотися,
Съ молодыма попытатися.
Ужъ какъ Θетеньку-то рáзъ топнýлъ,
А й онъ Θетеньку другóй топнýлъ,
И стоитъ нашъ-то Θетенька не шáтнется,

На головушкѣ волосушка не стря́хнутся.
Какъ другой-то братецъ есть крестовенькой,
Михалка нунь въ борьбу да снаряжается,
Самъ съ собою похваляется:
«Что жъ ты братъ да поддаваешься?»
Тутъ припадывали они пони́же собя,
А подхватывали Кострюка да крѣпко на́ руки,
Его на руки свои да богатырскія,
И выкидывали повыше креста да Леванидова.
До зени́-то не допа́дучи,
А летма́ въ верёхъ да скоро ле́тячи,
На немъ кожа вся же перелопала,
А отъ рукъ ихъ богатырскіихъ,
А отъ двухъ же братцевъ есть крестовыихъ.
А рука нога ломиласи,
Глаза вонъ да воротилися.
Еще смотритъ поляница та же крымская,
Богатырша нунь сама есте удалая,
На борьбу-то все на ихъ да богатырскую
А на двухъ на братцевъ на крестовыихъ,
Ушибили Кострюка да сильна бога́тыря.
Ухватила копье свое длинное,
Какъ поѣхала она въ ѣзду съ Москвы,
Она ѣде заклинается:
— А не дай мнѣ-ка́-ва болѣ Господи,
— Болѣ ввѣкъ въ Москвы да не́ бывать,
— И московскіихъ борцевъ да въ гла́за не́ видать!—
А Кострюку да Темнюку да сильнему да воину
Еще ту́да-ка ему да все славы́ поютъ,
Л вѣкъ по́ вѣку отнынѣ до́ вѣку.
А живётъ-то нашъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
А живётъ-то онъ да звеселяется,
Звеселяется въ своихъ да радостяхъ,
Онъ своими-то же воинами защитается,

А живётъ-то онъ безъ всякои опасности,
А вѣкъ по́ вѣку отнынѣ до́ вѣку, аминь!

Записано тамъ же, 23 іюля.

V.

КОЙБИНЪ.

Степанъ Койбинъ, на Маселыгѣ, старикъ лѣтъ за 60, старорядецъ, самый зажиточный изъ крестьянъ на маселыгскомъ певалѣ. Онъ знаетъ содержаніе многихъ былинъ, но разсказываетъ ихъ словами, нѣкоторыя въ прежнее время пѣвалъ, теперь могъ припомнить «голосомъ», т. е. на распѣвъ, только одну, ю грознаго царя Ивана Васильевича. Койбинъ разсказывалъ, о въ ихъ мѣстности былъ большой знатокъ былинъ, крестьянъ Адріанъ Кипринъ, но онъ умеръ уже много лѣтъ тому назадъ, и никто его былинъ не перенялъ.

25.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Когда возсіяло солнце красное
На тое на небо на ясное,
Тогда воцарился грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Коею улицей ѣхалъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Тутъ кура́ не́ поетъ;
Косю улицей ѣхалъ Иванушко Ивановичъ,
Тутъ кура́ не́ поетъ;
Коею улицей ѣхалъ Малюта Скурлатовичъ,
Тутъ кура́ не́ поетъ;
Коею улицей ѣхалъ Ѳёдоръ Ивановичъ, —
Сказывалъ онъ улицы казненыи,

А вси ты улицы не казненыи,
Становилъ онъ живыхъ мертвыми.
Собирался тутъ почестенъ пиръ,
Вси на пиру наѣдалися,
Вси на пиру напивалися,
Вси на пиру росхвастались.
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Ходитъ по полатѣ бѣлокаменной,
Чешетъ бороду и голову,
Самъ говоритъ таково слово:
«Вывелъ я измѣну изъ Пскова,
«Вывелъ я измѣну съ каменной Москвы,
«Вывелъ я измѣну изъ Низова!»
Изъ за того стола бѣлодубова,
Изъ-за тыя скамейки кленовыя
Испрогóворитъ Иванушко Ивановичъ:
— Свѣтъ государь нашъ батюшко,
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Не вывести измѣны съ каменной Москвы.
— Таперича измѣна за столомъ сидитъ,
— Она съ нами ѣстъ да пьетъ да кушаетъ,
— Съ нами бѣлого лебедя рушаетъ. —
Его царское сердце возгорѣлося:
«Дай-ка измѣну мнѣ на́ очи!
«Отсѣку я ему буйную голову!»
Ему на́ друга сказать да на боярина,
Пролить да будетъ кровь понапрасному.
Пришло сказать на братца родимаго,
На́ того на Ѳёдора Ивановича:
— Коей улицей ѣхалъ Ѳёдоръ Ивановичъ,
— Сказывалъ онъ улицы казненыи,
— Вси ты улицы не казненыи,
— Становилъ онъ живыхъ все мертвыма.
Тутъ его царско сердце возгорѣлося:

«Ай же вы палачи немилóсливы!
«Возьмите-тко вы Θёдора Ивановичѣ
«За его за ручки за бѣлыи,
«За его перстни за злаченыи,
«Отсѣките ему буйную голову!»
Большій туляется за меньшаго,
Меньшій туляется за средняго,
А отъ средняго и отвѣту нѣтъ.
Испрогóворитъ Малюта Скурáтовичъ:
— Дѣлать намъ дѣло повелѣное,
— Сказать намъ слово говореное. —
Взяли Θёдора царевича
За его за ручки за бѣлыи,
За его за перстни за злаченыи.
Справилась тутъ Настасья Романовна
Ко своему братцу Никитѣ Романовичу,
У ней чоботы на ножкахъ безъ чулочниковъ.
Испрогóворитъ Никита Романовичъ:
«Что это за чудо удивилоси,
«Незваная та гостья пѣшá пришла?»
— Θёдора царевича жива нѣту,
— Твоего любимаго племянничка! —
Тутъ Никита Романовичъ
Взялъ коня себи неосѣдлана,
Неосѣдлана, необуздана
Онъ шапкой машетъ и голосóмъ крычитъ:
«Ай же палачи немилóсливы!
«Съѣдитé вы этотъ кусъ и подавитесь.
«Подьте-тко на царевъ кабакъ,
«Прибирайте мóлодца лицё въ лицё,
«Лицё въ лицё и плечо въ плечо,
«Отсѣките ему буйную голову».
Тутъ палачи немилóсливы
Прибрали молодца лицё въ лицё,

Лицё въ лицё и плечо въ плечо,
Отсѣкли ему буйную голову.
Тутъ Микита Романовичъ
Надѣваетъ платье что ни лучшее.
Пріѣзжаетъ къ грозному царю Ивану Васильевичу,
Бьетъ челомъ на всѣ четыре на стороны,
Грозному царю Ивану Васильевичу въ особину.
Испрогóворитъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ужъ ты старая собака сѣдатый песъ!
«Али ты надо мною насмѣхаешься,
«Аль не знаешь моей незгодушки великоей?
«Я въ медвѣдно зашью и кобелямъ скормлю».
Испрогóворитъ Никита Романовичъ:
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Какà твоя незгодушка великая? —
«Ѳёдора царевича жива нѣту,
«Твоего любимаго племянничка».
Испрогóворитъ Никита Романовичъ:
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Ѳёдоръ царевичъ въ зеленóмъ саду гуляетъ
— И бьетъ челомъ на всѣ на четыре стороны
— А грозному царю Ивану Васильевичу въ особину. —
Тутъ испрогóворитъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ай же ты Никита Романовичъ:
«Города ль возьмешь съ пригородками,
«Аль безъ счету возьмешь золотой казны?»
Испрогóворитъ Никита Романовичъ:
— Не надъ мнѣ-ка ни городовъ съ пригородками,
— И не надъ мнѣ-ка золотой казны.
— Напиши ты тое слово: кто въ Микитину отчину ушелъ,
— Того и Богъ унесъ!

Записано на Масельгѣ, 14 іюля.

VI.

КОТОВА.

Марѳа Трофимовна Котова, крестьянка лѣтъ 50-ти, на Масельгѣ. Научилась кое-какимъ былинамъ отъ стариковъ, поетъ ихъ очень плавно. Кромѣ былинъ она поетъ тѣмъ же складомъ и побасенку про пѣтуха и лисицу (см. № 29); эту побасенку она называла «старинкой».

26.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Во славноёмъ во городѣ во Кіеви,
У честноей вдовы Офимьи Олександровны,
А былъ-то единый сынъ Добрынюшка Микитичъ.
А спрогóворитъ своей матушкѣ,
Молодой честнóй вдовы Офимьи Олександровны
А й да таковы слова:
«Ужъ ты матушка моя, честнáя вдова Офимья Олександровна!
«Ты на что меня безсчастнаго спорóдила,
«Ты на что меня да безталаннаго отрóдила?
«Ты бы силушкой спородила
«Что во стараго казáка Илью Муромца;
«Ты бы могутушкой спородила
«Во Самсона во богáтыря;
«Ты бы смѣлостью спородила
«Во Олешенку Поповича,
«Красотой меня спородила
«Да во Осипа во прекраснаго».
Какъ спрогóворитъ да его матушка,
Молода честна вдова Офимья Олександровна
Таковы слова:
— Ужъ ты дитятко мое Добрынюшка Микитичъ!

— Ужъ я была бы да пресвятою Богородицей,
— Я спородúла бы тебя
— Силушкой да во стараго казáка Илью Муромца,
— Я могутушкой бы споро́дила
— Во Самсопа во богáтыря,
— И смѣлостью спородила бы во Олешенку Поповича,
— Красотою бы спородила
— Во Осипа бы во прекраснаго. —
Какъ спрогóворитъ Добрынюшка Микитинъ своей матушкѣ:
«Ужъ ты матушка моя,
«Молода честна вдова Офимья Олександровна!
«Ужъ ты дай мнѣ-ка прощеньицё,
«Прощеньицё да благословленьицё
«Есть повыѣхать мнѣ-ка дáлеко,
«Дáлече, далéче во чистó поле,
«Мнѣ попробовать есть свой силушки,
«Силушки есть теперенку богатырскоей.
«И дашь ты прощеньице поѣду,
«Не дашь благословеньица поѣду».
Услыхала молода его княгиня е Настасья Викулична.
— Ай же ты Добрынюшка Микитичъ есть!
— Ты куды поѣзжáешь,
— На кого меня молодую, несчастную,
— Ныньче оставляешь?—
Какъ спрогóворитъ Добрынюшка Микитичъ таковы слова:
«Ай же ты Настасья Викулична!
«Жди-тко ты меня трú году.
«Черезъ три году не буду — жди шесть лѣтъ,
«Черезъ шесть годовъ не буду — девять лѣтъ.
«Какъ минуется девять лѣтъ,
«Жди меня е двѣнадцать лѣтъ.
«Черезъ двѣнадцать лѣтъ не буду,
«Хоть вдовой живи, хоть замужъ поди,
«За купца поди, за боярина поди,

«За хрестьянина поди, за мѣща́нина поди,
«За Олешенку Поповича только не́ поди.
«Вѣдь Олешенька Поповичъ мнѣ крестовой братъ».
Видли Добрынюшку сядучи,
А не видли Добрынюшки поѣдучи.
Первый скокъ нашли за стѣной городовою,
Другой скокъ нашли черезъ три вёрсты,
Третьёго скоку что найти не́ могли.
Ждала Настасья Викулична,
Дожидала Добрынюшку ровно три́ году.
Миновалоси е Добрынюшки ровно шесть годовъ,
Все-то Добрынюшки Микитича нѣтъ.
Ждала она ровно девять лѣтъ.
Миновалоси е двѣнадцать лѣтъ,
Все-то Добрынюшки Микитича нѣтъ.
Стали-то кіевски бабы подговаривать,
Подговаривать стали, ума́нывать
Молоду Настасью Викуличну
А за этого да Олешенку Поповича,
За Олешенку да за Поповича.
Въ тую порушку да въ тое времячко
А Добрынюшки Микитичу да стосковалоси.
И ставалъ-то Добрынюшка Микитичъ есть,
А онъ есть поутру ранёшенько,
Умывается Добрынюшка бѣлёшенько,
Утирался въ тонко бѣло по́лотно.
Выходитъ-то Добрынюшка Микитичъ е
На ши́року на уличку,
Онъ глядѣлъ-то смотрѣлъ во вси стороны,
А одна сторона помили́е всихъ.
Садился Добрынюшка Микитичъ на добра́ коня,
А й отправился Добрынюшка да въ тую сторону.
Попадаё Добрынюшкѣ Микитичу
Есть калика перехожая.

Какъ спрогóворитъ Добрынюшка Микитичъ есть:
«Ай же ты калика перехожая!
«Ты откуль идешь, откуль путь держишь?»
Отвѣчатъ ему калика перехожая:
— Я иду-то со города со Кіева. —
Что ль еще того помилíе Добрынюшкѣ Микитичу? —
Сталъ онъ спрашивать калику перехожую:
«Ай же ты калика перехожая!
«Что добро дѣется во городѣ во Кіевѣ?»
Отвѣчатъ ему калика перехожая:
— Все добро дѣется во городѣ во Кіевѣ.
— Есть-то мóлодая Настасья Викулична а за мýжъ пошла,
— А за мýжъ пошла а за Олешенку,
— За Олешенку пошла за Поповича. —
Какъ еще спросилъ есть Добрынюшка Микитичъ есть:
«Ай же ты калика перехожая!
«Ужъ ты дай-ка мнѣ-ка свое платьицо,
«Платьицо черноё да дай каличьеё,
«А й каличьеё да клю́ку желѣзную».
— Я не далъ бы тебѣ платьевъ каличьихъ,
— Платьевъ каличьихъ, клюхи́ желѣзноей,
— Ты возьмешь у меня, да и бокъ набьешь. —
Соглѣзаетъ Добрынюшка Микитичъ со добра́ коня,
Надѣваетъ на себя платья каличьія,
Беретъ въ руки клюху желѣзную.
И пошолъ тутъ Добрынюшка Микитичъ съ горы на гору,
Онъ клюшенкой да подпирается,
Съ гóры на гору да перескакиваетъ.
Приходитъ ко городу ко Кіеву,
А стучаетъ подъ окошечко
У староей вдовы Офимьи Олександровны:
«Ай же ты вдова да Офимья Олександровна!
«А наказывалъ Добрынюшка Микитичъ, низко кланялся,
«А велѣлъ подать гуселышка,

«Есть во темноемъ чуланчикѣ на полочкѣ».
Есть стряхнулась Офимья Олександровна да своей старостью,
Подавала гуселышка муравчаты *(такъ)*.
Идетъ тутъ Добрынюшка Микитичъ есть на чéстной пиръ,
Онъ на честный пиръ идё на свадебку
Ко Олешенки да ко Поповичу.
Онъ не спрашиваётъ ни у дверей ни придверничковъ,
Онъ не спрашиваётъ ни у воротъ ни приворотничковъ,
Онъ становился есть о липинку,
Онъ играетъ во муравчаты гуселышка.
Еще спрашиваётъ е Олешенка Поповичъ:
— Ты скажи есть чей да откулешной,
— Ты коёй орды, ты коёй земли,
— Ты чьего есть отца, чьей матери? —
Что ль отвѣтъ-отъ держалъ есть Добрынюшка Микитичъ:
«Есть-то я теперь заводска скоморошина».
Тутъ спрогóворитъ молода Настасья Викулична да таковы слова:
— И есть-то теперь не заводска скоморошина,
— Есть-то теперенку Добрынюшка Микитичъ. —
Наливаётъ Олешенка Поповичъ е ту чару зелена вина,
Вѣсомъ чара полтора пуда,
Мѣрой чара полтора ведра,
Ужъ подноситъ ту чару е Добрынюшкѣ Микитичу.
Онъ беретъ ту чару едины́мъ перстомъ,
Единымъ перстомъ беретъ мизёнышкомъ.
Выпилъ онъ чару на единый здухъ.
Наливаетъ Добрынюшка Микитичъ чару зелена вина,
Подноситъ молодой Настасьи Викуличной:
«Выпьешь до дна, увидишь добра».
Выпивала ту чару зелена вина.
Какъ поглядитъ — въ чарѣ золотой перстень,
Что ль которымъ перстнемъ обручалися е съ Добрынюшкой Микитичемъ.

Какъ подходитъ Добрынюшка Микитичъ есть
Ко смирно́му ко Олешенкѣ Поповичу,
Онъ беретъ-то правой рукой е Олешеньку Поповича за желты́ кудри,
Бросилъ Олешенку да о кирпичный полъ.
Тольки Олешенка живъ бывалъ,
Съ молодой Настасьей Викуличной живалъ.
Бралъ-то онъ мо́лоду Настасью Викуличну е за праву за рученку,
Проводилъ-то онъ во свои бѣлокаменны полаты,
Ко своей-то родной матушкѣ,
Ко староей вдовѣ Офимьѣ Олександровны.
Тутъ-то ёго матушка приросплакалась,
Приросплакалась е да й обрадовалась.

Записано на Масельгѣ, 14 іюля.

27.

ЧУРИЛО.

Во славноемъ городѣ во Кіевѣ
Жилъ былъ Чурилушка Пленковичъ,
А не Пленковичъ Чурило, добрый молодецъ.
Справляется Чурило, снаряжается Чурило,
Наливаетъ Чурило ключевой воды въ тазъ,
Умываетъ Чурило личко бѣленькое,
Утирается Чурило въ тонко бѣло полотно,
Надѣваетъ сапожки на ножки зеленаго сафьяна,
Сапожки сафьяну были турецкаго,
Шитья нѣмецкаго.
Подъ пяты, подъ пяты воробей пролетѣлъ,
Около носочка яичко прокатило.
На себя кафтанъ васинко́ваго сукна̀,
На головушку шапочку ушисту пушисту завѣсисту,

Пятьсотъ-то рублей серебромъ,
А сѣдлатъ убиратъ коня шахманка.
Были подложки шелковыи,
Пряжки застежки золоченыи,
Пряжки застежки что шелкъ-то тлѣетъ,
Золото не трется, серебро не ржавѣетъ.
Видли Чурилушку сядучи,
А не видли Чурилушки поѣдучи.
Пріѣзжаетъ Чурила ко городу ко Кіеву
Да ко славному царю ко Владиміру.
Увидѣла Катерина Викулична
Чурилушку Пленковича изъ косивчата окошечка.
Она по поясъ кидалась въ косивчато окно,
Поскорѣе того на широкій дворъ,
Отворяла широки ворота,
Еще звала Чурилушку Пленковича
Ко себѣ на широкій дворъ,
Убирала коня его шахманка,
Проводила коня во конюшеньку,
А во тую во конюшню во конинную,
А во эту во стойлу лошадиную.
Наливала коню ключевóй воды въ тазъ,
Насыпала коню бѣлояровой пшены,
Пойдучи отъ коня да поклониласи:
«Ужъ пей мой конь да нечистой духъ!
«Я не ради тебя кланяюси,
«Ради Чурилушки Пленковича.
«А не Пленковичъ Чурила, добрый молодецъ».—
«Станемъ-ко Чурила въ шашечки играть».
Разъ-то играли проигрывались,
Другой разъ играли проигрывались.
«Бросимъ-ка Чурилушка шашочну́ игру,
«Сядемъ-ко Чурилушка на тисову́ кровать».
Пришла черная дѣвчонка челяночка.

— Это кто у тя Катерина Викулична,
— Это кто въ гостяхъ, али бра́тъ родной,
— Али братъ родной, али му́жъ грозно́й? —
Отвѣ́тъ держитъ Катерина Викулична:
«Что не братъ родной и не мужъ грозной».
Говоритъ Чурила-тотъ Пленковичъ:
— Замолчи-тко, дѣвчоночка челяночка!
— Во-вотъ я тебѣ теперь шапочку дарю,
— Моя шапочка пятьсотъ рублей серебромъ,
— А ушиста пушиста завѣ́иста,
— Спереди не видно личка бѣленькаго,
— Сзади не видно желты́хъ кудрей. —
Отвѣ́тъ держитъ Катерина Викулична:
«Не давай-ко ей шапочки дѣвчонкѣ челяночкѣ,
«Лучше самъ ты носи да Чурилушка Пленковичъ,
«Лучше ей-то ты дай полтинку серебромъ».
Видитъ Чурила дѣлати теперь нечего.
Поѣзжаетъ Чурилушка ко городу,
Ко городу ко славному ко Кіеву,
Ко тому-то царю ко Владиміру,
Крестъ-то ведетъ по писа́ному,
А поклонъ-то ведетъ по учёному,
Бьетъ-то челомъ царю Владиміру:
— Здравствуй царь Владиміръ есть грозно-кіевскій,
— Грозно-кіевскій великій! —
Еще спрашиваетъ Владиміръ царь грозно-кіевскій:
«Скажи, чей ты да откулешной,
«Ты коёй орды, ты коёй земли,
«Ты чьего отца, чьей-то матери?»
— Отца матери не помню теперь,
— Есть молодецъ я Чурилушка Пленковичъ. —

(Конца пѣсенки не помнитъ).

Записано тамъ же, 14 іюля.

28.

БРАТЬЯ-РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА.

Жила была вдовица пашница,
Какъ у той вдовы было семь сыновъ,
Было семь сыновъ да единáя дочь.
Единýю дочь сталъ сватать за синё море,
За сине морё да за глубокое,
За того купца да за богатаго.
Еще здумала да е повыдала.
Ужъ я годъ да въ умѣ не было,
Другой жила да въ разумъ не пришло,
Въ третей годъ стосковалоси.
Я у свекрушка да подаваласи,
А у свекровушки да доложиласи.
Ужъ свекрушко да отпущаетъ,
Свекровушка да снаряжаетъ.
Есть-то сѣли съ мужомъ да поѣхали.
Изъ-за лѣсу лѣсу темнаго,
Изъ-за горъ да за высокіихъ
Наставала туча темная,
Туча темная да весьма грозная.
Какъ наѣхало да семь розбойничковъ,
Какъ убили моего мужа,
Какъ бросили въ синё море да моего сына,
Е повывезли меня младу на гору.
Это вси-то есть да семь разбойничковъ,
Они сѣли хлѣба соли кушати,
Бѣла лебедя розрушати.
Что ль одинъ единъ розбойничекъ
Не кушаетъ, на молóдую поглядываетъ,
Что молóдая проплакиватъ.
Что ль спрашиватъ молóдую:
«Ты скажи скажи, молóдая,

«Ты коёй орды, коёй земли,
«Ты чьего отца да чьёй-то матери?»
Какъ спрогóворитъ молóдая:
— Я вдовици есть-то пашници.
— Какъ у той вдовы пашници
— Было семь сыновъ да единáя дочь,
— Эти семь сыновъ да во розбой пошли,
— А меня младу да за мýжъ выдали. —
Тутъ спрогóворитъ одинъ единъ розбойничекъ:
«Ай же братцы вы мои розбойнички!
«Мы убили своегó зятя,
«Обезчестили да своюю сестру
«Своюю сестру да свою рóдную».
Какъ скочили ль тутъ розбойнички:
«Что ль сопьемте мы шелкóвъ невёдъ,
«Мы повыловимъ да своего зятя,
«Мы достанемъ своего племника со синя́ моря»...

(Конца не помнила).

Записано тамъ же, 14 іюля.

29.

ПѢТУХЪ И ЛИСИЦА.

Какъ сидѣлъ пѣтушéйла духовное дитя во березонькѣ,
Какъ пришла тутъ лисиця ко березонькѣ,
Стала она пѣтуха есть оманывати,
Ай оманывати да подговаривати:
«А й же пѣтушейло е духовное дитя!
«Опустись теперь на землю».
Сталъ пѣтушокъ опущатися,
Съ ивинки на ивинку да перепурхивать,
А съ пруточка на пруточикъ перескакивати.

Поймала лисиця пѣтуха въ когти,
Стала держать ёго плотно.
Какъ спрогóворитъ пѣтушейло духовное дитяти *(такъ)*:
— Ай спусти пѣтуха меня, духовная мати!
— Будешь ты въ Даниловомъ монастыри просвирóвъ печѝ. —
Тутъ у лисици отслабли нёгти,
Отпустила она пѣтуха.
Тутъ-то пошла лисиця ко боярину на дворъ,
Думала себи она куру изловить.
Тутъ-то пѣтухъ запѣлъ, зарычалъ,
Тутъ-то лисиця перепала есть,
Побѣжали на лисицю дѣвки съ кокотáмы,
Бабы съ помялами,
Тутъ-то едва меня лисици не убили.
Тутъ-то думаетъ лисиця: уловлю я пѣтуха.
Тутъ поднялся пѣтухъ е на сѣ́дало.
Надо той лисици пѣтуха изловить,
Изловить, уморить пѣтуха, его жизни рѣшить.
Какъ пришла тутъ лисиця опять,
Опять стала пѣтуха оманывати,
А обманывати да подговаривати:
«Ай ты пѣтушейла духовноё дитя!
«Опустись теперь на землю».
Смотритъ пѣтушейла на лисины слова,
Отвѣчатъ онъ лисици:
— Ты оманешь теперь, задавишь пѣтуха. —
«Ты не бойся теперь, духовной сынъ,
«Не оманý теперь, не задавлю».
Тутъ-то лисица обáяла да обсовѣтовала.
Опустился пѣтухъ на сырý землю.
Згребла пѣтуха она въ когти,
Стала держать его плотно:
— Ай же ты есть духовная мати лисиця,

— Спусти ты пѣтуха. —
«Не отпущу я отъ себя пѣтуха:
«Ты жилъ былъ у господина на двори,
«Захотѣлось мнѣ курицю уловить,
«Ты затрёснулъ, запѣлъ, зарычалъ.
«Налетѣли тутъ дѣвки съ кокотáмы,
«Бабы съ помялами,
«Такъ едва меня лисицы не убили въ ты поры.
«Вы блудники, беззаконники,
«По девяти, по десяти женъ держите,
«А на улицю сходите да деретёсь,
«Не надъ малою корыстью напрасную рѣзную кровь проливаете».
Крылушка обламала,
Перышка общипала,
Стала съ бочка теребить, —
Только и живъ былъ пѣтышка.

Записано тамъ же, 14 іюля.

VII.

ПОПОВА.

Настасья Аѳанасьевна Попова, молодуха-крестьянка лѣтъ 25-ти, на Масельгѣ, слыхала былины отъ своей матери, удержала въ памяти только одну про Василія Буслаева да старинку про двухъ любовниковъ. Кромѣ того она пѣла хоромъ съ Абрамомъ Евтихіевымъ старину про девять братьевъ розбойниковъ и сестру, ими полоненную.

30.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

Жилъ Буславъ девяносто лѣтъ,
Съ каменно́й Москвой состарѣлся [1]),
Съ Новымъ-городомъ спору не было.
Одно у Буслава было отпло́дьице
Мо́лодой Василій сынъ Буславьевичъ.
Стало ему быть пятнадцать лѣтъ,
Сталъ онъ на улици похаживать,
Съ робятмы шутки пошучивать:
Кого за ногу — нога-та прочь,
Кого за руку — рука-та прочь.
Стали прѝходить мужики да новгородскіи
Къ его матушкѣ честно́й вдовы Омельфы Тимофеевной:
«Ай же ты матушка честна́ вдова Омельфа Тимофеевна!
«Ты уйми-тко свое чадо единакое,
«Молода Василія Буслаевича,
«Не оставитъ-то людей на сѝмена!»
А во ту-то пору во то́ время
Выбиралъ себѣ княгиню [2]) хоробрую,
Поставилъ эту чару полтора ведра:
Кто подыне эту чару едино́й рукой
Кто выпьетъ эту чару едины́мъ духомъ —
Биться, драться, ратиться;
Кто кого по́бьетъ, съ того брать пошлина:

---

1) Слѣдовало бы сказать:

Жилъ Буславъ состарѣлся,
Съ каменной Москвой не ссорился,

но пѣвица, на увѣреніе, что она говорила безсмыслицу, стояла на своемъ, что «такъ поется», и что пѣть иначе нельзя какъ «съ каменной Москвой состарѣлся».

2) Слово *княгиня* здѣсь очевидно употреблено по недоразумѣнію вмѣсто *дружина*, но Попова опять-таки увѣряла, что «такъ поется».

Со дѣвокъ брать повѣнчальное,
Со стари́цъ брать постригальное,
Съ го́стей торговыхъ посуконное.
Взяла Василія Буслаевича,
Взяла родна матушка Омельфа Тимофеевна,
Взяла его за бѣлы́ руки,
Приводила его на широ́кой дворъ,
Бросила Василья во глубо́къ погребъ,
Пеньемъ ко́лодьемъ заворо́чала,
Бѣлоду́бовыма дверми переза́перла,
Булатнима замочками переза́мнула:
— Ай ты сни Василій, высыпайся тамъ! —
А выходитъ пова́рная дѣвушка
А чернавушка съ вёдромъ по́ воду,
Коромыселкомъ убила тридцать душъ,
А приходитъ да ко погребу,
Ко широкому да ко глубокому
И спрого́воритъ она да таково слово:
«А ты спишь, Василей, высыпаешься,
«Надъ собою незгоды не вѣдаешь,
«А твоя княгина въ крови́ бьется,
«Булавамы у ей голова поломана,
«Кушакамы у ей голова ове́рчена».
А выскакиватъ Василей со погреба,
А со погреба со широкаго,
Со широкаго со глубокаго, —
Не подержали Василья Буславьевича
Ни пе́нья, ни ко́лодья, ни двери бѣлоду́бовы,
Ни замочки булатніи,
Подержала Василія Буслаевича слягà сарайная,
Слягà сарайная восьми́ саженъ.
А онъ сталъ сляго́й помахивать,
Куды ма́хнетъ, туды улица,
Переулками на́родъ валится.

Стали приходить мужики да новгородскіи
Къ его матушкѣ къ честной вдовы Омельфы Тимофеевной:
«Ты уйми-тко свое чадо единакое,
«Млада мóлода Василія Буславьевича,
«Не оставитъ и людей на сѣмена!»
— Ай же вы, мужики да новгородскіи,
— Вы какую же надо мною бѣду знаете,
— А вы какъ же надо мной надсмѣхаетесь?
— Ради васъ я Василія потрéбила,
— Во глубокъ погребъ я Василья брóсила,
— Пéньемъ кóлодьемъ заворóчала,
— Бѣлодýбовыма дверма перезáперла,
— Булатнима замочками перезáмнула. —
А выходитъ его матушка,
Честна вдова Омельфа Тимофеевна,
А выходитъ она да на широкій дворъ,
Приходитъ она ко погребу широкому,
Широкому да глубокому:
Нѣтъ Василія во пóгребу,
Пенья кóлодья всѣ розворóчены,
А булатніи замочки порозломаны,
Бѣлодубовы двери поростворены.
Запрягала она въ однуколочку,
Выѣзжала она по Новý-городу,
Его матушка ѣдё а рукой машётъ,
А рукой машетъ да головóй качатъ:
— Ай же Василій Бýслаевичъ,
— Ты уйми-тко свое сердце богатырское,
— Не оставишь и людей на сѣмена! —
Онъ бросилъ слягу, плюнулъ, прочь пошолъ.

Записано на Маткозерѣ, 14 іюля.

31.

ДВА ЛЮБОВНИКА.

Жило-то было девять дочерей,
Всѣ онѣ ходили во Божью́ церкву,
Всѣ онѣ молились по лѣ́стовочкѣ,
Всѣ онѣ сказали, что «Го́споди свѣ́тъ»,
Васильюшка скажетъ Салфеюшкѣ: «подвинься сюды».
Взялъ онъ Салфею за бѣлы́ руки,
Повелъ Салфею во Божью́ церкву,
Принялъ съ Салфеей золоты́ вѣнцы.
А Васильева матушка по городу идетъ,
Во правой руки зелена́ вина́ несетъ,
А во лѣвой зелено́ яровò.
А со правой руки Василью поднесла,
Съ лѣвой руки да Салфеѣ поднесла:
«Васильюшка пей да Салфеѣ не давай,
«Салфеюшка пей да Василью не давай».
Васильюшко пилъ да Салфеюшкѣ поднесъ,
Салфеюшка пила, Василью поднесла.
Васильюшка скажетъ: «головушка болитъ»;
Салфеюшка скажетъ: «сердечушко щемитъ».
Оны къ утру ко свѣ́ту престáвилися.
Васильюшка крутили въ голеву́ю [1]) во парчу́,
Салфеюшку крутили во толсту́ю простину́.
Васильюшка несли на бѣлы́ихъ на рукáхъ,
Салфеюшку несли на буйны́хъ на головáхъ.
Васильюшка ложили по праву сторону́,
Салфееюшку ложили на лѣ́ву сторону́.
На Васильюшкѣ повыросъ частъ ракитовъ кустъ,
На Салфеюшкѣ повыросло кипари́сно древò.

---

1) Т. е. чистаго золота.

Уже во-мѣсто древа̀ совивалися,
А цвѣточки съ цвѣточками сплеталися.
Малыи идутъ — набалуются,
Молодыи идутъ — надивуются,
А старыи идутъ — они наплачутся.

Записано тамъ же, 23 іюля.

ТОЛВУЙ.

VIII.

ГРИШИНЪ.

Иванъ Артемьевичъ Гришинъ, 75-лѣтній старикъ, крестьянинъ изъ дер. Загубья у Толвуи, зналъ въ прежнее время очень много былинъ, по старости лѣтъ позабылъ нѣкоторыя, а въ другихъ могъ припомнить только начало. На вопросъ, отъ кого онъ заимствовалъ свои былины, Гришинъ отвѣчалъ, что «старики пѣвали въ ихъ мѣстѣ», и онъ отъ нихъ перенялъ.

32.

ВОЛЬГА И МИКУЛА.

Молода Волья Всеславьевича
Жаловалъ крестовый его батюшко
Какъ двумъ городами его лучшима:
Еще Курцовцомъ его, Орѣховцомъ.

Забиралъ тутъ мо́лодой Волья́ Всеславьевичъ
Дружину онъ хоро́брую,
Забиралъ себѣ во дружину тридцать человѣкъ,
Еще самъ Волья́ во тридцатыхъ былъ.
И брали они жеребчиковъ моло́дыихъ,
Молодыихъ жеребчиковъ бухарскіихъ,
Бухарскіихъ жеребчиковъ темнокаріихъ,
Темнокаріихъ жеребчиковъ неле́гченыхъ.
Садились они на добры́хъ коней,
Поѣхали по да́лечу-дале́чу по чисту́ полю.
Услыхали они въ чисто́мъ поли па́харя,
Пахаря-пахарюшка.
Они по де́нь ѣхали въ чисто́мъ поли,
Пахаря не наѣхали,
И по дру́гой день ѣхали съ утра до ве́чера,
Пахаря не наѣхали,
И по тре́тій день ѣхали съ утра до вечера,
Пахаря и наѣхали.
Этотъ пахарь пашенку попахиваетъ,
У ратая сошенка его поскрипливаетъ.
А у ратая омешики прокырскиваютъ;
Да у этого пахаря у пахарюшка
Сошка-то была у его во́лжаная,
А во сошки были плотики кленовыи,
А на плотикахъ рогачихъ былъ дорогъ рыбій зубъ;
Омешики на сошки были булатніи,
А присошечикъ на омешичкахъ былъ красна золота.
А у этого у пахаря у пахарюшка
Впряжена была кобылушка со́ловая;
У этой у кобылы-то у со́ловой
Хвостъ-отъ до земли розстилается,
А грива́-то колесомъ у ей завивается.
Тутъ возго́воритъ молодой Волья́ сму Всеславьевичъ:
«Надоть ли тебѣ Божья́ помочь, пахарь е пахарюшко?»

Тутъ возго́воритъ пахарь ему пахарюшко:
— Надоть-то Божья́ помочь, мо́лодой Волья́-то е Всеславьевичъ. —
Тутъ возго́воритъ мо́лодой Волья́-то е Всеславьевичъ:
«Ай же ты пахарь е пахарюшко!
«Ты скажи-ко мнѣ да испотай себя,
«Какъ тебя зовутъ е по имени,
«Какъ звеличаютъ е по отечеству?»
Тутъ возго́воритъ пахарь ему пахарюшко:
— Знать-то молодца е по выѣзду,
— Сильнаго могучаго бога́тыря по храбрости.—
Тутъ возгово́ритъ молодой Волья́ ему Всеславьевичъ:
«Ай же ты пахарь е пахарюшко!
«Ты же скажи-ко мнѣ да испотай себя,
«Какъ тебя зовутъ е по имени,
«Какъ звеличаютъ е по отечеству?»
Тутъ возго́воритъ пахарь ему пахарюшко:
— Ай же ты мо́лодый Волья́ Всеславьевичъ!
— Я какъ драни-то надеру и жита-то насѣю,
— Жито выростетъ, я и домой выволочу,
— Домой выволочу, я дома выколочу.
— Я какъ пива наварю да гостей какъ заберу,
— Гости станутъ они пить да станутъ кушати,
— И станутъ они да меня здравствовати:
— Ахъ ты здравствуешь, Викула е Селя́нинович! —
Тутъ возго́воритъ молодой Волья́ ему Всеславьевичъ:
«Ай же ты Викула е Селя́нинович!
«Какъ жаловалъ крестовый меня батюшко
«А какъ двумы городами меня онъ лучшима,
«Еще Курцовцомъ да онъ Орѣховцомъ».
Тутъ возго́воритъ Викула-то Селя́нинович:
— Ай же ты мо́лодой ты Волья е Всеславьевичъ!
— И недавно былъ вѣдь я во Курцовцѣ,
— И недавно былъ вѣдь я въ Орѣховцѣ,

— Былъ-то вѣдь я тамъ третьёго дни,
— Закупилъ я соли ровно три мѣха,
— Въ которомъ же мѣху было по́ сту пудъ,
— Положилъ я на кобылу е на со́ловую
— Да самъ-то молодецъ я садился ровно со́рокъ пудъ,
— Поѣхалъ я но Курцовцу да по Орѣховцу;
— Тутъ стали мужики меня захватывать,
— Еще Курцовцы да Орѣховцы,
— И стали съ меня тутъ они грошовъ просить,
— Я зачалъ имъ тутъ кулакомъ грозить,
— Положилъ я мужиковъ тутъ больше тысячи. —
Тутъ возго́воритъ мо́лодой Воль҃я ему Всеславьевичъ:
«Ай же ты Викула е Селя́ниновичъ!
«Пондемъ отводить да мнѣ-ка вотчины».
Тутъ обру́жился-то Викула Селя́ниновичъ
На эту кобылу онъ на со́ловую,
И поѣхали по да́лечу-дале́чу по чисту́ полю.
Викулы-то Селя́ниновича кобыла какъ ступкомъ идетъ,
А Воль҃и́нъ-то конь во всю мѣть бѣжать.
Тутъ возго́воритъ Викула-то Селя́ниновичъ:
— Ай же молодой Воль҃я́-то е Всеславьевичъ!
— Я забылъ-то сошку закинуть во ракитовъ кустъ:
— Не ради вора, не ради разбойника,
— А ради пропою я кабацкаго».
Тутъ мо́лодой Воль҃я́-то е Всеславьевичъ
Воротилъ свою дружину онъ хоробрую,
Воротилъ онъ дружины ровно тридцать человѣкъ.
Ѣздили къ этой сошки они къ во́лжаныя
И не могли сошки съ земли они по́дняти;
Пріѣзжали оттуль удалы добры молодцы,
Сами говорятъ да таково слово:
«Мы не могли-то сошки съ земли по́дняти».
Тутъ воротился самъ Викула-то Селя́ниновичъ,
Подъѣзжалъ онъ къ этой сошкѣ онъ ко во́лжаныя,

Подхватилъ онъ сошку е на плётовищо
Да махнулъ-то эту сошку онъ въ ракитовъ кустъ [1]).

Записано въ Чолмужахъ, 19 іюля.

33.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Какъ Добрынюшка матушкѣ говаривалъ:
«Ахъ ты свѣтъ моя ро́дна матушка,
«Ты честна́ вдова Офимья Олександровна!
«На что же ты матушка споро́дила,
«Зачѣмъ ты меня на бѣлый свѣтъ попу́стила?
«Ты бы лучше матушка меня споро́дила
«Катучимъ валучимъ бѣлымъ камешкомъ,
«Брала бы ты валучій камешокъ
«Во свои во бѣлыи рученки,
«Я лежалъ бы, Добрынюшка, вѣкъ по́ вѣку въ спнёмъ мори».
Тутъ возго́воритъ ему да ро́дна матушка,
Честна вдова Офимья Олександровна:
— Ай ты мой есть чадо милое,
— Ты Добрынюшка Микитинецъ!
— Я бы рада была тебя споро́дити
— Во каза́ку Илью Муромца,
— Я бы рада была тебя споро́дити
— Силою во Собо́ра во бога́тыря,
— Смѣлостью споро́дить въ смѣлаго Олешу во Поповича,
— Еще Богъ-то дитятко мнѣ на́далъ тебя споро́дити.—
Тутъ пошолъ онъ по конюшнямъ по стоялыимъ,

---

1) Слушая эту былину, другой сказитель, Иванъ Касьяновъ, объяснилъ, что онъ слышалъ, что Никула Селянинович былъ отецъ той Настасьи Микулишны, поляницы удалой, на которой женился Добрыня Никитичъ; онъ же сообщилъ тоже, что его сосѣдъ Іуда Егоровъ, старообрядческій наставникъ на Выгу, знаетъ очень хорошо эту старину про Вольгу и Микулу.

Выбралъ себѣ коня добраго
На своихъ-то на конюшняхъ на стоялыихъ,
Сталъ-то онъ тутъ латиться да сталъ кольчужиться;
На этого-то онъ коня на добраго
Потницки-то онъ кладетъ на потнички
И на потнички покладываетъ все войлочки,
На войлочки накладываетъ онъ сѣделышко,
А сѣделышко накладываетъ онъ е черкальское,
Онъ подтягиваетъ, подлаживаетъ тугихъ двѣнадцать подпруговъ.
Садился тутъ удалый добрый молодецъ
На это сѣделышко черкальское.
Выходитъ его да рóдна матушка,
Честна́ вдова Офимья Олександровна,
Выходитъ она да на широкій бѣлый дворъ,
Приходитъ къ ему стрéмену она булатному,
Еще кó его ножкѣ богатырскоей.
Сама она горюшиця поросплакалась,
Сама говоритъ она таково слово:
— Ай же ты мой есть любимой сынъ,
— Еще мóлодой Добрынюшка Микитинецъ!
— Куда же ты Добрынюшка сряжаешься,
— Куда же ты есть Добрынюшка отправляешься,
— Когда-то мнѣ горюшицѣ обжидать домой? —
Тутъ возгóворитъ ей Добрынюшка Микитинецъ:
«Ай же ты моя есть рóдна матушка,
«Честна́ вдова Офимья Олександровна!
«Посылаетъ меня князь Владимiръ стольнё-кіевской
«Съѣздить-то за море мнѣ есть за Кіево
«Ко тому-то королю да ко Бухардову,
«Свезти туды дани выходы за двѣнадцать лѣтъ».
Выходитъ тутъ его есть молода́ семья,
Еще молода Настасьюшка Микулична,
Приходитъ кó его ко стремену булатному,

Еще ко́ его къ ножкѣ богатырскія,
Сама она горюшця поросплакалась,
Сама-то говоритъ таково слово:
— Ай ты мой вѣдь есть законный мо́лодой,
— Еще молодой Добрынюшка е Микитинецъ!
— Когда-то мнѣ горюшцѣ обжидать домой? —
Тутъ возго́воритъ Добрынюшка ей Микитинецъ:
«Ай же ты есть моя любима́ семья,
«Еще молода Настасьюшка Микулична!
«Прожди-ко ты мужа шесть лѣтъ назадъ.
«Если Добрынюшка въ шесть лѣтъ да не отворотится,
«Больше вѣкъ не жди Добрынюшки, вѣкъ не памятуй,
«То что поди хоть за́ князя, хоть за боярина,
«Хоть за русскаго поди ты, за татарина,
«Сто́льки не́ ходи за смѣлаго за Олешу за Поповица,
«Какъ за мо́его за братца за крестоваго,
«Еще за́ того за женскаго насмѣшника».
Они видли тутъ молодца-то сядучись,
А не видли его молодца поѣдучись.
Онъ не воротами поѣхалъ, самъ черезъ стѣну,
А черезъ стѣну махнулъ да городовую,
Лише столько во чисто́мъ поли пыль пошла.
Съ горы на гору онъ вѣдь перескакивалъ,
Съ холмы на́ холму онъ ли перепрядывалъ,
Такъ рѣки-ты озера промежъ ногъ спускалъ.
Куды падали копыта лошадиныя,
Туды ставились колодецы глубокія,
А глубокія колодецы е кипячія.
Какъ де́ничокъ за де́ничкомъ какъ дождь идетъ,
А недѣлька за недѣлькою бывъ трава ростетъ,
А какъ годышекъ за годышкомъ какъ соко́лъ летитъ.
Прошло тому времечки шесть лѣтъ назадъ,
Нѣту отъ Добрынюшки ни вѣсти, вѣтъ ни по́вѣсти.
Тутъ приходитъ князь Владиміръ стольнѣ-кіевской

Кб той къ Настасьюшкѣ Микуличной,
И сталъ-то Настасьюшку подговаривать
За того за смѣлаго Олешенку Поповича,
Еще за́ его за братца за крестоваго,
За того за женскаго насмѣшника.
Тутъ возгово́ритъ Настасьюшка Микулична:
«Ай же ты князь Владиміръ стольнё-кіевской!
«Я мужнюю-то заповѣдь повыполнила,
«Прождала-то я мужа шесть лѣтъ назадъ.
«Положу я теперько свою заповѣдь,
«Прожду я мужа дру́го шесть лѣтъ;
«Ежели Добрыюшка въ двѣнадцать лѣтъ да не отворотится,
«То что я пойду хошь за князя, хошь за боярина,
«Хошь за русскаго пойду я, за татарина,
«А хошь за того за смѣлаго Олешу за Поповича,
«Еще за́ его за братца за крестоваго».
Какъ де́ничокъ за де́ничкомъ какъ дождь идетъ,
Недѣлька за недѣлькой бывъ трава ростетъ,
А какъ годышекъ за годышкомъ какъ соко́лъ летитъ.
Прошло-то тому времечки двѣнадцать лѣтъ,
Нѣту отъ Добрынюшки ни вѣсти ни по́вѣсти.
Сталъ-то тутъ князь Владиміръ стольнё-кіевской,
Сталъ-то онъ къ Настасьюшкѣ подхаживать
И сталъ-то Настасьюшку онъ подговаривать
За́ того за смѣлаго Олешу за Поповича,
За́ его за братца за крестоваго.
Пошла тутъ она сама да во Божью́ церковь
Съ тымъ-то она съ Олешей со Поповичемъ,
Принимать они пошли да по злату вѣнцу.
Посли этой поры да этой времечки
Честна́ вдова Офимья Олександровна
Садилася въ своихъ полатахъ бѣлокаменныхъ,
Садилась она подъ окошечко косева́тое
И сама она горюша поросплакалась,

И сама-то она говоритъ таково слово:
— Ахъ двѣнадцать-то годышковъ назадъ закатилось у меня-
то красно солнышко,
— Теперь повыкатился у меня да е свѣтѣлъ мѣсяцъ! —
Изъ да́леча-дале́ча изъ чиста́ поля
Не бѣлая пороша снѣжку выпала,
По этой порошѣ по бѣлу́ снѣжку
Не бѣлъ заюшко ли онъ проскакивалъ,
Не бѣлая куропаточка тамъ напурхивала,
Наѣзжалъ удалый добрый молодецъ,
Прямо онъ ѣдетъ на Добрынинъ дворъ,
Привязалъ-то коня онъ ко столбику,
Къ тому столбу онъ точеному,
Къ эхтому колецку онъ золоченому,
Привязалъ-то онъ коня своего тутъ добраго
И самъ вдё въ полаты бѣлокамены,
Крестъ-то онъ кладётъ по писа́ному,
Поклоны все ведетъ онъ по учёному
На всѣ ли на четыре онъ е на стороны,
Честно́й вдовы Офимьи Олександровной онъ е въ особину:
— Приказалъ-то тебѣ, Офимья Олександровна,
— Добрынюшка приказалъ тебѣ низко кланяться.
— Оставлялся твой Добрынюшка во чисто́мъ поли
— И оставлялся твой Добрынюшка во живности;
— Да еще-то мнѣ твой Добрынюшка пона́казалъ,
— Велѣлъ-то взять гуселышка его ярбвчатые,
— Да еще-то мнѣ Добрынюшка пона́казалъ,
— Велѣлъ-то взять его кунью его шубоньку,
— Кунью шубоньку велѣлъ онъ взять соболиную. —
Тутъ брала-то честна́ вдова Офимья Олександровна,
Брала-то она тутъ золоты ключи
И сходила-то она во глубокъ погрёбъ,
Приносила ему кунью шубоньку,
Кунью шубоньку его соболиную,

Приносила ему гуселышка она ярóвчатые.
Снарядился тутъ удалый добрый молодецъ
И во эту кунью онъ шубоньку,
И бралъ-то онъ эти гуселышка ярóвчатыѐ,
Самъ говоритъ онъ таково слово:
— Ай же ты честна вдова Офимья Олександровна!
— Гдѣ жъ его есть любима́ семья,
— Еще мóлода Настасьюшка Микулична? —
Тутъ возгóворитъ честна вдова Офимья Олександровна:
«А ушла-то Настасьюшка Микулична,
«Ушла-то она да во Божью́ церковь,
«Принимать оны со Олешей со Поповичемъ,
«Принимать ушли по злату вѣнцу».
Пошолъ тутъ удалой доброй молодецъ
Къ Олешѣ ко Поповичу на пированьицо.
Крестъ онъ кладетъ по писа́ному,
Поклоны все ведетъ по учёному
На всѣ ли на четыре онъ е на стороны,
Князю-то Владимíру онъ въ особину.
Самъ говоритъ тутъ таково слово:
— Ай же ты князь Владимíръ стольнё-кіевской!
— Дай ко упа́лому [1]) добру молодцу заѣзжему
— Мѣстечко мнѣ-ка скро́мноё. —
Отводили они мѣстечко ему скро́мноё
На этой на печкѣ на муравленой.
Садился тутъ удалый добрый молодецъ
На эту на печку на му́равленую,
Игралъ онъ во гуселышка тутъ яровчатые,
А все нагрища приводитъ онъ Добрынины.
Тутъ стоитъ княгиня за дубовымъ столомъ,
А стоитъ она, сама поду́мливаётъ:
«Ай же ты князь Владимíръ стольнё-кіевской!

---

1) *Упалый* то же, что у другихъ сказителей *упавый*—хорошій, красивый.

«Приличь-ко ты удала добра молодца ко дубову́ столу,
«Выпить-то чару ему позволь ты зелена вина».
Приликали его удала добра молодца къ дубову столу:
— Выпивай-ко ты чару зелена вина. —
Наливали ему чару зелена вина полтора ведра,
И браль-то онъ какъ чару одной рукой,
Выпивалъ ту чару едины́мъ духомъ,
Положилъ въ ту чару свой злаченъ перстень,
Самъ говоритъ таково слово:
«Ай же ты Настасьюшка е Микулична!
«Наливай-ко эту чару зелена вина,
«Выпивай-ко эту чару едины́мъ духомъ:
«То что ты увидишь въ этой чары себи́ добра».
Налила эту чару полтора ведра,
Подымала какъ эту чару одной рукой,
Выпивала эту чару единымъ духомъ
И увидла въ этой чарѣ свой злаченъ перстень,
Которымъ перстнемъ съ нимъ да обручавши была.
Тутъ возго́воритъ Настасьюшка Микулична:
— Ай же ты князь Владиміръ стольнѣ-кіевской!
— Не то мнѣ-ка мужъ, который подли́ меня,
— А то мнѣ-ка мужъ, который супротивъ меня».
Тутъ возговоритъ Настасьюшка Микулична:
— Ай же ты Добрынюшка Микитиничъ!
— У жонки е волосъ дологъ да умъ коротокъ. —
Тутъ возго́воритъ Добрынюшка Никитинецъ:
«Я не дивую женскому глупому разуму, —
«Точно у жонки волосъ дологъ да умъ коротокъ, —
«Я дивую вашему царскому разуму,
«Что отъ живаго мужа вы берете за дру́гаго.
«А ты, сиѣлый Олешенка Поповичъ-е,
«А ты братецъ мой крестовыи,
«Не далъ я тебѣ яичка о Христовѣ днѣ,
«Теперько дамъ тебѣ яичко о Петровѣ днѣ!»

Хватилъ тутъ Олешенку онъ за бѣлы́ груди,
Да вытащилъ Олешенку онъ черезъ дýбовъ столъ,
Да какъ началъ онъ Олешенку потаскивати,
Шалыгой подорожною зачалъ пощалкивати.
И тутъ вси князи, вси бо́яра
Съ этого пиру да забросалися,
И всѣ-то по домамъ они разъѣзжалися.

Записано въ Толвуи, 12 іюля.

34.

ДУНАЙ.

Забѣралъ себи дружины онъ хоробрыя
Князь Владиміръ стольнё-кіевской,
И вси на пиру-то наѣдалися,
И вси на пиру-то напивалися,
И всѣ-то на пиру оны поросхвастались.
Тотъ хвастатъ тымъ, да инóй-то инымъ,
Иной-отъ похвасталъ золотой казной,
Иной-отъ похвасталъ своей силою,
Иной-отъ похвасталъ своей смѣлостью,
Разумный-отъ похвасталъ отцемъ матушкой,
А безумный-отъ похвасталъ молодой женой.
Самъ государь онъ свѣщёнъ ра́дощёнъ,
И самъ-то онъ по гриденкѣ похаживаётъ,
И башмачи́камы-то онъ самъ вѣдь поскрипливаетъ:
«Ай же вы князи, вси мои бо́яра,
«Ай же вы поляницы вси мои удалыя!
«И вси-то у меня во Кіевѣ вы пожёнены,
«И всѣ-то дѣвýшки бояры́шки замýжъ даны,
«А одинъ у васъ во Кіеви я холо́стъ не женатъ
«Еще князь Владиміръ стольнё-кіевской.

«Не знаете-ль гдѣ мнѣ взять супротивная?»
Выходитъ тутъ Дунай-тотъ сынъ Ивановичъ,
Супротивъ-то государя становился онъ:
— Ты свѣтъ-то государь нашъ батюшко!
— Я знаю, гдѣ тебѣ взять бы супротивная:
— И есть какъ во той земли во лячкія,
— У того-то есть короля у Ляховинскаго,
— Есте у него тамъ дви дочери:
— Первая дочь е Марья королевична, —
— Тою тебѣ государь не владати;
— И дру́гая е дочь Опраксья королевична,
— Было бы кому намъ поклонятися
— Всимъ городомъ намъ да всимъ Кіевомъ. —
Тутъ возго́воритъ государь ему батюшко:
«Ай же ты Дунай сынъ Ивановичъ!
«Ты бери-тко ты моей казны е безчестныя,
«Бери-тко моей силы е безсмѣтныя,
«Поѣзжай-то ты во землю во лячкую,
«Ко тому ли королю да Ляховинскому,
«О доброемъ дѣлѣ есть о сва́товствѣ
«На мо́лодой Опраксіи королевичной».
Тутъ возго́воритъ Дунай-тотъ сынъ Ивановичъ:
— Ай же ты государь и нашъ батюшко!
— Не надоть мнѣ казны твоей е безсчетныя,
— Не надоть мнѣ-ка силы твоей е безсмѣтныя,
— Только дай-ка мнѣ-ка смѣла Олешенку Поповица:
— Смѣлыя Олешенка Поповичъ онъ на ножку храмъ да на походку скоръ;
— Да въ дру́гихъ дай Добрынюшку Микитича. —
Видѣли они молодцевъ тутъ сядучись
И ихъ они видѣли на добрыхъ коней поѣдучись.
Не воротами они поѣхали, чере́зъ стѣну,
А черезъ стѣну они махнули городовую,
А столькн во чисто́мъ полѣ пыль пошла.

Пріѣзжаютъ они въ землю есть во лячкую,
Къ тому-то королю они къ Ляховинскому
О доброемъ дѣлѣ они о сватовствѣ.
Заѣхали они безъ слова на широкій дворъ,
Привязали тутъ оны коней ко столбику,
Ко этому ко столбику оны точеному,
Ко этому колечку оны золоченому.
Тутъ возговоритъ Дунай-тотъ сынъ Ивановичъ:
«Ай же ты братецъ мой названыя,
«Еще смѣлыя Олешенька Поповичъ ты!
«Еще стой-ко ты, Олеша, на широкомъ на дворѣ,
«Еще стой-кось ты, Олешенька, самъ подогадывайся».
Самъ иде въ полаты въ бѣлокаменны,
Выставъ на крылечко на перёное,
Самъ говоритъ онъ таково слово:
«Ай же ты братецъ мой названыя,
«Еще молодой Добрынюшка Микитинецъ!
«Еще стой-ко, Добрынюшка, на широкихъ сѣняхъ,
«Еще стой-кось ты, Добрынюшка, самъ подогадывайся».
И самъ иде въ полаты бѣлокаменны,
Крестъ-то кладетъ онъ по писаному,
Поклоны всѣ ведетъ онъ по ученому,
На всѣ ли на четыре онъ на стороны,
Самому-то королю да онъ въ особину:
«Ты здравствуешь, король е Ляховинскія!
«Мы пріѣхали къ тебѣ о добромъ дѣлѣ о сватовствѣ
«На молодой Опраксіи королевичной,
«За ласкова князя за Владиміра».
Тутъ возговоритъ ему король тотъ Ляховинскія:
— Ай же ты Дунай да сынъ Ивановичъ!
— Такѣ ли ты про дѣло есть не вѣдаешь,
— А такѣ ль надо мною насмѣхаешься?
— Еще есть у меня Опраксія е просватана
— Во ту есть она во Золоту орду,

— За того-то короля да и за Каина. —
Тутъ возгóворитъ Дунай ему Ивановичъ:
«Ай же ты король е Ляховинскія!
«Не бывать твоей Опраксіи въ Золотой орды,
«А быть твоей Опраксіи въ нашомъ Кіеви,
«За ласковымъ за княземъ за Владимíромъ».
Этое-то слово ему не въ любовь пришло,
Онъ ударилъ тутъ Дуная по бѣлу́ лицу.
Обвернулся тутъ Дунай сынъ Ивановичъ,
Ударилъ короля-то онъ по черну́ лицу;
Упалъ тутъ король е о кирпичен полъ.
Бралъ-то короля онъ за рѣзвы́ ноги,
Зачалъ королемъ-то онъ помахивати,
Пандовъ-то улановъ сталъ поукивати.
Тамъ услышалъ е Добрынюшка Микитинецъ,
Есть-то во полатахъ пошолъ шумъ-то великъ,
Прискочитъ тутъ Добрынюшка къ ободверенкѣ,
Вырвалъ тутъ Добрынюшка онъ ободверенку;
Зачалъ тутъ Добрынюшка похаживати,
Зачалъ ободверенкой помахивати,
Пандовъ-то улановъ сталъ поукивати.
Услышалъ тамъ на широкомъ на дворѣ
Смѣлыя Олешенька е Поповицъ тамъ,
Есть-то во полатахъ пошолъ шумъ-то великъ,
Прискочитъ тутъ Олеша ко телѣги ко ордынскія,
Вырвалъ онъ осище телѣжное,
Телѣжное осище окова́ное,
Окованое осище ровно сорокъ пудъ;
Началъ тутъ Олешенка похаживати,
Пандовъ-то улановъ сталъ поукивати.
Выбрались три братца названыя,
Выбрались оны да на широкій бѣлый дворъ;
Тутъ возгóворитъ Дунай-тотъ сынъ Ивановичъ:
«Ай же вы братцы, вы мои товарища!

«Попало мнѣ Дунаю есть побивало доброе, —
«А плотенъ король на жилья есть, самъ не по́рвется».
Выходитъ-то Опраксія королевична
Она на широкій бѣлый дворъ,
Захватила Дуная за могучіи плеча,
Еще говоритъ она таково слово:.
— Ай же ты Дунай сынъ Ивановичъ,
— Оставъ-кось ты татаръ хоть и на сѣмена!
— Ѣду я ко городу ко Кіеву
— За ласкова князя за Владиміра. —
Садились оны тутъ на добры́хъ коней
И брали они Опраксію королевичну,
И поѣхали по да́лечу дале́чу по чисту́ полю.
Ѣхали по да́лечу дале́чу по чисту́ полю,
Во чисто́мъ полѣ наѣхала Марья королевична,
Она спшибла-то Дуная и съ добра́ коня,
Скакала-то ему она да на бѣлы́ груди,
Выдернула она ножищо е кинжалищо,
Хотѣла ему пороть и бѣлу грудь,
Сама-то говоритъ она да таково слово:
«Ай же ты есть Дунай да сынъ Ивановичъ!
«Такі̀ ль ты есть про дѣло есть не вѣдаешь,
«Не знаешь ты пошибокъ нашихъ женскіихъ?»
— А что есть пошибки ваши женскія? —
«А ты бы правою рукой да по ле́лькамъ [1]) билъ,
«А лѣвою ногою бы подъ гузно пихнулъ».
Онъ правою рукою ю по лелькамъ билъ,
А лѣвою ногою ю подъ гузно пихнулъ,
И слетѣла эта Марья за три по́прища.
Тутъ скакалъ-то ёй Дунай на бѣлы́ груди,
Хотѣлъ онъ ёй пороть-то бѣлу грудь;
Тутъ смолилась Марья королевична:

---

1) Т. е. по грудямъ.

«Ай же ты Дунай да сынъ Ивановичъ,
«Не пори-ко ты моей да е бѣлóй груди!
«Ѣду я ко городу ко Кіеву,
«Отдавать своей сестрицы я родимыя
«За того за князя за Владимíра»...

(Дальше не помнитъ).

Записано въ Толвуи, 12 іюля.

35.

ЧУРИЛА.

Ѣздилъ-то Чурилушка онъ Плёнковичъ,
Ѣздилъ онъ по дáлечу далéчу по чистýю полю,
На своемъ-то ѣздилъ на добрóмъ конѣ,
Во своемъ онъ ѣздилъ кованóмъ сѣдлѣ.
Сѣделышко было его черкальское,
Подстéнуто было двѣнадцать тугихъ пóдпруговъ.
Подпруги были да все шелкóвыя,
Пряжечки были да золоченыя,
А шпенёчики были булатнія.
Еще шелкъ не рвется, какъ булатъ не гнется,
Красно золото съ земли оно не ржавѣётъ,
Не ради красы не ради бодрости,
А ради крѣпости богатырскія,
Добрый конь чтобы сподъ него не выпрянулъ.
Ѣхалъ онъ по городу по Кіеву,
Забирать себѣ дружину на почестенъ пиръ,
И заѣхалъ онъ къ Пермяту ко Васильевичу
Подъ тое окошечко косевчато.
Бьется-то онъ тутъ, колотится
Сквозь тую блезну да сквозь хрустальную.
Отворяетъ тутъ окошечко косевчатое,

Выскакаетъ оттуль дѣвушка поваренная
И сама-то говоритъ да таково слово:
«Еще нѣтъ у насъ въ доми-то хозяина,
«Онъ уѣхалъ во Божью́ церковь,
«Богу тамъ онъ е молитися,
«Чуднымъ образамъ онъ да поклоняется».
Услышала Катерина тутъ Микулична,
Она бьетъ-то дѣвку по лѣву́ лицу,
Сама-то говоритъ ей таково слово:
— Ай же ты дѣвка е страдница!
— Только знала бы ты дѣвка шти́ кашу́ варить,
— Шти кашу́ варить, работниковъ кормить,
— Не твое бы дѣло гостей отка́зывать. —
Тутъ выходитъ она на си́нечки на бѣлыя
И на ты переходечки на частыя,
Сама выходитъ она, Катерина Микулична,
Выходитъ она па широкій дворъ
И встрѣчаетъ удала добра молодца,
Еще Чурилушку е Пленковича,
И беретъ его за ручки за бѣлыя,
За его перстни́ да за злаченыя,
И цѣловала въ уста его сахарнія,
Провела его коня добраго
На свою конюшню на стоялую,
И провела его въ свою бѣлую во ковнату.
Садились оны играть-то съ ей во шахматы:
Еще разъ-то онъ игралъ да ю по́игралъ,
Еще другой-тотъ игралъ да ю по́игралъ,
А третій-тотъ разъ ей и ступить не далъ.
Тутъ возго́воритъ Катерина-та Микулична:
— Ай же ты упавый добрый молодецъ,
— Еще мо́лодый Чурилушка ты Плёнковичъ!
— А знать-то мнѣ съ тобой играть во шахматы,
— А знать-то мнѣ да на тебя смотрѣть,

— А какъ бѣлое-то тѣло у меня ходунóмъ ходитъ,
— А къ бѣлому-то тѣлу да рубашка льнетъ!
— А какъ дѣлалъ бы ты дѣло есть повелёное,
— Скидывáлъ бы ты шапочку, клалъ на стопочку,
— Однорядочку снялъ бы, клалъ на грядочку,
— А зелёнъ сафьянъ сапожки снялъ бы, клалъ подъ лавочку
— Да ложился спать бы на кроваточку,
— На тую кроватку на кисóвую,
— На эту на перину на пуховую
— Да на тое на крýто складно на зголовьицо
— Да подъ тое теплое ты одёялышко подъ соболиное. —
Скидывáлся тутъ Чурилушка онъ Пленковичъ:
Однорядочку снялъ да клалъ на грядочку,
А зелёнъ сафьянъ сапожки клалъ подъ лавочку,
И ложился спать онъ на кроваточку,
На тую кроватку на кисовую
Да на эту онъ перину на пуховую
Да на тое круто складно на зголовьицо
Да подъ тое одёялышко онъ соболиноё.
Тутъ-то Катерина она Микулична
Скидывáласи она въ тонкую рубашечку безъ пояса,
Ложиласи тутъ же на кроваточку,
На тую кроватку на кисовую
И на тую перинку на пуховую,
На тое на круто складно зголовьицо
И подъ тое тепло одёялышко соболиноё.
Услыхала тамъ дёвушка поваренна,
Поваренная дёвка все челя́динна,
Выходитъ-то дёвка на бѣлы́ сѣни,
Сама-то говоритъ да таково слово:
«Я пойду-то, дёвка, на Божью́ церковь,
«Скажу-то Пермяту сыну Васильевичу».
Услышалъ тутъ Чурилушка Плёнковичъ:
— Ай же ты дёвка е страдница!

— Не ходи-ко ты, дѣвка, во Божью́ церковь,
— Не сказывай Пермяту сыну Васильевичу,
— А возьми-ко ты денегъ пятьдесятъ рублей,
— А когда ты, дѣвушка, замужъ пойдешь,
— Подарю я те косякъ камки,
— Еще дорогой камочки заморскія. —
Ничего того дѣвушка не послушалась,
Пошла-то она да во Божью́ церковь.
Пришла-то она да во Божью́ церковь,
Крестъ-то кладетъ по писа́ному,
А поклоны-то ведетъ по учёному,
На всѣ ли четыре на стороны,
Пермяту сыну Васильевичу въ особину:
«Ай же ты Пермятъ сынъ Васильевичъ!
«Ты стоишь-то здѣсь да Богу молишься,
«Чуднымъ о́бразамъ ты да поклоняешься,
«Надъ собою самъ незгоды ты не вѣдаешь!
«Еще есть у тя въ домѣ нелюбимый гость,
«Еще молодый Чурилушка е Плёнковичъ,
«И гуляетъ онъ со Катериною Микуличной».
Это слово-то ему не въ любовь пришло,
Самъ онъ говоритъ да таково слово:
— Ай же ты, дѣвка, если бы́ль говоришь,
— Я буду тебя, дѣвушка, жаловать,
— А если ты мнѣ, дѣвка, ло́жь говоришь,
— Я не дамъ тебѣ сроку на малый часъ,
— Срублю тебѣ, дѣвка, буйну голову! —
Выходитъ онъ на улицу на бѣлую
И садился-то онъ на добра́ коня.
Пріѣзжаетъ къ своимъ полатамъ бѣлокаменнымъ
И самъ пришолъ въ полаты бѣлокаменны,
Самъ онъ говоритъ да таково слово:
— Ай же ты Катерина е Микулична!
— Что же ты не зашла е во Божью́ церковь,

— Богу-то тамъ е молитися,
— Чуднымъ образамъ ты да поклоняться тамъ?—
Тутъ возгóворитъ Катерина-та Микулична:
«Ай же ты Пермятъ сынъ Васильевичъ!
«Ты не знаешь развѣ обрядовъ нашихъ женскіихъ?
«Еще нельзя-то мнѣ итти да во Божью́ церковь».
— Ай же ты, дѣвка е страдница,
— Все-то ты мнѣ, дѣвка, е ложь говоришь!
— Срублю я тебѣ, дѣвка, буйну голову,
— Не дамъ я тебѣ сроку на малый часъ!—
Жалобнéшенько дѣвушка заплакала,
Сама-то говоритъ она таково слово:
«Ай же ты Пермятъ сынъ Васильевичъ!
«Сходи-ко нá свою конюшню на стоялую:
«А какъ нá твоей конюшнѣ на стоялоей
«Стоитъ-то тамъ Чурилинъ добрый конь».
Сходилъ-то на конюшню на стоялую,
Увидѣлъ тамъ коня добраго Чурúлинаго
И приходитъ онъ въ полаты въ бѣлокаменны.
Тутъ вóзговоритъ Катерина-та Микулична:
«Ай же Пермятъ сынъ Васильевичъ!
«А ѣздилъ мой братецъ тотъ родимыя
«И по дáлечу ѣздилъ онъ по чисту́ полю,
«Со Чурилушкой оны да соѣзжалися
«Да конямы-то оны тамъ вѣдь е помѣнялися,
«Да пріѣхалъ-то братецъ ко мнѣ родимыя
«Да на Чурилиномъ пріѣхалъ на добрóмъ конѣ».
Тутъ возгóворитъ Пермятъ сынъ Васильевичъ:
— Ай же ты, дѣвка е страдница,
— Все ты мнѣ-ка, дѣвка, ложь говоришь!
— Я срублю тебѣ, дѣвка, буйну голову. —
Жалобнéшенько дѣвушка заплакала,
Сама-то говоритъ она тáково слово:
«Ай же ты Пермятъ сынъ Васильевичъ!

«Сходи-ко во свою во теплую во ложню-ту,
«А спитъ-то тамъ Чурилушка, онъ не прохватится».
Онъ сходилъ тутъ во теплую во ложию-ту,
Онъ увидѣлъ Чурила-то Пленковича,
Заздынулъ онъ мечъ-то выше го́ловы,
Срубилъ онъ Чурилѣ буйну го́лову.
Тутъ-то е Чурилушкѣ славу́ поютъ.
Тутъ-то е Катерина Микулична
Выходитъ она на сѣнечки на бѣлыя,
На тыя переходечки на частыя:
«Ахъ ты старый песъ, ты сѣда́я борода̀,
«А сгубилъ ты удала добра молодца,
«Еще мо́лода Чурилушку е Пленковича!».

Записано въ Чолмужахъ, 19 іюля.

36.

СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЪ

Изъ-подъ дуба, дуба было сы́раго
Изъ-подъ вяза, вяза сподъ черле́наго,
Изъ-подъ кустышка да сподъ ракитова,
Сподъ ты березы сподъ кудрявыя,
Изъ-подъ камешка было изъ-подъ бѣлаго
Пала, выпадала мать Нѣпра̀ рѣка,
Выпадала она въ море, море Че́рное;
Съ-по́ морю, по мо́рю, морю Че́рному
Выходила она да во Турецкоё
По Турецкому морю, морю Че́рному
Выплавало оттуда тридцать ка́раблей.
Единый-отъ карабль тутъ напередъ ушолъ,
Онъ на́передъ бѣжитъ да бывъ соко́лъ летитъ.
Еще носъ-корма въ ёмъ по звѣрину́му,

А какъ хоботы-ты мечетъ по змѣиному,
Бокова̀ выведены въ ёмъ да по туриному, —
Хорошо, братцѝ, карабль нашъ изукрашенъ всѣмъ!
Мѣсто хвоста было повѣшено
По тому волку да по заморскому;
Мѣсто ушей было повѣшено
По ты куницы по сибирскія,
Хорошо, братцѝ, карабль нашъ изукрашенъ всѣмъ!
Мѣсто бровъ было продернуто
Какъ по черному по соболю заморскому, —
Хорошо, братцѝ, карабль нашъ изукрашенъ всѣмъ!
Шеймы[1]) канаты были шёлковыи,
Хорошо, братцѝ, карабль нашъ изукрашенъ всѣмъ!
Якори на ка́рабли булатнія,
Еще лапочки были всѣ золоче́ныя, —
Хорошо, братцѝ, карабль нашъ изукрашенъ всѣмъ!
И парусы на ка́рабли рущато́й камки,
Еще до́рога камо́чка е заморская.
Хорошо, братцѝ, карабль нашъ изукрашенъ всѣмъ!
Еще рубка на карабли была ры́бьящета.
Въ этой бесёдкѣ ры́бьящетой
Сидѣлъ мо́лодой Со́ловей Буди́міровичъ
Еще со своей родителью матушкой,
На́ имя со Ульяной со Васильевной.
Игралъ онъ во гуселышка яровчаты,
Спо́тѣшалъ свою родитель матушку,
Еще ка́ имя Ульяну Васильевну.
Пріѣзжали оны ко городу ко Кіеву,
Еще ко́ тому оны ко бережку ко кру́тому,
Ко́ тому песочику оны розсы́пчатому.
Выходитъ самъ Со́ловей Буди́міровичъ
И самъ говоритъ да таково слово:

---

1) Шеймы, по объясненію пѣвца, значитъ «обснастка».

«Ай же вы моя дружинушка хоробрая,
«А васъ триста молодцовъ е безъ единаго!
«Скидывáйте-ко вы кожáники лосиныя,
«Надѣвайте-ко вы кафтаны роскурлáнъ-сукна,
«Одѣвайте-ко вы шляпоньки пуховыя,
«Берите кушаки-то все шелкóвыя
«Да выметывайте сходенку вы лýженую,
«Луженую сходню, мѣдью лýженую,
«Да насыпьте эту сходню чиста сéребра;
«Да выметывайте сходенку вы лýженую,
«Луженую сходню себрёлýженую *(такъ)*,
«Да насыпьте эту сходню чиста золота;
«И третью сходенку выметывайте,
«Выметывайте вы сходенку вы лýженую,
«Луженую сходню себрёлýженую,
«Себрёлуженую сходню позолóченую».
Выходитъ самъ Сóловей Будúміровичъ
Еще сó своей съ родителью со матушкой,
Самъ онъ говоритъ тутъ таково слово:
«Ай же вы дружинушка хоробрая,
«Васъ триста молодцовъ е безъ единаго!
«Подите-тко на горку вы на конную,
«На этоей на горкѣ и на конныя,
«Гдѣ пироги и гдѣ блины́ продаютъ
«И малыи ребята тамъ барышничаютъ.
«Поставьте къ утру свѣту мнѣ-то три́ терема,
«Еще три терема да златоверхíихъ,
«Что верхи бы со верхамы совивалися,
«Молода Забава и Путятична
«На этыи верхи бы оглядѣлася...».

(Дальше не знаетъ).

Записано въ Толвуи, 12 іюля.

37.

ВЗЯТІЕ АЗОВА.

Какъ выходитъ вѣдь государь нашъ по́ день,
Выкликаетъ надёжда онъ по дру́гой,
Выкликаетъ насъ надёжда царь по третей:
«Еще всѣ же вы князи, вси боя́ри
«А всѣ думскіе царевы генерала!
«Пособите государю думы думать,
«Государю чтобы дума не проду́мать,
«Какъ бы взять бы мнѣ Азо́въ горо́дъ безъ бо́ю,
«Безъ бою́, безъ драки кроволитья».
Еще большій тулится за середняго,
А середній тулится за меньшаго,
А отъ меньшаго государю ни отвѣта нѣтъ.
Выходитъ тутъ казакъ е донски́и,
Еще онъ же молодецъ е удалы́и,
Супротивъ онъ государя становился,
Пониженько надёждѣ поклонился:
— Охъ ты батюшко надёжда государь царь,
— Олексій сударь Михайловичъ московскій!
— Бласловите, государь, мнѣ словца молвить.
— Еще во́зьмемъ мы Азовъ горо́дъ безъ бою,
— Еще безъ бою́ возьмемъ безъ драки,
— Еще безъ большо́ велика кроволитья. —
По головушкѣ каза́ченка погладилъ:
«Благодарствуёмъ казакъ тебѣ донски́и,
«Еще ты же молодецъ е удалы́и,
«Еще ты же молодецъ-то есть смѣлы́е!
«Еще смѣлъ-то съ государемъ говорити:
«А какъ будетъ ли казакъ тебѣ съ дѣла,
«Я пожалую по до́рогу кафтану
«А какъ со тыма съ клинамы золотыма
«И со обве́щамы со тыма дорогима».

Пятьсотъ они телѣжекъ снарядили,
По пяти туды казáковъ положили,
Они черными юхтáмы накрывали,
Какъ булатними гвоздцамы обивали.
Еще они другіе пятьсотъ тутъ снарядили,
Мякотнымъ-то товаромъ нагрузили
А туды же къ Азову пронустили.
Они стали тутъ къ Азову подъѣзжати.
Еще тутъ-то казаку ему не спится,
Еще бралъ-то онъ подарки дорогіи,
Къ самому-то онъ Санталу относился:
— Ахъ ты здравствуешь Санталъ ты е турецкій,
— Поздравляю тебя силой со нѣмецкой!
— Еще вó теби подарки дорогіи
— Какъ отъ нашего царя теби отъ бѣлаго.
— Да просилъ-то вѣдь нашъ царь тебя бѣлый,
— Да просилъ-то онъ въ Азовѣ торговати,
— Какъ русійскихъ товаровъ продавати
— А какъ вашихъ мы заморскіихъ покупати —
А какъ эти ему подарки прилюбились,
Приказалъ-то онъ въ Азóвъ горóдъ въѣзжати,
Велѣлъ кажныи телѣжки осмотрити.
Какъ пятьсотъ они телѣжекъ просмотрили,
Еще дрýгіихъ телѣжекъ не сустигли,
Они всѣхъ они возовъ-то запустили.
Они зачали въ Азовѣ торговати
А своихъ они товаровъ продавати
А заморскіихъ они стали закупати,
А булатніихъ возцовъ тыхъ отдирати,
Еще черныихъ юхтóвъ тыхъ открывати
Да оттудова молодцовъ тыхъ выпускати.
Еще зачали казачки-то тутъ гулятн,
Они начали въ Азови шурмовати,
Да начали турчановъ убивати,

Много множество турчановъ тутъ прибили.
А одва-то тутъ Санталъ и самъ уѣхалъ
Еще во свою столицу въ городо́ву.
Еще тутъ казачкамъ имъ не спится,
Оны валъ-то земляной тутъ завалили
Какъ повыше стѣны они городо́вой.
Тутъ Санталъ-то онъ турецкой
Набираетъ себѣ силы сорокъ тысячъ,
Подъѣзжаетъ онъ къ Азову тутъ ко городу,
Еще началъ онъ въ Азо́въ горо́дъ ломиться.
Еще валъ-то земляной оны розсыпа́ли,
Стѣну каменну оны да проломили,
Еще тутъ они въ Азо́въ горо́дъ забились,
Еще начали въ Азовѣ шурмовати,
Оны стали казачковъ тутъ убивати.
Тутъ немножко казачковъ тутъ оставлялось.
Собирались казачки тутъ въ Бо́жью церковь.
Отслужили тутъ молебенъ со обѣдней:
— Еще ай же ты Микола Чудотворецъ,
— Не придай-ко намъ напрасно умерети!
— Постримемся мы тобѣ-ка вси въ монахи,
— Всѣ въ монахи постримемся, въ потріархи,
— Всѣ въ монахи постримемся, въ потріархи.—
Напустилъ тутъ Микола Чудотворецъ,
Напустилъ тутъ на турчанъ онъ темну темень,
Они дружка дружку прирубили,
Какъ густымъ ту рѣку загустили.

Записано въ Толвуи, 12 іюля.

IX.

ТИМОФЕЕВЪ.

Андрей Тимофеевъ, крестьянинъ 60-ти лѣтъ, изъ дер. Загорья у Толвуи. Выучился пѣть былины у мѣстныхъ старожиловъ; земледѣлецъ.

38.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Добрынюшка матушкѣ говаривалъ:
«Ай же ты честна̀ вдова Офимья Олександровна!
«Ты бъ меня Добрыни не споро́дила,
«Споро́дила бы Добрыню, да на бѣлый свѣтъ не попустила,
«Завертѣла бы Добрыню въ тонко бѣлое полотнище,
«Выносила бы Добрыню на гору да на Сіонскую,
«Кидала бы Добрыню во сине́ море,
«Катался бы, валялся Добрыня я по́ вѣку,
«По вѣку и по скончанію».
Испрого́воритъ его да родна матушка:
— Рада бы я, дитятко, спородити
— Во того во смѣрнаго каза́ка Илью Муромца,
— Во того во смѣлаго Олешенку Поповича. —
Умывался тутъ Добрыня въ ключеву воду,
Сокрутился тутъ Добрыня въ платье цвѣтное,
Выходилъ онъ во свою конюшню бѣлоду́бову,
Бралъ да своего-то сиза бурушка,
Сиза бурушка косматаго,
Не сѣдлана онъ да вѣдь не уздана.
Надѣвалъ онъ уздицю тесмяную,
Кладывалъ онъ потнички на потнички,
Войлочки на войлочки,
Сѣделышко черкальсато *(такъ)*,

Двѣнадцать подпружекъ шелковыихъ,
Нé ради красы нé ради басы,
Ради крѣпости богатырскія.
Выходитъ его да любимá семья,
Мóлода Настасьюшка Микулична:
— Ты куда поѣзжашь, да куды путь держишь,
— На кого ты покидаешь молоду жену? —
Испрогóворитъ Добрынюшка Микитиничъ:
«Ай же ты моя да любима семья!
«Когда стала ты у меня спрашивать,
«Тогда я буду теби сказывать.
«Поѣду я, добрый молодецъ,
«Во чистó поле поляковать, казáковать;
«Постою я вѣдь за вѣру христіанскую,
«Порублю я вѣдь поганыихъ татаровей.
«Сожидай-ко ты Добрыню со чистá поля ровно трú годы,
«Три годы пройдетъ, да до шести годовъ,
«Шесть годовъ пройдетъ, хошь вдовой живи,
«Хошь вдовой живи да хошь замýжъ поди,
«Зá князя поди, хошь за боярина,
«За могучаго поди богáтыря,
«Только нé ходи за того за смѣлаго,
«Только нé ходи за Олешенку Поповича.
«Олешенка Поповичъ мнѣ крестовый братъ».
День тутъ за день какъ птицá летитъ,
Недѣля за недѣлю какъ дождь дожжитъ,
Годъ-тотъ зá годъ бывъ трава ростетъ;
Проходитъ тому времечки ровно трú годы.
Приходитъ солнце Владимíръ свататься,
Свататься да низко кланяться
Зá того за смѣлаго Олешу вѣдь Поповича:
— Ты поди-ко вѣдь теперь да во замужество. —
Испрогóворитъ Настасья таково слово:
«Сожидала я Добрыню ровно трú годы,

«Сожидать буду Добрыню до шести годовъ».
День тотъ за день какъ птица́ летитъ,
Недѣля за недѣлю какъ дождь дожжитъ,
Годъ-тотъ за годъ бывъ трава ростетъ;
Проходило тому времечки шесть годовъ.
Приходитъ Владиміръ стольнё-кіевской
Свататься да низко кланяться
За́ того за смѣлаго Олешу вѣдь Поповича.
Испрогово́ритъ Настасья таково слово:
«Справляла я вѣдь мужёй завѣтъ,
«Справлять буду вѣдь вдовёй завѣтъ,
«Не пойду я до двѣнадцати годовъ».
День-то за день какъ птица́ летитъ,
Недѣля за недѣлю какъ дождь дожжитъ,
Годъ-тотъ за́ годъ бывъ трава ростетъ;
Проходитъ тому времечки ровно шесть годовъ.
Приходитъ Владиміръ свататься,
Свататься да низко кланяться
За́ того за смѣлаго Олешу вѣдь Поповича.
Сило́й берётъ, къ ней въ думу́ не йдетъ.
Заводили оны тутъ да почестенъ пиръ.
У того-то вѣдь у Добрынюшки
Была малая служаночка;
Обвернулась она да малой ко́лпицей [1]),
Слетала она да во чисто́ поле,
Отыскала она Добрынюшку Микитича.
Онъ спитъ да проклаждается
Во своёмъ да во бѣломъ шатри:
— Ай же ты Добрынюшка Микитиничъ!
— Ты спишь да проклаждаешься,
— Надъ собой незгодушки не вѣдаешь.

---

1) Пѣвецъ говорилъ, что не знаетъ, какого рода эта птица. На лужицко-сербскомъ нарѣчіи *колп* значитъ лебедь.

— Нѣтъ у тебя въ домѝ вѣдь любимóй семьи,
— Мóлодой Настасьюшки Микуличны. —
Пробуждался тутъ Добрыня сó сну богатырскаго,
Бралъ своего да сиза бурушка
Не сѣдлана онъ да вѣдь не уздана,
Надѣвалъ онъ уздицю тесмяную,
Кладывалъ онъ потнички на потнички,
Войлочки на войлочки,
Сѣделышко черкальсато,
Двѣнадцать подпружекъ шелковыихъ,
Нé ради красы, нé ради басы,
Ради крѣпости богатырскія.
Садился тутъ Добрыня на добрá коня.
Видли добра молодца ли сядучи,
Нé видли его поѣдучи.
Пріѣзжаетъ тутъ Добрынюшка Микитинычъ
Во свой-то онъ да во Кіевъ градъ,
Приходитъ онъ въ свою да полату бѣлокаменну,
Крестъ кладетъ онъ по писáному,
Поклонъ ведетъ да по учéному,
Кланяется онъ да на четыре вѣдь сторонушки,
Своей матушкѣ онъ въ собину:
«Здравствуй ты честнá вдова Офимья Олександровна!
«Ѣду я добрый молодецъ со чистá поля,
«Кланяюсь тебѣ отъ Добрынюшки низкóй поклонъ».
Испрогóворитъ его да родна матушка:
— Какъ бы былъ мой Добрыня въ живности,
— Не дошло бы вамъ ворамъ надрыгатися,
— Не отняли бы у меня да любимóй семьи,
— Молодой Настасьюшки Микуличной! —
Испрогóворитъ Добрыня таково слово:
«Ѣду я добрый молодецъ со чистá поля.
«Наказывалъ Добрыня путь-шалыгу подорожную,
«Наказывалъ Добрыня гуселышка яровчаты,

«Сапоженки на ноженки зелёнъ сафьянъ,
«Наказывалъ Добрыня шубоньку да соболиную,
«Шапочку на головочку ушистую, пушистую,
«Ушистую, пушистую, завѣсисту».
Видитъ тутъ честна̀ вдова Офимья Олександровна,
Приносила тутъ-то она да платье цвѣтное.
Походилъ тутъ Добрыня на почестенъ пиръ.
Вси на пиру мѣста были призаняты,
Садился Добрыня по край печенки;
Вынималъ Добрынюшка гусе́лышка яровчаты,
Сталъ тутъ Добрынюшка поигрывать
Во свои гусе́лышка въ яровчаты,
Весь пѣръ-тотъ привелъ да на весельицо.
Испрого́ворятъ тутъ да таково слово:
— Какъ бы этой малой скоморошины
— Чарочка да зелена́ вина,
— Зелена вина да полтора ведра. —
Приносили ему чару зелена вина,
Зелена вина да полтора ведра.
Бралъ тутъ Добрыня едино́й рукой,
Выпивалъ Добрыня едины́мъ духомъ.
Испрого́воритъ Добрыня таково слово:
«Дали мнѣ чарочку зандравную,
«Дайте-тко теперь да и забавную».
Пошолъ онъ тутъ отъ печки отъ муравлянки
Ко тому-то ко сто́лу молодецкому;
Онъ спускалъ тутъ свой злаченъ перстень
Въ тую чару зелена вина.
Испрого́воритъ Добрыня таково слово:
«Ай же ты мо́лода Настасья ты Микулична!
«Выпей-ко чару зелена вина,
«Выпьешь до дна, такъ увидашь добра,
«Не выпьешь до дна, такъ не видать добра».
Брала тутъ Настасья едино́й рукой,

Выпивала вѣдь Настасья единѣмъ духомъ,
Увидла тамъ-то на́ днѣ вѣдь злаченъ перстень,
Которымъ перстнемъ съ Добрыней обручалася.
Испрого́воритъ Настасья таково слово:
— Ай же ты мой ли Добрынюшка Микитиничъ!
— Бери-тко ты меня за волосы за женскія,
— Кеди-тко *(такъ)* ты меня о бѣлоду́бовъ мостъ,
— Привяжи-тко меня къ жеребцямъ ко неученымъ,
— Ростощили бы меня да по чисту́ полю! —
Испрого́воритъ Добрынюшка Микитиничъ:
«Не дивую я полу женскому,
«Дивую своему брату́ крестовому!
«У жива́ мужа хочетъ жену отнять».
Хваталъ онъ тутъ Олешу за желты́ кудри,
Кидалъ тутъ Олешу о бѣлоду́бовъ мостъ,
Зачалъ тутъ Добрыня пощалкивать
Той-то путь-шалыгой подорожноей.
Сталъ Олеша тутъ поахкивать,
Въ охканьи не слыхать его ло́чканья[1]).
И спустилъ его Добрыня со бѣлы́хъ рукъ.
Садился тутъ Олеша покрай лавочки,
Испрого́воритъ Олеша таково слово:
— Всякій-то чертъ на вѣку-то женится,
— Не всякому женидьба удавается. —
Только и Оле́шенька женатъ бывалъ.

Записано въ Толвуи, 11 іюля.

---

1) Т. е. звука отъ ударовъ (такъ объяснилъ пѣвецъ).

39.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ.

Не заюшко въ чистóмъ полѣ выскакивалъ,
Не горносталюшка выплясывалъ
Выѣзжалъ тамъ доброй молодецъ,
Доброй молодецъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.
Направлялъ онъ да коня своего богатырскаго,
Увидалъ онъ во чистóмъ поли
Лань да златорогую,
Спускалъ своего да добрá коня
Во всю прыть да лошадиную;
Догоняетъ онъ да эту лань да златорогую,
Хочетъ колоть ю во бѣлу́ю грудь.
Испрогóворитъ эта лань да златорогая
Человѣческимъ она голосомъ:
«Ай же ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
«Не коли-тко ты да моей бѣлóй груди!
«Я есть вѣдь не лань-то златорогая,
«Я есть Марья лебедь бѣла, королевична.
«У меня на семъ свѣтѣ положенъ вѣдь такой завѣтъ:
«Кто меня можетъ на бѣгу догнать,
«За того я пойду въ замужество».
Повернулась эта лань да златорогая
Въ человѣческій она образъ;
Онъ бралъ тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
За бѣлы́ руки да за златы́ перстни,
Цѣловалъ ю тутъ въ уста да во сахарни́,
Отвозилъ ю тутъ во Кіевъ градъ.
Принимали тутъ оны законъ да вѣдь супружеской.
Сталъ онъ жить-то съ ней да на весельици,
Напиваться зелена́ вина онъ допьяна.
Приходитъ онъ вó свою полату бѣлокаменну,
Стрѣтаетъ его своя да любима́ семья,

Испрогóворитъ Марья ему да таково слово:
«Ай же ты моя да любима́ семья!
«Я теби скажу да таково слово:
«Кто у насъ да наперёдъ помрётъ,
«Тому-то сѣсть да во сыру́ землю.
«Ежли я да наперёдъ помру,
«Тебѣ со мной сидѣть да ровно три мѣсяца да во сырой землѣ;
«Ежли ты помрешь, я съ тобой буду сидѣть да во сырой землѣ».
Написали они между собой вѣдь записи.
И онъ ходитъ да на царе́въ кобакъ,
Напивается онъ да зелена вина вѣдь допьяна.
Пріѣзжаютъ-то съ разныхъ мѣстъ да сорóкъ царей,
Сóрокъ царей, сóрокъ царевичевъ,
Сóрокъ королей да сóрокъ королевичевъ.
Оны пишутъ ко Владимíру,
Владимíру да стольнё-кіевскому:
— Выведи ты эту Марью лебедь бѣлу, королевичну,
— Бе́зъ бою, безъ драки, безъ великаго кроволитія. —
Собираетъ тутъ Владимíръ стольнё-кіевской
Своихъ господъ, своихъ бояръ;
Сталъ онъ тутъ Владимíръ совѣтъ совѣтовать
Со своима господамы, со своима боярамы:
«Ежели намъ не отдать этой Марьи лебедь бѣлой, королевичной,
«Приведутъ нашъ стольной Кіевъ градъ во розореніе».
На ту пору, на то времечко
Приходитъ тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Въ эту полату бѣлокаменну,
Кланяется онъ Владимíру тутъ въ особину:
— Ай же ты Владимíръ стольнё-кіевской!
— Не отдамъ я своей душеньки
— Бе́зъ бою, безъ драки, безъ великаго кроволитія. —

Бе́ретъ онъ своихъ да двухъ братьевъ крестовыихъ,
Бе́ретъ стараго каза́ка Илью Муромца,
Во вторыхъ беретъ Добрынюшку Микитича.
Сокрутились они въ платье женское,
Причесали они свои кудри русыя по женскому,
Садились они въ телѣжку во ордынскую,
Пріѣзжали оны да во чисто́ поле,
Роздернули оны тутъ вѣдь бѣло́й шатеръ.
Приходило тутъ со́рокъ царей, со́рокъ царевичевъ:
«Вѣрно что Владиміръ стольнё-кіевской
«Не посмѣлъ съ нами воевати де,
«Повывелъ онъ Марью лебедь бѣлу, королевичну,
«Повывелъ Марью во чисто́ поле».
Испрого́ворятъ тутъ оны да таково слово:
«Ай же ты Марья лебедь бѣла, королевична!
«За кого же ты за насъ заму́жъ идешь?»
Испрого́воритъ Михайла самымъ тонкимъ женскимъ голосомъ:
— Кто кого изъ васъ на бою побьётъ,
— За того я вѣдь заму́жъ иду. —
Выходили оны татарева во чисто́ поле,
Тотъ того побьётъ, другой друго́го побьётъ,
Не выходили-то у нихъ поединщика единаго.
Приходятъ оны опять да ко бѣлу́ шатру:
«Нѣтъ у насъ такого поединщика.
«За кого же нынь ты заму́жъ идешь?»
Молодецко сердечко мало сте́рпливалъ,
Розгорѣлось его да сердце богатырское,
Выскакивалъ Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Со своего онъ да бѣла́ шатра:
Не увидѣлъ онъ сабли вострыи,
Не увидѣлъ онъ меча кла́денца,
Хваталъ онъ телѣжку ордынскую,
Выхватывалъ онъ оси́нцё желѣзное,

Зачалъ онъ осищёмъ тутъ помахивать,
Прибилъ онъ сóрокъ царей, сóрокъ царевичевъ,
Сорокъ королей, сорокъ королевичевъ.
Поѣзжали оны тутъ во Кіевъ градъ
Со своима онъ съ братьямы крестовыми.
Подъѣзжаетъ онъ да кó своей полатѣ бѣлокаменной,
Испрогóворятъ ему да таково слово:
— Ай же ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— Нѣтъ у тебя въ доми да любимóй семьи,
— Нѣтъ у тебя да въ живности
— Мóлодой-то Марьи лебедь бѣлой, королевичной. —
Испрогóворитъ Михайло таково слово:
«Ай же вы мои плотники, работники!
«Дѣлайте гробницу не малую,
«Чтобы можно въ нёй двоимъ лежать,
«Двоимъ лежать и стóя стоять.
«Кладите-тко вы припасу съѣстнаго
«На три мѣсяца.
«Опущусь-то я съ ней да во сыру землю.
«У меня съ ней сдѣланы были записи:
«Который у насъ да напередъ умретъ,
«Другому сидѣть да ровно три мѣсяца да во сырой земли».
Привозили эту гробницу немалую
На то кладбище,
Положили туды да Марью лебедь бѣлу, королевичну.
Садился тутъ Михайло въ эту гробницу немалую;
Опущали его да во сыру землю,
Засыпали его да вѣдь желты́мъ пескомъ.
Походило тому времечки ровно три недѣлюшки,
Прúплыло тутъ къ ней змѣúщё веретéнище *(такъ)*,
Стало у ней сосать да вѣдь бѣлу́ю грудь.
Хватилъ тутъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Свою саблю вострую,
Хочетъ отсѣчь у ней буйну голову.

Испрого́воритъ змѣ́йщё веретёнищё:
— Не руби-тко ты да моей буйной головы!
— Много я для тёби добра сдѣлаю,
— Оживлю я тёби Марью лебедь бѣлу, королевичну. —
И даётъ ему да свой великъ залогъ,
Своего она вѣдь дѣтища.
Отплываетъ отъ этой гробницы бѣлоду́бовой,
Приноситъ она змѣя вѣдь живой воды,
Подаваетъ она змѣя ему живу воду.
Разъ тутъ сбрызну́лъ — она и здрогнула,
Дру́гой разъ сбрызну́лъ — она сидя́ сѣла,
Тре́тій разъ сбрызну́лъ — она да заговори́ла:
«Ай же ты Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Гди мы теперь съ тобой находимся?»
— Находимся да во сыро́й земли! —
Закрычалъ онъ своимъ го́лосомъ,
Своимъ голосомъ да богатырскіимъ.
Услыхали его да братьицо *(такъ)* крестовыи:
«Стоснулось нашему братцу крестовому во сыро́й земли,
«Живому тѣлу съ мертвыимъ».
Приходили тутъ оны ко этой могилы ко кладбищу:
Желтой песокъ оны тутъ розсыпали,
Снимали-то съ этой гробницы покровъ-то вѣдь верхніи.
Выходитъ тутъ Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Со сырой земли,
За собой ведетъ свою да любиму́ семью,
Мо́лоду-то Марью лебедь бѣлу, королевичну.
Приходитъ онъ во свой во Кіевъ градъ,
Сталъ онъ жить-то вѣдь по прежному,
Напиваться зелена́ вина онъ до́пьяна.
Удаляется тутъ Михайло во чисто́ поле,
Поляковать онъ да и каза́ковать;
Порубялъ онъ да вѣдь поганыихъ тата́ревей
За свою вѣру́ да христіанскую.

Пріѣзжаетъ-то съ другой земли,
Пріѣзжаетъ-то король да вѣдь Ляхетскій,
Пишетъ тутъ-то онъ да грамотку
Ко Владиміру да стольнё-кіевскому:
— Повыведи ты Марью лебедь бѣлу, королевичну,
— Во чистó поле,
— Бéзъ бою, безъ драки, безъ великаго кроволитія. —
Испрогóворитъ Владиміръ таково слово:
«Некимъ мнѣ съ нимъ да воевать будетъ,
«Повывести надоть Марью лебедь бѣлу, королевичну,
«Во этое да во чистó поле».
Выводили Марью лебедь бѣлу, королевичну,
Во чистó поле.
Принималъ-то тутъ король да вѣдь Ляхетскій
Ю за рученки за бѣлыи,
Увозилъ онъ во свою землю.
День-то за день какъ птицá летитъ,
Недѣля за недѣлю какъ дождь дожжитъ,
Годъ-тотъ за годъ бывъ трава ростетъ:
Проходило тому ровно три годы.
Пріѣзжаетъ тутъ со чистá поля
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Со своима онъ со братцамы крестовыми.
— Гдѣ же моя да любимá семья? —
Испрогóворятъ ему да таково слово:
«Увезъ твою да любимýю семью
«Красивыи король да вѣдь Ляхетскій».
Испрогóворитъ Михайла таково слово:
— Поѣду я добрый молодецъ
— Во тую̀ землю́ да во Ляхетскую,
— Не отдамъ я своей Марьи лебедь бѣлой, королевичной. —
Садился тутъ Михайла на добрá коня.
Видѣли оны Михайла тутъ сядучи,
Не видѣли Михайлы тутъ поѣдучи.

Пріѣзжаетъ тутъ Михайло во тую́ землю,
Во тую землю да во Ляхетскую,
Пріѣзжаетъ-то Михайла къ тымъ полатамъ бѣлокаменнымъ.
Усмотрѣла его да любима́ семья
Во тое́ окно да во косевчато,
Испрогово́ритъ она да таково слово:
«Ай же ты красивыи король да вѣдь Ляхетскіи!
«Пріѣзжаетъ къ намъ теперь да нелюбимый гость».
Наливала о́на чару зелена́ вина,
Зелена́ вина да полтора ведра,
Спускала она туды да зелья лютаго:
«Ай же ты Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Прости меня дуру жонку стра́мницу, —
«Мужъ по дрова, жена замужъ пошла.
«Твоё есть дѣло вѣдь дорожноё,
«Мое дѣло есть да понево́льнеё;
«Выпей-ко чару зелена вина,
«Зелена вина да полтора ведра».
Бралъ тутъ Михайла единоо́й рукой,
Вынивалъ Михайла едины́мъ духомъ.
Тутъ Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Свалился онъ со́ своего да со добра́ коня.
Испрогово́ритъ она да таково слово:
«Ай же ты красивыи король да вѣдь Ляхетскіи!
«Ежели хочешь ты вѣдь мной владать,
«Куды надоть отвози его во чисто́ поле».
Испрогово́ритъ король да вѣдь Ляхетскіи:
— Мужъ-то твой, воля́-твоя. —
Приказала она запрячь-то пару ко́ней богатырскіихъ,
Отвозила его да во чисто́ поле,
Хватала тутъ она да бѣлъ горю́чъ камень,
Колотила его да по правоо́й щоки:
«Окаменѣй-ко ты, Михайла, ровно на три годышка,
«Какъ три годы пройдетъ, пройди да сквозь сыру́ землю!»

Повернула его бо́льшимъ каменемъ.
День-то за день какъ птица́ летитъ,
Недѣля за недѣлю какъ дождь дожжитъ,
Проходило тутъ время ровно годышекъ.
Стоснулось имъ, братьямъ крестовымъ,
Старому каза́ку Илью Муромцу,
Во вторыихъ-то Добрынюшкѣ Микитичу,
Сокрутились они въ платье вѣдь нищѐцкое,
Надѣвали себи трои они по́дсумки,
Шли они путемъ дорогою.
Выходитъ со́ сторонъ калика незнакомая:
— Ай же вы калики есть незнаемы!
— Возьмите меня да вѣдь во третьихъ,
— Поверстайте меня да во ата́маны. —
Брали тутъ калику во товарища,
Поверстали калику во ата́маны.
Приходили они въ тую землю во Ляхетскую,
Становились они да противъ чертогъ они вѣдь царскихъ,
Закрычали они своима голосамы зычныма:
«Ай же ты король да вѣдь ляхетскій!
«Насыпь-ко намъ трои по́дсумки:
«Одни по́дсумки-то чиста се́ребра,
«Дру́ги по́дсумки-то красна золота,
«Третьи по́дсумки-то скачна жемчугу,
«Полно намъ каликамъ волочитися,
«Было бы намъ каликамъ по́ смерть ѣсть и пить».
Услышалъ тутъ король да вѣдь Ляхетскій
Голоса да очень громкіи,
Король тутъ-то пріужа́хнулся.
И глянетъ тутъ Марья лебедь бѣла, королевична,
Во тое окно да во косевчато,
Узнала-то она да этыихъ бога́тырей:
— Это вѣдь не калики есть, да есть бога́тыри,
— Моего мужа́ вѣдь прежнаго

— Есть оны да братья вѣдь крестовыи.
— Зазывай ихъ во свои полаты бѣлокаменны,
— Насыпай имъ трои по́дсумки:
— Первы по́дсумки да чиста се́ребра,
— Вто́ры по́дсумки да красна золота,
— Третьи по́дсумки да скачна жемчугу. —
Созывали ихъ во полату бѣлокаменну,
Насыпали имъ да трои по́дсумки:
Одны по́дсумки да чиста серебра,
Дру́ги по́дсумки да красна золота,
Третьи по́дсумки да скачна жемчугу.
Походятъ оны да во чисто́ полё,
Приходятъ къ этому бѣлу каменю.
Испрого́воритъ калика та незнаема:
«Ай же вы мои братцы, вы товарища!
«Взяли вы меня да во товарища,
«Поверстали вы меня да во ата́маны,
«Надоть намъ теперь да вѣдь живо́тъ дѣлить».
Снимали они тутъ трои по́дсумки
Со своихъ они тутъ плечъ да со могучіихъ,
Кла́дывали оны да во́-мѣсто.
И сталъ-то тутъ калика да незнаема
Кла́дывать онъ да на четы́ре стопы.
Испрого́ворятъ тутъ его братья крестовыи:
— Ай же ты калика есть незнаема!
— Взяли тебя мы во товарища,
— Поверстали тебя мы во ата́маны,
— Неправильнё ты вѣдь животъ дѣлишь. —
Испрого́воритъ калика-то незнаема:
«Брали меня да во товарища,
«Поверстали меня да во ата́маны,
«Я справедливо теперь животъ дѣлю:
«Который изъ насъ можетъ бѣлъ горючъ камень
«Кинуть черезъ буйну голову,

«Тому четвертая́ стопа достанется».
Бралъ тутъ Добрыню́шка Никитинычъ
Этотъ да бѣлъ горючъ камень,
Во свое колѣно здымалъ да богатырское,
Самъ-то по щёточку въ землю́ зашелъ.
Подхватывалъ тутъ старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Здымалъ-то онъ во́ свою во грудь во бѣлую,
Уходилъ онъ по колѣнъ да во сыру́ землю.
Бралъ-то тутъ калика да незнаема
Этотъ-то да бѣлъ горючъ камень,
Кидалъ онъ черезъ свою да буйну голову.
Испрого́ворилъ калика таково слово:
«Впереди стань доброй моледецъ,
«Лучше стань ты, лучше прежнаго!»
Пробуждался онъ со сну да богатырскаго,
Испрого́воритъ Михайла таково слово:
— Ай же вы мои братцы крестовыи,
— Какъ я долго спалъ! —
Испрого́ворятъ его братья крестовыи:
«Какъ бы не было у насъ этого товарища,
«Не былъ бы теперь ты въ живности».
Побѣжалъ Михайла во ту землю,
Во ту землю во Ляхетскую,
Становился Михайла противо полатъ да бѣлокаменныхъ,
Закрычалъ онъ богатырскімъ-то голосомъ:
— Ай же ты красивыи король да ты Ляхетскіи!
— Насыпь-ко ты мнѣ тоже трое по́дсумки:
— Первы по́дсумки-то чиста се́ребра
— Вто́ры по́дсумки-то красна золота,
— Третьи по́дсумки-то скачна жемчугу. —
Взглянула Марья лебедь бѣлая
Во тое во косевчато окошечко,
Испрого́воритъ она да таково слово:
«Ай же ты красивыи король да вѣдь Ляхетскіи!

«Приходитъ сюда мой пре́жной мужъ».
Наливала Марья чару зелена́ вина,
Зелена вина да полтора ведра,
Положила Марья зелья лютаго,
Выходила она да на перёное крылечико.
Испрого́воритъ-то Марья таково слово:
«Ай же ты Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Прости меня дуру жонку стра́мницу, —
«Мужъ по дрова, жена заму́жъ пошла.
«Выпей-ко чарочку зелена́ вина,
«Зелена вина да полтора ведра».
Бралъ тутъ Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
Бралъ онъ чару едино́й рукой,
Выпивалъ онъ чару едины́мъ духомъ,
Свалился онъ на сыру землю́ да мёртвымъ.
Испрого́воритъ Марья таково слово:
«Ай же ты красивыи король да вѣдь Ляхетскій!
«Ежели ты хочешь вѣдь то мной владать,
«Куда хочешь, туды его и по́дѣвай».
Испрого́воритъ красивыи король да вѣдь Ляхетскій:
— Мужъ твой и воля есть твоя. —
Марья лебедь бѣла, королевична,
Приказыватъ его да ко стѣны́ прибить,
Колотила ёму гвоздья желѣзныи
Во бѣлы́ руки и въ рѣзвы́ ноги.
И пошла она тутъ во кузницу,
Хотѣла она сковать ему-то длинный гвоздь,
Заковать ему да во бѣлу́ю грудь.
У него-то свѣтъ въ очахъ да помяту́шился. —
Была у этого у короля да у Ляхетскаго
Едина́я дочь Настасья королевична,
Приходитъ она къ этому бога́тырю,
Испрого́воритъ она да таково слово:
«Ай же ты Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!

«Хочешь ли ты да на сёмъ свѣти еще живъ бывать?»
Испрогóворитъ Михайла таково слово:
— Ай же ты Настасья королевична!
— Хотѣлось бы мнѣ да живу́ бывать. —
Испрогóворитъ она тутъ таково слово:
«Положимъ-ко мы съ тобой вѣдь заповѣдь,
«Ежели ты возьмешь меня въ замужество,
«Еще будешь ты на сёмъ свѣти живъ бывать».
Полагаетъ тутъ Михайла вѣдь заклятïе.
Приказала она да своимъ слугамъ вѣрнымъ,
Приказала она да со стѣны-то снять,
Приказала она да на мѣсто прибить татарина,
Татарина прибить поганаго.
Отводила Михайлу во свою полату бѣлокаменну,
Добывала она тутъ дохтуровъ
Излѣчить ему эти раны великія.
Проходило тому времечки шесть недѣль,
Заживали его раны великія.
— Ай же ты Настасья королевична!
— Какъ бы повывели да моего добра́ коня,
— Обсѣдлана бы да обуздана. —
Убирается Настасья въ свое платье цвѣтное,
Приходитъ она ко своему да вѣдь родителю:
«Мнѣ что-то во сняхъ привидѣлось,
«Какъ бы видѣть-то Михайлина добра́ коня
«Обсѣдлана вѣдь и обуздана».
Не смѣняетъ *(такъ)* онъ да своей дочери,
Приказываетъ выводить коня да богатырскаго
Къ ей крыльцу да ко перéному.
Выскакивалъ Михайла со полаты бѣлокаменной, —
Видли добра молодца на коня вѣдь сядучи,
Не видли добра молодца поѣдучя.
Уѣзжаетъ Михайла во чисто́ поле,
Накопляетъ силу онъ по прежному,

Пріѣзжаетъ онъ во ту землю Ляхетскую,
Ко тымъ полатамъ бѣлокаменнымъ.
Увидѣла Марья лебедь бѣла, королевична,
Со того-то со косевчата окошечка,
Наливала Марья зелена́ вина,
Зелена вина да полтора ведра,
Полагала туды зелья лютаго,
Выходила она да на крылечко на пере́ное.
Испрого́воритъ Марья таково слово:
— Ай же ты Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
— Прости меня дуру жонку стра́мницу, —
— Мужъ по дрова, жена замужъ пошла.
— Выпей-ко чару зелена́ вина!
— Твое дѣло есть дорожное,
— Мое дѣло есть да подневольнее —
Беретъ онъ Михайла эту чару зелена вина,
Зелена вина да во праву́ руку.
Глядитъ въ это косевчато окошечко
Молода На́стасья королевична:
«Ай же ты Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Погляди-тко ты на ру́ченьку на правую,
«Зглянь-ко ты на ручень ку на лѣвую!»
Зглянулъ тутъ Михайла на ручень ку на правую,
Зглянулъ тутъ Михайла на ручень ку на лѣвую,
Увидѣлъ тутъ Михайла на своихъ рукахъ,
Что были́ у него раны превеликіи,
Спомнилъ тутъ онъ прежній завѣтъ-то свой,
Кидалъ онъ эту чару зелена́ вина,
Зелена вина да на сыру́ землю,
Хваталъ тутъ Марью лебедь бѣлу, королевичну,
Кидалъ онъ Марью о сыру землю.

Записано тамъ же, 11 іюля.

X.

ПЕТРЪ ПРОХОРОВЪ.

Петръ Прохоровъ, крестьянинъ-слѣпецъ изъ дер. Черный Наволокъ у Тамбицы, 45-ти лѣтъ, пропитывается частью съ небольшаго участка земли, ему предоставленнаго міромъ, частью мірскимъ подаяньемъ. Разсказывалъ, что пѣть былины научился отъ захожихъ каргополовъ, бывавшихъ въ Заонежьѣ. Поетъ довольно складно, хотя не выдерживаетъ размѣра и иные стихи у него какъ бы обрываются.

40.

МИХАЙЛА ПОТЫКЪ.

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ
У ласковаго князя у Владиміра
Были званы браны гости приходящіи
На почестный пиръ.
Красно солнышко на вечери,
Почестный пиръ на весели.
Всѣ на пиру да наѣдалися,
Всѣ на пиру да напивалися,
Всѣ на пиру-то поросхвастались.
Иный хвалится добрыма́ конмы,
Иный хвалится своимъ имѣніемъ,
Иный хвалится золотой казной,
Глупый хвалится молодой женой.
А поросхвастался Владиміръ стольнё-кіевской:
«А у меня-то у́ князя да у Владиміра
«Есть па пиру русьскіихъ могучіихъ три бога́тыря:
«Есть старо́й казакъ да Илья Муромецъ,
«Есть Добрынюшка Микитиничъ,

«Есть Михайла По́тыхъ сынъ Ивановичъ.
«Ай же вы русьскіи могучіи бога́тыри!
«Послужите-тко мнѣ князю-то Владимі́ру,
«Ай же ты старо́й казакъ да Илья Муромецъ,
«Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
«Во́зьми-тко ты у́здицю тесмяную
«Да поди-тко на конюшню на стоялую,
«Во́зьми тамъ сѣделышко черкаское,
«Уздай сѣдлай бурушка кавурушка,
«Подтягивай двѣнадцать ту́гихъ подпруговъ,
«Тринадцатый для-ради крѣпости.
«Добрынюшка Микитиничъ!
«Во́зьми-тко ты у́здицю тесмяную,
«Поди на конюшню на стоялую,
«Тамъ возьми сѣделышко черкаское,
«Уздай сѣдлай бурушка кавурушка,
«Подтягивай двѣнадцать тугихъ подпруговъ
«Тринадцатый для-ради крѣпости.
«Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Во́зьми-тко ты уздицю тесмяную
«Да и по́ди на конюшню на стоялую,
«Тамъ возьми сѣделышко черкаское,
«Уздай сѣдлай бурушка кавурушка,
«Подтягивай двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
«Тринадцатый для ради крѣпости.
«Всѣ подпруги-то шелковыи,
«Шпеньки желѣза-то булатняго
«А стремена краснаго золота;
«Красно золото не ржавѣетъ,
«На конѣ добрый молодецъ не ста́рѣетъ.
«Ай же ты старо́й казакъ да Илья Муромецъ!
«Съѣзди-тко ты въ большу землю́ да въ Золоту орду,
«Нагрузи-тко ты оттудова дани выходы,
«Тележки-ты ордынскіи,

«Отпусти ко городу ко Кіеву.
«Добрынишка Микитиничъ!
«Съѣзди-тко ты въ большу землю во Большу орду,
«Нагрузи-тко оттудова
«Тележки-ты ордынскіи,
«Отпусти ко городу ко Кіеву.
«Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Съѣзди-тко ты въ землю-ту Подольскую,
«Возьми тамъ русскую красавицю,
«Марью лебедь бѣлую,
«Подоленку королевичну».
Взялъ тутъ старóй казакъ Илья Муромецъ
Уздицю тесмяную
Да и пóшелъ на конюшню на стоялую;
Онъ взялъ сѣделышко черкаское,
Уздалъ сѣдлалъ бурушка кавурушка,
Подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Тринадцатый для-ради крѣпости.
Добрынишка Микитиничъ
Взялъ тутъ ýздицю тесмяную,
Пошелъ на конюшню на стоялую,
Взялъ тамъ сѣделышко черкаское,
Уздалъ сѣдлалъ бурушка кавурушка,
Подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Тринадцатый для-ради крѣпости.
Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Взялъ тутъ ýздицю тесмяную,
Пошелъ на конюшню на стоялую,
Взялъ тамъ сѣделышко черкаское,
Уздалъ сѣдлалъ бурушка кавурушка,
Подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Тринадцатый для-ради крѣпости.
Всѣ подпруги-то шелковыи,
Шпеньки желѣза-то булатняго,

Стремена краснаго золота;
Красно золото не ржавѣетъ,
На конѣ доброй молодецъ не стáрѣетъ.
Садился тутъ старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.
На добрá коня;
Видли добра молодца сядучи,
Не видли поѣдучи;
Не воротами ѣхалъ — черéзъ стѣну,
Черезъ стѣну да городовую,
Мимо тую башню наугольную.
Добрынюшка Микитиничъ
Садился на добрá коня;
Видли добра молодца сядучи,
Не видли поѣдучи;
Не воротами ѣхалъ — черéзъ стѣну,
Черезъ стѣну да городовую,
Мимо тую башню наугольную.
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Садился на добра коня;
Видли добра молодца сядучи,
Не видли поѣдучи;
Не воротами ѣхалъ — черéзъ стѣну,
Черезъ стѣну да городовую,
Мимо тую башню наугольную.
Пріѣзжали ко кресту да къ Леванидову.
Тутъ они крестамы-то побрáтались,
Назвалися братьями-то назвáными:
Который скорѣе съѣздúтъ, такъ за того Бóга молитъ,
Который скорѣе помрётъ, такъ того пóминатъ.
Поѣхалъ тутъ старóй казакъ да Илья Муромецъ
Во большу землю̀ да въ Золоту орду,
Нагрузился-то оттудова дани выходы
Тележки-ты ордынскіи,

Отпустилъ онъ ко городу ко Кіеву.
Поѣхалъ тутъ Добрынюшка Микитиничъ
Во большу землю да во Большу орду,
Нагрузился-то оттудова дани выходы,
Тележки-ты ордынскія,
Отпустилъ ко городу ко Кіеву.
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Поѣхалъ въ землю ту Подольскую
Къ королю тому къ Подольскому,
За щитомъ онъ взялъ русскую красавицю,
Марью лебедь бѣлую,
Подолянку да королевичну,
Пріѣзжаетъ ко городу ко Кіеву.
Пріѣзжаетъ съ другой стороны посолъ да заморскій
Отъ царя да отъ Бухарьскаго,
Около города около Кіева колесомъ прошолъ,
Скрычалъ онъ по звѣриному,
Засвисталъ онъ по змѣиному:
«Ай же ты Владиміръ стольнё-кіевской!
«Отдайте намъ русскую красавицю,
«Марью лебедь бѣлую,
«Подолянку да королевичну;
«Не такъ, Кіевъ за щитомъ возьмемъ,
«Вынесемъ святыню со Божьихъ церквей,
«Станемъ держать добрыхъ комоней
«Отпусти-тко ты дани выходы,
«Тележки-ты ордынскія
«Въ землю ту Бухарьскую,
«Къ королю тому Бухарьскому».
Говоритъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
— Ай же ты Владиміръ стольнё-кіевской!
— Напиши-тко ты ёрлыки,
— Что посланы дани выходы
— Во землю ту заморскую,

— Къ королю да ко Бухарьскому
— За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ. —
Отправляется Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Въ землю ту заморскую,
Къ королю да ко Бухарьскому.
Сгóворитъ-то русская красавица,
Марья лебедь бѣлая,
Подóлянка да королевична:
«Ай же ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Съѣдешь какъ во землю ты заморскую,
«Къ королю да ко Бухарьскому,
«Который скорѣе помрётъ, такъ прожить въ земли мертвымъ три мѣсяца».
Поѣзжаетъ-то Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Въ землю ту заморскую,
Къ королю да ко Бухарьскому.
Онъ выложилъ на столъ да эти ёрлуки:
— Изволь-ко ты просматривать. —
И онъ скоро роспечатывалъ, скорѣй того просматривалъ,
Ужъ онъ самъ говоритъ таково слово:
«Ай же ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Гдѣ же у тебя дани выходы?»
Говоритъ тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:
— Остались дани выходы въ чистóмъ поли,
— Въ тележкахъ оси приломалися,
— Остался починивать. —
Они сдѣлали дощечку на золоти.
Михайла Пóтыкъ ступéнь ступилъ,
Ступень ступилъ да и другой ступилъ,
Третéй ступилъ да и треть земли выигралъ.
Они сдѣлали другу дощечку на золоти.
Михайла Потыкъ ступень ступилъ,
Ступень ступилъ да и другой ступилъ,
Третéй ступилъ да и полъ-зéмли выигралъ.

Сдѣлали третью дощечку на золоти.
Перепала тутъ вѣсточка нерадостна
Къ Михайлу Пóтыку сыну Иванову,
Налетѣлъ связъ голубчикъ дóрогой,
Сѣлъ онъ на окошечко
И началъ выговаривать:
«Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Ты ѣшь да пьешь да проклаждаешься,
«Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
«Померла твоя русская красавица,
«Марья лебедь бѣлая,
«Подóлянка да королевична».
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ бросилъ дощечку изъ дверей въ двери,
Убилъ всѣхъ у дверей придверниковъ,
У воротъ всѣхъ приворотниковъ.
Сговóритъ царь заморскій да и Бухарскій:
— Ай же ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— Не убей-ко всѣхъ и до единаго,
— Оставь хоть и на сѣмина,
— Возьми всю землю заморскую
— Отъ царя да отъ Бухарьскаго. —
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ взялъ всю землю заморскую
Отъ царя да отъ Бухарьскаго,
Поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву.
Пріѣзжаетъ-то Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Ко городу ко Кіеву,
Приказалъ онъ сдѣлать домовищечко,
Чтобы можно лёжа лежать,
Лежа лежать и сúдя сидѣть,
И стóя стоять.
Приказалъ онъ класть провизьи на три мѣсяца,
Приказалъ сковать онъ клещи-ты желѣзныя.

Они сдѣлали домовищечко,
Чтобы можно лежа лежать,
Лежа лежать и сидя сидѣть,
И стоя стоять.
Клали провизьи на три мѣсяца
И сковали клещи-ты желѣзныи.
Похоронили тутъ Михайлу Пóтыка сына Иванова
Съ русскоей красавицей,
Съ Марьей да лебедь бѣлоей,
Съ подóлянкой да королевичной,
Во сырý землю.
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Сутки прожúлъ да и дрýги прожилъ,
А другія прожилъ да и третьи прожилъ.
Подплыла змѣя да подземельная,
Разъ лизнýла гробъ, надлúзнула,
Другой лизнýла, пролúзнула
Третій лизнула, въ гробъ плывётъ.
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Захватилъ онъ клещамы-то желѣзныма
Змѣю да подземелыную,
И говоритъ змѣя да подземельная:
«Ай же ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Спусти меня змѣю да подземелыную,
«Ты возьми въ закладъ змѣёныша.
«Схожу я къ синю́ морю,
«Принесу живой воды да мертвóй воды,
«И оживлю твою русскую красавицю,
«Марью лебедь бѣлую,
«Подóлянку да королевичну».
Онъ спустилъ змѣю да подземельную,
Онъ взялъ въ закладъ змѣёныша.
Сходила тутъ змѣя да подземельная
Къ синему́ морю,

Принесла живой воды и мертвóй воды.
Приноситъ-то Михайлы Пóтыку сыну Иванову.
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ взялъ змѣёныша, рóзорвалъ,
Разъ брызнýлъ — и сросся весь,
Другóй брызнулъ — зашевелился,
Третій брызнулъ — поплылъ со гроба вонъ.
Русскую красавицу Марью лебедь бѣлую
Разъ брызнýлъ — кровь заи́грала,
Другой брызнулъ — зашевелилася,
Третій брызнулъ — сидя́ сѣла,
И говоритъ таково слово:
— Ахъ какъ я дóлго спала! —
Говоритъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
«Кабы не я, такъ ты бы и вѣкъ не стала».
И прожили они въ земли три мѣсяца.
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Скрычалъ, сзычалъ зычнымъ голосомъ;
Земля да сколыбалася,
Вси теремы́ да пошатилися,
Съ церквей маковки да повалилися;
Вси въ городи да ужахнýлися:
«Еще что это да за уродище!»
Сго́воритъ Владимíръ стольнё-кіевской:
— Есть это Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ. —
Выкопали Михайлу Пóтыка сына Иванова
Со сырóй земли.
Говоритъ Владимíръ стольнё-кіевской:
«Ай же ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Чимъ я теперь тебя стану жаловать?
«Дать ли тебѣ города съ пригородкамы,
«Али дать села со приселкамы,
«Али дать тебѣ золотой казны по надобью?»
Говоритъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:

— Не надо мнѣ городовъ да съ пригородкамы,
— Не надо мнѣ селовъ да со приселкамы,
— Не надо мнѣ золотой казны по надобью,
— А дай ты мнѣ повольку-ту великую
— Ходить по ца́ревымъ по ка́бакамъ,
— Пить зелено́ вино безденежно,
— Гдѣ кружку, гдѣ по́лкружки,
— Гдѣ полведра, гдѣ цѣло́ ведро. —
Владиміръ стольнё-кіевской
Далъ-то повольку-ту великую
Михайлу По́тыку сыну Иванову,
Ходить по ца́ревымъ по ка́бакамъ,
Пить зелено вино безденежно,
Гдѣ кружку, гдѣ полкружки,
Гдѣ полведра, гдѣ цѣло ведро.
Сталъ ходить Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
По ца́ревымъ по ка́бакамъ,
Пить зелено вино безденежно,
Гдѣ кружку, гдѣ полкружки,
Гдѣ полведра, гдѣ цѣло ведро..
Пріѣхало тутъ соро́къ царей, соро́къ царевичевъ,
Со́рокъ королей, со́рокъ королевичевъ
Ко городу ко Кіеву.
У кажнаго у царя да у царевича,
У кажнаго короля да королевича
Силы по три тьмы, по три тысящи.
И говоритъ-то вѣдь соро́къ царей, соро́къ царевичевъ,
Со́рокъ королей, со́рокъ королевичевъ:
«Владиміръ стольнё-кіевской!
«Отдай намъ русскую красавицю,
«Марью лебедь бѣлую,
«Подо́лянку королевичну.
«Нѣтъ, такъ Кіевъ да щитомъ возьмемъ,
«Вынесемъ святыню со Божьихъ церквей,

X.

ПЕТРЪ ПРОХОРОВЪ.

Петръ Прохоровъ, крестьянинъ-слѣпецъ изъ дер. Черный Наволокъ у Тамбицы, 45-ти лѣтъ, пропитывается частью съ небольшаго участка земли, ему предоставленнаго міромъ, частью мірскимъ подаяньемъ. Разсказывалъ, что пѣть былины научился отъ захожихъ каргополовъ, бывавшихъ въ Заонежьѣ. Поетъ довольно складно, хотя не выдерживаетъ размѣра и иные стихи у него какъ бы обрываются.

40.

МИХАЙЛА ПОТЫКЪ.

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ
У ласковаго князя у Владиміра
Были званы браны гости приходящіи
На почестный пиръ.
Красно солнышко на вечери,
Почестный пиръ на весели.
Всѣ на пиру да наѣдалися,
Всѣ на пиру да напивалися,
Всѣ на пиру-то поросхвастались.
Иный хвалится добрымá конмы,
Иный хвалится своимъ имѣніемъ,
Иный хвалится золотой казной,
Глупый хвалится молодой женой.
А поросхвастался Владиміръ стольнё-кіевской:
«А у меня-то у́ князя да у Владиміра
«Есть па пиру русьскіихъ могучіихъ три богáтыря:
«Есть старóй казакъ да Илья Муромецъ,
«Есть Добрынюшка Микитинычъ,

«Есть Михайла По́тыхъ сынъ Ивановичъ.
«Ай же вы русьскіи могучіи бога́тыри!
«Послужите-тко мнѣ князю-то Владиміру,
«Ай же ты старо́й казакъ да Илья Муромецъ,
«Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
«Во́зьми-тко ты у́здицю тесмяную
«Да поди-тко на конюшню на стоялую,
«Во́зьми тамъ сѣделышко черкаское,
«Уздай сѣдлай бурушка кавурушка,
«Подтягивай двѣнадцать ту́гихъ подпруговъ,
«Тринадцатый для-ради крѣпости.
«Добрынюшка Микитиничъ!
«Во́зьми-тко ты у́здицю тесмяную,
«Поди на конюшню на стоялую,
«Тамъ возьми сѣделышко черкаское,
«Уздай сѣдлай бурушка кавурушка,
«Подтягивай двѣнадцать тугихъ подпруговъ
«Тринадцатый для-ради крѣпости.
«Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Во́зьми-тко ты уздицю тесмяную
«Да и по́ди на конюшню на стоялую,
«Тамъ возьми сѣделышко черкаское,
«Уздай сѣдлай бурушка кавурушка,
«Подтягивай двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
«Тринадцатый для ради крѣпости.
«Всѣ подпруги-то шелковыи,
«Шпеньки желѣза-то булатняго
«А стремена краснаго золота;
«Красно золото не ржавѣетъ,
«На конѣ добрый молодецъ не ста́рѣетъ.
«Ай же ты старо́й казакъ да Илья Муромецъ!
«Съѣзди-тко ты въ большу землю́ да въ Золоту орду,
«Нагрузи-тко ты оттудова дани выходы,
«Тележки-ты ордынскіи,

«Отпусти ко городу ко Кіеву.
«Добрынюшка Микитинычъ!
«Съѣзди-тко ты въ большу землю́ во Большу орду,
«Нагрузи-тко оттудова
«Тележки-ты ордынскіи,
«Отпусти ко городу ко Кіеву.
«Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Съѣзди-тко ты въ землю-ту Подольскую,
«Возьми тамъ русскую красавицю,
«Марью лебедь бѣлую,
«Подо́лянку королевичну».
Взялъ тутъ старо́й казакъ Илья Муромецъ
Уздицю тесмяную
Да и по́шелъ на конюшню на стоялую;
Онъ взялъ сѣделышко черкаское,
Уздалъ сѣдлалъ бурушка кавурушка,
Подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Тринадцатый для-ради крѣпости.
Добрынюшка Микитиничъ
Взялъ тутъ у́здицю тесмяную,
По́шелъ на конюшню на стоялую,
Взялъ тамъ сѣделышко черкаское,
Уздалъ сѣдлалъ бурушка кавурушка,
Подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Тринадцатый для-ради крѣпости.
Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Взялъ тутъ у́здицю тесмяную,
По́шелъ на конюшню на стоялую,
Взялъ тамъ сѣделышко черкаское,
Уздалъ сѣдлалъ бурушка кавурушка,
Подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Тринадцатый для-ради крѣпости.
Всѣ подпруги-то шелковыи,
Шпенькы желѣза-то булатняго,

Стремена краснаго золота;
Красно золото не ржавѣетъ,
На конѣ доброй молодецъ не старѣетъ.
Садился тутъ старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.
На добрá коня;
Видли добра молодца сядучи,
Не видли поѣдучи;
Не воротами ѣхалъ — черéзъ стѣну,
Черезъ стѣну да городовую,
Мимо тую башню наугольную.
Добрынюшка Микитиничъ
Садился на добрá коня;
Видли добра молодца сядучи,
Не видли поѣдучи;
Не воротами ѣхалъ — черéзъ стѣну,
Черезъ стѣну да городовую,
Мимо тую башню наугольную.
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Садился на добра коня;
Видли добра молодца сядучи,
Не видли поѣдучи;
Не воротами ѣхалъ — черéзъ стѣну,
Черезъ стѣну да городовую,
Мимо тую башню наугольную.
Пріѣзжали ко кресту да къ Леванидову.
Тутъ они крестамы-то побрáтались,
Назвалися братьями-то назвáными:
Который скорѣе съѣздúтъ, такъ за того Бóга молитъ,
Который скорѣе помрётъ, такъ того пóминать.
Поѣхалъ тутъ старóй казакъ да Илья Муромецъ
Во большу землю̀ да въ Золоту орду,
Нагрузился-то оттудова дани выходы
Тележки-ты ордынскіи,

Отпустилъ онъ ко городу ко Кіеву.
Поѣхалъ тутъ Добрынюшка Микитинычъ
Во большу землю да во Большу орду,
Нагрузился-то оттудова дани выходы,
Тележки-ты ордынскія,
Отпустилъ ко городу ко Кіеву.
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Поѣхалъ въ землю ту Подольскую
Къ королю тому къ Подольскому,
За щитомъ онъ взялъ русскую красавицу,
Марью лебедь бѣлую,
Подолянку да королевичну,
Пріѣзжаетъ ко городу ко Кіеву.
Пріѣзжаетъ съ другой стороны посолъ да заморскій
Отъ царя да отъ Бухарьскаго,
Около города около Кіева колесомъ прошолъ,
Скрычалъ онъ по звѣриному,
Засвисталъ онъ по змѣиному:
«Ай же ты Владиміръ стольнѣ-кіевской!
«Отдайте намъ русскую красавицу,
«Марью лебедь бѣлую,
«Подолянку да королевичну;
«Не такъ, Кіевъ за щитомъ возьмемъ,
«Вынесемъ святыню со Божьихъ церквей,
«Станемъ держать добрыхъ комоней
«Отпусти-тко ты дани выходы,
«Тележки-ты ордынскія
«Въ землю ту Бухарьскую,
«Къ королю тому Бухарьскому».
Говоритъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
— Ай же ты Владиміръ стольнѣ-кіевской!
— Напиши-тко ты ёрлыки,
— Что посланы дани выходы
— Во землю ту заморскую,

— Къ королю да ко Бухарьскому
— За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ. —
Отправляется Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Въ землю ту заморскую,
Къ королю да ко Бухарьскому.
Сгóворитъ-то русская красавица,
Марья лебедь бѣлая,
Подóлянка да королевична:
«Ай же ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Съѣдешь какъ во землю ты заморскую,
«Къ королю да ко Бухарьскому,
«Который скорѣе помрётъ, такъ прожить въ земли мертвымъ три мѣсяца».
Поѣзжаетъ-то Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Въ землю ту заморскую,
Къ королю да ко Бухарьскому.
Онъ выложилъ на столъ да эти ёрлуки:
— Изволь-ко ты просматривать. —
И онъ скоро роспечатывалъ, скорёй того просматривалъ,
Ужъ онъ самъ говоритъ таково слово:
«Ай же ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Гдѣ же у тебя дани выходы?»
Говоритъ тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:
— Остались дани выходы въ чистóмъ поли,
— Въ тележкахъ оси приломалися,
— Остался починивать. —
Они сдѣлали дощечку на золоти.
Михайла Пóтыкъ ступéнь ступилъ,
Ступень ступилъ да и другой ступилъ,
Третéй ступилъ да и треть земли выигралъ.
Они сдѣлали другу дощечку на золоти.
Михайла Потыкъ ступень ступилъ,
Ступень ступилъ да и другой ступилъ,
Третéй ступилъ да и полъ-зéмли выигралъ.

Сдѣлали третью дощечку на золоти.
Перепала тутъ вѣсточка нерадостна
Къ Михайлу Пóтыку сыну Иванову,
Налетѣлъ сизъ голубчикъ дóрогой,
Сѣлъ онъ на окошечко
И началъ выговаривать:
«Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Ты ѣшь да пьешь да проклаждаешься,
«Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
«Померла твоя русская красавица,
«Марья лебедь бѣлая,
«Подóлянка да королевична».
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ бросилъ дощечку изъ дверей въ двери,
Убилъ всѣхъ у дверей придверниковъ,
У воротъ всѣхъ приворотниковъ.
Сговóритъ царь заморскій да и Бухарскій:
— Ай же ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— Не убей-ко всѣхъ и до единаго,
— Оставь хоть и на сѣмина,
— Возьми всю землю заморскую
— Отъ царя да отъ Бухарьскаго. —
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ взялъ всю зємлю заморскую
Отъ царя да отъ Бухарьскаго,
Поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву.
Пріѣзжаетъ-то Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Ко городу ко Кіеву,
Приказалъ онъ сдѣлать домовищечко,
Чтобы можно лéжа лежать,
Лежа лежать и сúдя сидѣть,
И стóя стоять.
Приказалъ онъ класть провизьи на три мѣсяца,
Приказалъ сковать онъ клещи-ты желѣзныи.

Они сдѣлали домовищечко,
Чтобы можно лежа лежать,
Лежа лежать и сидя сидѣть,
И стоя стоять.
Клали провизьи на три мѣсяца
И сковали клещи-ты желѣзныи.
Похоронили тутъ Михайлу Пóтыка сына Иванова
Съ русскоей красавицей,
Съ Марьей да лебедь бѣлоей,
Съ подóлянкой да королевичной,
Во сырý землю.
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Сутки прожи́лъ да и дрýги прожилъ,
А другія прожилъ да и третьи прожилъ.
Подплыла змѣя да подземельная,
Разъ лизнýла гробъ, надли́знула,
Другой лизнýла, проли́знула
Третій лизнула, въ гробъ плывётъ.
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Захватилъ онъ клещамы-то желѣзныма
Змѣю да подземельную,
И говоритъ змѣя да подземельная:
«Ай же ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Спусти меня змѣю да подземельную,
«Ты возьми въ закладъ змѣёныша.
«Схожу я къ синю́ морю,
«Принесу живой воды да мертвóй воды,
«И оживлю твою русскую красавицю,
«Марью лебедь бѣлую,
«Подóлянку да королевичну».
Онъ спустилъ змѣю да подземельную,
Онъ взялъ въ закладъ змѣёныша.
Сходила тутъ змѣя да подземельная
Къ синему́ морю,

Принесла живой воды и мертво́й воды.
Приноситъ-то Михайлы По́тыку сыну Иванову.
Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ взялъ змѣёныша, ро́зорвалъ,
Разъ брызну́лъ — и сросся весь,
Дру́гой брызнулъ — зашевелился,
Третій брызнулъ — поплылъ со гроба вонъ.
Русскую красавицу Марью лебедь бѣлую
Разъ брызну́лъ — кровь зайграла,
Другой брызнулъ — зашевелилася,
Третій брызнулъ — сидя́ сѣла,
И говоритъ таково слово:
— Ахъ какъ я до́лго спала! —
Говоритъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
«Кабы не я, такъ ты бы и вѣкъ не стала».
И прожили они въ земли три мѣсяца.
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Скрычалъ, сзычалъ зычнымъ голосомъ;
Земля да сколыбалася,
Вси теремы́ да пошатилися,
Съ церквей маковки да повалилися;
Вси въ городи да ужахну́лися:
«Еще что это да за уродище!»
Сго́воритъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Есть это Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ. —
Выкопали Михайлу По́тыка сына Иванова
Со сыро́й земли.
Говоритъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ай же ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Чимъ я теперь тебя стану жаловать?
«Дать ли тебѣ города съ пригородкамы,
«Али дать села со приселкамы,
«Али дать тебѣ золотой казны по надобью?»
Говоритъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:

— Не надо мнѣ городовъ да съ пригородкамы,
— Не надо мнѣ селовъ да со приселкамы,
— Не надо мнѣ золотой казны по надобью,
— А дай ты мнѣ повольку-ту великую
— Ходить по цáревымъ по кáбакамъ,
— Пить зелено́ вино безденежно,
— Гдѣ кружку, гдѣ по́лкружки,
— Гдѣ полведра, гдѣ цѣло́ ведро. —
Владимiръ стольнё-кіевской
Далъ-то повольку-ту великую
Михайлу По́тыку сыну Иванову,
Ходить по цáревымъ по кáбакамъ,
Пить зелено вино безденежно,
Гдѣ кружку, гдѣ полкружки,
Гдѣ полведра, гдѣ цѣло ведро.
Сталъ ходить Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
По цáревымъ по кáбакамъ,
Пить зелено вино безденежно,
Гдѣ кружку, гдѣ полкружки,
Гдѣ полведра, гдѣ цѣло ведро..
Пріѣхало тутъ сорóкъ царей, сорóкъ царевичевъ,
Сóрокъ королей, сóрокъ королевичевъ
Ко городу ко Кіеву.
У кажнаго у царя да у царевича,
У кажнаго короля да королевича
Силы по три тьмы, по три тысящи.
И говоритъ-то вѣдь сорóкъ царей, сорóкъ царевичевъ,
Сóрокъ королей, сóрокъ королевичевъ:
«Владимiръ стольнё-кіевской!
«Отдай намъ русскую красавицю,
«Марью лебедь бѣлую,
«Подóлянку королевичну.
«Нѣтъ, такъ Кіевъ да щитомъ возьмемъ,
«Вынесемъ святыню со Божьи́хъ церквей,

«Будемъ держать да добрыхъ ко́монсй».
Перепала тутъ вѣсточка нерадостна
Къ Михайлѣ По́тыку сыну Иванову:
— Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты ѣшь да пьешь да проклаждаешься,
— Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
— Пріѣхало вѣдь ко городу ко Кіеву
— Сорóкъ царей, сорокъ царевичей,
— Сорокъ королей, сорокъ королевичей.
— У кажнаго царя да у царевича,
— У кажнаго короля да королевича
— Силы по три тьмы, по три тысячи. —
Накрутился Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Русскою красавицей,
Марьей лебедь бѣлоей,
Подóлянкой да королевичной.
Приходитъ-то къ сорока царямъ, къ сорока царевичамъ
И къ сорока королямъ, къ сорока королевичамъ
И самъ говоритъ таково слово:
«Ай же сорóкъ царей, сорóкъ царевичевъ,
«Ай же сóрокъ королей, сóрокъ королевичевъ!
«А стрѣляйте-тко вы изъ тугúхъ луковъ:
«Кто ближе стрѣлúтъ, тотъ скорѣе придетъ,
«Кто далѣ стрѣлитъ, тотъ пóслѣ придетъ,
«За того я и замýжъ пойду».
Тотъ стрѣлитъ да иной перéстрѣлитъ,
А никто не можетъ перéстрѣлить,
«Ай же вы, сорокъ царей, сорокъ царевичевъ,
«Сорокъ королей, сорокъ королевичевъ!
«Бросайте-тко дрýгъ друга:
«Кто можетъ бросить всѣхъ до единаго,
«За того я и замýжъ пойду».
Тотъ броси́тъ того да и́ной и́ного,
Никто не можетъ бросить до единаго.

Ухватилъ Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Долгаго татарина,
Началъ онъ помахивать;
Куды ма́хнетъ — улица,
Отма́хнетъ — переулкамы,
Прибилъ всѣхъ до единаго,
Не оставилъ и на сѣмена.
Сталъ ходить по ца́ревымъ по ка́бакамъ,
Пить зелено́ вино безденежно.
Пріѣхалъ тутъ король да Политовскій
Ко городу ко Кіеву,
Нагналъ онъ силы смѣту нѣтъ,
И самъ говоритъ таково слово:
«Ай же ты Владиміръ стольнё-кіевской!
«Отдай ты намъ русскую красавицю,
«Марью лебедь бѣлую,
«Подо́лянку да королевичну.
«Нѣтъ, такъ Кіевъ за щитомъ возьмемъ,
«Вынесемъ святыню со Божьи́хъ церквей,
«Будемъ держать да добрыхъ ко́моней».
Перепала тутъ вѣсточка нерадостна
Къ Михайлѣ По́тыку сыну Иванову:
— Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты ѣшь да пьешь да проклаждаешься,
— Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
— Пріѣхалъ вѣдь король да Политовскій
— Ко городу ко Кіеву,
— Нагналъ онъ силы смѣту нѣтъ. —
Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Приходитъ къ королю да къ Политовскому;
Онъ ухватилъ долгаго татарина,
Началъ онъ помахивать;
Куда ма́хнетъ — туды улица,
Отма́хнетъ — переулкамы.

Перепала тутъ вѣсточка нерадостна
Къ Михайлѣ По́тыку сыну Иванову:
— Ай же ты Михайла Потыкъ сынъ Иванович!
— Ты бьешь да убиваешь вѣдь...
— Уѣхала твоя русская красавица,
— Марья лебедь бѣлая,
— Подо́лянка да королевична,
— Съ королемъ да съ Политовскімъ. —
Михайла По́тыкъ сынъ Иванович
Взялъ своего бурушка кавурушка,
Поѣхалъ онъ въ землю Политовскую.
Король да Политовскій
Съ Марьей лебедь бѣлою
Пріѣзжали ко кресту ко Леванидову,
Раздернули они ши́рокъ бѣлъ шатеръ,
Стали опочивъ держать.
Михайла По́тыкъ сынъ Иванович
Пріѣзжаетъ ко бѣлу шатру,
И говоритъ-то русская красавица,
Марья лебедь бѣлая,
Подо́лянка да королевична:
«Ай же ты король да Политовскій!
«Есть это Михайло По́тыкъ сынъ Иванович».
Налила ему чару зелена́ вина
Зелена вина да забу́дущаго,
Выходитъ изъ бѣла́ шатра,
Говоритъ-то таково слово:
— Ай же ты Михайла По́тыкъ сынъ Иванович!
— Ты прими чару едино́й рукой
— Да выпей чару едины́мъ духомъ;
— Некому съ нами теперь супротивиться,
— Поѣдемъ мы во городу ко Кіеву. —
А Михайла По́тыкъ сынъ Иванович
До вина-то онъ испачкинъ былъ;

Онъ принялъ чару единой рукой
Да выпилъ чару единымъ духомъ,
Какъ быдто въ сонъ заснулъ.
Русская красавица,
Марья лебедь бѣлая,
Подóлянка да королевична,
Ухватила какъ Михайла Пóтыка сына Иванова,
Она бросила черéзъ плечо,
Згóворила таково слово:
«Стань-ко бѣлой камешокъ,
«И стой-ко камень по трú годы,
«А нѣтъ, такъ нынѣ и дó вѣка».
И сталъ бѣлой камешокъ.
Русская красавица,
Марья лебедь бѣлая,
Подóлянка да королевична,
Поѣхали съ королемъ да Политовскiимъ
Въ землю въ Политовскую.
А братьица названыи,
Старóй казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Добрынюшка Микитиничъ,
Сплели они лапóтики,
Въ носки заплели по самоцвѣтному по камешку.
Днемъ идутъ по солнышку,
Ночью идутъ по камешку,
Приходятъ-то ко этому ко бѣлому ко каменю.
Выходитъ-то съ другой стóроны
Старая калика сѣдатая:
«Ай же вы старыи калики сѣдатыи,
«Сѣдатыи да перехожiи!
«Рады ль вы товарища?»
Згóворятъ калики перехожiи:
— Ай же ты старая перехожая!

— Неужто мы нé ради товарища? —
Пошли оны въ землю Политовскую,
Къ королю да къ Политовскому подъ окошечко,
Скрычали, сзычали зычнымъ голосомъ по каличьему.
Вся земля да сколыбалася,
Съ церквей маковки да повалилися,
Всѣ въ городѣ да ужахнулися:
«Еще что это за уродище?»
Сгóворитъ-то русская красавица,
Марья лебедь бѣлая,
Подóлянка да королевична:
— Ай же ты король да Политовскій!
— Есть-то это деверья́ названыи,
— А третья калика незнаема.
— Надо взять во покои во особыи,
— Кормить досыти, и поить допьяна,
— И дарить дóлюби. —
И взяли ихъ во покои во особыи,
Кормили досыти, поили допьяна,
И дарили долюби.
Пошли они во Кіевъ градъ,
И говоритъ-то старóй казакъ Илья Муромецъ:
«Ай же ты русская красавица,
«Марья лебедь бѣлая, подóлянка да королевична!
«Ты не знаешь ли Михайлы Пóтыка сына Иванова?»
Отвѣтъ держитъ русская красавица,
Марья лебедь бѣлая,
Подóлянка да королевична:
— Ай же вы девéрьюшки названыи!
— Не знаю Михайлы Пóтыка сына Иванова
— И не могу нигдѣ наспрашивать. —
Приходятъ-то калики перехожіи
Ко этому ко бѣлому ко каменю.
Сгóворитъ старая калика сѣлатая,

Сѣдатая да перехожая.
«Ай же ты старóй казакъ да Илья Муромецъ.
«Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
«Добрынюшка Микитиничъ!
«Станёмте-тко дѣлить мы живóтовъ».
И сговорятъ калики перехожіи:
— Ай же ты старая калика сѣдатая!
— А дѣли-тко наши живóты. —
Онъ сталъ дѣлить ихъ живóтовъ
На четыре на четверти.
Сговóритъ старóй казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
«А что же ты, старая калика сѣдатая,
«А дѣлишь живóты на четыре на четверти?»
Сговóритъ старая калика сѣдатая:
— Ай же ты старóй казакъ да Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
— Съ того я дѣлю на четыре на четверти, —
— Кто можетъ здынýть этотъ камень черéзъ плечо
— И бросúтъ о сыру́ землю,
— Чтобы росколося камень нá двоё,
— Тому четвертая четверть-то. —
Прискочилъ старóй казакъ Илья Муромецъ.
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Ко этому ко бѣлому ко каменю,
Здынýлъ камень въ колѣно, да въ колѣно въ землю загрязъ.
Прискочилъ Добрынюшка Микитиничъ
Ко этому ко бѣлому ко каменю,
Здынýлъ камень въ поясъ, да въ поясъ и въ землю загрязъ.
Старая калика сѣдатая
Прискочилъ ко этому ко бѣлому ко каменю,
Здынýлъ камень черéзъ плечо, бросúлъ камень о сыру землю
И самъ сговорилъ таково слово:
— Росколись-ко камень нá двоё. —

И роскололся камень на́ двоё,
Выскочилъ Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Со этого со бѣ́лаго со каменя.
И сго́воритъ тутъ старая калика сѣ́датая:
— Ай же ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Придешь какъ ко городу ко Кіеву,
— Состро́й-ко церковь-ту Миколину
— Своему ты ангелу, Михайлу архангелу. —
Потерялась тутъ старая калика сѣ́датая,
Сѣ́датая да перехожая незна́емо.
Братьеца названыи пошли они къ городу ко Кіеву,
А Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Пошолъ онъ въ землю Полтовскую,
Къ королю да къ Полтовскому.
Приходитъ къ королю да подъ окошечко,
Скрычалъ, сзычалъ зычнымъ голосомъ.
Земля да сколыбалася,
Съ церквей маковки да повалилися,
Всѣ въ городѣ ужахнулися:
«Еще что это за уродище?»
Сго́воритъ-то русская красавица,
Марья лебедь бѣ́лая,
Подо́лянка да королевична:
— Ай же ты король да Полтовскіи!
— Есть это Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ. —
Налила ему чару зелена́ вина,
Зелена вина да забуду́щаго.
Выходитъ на крылечко на дубовоё
И говоритъ да таково слово:
— Ай же ты Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
— Прими чару единой рукой
— Да выпей чару едины́мъ духомъ.
— Некому съ нами теперь супротивиться.
— У бабы волосъ дологъ, у́мъ коротокъ:

— Куда ведутъ, туды идетъ,
— Куды везутъ, туды ѣдетъ. —
Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ принялъ чару единóй рукой
Да й выпилъ чару едины́мъ духомъ, —
Какъ быдто въ сонъ заснулъ.
Ухватила тутъ русская красавица
Михайла Пóтыка сына Иванова,
Снесла она его въ сѣнѝ челя́дни-ты,
Рóспяла его на стѣну,
Въ руки забила пó гвозду,
Въ ноги забила пó гвозду,
Еще нѣтъ гвозда сердечнаго!
Сошла въ рынокъ купить гвозда сердечнаго.
Настасья королевична
Отпираетъ она окошечко,
Крычитъ, зычитъ женскимъ голосомъ:
«Ай же ты мой батюшко король да Политовскій!
«Ты спусти скорѣй меня въ сѣни челядни-ты
«Посмотрѣть русскаго могучаго богáтыря».
Говоритъ король да Политовскій:
— А сходи, Настасья королевична,
— Въ сѣни челядни-ты,
— А посмотри русскаго могучаго богáтыря. —
Приходитъ-то Настасья королевична
Въ сѣни челядни-ты.
Нектями гвоздьі со стѣны вырвала,
Рóспяла долгаго татарина,
Михайла Пóтыка сына Иванова
Завернула въ шубку соболиную,
Повела его во покои во особыи.
Говоритъ король да Политовскій:
— Ай же ты Настасья королевична!
— Кого ты ведешь въ шубки соболиныи? —

Отвѣтъ держитъ Настасья королевична:
«Ай же ты мой батюшко король да Полтовскія!
«Была взята маленькая дѣвушка,
«Перепала [1]) она русскаго могучаго богáтыря. —
«Съ того я веду въ шубки соболиныя»
Настасья королевична
Провела она Михайлу Пóтыка сына Иванова
Во покои во особыи.
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Сутки прожи́лъ, другіе прожилъ,
Другіе прожи́лъ, третьи́ прожилъ,
И самъ говоритъ таково слово:
— Ай же ты Настасья королевична!
— Былъ бы мнѣ бы конь да богатырскій бы,
— Былѝ бы мнѣ латы да желѣзныи,
— Была бы мнѣ да сабля вострая,
— Былò бы мнѣ копье да долгомѣрное,
— Былѝ бы мнѣ штыки да молодецкіи,
— Поѣхалъ бы я да обкольчужился,
— Убилъ бы я русскую красавицу,
— Марью лебедь бѣлую,
— Подóлянку да королевичну. —
Сговóритъ Настасья королевична:
«Ай же ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Проживи тко ты три мѣсяца,
«Заживи-тко ты ранки кровавыи».
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Прожилъ онъ три мѣсяца,
Заживилъ онъ ранки-ты кровавыи.
И сговóритъ да таково слово:
— Ай же ты Настасья королевична!
— Былъ бы мнѣ бы конь̀ да богатырскій бы,

---

1) Т. е. испугалась.

— Были бы мнѣ латы да желѣзныи,
— Была бы мнѣ да сабля вострая,
— Было бы мнѣ копье да долгомѣрное,
— Были бы мнѣ штыки да молодецкіи,
— Поѣхалъ бы я да обкольчужился,
— Убилъ бы я русскую красавицу,
— Марью лебедь бѣлую,
— Подóлянку да королевичну. —
Настасья королевична
Отпираетъ она окошечко
И крычитъ женскимъ голосомъ:
«Ай же ты мой батюшко король да Политовскіи!
«Не могу больше жить во покояхъ во особыихъ!
«Былъ бы мнѣ конь да богатырскія,
«Были бы мнѣ латы да желѣзныи,
«Была бы мнѣ да сабля вострая,
«Было бы мнѣ копье да долгомѣрное,
«Были бы мнѣ штыки да молодецкіи,
«Поѣхала бы я да обкольчужилась
«Во чистó поле прогуливаться».
Говоритъ король да Политовскіи:
— Ай же ты Настасья королевична!
— Возьми-тко ты уздицю тесмяную
— Да пóди на конюшню на стоялую,
— Тамъ возьми сѣделышко черкаское,
— Ты уздай сѣдлай бурушка кавурушка,
— Подтягивай двѣнадцать тýгихъ подпруговъ,
— Тринадцатый ради крѣпости;
— Возьми тамъ латы ты желѣзныи,
— Возьми тамъ саблю вострую,
— Возьми тамъ ты копье да долгомѣрное,
— Возьми тамъ ты штыки да молодецкіи. —
Взяла тутъ Настасья королевична
Уздицю тесмяную,

Приходитъ на конюшню на стоялую,
Взяла тамъ сѣделышко черкаское,
Уздала сѣдлала бурушка кавурушка,
Подтягивала двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Тринадцатый ради крѣпости.
Приводитъ ко крылечку ко дубовому,
Приходитъ во покои во особые,
Говоритъ да таково слово:
«Ай же ты Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«А убей-то русскую красавицю,
«Марью лебедь бѣлую,
«Подóлянку да королевичну,
«Да й поѣдемъ съ тобой ко городу ко Кіеву,
«Да й примемъ съ тобой по злату вѣнцу...
«Ты примешь чару единóй рукой,
«Ты выпьешь чару едины́мъ духомъ,
«Какъ быдто въ сонъ заснешь, —
«Выхватитъ она у тебя саблю вострую,
«Отсѣкетъ тебѣ буйну голову».
Садился тутъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ на добрá коня,
Поѣхалъ онъ да обкольчужился;
Пріѣзжаетъ къ королю да подъ окошечко,
Скрычалъ, сзычалъ зычнымъ голосомъ.
Земля да сколыбалася,
Всѣ теремы да пошатилися,
Съ церквей маковки да повалилися,
Всѣ въ городѣ да ужахнулися:
«Еще что это за уродище?»
Сгóворитъ русская красавица,
Марья лебедь бѣлая,
Подóляшка да королевична:
— Ай же ты король да Политовскій!
— Есть это Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ. —

Налила ему чару зелена вина,
Зелена вина забудущаго,
Выходитъ на крылечико
И говоритъ таково слово:
— Ай же ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты прими чару единой рукой
— Да выпей единымъ духомъ.
— Некому съ нами теперь супротивиться;
— Поѣдемъ мы ко городу ко Кіеву. —
И Настасья королевична
Отпираетъ свое окошечко,
Крычитъ, зычитъ женскимъ голосомъ:
«Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не прими ты чару единой рукой
«Да не выпей чару единымъ духомъ,
«А убей ты русскую красавицю,
«Марью лебедь бѣлую,
«Подолянку да королевичну.
«Поѣдемъ съ тобой ко городу ко Кіеву
«Да примемъ съ тобой по злату вѣнцу».
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Занесъ саблю вострую
Да убилъ тутъ русскую красавицю,
Марью лебедь бѣлую,
Подолянку да королевичну.
И пошолъ онъ во покои во особые
Къ королю да къ Политовскому;
Онъ хотѣлъ убить короля да Политовскаго;
А выходитъ-то Настасья королевична,
Захватила Михайлу Потыка сына Иванова
И начала она его да уговаривать:
«Ай же ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«А не убей-ко ты моего батюшка,
«А поѣдемъ мы съ тобой ко городу ко Кіеву,

«Примемъ съ тобою по злату вѣнцу».
Поѣхали ко городу ко Кіеву,
Они приняли по злату вѣнцу,
Съ Настасьей королевичной
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.
Состроилъ онъ церковь-ту Миколину
Своему ангелу, Михаилу архангелу.
Старину спою синему морю на тѝшину,
Добрымъ людямъ на послушанье.

Записано въ Тамбицѣ, 10 іюля.

41.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

Сподъ той ли сподъ березы кудреватыя,
Сподъ того ли сподъ креста Леванидова
Выходило четыре турà да златорогіихъ,
Шли эты туры́ да мимо Кіёвъ славный градъ,
Видѣли надъ Кіевомъ чудны́мъ чуднò,
Видѣли надъ Кіевомъ дивны́мъ дивнò:
А по той ли стѣны по городовыи
Шла ли-то душа да красна дѣвушка,
А читаётъ святу книгу евангельё,
А не столько читаё, вдвоемъ онá плачётъ.
Стрѣтилась турица ихна матушка:
— Здравствуйте турьѝ да малы дѣтушки! —
«Здравствуёшь турица наша матушка!
«Шли ми турьѝ да мимо Кіевъ славной градъ,
«Видѣли надъ Кіевомъ чудны́мъ чуднò,
«Видѣли надъ Кіевомъ дивны́мъ дивнò:
«А по той ли стѣны по городовыи
«Шла ли-то душа да красна дѣвушка,

«А читаё святу книгу евангельё,
«А не столько читаё, вдвоемъ она́ плачетъ».
Говоритъ турица ихна матушка:
— Глупыи туры да малы дѣтушки,
— Не бывали вы туры да на святой Руси,
— Не видали вы туры да свѣту бѣлаго!
— А тутъ плакала не душа красна дѣвушка,
— А тутъ плакала стѣна да городо́вая.
— Она вѣдаётъ надъ Кіевомъ несчастьицо,
— Она вѣдаётъ надъ Кіевомъ великое.
— А сподъ той ли сторонушки съ восточныи
— Наѣзжаетъ-то Батыга сынъ Батыговичъ
— Съ зятемъ Тараканчикомъ Карабликовымъ
— А со тымъ дьячкомъ да со выдумщичкомъ. —
А роздернули они да широки бѣлы́ шатры;
У Батыги силы сорокъ тысячей,
А й у Батыгина сына сорокъ тысячей,
А й у зятя Тараканчика Карабликова
Силы сорокъ тысячей,
У того ли дьячка да у выдумщичка
Силы сорокъ тысячей.
А не случилоси во Кіеви бога́тырей:
А старо́й казакъ да Илья Муромецъ
Онъ былъ въ богомольной стороны.
А случилоси во Кіеви голь кабацкая,
А Василей сынъ Игнатьевичъ.
Направляётъ онъ стрѣлочку каленую,
Онъ стрѣляетъ по бѣлымъ по шатрамъ,
А убилъ-то вѣдь лучшихъ три головушки,
А убилъ-то вѣдь сына Батыгина,
А убилъ-то вѣдь зятя Тараканчика Карабликова,
А убилъ-то вѣдь того ли дьячка да выдумщичка.
А приходитъ то Василей сынъ Игнатьевичъ:
«Ай Батыга опохмѣли мою буйную головушку!

«Еще знаю во Кіеви воротця не заперты,
«А не заперты воротця не заложены».
Наливали ему чару зелена́ вина,
Наливали ему дру́гу пива пьянаго,
Наливали ему третью ме́ду сладкаго,
А сливали эти чары въ едино́ мѣсто;
Мѣрой эта чара полтора ведра,
Вѣсомъ эта чара полтора пуда.
А принимаетъ-то Василей сынъ Игнатьевичъ едино́ю рукой,
Выпиваетъ единымъ духомъ.
Говорилъ-то тутъ Василей сынъ Игнатьевичъ:
«Ай же ты Батыга, дай-ко силы сорокъ тысячей».
Далъ ему силы сорокъ тысячей.
Выѣзжаетъ Василей сынъ Игнатьевичъ на чисто́ на поле́,
Началъ онъ по силушкѣ поѣзживати,
Началъ онъ той силушки порубливати,
Онъ прибилъ, прирубилъ до еди́ной головы́.
А приходитъ то Василей сынъ Игнатьевичъ:
«Ай-ка ты Батыга, опохмѣль-ко мою буйную головушку».
Наливали ему чару зелена вина,
Наливали ему дру́гу пива пьянаго,
Наливали ему третью ме́ду сладкаго,
А сливали эти чары въ едино́ мѣсто;
Мѣрой эта чара полтора ведра,
Вѣсомъ эта чара полтора пуда.
А принимаетъ-то Василей едино́й рукой,
Выпиваетъ-то Василей едины́мъ духомъ.
Говоритъ Василей таково слово:
«Еще знаю во Кіеви воротця не заперты,
«А не заперты воротця не заложены.
«Дай-ко мнѣ силы сорокъ тысячей».
Далъ ему Батыга силы сорокъ тысячей.
Выѣзжаетъ-то Василей на чисто́ на поле́,
Сталъ онъ по силушкѣ поѣзживати,

Сталъ онъ вѣдь силушку порýбливатѝ,
Онъ прибилъ, прирубилъ до единóй головы̀.
Приходитъ-то Василей сынъ Игнатьевичъ:
«Опохмѣль-ко, Батыга, буйну голову».
Наливали ему чару зелена вина,
Наливали ему другу пива пьянаго,
Наливали ему третью меду сладкаго,
А сливали эти чары въ единó мѣсто;
Мѣрой эта чара полтора ведра,
Вѣсомъ эта чара полтора пуда.
Принимаетъ-то Василей единóю рукой,
Выпиваетъ-то Василей едины́мъ духомъ,
Говоритъ-то Василей таково слово:
«Еще знаю я во Кіеви воротця не заперты,
«А не заперты воротця не заложеныѝ.
«Дай-ко мнѣ силы сорокъ тысячей».
И далъ ёму силы сорокъ тысячей.
А поѣхалъ Василей на чистó на полѐ,
Сталъ онъ по силушкѣ поѣзживатѝ,
Сталъ онъ той силушки порубливатѝ,
Онъ прибилъ прирубилъ до единóй головы̀.
А богатырскоѐ сердце розгорѣлоси,
Богатырская рука да размахаласи,
Пріѣзжаетъ-то Василей къ Батыгѣ вѣдь,
Началъ онъ по силушкѣ поѣзживатѝ,
Началъ онъ той силушкѣ порубливатѝ,
Онъ прибилъ, прирубилъ до единóй головы̀.
А поѣхалъ-то Василей въ славный Кіевъ въ славный градъ.
А старину споемъ синему морю на тѝшину,
Вамъ добрымъ людямъ на послушанье.

Записано тамъ же, 10 іюля.

42.

НАѢЗДЪ ЛИТОВЦЕВЪ.

Два Ливика да литовскіихъ,
Два племянника да королевскіихъ
Пріѣзжали къ дядюшкѣ,
Чолпанъ король Литовскому:
— Дядюшко Чолпанъ король Литовскій!
— Мы хочемъ ѣхать на святую Русь
— Къ Роману Митріевичу на почестный пиръ. —
И говоритъ имъ дядюшка Чолпанъ король Литовскій:
«Ай же вы два Ливика да литовскіихъ,
«Два племянника королевскіихъ!
«Ахъ кто не ѣзживалъ на святую Русь,
«А счастливъ со Россіи не выѣзживалъ.
«Поѣзжайте-тко во чисто́ поле:
«Во чисто́мъ поли есть вѣдь по́гребы тамъ глубокіи
«А насыпаны они золотомъ:
«Будетъ вамъ да будетъ вашимъ дѣтямъ вѣдь».
Оны съѣздили да во чисто́ полѣ,
Оны взяли это золото,
Пріѣзжали къ дядюшкѣ Чолпанъ король Литовскому
И говорятъ да таково слово:
— Ай же ты дядюшка король Чолпанъ, король Литовскій!
— А мы хочемъ ѣхать на святую Русь,
— А на святую Русь да въ каменну́ю Москву. —
Оны здумали да й поѣхали.
Наѣзжали въ Росіи они перво́ село,
Велико́ село да ровно три церквы;
Они ѣли пили да й пограбили,
Велико́ село да о́гню при́дали.
Наѣзжали въ Росіи они друго́ село,
Велико село да вѣдь шесть церквей;
Они ѣли пили да й пограбили,

Велико́ село да о́гню прядали.
Наѣзжали въ Росі́и они третьё село,
Велико́ село да девять церквей;
Они ѣли пили да й пограбили,
Велико́ село да о́гню при́дали.
Перепала тутъ вѣсточка нерадостна
Грозному царю Иванъ Васильевичу:
«Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Ты ѣшь да пьешь да проклаждаешься,
«Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
«Наѣзжало вѣдь два Ливика литовскіихъ,
«Два племянника да королевскіихъ,
«Наѣзжали въ Росі́и перво́ село,
«Велико́ село да ровно три церквы;
«Они ѣли пили да й пограбили,
«Велико село да о́гню при́дали.
«Наѣзжали въ Росі́и они друго́ село,
«Велико село да вѣдь шесть церквей;
«Они ѣли пили да й пограбили.
«Велико село о́гню при́дали.
«Наѣзжали въ Росі́и они третьё село,
«Велико село да девя́ть церквей;
«Они ѣли пили да й пограбили,
«Велико село о́гню при́дали.
«Увезли они Настасью Митріевну
«А съ трехмѣсячнымъ младенчикомъ».
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Онъ бралъ себи силушки по надобью,
Онъ бралъ силушки три дружинушки;
Пошли оны къ рѣки да къ Смородины;
Онъ сдѣлалъ тутъ да три же́ребья.
Первый жеребей бросилъ на́ воду,
А тотъ жеребей да вѣдь ко́ дну шолъ:
«А этоёй дружинушкѣ убитой быть».

Онъ сдѣлалъ дру́гой же́ребей,
Онъ вѣдь бросилъ е́го на́ воду,
А пошолъ тотъ жеребей въ пово́дь воды:
«А эта дружинушка въ полонъ будетъ взята».
Сдѣлалъ тре́тей же́ребей,
Онъ бросилъ его вѣдь на́ воду,
Пошолъ жеребей вѣдь встрѣтъ воды:
«Этая дружинушка со мной будетъ».
И пошли они да во чисто́ поле.
Говоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ай же вы дружинушка хоробрая!
«Я какъ первой разъ закрычу чорнымъ ворономъ,
«Вы ѣшьте, пейте да вѣдь кушайте;
«Второ́й разъ закрычу я чорнымъ ворономъ,
«А вы быдьте при всёй при орудіи;
«А третій разъ закрычу я чорнымъ ворономъ,
«А вы, дружинушка хоробрая,
«Вы при мни быдьте».
И пошолъ тутъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Онъ зашолъ въ ложню въ оружейную,
А замочики отъ оружьицевъ онъ поро́звертѣлъ,
По чисту́ полю да вѣдь поро́збросалъ,
Отъ тугихъ луковъ тетивочки всѣ поо́тщипалъ,
По чисту́ полю всѣ поро́збросалъ;
Зашолъ онъ въ стойлю лошадиное,
А головушки у лошадушокъ онъ поо́трубилъ,
По чисту́ полю-то всѣ поро́збросалъ.
Обернулся онъ да горносталечкомъ
И началъ по бѣлу́ шатру онъ побѣгивать,
А вѣдь бѣлъ шатеръ сталъ продрагивать.
А говорилъ-то тутъ младенчикъ таково слово:
«А не нашъ ли то дадюшка побѣгиваетъ,
«Что бѣлъ шатеръ да продрагиваетъ?»
Этые да два Ливика да литовскіихъ,

Два племянника королевскіихъ
Пріокрыли шубой соболиною.
Выскочилъ горносталечекъ во шубно́й рукавъ,
Обернулся онъ да чорнымъ ворономъ.
Онъ вѣдь сѣлъ да на сы́рой дубъ,
Закрычалъ онъ чорнымъ ворономъ;
А хоробрая да дружинушка
Оны ѣли пили да вѣдь кушали.
Говорятъ-то два Ливика да литовскіихъ,
Два племянника королевскіихъ:
«Не крычи-тко черной воронъ на сыро́мъ дубу!
«Мы скоро тебя да позастрѣлимъ».
А бѣжали въ ложню въ оружейную
А замочики да порозверчены,
По чисту́ полю да порозбросаны.
А второ́й разъ закрычалъ чорный воронъ на сыро́мъ дубу;
Вся хоробрая дружинушка обкольчужилась.
Говорятъ-то два Ливика да литовскіихъ,
Два племянника королевскіихъ:
«А не крычи-тко чорный воронъ на сыро́мъ дубу!
«А мы скоро́ тебя да й позастрѣлимъ».
А хватились они да за тугі́ луки,
А тетивочки пріотщипаны,
По чисту́ полю да порозбросаны.
Закрычалъ-то третей разъ черно́й воронъ;
А бѣжали они въ сто́йлу лошадиную, —
А у лошадушекъ головушки поотрублены,
По чисту́ полю да порозбросаны.
Поскакала тутъ дружинушка хоробрая,
Они взяли этихъ двухъ Ливиковъ литовскіихъ,
Двухъ племянниковъ королевскіихъ,
Они взяли, руки ноги имъ повыломали,
Посадили ихъ да на лошадушки
А отправили ихъ въ землю-ту Литовскую,

Къ дядюшкѣ Чолпанъ король Литовскому.
И такую они дали заповѣдь:
«Не дай Богъ да не дай Господи
«А бывать больше на святой Руси,
«Намъ да нашимъ дѣтямъ, нашимъ внучатамъ!»

Записано тамъ же, 10 іюля.

XI.

ТИМОФЕЙ АНТОНОВЪ.

Тимофей Антоновъ, изъ Типеницы, крестьянинъ 35-ти лѣтъ, земледѣлецъ и деревенскій сапожникъ. Его мать, умершая четыре года тому назадъ, была великая мастерица пѣть былины и знала ихъ очень много. Антоновъ сохранилъ въ памяти только двѣ изъ тѣхъ, которыя она пѣвала.

43.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Говаривалъ Добрынюшка матушки,
Говаривалъ да самъ наказывалъ:
«Свѣтъ ли государь да моя матушка,
«И честна́ вдова Офимья Олександровна!
«Ты зачѣмъ меня молодца безсчастнаго ро́дила?
«И ужъ какъ ты бы ме́ня нынъку ро́дила
«И во сине́ бы море бѣлымъ камешко́мъ бросила,
«И лежалъ бы я Добрыня бѣлымъ камешкомъ
«И не ѣздилъ бы въ поле поляковать
«И не билъ бы удалыхъ добрыхъ молодцевъ
«И не слезилъ бы Добрыня отцевъ ма́терей.
«И ужъ какъ ноне́чку, матушка, таперечку,

«Дай же ты мнѣ-ка прощеньице,
«И прощенье дай да и благословленьице
«Мнѣ-ка ѣхать въ да́лече далéче во чисто́ поле.
«И ужъ ты дашь прощенье, и поѣ́ду я,
«А й не дашь прощенье, да й поѣ́ду я».
И заходилъ-то ёнъ въ конюшню бѣлоду́бову
И бралъ себи коня не сѣ́длана,
А й не сѣ́длана бралъ да не ѣзжана,
И ужъ ёнъ уздицю-ту надѣ́валъ тесмяную,
И сѣ́делышко по́лагалъ черкальское,
Подпруги клалъ да изъ семи шелковъ,
И не ради красы да молодецкоей,
Ради крѣпости да богатырскоёй.
И ужъ какъ шелкъ-тотъ не́ рвется, булатъ не́ гнется,
Красно золото не ржавѣетъ.
И выходитъ мо́лоды *(такъ)* Настасья да Микулична,
Она спрашиваетъ у Добрыни у Микитича:
— Ай же ты Добрынюшка Никитинъ сынъ!
— И ужъ ты какъ же нынька мнѣ волю дашь:
— А й вдовой ли жить, аль заму́жъ пойти? —
«Ужъ ты мо́лоды Настасья да Микулична,
«Ужъ какъ мужъ-то въ лѣ́съ, а жена замужъ!
«Ужъ ты пожди-тко Добрыню перво шесть годовъ, —
«Перво шесть годовъ назадъ да повороту нѣ́тъ,
«И пожди-тко Добрыню вто́ро шесть годовъ;
«Вто́ро шесть годовъ назадъ да повороту нѣ́тъ, —
«И ужъ такъ-то теби да воля вольная,
«Хоть вдовой живи, хоть заму́жъ иди.
«Хоть ты поди нонь за князя, за боярина,
«Хоть за русьскаго могучаго бога́тыря,
«И только не́ ходи нонь за Олешу за Поповича
«И за бабьяго да пересмѣ́шника».
И ужъ какъ видли Добрыню нонь сядуци,
Ужъ не видли Добрынюшки поѣ́дуци.

Только въ да́лечи дале́чи во чисто́мъ поли
Подпималася погода непомѣ́рная
А й отъ ископоти да лошадиноей.
И ужъ какъ ждала Настасья перво шесть годовъ,
Перво шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ.
Ужъ какъ солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской
Свата посылаетъ ныньку свататься,
Княгиню Опраксію свахою.
— И ужъ я ждала Добрынюшкю перво шесть годовъ. —
— Перво шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ,
— Ужъ я прожду Добрыню вто́ро шесть годовъ. —
И ужъ какъ ждала Настасья вто́ро шесть годовъ,
Второ шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ,
И ужъ какъ тую пору да въ тое времечко
Честна́ вдова Офимья Олександровна
Она пошла ко честно́й обѣдни ко заутреной.
Въ тую пору да въ то времечко,
Идетъ съ да́леча дале́ча со чиста́ поля
Три калики перехожіихъ.
И ужъ какъ гунья-ты на нихъ да сорочинскіи,
По́дсумки да рыта бархату
И лапо́тики на ножкахъ и семи шелковъ
И въ носу вплетено по камешку по яфанту.
Они въ день идутъ по красному по солнышку,
Они въ ночь идутъ по камешку по яфанту.
Перва калика перехожая
Она спрашивала пути ши́рокой дороженки
И въ да́лече въ дале́че во чисто́ поле.
И ужъ какъ дру́га-та калика перехожая
Ена проситъ милостинки да подъ окошечкомъ.
Третья-та калика перехожая
Ена безъ-проси́ *(такъ)* зашла да на вдовиный дворъ,
И ужъ крест-отъ кладетъ да по писа́ному,
Поклон-отъ ведетъ да по ученому

И что на вси на четыре нонь на стороны,
И ужъ какъ молодо̀й Настасьѣ нонь въ особину.
И ужъ молода Настасья да Микулична
Она съ лавочки не стала и поклону-то не во́здала.
И спрого́воритъ калика перехожая:
— А й упито было-то, уѣ́дено,
— И въ красна̀-то было похожено,
— На добрыхъ коняхъ было поѣ́зжено!
— И ужъ какъ нонечку было топереченку
— Съ лавочки не станутъ, намъ поклону-то не во́здаютъ.—
И поворотъ держитъ калика перехожая
И во да́лече въ дале́че во чисто поле.
И приходитъ богода́ная ёйна матушка
И честна̀ вдова Офимья Олександровна
И отъ честно̀й отъ обѣ́дни отъ заутреной.
Какъ расказыватъ мо́лоды Настасья да Микулична:
«Ай же богодана моя матушка,
«Ты честна вдова Офимья Олександровна!
«Ужъ ты была у честной обѣ́дни у заутреной,
«Во тую-то пору да въ тое времечко
«Приходило со да́леча съ дале́ча со чиста́ поля,
«Приходило три калѣ́ки перехожіихъ,
«И ужъ какъ гунья-то на нихъ да сорочинскія,
«По́дсумки да рыта бархоту
«И лапотики на ножкахъ и семи шелковъ,
«Въ носу вплетено по камешку по яфанту.
«Ены въ день идутъ по красному по солнышку,
«Ены въ ночь идутъ по камешку по яфанту».
И спрого́воритъ честна вдова да Олександровна:
— Ужъ ты мо́лоды Настасья да Микулична!
— Не калики-то были перехожіи,
— И ужъ какъ русскихъ могучихъ три бога́тыря:
— Первый бога́тырь Илья Муромецъ,
— И другой бога́тырь По́тыкъ Михайла сынъ Ивановичъ,

— И ужъ какъ третій-то богáтырь Добрынюшка Микитинъ сынъ. —

И ужъ какъ солнышко Владимíръ князь стольнё-кіевской
И ужъ ёнъ свата посылалъ нынькý свататься,
И княгиню Опраксію свахою.
А й отказыватъ Настасья всихъ сватовей:
«Ужъ я ждала Добрыню перво шесть годовъ,
«Ужъ я ждала Добрыню втóро шесть годовъ,
«Втóро шесть годовъ назадъ да повороту нётъ.
«Я пожду-то Добрыню третье шесть годовъ;
«Третье шесть годовъ назадъ да повороту нётъ, —
«То что мнё-ка буде воля вольная,
«Хоть вдовой живи, а хоть замýжъ поди».
И ужъ какъ тутъ Настасья Микулична
Ждала Добрыню третье шесть годовъ,
Третье шесть годовъ назадъ да повороту нётъ.
Ужъ какъ солнышко Владимíръ князь стольнё-кіевской
Свата посылалъ какъ онъ свататься,
Княгиню Опраксію свахою.
Тутъ-то вёдь Настасья Микулична
Она спрашиватъ у своей богоданой у матушки:
— Ай же богодана моя матушка,
— Ты честнáя вдова Офимья Олексáндровна!
— Какъ же мнё-ка нынькý волю дашь:
— Аль вдовою жить, аль замýжъ пойти? —
Какъ говоритъ она да таковы слова:
«Ай же ты мóлодо Настасья да Микулична!
«И теперь теби да воля вольная,
«Хоть вдовой живи, а хоть замýжъ поди».
И ужъ какъ тутъ Настасьюшка замýжъ пошла
За этого Олешу за Поповича,
И за бабьяго да пересмёшника.
И ужъ какъ тутъ у Солнышка нынь пиръ пошолъ,
Прибёгала съ дáлеча съ далёча со чистá поля,

Прибѣгала скора скоморошина
Ко честно̀й вдовы Офимьи Олександровной,
Говоритъ она да таковы слова:
— И ты честна вдова Офимья Олександровна!
— Ужъ ты дай-то мнѣ Добрынинъ гусёлышокъ,
— И поиграть у Солнышка у князя на пиру́ вѣдь все. —
Прибѣгала скоро скоморошина
И говоритъ она да таковы слова:
— Ай же ты князь да стольнё-кіевской!
— Дай же нынъку мнѣ-ка мѣстьце сѣсть,
— Поиграть-то мнѣ въ Добрынины гуселышка. —
Говоритъ солнышко князь стольнё-кіевской:
«Ай же ты скора скоморошина!
«Ужъ какъ мѣстьця-ты вси да призаняты,
«Столько мѣстьця что на печки на муравленой».
И ужъ какъ скочитъ скора скоморошина
На эту на печку на муравлену,
Сталъ играть въ Добрынины гусёлышка;
Ужъ ёнъ также играетъ что Добрынюшка Микитинъ сынъ,
Онъ съ Кѣева игралъ все до Нова́града,
А й съ Нова́града игралъ да все до Кіева.
И ужъ какъ Солнышку игра та прилюбилася,
Налилъ ёму чару пива пьянаго,
Другу-ту налилъ зелена́ вина,
Зелена вина налилъ полтора ведра,
И подноситъ скорой скоморошинѣ:
«И ты бери-тко чару едино́й рукой,
«Выпей-ко чару едины́мъ духомъ».
Ужъ какъ бралъ онъ чару едино́й рукой,
Выпилъ чару едины́мъ духомъ.
Третью-то налилъ меду сладкаго,
Подноситъ скорой скоморошинѣ:
«Ты бери-тко чару едино́й рукой,
«Выпей чару едины́мъ духомъ».

И говоритъ-то скора скоморошина:
— Ужъ ты солнышко Владимiръ князь стольнё-кiевской!
— И кому знаю, эту чару по́днесу. —
И подноситъ чару нонь мо́лоды Настасьи да Микулично́й:
— Мо́лоды Настасья да Микулична!
— Бери-тко чару единой рукой,
— Выпей чару едины́мъ духомъ.
— Ужъ ты пьешь до дна — увíдишь добра,
— А й не пьешь до дна — да не видать добра. —
Брала она чару единой рукой,
Пила чару едины́мъ духомъ;
Тамъ на дни лежитъ да перстень обрученый,
Съ которымъ съ Добрыней обручалася.
И ужъ какъ тутъ-то Настасья прiужа́хнулась,
Говоритъ она да таковы слова:
«Какъ не тотъ мой мужъ, кой возли́ меня,
«А тотъ мой мужъ, кой супротивъ меня».
И ужъ какъ брала его за́ руки за бѣлыи
Да за́ него за перстни за злаченыи,
И цѣловала въ уста-то во сахарнiи.
И ужъ какъ тутъ-то нынь Добрынюшка Микитинъ сынъ
Говоритъ-то онъ да таковы слова:
— Не дивую я да глупой женщины,
— Дивую я Солнышку князю стольнё-кiевску,
— Отъ жива мужа жону отводитъ. —
И ужъ какъ бралъ-то онъ Олешу за желты́ кудри,
Бросилъ Олешу на кирпиченъ мостъ,
Только-то Олешенька и женатъ бывалъ.

Записано въ Типеницѣ, 10 iюля.

44.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

Жилъ да былъ Буславъ да девяносто лѣтъ,
Девяносто лѣтъ да цѣлу тысящу,
И за тымъ Буславъ да переставился.
Оставлялоси да чадо милое,
А й милоё дитя да что любимоё,
Еще мóлодой Василій да Буславьевичъ.
И онъ сталъ на улицу похаживать,
Съ малыма ребятками побалывать,
Не хорóши у него да пóшли шуточки:
И кого ёнъ возьмётъ за руку,
У того руки да быдто не было,
И кого ёнъ возьмётъ за ногу,
У того ноги да быдто не было.
Пошли мужики да новгородчана
Къ честнóй вдовы Намельфы Тимофеевны,
И творятъ на нéго жалобу великую:
«Честнáя вдова Намельфа Тимофеевна!
«Уймú-тко свое да чадо милое,
«А и милоё дитя да что любимоё,
«Мóлода Василья да Буславьева.
«Не наполнить намъ будетъ малыхъ дѣтушекъ!»
— Я теперь тебя матушка послушаю. —
Сталъ онъ стрѣлочекъ подѣлывать,
Сталъ на стрѣлочкахъ подпись-ту подписывать:
Кому хочется да сыто есть и пить,
Тотъ ступай къ Василью на широкой дворъ,
На широкой дворъ да на почестенъ пиръ.
И пóшли мужики да новгородчана,
Пóшли старыи да идутъ малыи,
А еще къ ему да идутъ древніе.
Спрогóворитъ Василій да Буславьевичъ:

«Кому хочется да сыто ѣсть и пить,
«Тотъ ступай къ Василью на широкой дворъ,
«На широкой дворъ да на почестенъ пиръ».
И по́шли мужики да новгородчана,
Идутъ старыи да идутъ малыи,
Еще къ ему да идутъ древніе.
Испрого́воритъ Василій да Буславьевичъ:
«Кому хочется да сыто ѣсть и пить,
«Тотъ ступай къ Василью на широкой дворъ,
«На широкой дворъ да на почестенъ пиръ».
И по́шли мужики да новгородчана,
И по́шли старыи да идутъ малыи,
Еще къ ему да идутъ древніе.
Испрого́воритъ Василій да Буславьевичъ:
«Не наполнить буде пива пьянаго,
«Не насытить буде меду сладкаго».
Испрого́воритъ Василій да Буславьевичъ:
«Кто истерпитъ мой черленый вязъ,
«Тотъ выпьетъ чару зелена́ вина,
«Поклонъ поставитъ да й во дворъ пойдетъ».
Еще какъ большій ту́лится на середняго,
Середній-то тулится да на меньшаго,
Отъ меньшаго брата́ отвѣта нѣтъ.
Пошли мужики да новгородчана,
И говорятъ оны да таковы слова:
— И не упито-то было да не уѣдено,
— И въ красни́-то хорошо не бы́ло хожено,
— На добрыхъ коняхъ не было ѣзжено,
— Безвѣчья на вѣкъ призали́зано [1]). —
И ужъ тутъ какъ нынь Василій да Буславьевичъ
Допьяна да ёнъ вѣдь напивается,
Испохмѣльица да зашолъ въ маленьку,

---

1) Т. е. найдено, получено, отъ глагола *лизать*, *мимзать*.

Въ маленьку зашолъ да во челя́динку,
И съ похмѣ́льица да плотно спать заснулъ.
И провѣ́дала его да родна матушка,
И заворочала дубьемъ да колодьямъ нонь,
Чтобы не можно вытти на святую Русь.
Идетъ дѣвушка, идетъ служаночка,
На Дунай рѣку идетъ по́ воду,
И сама Василью нынько го́воритъ:
«Ай же ты Василій да Буславьевичъ!
«Долго спишь ты, вѣдь не пробудишься,
«И твоё братьё, дружина все хоробрая,
«Въ да́лечи дале́чи во чисто́мъ поли
«А и бьются нонь они да ратятся,
«Главы кушакамы перевязаны,
«И ужо оны да во руды́ ходятъ».
Спрого́воритъ Василій да Буславьевичъ:
— Ай же ты дѣвушка, ай же ты служаночка!
— И сослужи-тко мнѣ службу не великую,
— И сроботай-ко роботу не тяжелую,
— И отворочай-ко все дубьё да колодья нонь
— И повыпусти Василья на святую Русь. —
Послушала его вѣдь дѣвушка,
Послушала его служаночка,
Отворочала все дубья да колодья нонь
И повыпуститъ Василія на святую Русь.
И ужъ какъ на́скори попала тутъ телѣжна ось,
Взялъ онъ осью той да помахивать,
Взялъ онъ мужиковъ да поколачивать,
И ужо мужиковъ да мало ставится.
Пошли-то мужики да новгородчана
Пошли къ старци́ищу, пошли къ Ондро́нищу
И къ его оци́ищу [1]) таки крёстному:

---

1) Отъ слова *отецъ*.

«Ай же ты ста́рчище, ай же Ондронище!
«И уйми-тко чадо милое, дитё любимое,
«Еще мо́лода Василья да Буславьева,
«И оставь-ко мужиковъ хоть и на се́мена».
И пошолъ старци́ще, пошолъ Ондро́нище,
И на главы-то несе колоколъ,
Языкомъ подпирается.
Что Василій здогодается:
— Ай же ты старци́ще, ай же ты Ондронище,
— Да мое оцищё таки крестное!
— Не дано яицко ти христовское,
— Вотъ теби яичко нонь петровское.
— И ужь ты взглянь-ко на́ небо,
— Что на́ неби-то дѣется. —
И взглянулъ старчи́ще, взглянулъ Ондронище,
И у́перъ старчища да подъ ясны́ очи,
И у́палъ старчище да о сыру землю.
Только старцищё да вѣдь ёнъ живъ бывалъ.
Ужъ какъ тутъ-то нонь Василій да Буславьевичъ,
Ужъ какъ сталъ онъ осью-то помахивать,
Сталъ мужиковъ доколачивать,
И ужо мужиковъ да мало ставится.
Пошли мужики да новгородчана
Къ честно́й вдовы да къ Тимофеевной,
И говорятъ оны да таковы слова:
«И честна́ вдова да ты Намельфа Тимофеевна!
«И уйми-тко свое чадо милое,
«А и милоё дитё любимое,
«И что мо́лода ль Василья да Буславьева,
«И оставь-ко мужиковъ хоть и на се́мена».
И ужъ какъ тутъ честна́ вдова да Тимофеевна
И садилась ёна да на добра́ коня
И поѣхала во да́лече въ дале́че во чисто́ поле,
А еще къ нему сзади́ да призаѣхала

И захватила ёго за руки за бѣлыи
И за него перстни что за злаченые,
И говоритъ она да таковы слова:
— Ай же ты да мое дитятко,
— И ужъ ты мо́лодой Василій да Буславьевичъ!
— Теби полно во поли нонь поляковать,
— И оставь-ко мужиковъ хоть и на се́мена. —
И говоритъ-то нонь Василій да Буславьевичъ:
«Ай же ты да моя матушка!
«Кабы ты ко мнѣ́ да спереди́ зашла,
«Я теперь бы тебѣ́ живой да не́ спустилъ, —
«И росходилось мое сердце бога́тырское.
«Я теперь тебе матушка послушаю.
«Ай же вы дружьё братьё хороброе,
«Садитесь-ко на на́сады черленые,
«Пое́демте по славному веряжскому!»
И пое́хали по славному по веряжскому,
Заѣ́хали на гору сорочинскую,
И ничего-то на горы они да не́ нашли;
Столько лежитъ-то на горы да кость суха глава,
Кость суха глава да человѣ́чецка.
И ужъ какъ сталъ Василей кости-то попинывать
И суху главу да поталыхивать *(так)*:
— Ты провѣ́щись-ко да кость суха глава,
— Кость суха глава да человѣ́чецкімъ голосомъ,
— Али ты кость да е мошенницка,
— Али ты кость да подорожницка,
— Али ты кость да е татарская,
— Али ты кость да е крестьянская? —
И провѣ́щилась да кость суха глава
И человѣ́чецкімъ голосомъ:
«Ай же ты Василій да Буславьевичъ!
«Ты меня кости не попинывай,
«И сухой главы не поталыхивай.

«Я вѣдь кость-то не мошенницка,
«Я вѣдь кость не подорожницка,
«Я вѣдь кость-то не татарская,
«Я вѣдь кость была крестьянская.
«Ай же ты Василій да Буславьевичъ!
«Ужъ какъ тутъ же будешь ты кататися,
«Тутъ же будешь ты валятися».
Ужъ какъ тутъ Василью стосковалоси:
— Ай же вы дружьё братьё хороброе!
— И пойдемте по горы по сорочинскія. —
И пошли-то по горы по сорочинскія
И ничего-то на горы они да нé нашли;
Есть только лежитъ на горы бѣлый камешокъ,
И на камешкѣ подпись-то подписана:
И кто заѣде на гору на сорочинскую,
И скочитъ-то вдоль да бѣла камешка.
И въ долину-то камень сорока саженъ,
А въ ширину-то камень тридцати саженъ.
И ужъ тутъ-то какъ Василью призахва́стнулось:
— Ай же вы дружьё братьё хороброе!
— И скочите впоперекъ-то бѣла камешка,
— И ужъ какъ я удалый добрый молодецъ
— Скочу-то я вдоль бѣла камешка. —
И самъ заве́лъ скочить, но не до́скочилъ,
И ужъ какъ тутъ-то нонь Василью смертъ случилося.
И метали они сходни-ты дубовыи,
И ужъ какъ ставили кресты животворящіи.
Спасетъ-то Богъ теби на ти́шины,
И вамъ-то добрымъ людямъ на послушанье.

Записано тамъ же, 10 іюля.

II.

ПУДОГА.

ПУДОГА.

XII.

НИКИФОРЪ ПРОХОРОВЪ.

Никифоръ Прохоровъ, крестьянинъ дер. Буракова Купецкой волости, 51 года, плотный, средняго роста мужчина, русый, съ маленькой бородкой; живетъ земледѣльческимъ трудомъ. Перенялъ всѣ былины, какія знаетъ, отъ своего отца, умершаго 80-лѣтнимъ старикомъ болѣе 20 лѣтъ тому назадъ. Онъ разсказывалъ, что отецъ, будучи мальчикомъ, былъ нанятъ въ пастухи къ какому-то барину, далеко отъ дому, но гдѣ именно, этого Никифоръ не помнитъ. Мальчишка-пастухъ понравился барину игрою въ рожокъ, и баринъ часто звалъ его къ себѣ въ домъ, держалъ въ комнатѣ, гдѣ сидѣлъ, и заставлялъ по временамъ играть на пастушьемъ рожкѣ, награждая за то пряниками; тѣмъ временемъ у барина сиживалъ какой-то старикъ и сказывалъ ему былины. Тутъ-то мальчикъ-пастухъ, прислушиваясь къ пѣнію старика, перенялъ отъ него многія изъ былинъ, которыми тотъ услаждалъ барина; когда и не было барина, онъ часто приставалъ къ этому старику, чтобы ему спѣлъ что нибудь. Таковъ, по словамъ Прохорова, единственный источникъ его былинъ; ни отъ кого другаго, кромѣ отца, онъ ихъ не заимствовалъ. Прохоровъ поетъ очень хорошо и плавно, такъ что нестрогое соблюденіе ихъ размѣра дѣлается для слушателя почти незамѣтнымъ.

Впрочемъ, не смотря на неточность размѣра, онъ хорошо сохраняетъ различіе по напѣву между былинами, сложенными хореическимъ стихомъ, и тѣми, въ которыхъ стихъ дактилическій (какъ напр. № 53). Никифоръ Прохоровъ пѣлъ свои былины г. Рыбникову, который записывалъ ихъ съ его словъ въ продолженіе цѣлаго вечера, а на слѣдующій день, уѣзжая, поручилъ записать остальныя мѣстному исправнику; послѣдній, по словамъ Прохорова, передалъ эту работу своему писарю. Одну изъ былинъ, которыя онъ пѣлъ г. Рыбникову, именно про царя Волшана и Ваньку Удовкина (Рыбн., т. I, 76), онъ въ настоящее время уже позабылъ; также не могъ припомнить ничего про Садка, о которомъ при г. Рыбниковѣ зналъ еще отрывокъ (тамъ же, 62).

45.

ВОЛЬГА И МИКУЛА.

(См. Рыбникова, т. I, 4).

Народился Микулушка Селя́гиновичъ,
А тотъ этотъ Вольга́ да е Всеславьевичъ.
А рыбы ты ушли да́ въ глубоки́ станы,
А птицы улетѣли во темны́и лѣса́,
А звѣри-то ушли за крути́и горы́.
Да тутъ этотъ Микулушка Селя́гиновичъ,
А тутъ Вольга́ да Всеславьевичъ,
Повязали оны неводы шелко́выи,
А ту эту рыбушку повы́ловили.
А поладили петелки шелковыи,
А ту эту птичушку повы́давили.
А поладили оружьица цильніи,
А этыихъ звѣрьёвъ да повы́стрѣляли.
Да какъ тутъ-то еще да вѣдь что́ было,
Въ поли ратай оре́тъ, сошка наскрыпливаетъ.

Какъ тутъ этотъ Микулушка Селя́нинович
Онъ день-отъ ѣдетъ да другой еще,
А на третій день онъ доѣхалъ тутъ.
А нашолъ онъ тутъ въ поли да вѣдь ратая:
«А Богъ-ти помочь ратай здѣ».
— А ты этые Вольга́ Всеславьевичъ,
— А пожалуй-ко Микулушка Селя́нинович! —
Ино тутъ дубья да колодья въ борозду валитъ.
— Ай же ты Вольга́ да е Всеславьевичъ [1]). —
А тутъ-то оны да согласилиси,
А тутъ-то оны да думу думали
А ѣхать тутъ оны во Куржовецъ,
А ѣхать молодцамъ да во Орѣховецъ
А со своей со силушкой великою.
А набъ-то [2]) Вольги́ да сошка обрядитъ.
А подхватилъ-то своимъ чоботомъ сафьянымъ
А тую-то сошку да ратную,
А улетѣла тая сошка по подоблачью,
А пала тая сошка на сыру́ землю,
А ушла тая сошка до рогача́ она
А во тую матушку во сыру землю.
Ино поѣхали они добры молодцы
А ко тому ко городу ко Куржову,
А ко Куржову городу къ Орѣхову.
Какъ тыи мужики были куржевски
А тыи мужики было орѣховски
А узнали ихъ-то ѣдучи,
Что ѣдутъ-то оны къ имъ во Куржовецъ,
А ѣдутъ оны къ имъ въ Орѣховецъ;
Подѣлали мосточики поддильніи,

---

1) Не смотря на всѣ указанія, что тутъ нескладица, Прохоровъ не могъ лучше припомнить это мѣсто, но говорилъ только, что самъ сознаетъ, что эта былина у него спуталась въ головѣ.

2) *Набъ* — надобно.

Поддильнiи мосточки все калѝновые,
Калиновы мосточки все фальшивые.
Да зашла эта силушка Никулушкина
А на эти мосточки на калиновы,
А подломились ты мосточки да калиновые,
А калиновы мосточики фальшивые,
А погинуло тутъ силушки да много той.
Какъ тутъ-то Микулушка Селя́гиновичъ,
А какъ тотъ это Вольга́ Всеславьевичъ
А тутъ-то оны да розсердилися,
А тутъ-то оны да розгнѣвалися,
Да заѣхали молодцы да во Куржевецъ,
А заѣхали оны да во Орѣховецъ,
Нахлыстали мужиковъ оны куржевскихъ,
Нахлыстали мужиковъ оны орѣховскихъ,
А нахлыстали-то ихъ всихъ до́ люби:
Каково вамъ мужики да за дурачество!
Да поѣхали они тутъ со Куржовца,
Да поѣхали тутъ по чисту́ полю.
Да одва гонится Микулушка Селя́гиновичъ
А за этимъ Вольго́й да Всеславьевичемъ.
Какъ говоритъ Микулушка Селя́гиновичъ:
«Обожди-тко меня да братъ названыи,
«А ты эты да Вольга́ Всеславьевичъ».
Обождалъ тутъ его Вольга́ да Всеславьевичъ,
А сталъ Микулушка цѣны цѣнить,
А цѣны цѣнить кобылушки той:
«Да эта кобыла у тебя была со́ловая,
«Дать за эту кобылу нынь пятьсотъ рублей.
«А кабы этая кобылушка конёмъ была,
«Дать за этого коня цѣла тысяча».
— Да ай же ты Микулушка Селя́гиновичъ!
— А не знаешь моей кобылушки цѣны ты цѣнить.
— Кабы этая кобылушка конёмъ-то была,

— Дакъ за этого коня цѣны нѐ было бы.
— А нунь эта кобылушка кобы́лой стала̀,
— Дать за этую кобылу цѣла тысяча. —

Записано на Марнаволокѣ, 26 іюля.

46.

ИЛЬЯ И СЫНЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 14).

Да на наше на сѐло на прекрасное,
На стольнёй-отъ городъ на Кіевъ градъ
Наѣзжай молодой младо́й Соло́вниковъ,
А зъ-за того за славна за синя́ моря,
Выпрашиватъ себѣ онъ поединщика:
«Да ай же ты да князь стольнё-кіевской!
«А дай-ко мнѣ-ка ты да поединщика.
«Какъ ежели какъ не даёшь какъ мнѣ,
«А я-то вѣдь вашъ стольній Кіевъ градъ
«Да я съ коньца его зажгу,
«Головнёй покачу».
Какъ тутъ ужъ князь стольнё-кіевской
А шолъ-то онъ на выходы высокіи
А закрычалъ онъ князь во всю голову:
— Да ай же вы русійски всѣ могучіи бога́тыри!
— А подите-тко на думушку великую
— А стольнёму-то князю къ Володимеру. —
Какъ услышалъ-то ужъ вѣдь этотъ крыкъ
А старыи казакъ Илья Муромецъ,
Какъ скоро тутъ Ильюшенка справляется
А скоро старичокъ снаряжается.
А приходитъ Илья тутъ да Муромецъ,
Идетъ тутъ Илья онъ по новы́мъ сѣнямъ,

Какъ по тыи по гридни по столовыи,
Идетъ онъ старикъ, самъ шатается,
А ступеньки мостинки подгибаются.
Какъ приходитъ Илья тутъ Муромецъ,
Отворилъ онъ двери тутъ да на́ пяту
А здравствуетъ онъ князя съ княгинею:
«А здравствуй-ко ты князь стольнё-кіевской
«А со своей княгинёй со Апраксіёй!
«А ты чего крычишь, насъ треложишь ли,
«А насъ русійскіихъ могучіихъ бога́тырёвъ?»
Какъ онъ на то ему да отвѣ́тъ держитъ:
— Ахъ ты старыи казакъ Илья Муромецъ!
— Да какъ-то не крычать, не треложить мнѣ?
— Да на наше на село на прекрасное
— Да на стольнёй-отъ городъ какъ на Кіевъ градъ,
— Не знаю я, какой то невѣ́жа есть,
— А наѣ́зжатъ зъ-за славна за сина́ мора
— Молодой младой сюды Соло́вниковъ,
— Выпрашиватъ себѣ́ онъ поединщика,
— Какъ говоритъ-то мн онъ таково слово:
— «Да ай же ты да князь стольнё-кіевской!
— «Дай-ко мнѣ сюда ты поединщика.
— «Какъ ежели ты мнѣ не да́ешь нунь,
— «А я вашъ стольнёй-то городъ-то Кіевъ градъ
— «Съ конца его зажгу,
— «Головнёй его покачу».—
Какъ это тутъ Илья да Муромецъ,
Какъ все это Ильюшка повыслушалъ,
Скочилъ онъ какъ Илья на рѣ́звы ноги,
Ударилъ кулакомъ во дубовый столъ,
А розлетѣ́лся столъ на вси стороны:
«Да ай же ты князь стольнё-кіевской!
«Какъ я еще могу да служить-стоять
«За стольнёй-отъ городъ я за Кіевъ градъ».

Какъ скоро тутъ еще Ильюшенка поворотъ держалъ,
Приходилъ Ильюшенка назадъ домой,
Какъ скоро тутъ Ильюшенка сѣдлалъ добра́ коня,
А добраго коня богатырскаго,
Кла́дывае подпруги на подпруги,
А кла́дывае потнички на потнички,
А кла́дываетъ войлочки на войлочки,
Сѣдёлка кладыва́етъ на сѣдёлышка,
Черкальское сѣдёлко на верёхъ еще,
А ты эты подтяжечки шелковыи,
Кладыва́е, самъ выговариваетъ:
«А не для-то вѣдь, братцы, красы басы,
«А не для-то вѣдь мнѣ было угожества,
«А для укрѣпы мнѣ богатырскія».
Какъ видли-то вѣдь молодца тутъ сядучи,
Не видли какъ уда́лаго поѣдучи,
Не знаютъ въ кою сторону поѣхалъ онъ.
Поѣхалъ тутъ Ильюша во чисто́ полё,
Какъ пріѣзжатъ Ильюша на Соло́вника
Изъ далеча изъ чиста́ поля.
Какъ ударилъ онъ Соло́вника въ голову
А палицой своёй богатырскою,
Какъ сидитъ что ль Соло́вниковъ, не стря́хнется,
Какъ жолтыи кудёрка не своро́хнутся.
Отъѣхалъ тутъ Ильюшка, роздумался:
«А колько ни татаръ я на вѣку́ бивалъ,
«А съ одного вѣдь-то разу́ я все по́шибалъ,
«А этого вѣдь татарина не мо́гъ сшибить,
«Какъ сидитъ онъ татаринъ, самъ не стря́хнется,
«А жолтыи кудёрка не сворохнутся».
Какъ приправливалъ Ильюшенка опять онъ добра́ коня
А на того на мла́да на Соло́вника.
Какъ ударилъ онъ Соловника опять его въ голову
А палицой своёй богатырскою,

А сидитъ что Соловниковъ, не стряхнется,
Жолтыи кудёрка не сворохнутся.
Какъ отъѣзжалъ Ильюша на чисто́ полё,
На чисто поле далечюшенько,
Какъ самъ-то онъ Ильюшенка роздумался:
«Да это ужъ мнѣ ль не бѣда ль пришла,
«А не бѣда ль пришла, видно смерть пришла?»
Какъ тутъ за тымъ еще Соловникомъ
Рѣчистъ языкъ тутъ да мѣшается,
А мозги въ головы потрясаются,
А со ясныхъ очей еще видъ теряется.
Какъ говоритъ Соловникъ таково слово:
— Да ай же вы да слуги мои вѣрныи!
— А ѣдьте вы за славно за синё море
— А ко моей ко ро́дныи ко матушки,
— А ко тыи ко матушки къ Натальюшки,
— А ѣдьте вы не съ радостнымъ извѣстьицомъ
— Не знаю я, какой-то невѣжа есть,
— А наѣзжатъ изъ далеча ко мнѣ изъ чиста́ поля
— А бьетъ-то меня нунь въ буйну голову.
— А нуньчу у меня топерь у мо́лодца
— Рѣчистъ языкъ топерь мѣшается,
— Мозги въ головы потрясаются,
— А со ясныхъ очей еще видъ теряется. —
Какъ тутъ его слуги-ты вѣряыи
Поѣхали туды оны съ извѣстьицомъ,
Какъ со тымъ извѣстьицомъ нерадостнымъ.
Какъ тутъ старой тотъ казакъ Илья Муромецъ
Опять-то онъ припрaвливалъ добра́ коня
На того на мла́да на Соло́вника.
Какъ ударилъ онъ Соловника тутъ въ голову
Палицой своёй богатырскою,
А сидитъ-то что Соловняковъ, не стря́хнется,
Опять жолтыи кудерка не сворохнутся.

Какъ тутъ-то Илья онъ удержалъ коня,
Какъ говоритъ тутъ Илья таково слово:
«Да ай же ты удалой доброй молодецъ!
«Да полно е намъ да биться ратиться,
«А лучше мы еще, доброй молодецъ,
«Опустимся мы нунь со добры́хъ коней,
«Станемъ нунь биться рукопашкою».
Какъ тутъ-то вѣдь спускалися оны съ добры́хъ коней
А на тую-то матушку сыру́ю землю,
Пошли-то оны биться рукопашкою.
Какъ тутъ-то розошлись, розбѣжалися,
Ильюшенка да былъ онъ свыченъ-то,
А свыченъ-то Ильюшенка, догадливъ онъ,
Какъ скоро обскочилъ на око́лъ ёго,
Ударилъ-то вѣдь въ суты́чъ да во шею-то,
Мо́лода ударилъ онъ Соло́вника.
Какъ сбилъ тутъ ёго да на сыру землю,
Какъ сѣлъ тутъ Ильюшенка Муромецъ,
А сѣлъ-то къ ёму на бѣлу́ю грудь,
А выдернулъ ножи́ще самъ кинжа́лище,
Занёсъ тутъ Ильюшенка праву́ руку
А на того на мла́да на Соло́вника,
Тутъ рука въ плечи застояласи.
Какъ началъ тутъ Ильюшенка доспрашивать,
Какъ началъ тутъ Ильюшенка вывѣдывать:
«Да ай же ты удалой доброй молодецъ!
«Ты скажи, скажи, не утай себя,
«Отца ли ты есть ли царевичъ былъ,
«Ли короля ли ты еще королевичъ былъ?
«А ты скажи, скажи да коёй орды,
«Ты еще скажи мнѣ да былъ коёй земли?»
Какъ го́воритъ Соло́вникъ таково слово:
— Ахъ ты старая собака, сѣдатый пёсъ!
— Какъ ты нонь надо мною насмѣхаешься.

— Какъ былъ бы я у тя на бѣлóй груди,
— Да не спрашивалъ бы у тя ни имени,
— Не спрашивалъ бы у тя ни изотчины,
— Прямо бы пласталъ я ти бѣлу́ю грудь. —
Занесъ опять Ильюшенка востро́й-отъ ножъ,
Востро́й-отъ ножъ занёсъ да праву́ руку,
Да рука въ плечи тутъ застояласи.
Какъ началъ тутъ Ильюшенка доспрашивать:
«Ай же ты удалой доброй молодецъ!
«А ты скажи, скажи, не утай себя,
«Коéй-то ты орды есть, коёй земли,
«А кóёго отца да кóей матушки?
«Царь ли ты вѣдь былъ здѣ, царевичъ ли,
«Король ли ты былъ, королевичъ здѣсь?»
Говоритъ онъ тутъ таково слово:
— Ахъ ты старая собака, сѣдатый пёсъ!
— Нонь ты надо мной надсмѣхаешься,
— Сидишь ты на моёй на бѣлóй груди.
— Былъ бы я у тя на бѣлóй груди,
— Не спрашивалъ бы у тя ни имени,
— Не спрашивалъ у тя бы ни изотчины,
— Прямо бы пласталъ я тебѣ бѣлу грудь. —
Занесъ опять Ильюшенка востро́й-отъ ножъ,
Востро́й-отъ ножъ занёсъ, свою праву́ руку,
Да рука тутъ въ плечи да застояласи.
А началъ тутъ Ильюша онъ доспрашивать:
«Ай же удалой доброй молодецъ!
«А ты скажи, скажи, не утай себя,
«Коéй-то орды есть, коéй земли,
«А кóёго отца да кóей матушки?
«Царь ли ты вѣдь былъ здѣ, царевичъ ли,
«Король ли ты былъ, королевичъ здѣсь?»
Какъ началъ онъ затымъ ему высказывать:
— Ахъ ты старая собака, сѣдатый пёсъ!

— Какъ былъ бы я у тя на бѣлóй груди,
— Не спрашивалъ бы у тя ни имени,
— Не спрашивалъ у тя бы ни изотчины,
— Прямо бы пласталъ я тебѣ бѣлу грудь!
— Когда началъ ты вѣдь нунь выспрашивать,
— Когда началъ нунь ты вѣдь довѣдывать,
— Какъ я тебѣ скажу нунь порóзскажу:
— Есть-то я зъ-за славна зъ-за синя́ моря,
— А есть-то молодой младóй Солóвниковъ,
— А есть то я отъ матушки Натальюшки,
— А вѣдь батюшка не знаю я какой-то былъ. —
Скочилъ тутъ Илья на рѣзвы́ ноги,
Здымаетъ онъ за рученки за бѣлыи:
«Ахъ ты молодой младой Соловниковъ,
«Да ахъ же ты вѣдь сынъ мой любимыи!
«Какъ полно е намъ биться ратиться,
«Лучше мы съ тобой поѣдимъ, попьемъ».
Какъ сѣли тутъ оны, поѣли, попили, покушали,
Бѣлыи лебёдушки порушали.
Какъ тутъ-то Ильюшенка спать да легъ,
А спитъ онъ молодецъ, проклаждается,
Надъ собой незгодушки не вѣдаетъ.
Какъ этотъ молодой младой Соловниковъ
Какъ скоро самъ съ собой думу думаетъ,
Какъ скоро натянулъ онъ свой ту́гой лукъ
А кладывае стрѣлочку каленую,
Какъ скоро онъ стрѣлилъ еще Илью въ бѣлу́ю грудь.
Какъ тутъ еще Ильѣ не къ суду пришло,
Какъ былъ тутъ у Ильи да зóлотъ крестъ,
А золотъ крестъ онъ былъ три пуда есть.
Какъ ото сна бога́тырь пробуждается,
Самъ на уличку онъ тутъ пометается,
Какъ выскакалъ онъ въ тонкіихъ бѣлыхъ чулочкахъ безъ чоботовъ

А въ тонкíи бѣлыи рубашки самъ безъ пояса,
Хватилъ-то онъ Соловника ёго за желты́ кудри,
Какъ бросилъ тутъ его онъ о сыру землю,
Какъ выдернулъ ножищо онъ кинжалищо,
Какъ тутъ рука въ плечи не застояласи,
Скоро онъ пласталъ ёму бѣлу́ю грудь,
Какъ вынималъ сердечко тутъ со печенью,
Ро́зсѣкъ его на четыре на ча́сточки
А роскидалъ ёго по чисту́ полю.
Только-то й Соло́вушку славы́ поютъ,
А Ильина́-та слава не минуется,
Отнынѣ́-то вѣкъ по́ вѣку поютъ его Ильюшенку.

Записано тамъ же, 26 іюля.

47.

ИЛЬЯ ВЪ ССОРѢ СО ВЛАДИМІРОМЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 18).

А тотъ ли-то князь да стольнё-кіевской
А й сдѣлалъ какъ задёрнулъ свой почестной пиръ
Для князей, для бояръ да для бога́тырей,
А для тыхъ бога́тырей да русскіихъ,
Чтобы всяко званіё да шло́ туды
А на тотъ, на тотъ да на почестный пиръ
А къ стольнёму князю ко Владиміру.
Да забылъ онъ позвать да что лучшаго,
А что лучшаго да лучшаго бога́тыря,
А стараго каза́ка Илью Муромца.
Да тутъ-то вѣдь къ Ильюшѣ не къ лицу пришло,
А не къ лицу пришло, стало похабно есть,
И тутъ-то Илья да роззодорился,
А тутъ-то Илья да розретивился.

Какъ скоро натянулъ онъ свой ту́гой лукъ
А клалъ онъ тутъ стрѣлочку каленую,
А тутъ-то самъ Ильюшенка роздумался:
«А что мнѣ молодцу буде́ подѣлати?
«А я нынь молодецъ е розгнѣванной,
«А я нынь молодецъ есть роздра́женной».
Какъ онъ-то за тымъ тутъ повы́думалъ,
А стрѣли́лъ-то онъ тутъ по Божьи́мъ церквамъ,
А по тымъ стрѣли́лъ по чудны́мъ крестамъ
А по тымъ маковкамъ золоченымъ.
Да пали тутъ тыи маковки,
Да пали тутъ, отпали на сыру землю,
Да самъ онъ закрычалъ тутъ во всю голову:
«Да ай же вы были го́ли мои,
«А голи мои вы кабацкіи,
«А доброхоты-то вы еще царскіи!
«А собирайтесь-ко вы да сюда́-то вси,
«А обирайте маковки вси золоче́ныи.
«А подёмте-ко вы да со мной еще
«А тотъ-то на тотъ да на царе́въ кабакъ,
«Какъ станемъ нунь пить да зелена́ вина,
«Да станемъ-то пить да заодно́ со мной».
Да какъ тутъ-то эты да го́ли были,
А голи были оны кабацкіи,
А доброхоты всё были царскіи,
Обирали маковки тыи золоче́ныи,
Самы оны къ ёму да прибѣгаютъ всѣ:
— А батюшко ты да отецъ нашъ былъ! —
А пили тутъ оны да зелено́ вино,
Какъ пили тутъ оны да заоднёшенько.
Да какъ видитъ-то князь что бѣда пришла,
А бѣда-та пришла да неминучая,
Да какъ тутъ-то онъ да е скоры́мъ-скоро,
А скоры́мъ скоро̀, скоро̀ скоре́шенько,

А сдѣлалъ онъ задернулъ тутъ почестный пиръ
А для стараго казáка Ильи Муромца.
Да тутъ-то вѣдь князь да стольнё-кіевской,
Да тутъ-то вѣдь онъ еще думалъ есть
Со князьями со бояры со русійскима
А со тыма со могучима богáтырмы:
«А думайтé-тко братцы вы нунь думушку,
«А думайтé-тко братцы думу крѣпкую,
«А думайте думу не продумайте:
«А намъ кого будéтъ послать да Илью́ позвать,
«А позвать сюды къ намъ на почестной пиръ,
«А старого казáка Илью Муромца?»
А какъ тутъ-то они да думу думали:
— А намъ-то есть кого послать Илью позвать?
— А пошлемъ-ко мы Добрынюшку Микитича,
— Онъ ёму да вѣдь братъ крестовыи,
— А крестовыи-то братецъ да названыи,
— Дакъ онъ-то, бывать, его послушаетъ. —
Какъ тутъ-то Добрынюшка Микитиничъ
А приходитъ-то онъ братцу да крестовому,
Да какъ здравствуетъ онъ братца да крестоваго:
«А здравствуй-ко братецъ мой крестовыи,
«А крестовыи братецъ мой названыи!»
Да какъ старыи казакъ Илья Муромецъ
Да какъ онъ-то его да также здравствуетъ:
— Ай здравствуй-ко братъ мой крестовыи,
— А молодой Добрынюшка Микитиничъ!
— Ты зачѣмъ же пришолъ да загулялъ сюда? —
«А пришолъ-то я, братецъ, загулялъ къ тебѣ,
«А о дѣлѣ-то пришолъ да не о малоемъ.
«Да у насъ-то съ тобой было рáньше того,
«А раньше того дѣло подѣлано
«А пописи были понúсаныѝ,
«А заповѣди да пополóжоныѝ,

«А слушать-то брату да мéньшому,
«А мéньшому слушать брата бóльшого.
«Да еще-то какъ у насъ да éсте съ тобóй
«А слушать-то брату вѣдь бóльшому,
«А й бóльшому слушать брáта мéньшого».
Да тутъ гóворитъ Илья таково слово:
— Ахъ ты братецъ да мой да былъ крестовый!
— Да какъ нунечку топеречку у насъ съ тобой
— А всѣ-то пóписи да были вѣдь попúсаны,
— А заповѣди были пополóжены,
— А слушать-то брату вѣдь мéньшому,
— А меньшому слушать да бóльшого,
— А бóльшому слушать брата меньшого.
— Кабы не братецъ ты крестовый былъ,
— А нéкого бы я не послушалъ здѣ!
— Дакъ послушаю я братца нунь крестоваго,
— А крестоваго братца я названаго.
— А тотъ ли-то князь стольнё-кіевской
— А зналъ-то послать меня кого позвать!
— Когда ты меня, Добрынюшка Микитиничъ,
— Меня позвалъ туды да на почестной пиръ,
— Да я тебя братецъ же послушаю. —
Да приходитъ онъ къ князю къ Володимеру
Да тотъ старыи казакъ да Илья Муромецъ
А со тымъ съ Добрынюшкомъ съ Микитичемъ,
А со братомъ со своимъ да со крестовыимъ.
А даваютъ ему тутъ мѣсто не мéньшое,
А не мéньшое мѣсто было бóльшое,
А садятъ-то ихъ во большóй уголъ,
А во большой уголъ да за большóй-отъ столъ.
Да какъ налили тутъ чáру зелена́ вина,
А несли эту чару́ рядóмъ къ ему
А къ стáрому казáку къ Ильи къ Муромцу.
Да какъ принялъ онъ чару единóй рукой

А выпилъ онъ чару во единой здохъ.
А другу́ наливали пива пьянаго,
А несли эту чару рядо́мъ къ ему,
А принялъ тутъ Илюша едино́й рукой,
Еще выпилъ онъ опять тутъ во единой здохъ.
Какъ третью наливали мёду сладкаго,
Да принялъ молодецъ тутъ едино́й рукой,
Еще выпилъ онъ опять тутъ во единой здохъ.
Тутъ наѣлися, напились вси, накушались,
Да стали тутъ оны да вси пьянёшеньки
А стали тутъ оны вси веселёшеньки.
Какъ говоритъ Илья тутъ таково слово:
— Ай же ты князь стольнё-кіевской!
— А зналъ-то послать кого меня позвать,
— А послалъ-то братца ко мнѣ ты крестоваго,
— А того-то мни Добрыяюшка Никитича.
— Кабы-то мни да вѣдь не братецъ былъ,
— А не́кого-то я бы не послу́халъ здѣ,
— А скоро натянулъ бы я свой ту́гой лукъ,
— Да клалъ бы я стрѣлочку каленую,
— Да стрѣлилъ бы ти въ гридню во столовую,
— А я убилъ бы тя князя со княгинею.
— За это я тебѣ-то нынь прощу
— А этую вину да ту великую. —

Записано тамъ же, 26 іюля.

48.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

(См. Рыбникова, т. I, 17).

Какъ сильноё могучо-то Иванищо,
Какъ онъ Иванищо справляется,
Какъ онъ-то тутъ Иванъ да снаряжается

Итти къ городу еще Еросо́лиму,
Какъ Господу тамъ Богу помолитися,
Во Ёрдань тамъ рѣченки купатися,
Въ кипарисномъ деревци сушитися,
Госпо́днёму да гробу приложитися.
А сильноё-то могучо Иванищо,
У ёго ла́потци на ножкахъ семи шелковъ,
Клюша́-то у его вѣдь сорокъ пудъ.
Какъ ино тутъ промежъ-то лапотци попле́тены
Каменья-то были самоцвѣтныи.
Какъ межéнный день да шолъ онъ по красному солнышку,
Въ осеню ночь онъ шолъ по доро́гому каменю самоцвѣтному.
Ино тутъ это сильноё могучеё Иванищо
Сходилъ къ городу еще Еросо́лиму,
Тамъ Господу-то Богу онъ молился есть,
Во Ёрдань-то рѣченки купался онъ,
Въ кипарисномъ деревци сушился бы,
Господнему-то гробу приложился да.
Какъ тутъ-то онъ Иванъ поворотъ держалъ,
Назадъ-то онъ тутъ шолъ мимо Ца́рь-отъ градъ.
Какъ тутъ было еще въ Цари́-гради
Наѣхало погано тутъ Идо́лищо,
Одолѣли какъ поганы вси татарева,
Какъ скоро тутъ святыи образа были поко́лоты,
Да въ черны-то грязи были потоптаны,
Въ Божьихъ-то церквахъ онъ началъ тутъ коней кормить.
Какъ это сильно могуче тутъ Иванищо
Хватилъ-то онъ татарина подъ пазуху,
Вытащилъ погана на чисто́ поле
А началъ у поганаго доспрашивать:
«Ай же ты татаринъ да невѣрныи былъ!
«А ты скажи, татаринъ, не утаи себя:
«Какой у васъ погано есть Идолищо,
«Великъ ли-то онъ ростомъ собой да былъ?»

Говоритъ татаринъ таково слово:
— Какъ есть у насъ погано есть Идолищо
— Въ долину двѣ сажени печатныихъ,
— А въ ширину сажень была печатная,
— А головúще что вѣдь люто лохáлищо,
— А глазúща что пивныи чáшища,
— А носъ-отъ на рожѣ онъ съ локоть былъ. —
Какъ хватилъ-то онъ татарина тутъ за руку,
Бросилъ онъ ёго въ чистó полё,
А розлетѣлись у татарина тутъ косточки.
Пошолъ-то тутъ Иванищо впередъ опять,
Идетъ онъ путемъ да дорожкою,
На стрѣчу тутъ ему да стрѣчается
Старыи казакъ Илья Муромецъ:
«Здравствуй-ко ты старыи казакъ Илья Муромецъ!»
Какъ онъ ёго вѣдь тутъ еще здравствуетъ:
— Здравствуй сильноé могучо ты Иванищо!
— Ты откуль идешь, ты откуль бредешь,
— А ты откуль еще свой да пýть держишь? —
«А я бреду, Илья еще Муромецъ,
«Отъ того я города Еросóлима.
«Я тамъ былъ ино Господу Богу молился тамъ,
«Во Ердань-то рѣченки купался тамъ,
«А въ кипарисномъ деревци сушился тамъ,
«Ко Господнему гробу приложился былъ.
«Какъ скоро я назадъ тутъ поворотъ держалъ,
«Шолъ-то я назадъ мимо Царь-отъ градъ».
Какъ началъ тутъ Ильюшенка доспрашивать,
Какъ началъ тутъ Ильюшенка довѣдывать:
— Какъ все ли-то въ Царй-гради по старому,
— Какъ все ли-то въ Царй-гради по прежному? —
А говоритъ тутъ Иванъ таково слово:
«Какъ въ Цари-гради-то нуньчу не по старому,
«Въ Цари-гради-то нуньчу не по прежному.

«Одолѣли есть поганыи татарева,
«Наѣхалъ есть поганое Идолищо,
«Святыи образа былѝ поколо́ты,
«Въ черныи грязи былѝ потоптаны,
«Да во Божьихъ церквахъ тамъ коней кормятъ».
— Дуракъ ты сильноё могучо есть Иванищо!
— Силы у тебя есте съ два меня,
— Смѣлости, ухватки половинки нѣтъ.
— За первыя бы рѣчи тебя жаловалъ,
— За эты бы тебя й на́казалъ
— По тому-то тѣлу по на́гому!
— Зачѣмъ же ты не выручилъ царя-то Костянтина Боголюбова?
— Какъ ино скоро розувай же съ ногъ,
— Лапотци розувай семи шелковъ,
— А обувай мои башмачики сафьяныи.
— Сокручуся я каликой перехожею. —
Сокрутился е каликой перехожею,
Давать-то ему тутъ своего добра́ коня:
— На-ко сильноё могучо ты Иванищо,
— А на-ко вѣдь моего ты да добра́ коня!
— Хотя ты ѣзди ль, хоть водко́мъ води,
— А столько еще, сильноё могучо ты Иванищо,
— Живи-то ты на улóвномъ [1]) этомъ мѣстечки,
— А живи-тко ты еще, ожидай меня,
— Назадъ-то сюды буду я обратно бы.
— Давай сюды клюшу́-то мнѣ-ка сорокъ пудъ. —
Не дóйдетъ тутъ Ивану розговаривать,
Скоро подаватъ ему клюшу свою сорокъ пудъ,
Взиматъ-то онъ отъ ёго тутъ добра́ коня.
Пошолъ тутъ Ильюшенка скоры́мъ скоро
Той ли-то каликой перехожею.

---

1) *Уловное* мѣсто — гдѣ легко уловить или найти кого-нибудь.

Какъ приходилъ Ильюшенка во Царь-отъ градъ,
Хватилъ онъ тамъ татарина подъ пазуху,
Вытащилъ его онъ на чисто́ полё,
Какъ началъ у татарина доспрашивать:
— Ты скажи, татаринъ, не утай себя,
— Какой у васъ певѣжа есть поганый былъ,
— Поганый былъ поганое Идолищо? —
Какъ говоритъ татаринъ таково слово:
«Есть у насъ поганоё Идолищо
«А росту двѣ сажёни печатныихъ,
«Въ ширину сажёнь была печатная,
«А головищо что вѣдь лютое лохалищо,
«Глазища что вѣдь пивныя чашища,
«А посъ-отъ вѣдь на рожи съ локоть былъ».
Хватилъ-то онъ татарина за руку,
Бросилъ онъ ёго во чисто́ поле,
Розлетѣлись у ёго тутъ косточки.
Какъ тутъ-то вѣдь еще Илья Муромецъ
Заходитъ Ильюшенка во Царь-отъ градъ,
Закрычалъ Илья тутъ во всю голову:
— Ахъ ты царь да Костянтинъ Боголюбовичъ!
— А дай-ка мнѣ калики перехожіи
— Злато мнѣ, милостиню спасёную. —
Какъ ино царь-онъ Костянтинъ-онъ Боголюбовичъ
Онъ-то вѣдь ужъ тутъ зрадовáется.
Какъ тутъ въ Цари-гради отъ крыку еще каличьяго
Теремы-то вѣдь тутъ пошатались,
Хрустальніи оконнички посыпались,
Какъ у поганаго сердечко тутъ ужáхнулось.
Какъ говоритъ поганой таково слово:
«А царь ты Костянтинъ Боголюбовъ былъ!
«Какой это калика перехожая?»
Говорптъ тутъ царь Костянтинъ таково слово:
— Эго есте русская калика здѣ. —

«Возьми-ко ты каликушку къ себѣ его,
«Корми-ко ты каликушку да пой его,
«Надай-ко ему ты злата сéребра,
«Надай-ко ему злата ты дóлюби».
Взималъ онъ царь Костянтинъ Боголюбовичъ,
Взималъ онъ тутъ каликушку къ себѣ его
Въ особой-то покой да въ потайныи,
Кормилъ поилъ калику, зрадовáется,
И самъ-то онъ ему воспрогóворитъ:
«Да не красное ль то солнышко порóспекло,
«Не младъ ли здѣ свѣтелъ мѣсяцъ порóзсвѣтилъ?
«Какъ нунечку топеречку здѣ еще
«Какъ намъ еще сюда показался бы
«Какъ старыи казакъ здѣсь Илья Муромецъ.
«Какъ нунь-то есть было топеречку
«Отъ тыи бѣды онъ насъ повыручитъ,
«Отъ тыи отъ смерти безнапрасныи!»
Какъ тутъ это поганое Идолищо
Взимаетъ онъ калику на доспросъ къ себи:
— Да ай же ты калика было русская!
— Ты скажи, скажи калика, не утай себя,
— Какой-то на Руси у васъ богáтырь есть,
— А старыи казакъ есть Илья Муромецъ?
— Великъ ли онъ ростомъ, по многу ль хлѣба ѣстъ,
— По многу ль еще пьетъ зелена́ вина? —
Какъ тутъ эта калика было русская
Началъ онъ калика тутъ высказывать:
«Да ай же ты поганоё Идолищо!
«У насъ-то есть во Кіеви
«Илья-то вѣдь да Муромецъ
«А вóлосомъ да возрастомъ ровны́мъ съ меня,
«А мы съ нимъ были братьица крестовыи,
«А хлѣба ѣстъ какъ по три-то колачика крупивчатыхъ,
«А пьетъ-то зелена вина на три пятачика на мѣдныихъ».

— Да чортъ-то вѣдь во Кіеви-то есть, не богáтырь былъ!
— А былъ бы-то вѣдь здѣ да богáтырь тотъ,
— Какъ я бы тутъ его на долонь-ту клалъ,
— Другой рукой опять бы сверхý прижалъ,
— А тутъ бы еще да вѣдь блинъ-то сталъ,
— Дунулъ бы его во чистó поле!
— Какъ я-то еще вѣдь Идолищо
— А росту двѣ сажени печатныихъ,
— А въ ширину-то вѣдь сажень была печатная,
— Головúщо у меня да что люто лохалищо,
— Глазища у меня да что пивныи чáшища,
— Носъ-отъ вѣдь на рожи съ локоть бы.
— Какъ я-то вѣдь да къ выти хлѣба ѣмъ
— А вѣдь по три-то печи печоныихъ,
— Пью-то я еще зелена вина
— А по три-то ведра я вѣдь мѣрныихъ,
— Какъ штей-то я хлебаю, по я́ловицы есте рус-
скіи [1]). —

Говоритъ Илья тутъ таково слово:
«У насъ какъ у попа было ростовскаго
«Какъ была что корова обжориста,
«А много она ѣла, пúла, тутъ и трёснула,
«Тебѣ-то бы поганому да также быть».
Какъ этыи тутъ рѣчи не слюбилися,
Поганому ему не къ лицу пришли,
Хватилъ какъ онъ ножúщо тутъ кинжáлищо
Со того стола со дýбова,
Какъ бросилъ ёнъ во Илью-то Муромца,
Что въ эту калику перехожую.
Какъ тутъ-то вѣдь Ильи не дойдéтъ сидѣть,
Какъ скоро ёнъ отъ ножика отскакивалъ,
Колпакомъ тотъ ножикъ пріотваживалъ.

---

1) Т. е. въ этихъ щахъ есть цѣлая тёлка.

Какъ пролетѣлъ тутъ ножикъ да мимо-то,
Ударилъ онъ во дверь во дубовую,
Какъ выскочила дверь тутъ съ ободвериной,
Улетѣла тая дверь да во сѝни-ты,
Двѣнадцать тамъ своихъ да татаровей
На мертвѐ убило, дрýго ранило.
Какъ остальнѝ татара проклинаютъ тутъ:
— Буди трою проклятъ, нашъ татаринъ ты! —
Какъ тутъ опять Ильюшѣ не дойдетъ сидѣть,
Скоро онъ къ поганому подскакивалъ,
Ударилъ какъ клюшой ёго въ голову,
Какъ тутъ-то онъ поганый да захамкалъ есть.
Хватилъ затымъ поганаго онъ за ноги,
Какъ началъ онъ поганымъ тутъ помахивать,
Помахиватъ Ильюша, выговариватъ:
«Вотъ мнѣ-ка братцы нуньчу оружьѐ по плечу пришло».
А бьѐтъ-то, самъ Ильюша выговариватъ:
«Крѣпокъ-то поганый самъ на жилочкахъ,
«А тянется поганый, самъ нѐ рвется».
Началъ онъ поганыхъ тутъ охаживать
Какъ этымъ поганымъ Идолищомъ.
Прибилъ-то онъ поганыхъ всихъ въ трѝ часу
А не оставилъ тутъ поганаго на сѝмена.
Какъ царь тутъ Костянтинъ-онъ Боголюбовичъ
Благодарствуетъ его Илью Муромца:
— Благодаримъ тебя ты старыи казакъ Илья Муромецъ!
— Нонь ты насъ еще да повыручилъ,
— А нонь ты насъ еще да повыключилъ
— Отъ тыи отъ смерти безнапрасныи.
— Ахъ ты старыи казакъ да Илья Муромецъ!
— Живи-тко ты здѣсь у насъ на жительствѣ,
— Пожалую тебя я воеводою. —
Какъ говоритъ Илья ёму Муромецъ:
«Спасибо царь ты Костянтинъ Боголюбовицъ!

«А послужилъ у тя столькѝ [1]) я трѝ часу,
«А выслужилъ у тя хлѣбъ соль мяккую,
«Да я у тя еще слово гладкое,
«Да еще увѣтливо да привѣтливо.
«Служилъ-то я у князя Володимера,
«Служилъ я у его ровно тридцать лѣтъ,
«Не выслужилъ-то я хлѣба соли тамъ мяккіи,
«А не выслужилъ-то я слова тамъ гладкаго,
«Слова у его я увѣтлива есть привѣтлива.
«Да ахъ ты царь Костянтинъ Боголюбовицъ!
«Нельзя-то вѣдь еще мнѣ здѣ-ка жить,
«Нельзя-то вѣдь-то было, невозможно есть:
«Оставленъ есть оставешъ *(такъ)* на дорожешки».
Какъ царь-тотъ Костянтинъ Боголюбовичъ
Насыпалъ ему чашу красна золота,
А другую-ту чашу скачна жемчугу,
Третьюю еще чиста сéребра.
Какъ принималъ Ильюшенка, взималъ къ себѣ,
Высыпалъ-то въ карманъ злато сéребро,
Тотъ ли-то этотъ скачный жемчужокъ,
Благодарилъ-то онъ тутъ царя Костянтина Боголюбова:
«Это вѣдь мое-то зарабочее».
Какъ тутъ-то съ цáрёмъ Костянтиномъ роспростилися,
Тутъ скоро Ильюша поворотъ держалъ.
Придетъ онъ на уловно это мѝстечко,
Ажно тутъ Иванищо притаскано,
Да ажно тутъ Иванищо придерзано [2]).
Какъ и приходитъ тутъ Илья Муромецъ,
Скидывалъ онъ съ сéбя платья-ты каличьіи,
Розувалъ лапóтцы семи шелковъ,
Обувалъ на ножки-то сапожки сафьянныи,

---

1) Т. е. только.
2) Т. е. у него платье истаскано и порвано.

Надѣвалъ на ся платьица цвѣтныи,
Взималъ тугъ онъ къ себѣ своего добра́ коня,
Садился тутъ Илья на добра́ коня,
Тутъ-то онъ съ Иваищомъ еще роспрощается:
«Прощай-ко нунь ты сильноё могучо Иванищо!
«Впредь ты такъ да больше не дѣлай-ко,
«А выручай-ко ты Русію отъ поганыихъ».
Да поѣхалъ тутъ Ильюшенка во Кіевъ градъ.

Записано тамъ же, 26 іюля.

49.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Какъ молодой Добрынюшка Микитиницъ
Онъ ходилъ гулялъ по чисту́ полю,
Пріѣзжалъ Добрынюшка къ сыру дубу.
Какъ сидитъ-то вѣдь тутъ на сыромъ дубу,
Сидитъ-то еще сидитъ це́рный вранъ.
Какъ тутъ этотъ Добрынюшка Микитиницъ
Натягивалъ скоро свой онъ ту́гой лукъ
А кла́дывае стрѣлочку каленую,
А хочетъ онъ стрѣлѝть тутъ че́рна ворона.
Воронъ тутъ ему спроязычился
А тымъ этымъ язы́комъ чоловѣческимъ:
«Да ай же ты Добрынюшка Микитиницъ!
«А не стрѣли меня черна ворона,
«Я тебѣ скажу всё поро́зскажу.
«Какъ въ Кіеви ребята есть го́ворятъ:
«Старца-то убить есть не спа́сенье,
«Какъ ворона-то стрѣлить не корысть буде получить,
«Сизымъ перьемъ воронинымъ не натѣшиться,
«Мясомъ те моимъ не наѣстися».
Какъ у того было да у ворона

Полъ конецъ-то крылья были бѣлыи.
Какъ говоритъ-то воронъ таково слово:
«Ай же ты Добрынюшка Микитиницъ!
«А я тебѣ скажу все порóзскажу.
«Ѣдь же ты на гору на высокую
«А на тое на шóломце искатнеё,
«А тамъ-то есть три чудушка три чудныихъ,
«Тамъ-то есть три дивушка три дивныихъ:
«Какъ первое тамъ чудо бѣлы́мъ-бѣло,
«А дру́гое-то чудо красны́мъ-красно,
«А третьеё-то чудо черны́мъ-черно».
Какъ тутъ этотъ Добрынюшка Микитиницъ
Какъ скоро молодецъ самъ пороздумался,
Говоритъ тутъ ворону: «Это правда есть,
«А старца вѣдь убить буде не спáсенье,
«Ворона стрѣлить не корысть буде получить,
«А сизымъ воронинымъ перьемъ мнѣ-ка не натѣшиться,
«Мясомъ мнѣ ёго не наѣ́стися».
Какъ отпускалъ Добрынюшка свой ту́гой лукъ
А вынималъ онъ стрѣлочку каленую,
Самъ-то онъ еще тутъ пороздумался:
— А лучше я поѣду что на гору на высокую,
— На тое-то я шоломцé искатнее,
— Глядпть-то тамъ трп чуда я три чудныихъ,
— Глядить-то я три дивушка три дивныихъ. —
Какъ скоро онъ приправлпвалъ добрá коня,
Тутъ скоры́мъ-скоро, скоро да скорёшенько
Ѣхалъ онъ на гору на высокую
А на тое-то на шоломцé искатнее.
Какъ смотрптъ тутъ Добрынюшка Микптиницъ,
Какъ ино тутъ стоитъ шатёръ бѣлополо́тняной,
Какъ у шатра замокъ былъ булатнiи,
На замку тутъ подпись подписана:
«Кто во шатёръ еще сюды за́ходитъ,

«Тотъ изъ шатра живъ да не вы́ходитъ».
Какъ розгорѣлось ёго сердце богатырское,
Ударилъ кулакомъ по замку-то онъ,
Отпалъ замокъ вѣдь тутъ на сыру землю.
Смотритъ тутъ Добрынюшка Микитиницъ,
А тамъ въ шатрѣ столы были розставлены,
Тамъ въ шатрѣ да ѣствы-ты розложены.
Какъ онъ-то тотъ Добрынюшка Микитиницъ
Не столько молодецъ да вѣдь ѣлъ-то пилъ,
А сколько молодецъ онъ тутъ на́-земь срылъ
А спролилъ молодецъ, во ногахъ стопталъ.
А самъ молодецъ онъ да спать-то лёгъ.
А спитъ онъ молодецъ, проклаждается,
А надъ собой незгодушки не вѣдаетъ.
Изъ далеча тутъ вѣдь изъ чиста́ поля
А пріѣзжатъ Олеша сынъ Поповичъ былъ,
А смотритъ тутъ Олешенька на чудо-то:
Не столько вѣдь да спито, съѣдено,
Сколько спролито да срыто, въ ногахъ притоптано.
А тутъ-то вѣдь Олеша розретивился
А розгорѣлось ёго сердце богатырское.
Занесъ-то онъ востро̀ копьё востры́мъ коньцёмъ,
Хочетъ онъ ударить Добрынюшку въ бѣлу́ю грудь.
За тымъ-то онъ Олёшенька роздумался:
«Не честь-то мнѣ хвала да молодецкая
«А бить-то мнѣ-ка соннаго что мёртваго.
«А лучше сяду на добра̀ коня Добрынина,
«А буду биться, стану я драться ратиться
«Со тымъ съ Добрынюшкомъ съ Микитицомъ,
«А на томъ на добро̀мъ кони Добрыниномъ».
Садился тутъ Олеша на добра́ коня,
А на того добра коня Добрынина,
Какъ ударилъ онъ Добрынюшку тупымъ коньцёмъ,
Тупымъ коньцёмъ ударилъ да востры́мъ копьёмъ,

Ото сну богатырь пробуждается,
На улицу тутъ скоро пометается.
Выскакалъ онъ въ тонкихъ бѣлыхъ чулочкахъ безъ чоботовъ
А въ тонкій бѣлыи рубашкѣ что безъ пояса.
Да тутъ Добрынюшка Микитинищъ
А ухватилъ онъ свою палицу еще богатырскую,
Какъ начали тутъ драться оны ратиться.
Добрынюшка поскакиватъ пѣхотою,
Олешенька тотъ ѣздитъ на добромъ конѣ,
А на томъ на добромъ конѣ Добрыниномъ.
Какъ день бьются оны тутъ не ѣдаючи,
Ночь бьются оны да не пиваючи.
Какъ другой день бьются оны и другу ночь,
Отдоху-то вѣдь тутъ имъ не дается.
А третій день бьются и третью ночь,
Отъ ихъ пополъ-то тутъ еще стукъ да гремъ,
А стала мать земелюшка продрагиватъ.
Какъ этотъ услыхалъ-то стукъ да гремъ
А старыи казакъ тутъ Илья Муромецъ,
Какъ тутъ сидитъ Ильюшенка, самъ думаетъ:
— А й это есте русьскіи богатыри.
— Гдѣ ни-то дерутся оны, ратятся? —
Какъ скоро тутъ Ильюшенка сѣдлалъ добра коня,
Кладывалъ онъ подпруги на подпруги,
А кладываетъ потнички на потнички,
Кладываетъ войлочки на войлочки
А кладыватъ сѣдёлка на сѣдёлышка,
Черкальское сѣдёлко на верёхъ еще,
Ты эты подтяжечки шелковыи,
Кладываетъ, самъ выговариватъ:
— А не для-то мнѣ, братцы, красы басы,
— А не для-то вѣдь было для угожества,
— Для укрѣпы мнѣ богатырскіи. —

Какъ видли что вѣдь молодца да сядучи,
Не видли тутъ удáлаго поѣдучи,
Не знаютъ, во кою сторону уѣхалъ онъ.
Какъ ѣхалъ тутъ Ильюша на круту гору,
На тое-то шóломцё искатнее,
Да ажно тутъ дерутся есть два русскіихъ богáтыря,
Молодой Добрынюшка Микитиницъ
А смѣлыи Олешенька Поповичъ-онъ.
Какъ захватилъ Ильюшенка Добрыню во правýю руку,
Олёшу захватилъ самъ во лѣвую,
А закрычалъ Ильюша во всю голову:
— Ай же вы русійскіе могучіе богáтыри!
— А вы надъ чимъ деретесь да ратитесь? —
Какъ говоритъ Олеша таково слово:
«Ахъ ты старыи казакъ Илья Муромецъ!
«Да какъ-то мнѣ не драться не ратиться?
«Какъ у меня въ шатрѣ были столы тамъ розставлены,
«У меня-то ѣствы вси розложены,
«Какъ этотъ-то Добрынюшка Микитиницъ,
«Не столько онъ Добрынюшка да съѣлъ да спилъ,
«А сколько онъ тутъ спролилъ да нá-земь срылъ,
«На-земь срылъ Добрыня, во ногахъ стопталъ,
«А мнѣ-ка молодцу того-то жаль».
Говоритъ Ильюша таково слово:
— Спасибо ти, Олеша, за своё стоишь. —
Говоритъ Добрынюшки Микитицу:
— Да ахъ же ты Добрынюшка Микитиницъ,
— Крёстóвый братъ ты мой да названыи!
— А ты надъ чимъ дерешься да ратишься? —
«Ахъ ты братъ мой крестовыи названыи,
«А старыи казакъ ты Илья Муромецъ!
«Какъ-то мнѣ не драться да нé ратиться?
«Какъ у ёго у пса у розбойника
«Фальшивая да напись написана:

«Какъ кто въ шатёръ сюды еще за́ходитъ,
«Тотъ съ шатра да живъ тутъ не вы́ходитъ;
«А я хочу-то живъ да повытти есть».
— Спасибо ти Добрыня, на чужомъ дому смѣло по́ступашь. —
А ино вѣдь-то тутъ еще Ильюша воспрого́воритъ:
— А укротите вы да сердцё богаты́рское,
— А назовитесь вы да братьями крестовыма,
— А лучше вы крестамы побра́тайтесь. —
А ёнъ ихъ улести́лъ тутъ уго́ворилъ,
Да тутъ оны не на́чали больше биться ратиться,
Укротили сердцё богатырское.
Какъ тутъ оны крестамы побра́тались,
Назвалися братьямы крестовыма:
Добрынюшка назвался да бо́льшой братъ,
Алёшенька назвался меньшо́й ёму.
Какъ тутъ розошлись порозъѣхались.
Какъ тутъ-то на стольнёй-отъ городъ какъ на Кіевъ градъ
Наѣзжала тутъ погана́ Литва,
Одолѣли что ль поганыи татарева.
На ту пору было на то времячко
Богатырей тамъ дома не случилосе,
Случилось только два русскихъ два бога́тыря,
А молодой Добрынюшка Микитинищъ
Смѣло́й-то Олешенька Поповищъ былъ.
Какъ говоритъ Добрыня таково слово:
«Ахъ же ты Олеша сынъ Поповичъ былъ!
«Сѣдлай-ко ты своего добра́ коня,
«Поѣдемъ мы съ тобой во чисто́ полё
«А станемъ бить поганыихъ татаревей,
«Одолимъ ли тамъ мы погану́ Литву».
Какъ скоро тутъ Добрынюшка сѣдлалъ добры́хъ коней,
Кладывалъ онъ подпруги на подпруги

А потничкы Добрынюшка на потничкы,
Войлочкы что еще на войлочкы,
Сѣделышка еще на сѣделышка,
Черкальское сѣдёлко на верёхъ еще,
Ты эты подтяжечки шелкóвыи,
А кла́дываетъ, самъ онъ выговариватъ:
«Не для-то мнѣ, братцы, красы басы,
«А не для-то вѣдь было для угожества,
«Для укрѣпы мнѣ богатырскіи».
Поѣзжатъ Добрыня, самъ наказыватъ:
«Ахъ же ты моя молода жена,
«Да нунь ты Василиста Микулична!
«Уѣду я вѣдь нунь во чистó полё
«А бить тамъ я поганыихъ татаревей,
«Тую эту тамъ погану́ Литву.
«Какъ пройдетъ поры времечкы три́ году,
«А живъ-то я сюда не появлюсь еще,
«Да тожно ты вѣдь хоть вдовой живи,
«А хоть ли ты тутъ да замýжъ поди,
«Столькы ты не ходи-тко за Олёшенку Поповица».
Какъ видли молодца ёго сядучи,
Не видли тамъ удалаго поѣдучи.
Какъ тутъ этотъ Добрынюшка Микитинецъ
А съ тымъ съ этымъ Олёшенькой Поповицемъ
Ѣхали они тутъ во чистó полё.
Приправливалъ Добрынюшка добра́ коня,
Заѣхалъ въ эту силушку въ серёдочку,
Какъ началъ бить ту силу татарскую;
Олёшенька стоитъ тамъ на чистóмъ поли,
Какъ смотритъ-то онъ на братца ошъ крестоваго,
Какъ бьётся тамъ Добрынюшка Микитинецъ,
Прибилъ-то тотъ Добрынюшка Микитинецъ
Какъ этую ошъ силу всю въ три́ часу.
Какъ смотритъ онъ на брата на крестоваго,

А на того Олёшеньку Поповица,
А смотритъ онъ, глядитъ, думу думаетъ:
«А видно нѣтъ живà да брата-то крестоваго,
«А смѣлаго Олёшеньки Поповича».
Какъ вно вѣдь тутъ самъ Добрынюшка роздумался:
«А видно есте путь моя хорошая».
Какъ тутъ-то онъ поѣхалъ что за славно за синё морё,
Корить-то тамъ языки всё невѣрныи
А прибавлять земельки свято-русскіи.
Прошло тутъ поры времечки трѝ году.
Какъ тутъ этотъ Олешенька Поповичъ сынъ
Приходитъ къ Василисты къ Микуличной:
— Да ахъ ты Василиста Микулична!
— Да я вчера гулялъ на чистóмъ поли,
— А видѣлъ я Добрынюшку убитаго.
— Лежитъ-то онъ головушкой въ ракитовъ кустъ
— А рѣзвыми ногмы́ да во кувыль-траву.
— Поди ты Василиста за меня замужъ. —
Какъ говоритъ промолвитъ таково слово
А тая Василиста Микулична:
«Ай же ты Олешенька Поповичъ сынъ!
«Исполнила я заповѣдь мужнюю,
«Прошло нынь поры времечки трѝ году;
«Исполню я-то заповѣдь свою еще.
«А пусть-ко станетъ поры времечки шесть годовъ,
«Тожно тутъ я вѣдь замýжъ пойду».
Опять прошло тутъ времечки трѝ году.
Какъ началъ тутъ Олешенька подхаживать
А со тынмъ со княземъ со Владиміромъ:
— Да ахъ ты Василиста Микулична!
— А я вчера гулялъ на чистóмъ поли,
— А видѣлъ у Добрынюшки что косточки ростасканы. —
Какъ вно тутъ тая Василиста Микулична
Тутъ она еще пороздумалась:

«Исполнила я заповѣдь мужнюю,
«Исполнила я заповѣдь свою-то я,
«А нѣтъ жива̀ Добрынюшки Микитица,
«А не видать сюда ёго появится».
Пошла тутъ за Олешеньку Поповича.
Какъ тамъ это Добрынюшка Микитинищъ
За тыимъ за славнымъ за синѝмъ моремъ,
А тамъ онъ-то Добрыня на чистóмъ поли,
На чистóмъ поли Добрынюшка, въ бѣлóмъ шатри
А самъ онъ молодецъ забавляется,
Играетъ онъ въ доски-ты шахматны
А въ дóроги тавлеи золочёныи,
А надъ собой незгодушки не вѣдаетъ,
Какъ тутъ-то вѣдь ёго молода жена,
А тая Василиста Микулична,
Какъ тутъ она скорó да замýжъ пошла,
А за того Алёшеньку Поповица.
Какъ налеталъ тутъ голубъ со голубкою
А къ тому къ Добрынюшки къ Микитицу,
Садились на шатёръ на окошечко,
Началъ голубъ по окошечку пóхаживать,
А началъ онъ тутъ голубъ погуркивать,
Началъ онъ затымъ выговаривать,
А звѣщевалъ язы́комъ человѣческимъ:
— Ахъ же ты Добрынюшка Микитиничъ!
— Играешь ты въ доски во шахматы,
— Въ дóроги тавлеи золочёныи,
— Играшь, самъ молодéцъ ты проклаждаешься,
— А надъ собой незгодушки не вѣдаешь,
— А я тебѣ звѣщýю провѣщýю есть.
— Какъ есть-то вѣдь твоя молода́ жена,
— Молода́ жена любима́ семья,
— Какъ есть-то вѣдь ужъ нунечу замýжъ пошла
— За того Олешку за Поповича. —

Скóчилъ тутъ Добрыня на рѣзвы́и ноги,
Со той со досады со великіи
Какъ бросилъ эту доску онъ ша́хматню
О тую о матушку о сыру́ землю,
Мать-то что земелюшка продрогнула.
А выходилъ тутъ Добрыня со бѣла́ шатра
А самъ скоро̀ сѣдлалъ онъ добра́ коня,
Сѣдлатъ-то онъ коня и выговариватъ:
«Ай же ты мой вѣдь ужъ добрый конь!
«Какъ нёсъ меня сюды да ты три́ году,
«Неси́-тко нунь домой меня по три́-то дня
«Во сто́льнёй-отъ какъ городъ во Кіевъ градъ».
Садился самъ скоро на добра́ коня,
Скоры́мъ скоро̀, скоро́ скорешенько,
Поѣхалъ тутъ Добрыня зъ-за синя́ моря.
Пошолъ тутъ, поскакалъ его доброй конь,
Рѣки-ты ль озёра перескакивалъ,
А темной онъ тотъ лѣсъ промежъ ногъ пустилъ,
А синёё онъ морё на око́лъ бѣжалъ.
Пришолъ-то, прискакалъ ёго добрый конь во три-то дни
Во стольнёй-отъ во городъ во Кіевъ градъ.
Выскака̀лъ тутъ Добрыня со добра́ коня,
Насыпа̀лъ коню тутъ пшены бѣлояровой,
А скоро самъ онъ шолъ по новы́мъ сѣнямъ,
Заходилъ въ свою въ горенку во новую,
А крёстъ онъ кла́дывае по писа́ному,
Поклонъ-то ужъ ве́лъ по учёному,
На вси тутъ на четыре сторонушки,
А ро́дной своёй матушки въ особину:
«Ай здравствуй-ко моя ты ро́дна матушка!»
Матушка она тутъ прослези́лася,
А матушка она тутъ поросплакалась:
— Ахъ же ты уда́лой доброй молодецъ!
— А что ты надъ старушкой надсмѣхаешься! —

Какъ говоритъ Добрыня таково слово:
«Видно, матушка, ты меня не узна́ла есть».
Она опять на то ёму отвѣтъ держитъ:
— Ахъ же ты удалой доброй молодецъ!
— Какъ у моёго милаго у дитятка,
— А у того Добрынюшки Микитица,
— На ёмъ были платьица все цвѣтныи,
— А нунь-ка на тебѣ всё платьица лосиныи,
— А лосиныи платья всё звѣриныи. —
«Да ай же ты моя родна матушка!
«Какъ видно ты меня не узнала есть».
Говоритъ старушка таково слово:
— Ахъ же ты удалой доброй молодецъ!
— Подойди къ старушки поблизёшенько, —
— А у моёго у милаго у дитятка
— Была-то вѣдь зна́дёбка родимная,
— А былъ-то на головки рубечёкъ-то есть. —
Какъ онъ скоро Добрынюшка подхаживалъ
А ко тыи старушки да ко древныи,
Какъ тутъ эта́ старушка да пощупала,
Ажно было тутъ да до правды-то,
А есть тамъ была зна́дёбка родимная.
Какъ тутъ она старушка взрадова́лася,
Сама она съ сынкомъ тутъ поздоровкалась.
Какъ говоритъ Добрыня таково слово:
«Да ай же ты моя родна матушка!
«А гдѣ-то есть моя молода́ жона,
«Тая Василиста Микулична?»
Какъ говоритъ старушка таково слово:
— Да ай же ты дитя моё милоё!
— Твоя-то нунычу есть молода жона,
— Молода жона да заму́жъ пошла
— За того Алёшу за Поповича. —
Какъ говоритъ Добрыня таково слово:

«Да ахъ же ты моя ль родна матушка!
«Поди-ко есть во по́гребы глубокіи,
«Неси ты мнѣ гусёлышка яровчаты.
«Я пойду къ Олёшѣ на почестный пиръ,
«На тую на свадебку великую».
Какъ тутъ-то вѣдь старушенька скоры́мъ скоро
Бѣжала какъ во погребы глубокіи,
Взимаетъ тамъ гусёлышка яровчаты,
А ты э́тыи гусёлка да были еще ровно сорокъ пудъ.
Идётъ она старушка попирается,
Подаватъ Добрынюшки гусёлышка.
Взимаетъ тутъ Добрынюшка Микитинецъ
А ты э́ты гусёлка всё яровчаты,
Самъ скоро Добрынюшка справляется,
А скоро молоде́цъ наряжается
Скорой малой смѣлой скоморошиной.
Приходилъ Добрыня на почестный пиръ
А на-то столованьё на великоё.
Становился тутъ Добрыня ко по́рогу,
Повёлъ онъ по гусёлышкамъ яровчатымъ,
Заигралъ Добрыня по унылынёму,
По унылынёму по умильнёму.
Какъ вси-то вѣдь ужъ князи и боя́ра-ты
А ты э́ты русійскіи бога́тыри
Какъ вси они тутъ пріослушались.
За́ тымъ за́игралъ Добрыня по весёлому;
Стало красно солнышко при ве́чери,
А сталъ-то тутъ почестный пиръ при ве́сели.
Какъ вси-то они тутъ да наѣдалисе,
А вси-то они тутъ да напивалисе,
Стали тутъ они да пьянёшеньки.
Игратъ-то всё Добрыня по весёлому;
Какъ вси они затымъ тутъ розскакалисе,
Какъ вси они затымъ вѣдь росплясалисе,

А скачутъ пляшутъ вси промежу́ собой,
А ничего оны тутъ не вѣдаютъ.
Какъ говоритъ тутъ князь стольнё-кіевской:
— Да ай же ты удалой добрый мо́лодецъ!
— Незнаёмъ мы теби да ни имени,
— Не знаемъ мы теби ни изотчины,
— Царь ли ты есть ли царевичъ здѣсь,
— Аль король ты да вѣдь королевичъ есть,
— Али съ тиха́ Дону́ ты донской казакъ,
— Аль грозной есть посолъ ляховитскій? —
«Не царь-то я вѣдь, не царевичъ былъ,
«А не король-то я, не королевичъ былъ,
«Не есть съ тиха Дону́ не донской казакъ,
«Не грозной я посолъ ляховитскій,
«Какъ есть-то я зъ-за славна зъ-за синя́ моря
«А скора мала смѣла скоморошина».
Какъ князь-то тутъ ему воспрого́воритъ:
— Ахъ скора мала смѣла скоморошина!
— А чимъ-то намъ тебя буде жаловать
— А за эту игру за умильнюю?
— Города ль теби набъ съ пригородками,
— Али села да ти набъ со приселками,
— Аль много набъ безсчотной золотой казны?—
Какъ онъ-то вѣдь на то имъ отвѣтъ держитъ:
«Да ахъ же ты да князь стольнё-кіевской!
«Не набъ мнѣ городовъ съ пригородками,
«Не набъ-то мнѣ-ка селъ-то съ приселками,
«Не набъ-то мнѣ безсчотной золотой казны, —
«А у меня своёй есте до́любви.
«А столько-то вы мнѣ позвольте-ко:
«Налейте мнѣ-ка чару зелена́ вина».
Какъ тутъ-то ему князь воспрого́воритъ:
— Скора мала смѣла скоморошина!
— Что угодно надо, то мы сдѣлаёмъ. —

Какъ налили тутъ чару зелена вина,
Подносятъ тутъ Добрынюшки Микитицу.
Какъ этотъ-то Добрынюшка Микитичъ-онъ
Спустилъ-то онъ туды свой злачонъ перстень,
А въ этую-то чашу княженецкую,
Конмъ перстнёмъ оны обручалися
Со той съ Василистой съ Микуличной.
Подноситъ эту чашу княженецкую
А той да Василисы Микуличной,
Подноситъ, самъ Добрынюшка спрогóворитъ:
«Ай ты Василиста Микулична!
«А пей-ко ты чару зелена́ вина
«Отъ малой смѣлой ты да скоморошины.
«А пей-ко ты до дна — дакъ увидашь добра,
«А не пьешь до дна — дакъ не видашь добра».
Она тутъ Василиста Микулична
Маленько же она тутъ догадалася.
А сколько ни-то пи́ла, остатки на́-зень ли́ла-то,—
Какъ взглянетъ въ эту чашу княженецкую,
Ажно тамъ лежитъ да злачонъ перстень.
Какъ смотритъ-то она на перстень тутъ,
А на перстню́ тутъ подпись подписана,
Конмъ перстнёмъ оны обручалисе
Со тынмъ съ Добрынюшкомъ съ Микитицомъ.
Какъ тутъ-то да Василиста-та Микулична
А й выскака́ла зъ-за стола княженецкаго,
Какъ говоритъ она тутъ таково слово:
— Не тотъ-то вѣдь мужъ, кой подли́ меня,
— А тотъ-то вѣдь мужъ, кой насупротивъ меня.—
Клонится Добрыни поклоняется,
Сама она ёму извиняется:
— Ай же ты Добрынюшка Микитиницъ!
— Исполнила я заповѣдь твою-то я,
— А другую исполнила свою-то я,

— А тожно вѣдь я тутъ замýжъ пошла
— А за того Олешку за Поповича. —
Какъ говоритъ Добрынька таково слово:
«Да ай же Василиста ты Микулична!
«Когда-то ты исполнила да заповѣдь свою, —
«За твою я заповѣдь тебѣ прощу.
«Не исполнила бы заповѣдь свою-то ты,
«Отсѣкъ бы я головку тебѣ буйную.
«Пошла ты за Олешку за Поповича, —
«Дакъ я тебѣ еще за то прощу».
Какъ тутъ затымъ Добрынюшка Микитинычъ
Хватилъ-то онъ Олёшу за желты́ кудри,
А выдернулъ съ кормана плеть шелко́вую,
Какъ началъ онъ Олёшку ёго чёстовать
А началъ онъ хлыстать его Олёшеньку,
А бьетъ-то онъ тутъ, хлыщетъ, выговариватъ:
«А каково Олёшка ти жениться здѣсь,
«Отъ живого мужа же́на о́тлучать!»
Какъ кле́нется Олёшка проклинается:
— А будетъ трою проклятъ на вѣку тотъ былъ,
— Кто станетъ будетъ эдакъ-то женитися,
— Отъ живого мужа же́на о́тлучать. —
Какъ нахлысталъ Добрынюшка его тутъ до́любил,
А до́любил Добрыня ёго до́сыти,
Какъ со стыду со страму со вели́кого
А тутъ этотъ Олёшенька Поповичъ-онъ
Уѣхалъ онъ безвѣстно, не знаютъ гдѣ.

Записано тамъ же, 27 іюля.

50.

НѢПРА И ДОНЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 32).

Какъ тотъ ли этотъ князь стольнё-кіевской
А сдѣлалъ онъ задернулъ свой почёстный пиръ.
Какъ вси-то къ ему на пиръ собиралиси,
Вси тамъ на пиру наѣдалися,
Какъ вси тамъ на пиру напивалися,
Стали тамъ оны вси пьянёшеньки
А стали вси оны веселешеньки,
Князи вси бояра-то русійскіи
А тын-ты могучи вси богáтыри,
Какъ вси-то они вѣдь тамъ росхвастались.
Какъ тутъ была еще межý има
А тая эта Нѣ́пра королевичпа.
Какъ-то тая Нѣпра королевична
Какъ говоритъ промолвитъ таково слово:
«А нѣту здѣ стрѣльцовъ добрыхъ мóлодцовъ
«Протúво меня Нѣ́пры королевичной!
«Силою да нѣту ухваткою
«Противъ стараго казáка Ильи Муромца,
«А красотою еще было угожествомъ
«Противо вѣдь Михайлы Пóтыка Иванова,
«А тишиною говоромъ смиреньицомъ
«Противо-то Добрынюшки Микитица,
«А нѣту-то видь еще богачествомъ
«Противъ-то вѣдь Дюка Степанова,
«А нѣту-то да вѣдь смѣлостью
«Противо смѣлаго Алешеньки Поповича,
«Поступкою походкою пощапкою
«Противо-то Чурилки щапа[1]) Плёнкова».

---

1) *Щапъ* — щеголь, *пощапка* — щегольство.

Сама она еще не спохва́лила
А тихаго вѣдь Дона-то сына Иванова,
А своёго-то мужа любимаго.
Какъ тихіи тутъ Донъ сынъ Ивановичъ
А говоритъ промолвитъ таково слово:
— Ай же ты да Нѣ́пра королевична!
— Когда же ты охвоча-то была уда́лая
— Стрѣлять-то было стрѣлочокъ каленыихъ,
— Подёмъ-ко мы съ тобо́й на чисто́ поле,
— Ста́немъ стрѣлять стрѣлочокъ каленыихъ,
— Который вѣдь стрѣли́тъ видняе-то? —
Какъ тутъ-то тая Нѣпра королевична
Взимаетъ тутъ-то ножичокъ булатныи,
Какъ тое-то колечушко серебряно,
Относитъ что за версту за мѣрную,
Натянула тутъ она свой да ту́гой лукъ
А клала ёна стрѣлочку каленую,
Стрѣли́ла тутъ за версту за мѣрную,
Попадала въ колечко-то серебряно,
И росколола ёна стрѣлочку равны́мъ равно,
Да равнымъ то равно стрѣлку на́ двое.
А клали половинки на вѣсы они,
Нико́я никоёй не перетягиватъ.
Какъ тихіи тутъ Донъ сынъ Ивановичъ,
Розгорѣлось ёго сердце богатырское,
Какъ скоро натянулъ свой онъ ту́гой лукъ,
Кладыва́етъ стрѣлочку каленую.
Какъ началъ тутъ Донъ сынъ Ивановичъ,
Началъ-то онъ стрѣлочкой помахивать
А началъ вѣдь-то самъ выговаривать:
— Ай же ты моя любима́ калена́ стрѣла!
— Пади же ты не на́ воду, не на́ землю,
— А ты пади ко Нѣ́пры королевичной,
— А ты пади же ёй во бѣлу́ю грудь. —

Какъ тутъ-то тая Нѣпра королевична,
Какъ тутъ-то вѣдь она да прослезилася
А тутъ-то вѣдь она поросплакалась:
«Ахъ тихій ты Донъ сынъ Ивановичъ!
«А не стрѣлй-тко мéня Нѣпры королевичной.
«Да несу я ти сына любимаго,
«А по колѣнъ-то ноженки во сéребри,
«А по локóть-то рýченьки во золоти,
«А по косицамъ пекутъ будто звѣздышки,
«На зади-то возсіятъ будто свѣтёлъ мѣсяцъ,
«Впереди-то какъ будто солнышко».
Какъ розгорѣлось ёго сердце богатырское,
А ничего тутъ онъ вѣдь не послѣдовалъ.
Какъ скоро онъ стрѣлúлъ ю во бѣлýю грудь,
Какъ пала тутъ она на сырý землю,
Облилась óна кровью тутъ горючею.
Какъ тихій тутъ Донъ сынъ Ивановичъ
Взимаетъ онъ ножищо тутъ кинжалищо,
Ино ль то вѣдь еще правда ль есть?
Пласталъ-то онъ вѣдь ёй да бѣлýю грудь.
Какъ было-то вѣдь тутъ да до правды бы:
Засíянъ-то вѣдь во чреви тотъ сынъ-то былъ,
По колѣнъ-то ноженки во сéребри,
А по локóть-то рýченьки во золоти,
Назади просвичатъ будто свитёлъ мѣсяцъ,
Впереди еще какъ тамъ солнышко.
Какъ взялъ это ножищо онъ кинжалищо,
Становилъ онъ-то ножикъ вѣдь супротивъ себя,
А становилъ онъ ножикъ, выговаривалъ:
— Да куды пала́ головка бѣлой лебеди,
— А тутъ пади головушка сѣра́ гуся. —
Палъ онъ на ножищо тутъ кинжалищо,
Да тутъ-то вѣдь имъ пришла е горька́я смертъ.
Какъ отъ ихъ-то отъ крови отъ крéстьянскія,

Отъ крестьянскіи крови безпапрасныи,
Какъ протекала тутъ да Нѣпра́ рѣка.
Въ глубину рѣка двадцати сажонъ,
А въ ширину рѣка сороки́ саженъ *(такъ)*.
Только-то вѣдь Донушку славу поютъ,
А той ли этой Нѣпры королевичной.
Тутъ-то ихъ да жительство рѣшилоси.

Записано тамъ же, 26 іюля.

51.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ [1]).

(См. Рыбникова, т. I, 33).

А й Иванушко, Иванушко Годиновичъ,
А поѣзжае что Иванушко женитися,
А къ гостю къ купцю еще Ми́тріищу,
А за то за славное за синё море:
«Да ахъ же ты мой родной дядюшка,
«А стольнёй ты князь да Владимеръ нашъ!
«А пожалуйте позвольте-то мнѣ-ка-ва,
«Ино силы мнѣ-ка сорокъ тысячей.
«А еще-то вы мнѣ-ка пожалуйте;
«А любезный ты мой еще дядюшка,
«А дру́го казны ты сорокъ тысячей».
Какъ тутъ-то вѣдь князь стольнё-кіевской
А даватъ ему силы сорокъ тысячей,
А дру́го какъ денегъ сорокъ тысячей.
А тутъ-то Иванушко Годиновичъ,

---

1) Прослушавъ эту былину, Иванъ Фепоновъ (см. ниже, XIII) замѣтилъ, что и самъ се пѣвалъ въ прежнее время, съ тою только разницею, что Иванъ Годеновичъ (такъ онъ произносилъ это имя) не взялъ предложенной ему Владиміромъ силы 40 тысячей и казны, а выпросилъ себѣ только въ товарищи одного «Ефимка паромка».

А поѣхалъ онъ Иванушко женитися
А къ гостю къ купцю онъ тутъ къ Ми́тріищу,
А пріѣзжаетъ тутъ Иванушко Годиновичъ
А къ гостю къ купцю онъ тутъ къ Ми́тріищу,
А го́воритъ промолвитъ таково слово:
«А гость ты купецъ да еще Ми́тріищо!
«А есте какъ у тя да есть любе́зная дочь,
«А тая эта Марья Митріёвична,
«А отдай-ко ты повыдай за мени́ замужъ,
«А за Ивана, за Ивана за Годиновича».
А говоритъ ёму Митрій таково слово:
— А Иванушко, Иванушко Годиновичъ!
— А выдалъ бы Марью Митріёвичну,
— А выдалъ бы повыдалъ за тебя замужъ;
— А у меня Марьюшка просватаная
— За царя за Кощега за Трипе́товича,
— Не повыдамъ я, Иванъ, за тебя замужъ. —
Ско́чилъ тутъ Иванъ на рѣзвы́ ноги,
Хватилъ-то онъ ножи́ще тутъ кинжа́лище.
Какъ ударилъ тутъ Иванъ да во дубовый столъ,
А ушолъ тутъ ножикъ да до черсня.
А говоритъ Иванъ тутъ таково слово:
«Ты съ добра мнѣ отдашь, дакъ я добро́мъ возьму,
«А съ добра не отдашь, дакъ я сило́мъ возьму».
Какъ скочилъ тутъ Иванъ на рѣзвы́ ноги
А взиматъ-то онъ Марью Митріёвичну,
А взиматъ ю за руценки за бѣлыи
А за́ тыи за перстни за злаченыи.
Да какъ тутъ-то Иванушко Годиновичъ
А поѣхалъ пазадъ да въ свою сторону,
А ѣдетъ тутъ Иванъ по чисту́ полю,
А ѣхалъ онъ отъѣхалъ далецёшенько.
Какъ говоритъ тутъ Иванъ да таково слово:
«А рать же вы силушка великая,

«А ѣдьте-то вы топери съ извѣстьицемъ
«А ко́ моему ко ро́дному ко дядюшкѣ,
«А къ стольнёму князю ко Владимі́ру:
«А взята у насъ Марья Митріёвична,
«А взята-то, взята, мы сило́мъ да везёмъ».
Какъ ратная силушка великая
Да какъ тутъ-то она отправлялась,
А скорѣ́мъ-то скоро̀, скоро̀ скорёшенько,
А ко тому ко городу ко Кіеву
А къ стольнёму князю ко Владимі́ру.
Какъ тутъ тотъ Иванушко Годиновичъ
Ино хочетъ онъ съ Марьей позабавиться,
А началъ забавляться на чисто́мъ полѣ,
А на чисто́мъ-то поли да во бѣло́мъ шатри.
А живетъ тутъ молоде́цъ, забавляется,
А надъ собой незгодушки не вѣдаетъ.
А на ту́-то пору́ да на то времячко
Пріѣзжаетъ Кощей да сынъ Трипе́товичъ
А къ гостю къ купцю еще къ Ми́тріищу
А за Марьей-то, за Марьей Митріёвичной.
Какъ говоритъ спромолвитъ таково слово:
— Ахъ ты гость, ты купецъ да еще Ми́тріищо!
— А ты скажи, скажи да не утай себя:
— А гдѣ у тя Марья Митріёвична? —
Какъ говоритъ промолвитъ таково слово
А гость-отъ купецъ да еще Ми́тріищо:
«А царь ты Кощегъ сынъ Трипе́товичъ!
«А тая эта Марья Митріёвична
«Увезена у Иванушка Годиновица,
«А взята-то, взята за себя замужъ».
Какъ царь тутъ Кощегъ сынъ Трипе́товичъ
А скоро-то онъ вѣдь снаряжается,
А скоро за Иваномъ отправляется,
А скоро за Иваномъ вслѣдъ съ угоною.

Какъ засталъ-то ёнъ Ивана на чистóмъ поли,
А на чи́стоемъ полюшки въ бѣлóмъ шатри,
А съ той съ этой Марьей Митріёвичной.
Да увидалъ тутъ Иванушко Годиновичъ
А царя того Кощега да Трипе́товича, —
Не дóйде тутъ Иванушку вѣдь бóльше сидѣть.
Скочилъ тутъ Иванъ на рѣзвы́ ноги,
А начали тутъ биться бóны ратиться
А со царёмъ со Кощегомъ со Трипе́товичемъ;
Да побилъ тутъ Иванушко Годиновичъ
А царя да Кощега что Трипетовича,
А побилъ его, сбилъ на сыру землю,
А сѣлъ-то тутъ Иванъ да на бѣлу́ю грудь
А къ царю къ Кощегу къ Трипе́товичу.
А на ту-то пору да на то времечко
А ножища при себи да не случилосе.
А говоритъ Иванъ тутъ таково слово:
— Ай ты Марья, ты Марья Митріёвична!
— А дай-ко ты ножищо мнѣ кинжалищо
— А пластать мнѣ Кощегу бѣла́я грудь,
— А вынять что сердечушко су печенью *(такъ)*,
— А розрыть, роскидать по чисту́ полю. —
А говоритъ Кощегъ тутъ таково слово:
«Ай ты Марья же, Марья Митріёвична!
«А не давай-ко ты Иванушку ножи́ща того,
«А ножища-то ножища ты кинжалища.
«Дай я теби скажу да все поро́зскажу,
«А поди-ко ты Марья за меня замужъ,
«Дакъ будешь станешь слыть ты царицею;
«А не ходи-ко ты за Иванушка Годиновича.
«Да если ты да вѣдь пойде́шь за его,
«Дакъ будешь ты тамъ слыть да во портомойницахъ
«А у стольняго князя у Владиміра».
Какъ этая тутъ Марьюшка роздумаласе:

— А что мнѣ-ка слыть да въ портомойницахъ,
— А лучше мнѣ слыть буде царицею. —
Какъ тутъ-то она да вѣдь подумала;
Говоритъ опять Кощегъ таково слово:
«Да ай же ты Марья Митріёвична!
«А тащи-ко ты Ивана за желты́ кудри,
«А со тыхъ со моихъ со бѣлы́ихъ грудей».
Какъ тая тутъ Марья Митріевична
Какъ хватила тутъ Ивана за желты́ кудри,
А тащила тутъ его да со бѣлы́ихъ грудей
Со царя со Кощега со Трипе́товича.
Какъ ино тутъ оны да его Иванушка Годиновича
Да связали тутъ Ивану бѣлы рученьки,
А связали-то Ивану рѣзвы ноженьки,
Какъ бросили Ивана тутъ подъ сы́рой дубъ.
Да тутъ царь-то Кощегъ да сынъ Трипе́товичъ
А началъ онъ съ Марьей забавлятися.
Да на ту-то пору да на то времячко
А налеталъ налеталъ да тутъ-то че́рной вранъ,
Садился тутъ воронъ на сы́рой дубъ
А за́крычалъ воронъ громкимъ голосомъ,
А сироязы́чился язы́комъ человѣческимъ,
А крычитъ говоритъ онъ таково слово:
— А не владѣть этой Марьей Митріёвичной
— А царю да Кощегу да Трипе́товичу,
— А владѣть этой Марьею Митріевичной
— А тому да Иванушку Годиновичу! —
А царь тутъ Кощегъ сынъ Трипе́товичъ
Услыхалъ ворони́но звѣщова́ніё,
Да хватилъ-то онъ скоро свой ту́гой лукъ
А кладываетъ стрѣлочку калёную,
А стрѣли́лъ-то онъ въ це́рнаго во ворона,
А стрѣли́лъ-то, стрѣли́лъ да не попалъ въ ёго.
А полетѣлъ-то тутъ воронъ далечи́мъ далеко,

А улетѣла тая стрѣлка по подóблачью.
А зашолъ тутъ Кощегъ да во бѣлóй шатеръ,
А надъ собой незгодушки не вѣдаетъ.
Какъ эта стрѣла да тутъ калéная
А обвернулася стрѣла назадъ обратно есть,
А пала тутъ стрѣла да на бѣлóй шатёръ,
А пала попала въ буйну голову
А царю да Кощегу Трипéтовичу.
Да тутъ-то вѣдь царь Кощегъ сынъ Трипéтовичъ
А палъ-то онъ на матушку сыру землю,
А облился онъ кровью горючею, —
А только тутъ Кощегушку славы́ поютъ.
Какъ тая эта Марья Митріёвична
А взимала въ руки сабелку вострую,
А начала сабелкой помахивати,
А начала тутъ Марья выговаривати:
«Какъ у женщинъ-то вѣдь да какъ ну́нечку
«А волосъ-то дологъ да вѣдь у́мъ коротокъ.
«А й отъ бéрежка я теперь откáчнулася,
«А къ дру́гому какъ я не прикáчнулася.
«А отсѣчь мнѣ Ивану буйна гóлова».
Какъ говоритъ Иванъ тутъ таково слово:
— Ай ты Марья, ты Марья Митріёвична!
— А не сѣки́-тко ты мни да головушки,
— А топеречка нунь я въ безвремяньицѣ,
— А лучше ты поди да за меня замужъ.
— А столько-то я еще да вѣдь ужъ тебя,
— Да за эту вину да за великую,
— А дамъ я ти три гро́зы небóльшенькія. —
Да какъ тутъ она Марьюшка роздумалася:
«А первую онъ грозу мнѣ-ка-ва даётъ,
«А перву даетъ, дакъ я вѣдь годъ про́живу,
«А дру́гую даетъ, дакъ я дру́гой про́живу,
«А тре́тью даетъ, дакъ я вѣкъ про́живу.

«А отвяжу я-то Ивана отъ сырá дуба,
«Отвяжу-то ему да бѣлы рученьки,
«А отвяжу ему рѣзвы ноженьки».
Отвязала тутъ Ивана отъ сырóго дубá,
А розвязала тутъ ему бѣлы рученьки,
Розвязала тутъ ему рѣзвы поженьки.
Да какъ сталъ тутъ Иванъ на рѣзвы́ ноги,
А взимаетъ въ руки сабелку вострую,
Да отсѣкъ ей по колѣнъ тутъ рѣзвы ноженьки,
А потомъ да отсѣкъ да бѣлы рученьки:
— А этыхъ мнѣ-ка ноженёкъ не надобно,
— Охапляли какъ поганаго татарина.
— А этыхъ мнѣ-ка рученекъ не надобно,
— Обнимали какъ поганаго татарина. —
Да отсѣкъ-то ей еще тутъ губушки:
— А этыхъ мнѣ-ка губушекъ не надобно,
— А цѣловали что поганаго татарина. —
А только Марьи и Кощéгу славы́ поютъ.
А тутъ-то Иванушко Годиновичъ
Пошолъ-то одинъ да добрый мóлодецъ,
А одинъ-то одинъ да единéшенёкъ.
А пришолъ тутъ Иванъ да во Кіевъ градъ
А ко своему ко рóдному ко дядюшки,
А ко тому ко князю ко Владимíру,
А пришолъ-то онъ пришолъ да не привёлъ никого,
А розсказалъ незгодушку великую
А стольнёму-то князю да Владимíру:
— Да ай же ты родной мой дядюшка,
— А стольнёй ты князь да есть Владимíръ нашъ!
— А надо мной была незгода тамъ великая:
— Я покончилъ да царя да Кощега тамъ,
— А царя да Кощега Трипéтовича;
— А Марья была провинилася,
— А сдѣлала вину она великую,

— Да тамъ я Марьюшку покончилъ ю,
— А отсѣкъ-то я ей рѣзвы ноженьки,
— А отсѣкъ я потомъ да бѣлы рученьки,
— А во третьихъ отсѣкъ ей губушки. —
Ино тутъ имъ и славы́ поютъ.

Записано тамъ же, 27 іюля.

52.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ.

А й старыи казакъ онъ Илья Муромецъ,
А говоритъ Ильюша таково слово:
«Да ай же мои братьица крёстовыи,
«Крёстовыи-то братьица названыи,
«А молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
«Молодой Добрынюшка Никитиничъ!
«А ѣдь-ко ты Добрыня за синё море,
«Кори-тко ты язы́ки тамъ невѣрныи,
«Прибавляй земельки Святорусскіи.
«А ты-то ѣдь еще Михайлушка
«Ко тыи ко корбы́ [1]) ко темныи,
«Ко тыи ко грязи́ ко черныи,
«Кори ты тамъ язы́ки все невѣрныи,
«Прибавляй земельки Святорусскіи.
«А я-то видь старикъ да постарше васъ,
«Поѣду я во дале́чо еще во чисто́ поле,
«Коритъ-то я язы́ки тамъ невѣрныи,
«Стану прибавлять земельки Святорусскіи».
Какъ тутъ-то молодцы да порозъѣхались.

---

1) Что такое *корба*, пѣвецъ въ точности не зналъ, но сказалъ, что по его соображенію это должно значить лѣсъ.

Добрынюшка уѣхалъ за синё морё,
Михайла ёнъ уѣхалъ ко корбы́ ко темныи,
А ко тыи ко грязи́ ко черныи,
Къ ца́рю онъ къ Вахрамѣю къ Вахрамѣеву.
Ильюшенька уѣхалъ во чисто́ поле,
Корить-то тамъ язы́ки всё невѣрныи
А прибавлять земельки Святорусскіи.
Пріѣхалъ тутъ Михайло сынъ Ивановъ-онъ
А на тоё на да́лечо на чисто́ полё,
Роздёрнулъ тутъ Михайлушка свой бѣлъ шатёръ,
А бѣлъ шатёръ еще бѣлополо́тняной.
Тутъ-то онъ Михайлушка роздумался:
— Не честь-то мнѣ хвала молодецкая
— Ѣхать молодцу мнѣ-ка томному,
— А томному молодцу мнѣ голодному;
— А лучше молодецъ я поѣмъ, попью. —
Какъ тутъ-то вѣдь Михайла сынъ Ивановичъ
Поѣлъ, попилъ Михайлушка, покушалъ онъ,
Самъ онъ молодецъ тутъ да спать-то лёгъ.
Какъ у того царя Вахрамѣя Вахрамѣева
А была жила тамъ да любезна дочь,
А тая эта Марья лебедь бѣлая.
Взимала она трубоньку подзорнюю,
Выходитъ что на выходы высокіи
А смотритъ какъ во трубоньку подзорнюю
Во далечо она во чисто полё;
Углядѣла усмотрѣла во чисто́мъ поли,
Стоитъ-то тамъ шатёръ бѣлополо́тняный,
Стоитъ тамъ шатёръ еще сма́хнется,
Стоитъ шатёръ тамъ еще розма́хнется,
Стоитъ шатёръ еще вѣдь ужъ со́йдется,
Стоитъ шатёръ тамъ еще розбо́йдется.
Какъ смотритъ эта Марья лебедь бѣлая,
А смотритъ что она, еще думу думаетъ:

«А это есте здѣ да русьскій бога́тырь же».
Какъ бросила тутъ трубоньку подзорнюю,
Приходитъ тутъ ко ро́дному ко батюшку:
«Да ай же ты да мой ро́дной батюшко,
«А царь ты Вахрамѣй Вахрамѣсвичъ!
«А далъ ты мнѣ прощенья благословленьица
«Летать-то мнѣ по тихіимъ за́водямъ,
«А по́ тымъ по зеленыимъ по за́тресьямъ,
«А бѣлой лебедью три́ году.
«А тамъ я налеталась нагулялася,
«Еще вѣдь я наволевалась[1])
«По тыимъ по тихіимъ по за́водямъ,
«А по́ тымъ по зелёныимъ по за́тресьямъ.
«А нуньчу вѣдь ты да позволь-ко мнѣ
«А дру́го ты еще мнѣ-ка три́ году
«Ходить гулять-то во да́лечемъ мии во чисто́мъ поли,
«А красной мнѣ гулять еще дѣвушкой».
Какъ онъ опять на то ёй отвѣтъ держитъ:
— Да ахъ же ты да Марья лебедь бѣлая,
— Ай же ты да дочка-та царская мудрёная!
— Когда плавала по тихіимъ по за́водямъ,
— По тымъ по зеленыимъ по за́тресьямъ,
— А бѣлой ты лебёдушкой три́ году,
— Ходи же ты гуляй красной дѣвушкой
— А друго-то еще три да три́ году,
— А тожно[2]) тутъ я тебя замужъ отдамъ. —
Какъ тутъ она еще поворотѝласе,
Батюшку она да поклони́ласе.
Какъ батюшко да даваетъ ей няцёкъ мамокъ-тыхъ,
Ахъ тыхъ ли этыхъ вѣрныихъ служапочекъ.
Какъ тутъ она пошла краспа дѣвушка

---

1) Т. е. пользовалась волею.
2) *Тожно* —. тогда.

Во далечо она во чистó полё,
Скорымъ скорò, скорó да скорёшенько,
Не могутъ зá ней тамъ гнаться няньки-ты,
Не могутъ зá ней гнаться служаночки.
Какъ смотритъ тутъ она красна дѣвушка,
А няньки эты всѣ да оставаются,
Какъ говоритъ она тутъ таково слово:
«Да ай же вы мои ли вы нянюшки!
«А вы назадъ теперь воротитесь-ко,
«Не нагоняться вамъ со мной красной дѣвушкой».
Какъ нянюшки вѣдь ёй поклонилися,
Назадъ оны обратно воротилися.
Какъ этая тутъ Марья лебедь бѣлая,
Выходитъ тутъ она ко бѣлу́ шатру,
Какъ у того шатра бѣлополóтняна
Стоитъ-то тутъ, увидалъ ю добрый конь,
Какъ началъ ржать да еще копьёмъ-то мять [1])
Во матушку-ту во сыру землю,
А стала мать земелюшка продрагивать.
Какъ ото сну богáтырь пробуждается,
На улицу онъ самъ пометается,
Выскакалъ онъ въ тонкíихъ бѣлыхъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
Въ тонкíи бѣлыи рубашки безъ пояса.
Смотритъ тутъ Михайло на вси стороны,
А некого онъ не наглядѣлъ тутъ былъ.
Какъ говоритъ коню таково слово:
— Да ай ты волчья сыть травяной мѣшокъ!
— А что же ржешь ты да копьёмъ-то мнешь
— А во тую во матушку сыру землю,
— Треложишь ты русíйского богáтыря? —

---

1) *Копьёмъ*, по объясненію пѣвца, тутъ значитъ — копытомъ; «такъ поется», утверждалъ Прохоровъ.

Какъ взглянетъ на дру́гую шатра еще другу сто́рону,
Ажно тамъ-то вѣдь стоитъ красна дѣвушка.
Какъ тутъ-то онъ Михайлушка подскакивалъ,
А хочетъ цѣловать миловáть-то ю,
Какъ тутъ ёна ёму воспрогóворитъ:
«Ай же ты удáлой доброй мóлодецъ!
«Не знаю я теби да ни имени,
«Не знаю я тебя ни изотчины.
«А царь ли ты есте, ли царевичъ былъ,
«Король ли ты да королевичъ есть?
«Столько знаю да ты русской-то богáтырь здѣсь.
«А не цѣлуй меня красной дѣвушки,
«А у меня уста были погапыи,
«А есть-то вѣдь ужъ вѣры я не вашіи,
«Не вашей-то вѣдь вѣры есть, иоганая.
«А лучше-то возьми ты меня къ себѣ еще,
«Ты возьми, сади на добрá коня,
«А ты вези меня да во Кіевъ градъ,
«А проведи во вѣру во крещеную,
«А тожно ты возьми-тко меня за себя́ замýжъ».
Какъ тутъ-то вѣдь Михайла сынъ Ивановъ былъ
Садилъ онъ-то къ себѣ на добрá коня,
Повезъ-то вѣдь ужъ ю тутъ во Кіевъ градъ;
А привозилъ Михайлушка во Кіевъ градъ,
А проводилъ во вѣру во крещеную,
А приняли оны́ тутъ златы вѣнцы,
Какъ клали бóны заповѣдь великую:
Который-то у ихъ да наперёдъ умретъ,
Тому итти во матушку сыру землю на три́ году
Со тымъ со тѣломъ со мертвымъ.
Ино оны вѣдь стали жить-то быть,
Жить-то быть да семью сводить,
Какъ стали-то они дѣтей наживать.
Да тутъ затымъ князь тотъ столнё-кіевской

Какъ сдѣлалъ онъ задернулъ свой почестный пиръ
Для князей бояръ да для кіевскихъ
А для русійскихъ всихъ могучихъ богáтырёвъ;
Какъ вси-то óны пá пиръ собираются,
А вси тутъ на пиру наѣдаются,
А вси тутъ на пиру напиваются,
Стали всѣ онѣ тамъ пьянёшеньки,
А стали всѣ оны веселёшеньки.
Стало красно солнышко при вечери,
Да почестной пиръ, братцы, при весели.
Какъ тутъ-то вѣдь не ясныи соколы
Во чистóмъ поли еще розлеталися,
Такъ русійскіе могучіе богáтыри
Въ одно мѣсто съѣзжалися.
А па тотъ-то на тотъ на почестной пиръ.
Ильюшенка пріѣхалъ изъ чистá поля,
Хвастастъ Ильюшенка спрогóворитъ:
— А былъ-то я еще во чистóмъ полп,
— Корилъ-то я язы́ки все невѣрныи,
— А прибавлялъ земельки Святорусскіи.—
Какъ хвастастъ-то тутъ Добрынюшка:
«А былъ-то я за славнымъ за синíмъ моремъ,
«Корилъ тамъ я язы́ки все невѣрныи,
«А прибавлялъ земельки Святорусскіи».
Какъ ино что Михайлушки да чимъ буде повыхвастать,
Сидитъ-то тутъ Михайло думу думастъ:
— Какъ я, у меня нуньчу у молодца
— Получена столькí есть молода жена.
— Безумной-отъ какъ хвастатъ молодой женой,
— А умной-отъ какъ хвастатъ старой матушкой. —
Какъ тутъ-то онъ Михайлушка повыдумалъ:
— Какъ былъ-то я у корбы у темныи
— А у тыи у грязи я у черныи,
— А у того царя я Вахрамѣя Вахрамѣева,

— Корилъ-то я язы́кушки невѣрныи,
— Прибавлялъ земельки Святорусскіи.
— Еще-то я съ царёмъ тамъ во дру́гіихъ
— Игралъ-то я во доски тамъ во шахматны
— А въ до́роги тавлеи золоченыи;
— Какъ я съ его еще тамъ повыигралъ
— Безсчётной-то еще-то золотой казны
— А сорокъ-то телѣгъ я ордынскіихъ.
— Повёзъ-то я казну да во Кіевъ градъ,
— Какъ отвозилъ я ю на чисто́ полё,
— Какъ оси-ты телѣжныи желѣзны подломилисе,
— Копалъ-то тутъ я погребы глубокіи,
— Спустилъ казну во по́гребы глубокіи. —
На ту пору еще на то времечко
Изъ Кіева тутъ дань поспросилась
Къ царю тутъ къ Вахрамѣю къ Вахрамѣеву,
За двѣнадцать лѣтъ за прошлыи годы что за пунѣшній.
Какъ князи тутъ-то кіевски, вси бо́яра
А тотъ ли этотъ князь стольнё-кіевской
Какъ говоритъ промолвитъ таково слово:
«Да ай же вы бояра вы мои всѣ кіевски,
«Русійски всё могучіи бога́тыри!
«Когда нунь у Михайлушка казна еще
«Повыиграпа съ царя съ Вахрамѣя Вахрамѣева,
«Дакъ нунечку еще да топеречку
«Изъ Кіева нунь дань поспросилась
«Царю тутъ Вахрамѣю Вахрамѣеву.
«Пошлемъ-то мы ёго да туды-ка-ва
«Отдать назадъ безсчётна золота казна,
«А за двѣнадцать лѣтъ за прошлыи годы что за нунѣшній».
Накинули тутъ службу великую
А на того Михайлу па По́тыка
Вси князи тутъ бояра кіевски,
Вси русійскіи могучіи бога́тыри.

Какъ тутъ-то вѣдь Михайла отряжается,
Какъ тутъ-то онъ Михайла снаряжается,
Опять назадъ ко корбы ко темныи
А ко тыи ко грязи ко черныи,
Къ царю ёнъ къ Вахрамѣю Вахрамѣеву,
А ѣхалъ онъ туды да три мѣсяца.
Какъ пріѣзжалъ онъ тутъ во царство-то
Къ царю ёпъ къ Вахрамѣю Вахрамѣеву,
А заѣзжалъ па ёго да на ши́рокъ дворъ,
А становилъ онъ добра́ коня вѣдь середь широка́ двора,
Ко тому столбу ко точеному,
А привязалъ къ кольцу къ золоченому.
Насыпа́лъ коню онъ пшены бѣлояровой,
Самъ онъ шолъ вѣдь тутъ по новы́мъ сѣнямъ,
А заходилъ въ полату во царскую
Къ царю ёпъ къ Вахрамѣю Вахрамѣеву.
Какъ скоро онъ Михайлушка докладъ держалъ,
Клонится Михайло на вси стороны,
А клонится па четыре сторонушки,
Царю да Вахрамѣю въ особину:
— Здравствуй царь ты Вахрамѣй Вахрамѣевичъ! —
«Ахъ здравствуй-ко уда́лый доброй молодецъ!
«Не знаю я тебѣ да пе имени,
«Не знаю я тебѣ не изотчины.
«А царь ли ты вѣдь есть, ли царевичъ здѣ,
«Ли король, ли ты королевичъ есть,
«Али съ тиха́ Дону́ ты донской казакъ,
«Аль грозной есть посолъ Ляховитскіи,
«Аль старыи казакъ ты Илья Муромецъ?»
Какъ говоритъ Михайла таково слово:
— Не царь-то вѣдь ужъ я, не царевичъ есть,
— А не коро́ль-то я, пе королевичъ есть,
— Не изъ тиха́ Дону́ пе донской казакъ,
— Не грозной я посолъ Ляховитскій былъ,

— Не старый я казакъ Илья Муромецъ.
— А есть-то я изъ города изъ Кіева
— Молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ. —
«Зачимъ же ты Михайла заѣзжалъ сюда?»
— Зашолъ-то я сюда заѣзжалъ къ тебѣ,
— А царь ты Вахрамѣй Вахрамѣевичъ,
— А я слыхалъ — скажутъ ты охвочъ играть
— Да въ доски-ты шахматны,
— А въ до́роги тавлеи золоченыи,
— А я-то вѣдь еще ужъ также бы.
— Поиграемъ-ко во доски мы шахматны,
— Въ до́роги тавлеи золоченыи.
— Да ахъ же ты царь Вахрамѣй Вахрамѣевичъ!
— Насыпь-ко ты да безсчётной золотой казны
— А сорокъ-то телѣгъ да ордынскіихъ. —
Какъ пио тутъ Михайлушко спрого́воритъ:
— Ахъ ты царь же Вахрамѣй Вахрамѣевичъ!
— А бью я о головки молодецкіи,
— Какъ я теби буду служить да слугою вѣрною
— А сорокъ-то годовъ тебѣ съ годичкомъ,
— За сорокъ-то телѣгъ за ордынскіихъ. —
Какъ этотъ-то царь Вахрамѣй Вахрамѣевъ былъ
Охвочъ играть во доски-ты шахматны
А въ до́роги тавлеи золоченыи,
Всякого-то вѣдь онъ да по́игралъ.
Какъ тутъ-то себѣ да вѣдь думаетъ:
А набъ мнѣ молодца да повыиграть.
Какъ тутъ они наставили дощечку-ту шахматну,
Начали они по дощечки ходить гулять.
А тутъ Михайлушка ступе́нь ступилъ — не до́ступилъ,
А дру́гой какъ ступилъ, самъ припза́ступилъ,
А тре́тіи что ступилъ, его по́игралъ,
А выиграл безчётну золоту казну
А сорокъ-то телѣгъ-тыхъ ордынскіихъ.

Говоритъ промолвитъ таково слово:
— Да ахъ ты царь Вахрамѣй Вахрамѣевичъ!
— Топеречку еще было нунечку
— Дань изъ города изъ Кіева спросилася.
— Тебѣ-то вѣдь нунь она назадъ пойдетъ
— Какъ эта безсчётна золота казна,
— А за двѣнадцать годъ за прошлыи что годы что за нунѣшній,
— Назадъ-то вѣдь тутъ дань поворотилася. —
Какъ тутъ-то вѣдь царю да Вахрамѣю Вахрамѣеву
А стало зарко есть, роззадорило,
Стало жаль безсчётной золотой казны.
Какъ говоритъ Михайлы таково слово:
«А молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«А поиграмъ еще со мной ты другой-отъ разъ.
«Насыплю я безсчётной золотой казны
«А сорокъ я телѣгъ да ордынскіихъ,
«А ты-то мнѣ служить да слугой будь вѣрною
«А сорокъ-то годовъ еще съ годичкомъ».
Какъ бьстъ опять Михайлушко о своей головкѣ молодецкіи,
Наставили тутъ доску-ту шахматню,
Какъ начали оны тутъ ходить гулять
По тыи дощёчки по шахматнёй,
Какъ тутъ Михайлушка ступень ступилъ—не дóступилъ,
А дрýгой-то ступилъ, самъ призáступилъ,
А трéтій-то ступилъ, ёго й пóигралъ,
Какъ выигралъ безсчетной золотой казны
Сорокъ-то телѣгъ да ордынскіихъ.
Какъ тутъ-то вѣдь царь Вахрамѣй Вахрамѣевичъ
Воспроговоритъ опять ёнъ таково слово:
«Молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Сыграемъ-ко мы еще остатній разъ
«Во тыи во дощечки во шахматни.
«Какъ я-то вѣдь ужъ царь Вахрамѣй Вахрамѣевичъ

«А бью съ тобой, Михайло сынъ Ивановичъ,
«А о тоёмъ о томъ великъ залогъ,
«А буду я платить дань во Кіевъ градъ,
«А за тыихъ двѣнадцать лѣтъ за прошлыя что годы что за нунѣшній,
«А сорокъ я телѣгъ да ордынскіихъ:
«А ты бей-ко о головки молодецкія,
«Служить-то мнѣ слугою да вѣрною,
«А будь ты мнѣ служить да до смерти-то».
Какъ тутъ-то онъ Михайлушка
А бьетъ-то онъ о головки молодецкія,
Служитъ-то царю до смерти-то.
Остатній разъ наставили дощёчку тутъ шахматню
А й тутъ Михайлушка ступень ступилъ — не до́ступилъ,
А дру́гой-то ступилъ, самъ приза́ступилъ,
А третій какъ ступилъ, ёго и по́игралъ,
Выигралъ безсчётну золоту казну,
А дань платить во Кіевъ градъ великую.
На ту пору было на то времечко
А налеталъ тутъ голубъ на окошечко,
Садился-то тутъ голубъ со голубкою,
Началъ по окошечку похаживать,
А началъ онъ затымъ выговаривать
А тымъ а тымъ язы́комъ человѣческимъ:
— Молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты играшь молодецъ да проклаждаешься,
— А надъ собой незгодушки не вѣдаешь.
— Твоя-то есть вѣдь молода жена,
— А тая-та вѣдь Марья лебедь бѣлая, преставилась. —
Скочилъ тутъ какъ Михайла на рѣзвы ноги,
Хватилъ онъ эту доску тутъ шахматню,
Какъ бросилъ эту доску о кирпичной мостъ
А во полаты тутъ да во царскія,
А терема вси тутъ пошаталисе,

Хрустальніи оконницы посыпались,
Да князи тутъ бояра вси мертвы́ лежатъ,
А царь тотъ Вахрамѣй Вахрамѣевичъ
А ходитъ-то вѣдь онъ роскоракою.
Какъ самъ онъ говоритъ таково слово:
«Ахъ молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Оставь ты мнѣ бояръ хоть на си́мена,
«Не стукай-ко доской ты во кирпичной мостъ».
Какъ говоритъ Михайло таково слово:
— Ахъ же ты да царь Вахрамѣй Вахрамѣевъ былъ!
— А скоро же ты вези-тко безсчётну золоту казну
— Во стольнёй-отъ городъ да во Кіевъ градъ. —
Какъ скоро самъ бѣжалъ на широкій дворъ,
Какъ ино вѣдь сѣдлаетъ онъ своего добра́ коня,
Сѣдлатъ, самъ выговариватъ:
— Да ахъ же ты мой-то вѣдь ужъ добрый конь!
— А нёсъ-то ты сюды меня три мѣсяца,
— Неси-тко нынь домой меня во три́ часу. —
Приправливалъ Михайлушка добра́ коня,
Пошолъ ёнъ поскакалъ ёго добрый конь
Рѣки-ты озёра перескакивать,
А тёмной-отъ вѣдь лѣсъ промежъ ногъ пустилъ,
Пришолъ онъ прискакалъ да во Кіевъ градъ,
Пришолъ онъ прискакалъ вѣдь ужъ въ три́ часу.
Розсѣдлывалъ коня тутъ розуздывалъ,
А насыпа̀лъ пшены бѣлояровой,
А скоро самъ бѣжалъ онъ на выходы высокіи,
Закрычалъ Михайло во всю голову:
— Да ай же мои братьица крёсто́выи,
— Крёстовыи вы братьица названыи,
— Ай старыи казакъ ты Илья Муромецъ,
— А молодой Добрынюшка Микитинычъ!
— А подьте-тко вы къ брату крестовому
— А на тую на думушку великую. —

Какъ тутъ-то вѣдь ужъ братьица справлялися,
Тутъ-то оны удáлы снаряжалися,
Приходятъ оны къ брату крёстовому,
Къ мóлоду Михайлы да къ Пóтыку:
«Ай же братъ крёстовыи нашъ названыи?
«А ты чего крычишь, насъ треложишь ты,
«Русійскіихъ могучихъ насъ богáтырёвъ?»
Какъ онъ на то вѣдь имъ отвѣтъ держитъ:
— Да ай же мои братьица крёстовыи,
— Крёстовыи вы братьица названыи!
— Стройте вы колоду бѣлодýбову,
— Итти-то мнѣ во матушку во сырý землю
— А со тымъ со тѣломъ со мёртвымъ,
— Итти-то мнѣ туды да на трú году,
— Чтобы можно класть-то хлѣба соли воды да туды-ка-ва,
— Чтобы было тамъ мни на трú году запасу-то. —
Какъ этыи тутъ братьица крестовыи
Скорúмъ скорò, скорò да скорешенько
Какъ строили колоду бѣлодýбову;
Какъ тотъ этотъ Михайла сынъ Ивановъ былъ
Какъ скоро самъ бѣжалъ онъ во кузницу,
Сковалъ тамъ онъ трóи-ты клéща-ты,
А трои прутья еще да желѣзныи,
А трои еще прутья оловяныи,
А третьи напослѣдъ еще мѣдныи.
Какъ заходилъ въ колоду бѣлодýбову
А со тымъ со тѣломъ со мертвымъ,
Какъ братьица крестовы тутъ названыи
Да набили оны обручи желѣзныи
На тую колоду бѣлодýбову.
А это тутъ вѣдь дѣло да дѣется
А во тую въ суботу въ христовскую;
Какъ тутъ эты старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Молодоій Добрынюшка Микитиничъ,

А братья что крёстовыи названыи,
Копали погребъ тутъ оны глубокіи,
Спустили ихъ во матушку во сыру́ землю,
Зарыли-то ихъ въ желты́ пески.
Какъ тамъ было змѣя подземельная,
Ходила тамъ змѣя по подзе́мелью,
Приходитъ къ той колоды бѣлоду́бовой,
Какъ разъ она змѣя тутъ да дёрнула,
А обручи на колоды тутъ лопнули.
Дру́гой-отъ разъ еще она й дернула,
А рядъ-то ёна тёсу тутъ сдёрнула
А со тыи колоды бѣлоду́бовой.
Какъ тутъ-то вѣдь Михайлы не дойдетъ сидѣть,
А скоро какъ скочилъ онъ тутъ на́ ноги,
Хватилъ-то онъ тутъ кле́щи желѣзныи.
Какъ этая змѣя тутъ подземельная
Тре́тій еще разъ она дёрнула,
Остатній-то рядъ она сдёрнула.
Какъ тутъ Михайла съ женой споказался,
Да тутъ тая змѣя зрадова́лася:
«А буду-то я нуньчу сытая,
«Сытая змѣя не голодная.
«Одно есте тѣло да мёртвое,
«Дру́га жива головка человѣческа».
Какъ скоро тутъ Михайло сынъ Ивановичъ
Захватилъ змѣю ю во кле́щи-ты,
Хватилъ онъ тутъ-то прутья желѣзныи,
А почалъ бить поганую ю въ одноконечную[1]).
Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
«Молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
«А принесу я ти живу́ воду́ да въ три́ году».

---

1) Т. е. безъ перерыва,— такъ объяснилъ пѣвецъ.

Какъ бьетъ-то змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
«Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
«А я принесу я-то живýю водý да въ двá году».
— Да нѣтъ, мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать. —
Какъ бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
«Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
«Принесу-то я тебѣ живýю водý въ одинъ-то годъ».
А росхлысталъ онъ прутья-то желѣзныи
О тую змѣю о проклятую,
Хватилъ онъ тутъ-то прутья оловянныи,
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
«Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
«Принесу тебѣ живýю водý я въ полъ-году».
— А нѣтъ, мнѣ, окаянна, всё такъ долго ждать. —
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
«Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
«А принесу живýю водý въ три мѣсяца».
— А нѣтъ-то, мнѣ, поганая, все долго ждать. —
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
«Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
«А принесу живýю водý въ два мѣсяца».
— А нѣтъ-то, мнѣ, поганая, все долго ждать. —
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную,
А росхлысталъ онъ прутья оловянныи,

Хватилъ-то онъ прутья да мѣдныи,
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
«Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
«А принесу я ти живýю водýю а въ мѣсяцъ-то».
— А нѣтъ, мнѣ, окаянная, все такъ долго ждать. —
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
«Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
«Принесу я ти живýю водýю въ недѣлю-то».
— А нѣтъ, мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать. —
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Молится змѣя тутъ, покланяется:
«Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«А принесу я ти живýю водýю въ три-то дни».
— А нѣтъ, мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать. —
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Молится змѣя тутъ, покланяется:
«Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Принесу я ти живýю водýю въ два-то дня».
— А нѣтъ, мнѣ, окаянная, все такъ долго ждать. —
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Молится змѣя тутъ, покланяется,
А говоритъ змѣя да таково слово:
«А принесу живýю водýю въ одинъ-то день».
— А нѣтъ, мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать. —
Какъ бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
А молится змѣя тутъ, покланяется:
«Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не бей больше змѣи, не кровавь меня,
«Принесу я ти живýю водýю въ трú часу».
Какъ отпускалъ Михайло сынъ Ивановъ былъ

Какъ эту змѣю онъ поганую,
Какъ взялъ въ закладъ къ себи змѣёнышовъ,
Не спустилъ ихъ со змѣёй со поганою.
Полетѣла та змѣя по подзе́мелью,
Принесла она живу́ воду́ въ три́ часу.
Какъ скоро тутъ Михайла сынъ Ивановъ былъ
Взялъ онъ тутъ да вѣдь змѣёныша,
Ступилъ-то онъ змѣёнышу на ногу,
А какъ роздернулъ-то змѣёныша на двое,
Приклалъ-то вѣдь по старому въ одно́ мѣсто,
Помазалъ-то живой водой змѣёныша,
Какъ сросся-то змѣёнышъ, сталъ по старому;
А въ дру́гихъ помазалъ — шевелился онъ,
А въ тре́тьихъ-то збрызнулъ — побѣжалъ-то какъ.
Какъ го́воритъ Михайла таково слово:
— Ай же ты змѣя да поганая!
— Клади же ты да заповѣдь великую,
— Чтобы ти не́ ходить по подзе́мелью,
— А не съѣдать-то бы тѣлъ ти мёртвыихъ. —
Какъ клала она заповѣдь поганая великую
А не ходить больше по подзе́мелью
А не съѣдать бы тѣлъ да вѣдь мёртвыихъ,
Спустилъ-то онъ поганую, не ранилъ ли.
Какъ скоро тутъ Михайло сынъ Ивановъ былъ
Збрызну́лъ эту Марью лебедь бѣлую
Живой водой да ю да вѣдь этою,
Какъ тутъ она еще да вѣдь вздро́гнула.
Какъ дру́гой разъ збрызну́лъ — она сидя сѣла-то,
А въ тре́тьихъ-то онъ збрызну́лъ — она повыстала,
А далъ воды́-то въ ротъ — она заговорила-то:
— Ахъ мо́лодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
— А долго-то я нунечку спа́ла-то. —
«Кабы не я, такъ ты вѣдь вѣкъ бы спала-то,
«А ты вѣдь да Марья лебедь бѣлая».

Какъ тутъ-то вѣдь Михайлушка роздумалс.
А какъ бы имъ повытти со сырой земли.
Какъ думалъ-то Михайлушка, удумалъ онъ,
А закрычалъ Михайла во всю голову.
Какъ этоё дѣло-то вѣдь дѣется,
Выходитъ что народъ тутъ отъ завтренки христосскій
На тую на буевку да на ту сыру́ землю.
Какъ ино вѣдь пародъ еще пріуслу́хались,
А что это за чудо за диво есть,
Мертвыи въ земли закрычали вси.
Какъ этыи тутъ братъица крестовыи,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Молодой Добрынюшка Микитиничъ
Въ одно мѣсто оны сходилися,
Сами тутъ оны вѣдь ужъ думу думаютъ:
— А видно нашъ есть братецъ былъ крестовыи,
— А стало душно-то ёму во матушки сырой земли,
— А со тыимъ со тѣломъ со мёртвыимъ,
— А ёнъ крычитъ вѣдь тамъ громкимъ голосомъ. —
Какъ скоро взымали лопаты желѣзныи,
Бѣжали тутъ оны да на яму-ту,
Розрыли какъ оны тутъ жолты́ пески,
Ажно тамъ оны да обы́ живы.
Какъ тутъ выходилъ Михайло изъ матушки сырой земли,
Скоро онъ тутъ съ братцами христоскался.
Какъ началъ тутъ Михайлушка жить да быть,
Тутъ пошла вѣдь славушка великая
По всёй орды, по всёй земли, по всёй да селенныи,
Какъ есть-то есте Марья лебедь бѣлая,
Лебедушка тамъ бѣлая, дочь царская,
А царская тамъ дочка мудреная,
Мудрёна она дочка безсмёртная.
Какъ на эту на славушку великую
Пріѣзжаетъ тутъ этотъ прекрасный царь Иванъ Окульевичъ

А со своей со силою великою
А на тотъ-то да на Кіевъ градъ.
Какъ на ту пору было на то времечко
Богатырей тутъ дома не случилоси,
Стольки тутъ дома да слу́чился
Молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ.
Какъ тутъ-то вѣдь Михайлушка сряжается,
А тутъ-то вѣдь Михайло снаряжается
Во далечо еще во чисто́ поле,
А драться съ той со силою великою.
Подъѣхалъ тутъ Михайло сынъ Ивановъ былъ,
Прибилъ онъ эту силу всю въ три́ часу.
Воротился тутъ Михайлушка домой онъ во Кіевъ градъ,
Да тутъ-то вѣдь Михайлушка онъ спать-то лёгъ.
Какъ спитъ онъ молодецъ проклаждается,
А надъ собой незгодушки не вѣдаетъ.
Опять-то пріѣзжаетъ тотъ прекрасный царь Иванъ Окулье-

вичъ,

Больше того онъ со силой съ войскомъ былъ,
А во тотъ-то во тотъ да во Кіевъ градъ.
А началъ онъ тутъ Марьюшку подсватывать,
А началъ онъ тутъ Марью подговаривать:
«Да ай же ты да Марья лебедь бѣлая!
«А ты поди-ко Марья за меня замужъ,
«А за царя ты за Ивана за Окульева».
Какъ началъ улещать ю, уговаривать:
«А ты поди поди за меня замужъ,
«А будешь слыть за мной ты царицею,
«А за Михайломъ будешь слыть не царицею,
«А будешь станешь слыть портомойница
«У стольняго у князя у Владиміра».
Какъ тутъ она еще да подумала:
— А что-то мнѣ-ка слыть портомойница,
— А лучше буде слыть мнѣ царицею

— А за тымъ за Иваномъ за Окульевымъ. —
Какъ ино тутъ она еще на то укидалася,
Позвалась, пошла за ёго́ замужъ.
Какъ спитъ-то тутъ Михайло проклаждается,
А ничего Михайлушко не вѣдаетъ.
А тутъ-то есть его молода жена,
А тая-то вѣдь было любима́ семья,
А еще она Марья лебедь бѣлая,
Замужъ пошла за прекраснаго царя-то за Окульева.
Поѣхалъ тутъ-то царь въ свою сторону.
Какъ ото сну бога́тырь пробуждается,
Молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ.
Какъ тутъ-то ёго братьица пріѣхали,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
А молодой Добрынюшка Микитиницъ.
Какъ началъ онъ у ихъ тутъ доспрашивать,
Началъ онъ у ихъ тутъ довѣдывать:
«Да ай же мои братьица крестовыи,
«Крёстовыи вы братьица названыи!
«А гдѣ-то есть моя молода жона,
«А тая-та вѣдь Марья лебедь бѣлая?»
Какъ тутъ ёму оны́ воспрого́ворятъ:
— Какъ слышали отъ князя отъ Владиміра,
— Твоя-то тамъ есте молода жена
— Она была вѣдь нунечку заму́жъ пошла
— А за царя-то за Ивана за Окульева. —
Какъ онъ на то вѣдь имъ отвѣтъ держитъ:
«Ай же мои братьица крестовыи!
«Пои́демте[1]) мы, братьица, за имъ слѣдъ[2]) съ угоною».
Говорятъ ему таково слово:
— Да ай же ты нашъ братецъ крестовый былъ!

---

1) Т. е. поѣдемте.
2) Т. е. вслѣдъ.

— Не честь-то намъ хвала мо́лодцамъ
— А ѣхать за чужой женой еще слѣдъ съ угоною.
— Кабы ѣхать намъ-то вѣдь ужъ слѣдъ тобя,
— Дакъ ѣхали бы мы слѣдъ съ угоною. —
— А ѣдь-ко ты одинъ доброй молодецъ,
— А ѣдь-ко, ничего да не спрашивай,
— А застанешь ты вѣдь ихъ на чисто́мъ поли,
— А отсѣки ты тамъ царю да головушку. —
Поѣхалъ тутъ Михайла слѣдъ съ угоною,
Засталъ-то вѣдь ужъ ихъ на чисто́мъ поли.
Какъ этая тутъ Марья лебедь бѣлая
Увидала тутъ Михайлушку По́тыка,
Какъ тутъ скоро наливала пи́тей она,
А питей наливала да сонныихъ.
Подходитъ тутъ къ Михайлы да къ По́тыку:
«Ахъ мо́лодъ-то ты Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Меня сило́мъ везе́тъ да прекрасный царь Иванъ Окульевичъ
«Какъ выпей-ко ты чару зелена́ вина
«Со тоски досады со великіи».
Какъ тутъ этотъ Михайла сынъ Ивановичъ
Выпивалъ онъ чару зелена́ вина,
А по другой да тутъ душа горитъ,
Дру́гую-то онъ выпилъ да вѣдь тре́тью вслѣдъ.
Напился тутъ Михайла онъ доньяна,
Палъ-то на матушку на сыру землю.
Какъ этая тутъ Марья лебедь бѣлая
А говоритъ Ивану таково слово:
«Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевичъ!
«А отсѣки Михайлы ты головушку».
Какъ говоритъ Иванъ тутъ таково слово:
— Да ахъ же ты да Марья лебедь бѣлая!
— Не честь-то мнѣ хвала молодецкая
— А соннаго-то бить что мни мёртваго.
— А лучше онъ проспится протверезится,

— Дакъ буду я бить-то ёго силою,
— Силою я войскомъ великімъ,
— А будетъ молодцу мнѣ тутъ честь хвала. —
Какъ тутъ она еще да скорымъ скоро̀
Приказала-то слугамъ она вѣрнымъ
А выкопать что яму глубокую.
Какъ слуги ёй тутъ да вѣрны
Копали оны яму глубокую.
Взимала тутъ Михайлу подъ пазухи,
Какъ бросила Михайла во сыру́ землю,
А приказала-то зарыть его въ песочики жолты.
Какъ ино тутъ впередъ оны поѣхали,
Оставался тутъ Михайла на чисто́мъ поли.
Какъ тутъ-то у Михайлы вѣдь добрый конь
А побѣжалъ ко городу ко Кіеву,
А прибѣгалъ тутъ конь да во Кіевъ градъ,
А началъ онъ тутъ бѣгать да по Кіеву.
Увидли-то какъ братья тутъ крестовыи,
Молодой Добрыюшка Микитинычъ
А старыи казакъ тутъ Илья Муромецъ,
Самы какъ говорятъ промежу́ собой:
«А нѣтъ жива̀-то братца же крестоваго,
«Крестоваго-то братца названаго,
«Молода́ Михайлушки По́тыка».
Садлись тутъ оны на добры́хъ коней,
Поѣхали они слѣдъ съ угоною.
А ѣдутъ тутъ оны по чисту́ поли,
Михайлинъ еще конь наперёдъ бѣжитъ.
А прибѣгалъ на яму на глубокую,
Какъ началъ тутъ онъ ржать да копьёмъ-то мятъ
Во матушку во ту во сыру землю.
Какъ смотрятъ эты братьица крестовыи:
«А видно этта братецъ нашъ крестовый былъ,
«А молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ».

Какъ тутъ-то вѣдь оны да скорымъ скорò
Копали эту яму глубокую,
А ёнъ-то тамъ проспался, прохмѣлился, протверезился.
Скочилъ-то тутъ Михайла на рѣзвы ноги,
Какъ говоритъ Михайла таково слово:
— Ай же мои братьица крестовыи!
— А гдѣ-то есте Марья лебедь бѣлая? —
Говорятъ тутъ братья таково слово:
«А тая-та вѣдь Марья лебедь бѣлая
«Она-то вѣдь ужъ нунечку замужъ пошла
«А за прекраснаго царя да за Окульева».
— Поѣдемте мы братьица съ угоною. —
Какъ говоритъ оны тутъ таково слово:
«Не честь-то намъ хвала молодецкая
«А ѣхать намъ за бабой слѣдъ съ угоною,
«А стыдно намъ буде да похабно е.
«А ѣдь-ко ты одинъ, добрый молодецъ,
«Застанешь-то вѣдь ихъ ты на чистóмъ поли,
«А ничего больше ты не слѣдуй-ко,
«А отсѣки царю ты буйну голову,
«Возьми къ себѣ ты Марью лебедь бѣлую».
Какъ тутъ-то онъ Михайлушка справляется.
Какъ скоро слѣдъ съ угопой снаряжается.
Засталъ-то ихъ опять на чистóмъ поли,
А у тыхъ розстанокъ у крестовскіихъ,
А у того креста Левапидова.
Увидла тая Марья лебедь бѣлая
Молодà Михайлу тутъ Пóтыка,
Какъ говоритъ она таково слово:
— Ай же ты прекрасный царь Иванъ Окульевъ ты!
— А не отсѣкъ Михайлы буйной гóловы,
— А отсѣкетъ Михайла ти головушку. —
Какъ тутъ она опять скорымъ скорò
А палила шитей еще сонныихъ,

Подноситъ-то Михайлушки Пóтыку,
Подноситъ-то, сама уговариватъ:
— А какъ межéнный день не можетъ живъ-то быть,
— Не можетъ живъ-то быть да безъ краснаго солнышка,
— А такъ я безъ тобя, молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
— А не могу-то я не ѣсть не пить,
— Не ѣсть не пить, не могу больше жúва быть
— А безъ тобя, молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.
— А выпей-ко съ тоски нунь съ кручинушки,
— А выпей-ко ты чару зелена́ вина. —
Какъ тутъ-то вѣдь Михайлушка на то да укидается,
А выпилъ-то онъ чару зелена вина,
А выпилъ, по другой душа горитъ,
А третью-то онъ выпилъ, самъ пьянъ-то сталъ,
А палъ на матушку на сыру землю.
Какъ тая эта Марья лебедь бѣлая
А говоритъ промолвитъ таково слово:
— Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевичъ!
— А отсѣки Михайлы буйну голову,
— Полно тутъ Михайлы слѣдъ гонятися. —
А говоритъ тутъ онъ таково слово:
«Ай же ты Марья лебедь бѣлая!
«А соннаго-то бить что мнѣ мертваго.
«А пусть-ко онъ проспится, прохмѣлится, протвсрезится,
«А буду вѣдь я его бить войскомъ-то,
«А рать-то я вѣдь силушкой великою».
Она ему на то отвѣтъ держитъ:
— Прибьетъ-то вѣдь силу-ту. великую. —
Опять-то царь на то не слагается,
А поѣзжатъ-то царь да впередъ опять.
Какъ этая тутъ Марья лебедь бѣлая
Взимала тутъ Михайлушку Пóтыка,
Какъ бросила Михайлу черéзъ плечо,

А бросила, сама выговариватъ:
— А гдѣ-то былъ удалой добрый молодецъ,
— А стань-то бѣлъ горючій камешокъ,
— А этотъ камешокъ пролежи да наверхъ земли три́ году,
— А черезъ три́ году проди-ко онъ скрозь матушку скрозь сыру землю. —
Поѣхали оны тутъ впередъ опять,
А пріѣзжали въ эту землю Сарацынскую.
Какъ познали тутъ братьица крестовыи,
Старыи казакъ тутъ Илья Муромецъ
А молодой Добрынюшка Микитинычъ,
А не видать что братца есть крестоваго,
Мо́лода Михайлы По́тыка Иванова,
Самы тутъ говорятъ промежу́ собой:
«А набъ искать-то братца намъ крестоваго,
«А молода Михайлу По́тыка Иванова».
Какъ справились ёны тутъ калыкамы,
Идутъ оны путёмъ да дорожкою,
Выходитъ старичокъ со сторонушки:
— А здравствуйте-тко братцы добры молодцы,
— А старыи казакъ ты Илья Муромецъ
— А молодой Добрынюшка Микитинычъ! —
А онъ-то ихъ знаетъ да оны́ не знаютъ кто:
«А здравствуй-ко ты еще дѣдушко».
— А Богъ вамъ по пути добрымъ молодцамъ.
— А возьте-ко вы, братцы, во товарищи,
— Во товарищи вы возьте въ атаманы вы. —
Какъ тугъ-то оны вѣдь думу думаютъ,
Самы-то говорятъ промежу́ собой:
«Какой-то есть товарищъ еще намъ-то былъ,
«А гди ёму да гнаться за намы-то!»....
«А ради мы вѣдь, дѣдушко, товарища».
Пошолъ рядо́мъ съ има́ тутъ дѣдушко,
Пошолъ рядо́мъ, еще напередъ-то ихъ.

А стали какъ ёны оставляться бы,
Одва-то старичка на виду ёго держатъ-то.
Какъ тутъ пришли въ землю́ въ Сарацынскую,
Къ прекрасному къ царю да къ Ивану Окульеву,
Ко тыи ко Марьи Вахрамѣёвной.
Какъ стали тутъ оны̀ да рядо́мъ еще,
Закрычали тутъ оны̀ во всю голову:
— Ахъ же ты да Марья лебедь бѣлая,
— Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевъ былъ!
— А дайте намъ злату еще мило́стину спасе́ную. —
Какъ тутъ-то въ земли Сарацынскіи
Теремы̀ во царстви пошаталися,
Хрустальніи оконницы посыпались
А отъ того отъ крику отъ каличьяго.
Какъ тутъ она въ окошко по по́ясу бросаласе.
А этая-то Марья лебедь бѣлая,
А смотрѣть-то каликъ что перехожіихъ.
А смотритъ, что сама воспрого́воритъ:
«Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевичъ!
«А это не калики, есте русскіи бога́тыри:
«Старыи казакъ Илья Муромецъ
«А молодой Добрынюшка Микитичъ-онъ,
«А тре́тей я не знаю какой-то е.
«Возьми каликъ къ себи, ты корми́ пои».
Взимали тутъ каликъ да къ себѣ оны
А во тую полату во царскую,
Кормили-то поили каликъ оны досыти,
А досыти кормили ихъ да до́пьяна,
А на́дали имъ злата тутъ се́ребра,
Насы́пали-то имъ да по по́дсумку.
Какъ тутъ оны пошли назадъ еще добры молодцы
Къ стольнёму ко городу ко Кіеву,
А о́тошли отъ царства ровно три́ версты,
Забыли оны братца что крестоваго,

А молода Михайлу По́тыка Иванова.
Какъ отошли оны, затымъ вспомнили:
— Зачимъ-то мы пошли, а не то сдѣлали,
— Забыли-то мы братца-то крестоваго,
— Молода Михайлу По́тыка Иванова. —
Какъ тутъ скоро назадъ ворочалися,
Самы́ тутъ говорятъ таково слово:
— Ай же ты да Марья лебедь бѣлая!
— Куды дѣвала ты да братца-то крестоваго,
— А молода Михайлушку По́тыка? —
Какъ тутъ она по поясу въ окошко-то бросалася,
Отвѣчатъ-то имъ таково слово:
«А вашъ-то есте братецъ крестовыи —
«Лежитъ онъ у розстанокъ у крестовскіихъ,
«А у того креста Леванидова,
«А бѣлыимъ горючімъ камешкомъ».
Какъ тутъ оны поклонилися воротилися,
Какъ тутъ пошли путемъ да дорогою;
Смотрятъ, ищутъ братца-то крестоваго,
Проходятъ оны братца тутъ крестоваго.
Какъ этая калика перехожая
А говоритъ тутъ имъ таково слово:
— Ай же вы да братья все крестовыи!
— Прошли да вы что братца есть крестоваго,
— А мо́лода Михайлу По́тыка Иванова. —
Какъ тутъ-то воротился старичокъ-тотъ былъ,
Приводитъ этыхъ братьицовъ крестовыихъ
Ко тому горючему ко камешку,
Да говоритъ тутъ старичокъ таково слово:
«А скидыва́йте-ко вы братцы съ плечъ по́дсумки,
«А кладьте вы еще па сыру землю,
«А высыпайте вы да злато се́ребро,
«А сыпьте-тко все вы въ одно мѣсто».
Какъ высыпа́ли злато они серебро

А со тыихъ со тыхъ да со по́дсумковъ,
А сы́пали оны́ тутъ въ одно мѣсто.
Какъ началъ старичокъ тутъ живота дѣлить,
Дѣлитъ онъ на четыре на части бы.
Какъ тутъ-то говорятъ оны таково слово:
— Ай же ты да дѣдушко древный былъ!
— А что же ты животъ дѣлишь не ладно бы,
— А на четыре-то части не ровно́-то бы? —
Какъ говоритъ старикъ тутъ таково слово:
«А кто-то этотъ зды́нетъ да камешокъ,
«А кинетъ этотъ камень чере́зъ плечо,
«Тому двѣ кучи да злата се́ребра».
А посылатъ Ильюшенка Добрынюшку
А призды́ну́ть тотъ камешокъ горючiи.
Скочилъ-то тутъ Добрынюшка Микитичъ-онъ,
Хватилъ онъ этотъ камень, здыну́лъ его,
Здыну́лъ-то столько до колѣнъ-то онъ,
А больше-то Добрынюшка не мо́гъ здынуть,
А бросилъ этотъ камень на сыру землю.
Подскакивалъ вѣдь тутъ Илья Муромецъ,
Здыну́лъ онъ этотъ камень до пояса,
Какъ больше-то Ильюшенка не могъ здынуть.
Какъ этотъ старичокъ тутъ подхаживалъ
А этотъ-то ёнъ камешокъ покатывалъ,
А самъ онъ камешку выговаривалъ:
«А гдѣ-то былъ горючiй бѣлой камешокъ,
«А стань-ко тутъ уда́лый доброй молодецъ,
«А молодо́й Михайла По́тыкъ сынъ Иванович,
«Подлекчись-ко Михайлутка лекки́мъ-лекко!»
Взималъ-то ёнъ да кинулъ чере́зъ плечо,
А назади тамъ сталъ удалый доброй молодецъ,
Молодой Михайла По́тыкъ сынъ Иванович.
Какъ тутъ-то старичокъ имъ спрого́воритъ:
«Ай же вы бога́тыри русьскiи!

«А я-то есть Микола можайскіи,
«А я вамъ пособляю за вѣ́ру-отечество
«А я-то вамъ есть русскіимъ бога́тырямъ».
Да столько оны видли старичка тутъ бы.
Какъ строили оны тутъ часовенку
Тому оны Миколы можайскому.
Какъ тутъ этотъ Михайло сынъ Ивановичъ
А говоритъ-то имъ таково слово:
— Ахъ же мои братьица крестовыи!
— А гдѣ́-то есть моя молода жена,
— А тая-та вѣдь Марья лебедь бѣлая? —
Какъ говорятъ оны таково слово:
«Твоя-та еще есть молода жена
«Замужъ пошла за царя за Ивана за Окульева».
Какъ говоритъ онъ имъ таково слово:
— Пойдемте-ко мы, братцы, слѣдъ съ угоною. —
Какъ говорятъ оны таково слово:
«Не честь-то намъ хвала молодецкая
«Итти намъ за чужой-то жонòй вѣдь за бабьею.
«Какъ мы-то за тобой, доброй молодецъ,
«Идемъ-то мы да слѣдъ-то съ угоною.
«Поди-тко ты одинъ, доброй молодецъ,
«А ничего не слѣдуй-ко, не спрашивай,
«А отсѣки царю ты буйну голову,
«Тутъ возьми ты Марью лебедь бѣлую».
Какъ скоро шолъ Михайла-онъ По́тыкъ-тотъ,
А приходилъ въ землю Сарацынскую;
Идѐтъ-то онъ къ полаты ко царскіи.
Увидла тая Марья лебедь бѣлая,
Какъ налила питей она сонпыихъ
А тую эту чару зелена́ вина,
Сама тутъ говоритъ таково слово:
— Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевъ былъ!
— А не отсѣкъ Михайлы буйной го́ловы,

— А онъ-то нонь Михайлушка живой-то сталъ. —
Какъ тутъ она подходитъ близёшонько,
А клонится Михаїлы понизёшонько:
— Ахъ ты молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
— Сило́мъ увёзъ прекрасный царь Иванъ Окульевичъ.
— Какъ нунечку еще было топеречку
— Межéнный день не можетъ живъ-то быть
— А безъ того безъ краснаго безъ солнышка,
— А такъ я безъ тобя, молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
— А не могу-то я да вѣдь жи́ва быть,
— А жи́ва быть, не могу-то ѣсть ни пить.
— Топерь твои уста были печальніи,
— А ты-то вѣдь въ великой во кручинушки,
— А вышей-ко съ тоски ты со досадушки
— А нунечку какъ чару зелена́ вина. —
Какъ выпилъ-то онъ чару по другой душа горитъ,
А дру́гу выпилъ, еще третью слѣдъ.
Напился тутъ Михайлушка доньяна,
Палъ онъ тутъ на матушку на сыру́ землю.
Какъ этая тутъ Марья лебедь бѣлая
А говоритъ промолвитъ таково слово:
— Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевичъ!
— А отсѣки Михайлы буйну голову. —
А говоритъ-то царь таково слово:
«Да ай же ты да Марья лебедь бѣлая!
«Не честь-то мнѣ хвала молодецкая
«А бить-то мнѣ-ка соннаго что мертваго,
«А лучше пусть проспится, прохмѣлится, протверезится,
«А буду бить ёго я вѣдь войскомъ-тымъ
«А силушкой своёй я великою.
«Какъ я ёго побью, а мнѣ-ка будетъ тутъ честь хвала
«По всёй орды еще да селешныи».
Какъ тутъ-то эта Марья лебедь бѣлая

Бѣжала вѣдь какъ скоро въ кузницу,
Сковала тутъ ёна да вѣдь пять гвоздовъ,
Взимала она молотъ три пуда тутъ,
Хватила тутъ Михайлу какъ подъ пáзухи,
Стащила что къ стѣны-то городóвыи,
Роспялила Михайлу она на стѣну,
Забила ёму въ ногу да гвоздь она,
А въ дрýгую забила другóй она,
А въ руку-то забила ёна̀, въ дрýгу такъ,
А пятой-отъ гвоздъ ена обронила-то.
Какъ тутъ она еще да Михайлушку
Ударила вѣдь молотомъ въ бѣлó лицо,
Облúлся-то онъ кровью тутъ горючею.
Какъ ино тутъ у того прекраснаго царя Ивана да Окульевн
А бы́ло-то сестрица да рóдная,
А та эта Настасья Окульевна.
Пошла она гулять тутъ по городу,
Приходитъ ко стѣны къ городовыи,
А смотритъ: тутъ задёрнута чернáя зáвѣса,
Завѣшанъ тутъ Михайлушко Пóтыкъ-онъ.
Какъ тутъ она вѣдь зáвѣсы отдёрнула,
А смотритъ на Михайлушку Пóтыка.
Какъ тутъ онъ прохмѣлился добрый молодецъ,
Какъ тутъ ему она воспрогóворитъ:
— Молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— Возьмешь ли ты меня за себя́ замýжъ?
— А я бы-то тебя да избавила
— А отъ тыи отъ смерти безнапрасныи. —
«Да ай же ты Настасья Окульевна!
«А я тебя возьму за себя замужъ».
А клалъ-то ёнъ тутъ заповѣдь великую.
Какъ этая Настасья тутъ Окульевна
Скорúмъ скорò бѣжала въ кузницу,
Взимала óна клéщи тамъ желѣзныи,

Отдирала отъ стѣны городо́выи
А молода́ Михайлушку По́тыка.
Взимала тамъ она съ тю́рьмы грѣшника,
На мѣсто да прибила на стѣну городовую,
Гдѣ висѣлъ Михайлушка По́тыкъ-тотъ,
А утащила тутъ Михайлушку По́тыка
Въ особой-то покой да въ потайныи.
Какъ взяла о́на на́добей здравыихъ,
Скоры́мъ скоро́ излѣчила тутъ Михайлушку.
Сама тутъ говоритъ таково слово:
— Ай же ты Михайла сынъ Ивановъ былъ!
— А набъ-то те́би латы и кольчуги нунь.
— А набъ-то те́бѣ сабля-та вострая,
— А палица еще богатырская,
— А набъ-то тебѣ да добра́ коня? —
«Ай же ты Настасья Окульевна!
«А надо, нужно, мнѣ-ка-ва надо вѣдь».
Какъ тутъ она да скоры́мъ скоро́ скорешенько
Приходитъ да ко ро́дному братцу-то:
— Ай же ты мой братецъ родимыи,
— Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевичъ!
— А я-то красна дѣвушка нездрава е.
— Ночесь мнѣ во́ снѣ-ви́дѣныи каза́лось ли,
— Какъ далъ ты ужъ мнѣ бы добра́ коня,
— А латы-ты ужъ мнѣ-ка, кольчуги-ты,
— А палицу еще богатырскую,
— Саблю да во третьихъ вострую,
— Да здра́ва-то бы стала красна дѣвушка. —
Какъ онъ ей давалъ латы еще да кольчуги-ты,
А палицу еще богатырскую,
Даваетъ въ третьихъ саблю-ту вострую,
Давалъ онъ ей еще тутъ добра́ коня,
Добраго коня богатырскаго.
Какъ тутъ она сокрутилась обладилась,

Обсѣдлала коня богатырскаго,
Какъ отъѣзжала тутъ она на чисто́ поле,
Говорила-то Михайлушки По́тыку,
Какъ говорила тамъ она ему въ потай еще:
— Приди-ко ты Михайла на чисто́ поле,
— А дамъ я теби тутъ добра́ коня,
— А дамъ теби латы кольчуги вси,
— А палицу еще богатырскую,
— А саблю еще дамъ я ти вострую. —
А отходилъ Михайла на чисто́ поле,
А пріѣзжатъ Настасья-та Окульевна
На тоё на то на чисто́ поле
А ко тому Михайлушки къ По́тыку,
А подоватъ скоро ему тутъ добра коня,
Палицу свою богатырскую,
А латы-ты, кольчуги богатырскіи,
А саблю-ту еще она вострую;
Сокрутился тутъ Михайлушка бога́тыремъ.
Какъ тутъ эта Настасья Окульевна
Бѣжала-то она назадъ домой скоры́мъ скоро̀,
Приходитъ-то ко ро́дному братцу-то:
— Благодаримте те́бя братецъ мой родимыи!
— А далъ-то вѣдь какъ ты мнѣ добра́ коня,
— А палицу ты мни богатырскую,
— А саблю ты мнѣ-ка да вострую,
— А съѣздила я вѣдь прогулялась,
— Стала здра́ва я вѣдь нуньчу красна дѣвушка. —
Сама она подвы́стала на печку тутъ.
Какъ ѣдетъ молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Какъ на тоёмъ на томъ добро́мъ кони.
Увидла тая Марья лебедь бѣлая,
Какъ ино тутъ подъѣзжатъ Михайло сынъ Ивановичъ
Ко тын полаты ко царскіи;
Какъ говоритъ-то Марья лебедь бѣлая:

— Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевичъ!
— Згубила насъ сестра твоя ро́дная,
— А та эта Настасья Окульевна. —
Какъ тутъ эта Настасья Окульевна
Скоро она съ печки опущаласе.
Какъ тая эта Марья лебедь бѣлая
А налила питей опять сонныихъ,
А налила она тутъ, подходитъ-то
А ко тому Михайлушки По́тыку:
— Ахъ молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
— Топерь-то нуньчу, нуньчу топеречку,
— Не можетъ-то межéнный день а жить-то быть,
— А жить-то быть безъ краснаго безъ солнышка,
— А такъ я безъ тобя, а мо́лодой Михайла сынъ Ивановичъ,
— Не могу-то я вѣдь жи́ва быть,
— Не ѣсть, не пить, не жи́ва быть.
— Какъ топерь твои уста нунь печальніи,
— Печальніи уста да кручиннiи,
— А выпей-ко ты чару зелена́ вина
— Со тыи тоски со досадушки,
— А со досады съ той со великіи. —
А проситъ-то она во слёза́хъ ёго,
А во тыхъ во слёзахъ во великіихъ.
Какъ тутъ-то вѣдь Михайлушка По́тыкъ-онъ
Занёсъ-то онъ праву руку за чару-то,
Какъ тутъ эта Настасья Окульевна
А толну́ла ёна́ ёго по́дъ руку, —
Улетѣла тая чара далечохонько.
Какъ тутъ молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Напередъ отсѣкъ-то Марьи буйну голову,
Потомъ отсѣкъ царю да прекрасному Ивану Окульеву, —
А только-то вѣдь имъ тутъ славы́ поютъ, —
А придалъ-то онъ имъ да горьку́ю смерть.
Какъ скоро взялъ Настасью Окульевну,

А взялъ онъ взялъ вѣдь ю за себя замужъ;
Пошли оны во церковь во Божію,
Какъ приняли оны тутъ златы вѣнци.
Придался тутъ Михайлушка на царство-то.
А сталъ-то тутъ Михайлушка царить-то жить
А лучше-то онъ стараго да лучше прежного.

Записано тамъ же, 27 іюля.

53.

СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 54)

А мхи были болота въ помо́рской стороны
А гольняя щелья [1]) въ Бѣли́-озери́,
А тая эта зябель въ подси́верной страны,
А сраны сарафаны по Мо́ши по рѣки́,
Да рострубисты становицы въ Ка́ргополи́,
Да тутъ темныи лѣсы что смоленскіе,
А широки врата да чигари́нскіе.

А изъ-подъ дуба дуба дуба сы́раго,
А изъ-подъ того сподъ камешка сподъ яфонта,
А выходила выбѣгала тамъ Волга мать рѣка,
Да какъ устьёмъ бѣжитъ да во сине́ море,
А во то во сине́ море во Турецкое;
А по той ли по матушки по Во́лги рѣки́
А бѣжало бѣжитъ а тридцать три́ корабля,
А еще тамъ бѣжало бѣжитъ да безъ о́дного,
А одинъ тотъ корабль есть лучше краше всѣхъ.
Да какъ тутъ въ ка́раблю было напи́сано́ё,

---

1) *Щелья* — скала; что значитъ *гольняя*, пѣвецъ не умѣлъ объяснить въ точности.

Да какъ тутъ въ ка́раблю напеча́таноё,
А написанъ-то носъ-отъ по змѣиному,
А корма-то была по звѣриному.
Тутъ кадо́лы[1]) канаты были ше́лковыи,
А паруса тутъ были изъ семи шелковъ,
А ты эты коржи́нья[2]) подзоло́ченыи.
Да какъ тутъ было въ томъ ка́раблю
Да младъ сидитъ Со́ловей да сынъ Гуди́міровичъ
А со своима со дружинама съ хоро́брыма,
А хоробрыма дружинама Соловьёвыма,
Ино со своею со ро́дною со ма́тушкою.
Говоритъ тутъ Со́ловей таково слово:
«Что вы братцы дружинушки хоробрыи,
«А хоробрыи дружинья Соловьёвыи!
«Да слушайте-тко бо́льшаго й ата́мана-то вы̀,
«Да дѣлайте дѣло повелёное:
«А взимайте-ко шестики мѣ́рныи вы̀,
«А миряйте-ко лу́дья[3]) морски́-то эты̀,
«А чтобы намъ молодцамъ туда проѣхати».
Да тутъ ѣхали проѣхали что мо́лодцы оны̀.
Да какъ тутъ Со́ловей сынъ Гуди́міровичъ
А го́воритъ промолвитъ таково слово:
«А взимайте въ руки трубоньки подзорніи,
«А глядите вы смотрите славный Кіевъ градъ,
«А тую эту присталь карабельную,
«Чтобы намъ молодцамъ еще попа́сти туда̀».
Да тутъ ѣхали проѣхали что мо́лодцы оны̀,
Да попали въ эту присталь карабельную,
А подъ сто́льной-отъ подъ городъ какъ подъ Кіевъ градъ.
Да какъ тутъ Со́ловей сынъ Гуди́міровичъ

---

1) Т. е. снасти, — такъ объяснилъ пѣвецъ.

2) *Коржинья*, по словамъ Прохорова, значитъ «пропуски, крѣпости для скрѣпы судна».

3) *Луда* — мѣсто, усѣянное подводными камнями.

Еще го́воритъ промолвитъ таково слово:
«Ахъ вы братцы дружинушки хоробрыи,
«А хоробрыи дружинки Соловьёвыи!
«А слушайте-тко бо́льшаго й ата́мана-то вы,
«Да дѣлайте дѣло повелёное:
«А взимайте перву сходенку во́лжану́ю,
«А дру́гую сходенку серебряную,
«А тре́тью еще сходенку красна́ золота́,
«А бросайте-ко сходенки на кру́тъ бережо́къ».
Какъ тутъ эты дружинушки хоробрыи,
А хоробрыи дружинья Соловьёвыи,
А взимали перву сходенку тутъ во́лжаную,
А другу́ю сходенку серебряную,
Ино третью сходенку красна́ золота,
А бросили сходенки на кру́тъ бережо́къ.
«А по во́лжаной сходенки ва́мъ братцы итти́,
«Все моимъ дружинушкамъ хоробрымъ,
«А хоробрымъ дружинушкамъ Соловьёвымъ;
«А по серебрянымъ сходенкамъ ма́тушки моёй,
«А по зо́лотой сходенкѣ мнѣ-ка итти́,
«А мла́дому Со́ловью сыну Гудимірову́».
Да какъ тутъ Со́ловей да сынъ Гудимірови́чъ
А взимаетъ онъ подарочки великіи,
Да со́рокъ сороко́въ тутъ черны́хъ соболёвъ,
А ме́лкого звѣрю тутъ и смѣту нѣтъ;
А взимаетъ тутъ флаки́ да замо́рскіи камки́,
А заморскіи камочки золоче́ныи,
Да приходитъ онъ къ князю къ Володи́меру,
А во́ тую во гридню во столовую.
А крёстъ онъ кладывае по писа́ному,
А поклонъ онъ вѣдь вёлъ да по учёному,
А клонится онъ на четы́ре на всѣ,
А на вси четыре на сторонушки,
А стольнёму князю-то въ осо́бину.

А здравствуетъ князя тутъ съ княгиною:
«А здравствуй-ко князь да стольнё-кіевской
«А со́ своей княгиной со Апраксіёй,
«А со́ своей любимой со племянницей!»
Да какъ онъ его тутъ еще здравствуетъ:
— А здравствуй ты удалый добрый молодецъ!
— Не знаю я тебя ни по имени,
— А знаю что тебя да по изотчинѣ,
— А царь ли ты есть, ли царевичъ ли,
— Ли король ли ты есть, королевичъ ли,
— Али съ тиха́ Дону́ ты донской казакъ,
— Али грозныи посолъ ты ляховитскій бы? —
«Да не царь-то я, да не царевичъ былъ,
«А не король-то я, не королевичъ былъ,
«А не изъ тиха́ Дону я донско́й казакъ,
«А не грозныи посолъ я ляховитскій былъ;
«А есть какъ я зъ-за славнаго синя́ моря,
«А я есть младъ Со́ловей да сынъ Гудимі́ровичъ.
«А я пришолъ-то къ теби да здѣ докла́дъ держу́,
«А на-ко ти подарочки вели́кіи мои́,
«А на́ ти сорокъ сороковъ моихъ че́рныхъ соболе́въ,
«А ино мелкого звѣрю еще смѣту нѣтъ.
«А на-тко ты княгиня да Опраксія,
«А на-тко ты подарочекъ великіи,
«А возьми-тко ты флаки́ да замо́рскіи камки́,
«А заморскіи камочки золоче́ныи».
А приниматъ-то княгиня да восхва́ливатъ:
— А ты младъ Со́ловей да сынъ Гудимі́ровичъ!
— А спасибо за подарочки великіи.
— А не бывать-то зди камки такой во Кіеви
— И не бывать, не бывать да не быва́ть таковдо́й. —
Да тутъ князь-то еще да стольнё-кіевской
Онъ тутъ го́воритъ промолвитъ таково слово:
«Ай младъ Соловей́ да сынъ Гудимі́ровичъ!

«А чимъ-то мнѣ-ка тебя жа́ловати
«А за эти подарочки великіи?
«Города ли тебѣ надо съ пригородками,
«Аль села ли тебѣ надо е съ присёлками,
«Али много набъ безсчетной золотой казны?»
Да онъ го́воритъ промолвитъ таково слово:
— Да ай же ты князь да стольнё-кіевской!
— А не набъ мнѣ городовъ съ пригородками,
— Да не набъ мнѣ-ка селъ да съ присёлками,
— А не набъ-то мни безсчетной золотой казны,
— А у меня да своей есте долюби.
— А столько ты мнѣ позво́ль-ко ещѐ
— А поставить построить мнѣ-ка три́ терема́,
— А три терема мнѣ златове́рхіихъ,
— Середь города да середь Кіева,
— А гди маленьки ребятка да са́йки продаю́тъ,
— А гди сайки продаютъ да гди бары́шничаю́тъ.—
А говоритъ промолвитъ таково слово
Ино тотъ ли князь да стольнё-кіевской:
«Ахъ ты младъ Со́ловей да сынъ Гудиміровичъ!
«Куды знаешь туды ста́вь-ко ещѐ,
«А за эти подарки за великіи».
Да скоро Со́ловей тутъ поворо́тъ держалъ.
Приходитъ ко дружинушкамъ хоробрымъ,
А хоробрымъ дружинамъ Соловьёвымъ,
Да онъ го́воритъ промолвитъ таково слово:
— Что вы братцы дружинушки хоробрыи,
— А хоробрыи дружинья Соловьевыи!
— А вы слушайте-ко бо́льшаго ата́мана-то вы,
— А скидыва́йте съ себи пла́тьица цвѣтныи,
— А надѣвайте на ся платьица лосиныи,
— А лосиныи платьица звѣриныи,
— Да взнмайте-тко топорички булатніи,
— А стройте-то ставьте братцы три́ терема́,

— А три терема-то златоверхіихъ,
— Середь города да середь Кіева,
— Что верхи бы съ верхамы завивалиси,
— А что къ утру къ свѣту чтобы готóвы былѝ
— А готовы былѝ мнѣ-ка жúть перейтѝ. —
Какъ эты тутъ дружинушки хоробрыи
Оны слушали-то бóльшаго й атáмана онѣ,
Скидывáли съ сéбе платьица цвѣтныи онѣ,
Надѣвали на ся платьица лосúныи онѣ,
Да взимали тутъ топорики булатніи,
А ставили строили тутъ трú терема̀,
А три терема да златоверхіихъ,
Что верхи-ты съ верхами завиваются,
А къ утру къ свѣту готóвы онѣ,
А готовы оны да мошно жúть перейтѝ.
Да какъ тутъ Соловéй сынъ Гудúміровичъ
А въ тыи тéремы да сбирáется èнъ
Со своима со дружинамы съ хоробрыма,
А съ хоробрыма съ дружинамы Соловьёвыма,
А со своёй со рóдною со мáтушкою̀.
Да тутъ-то вѣдь у князя Володúмера
Ино тая-то любимая племянница,
Мóлода Любавушка Забавишна,
Да взимаетъ въ руки трубоньку подзорнюю,
А шла она на выходы высокіи,
А смотритъ въ эту трубоньку подзорнюю
А по городу по городу по Кіеву;
А углядѣла усмотрѣла тамъ и три терема̀,
А три терема да златоверхіи,
А верхи что съ верхамы завиваются,
Середь города да середь Кіева.
Какъ бросала эту трубоньку подзорнюю,
А приходитъ ко рóдному къ дядюшкѣ,
Еще стольнему князю къ Володимеру.

«Да ай же ты мой ро́дной дядюшка!
«Да позволь-ко ты мни да красной дѣвушкѣ
«Проходиться прогуляться вдоль по Кіеву,
«Вдоль по Кіеву да мнѣ по городу».
Да онъ-то вѣдь на то ёй отвѣтъ держитъ:
— Да ай же ты да моя любимая,
— Ай любимая любима племянничка!
— А сходи-тко ты прогуля́йся туда̀. —
Ино тутъ эта любима племянница,
Да скоры́мъ-то скоро̀, скоро̀ скорёшенько,
Да вѣдь тутъ-то она да сокруча́лася,
А вѣдь тутъ-то да снаряжалася,
Вдоль по городу гулять да вѣдь по Кіеву.
Да къ первому къ те́рему подхо́дитъ она̀,
Ино въ томъ терему́ да шопотко́мъ говоря̀тъ,
А тутъ-то Соловьёва родна матушка
Да какъ молится-то Господу Бо́гу она̀.
Да къ дру́гому къ те́рему подхо́дитъ она̀,
А тая-то любимая племянница,
Ино въ томъ терему̀ да тамъ-то стукъ да гремъ.
А тутъ-то Соловьёвыи дружинушки
Тутъ считаютъ-то безсчетну золоту казну
Да у млада Соловья Гуди́мірова.
Да какъ къ тре́тьему къ те́рему подхо́дитъ она̀,
Ино въ томъ терему̀ да младъ сидитъ да Со́ловей,
А младъ сидитъ Со́ловей да сынъ Гуди́мірович
Со своима со дружинамы съ хоробрыма,
Со хоробрыма дружинамы Соловьёвыма,
А на тоёмъ стулѣ золочёноёмъ,
А й сидитъ-то сидитъ забавляется;
Тамъ вси скачутъ, пляшутъ оны, пѣ́сенки пою̀тъ,
Во музы́ки да во скрыпочки най́грываю̀тъ.
Да какъ тутъ эта любимая племянница
Да подходитъ она къ ему ближе́шенько

А клонится она попизе́шенько:
«Здравствуй младъ Соловей да сынъ Гудиміровичъ
«Со своима со дружинамы съ хоробрыма!»
Да какъ онъ-то тутъ ю да здравствуетъ:
— А здравствуй-ко Любавушка Забавишна! —
Да тутъ-то она къ ему спрого́воритъ:
«Ай ты младъ Соловей да сынъ Гудиміровичъ!
«А возьми-тко меня ты за себя́ замужъ».
— Да какъ всимъ ты мнѣ дѣвушка въ любовь пришла,
— А однимъ ты мнѣ дѣвка не въ любовь пришла,
— А сама ты се́бя дѣвка просва́тываешь.
— А твое бы-то дѣло да не этта[1]) быть,
— А не этта быть, да дома жить,
— А дома-то жить да ти коровъ кормить,
— А коровъ-тыхъ кормить да ти телятъ попть. —
А тутъ стало дѣвки не любёшенько,
Не любёшенько не хорошохонько,
А стало тутъ дѣвушки похабно ёй.
А тутъ скоры́мъ скоро̀, скоро̀ скоро̀ скорешенько,
А дѣвушка она да поворотъ держитъ.
А на то младъ Соловей да сынъ Гудиміровичъ
Ино на то да не сердился есть,
Да скоры́мъ-то скоро̀, скоро̀ скорешенько,
А тутъ слѣдъ-то онъ шолъ больши́мъ сватомъ,
Да приходитъ опъ къ князю Володимеру,
Ино во́ тую въ гридню во столовую,
Да онъ-то вѣдь ёму̀ тутъ докладъ держитъ:
— А здравствуй-ко князь да стольнё-кіевской
— А со́ своей съ княгиной со Опраксіей,
— А со́ своей съ любимой со племянницей,
— А съ молодой Любавушкой Забавичной! —
Какъ онъ-то ёго вѣдь здравствуе:

---

1) *Этта* — здѣсь.

«Здравствуй младъ Соловей да сынъ Гудíміровичъ!
«А ты зачѣмъ зашолъ да здѣ доклáдъ держишь?»
— Да я зашолъ-то да здѣ доклáдъ держу
— А о добромъ дѣлí здѣ о свáтовствѣ.
— Да есть у тя любимая племянница,
— А нельзя ли-то отдать да за меня́ замýжъ? —
Да какъ сдѣлали оны тутъ рукобúтьицо,
Да просваталъ тутъ-то князь да стольнё-кіевской
А ту эту любимую племянницу
А за млада Сóловья сына Гудíмірова.
А какъ шли оны во церковь тутъ во Божію,
Да тутъ приняли они да что ль златы вѣнцы,
А младъ Сóловей да сынъ Гудíміровичъ
А съ мóлодой Любавушкой Забавичной.
А какъ тутъ-то скорúмъ да скорёшенько
Да завіяла пошла да тутъ-то пóвитерь [1])
По тому-то да синю́ морю,
Да тутъ младъ Сóловей да сынъ Гудíміровичъ,
А скорúмъ-то скорò да онъ скорёшенько,
А тутъ-то со княземъ роспрощается,
А самъ на кáрабли да онъ сбирается
А съ той молодой Любушкой Забавишной,
Да со свóима со дружинамы съ хоробрыма,
А со свóей со рóдною со мáтушкою.
Какъ тутъ на карабли да собираются,
Обираютъ тутъ оны да три тéреми *(такъ)*,
Ино три теремà да златоверхіихъ,
А на тыи на эты да на кáрабли.
А поѣхалъ онъ тутъ да вѣдь домóй еще,
А домой-то домой да въ свою сторону,
А за славное за славно за синё море.
А началъ тутъ онъ да жить-то быть,

---

1) Т. е. попутный вѣтеръ.

А жить-то быть да семью́ сводить,
А семью сводить да дѣтёй наживáть.
А сталъ-то онъ тутъ по здоровому,
А сталъ-то онъ да по хорошему.

Записано тамъ же, 26 іюля.

54.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 57).

А молодой Васильюшко Буславьевичъ
Сдѣлалъ онъ задернулъ свой почестный пиръ,
А чтобы тутъ еще да всяко званье-то
А шло бы да къ Василью на почестный пиръ.
Какъ тутъ-то мужики-ты новгородскіи
Приходятъ къ Васильюшку Буславьеву
А на тотъ-то на почестный пиръ.
Какъ тотъ этотъ Васильюшко Буславьевичъ
А началъ ихъ встрѣчать да ухаживать,
А тыихъ мужиковъ да новгородскіихъ, —
Какъ взялъ-то онъ Васильюшко черно́й-отъ вязъ,
Какъ подскочилъ Васильюшко къ малому къ упавому[1]) Потанюшкѣ,
Какъ ударилъ онъ Васильюшко Потанюшку,
Ударилъ онъ его тутъ черны́мъ вязомъ, —
Стоитъ-то тотъ Потанюшко не стря́хнется,
А жолтыи кудёрка не сворохнутся, —
А то моя дружинушка хоробрая!
Садилъ ёго Потанюшку въ большой уголъ,
А во большой уголъ еще за большой-отъ столъ,
Кормилъ поилъ Потанюшку да досыти,

---

1) *Упавый* — красивый.

А досыти Потанюшку да до́пьяна.
Опять-то взялъ Васильюшко черно́й-отъ вязъ,
Какъ тутъ скоро́ Васильюшко подскакивалъ,
Ударилъ-то Васильюшко да Ѳомушку,
Толстого Ѳо́му благоуродлива;
Стоитъ тутъ Ѳо́ма да вѣдь не стря́хнется,
Жолтыи кудёрка не сворохнутся, —
А то моя дружинушка хоробрая!
Садилъ онъ и Ѳо́му за большой-отъ столъ,
За большой его столъ во больше́й уголъ,
Кормилъ поилъ еще онъ Ѳомушку
А досыти его и допьяна.
Роздра́жилъ онъ мужиковъ новгородскихъ-тыхъ;
Какъ тутъ ты мужики да новгородскіи
А тутъ-то вѣдь оны да пріудумали:
«А сдѣламте робята свой почестной пиръ,
«Не позовемъ-то мы Василья да Буславьева».
Какъ тутъ оны Васильюшка не по́звали.
Какъ этотъ-то Васильюшко Буславьевичъ
А скоро молодецъ онъ отправляется,
Скоро ёнъ удалый снаряжается,
А со тыма́ дружинамы съ хоробрыма,
Съ малыимъ съ упавыимъ съ Потанюшкой,
Съ толсты́мъ еще съ Ѳомо́й благоуродливымъ
Какъ приходитъ Василей на почестной пиръ
А къ тыимъ мужикамъ да къ новгородскіимъ,
Воспромо́лвятъ мужики тутъ таково слово:
«А не́ званому вѣдь гостю здѣ́ мѣста нѣтъ».
Говоритъ Василей таково слово:
— А званому-то гостю много чести набъ [1]),
— Незваному-то гостю какъ и Бо́гъ пришле. —
Садился тутъ Василей за большой-отъ столъ,

---

1) *Набъ* — надобно.

За большой вѣдь столъ да во большо́й уголъ,
А оны ѣли пили тутъ и кушали.
Какъ тутъ-то мужикамъ да стало зарко-то [1]),
Да набъ-то мужикамъ ёго́ концать [2]) еще,
Да того Васильюшка Буславьева,
А говорятъ промолвятъ таково слово:
«Ай же ты Васильюшко Буславьевъ былъ!
«Попишемъ-ко съ тобой мы да по́писи,
«Поположимъ-ко да съ тобой еще заповѣдь,
«А съ утра намъ да раны́мъ ранёшенько.
«На тотъ на мосточикъ на Волховой,
«А бу́дёмъ ста́нёмъ драться мы ратиться
«А мы съ тобой съ уда́лыимъ со молодцомъ,
«Съ толсты́мъ Ѳомой еще съ благоуродливымъ,
«Съ маленькимъ съ упавенькимъ Потанюшкой.
«Чтобы ты съ утра да былъ ранёшенько,
«Шолъ бы на мосточикъ на Волховой
«А со тыма съ дружинамы съ хоробрыма».
Какъ тутъ оны наѣлися, напилися,
Какъ вси оны тутъ накушалися,
Стали тутъ они да пьянёшеньки,
А сдѣлали большо тутъ рукобитьицо;
Тутъ-то розошлись до у́тра бы.
Познала это дѣло тутъ Васи́льёва матушка,
Пало тутъ еще къ ей извѣстьицо,
Набъ-то драться Васильюшку Буславьеву
Со своима со дружинамы съ хоробрыма
А на тоёмъ мосточику на Волховомъ.
Ну приходилъ Васильюшко назадъ домой
Ко своей ко ро́дной ко матушкѣ,
Ко честно́й вдовы къ Офимьѣ къ Олександровной.

---

1) Т. е. задорно.
2) Т. е. съ нимъ покончить.

Какъ тутъ эта Васи́льёва матушка
Положила спать во погребы глубокіи,
Замнула молодца его во пбгребы.
Какъ тотъ этотъ Васильюшко спать-то легъ.
Прошла-то тая ночка тутъ темная,
Приходитъ-то день тутъ да свѣтлыи.
Какъ ты эты дружинушки хоробрыи
Ставаютъ-то по утру ранешенько,
Умываются да бѣлёшенько,
А трутся-то миткалиновымъ полотенушкомъ,
А знаютъ-то что у ихъ е подѣлано.
Какъ скоро шли на мосточикъ на Волховой,
Какъ начали оны тутъ биться ратиться
Съ тыма́-то мужикамы съ новгородскима.
Какъ день бьются они не ѣдаючи,
А другой-то ёны́ не пиваючи,
Отдо́ху молодцамъ не даваючи,
И третій день нача́ли-то биться тутъ,
Какъ третій день оны тутъ, третью ночь;
Какъ тутъ-то у дружинушки хоробрыи
Стали у ихъ головушки были переломаны,
Переломаны головушки розбитыи,
Платками тутъ головки перевязаны,
А кушачкамы-то были переверчены.
Какъ тутъ этотъ Василей сынъ Буславьевичъ
Спитъ онъ молодецъ тутъ проклаждается,
А надъ собой незгодушки не вѣдаетъ,
Какъ ёго были дружины-ты хоробрыи
Прибиты у его, головки переломаны.
У его-то дѣвка-та была придворная,
Выходитъ-то на рѣченку Волхово,
Выходитъ за водой съ водоносомъ-то
А смотритъ на дружинъ-тыхъ хоробрыихъ,
На малаго упаваго Потанюшку

А на толста́ еще Ѳому благоуродлива, —
А у ихъ все головки переломаны,
Платкамы-то головки переверчены,
Кушачками-то были тутъ перевязаны.
Какъ скоро тутъ она да скоры́мъ скоро
Бѣжала тая дѣвка тутъ ко погребу,
Ударила тутъ она еще водоносомъ-тымъ
А по тому замку по булатнему;
Отпалъ тутъ замокъ на сыру землю,
Ростворила да она дверь тутъ дубовую.
Прошли-то вѣдь тутъ трои суточки.
Ото сну бога́тырь пробуждается,
Какъ тотъ этотъ Василій сынъ Буславьевичъ.
Крычитъ-то тутъ вѣдь дѣвка громкимъ голосомъ:
— Да ахъ ты сынъ Василій е Буслаевъ былъ!
— Спишь ты молодецъ, самъ проклаждаешься,
— А надъ собой незгодушки не вѣдаешь,
— Какъ у твоихъ дружинъ все у хоробрыихъ,
— У ихъ какъ головушки были переломаны,
— Розбитыи, платкамы перевязаны. —
Какъ тутъ ото сну бога́тырь пробуждается,
На улицу самъ онъ помёта́ется,
Какъ выскочилъ онъ въ тонкихъ бѣлыихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
Въ тонкіи бѣлыи рубашки самъ безъ пояса,
А ухвáтилъ-то ось телѣжную желѣзную,
Бѣжалъ онъ на мосточикъ на Волховой.
Какъ ино тутъ-то онъ воспрогóворитъ:
«Ай мóи дружинушки хоробрыи!
«Ай укротите вы да сердце богатырское,
«Я топерь за васъ нунь пороботаю,
«А подьте-тко вы братцы на отдóхъ-то нунь».
Какъ тутъ пошли дружинушки хоробрыи,
Тутъ они пошли да на отдóхъ-то е.

Какъ началъ тутъ Васильюшко помахивать
Той-то осью да телѣжной желѣзною,
Куды махнетъ — тутъ стануть да улицы,
А перемахнетъ — туды да переулочки.
Какъ началъ тутъ Васильюшко робо́тати,
Какъ видятъ тутъ мужики что бѣда пришла,
Бѣда-то та пришла тутъ неминучая, —
Какъ тутъ-то вѣдь оны да пріудумали:
Какъ бы намъ еще да супротивиться?
Какъ тутъ-то вѣдь оны да еще пошли, —
А былъ тамъ жилъ еще въ мона́стыри
Старчи́що тамъ жилъ перегри́мищо, —
Какъ приходятъ мужики-ты новгородскіи,
Клонятся самы́ ёму молятся:
— Ай ты старичищо есть перегримищо!
— Послушай мужиковъ насъ новгородскихъ ты.
— Дадимъ те мы чашу красна золота,
— А дру́гую дадимъ да скачна жемчугу,
— Третьюю еще да чиста се́ребра. —
На то-то вѣдь ужъ онъ да укидается,
Позвался-то онъ вѣдь да за нхъ пошолъ
А ѣхать-то на мосточикъ-тотъ на Волховой,
А драться со Васильюшкомъ Буславьевымъ.
Навалилъ онъ колоколъ да двѣнадцать пудъ,
Навалилъ онъ къ себѣ да на го́лову,
А садился тутъ онъ на добра́ коня,
Какъ ѣхалъ онъ ко рпцеики Волхову
Ко тому мосточику ко волховску,
А заѣзжаетъ на мосточикъ онъ на Волховой,
Самъ крычитъ онъ громкимъ голосомъ:
«Да ахъ же ты Васильюшко Буславьевичъ!
«Малолѣтно ты дитя не запурхивай [1]),

---

1) Т. е. «не заскакивай высоко» (объясненіе пѣвца).

«Прямоѣзжеей дорожки не заваливай».
Какъ онъ-то тутъ Васильюшко отвѣтъ держитъ:
— Да ахъ же ты да мой крёстный батюшко,
— А старчи́що ты былъ есть перегри́мищо!
— Не далъ ти яичко́ о Христови дни,
— Дакъ дамъ я ти яичко о Петрови дни. —
Какъ скоро тутъ Васильюшко подскакивалъ,
Ударилъ-то онъ осью въ колоко́лъ-то былъ,
А розвалился тутъ колоколъ на дви стороны;
А въ дру́гихъ переправилъ ёго й въ голову,
Спихнулъ ёго во ричєнку во Волхово,
Съ тыимъ спихнулъ да со добры́мъ конёмъ.
Какъ видятъ мужики что тутъ бѣда пришла,
Бѣда-то та пришла да неминучая,
Какъ тутъ оны опять да скоро думали,
Бѣжали тутъ къ Васильёвой да матушки,
Говорятъ промолвятъ таково слово:
«Да ахъ же ты Васильева да ро́дна матушка,
«Честна́ вдова Офимья Олександровна!
«Повыручи отъ смерти безнапрасныи».
Какъ тутъ честна́ вдова Офимья Олександровна
Скоры́мъ скоро̀, скоро̀ да скорешенько,
Бѣжала на мосточикъ-то на Волховой
Въ тонки́и бѣлыи рубашечки безъ пояса,
Въ тонки́ихъ бѣлыхъ чулочикахъ безъ чоботовъ.
Заходила на мосточикъ на Волховъ-тотъ,
Скочила сзади-то къ Василью на могучи́ плеча,
Закрычала тутъ она во всю голову:
— Да ахъ же ты дитя моё милоё,
— Ай же ты да чадо любимоё,
— А молодой Васильюшко Буславьевичъ!
— Ахъ ты меня старушеньки послушай здѣ,
— А укроти ты сердцо богатырское,
— Полно бить те мужиковъ новгородски́хъ,

— Оставъ ты мужиковъ хоть на сѝмена.—
«Ай же ты моя родна матушка,
«Честна̀ вдова Офимья Олександровна!
«Ты была вѣдь матушка догадлива,
«А ладно ты вѣдь матушка удумала̀,
«Скочила ты на плечи да сза̀ди меня.
«А бы въ горопяхъ есть въ озарности
«Убилъ бы тя старушку не за что-то я.
«Да нынь же, моя матушка, послушаю,
«Когда просишь ты меня добра мо́лодца,
«Я вѣдь нынѣчу матушку послушаю».
Да укротилъ тутъ сердце богатырское,
Пошолъ-то онъ со матушкой домой-то тутъ.

А молодой Васильюшко Буславьевичъ
Онъ ходилъ гулялъ по чисту́ полю,
А со тыма съ дружинамы съ хоробрыма,
Съ толстымъ Ѳомой еще съ благоуродливымъ
А съ маленькимъ съ упавенькимъ Поганюшкой.
Какъ приходитъ молодой Василій сынъ Буславьевичъ,
Лежитъ-то тутъ ужъ какъ вѣдь на чисто́мъ поли
Пустая голова человическая.
Какъ тутъ этотъ Василій сынъ Буславьевичъ
Скоро къ головы онъ подскакивалъ,
А своимъ-то онъ чоботомъ подфатывалъ,
Пинулъ онъ эту голову Васильюшко, —
Какъ улетѣла голова тутъ по подоблачью,
Пала голова тутъ на сыру землю,
Сама она ёму тутъ воспровѣщила:
«Да ахъ же ты Василій сынъ Буславьевичъ!
«Почему жъ меня заразилъ теперь?
«Лежала голова я вѣдь тридцать лѣтъ,
«Да никто-то меня вѣдь не пинывалъ,

«Да никто же какъ меня тутъ не рашивалъ,
«Какъ ты-то вѣдь ужъ нунь пинўлъ, заразилъ меня.
«Какъ будешь ты гулять во чистóмъ поли,
«А не забудь-ко ты этого помистьица [1]),
«Пойдешь сюды да ты назадъ обратно бы,
«Посмотри ты на меня на безсчастну головушку».
Какъ тутъ гулялъ Васильюшко въ чистóмъ полѣ
А со тыма съ дружинамы съ хоробрыма,
Находился нагулялся тамъ Васильюшко,
Пошолъ назадъ туды да обратно бы
Этымъ путемъ да дорогою.
Приходитъ онъ къ уловному тому да помѣстьицу
Гдѣ та голова тутъ лежала-то,
Какъ смотритъ-то еще—вѣдь стала тутъ гора каменная.
Какъ смотритъ тутъ Васильюшко Буславьевичъ,
Какъ на этой горы на каменной
Подпись-та была подписана:
А кто-то тутъ черезъ гору перéскочитъ,
Перескочитъ черезъ гору трй разу,
Того-то тутъ да вѣдь Господь проститъ;
Ахъ кто-то вѣдь есть не перéскочитъ,
Тотъ будетъ трою проклятъ на вѣку-то былъ.
Какъ тутъ этотъ Васильюшко Буславьевичъ, —
Розгорѣлось ёго сердце богатырское,
Скочилъ-то онъ черезъ гору каменну.
Какъ этыи дружинушки хоробрыи,
А маленькой упавенькой Потанюшка
И толстый Ѳома благоуродливый,
Скакали-то оны да е со рáтовьёмъ [2]).
Какъ тотъ этотъ Васильюшко Буславьевичъ
Да скочилъ назадъ еще черéзъ гору,

---

1) Т. е. этого мѣста.
2) Т. е. съ жердью, которая имъ служила опорою.

Да скочилъ онъ Васильюшко назадъ-пятъ [1]) былъ,
Какъ тутъ-то вѣдь Василей сынъ Буславьевичъ
Задѣлъ какъ своимъ чоботомъ сафьяннымъ
За тую гору да за каменну,
Поворотило какъ Васильюшка Буславьева
Вничъ [2]) его вѣдь молодца головушкой,
Какъ палъ тутъ Василей о сыру землю,
Пришла тутъ Васильюшку горькáя смерть.
Какъ этыи дружинушки хоробрыи
Скакали они три разýю о рáтовья.
Какъ тутъ эты дружинушки хоробрыи
Копали тутъ-то яму на чистóмъ поли
А роспростилисе съ Васильюшкомъ Буславьевымъ,
Спустили какъ тутъ ёго во матушку сыру землю.
Только тутъ Васильюшку славы́ поютъ.

Записано тамъ же, 26 іюля.

XIII.

ФЕПОНОВЪ.

Иванъ Фепоновъ, крестьянинъ дер. Мелентьевской, Купецкой волости, высокій, старообразный, слѣпой съ 5-лѣтняго возраста. Ему теперь 50 лѣтъ отъ роду; живетъ онъ частью тѣмъ, что плететъ сѣти, лапти, кошели, частью подаяньемъ, которое собираетъ на ярмаркахъ и въ храмовые праздники, распѣвая духовные стихи. Кромѣ стиховъ онъ знаетъ и нѣсколько былинъ, пѣніе которыхъ впрочемъ не составляетъ для него источника дохода, какъ пѣніе духовныхъ стиховъ. Былинамъ этимъ онъ научился въ молодости отъ слѣпаго калики Петра Степановича

---

1) *Назадъ-пятъ* — назадъ пятами, т. е. обернувшись не лицомъ, а спиною (такъ объяснилъ Прохоровъ).

2) Т. е. навзничь.

Мѣщанинова, уроженца Бережной Дубравы (Каргопольскаго уѣзда, на Онегѣ-рѣкѣ). По словамъ Фепонова, этотъ калика Мѣщаниновъ зналъ *семдесятъ* былинъ. Фепоновъ былъ лично извѣстенъ г. Рыбникову, который его встрѣчалъ на Шунгской ярмаркѣ и записывалъ духовные стихи, которые онъ тамъ пѣлъ. Съ его же словъ записана г. Рыбниковымъ одна былина. Въ сборникѣ г. Рыбникова онъ значится подъ именемъ «слѣпаго Ивана».

55.

ВОЛЬГА И МИКУЛА.

А й во стольноёмъ во городи во Кіеви
А й народился младъ Вольга̀ Всеславьевичъ;
А й рыбы-ты сбѣжали въ глубокѝ станы,
А й птици-ты слетѣли во темны́ лѣса,
А й звѣри-ты сбѣжали за Тугѝ горы.
А й возросъ тутъ молодой Вольга̀ да сынъ Всеславьевичъ,
Подбираетъ вѣдь дружину сорокъ тысящей.
Когда тыи ли купци да вси вѣдь бо́яра
Изъ того ли изъ Турѝнца славна города
А й платили дань да вѣдь во Кіевъ градъ,
А й ко ласковому князю ко Владимі́ру,
А й не стали-то вносить да дани пошлины.
А й тутъ ли-то Вольга̀ Всеславьевичъ
А й справляется тутъ Во́льга снаряжается
Со своей дружинушкой хороброю,
Во Турѝнецъ городъ во Орѣховецъ.
А ѣдетъ-то Во́льга день до вечера,
Слышитъ ратоя да въ поли пашучись,
А и сошечка у ратоя поскрыпыватъ,
А и ратой во чисто́мъ поли посвистыватъ,
А й на со́лову кобылу онъ погукиватъ.

А й онъ дру́гой день ѣдётъ до вечера,
А у ратоя-то сошика поскрышиватъ,
Ратой во чистомъ поли посвистыватъ,
А й на со́лову кобылу онъ погукиватъ.
Это третей день и́дётъ до вечера
Тотъ ли-то Вольга Всеславьевичъ
Со своей ли онъ дружиной со хороброю,
Наѣзжаетъ-то онъ въ поли стара ратоя,
Того ли Микулу да Селя́гиновича:
«А Богъ теби помочь да ста́рыя старикъ,
«Ай Микула Селя́гиновичъ!»
И тотъ ли-то Микула да Селя́гиновичъ
И пашетъ на кобылы опъ на со́ловой,
Дубья колодья всѣ въ бо́розду валитъ.
Воспрого́воритъ тутъ Во́льга таково слово:
«Ай же ты Микулушка Селя́гиновичъ!
«А й твоя кабы кобыла да конемъ была,
«А далъ бы за коня теби пятьсотъ рублей».
Говоритъ ему Микула Селя́гиновичъ:
— Мо́лодой ты Во́льга княженецкой сынъ!
— А й кобыла-та кобыла, не возьму я за кобылу цѣлой тысящи.—
Говоритъ-то вѣдь Микула таково слово:
«Ай куда же те́перь Во́льга путь дёржишь
«Со своею со дружинушкой хороброю?»
Ай зго́ворптъ тутъ Во́льга таково слово:
— Ай же ты вѣдь ста́рыя старикъ,
— Ты Микулушка Селя́гиновичъ!
— А й поѣхалъ со дружиной со хороброю
— Брать-то я Турйница вѣдь города Орѣховца.—
Говорптъ-то вѣдь Микула таково слово:
«Молодоій ты Во́льга Всеславьевичъ!
«Не взять тебѣ Турйница да города Орѣховца.
«Былъ я третіёго дни въ Туриници въ городѣ Орѣховци,—

«Это грубы злыи мужики да вѣдь орѣховци
«Зафальшивили мою да золоту казну,
«Почитали за гроши они за мѣдныи,
«А й за мѣдныи гроши да за фальшивыи».
Воспрогóворитъ тутъ Вóльга таково слово:
— Старый ты мой дядюшка да вѣдь Микулушка!
— Ай поѣдемъ-ко да ты ко мнѣ въ помочь,
— Брать Туринца города Орѣховца. —
Это тутъ-то вѣдь Микулушка Селя́новичъ
А поѣхалъ-то Микула а за Вóльгой вслѣдъ.
А й Микулина кобыла да стушкомъ идётъ,
А й Вольги́ны кони во весь духъ бѣжатъ.
Пріѣзжали близъ Тури́ница да города Орѣховца.
А тыи мужики да вѣдь орѣховци
А на тыхъ на рѣченькахъ на быстрыихъ
А й подрѣзали мосты да всѣ дубовые,
Потопили много силы да Вóльгиной.
А й тутъ ли-то Вóльга Всеславьевичъ
Заѣзжае во Туринецъ съ своимъ дядюшкой.
Оны много силы рубятъ, больше въ плѣнъ берутъ,
Покорили розорили Туринец-отъ городъ Орѣховецъ.
Это скоро Вóльга поворотъ держитъ,
А во славный во стольный во Кіевъ-градъ.
Заѣзжаетъ Вóльга на широкой дворъ,
А й сходитъ онъ да со добра́ коня,
А й заходитъ Вóльга во высокъ теремъ,
А это тутъ Вóльга опочивъ держитъ.
Эта тая-та поѣздка тымъ рѣшиласи.

Записано въ Шалѣ, 28 іюля.

56.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РОЗБОЙНИКЪ.

А й первая поѣздка Ильи Муромца
А отъ того ли-то отъ города отъ Муромля,
Изъ того ли-то села изъ Карачакова.
А й справляется удáлый снаряжается,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ
А й во стольнёй во славный во Кіевъ градъ,
А й ко ласкову князю на почестной пиръ.
А й приходитъ-то Ильюня во Божью́ церковь,
А й ко тыи заутрени ко раннею,
А й налагаетъ вѣдь Илья на сéбе заповѣдь,
А й заповѣдь Илья себя великую:
Чтобы ѣхать вѣдь Ильюшѣ да во Кіевъ градъ,
А й не красть бы-то Ильюшѣ да не вóровать,
Не укпнуться на прелесть бы на женскую,
А й не кровавпть бы Ильи да сабли вострыи,
А й не кровавить бы да стрѣлочекъ каленыихъ,
А ѣхать бы дорожкой прямоѣзжею
А й ко славному ко городу ко Кіеву.
И онъ справляется Ильюша, снаряжается,
А ї обуваетъ-то Илья да черны чоботы,
А одѣваетъ-то онъ платьица дорожныи,
Надѣваетъ на головку пуховóй кивёръ,
А обкольчужился Ильюша, онъ облатпился.
А й уздае сѣдлае коня добраго,
Налагае вѣдь онъ потнички на потнички,
Налагае вѣдь онъ войлоки на войлоки,
Полагаетъ онъ сѣделышко черкальское.
Это туго вѣдь онъ подпруги подтягивалъ,
А й самъ-то онъ Илья да выговаривалъ:
«А не для-ради красы басы, братцы, молодецкія,
«А для укрѣпушки-то было богатырскія».

А й беретъ-то вѣдь Илья свой ту́гой лукъ,
А й беретъ-то Илья саблю вострую,
А й беретъ-то онъ копьё да долгомѣрноё,
А й беретъ-то онъ палицу военную,
А й выходитъ-то Илья да на широкой дворъ,
А й садился Илья на добра́ коня,
А видли добра молодца да сядучись,
А не видли тутъ уда́лаго поѣдучись.
А пріѣзжаетъ вѣдь онъ къ городу Бекешовцю;
А около ли того да города Бекешовца
Стоитъ много множество поганыихъ татаровей.
А заѣзжаетъ-то Илья да во Бекешевъ градъ,
И это началъ онъ по улочкамъ побѣгивать,
А это началъ про дороженку розспрашивать,
А заходитъ-то Илья да во Божью́ церковь.
А собиралисе вси му́жики бекешовци
А во тую-то во церковь во соборную,
А всѣ каются они́ да причащаются,
А й къ смерти оны всѣ да зготовляются.
А тутъ старыи казакъ да Илья Муромецъ
А онъ глаза-ты вѣдь креститъ да по писа́ному,
А й поклонъ-то онъ ведетъ да по учёному,
А й на вси стороны Ильюша поклоняется,
А челомъ-то онъ бьетъ да о сыру землю:
«Ай здравствуйте вси мужики бекешовци!
«А й покажите вы дорожку прямоѣзжую,
«Прямоѣзжую дорожку прямохожую,
«А й черезъ темныи лѣса да тыи Брынскіи,
«А черезъ тыи грязи теперь Черныи,
«А черезъ тое вѣдь поселье Соловьи́ноё».
Говорятъ-то вѣдь мужики бекешовци:
— А не можемъ показать да мы дорожки прямоѣзжія.
— А на нашъ ли на Бекешовъ градъ
— Наступило много вѣдь поганыихъ татаревей. —

Это скоро тутъ Ильюша поворотъ держитъ,
А й выходитъ-то Ильюша со Божьёй церквы,
А й садился-то Ильюша на добра́ коня,
Выѣзжаетъ-то Ильюша вонъ изъ города,
Вырываетъ онъ дубинку въ три обо́ймени.
Это началъ онъ дубинушкой помахивать,
А и началъ онъ татаръ да тутъ охаживать,
А й прибилъ пригубилъ до еди́ной головы́,
А дубинку на лози́нки всю поро́сщолкалъ.
Это скоро тутъ Ильюша поворотъ держитъ,
Заѣзжаетъ онъ во городъ во Бекешовецъ:
«Ай же вы мужики бекешовцы!
«А й покажите вы дорожку прямоѣзжую,
«Прямоѣзжую дорожку прямохожую,
«А во славный во стольнёй во Кіевъ градъ!»
А воспрого́ворятъ тутъ мужики бекешовцы:
— Ай же ты уда́лой доброй молодецъ!
— А й живи-ко ты у насъ да воеводою,
— А береги-тко городъ нашъ Бекешовецъ! —
А воспрого́воритъ Илья да таково слово:
«А й не буду вѣдь я жить да воеводою,
«А й покажите вы дорожку прямоѣзжую».
А это тутъ-то мужики бекешовцы
А насыпа́ли они́ чашу красна золота,
А другую насыпали чиста се́ребра,
А третью насыпали скатна жемчугу,
А подносили тутъ Ильи да во подарочкахъ.
А й не беретъ Илья да злата серебра,
А й не мелкаго скатнаго жемчуга.
А й говорятъ да мужики да тутъ бекешовцы:
— Ай же ты уда́лой доброй молодецъ!
— А не проѣхать ти дорожкой прямоѣзжею,
— А заросла́сь тутъ дорожка да темны́мъ лѣсомъ.
— А на той-то на пути да на дороженки,

— А у той-то вѣдь у грязи да у Черные,
— А у той-ли вѣдь у рѣчки у Черниговской,
— А сидитъ Со́ловей розбойникъ онъ Рахме́нтовичъ,
— А сидитъ Со́ловей-то онъ да на семи дубахъ,
— Это въ во́сьмыи бере́зищи покляпыи.
— А засвищетъ онъ да по змѣиному,
— Закрычитъ ли-то онъ по звѣриному,
— А жолты́ пески со кряжиковъ посыплютсе,
— А темны́ лѣсы къ сырой земли приклонятсе,
— А побьетъ-то онъ тебя своимъ голосомъ. —
А й воспрого́воритъ Ильюня таково слово:
«Ай же вы мужики бекешовци!
«А й покажите вы дорожку прямоѣзжую».
А й показали тутъ дорожку прямоѣзжую.
А й садился тутъ Илья да на добра́ коня,
А видли добра молодца да сядучись,
А не видли тутъ уда́лаго поѣдучись.
А не буйныи-ты вѣтры тутъ завѣяли,
А поѣхалъ тутъ уда́лой доброй молодецъ
Этой той ли да дорожкой прямоѣзжею,
А й прямоѣзжею дорожкой прямохожею.
А пріѣзжаетъ вѣдь онъ скоро ко темны́мъ лѣсамъ,
А й ко тые грязи да ко Черные,
А розвалилисе тутъ мостики дубовые,
А больше тутъ Илью не ѣхать не́куды.
А спущался тутъ удалый со добра коня,
А ведетъ коня-то онъ на поводи,
А й правою рукой дубья колодья рветъ,
А про себя Ильюшенка онъ мостъ моститъ,
И проѣзжаетъ-то Ильюша ровно тридцать верстъ.
А й садился-то Илья да на добра́ коня,
Пріѣзжаетъ-то Илья ко той ли рѣчки ко Черниговской,
А онъ слышитъ тутъ гнѣздо да Соловьиное.
А сорываетъ онъ Илья да маковъ листъ,

А затыкаетъ онъ Илья да уши въ го́ловы.
А увидѣлъ его Со́ловей розбойникъ да Рахме́нтовичъ,
А й закрычалъ-то онъ вѣдь по звѣрину́му,
А свистнулъ-то онъ по змѣи́ному,
А ино мать сыра земля продрогнула,
А со кряжиковъ песочики посыпались,
А во рѣченки вода вся помутилася,
А темны́и да лѣсы приклонилисе,
А богатырской конь да на колѣнка палъ,
А й молодой Илья одва съ коня не палъ.
А бьетъ-то онъ коня да по тучны́мъ ребрамъ:
«Ай волчья сыть да травяной мѣшокъ!
«А по́ лѣсу ты конь да мой не хаживалъ,
«А й воронинаго ты крику ты не слыхивалъ?»
А подъѣзжаетъ онъ вѣдь къ кустику ракитову,
Вынималъ Ильюню́ша ножи́що да кинжалище,
А вырубилъ онъ стрѣлочку ракитову,
А й натягивалъ Ильюшенка свой ту́гой лукъ,
И налагаетъ вѣдь онъ стрѣлочку ракитову,
А самъ онъ ко стрѣлы да приговариватъ:
«А ты лети, моя стрѣла, не въ тёмной лѣсъ,
«А ты лети, моя стрѣла, да не въ чисто́ полё,
«А й лети ты Со́ловью ему въ правой-отъ глазъ,
«А вылетай-ко ты стрѣла да во лѣво́ ухо!»
А стрѣли́лъ вѣдь онъ ту стрѣлочку ракитову,
А й пала стрѣлочка розбойнику во правой глазъ,
А вылетѣ́ла-то она да во лѣво́ ухо.
Покатился онъ оттуда что овсяный снопъ:
А беретъ его Илья да за бѣлы́ руки,
А вязалъ-то къ стремени да ко булатни́,
А повёзъ-то вѣдь Илья его во Кіевъ градъ.
Пріѣзжае ко поселью къ Соловьиному,
Увидали-то Илью да его дѣтушки:
— Татенька-тотъ ѣдетъ, мужика везетъ. —

А взглянула-то его да молода жона:
— Мужик-отъ ѣдетъ, Соловья везе. —
А тутъ-то дочка его бо́льшая
А выбѣгала-то она да на широкій дворъ,
А хватила подворотню въ девяносто пудъ,
А хочетъ-то ударить Илью въ голову;
А поворотушки-ты были молодецкіи,
А знаетъ онъ ошибки вси дѣво́чьіи,
А пинаетъ-то дѣвку Илья по́дъ гузно,
А бьетъ-то онъ дѣвку по бѣлы́мъ грудямъ,
А улетѣла тутъ дѣвка за широкій дворъ.
А й говорилъ тутъ онъ розбойникъ таково слово:
«Ай же ты моя да молода жона,
«Ай же вы мои да малы дѣточки!
«А й насыпайте три телѣги злата се́ребра
«А й старому каза́ку Илью Муромцу,
«А й проси́те-тко меня да на свою́ волю».
А не беретъ Илья да не злата ни се́ребра:
— А й твой животъ да есть неправедёнъ. —
А повезъ-то онъ ко городу ко Кіеву
И ко тому ко князю ко Владиміру.
А пріѣзжаетъ-то онъ скоро да во Кіевъ градъ,
И посѣлъ вѣдь тутъ Илья ко тые ко обѣдени ко поздные.
А й становилъ-то онъ коня на княженецкой дворъ,
А вязалъ коня къ столбу точеному
А й ко тому кольцу ко золоченому.
А й приходитъ-то Илья да во Божью́ церковь,
А й ко тыя обѣдени ко поздные,
А онъ крестъ-то сложилъ да по писа́ному,
А поклон-отъ онъ ведетъ да по ученому.
И отстояли оны позднюю обѣденку.
А на вси стороны Илья да поклоняется,
А князю со княгиною въ особину.
А й солнышко Владиміръ стольнё-кіевской

А зоветъ-то князей да на почестной пиръ
А сильнихъ могучихъ богáтырей.
И заходили тутъ во гридню княженецкую,
А й въ княженецкую-ту гридню во столовую,
А садились за столы ли за дубовыи
А за тые ли за скатерти за браныѥ
А за тые ли за ѣствы за сахарнiи,
И хлѣба-то соли да ихъ кушати,
А й бѣлаго лебедя порушати.
А Владимiр-отъ князь да стольнё-кiевской
А самъ онъ на Ильюнюшку посматривать,
А й таково слово князь да выговаривать:
«Ай же ты удáлой доброй молодецъ!
«А й коёй ты орды да коёй земли,
«А й какъ-то тебя зовутъ по имени,
«А звеличаютъ-то тебя да по отечеству?»
А воспрогóворитъ Илья да таково слово:
— Ай же ты Владiмiръ князь да стольнё-кiевской!
— А я естé изъ города изъ Муромля
— А изъ того вѣдь я села да Карачакова,
— Еще старыи казакъ да Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ. —
А й воспроговоритъ Владiмiръ таково слово:
«А й когда же ты выѣхалъ изъ города изъ Муромля?»
А на то ему Илья да вѣдь отвѣтъ держалъ:
— А сёгоднёшняго дня простоялъ я раннiи заутрены,
— А поспѣлъ я сюда ко тыи ли ко обѣдени ко поздниi.—
А говоритъ Владiмiръ таково слово:
«Ай же ты старыи казакъ да Илья Муромецъ!
«А й какой же ты дорожкой проѣзжалъ сюды?»
Згóворитъ-то вѣдь да таково слово:
— А ѣхалъ я дорожкой прямоѣзжею,
— А прямоѣзжею дорожкой прямохожею. —
«А видалъ ли ты у рѣчки у Черниговской,

«А видалъ ли ты розбойника Рахментьева?»
А говоритъ-то вѣдь Ильюша таково слово:
— А привёзъ я розбойника его сюды,
— А теперь розбойникъ-то у стремены́ виситъ. —
А приказалъ-то вѣдь Владимір-отъ князь да стольнё-кіевской,
А й приводилъ его Ильюня на почестный пиръ.
Зго́воритъ тутъ солнышко Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ай ты Со́ловей розбойникъ Рахментовичъ!
«Закрычи-тко ты розбойникъ бо́льшею прогла́сицой,
«А закрычи-тко ты да по звѣриному,
«А засвищи-тко ты розбойникъ по змѣиному».
Воспрого́воритъ розбойникъ таково слово:
— Ай же ты Владиміръ стольнё-кіевской!
— Не твоё ли-то я ѣмъ, я вѣдь-то кушаю,
— Не хочу я тебя князя слушати. —
Испрого́воритъ Владиміръ таково слово:
«А старыи казакъ да Илья Муромецъ!
«А й прикажи-ко закрычать да ты розбойнику».
Воспрого́воритъ Ильюня таково слово:
— Ай ты Со́ловей розбойникъ да Рахментовичъ!
— Ай закрычи-тко ты да гласомъ нижніимъ. —
Это Со́ловей розбойникъ да Рахментовичъ
А скрычалъ-то онъ да гласомъ своимъ нижніимъ,
А й маковки со теремовъ посыпались,
А хрустальніе околенки розлопали,
А всѣ ли заходили окаракою,
А князь-то Владиміръ онъ со стула палъ,
А три часу́ онъ князь да безъ души лежалъ.
А это скоро вѣдь-то князь да пробуждается,
А говоритъ-то князь да таково слово:
«Положу я тя во Кіевъ градъ да воеводою».
А й говоритъ-то вѣдь розбойникъ таково слово:
— Ай положишь ты меня да воеводою,

— А всѣ будутъ во Кіеви отъ меня вóяти [1]),
— А сердцо мое да есть розбойницко. —
А й говоритъ-то вѣдь Владиміръ стольнё-кіевской:
«А положу я тебе въ манастырь Благовѣщенской строителёмъ».
А говоритъ-то вѣдь розбойникъ таково слово:
— А не строитель я буду, манасты́рю розоритель вѣдь. —
А й беретъ его Илья за тыи ли за рученки за бѣлыя,
А выводитъ-то Илья да во чисто́ полё,
А й привязалъ-то вѣдь Илья его на сы́рой дубъ,
А натягивалъ Ильюшенка свой ту́гой лукъ,
Накладáетъ вѣдь онъ стрѣлочку каленую,
А стрѣлилъ-то онъ розбойнику во бѣлу грудь,
А роздробилъ-то тутъ его да бѣлу грудь, —
А й полно тутъ розбойнику розбойничать!
Это первая поѣздка Ильи Муромца,
А по тыихъ мѣстъ поѣздка да кончается.

Записано тамъ же, 29 іюля.

57.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

А й во стольноёмъ во городи во Кіеви
А й у ласкова князя у Владиміра
А начинался заводился да почестной пиръ,
А на многія на князи да на бóяра,
А не зоветъ онъ вѣдь собѣ да во почестной пиръ
А сильнихъ могучихъ богáтырей.
А приходитъ-то Ильюша да не званый онъ.
А приказалъ-то вѣдь Владиміръ князь да стольнё-кіевской

---

1) Т. е. быть.

Засадить его туда да во глубокъ погрёбъ
А поморить его смертью голодною.
А сильніи кіевски богáтыри
А розсердились тутъ на князя на Владиміра,
А оны скоро вѣдь садились на добрыхъ коней,
А уѣхали оны да во чистó полё,
А й во тое роздолье во широкоё:
«А й не будемъ вѣдь мы жить больше во Кіеви,
«А не будемъ мы служить князю Владиміру».
А у князя-то вѣдь дочка-та малешенька.
А малешенька-та дочка молодéшенька,
Во-потай берé ключи у своей матери
А отъ тыхъ ли-то отъ пóгребовъ глубокіихъ;
Составляетъ[1]) она хлѣбъ да Ильи Муромцу.
А й проходило вѣдь тутъ времени ровно трй году;
А тогда же вѣдь тотъ воръ, воръ Кáлинъ царь,
А собираетъ онъ дружинушку хоробрую,
А собираетъ онъ себѣ да вѣдь многó царей,
А мнóго-то царей да много кóролей,
А собрали силы оны смѣту нѣтъ,
А поѣхали ко стольнёму ко городу ко Кіеву,
А на тую ли на славу на великую,
А ко ласкову князю ко Владиміру,
А хочутъ взять оны княгиню да Опраксію,
А покорить себѣ-ка оны Кіевъ градъ.
Становилась эта сила близко Кіева,
Близко Кіева стоитъ да во чистóмъ поли.
Кáлинъ царь а посылаетъ онъ поганаго татарина
А й со тымъ пйсьмомъ со посольніимъ,
А ко тому ли-то ко князю ко Владиміру:
— Ай же ты поганыи татарищо!
— Знаешь говорить да ты по русскому,

---

1) Т. е. доставляетъ, — такъ объяснилъ пѣвецъ.

— А мычать про себя да по татарскому?
— А й снеси-ко ты писёмышко ко князю ко Владимiру.—
А тутъ татаринъ да поганыи
А садился скоро на добра́ коня,
А получаетъ онъ письмо да къ себѣ на́ руки,
А поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву
А й ко ласкову князю ко Владимiру.
Заѣзжаетъ-то онъ въ градъ да не воротами,
А черезъ тую ли-то стѣну городо́вую,
А заѣзжаетъ онъ къ князю́ да на широкiй дворъ.
А й вязалъ коня къ столбу точоному
А й ко́ тому кольцу да къ золочоному,
Л й приходитъ онъ въ покои княженецкiе,
А онъ глазъ-то не крести́тъ, Богу не молится,
А не даетъ-то онъ чести Владимiру,
А положилъ-то онъ письмо да на дубовой столъ:
«А й прочитай-ко ты письмо, Владимiръ князь!»
А онъ смотритъ, во письмѣ да есть написано,
А проситъ-то у князя да Ка́линъ царь
А й славнаго города да Кіева,
Да обручныя княгины да Апраксіи,
А безъ бою-то безъ драки безъ великiи
А безъ большого-то такого кроволитія.
А закручинился тотъ князь да запечалился
Это той тоской печалью онъ великою:
— А розсердѣлъ-то я теперь бога́тырей
— А стараго каза́ка Илью Муромца
— А засадилъ-то его во глубокъ погрёбъ,
— А й поморилъ его сме́ретью голодною, —
— А некому стоять буде за Кіевъ градъ. —
А дочка его была малешенька,
А малешенька-та дочка молодешенька,
А й говорила-то она да таково слово:
«Ай же ты родитель ты мой папенька!

«А слышала во церкви во писанiи,
«А старому казáку на бою смертъ не уписана,
«И голодная смертъ не уписана.
«А бери-тко князь ты золоты ключи».
А беретъ-то князь да золоты ключи,
А отмыкаетъ-то вѣдь князь да глубокóй погрёбъ,
А во погреби Ильюнюшка живой сидитъ,
А й горитъ у Ильюни воскова свѣча,
А читаетъ онъ вѣдь книгу да Евангельё.
А извиняется тутъ князь да стольнё-кіевской
А старому казáку Илью Муромцу:
— А прости-тко ты меня да Илья Муромецъ!
— А посадилъ я тя во погребы глубокія,
— А хóтѣлъ пóморить смертью́ голодною,
— А еще вѣдь ты Ильюнюшка да живъ вѣдь есть.
— А не знаешь ты незгодушки великія:
— А ко славному ко городу ко Кіеву
— Наѣзжалъ-то тутъ поганыи воръ Кáлинъ царь,
— А собрапа дружинушка многó царей,
— А мнóго царей-то собралъ, много кóролей,
— А пóдобрано силы у ихъ смѣту нѣтъ,
— А все сильнíи могучíи татарева.
— А не мошь ли постоять да ты за Кіевъ градъ,
— А за матушку стоять да свято-Рýсь землю,
— А постоять ли-то за церквы за соборныя,
— А тыи за кресты животворящіе,
— А спасти насъ тéперь всѣхъ князей бояръ?
— А некому поѣхать супротиво царя Кáлина,
— А розсердѣлъ-то я теперь богáтырей,
— А уѣхали оны да во чистó полё,
— А й не бывали óны здѣсь да трú году. —
А й говоритъ-то ёму старыи казакъ да Илья Муромецъ:
«Ай Владимíръ князь ты стольнё-кіевской!
«А гдѣ же есте мóи да конь добрыи?»

— А твой конь во стойлы лошадиныи. —
А й тутъ-то старыи казакъ да Илья Муромецъ
Одѣваетъ латы-ты кольчуги золоченыи,
А онъ уздаетъ сѣдлаетъ коня добраго,
А й полагаетъ вѣдь онъ потнички на потнички,
А й полагаетъ вѣдь онъ войлочки на войлочки.
А на верёхъ-то онъ сѣдёлышко черкальское,
А й беретъ-то вѣдь Ильюня да свой ту́гой лукъ,
А й беретъ-то тутъ Илья да калены́ стрѣлы,
А й беретъ-то тутъ Илья да саблю вострую,
А й беретъ-то онъ копьё да долгомѣрноё,
А й беретъ-то онъ да палицу военную,
А й беретъ-то онъ трубку-ту подзорную,
А й садился Илья да на добра́ коня,
А не смѣетъ напустить на тую силу не на смѣтную *(такъ)*,
А на сильнiихъ могучiихъ татаревей.
А выѣзжаетъ-то Илья да во чисто́ полё,
А поднимается на гору на высокую,
А й поглядѣлъ вѣдь онъ во трубку во подзорную,
А на вси-то на четыре онъ на стороны;
А со первой горы Илья да онъ спущается,
А на другую-то онъ гору поднимается,
А поглядѣлъ-то онъ во трубку во подзорную,
А й на вси онъ на четыре да на стороны;
А со другой горы да онъ Илья спущается.
А на третьюю высоку поднимается,
А поглядѣлъ-то онъ во трубку во подзорную,
А на вси онъ на четыре да на стороны;
А въ той ли стороны́ да подвосточныя
А увидае въ поли тамъ бѣло́й шатёръ.
А пріѣзжаетъ тутъ Илья да ко бѣлу́ шатру,
А у того ли въ поли у бѣла́ шатра
А стоитъ двѣнадцать ко́ней богатырскiихъ,
А видитъ-то Илья да таково дѣло:

А стоятъ ты кони, кони тутъ русíйскія,
А ёго-то вѣдь братьицевъ крестовыихъ,
А крестовыихъ-то братцевъ вѣдь названыихъ.
А онъ вязалъ коня тутъ ко столбу точеному,
А й припущалъ-то ко пшены да бѣлояровой,
А заходилъ-то тутъ Илья да во бѣлóй шатёръ,
А глаза-ты онъ крести́тъ да по писáному,
А й поклон-отъ онъ ведетъ да по учёному,
А на вси сторопы Ильюня поклоняется,
А й крёстному онъ батюшку въ особину:
«А здравствуёшь ты крёстный ты мой батюшко,
«А й Самсонъ сынъ Самойловичъ!
«А вы здравствуйте крестова моя братія,
«А крестовая вы братія названая!»
А увидали-то оны да Илью Муромца,
А скоро вѣдь скочили на рѣзвы́ ноги,
А съ Ильюшенкой тутъ братія здоровкались:
— А старыи казакъ да Илья Муромецъ!
— А й говорили, ты посаженъ во глубокъ погрёбъ
— У того ли-то у князя у Владимíра,
— А поморёнъ ты смеретью голодною,
— А ты вѣрно старикъ да живъ поѣзживашь.—
А й говоритъ-то вѣдь Илья да таково слово:
«Ай же ты крёстной мой батюшко,
«А Самсонъ сынъ Самойловичъ,
«А вси братія крестовая названая!
«А поѣдемте ва пóмочь на великую,
«А й насу́противъ поѣдемъ царя Ка́лина».
А говоритъ-то вѣдь крёстной ёму батюшко:
— А я самъ-то вѣдь не ѣду, да теби не бла́словлю,
— А не буду я стоять больше́ за Кіевъ градъ,
— А й не могу болѣ́ смотрѣть на князя Владимíра
— А на Апраксíю да королевичну,
— А й положено заклятіё великоё. —

А говоритъ-то вѣдь Ильюня таково слово:
«Ай же ты вѣдь крёстной мой батюшко!
«А поѣдемъ-ко ты на по́мочь великую,
«Супроти́въ поѣдемъ царя Ка́лина,
«А не ради вѣдь мы князя да Владиміра,
«А не ради мы княгины да Апраксіи,
«А и ради матушки поѣдемъ свято-Русь земли,
«А ради́ той ли-то вѣры православныя,
«А для ради церквей да мы соборныихъ,
«А для матушки да Богородицы».
И это тутъ-то крёстный его батюшко
А вся крестовая названа его братія
А поѣхали да на́ помочь великую,
А супроти́въ царя да ѳны Калина.
А выѣзжали-то на гору на высокую,
А оны брали трубку тутъ подзорную
А й поглядѣли тутъ на силу на поганую;
А стоитъ-то сила тая во чисто́мъ поли,
Аки синее море колыбается,
Ино мать-та земля да подгибается.
И тутъ-то оны шатеръ розставили,
А й вязали коней къ столбу точёному,
Это тутъ-то оны да опочивъ держатъ.
А Ильюнюшки не спится, мало со́бится;
И зауснула вѣдь тутъ братія крестовая.
А встаётъ-то вѣдь Илья да на рѣзвы́ ноги
А выходитъ-то вѣдь Илья да изъ бѣла́ шатра
А садился-то Илья да на добра́ коня,
А спучается[1]) со го́ры со высокія,
А напучаетъ[2]) онъ на рать-силу поганую
А на сильныхъ на могучихъ на татаревей.

---

1) Т. е. спущается.
2) Т. е. напущаетъ.

А силу-ту онъ бьетъ да трои сутки не ѣдаючи,
А не ѣдаюци Илья да не пиваюци,
А съ добра́ коня Илья да не слѣзаючи,
А добру́ коню отдо́ху не даваючи;
А бьётъ-то силу до шести онъ дёнъ,
А не ѣдаюци Илья да не пиваюци,
А съ добра́ коня Илья да не слѣзаючи,
А добру́ коню отдо́ху не даваючи.
А его доброй-отъ конь да проязы́чился
А тѣмъ ли язы́комъ человѣческимъ:
— Ай ты старыи казакъ да Илья Муромецъ!
— А укроти-тко ты вѣдь сердцо богатырское.
— А у поганыхъ у татаревей
— А е сдѣлано три по́дкопа глубокіихъ:
— А й во первы́й подко́пъ скочу да я повыскочу,
— А тебя-то я Ильюшу да повывезу;
— А во другой подкопъ скочу да я повыскочу,
— А тебя-то я Ильюшу да повывезу;
— А во третьей подкопъ скочу да я повыскочу,
— А тебя-то я Ильюшенку не вывезу. —
А розгорѣлось его сердцо богатырское.
А розмахалась его рученка-та правая,
А направилъ онъ коня да во глубокъ подкопъ.
Его добрый конь оттуль повыскочилъ,
А Ильюнюшку съ подкопа онъ повытащилъ;
А со дру́гаго подкопа конь повыскочилъ,
А онъ Ильюнюшку оттуда онъ повытащилъ;
А со третьяго подкопа конь повыскочилъ,
А Ильюшенки съ подкопа онъ не вытащилъ.
А сбѣжалъ его конь да во чисто́ полё,
Это началъ онъ вѣдь по́ полю побѣгивать.
Это сильніи могучіи татарева
А здымали-то Илью да вѣдь со погреба,
А связали-то Илью да ручки бѣлыя.

А во тыи ли во пу́тыни шелко́выя,
А повели его на казень-ту на смертную,
А й отрубить-то вѣдь Ильи да буйна го́лова
А ведутъ Илью да мимо церковь соборную,
А возмолился тутъ Илья да всѣмъ святителямъ.
А й какъ изъ да́леча дале́ча изъ чиста́ поля
Набѣжалъ-то тутъ къ Ильюшенки да добрый конь,
А й хватилъ-то онъ зубамы да за тыя пу́тыни шелко́выя,
Оборвалъ-то путыни шелко́выя,
А слободилъ его онъ ручики да бѣлыя.
А скочилъ Илья да на добра́ коня,
А выѣзжаетъ-то Илья да во чисто́ полё,
А й натягиватъ Илья свой ту́гой лукъ,
Налагаетъ вѣдь онъ стрѣлочку каленую,
А самъ онъ ко стрѣлы да приговариваётъ:
«А пади моя стрѣла ни на́ воду, ни на́ землю,
«А не въ темный лѣсъ, да не въ чисто́ полё,
«А пади моя стрѣла на тую ли на гору на высокую,
«А проломи-тко крышу-ту шатровую.
«А пади-тко крёстному ты батюшку,
«А крёстному ты батушку во бѣлу грудь,
«А роздроби ему ты груди бѣлыя,
«А за тую за измѣну за великую».
А тутъ стрѣлилъ да Илья Муромецъ;
А летѣла тутъ стрѣла да вѣдь на гору на высокую,
А й проломила она крышу-ту шатровую,
А пала она крестному отцу на бѣлу грудь,
А на бѣлую-ту грудь да во злаче́ный крестъ.
А ото сну тутъ крестный пробуждается,
Говоритъ-то имъ да таково слово:
— Ай вы сильнія могучія бога́тыри,
— А пробуждайтесь ото сну да вы отъ крѣпкаго!
— А гдѣ-то у насъ старыи казакъ да Илья Муромецъ?
— А мы ѣдимъ да пьёмъ да проклаждаемся,

— А мы не вѣдаемъ незгоды надъ Ильюшенкой. —
А ставали вѣдь тутъ сильніи могучіи богáтыри,
А скоро-то ставали на рѣзвы́ ноги,
А й выходили-то оны́ да изъ шатра долой,
А садилися оны́ да на добры́хъ коней,
А спущалися оны́ да съ высокóй горы,
Нападали на погапыихъ татаревей,
А прибили прирубили да всю силу ту несмѣтную,
А несмѣтную ту силу да несчётную.
Это скоро тутъ оны́ да поворотъ держатъ
А й ко столыне́му ко городу ко Кіеву
А ко ласкову ко князю ко Владиміру.
Заѣзжали-то ко князю да въ широкій дворъ,
А вязали-то коней къ столбу точе́ному,
Ко тому кольцу ко золоче́ному,
А приходятъ-то во гридню во столовую.
А Владиміръ князь да столыне́-кіевской
А завелъ-то онъ тутъ свой почестный пиръ,
А на многія на князи да на бóяра
А на сильнихъ на могучихъ на богáтырей.
А всѣ ли на пиру да напивалисе,
А всѣ ли на пиру да наѣдалисе,
А всѣ ли на пиру да пьяны веселы.
А красное солнышко при вечери,
А почестной-отъ пиръ да весь при весели.
А Владимір-отъ князь да столыне́-кіевской
А жалуётъ онъ сильніихъ могучіихъ богáтырей,
А даваетъ города да съ пригородками,
А даваетъ золоту казну безсчётную.
А князь-то онъ богáтырей да содержать[1]) ихъ сталъ.

Записано тамъ же, 29 іюля.

---

1) Т. е. держать при себѣ въ чести, такъ пояснилъ пѣвецъ.

58.

ПОСЛѢДНЯЯ ПОѢЗДКА ИЛЬИ МУРОМЦА.

А ѣздилъ-то старъ по чисту́ полю,
И отъ младости да старъ до старости,
И отъ старости да до гробно́й доски
Эдакаго чуда не наѣзживалъ:
Наѣзжаетъ старъ да три дороженки,
А й три пути широкіихъ розстаночки;
А на этыхъ путяхъ на дороженкахъ
А й стоитъ стоитъ дубово́й столобъ,
А й на столби-то подпись подписана:
А й во перву дорожку ѣхать — убиту быть,
А во другую ѣхать — женату быть,
А во третью ѣхать — богату быть.
Это тутъ старъ пороздумался:
«На что мнѣ-ка-ва стару женату быть?
«Молодая-то жена да то чужа корысть.
«На что мнѣ-ка-ва стару богату быть?
«Это надо мнѣ-ка старому убиту быть».
А поѣхалъ-то вѣдь старый въ ту дороженку.
Проѣзжаетъ-то вѣдь старый ровно три́ часу,
Проѣзжаетъ-то онъ мѣста ровно триста верстъ.
Заѣзжаетъ онъ за горы за высокіи,
Наѣзжаетъ терема да превысокіи,
Наѣзжаетъ-то онъ станъ да вѣдь розбойничкой,
А не много ихъ не мало сорокъ тысячей.
А увидали тутъ вѣдь стараго розбойники,
А розбойники ты всѣ да наскакалисе,
А й за стараго оны всѣ захватилисе.
Говоритъ же вѣдь имъ старый таково слово:
«Ай же вы тати да розбойники,
«Ай плуты же вы да подорожники!
«Что же взять-то вамъ съ меня со стараго?

«У меня нѣту́ ни злата, да ни се́ребра,
«А й не мелкаго ли-то да скатнаго-то жемчуга;
«А кошуля на себѣ да въ цѣлу тысячу,
«А сѣделышко черкальско во пятьсотъ рублей,
«А коню-то моему да вѣдь цѣны́ нѣту».
И закрычалъ тамъ атаманъ да вѣдь розбойничкой,
Закрычалъ-то атаманъ да громкимъ голосомъ:
— Ай же вы тати да розбойники,
— А плуты этакіе подорожники!
— Да чего же вамъ со старымъ розговаривать?
— А й срубите-тко ему да буйну голову! —
Это тутъ вѣдь старенькой роспа́хнется,
Это пачалъ своей палицей помахивать;
Куда ма́хнетъ — туда улица,
Въ задъ отма́хнетъ — переулкамы.
Онъ прибилъ-то приломилъ да всихъ розбойниковъ,
И онъ съ перваго да до оста́тнёго.
Это скоро тутъ да старый поворотъ держалъ,
Это старую-ту подпись зафальшивливалъ,
А новую-ту подпись подписывалъ:
«А ѣздилъ тутъ старый, да убитъ не былъ».
А поѣхалъ тутъ вѣдь старый гдѣ женату быть.
Ѣдетъ времечки онъ столько три́ часу,
Проѣзжаетъ онъ вѣдь мѣста ровно триста вёрстъ.
Наѣзжаетъ тутъ вѣдь старый краси́во село,
А селомъ-то назвать да велико́ стоитъ,
Городомъ-то назвать да мало́ стоитъ;
И построенъ во селп да королевскій дворъ,
Жи́ветъ душечка Маринка королевична,
Прилещаетъ-то она да добрыхъ мо́лодцовъ.
А заѣзжае тутъ вѣдь старый на широкой дворъ,
А й сходилъ тутъ старъ да со добра́ коня,
А й вязалъ-то коня къ столбу точёному
И къ тому ли-то колецку золочёному.

И выходила тутъ Маришка на широкой дворъ,
А й берéтъ его за ручки-ты за бѣлыи,
А цѣлуетъ во уста да во сахáрніи,
А проводитъ вѣдь въ полату бѣлокаменну.
А садила вѣдь его да за дубовый столъ,
А за тыя ли за скатерти шелкóвыи,
А за тыя ли за ѣствы за сахáрніи,
И за сладкіе за пи́тья за медвяныи.
А сама отходя́ да поклоняется,
Згóворитъ она ему да таково слово:
«Ѣшь-ко старъ — не наѣдайся ты,
«Пей-ко старъ — не напивайся-ко,
«Чтобы могъ бы ты со мной да позабавиться».
Ѣстъ-то вѣдь старый наѣдается,
Пьетъ-то вѣдь старъ да напивается,
Себи никакой незгодушки не вѣдаётъ.
А вѣдь брала тутъ Маришка за бѣлы́ руки,
Повела-то вѣдь его да во теплу́ спальню
И ко тыи́ кроватки ко подложистой,
Сама-то говоритъ да таково слово:
«А ложись-ко старенькой о стѣ́ночку,
«Лягу молода да я на кра́ичокъ».
А говоритъ вѣдь ей тутъ старый таково слово:
— Ахъ ты душечка Маринка королевична!
— А ложись-ко ты Маришка да о стѣ́ночку,
— Лягу вѣдь я старый вѣдь на кра́ичокъ.
— У меня-то вѣдь у стараго теперь да не по старому,
— Не по старому у меня, да мочь не держится,
— Почасту́ я буду старый ночью вонъ ходить,
— А вонъ я ходить да вѣдь коня смотрѣть. —
Взималъ-то ю за рученки за бѣлыи,
А кидалъ ю на кроватку на подложисту,
Провалиласи Маришка во глубокъ погрёбъ.
А й беретъ-то вѣдь старый золоты ключи,

Отмыкае старый кованы́ замки,
Выпущае онъ много́ царей,
А много́ царей да царевичёвъ,
А много́ ли королей да королевичевъ,
Много сильніихъ могучіихъ бога́тырей.
Говорятъ ему старому таково слово:
«А спасибо теби, старыи казакъ да Илья Муромецъ,
«Что ты выпустилъ съ неволи со великіи».
А й беретъ вѣдь старый-то Маришку за бѣлы́ руки,
Выводилъ-то Маришку во чисто́ полё,
А й вязалъ-то Маришку ко сыру дубу,
А й натягивалъ-то старый да свой ту́гой лукъ,
И налагаетъ вѣдь онъ стрѣлочку каленую,
А стрѣляетъ онъ Маришку да во бѣлу грудь,
Роздробилъ-то у Маришки ретиво́ сердцо.
Это тутъ ли-то старый поворотъ держалъ,
И пріѣзжаетъ-то старый къ дубову́ столбу,
Это старую-ту подпись зафальшивливалъ
И новую-ту подпись онъ подписывалъ:
«Ѣздилъ-то вѣдь старый, да женатъ не былъ».
А поѣхалъ-то вѣдь старый гдѣ богату быть.
Проѣзжаетъ-то вѣдь времечки ровно три́ часу,
Проѣзжаетъ вѣдь онъ мѣста ровно триста верстъ.
Наѣзжаетъ вѣдь онъ въ полп да глубокъ погрёбъ,
А насыпанъ погребъ злата се́ребра,
А насыпанъ онъ туда да скатна жемчугу,
А наваленъ-то вѣдь на погребъ превели́къ камень,
А этотъ камень былъ тридевяносто пудъ.
А сходилъ-то старый со добра́ коня,
Подпа́лъ ли старый могучи́мъ плечомъ,
А онъ выкипулъ со погреба вели́къ камень,
А побралъ ли-то много злата много се́ребра,
Много мелкаго скатнаго жемчуга;
А й построилъ онъ церквы соборные,

Устанавливалъ звоны колокольніе.
А й тутъ же вѣдь старый поворотъ держалъ.
Пріѣзжаетъ старый къ дубовóй столбу,
Старый эты подписи не зафальшивливалъ,
Новую-ту подпись подписывалъ:
«А ѣздилъ-то старый, да богатой былъ».
Пріѣзжае онъ во славной во Кіевъ градъ
А ко тымъ ли онъ пещерамъ да ко кіевскимъ,
А прилетала невидѝма сила ангельска,
А взимали-то ёгò да со добрá коня
И заносили во пещеры-ты во кіевски,
И тутъ же вѣдь старый опочивъ держалъ.
А й потамѣстъ мы старому славы́ поёмъ,
Старому казáку Ильи Муромцю.

Записано тамъ же, 28 іюля.

59.

ДОВРЫНЯ И ЗМѢЙ.

Какъ во стольноёмъ во городи во Кіеви
Жилъ былъ тамъ удалый добрый мóлодецъ,
Мóлодой Добрынюшка Микитиничъ,
Пожелалъ-то итти онъ за охвотою.
Обуваетъ онъ сапожки на ножки зелéны сафьянъ,
Одѣваетъ онъ Добрыня платье цвѣтное,
Налагаетъ онъ вѣдь шапку во пятьсотъ рублей,
А й беретъ-то вѣдь Добрыня да свой тýгой лукъ,
Этотъ тугой лукъ Добрынюшка розрывчатой,
А й беретъ-то вѣдь онъ стрѣлочки каленыи,
А й приходитъ-то Добрыня ко спню́ морю,
А й приходитъ-то Добрыня къ первой зáводи;
Не попало тутъ ни гуся, ни лебедя,

А й не сѣраго-то малаго утеныша.
А й приходитъ то Добрыня къ дру́гой заводи,
Не находитъ онъ ни гуся, да ни лебедя,
А й ни сѣраго-то малаго утеныша.
А й приходитъ-то Добрыня къ третьей заводи,
Не находитъ онъ ни гуся, да ни лебедя,
А й ни сѣраго-то малаго утеныша.
Розгорѣлось у Добрыни ретиво́ сердцо,
Скоро тутъ Добрыня поворотъ держалъ,
А й приходитъ-то Добрынюшка во свой-отъ домъ,
Во свой домъ приходитъ къ своей матушки,
А й садился онъ на лавочку брусо́вую,
Утопилъ онъ очи во дубовый мостъ.
А й подходитъ-то къ Добрыни родна матушка,
А сама-то говоритъ да таково слово:
«Ай ты молодой Добрынюшка Микитинецъ!
«Что же Добрыня не весёлъ приполъ?»
А й говоритъ-то вѣдь Добрыня своей матушкѣ:
— Ай же ты родитель моя матушка!
— Дай-ко ты Добрыни мнѣ прощеньицо,
— Дай-ко ты Добрыни бласловленьицо,
— Ѣхать мнѣ Добрыни ко Пучай рѣки. —
Говоритъ-то вѣдь Добрыни родна матушка:
«Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«А не дамъ я ти прощенья бласловленьица
«Ѣхать ти Добрыни ко Пучай рѣки.
«Кто на Пучай рѣки на семъ свѣти́ да ѣзживалъ,
«А счастливъ-то оттуль да не пріѣзживалъ».
Говоритъ Добрыня своей матушки:
— Ай же ты родитель моя матушка!
— А дашь мнѣ-ка́ прощеніе, поѣду я,
— Не даешь мнѣ-ка́ прощенія, поѣду я. —
А и да́ла мать прощеніе Добрынюшки
Ѣхать-то Добрыни ко Пучай рѣки.

Скидывáетъ-то Добрыня платье цвѣтное,
Одѣваетъ-то онъ платьицо дорожное,
Налагалъ-то на головку шляпу земли гречецкой,
Онъ уздалъ сѣдлалъ да вѣдь добрá коня,
Налагаетъ вѣдь онъ у́здицу тесмяную,
Налагаетъ вѣдь онъ потники на потники,
Налагаетъ вѣдь онъ войлоки на войлоки,
На верёхъ-то онъ сѣделышко черкаское.
А и туго вѣдь онъ подпруги подтягивалъ,
Самъ ли-то Добрыня выговаривалъ:
— Не для ради красы басы, братцы, молодецкіе,
— Для укрѣпушки-то было богатырскіи. —
А й беретъ-то вѣдь Добрыня да свой ту́гой лукъ,
А й беретъ-то вѣдь Добрыня калены́ стрѣлы,
А й беретъ-то вѣдь Добрыня саблю вострую,
А й беретъ копьё да долгомѣрное,
А й беретъ-то онъ вѣдь палицу военную,
А й беретъ-то Добрыня слу́гу мла́даго.
А поѣдучи Добрыни родна матушка наказывать:
«Аи же ты молодой Добрынюшка Никитинычъ!
«Съѣдешь ты Добрыня ко Пучай рѣки,
«Одолятъ тебя жары да непомѣрныи,
«Не куплись-ко ты Добрыня во Пучай рѣки».
Видли-то да добра молодца вѣдь слу́чись,
Не видали тутъ уда́лаго поѣду́чись.
А пріѣзжаетъ-то Добрыня ко Пучаи рѣки,
Одолели ты жары да непомѣрныи,
Не попомнилъ онъ нака́занья родительска.
Онъ снимаетъ со головки шляпу земли греческой,
Роздѣваетъ вѣдь онъ платьица дорожныи,
Роздѣваетъ вѣдь Добрыня черны чёботы,
Скидыва́етъ онъ порточки семи шелковъ,
Роздѣваетъ онъ рубашку мткалиную,
Началъ тутъ Добрыня во Пучаи рѣки купатися.

Черезъ перву-то струю да нырко́мъ про́нырнулъ,
Черезъ дру́гую струю да онъ повынырнулъ,
А не темны́я ли те́мени зате́мнѣли,
А не черныя тутъ облаци попа́дали,
А летитъ ко Добрынюшки люта́ змѣя,
А люта́я-та змѣ́я да печерская.
Увидалъ Добрыня погану́ змѣю,
Черезъ перву-то струю да нырко́мъ про́нырнулъ,
Черезъ другую струю да онъ повынырнулъ.
Младъ-то слуга да былъ онъ то́ропокъ,
А угналъ-то у Добрынюшки добра́ коня,
А увезъ-то у Добрынюшки онъ ту́гой лукъ,
А увезъ-то у Добрыни саблю вострую,
А увезъ копьё да долгомѣрное,
А увезъ-то онъ палицу военную,
Стольки онъ оставилъ одну шляпоньку,
Одну шляпу-ту оставилъ земли гречецкой.
Хватилъ-то Добрыня свою шляпоньку,
А ударилъ онъ змѣю да тутъ поганую,
А отбилъ онъ у змѣи да вѣдь три хобота,
А три хобота отбилъ да что ни лучшіихъ.
А змѣя тогда Добрынюшки смолиласи:
— Ахъ ты мо́лодой Добрыня сынъ Микитиничъ!
— Не придай ты мнѣ сме́рёти напрасныи,
— Не пролей ты моей крови безповинныи.
— А не буду я летать да по святой Руси,
— А не буду я плѣнить большѣ бога́тырей,
— А не буду я давить да молодыихъ жонъ,
— А не буду сиротать да малыхъ дѣтушекъ,
— А ты будь-ко мнѣ Добрыня да ты бо́льшой братъ,
— Я буду́ змѣя да сестрой ме́ньшою. —
А на ты лясы́ Добрыня пріукинулся,
А спустилъ-то онъ змѣю да на свою волю;
А й пошолъ Добрынюшка во свой-отъ домъ,

А й во свой-отъ домъ Добрыня къ своей матушки.
Настигаетъ вѣдь Добрыню во чистóмъ поли,
Во чистомъ поли Добрынюшку да темна ночь.
А тутъ столбики Добрынюшка розставливалъ,
Бѣлополóтняный шатеръ да онъ роздéргивалъ,
А тутъ-то Добрыня опочивъ держалъ.
А встаетъ-то Добрыня по утрý рано,
Умывался ключевой водой бѣлешенько,
Утирался въ полотно-то миткалиное,
Господу Богу да онъ молится,
Чтобы спасъ меня Господь, помиловалъ.
А й выходитъ-то Добрыня со бѣлá шатра,
А не темныя ли тéмени затéмнѣли,
А не черныя тутъ облаци попáдали,
Летитъ по воздýху лютá змѣя,
А й несетъ змѣя да дочку царскую,
Царскую-ту дочку княженецкую,
Мóлоду Марфиду Всеславьевну.
А й пошолъ Добрыня да во свой-отъ домъ,
Приходилъ Добрыня къ своей матýшки,
Во свою-ту онъ гридню во столовую,
А садился онъ на лавочку брусовую.
А Владимíръ князь да стольнё-кіевской,
Начинаетъ-то Владимíръ да почестной пиръ
А на многія на князи да на бóяры
А на сильныихъ могучіихъ богáтырей,
На тыхъ нáляницъ да на удалыихъ,
На всѣхъ зашлыихъ да добрыхъ мóлодцовъ.
А й говоритъ-то вѣдь Добрыня своей матýшки:
«Ай же ты родитель моя матушка!
«Дай-ко ты Добрыни мнѣ прощеньицо,
«Дай-ко мнѣ Добрыни бласловленьицо,
«А поѣду я Добрыня на почестной пиръ
«Ко ласкову князю ко Владимíру».

А й говорила-то Добрыни ро́дна матушка:
— А не дамъ я ти Добрынюшки прощеньица,
— А не дамъ я ти Добрыни бласловленьица,
— Ѣхать ти Добрыни на почестной пиръ
— Ко ласкову князю ко Владиміру;
— А й живи-тко ты Добрыня во своёмъ дому,
— Во своёмъ дому Добрыня своей матушки,
— Ѣшь ты хлѣба соли досыти,
— Пей зелена́ вина ты до́пьяна,
— Носи-тко золотой казны ты долюби. —
А й говоритъ-то вѣдь Добрыня родной матушки:
«Ай же ты родитель моя матушка!
«А даешь мнѣ-ка́ прощеніе, поѣду я,
«Не даешь мнѣ-ка́ прощенія, поѣду я».
Дала мать Добрынюшки прощеньицо,
Дала мать Добрыни бласловеньицо.
А справляется Добрыня, снаряжается,
Обуваетъ онъ сапожики на ноженки зеле́нъ сафьянъ,
Одѣваетъ-то Добрыня платье цвѣтное,
Налагаетъ вѣдь онъ шапку во пятьсотъ рублей,
А й выходитъ-то Добрыня на широкой дворъ,
Онъ уздае сѣдлае коня добраго,
Налагаетъ вѣдь онъ у́здицу тесмяную,
Налагаетъ вѣдь онъ потнички на потнички,
Налагаетъ вѣдь онъ войлоки на войлоки,
На верёхъ-то онъ сѣделышко черкаское.
А и крѣпко вѣдь онъ подпруги подтягивалъ,
А и подпруги шолку́ заморскаго,
А й заморскаго шолку́ шолпанскаго,
Пряжки славныя мѣди бы съ казанскія *(такъ)*,
Шпенечки-то булатъ-желѣза да сибирскаго,
Не для красы басы, братцы, молодецкія,
А для укрѣпушки-то было богатырскія.
Садился вѣдь Добрыня на добра́ коня,

Пріѣзжаетъ-то Добрыня на широкой дворъ,
Становилъ коня-то посреди двора,
Онъ вязалъ коня къ столбу точёному,
Ко тому ли-то колецку золочёному.
А й приходитъ онъ во гридню во столовую,
А глаза-ты онъ крестѝтъ да по писа́ному,
А й поклонъ-тотъ ведетъ да по учёному,
На вси стороны Добрыня поклоняется,
А и князю со княгинюю въ особину.
А и проводили-то Добрыню во больша́ мѣсто,
А за ты за эты столы за дубовыи,
А за тыи ли за ѣства за саха́рніи,
А за тыи ли за питья за медвяныи,
Наливали ему чару зелена́ вина,
Наливали-то вторую пива пьянаго,
Наливали ему третью меду сладкаго,
Слили эты чары въ едина́ мѣсто;
Стала мѣрой эта чара полтора ведра,
Стала вѣсомъ эта чара полтора пуда.
А и принималъ Добрыня едино́й рукой,
Выпиваетъ-то Добрыня на едѝный духъ.
А й Владимір-отъ князь да стольнё-кіевской
А по гридни по столовой онъ похаживатъ,
Самъ онъ на́ богатырей посматриватъ,
Говоритъ да таково слово:
— Ай же сильніи могучіи богатырп!
— А накину на́ васъ службу я великую:
— Съѣздить надо во Тугѝ-горы,
— А й во Тугіи-горы съѣздить ко люто́й змѣи
— А за нашею за дочкою за царскою,
— А за царскою за дочкой княженецкою. —
Большой-отъ туляется за средняго,
Средній-отъ скрывается за меньшаго,
А отъ меньшаго отъ чину имъ отвѣту нѣтъ;

Зъ-за того ли зъ-за стола за середняго
А выходитъ-то Семенъ-тотъ баринъ Карамышецкой,
Самъ онъ зговори́тъ да таково слово:
«Ахъ ты батюшко Владиміръ стольнё-кіевской!
«А былъ-то я вчерась да во чисто́мъ поли,
«Видѣлъ я Добрыню у Пучай рѣки,
«Со змѣёю-то Добрыня дра́лся ратился,
«А змѣя-то вѣдь Добрыни извинялася,
«Называла-то Добрыню братомъ большімъ,
«А нарекала-то себя да сестрой ме́ньшою.
«Посылай-ко ты Добрыню во Тугѝ-горы
«А за вашею за дочкою за царскою,
«А за царскою-то дочкой княженецкою».
Воспрого́воритъ-то князь Владимір-отъ да стольнё-кіевской:
— Ахъ ты молодой Добрынюшка Микитинычъ!
— Отправляйся ты Добрыня во Тугѝ-горы,
— А й во Туги-горы Добрыня ко люто́й змѣи
— А за нашею за дочкою за царскою,
— А за царскою-то дочкой княженецкою. —
Закручинился Добрыня запечалился,
А й скочилъ-то тутъ Добрыня на рѣзвы́ ноги,
А и топнулъ-то Добрыня во дубовой мостъ,
А и стулья-ты дубовы зашаталисе,
А со стульевъ всѣ бояра повалялисе.
Выбѣгае тутъ Добрыня на широкой дворъ,
Отвязалъ ли-то коня да о́тъ столба,
Отъ того ли-то столба да отъ точе́наго,
Отъ того ли-то колечка золоче́наго;
А й садился-то Добрыня на добра́ коня,
Пріѣзжаетъ-то Добрынюшка на свой-отъ дворъ,
Спущается Добрыня со добра́ коня,
А й вязалъ коня-то ко столбу точе́ному,
Ко тому ли-то колечку къ золоче́ному,

Насыпалъ-то онъ пшены да бѣлояровой.
А й заходитъ онъ Добрыня да во свой-отъ домъ,
А й во свой-отъ домъ Добрыня своей матушки.
А й садился-то Добрыня онъ на лавочку,
Повѣсилъ-то Добрыня буйну голову,
Утопилъ-то очи во дубовый мостъ.
А къ Добрынюшкѣ подходитъ его матушка,
А сама ли говорила таково слово:
«Что же ты Добрыня не весе́лъ пришолъ?
«Мѣсто ли въ пиру да не по разуму,
«Али чарой ли тебя въ пиру да о́бнесли,
«Али пьяница дуракъ да въ глаза на́плевалъ,
«Али красныи дѣвицы обсмѣялисе?»
Воспроговори́тъ Добрыня своей матушкѣ:
— А мѣсто во пиру мнѣ было бо́льшое,
— А большое-то мѣсто не ме́ньшое,
— А й чарой во пиру меня не о́бнесли,
— А пьяница дуракъ да въ глаза не́ плевалъ,
— Красныя дѣвицы не обсмѣялисе;
— А Владиміръ князь да стольнё-кіевской
— А накинулъ-то онъ службу вѣдь великую:
— А надо мнѣ-ка ѣхать во Туги́-горы,
— А й во Туги́-горы ѣхать ко люто́й змѣи,
— А за ихною за дочкой княженецкою. —
А й справляется Добрыня снаряжается
А во дальнюю да въ путь дороженку.
Обувалъ Добрыня че́рны чоботы,
Одѣвалъ онъ платьица дорожныи,
Налагалъ онъ шляпу земли гречецкой,
А онъ у́здалъ се́длалъ коня добраго,
Налагалъ онъ у́здицу тесмяную,
Налагалъ онъ потнички на потнички,
Налагалъ онъ войлоки на войлоки,
На верёхъ-то онъ сѣделышко черкаское,

А й да туго подпруги подтягивалъ,
А й да самъ Добрыня выговаривалъ:
«А не для красы басы, братцы, молодецкія,
«Для укрѣпушки-то былъ богатырскія».
А й приходитъ ко Добрыни родна матушка,
Подаетъ Добрыни свой шелко́вый платъ,
Говоритъ она да таково слово:
«Ахъ ты молодой Добрынюшка Микитиничъ!
«А й съѣдёшь Добрыня во Туги́ горы,
«Во Туги-горы Добрыня ко люто́й змѣи,
«А й ты будешь со змѣей Добрыня драться ратиться,
«А й тогда змія да побива́ть будётъ,
«Выпимай-ко ты съ кармапца свой шелко́вый платъ,
«Утирай-ко ты Добрыня очи ясныи,
«Утирай-ко ты Добрыня лицко бѣлоё,
«А ужъ ты́ бей ко́пя по тучнымъ ребрамъ».
Это тутъ ли-то Добрынюшка Микитиничъ
А й заходитъ онъ Добрыня да во свой-отъ домъ,
А й беретъ-то вѣдь Добрынюшка свой ту́гой лукъ,
А й беретъ-то вѣдь Добрыня калены́ стрѣлы,
А й беретъ-то вѣдь Добрыня саблю вострую,
А й беретъ-то онъ копьё да долгомѣрное,
А й беретъ-то вѣдь онъ палицу военную,
А онъ Господу-то Богу да онъ молится,
А й да молится Миколы да святителю,
А й чтобъ спасъ Господь меня помиловалъ.
А й выходитъ-то Добрыня на широкій дворъ,
Провожаётъ-то Добрыню родна матушка,
Подаетъ-то вѣдь Добрыни шелкову́ю плеть,
Сама-то зго́воритъ да таково слово:
«А и съѣ́дешь ты Добрыня во Туги́-горы,
«Во Туги-горы Добрыня ко люто́й змѣи,
«Станешь со змѣей да драться ратиться,
«А й ты бей змѣю да плёткой шо́лковой.

«Покоришь змѣю да какъ скотинину,
«Какъ скотинину да вѣдь крестьяньскую».
А й садился-то Добрыня на добра́ коня.
Этта видли добра молодца вѣдь сядучись,
А й не видли вѣдь удалаго поѣдучись.
Проѣзжаетъ онъ дорожку-ту вѣдь дальнюю,
Пріѣзжаетъ-то Добрынюшка скоры́мъ скоро,
Становилъ коня да во чисто́мъ поли
И онъ вязалъ коня да ко сыру́ дубу,
Самъ онъ выходилъ на тое ли на мѣсто на уловноё
А ко той пещеры ко змѣиныи.
Постоялъ тутъ вѣдь Добрыня мало времечки,
А не темныя ли те́мени зате́мнѣли,
Да не черные-то облаци попадали,
А й лети́тъ-то ле́титъ пога́на змія,
А й несе́тъ змія да тѣло мёртвоё,
Тѣло мёртвоё да богатырскоё.
А и увидала-то Добрынюшку Микитича,
А й спущала тѣло на сыру землю,
Этта на́чала съ Добрыней драться ратиться.
А й дрался́ Добрыня со змѣёю день до вечера,
А й змія-то вѣдь Добрыню побивать стала;
А й напомнилъ онъ нака́занье родительско,
А и вынималъ платокъ да изъ кармапчика,
А и пріобтёръ Добрыня очи ясныи,
Попріо́бтёръ-то Добрыня лицко бѣлоё,
И ужъ бьетъ коня да по тучны́мъ ребрамъ:
— А ты волчья выть да травляной мѣшокъ!
— Что ль ты по темну́ лѣсу́ да вѣдь не хаживалъ,
— Аль змѣинаго ты свисту да не слыхивалъ? —
А и ёго добрый конь да сталъ поскакивать,
Сталъ поскакивать да сталъ помахивать
Лучше стараго да лучше прежнаго.
Этта дрался тутъ Добрыня да другой-отъ день,

А й другой-отъ день да онъ до вечера,
А й проклятая змѣя да побивать стала.
А й напомнилъ онъ наказаньё родительско,
Вынималъ-то плетку изъ карманчика,
Бьетъ змѣю да своей плёточкой,
Укротилъ змѣю акѝ скотинину,
А й аки скотинину да крестіянскую.
Отрубилъ змѣи да онъ вси хоботы,
Розрубилъ змѣю да на мелкѝ части,
Роспиналъ змѣю да по чистýю полю.
А й заходитъ онъ въ печеры во змѣиныи,
А во тыхъ ли во пещерахъ во змѣиныихъ
А роскована[1]) тамъ дочка княженецкая,
Въ ручки въ ножки биты гвоздія желѣзныи.
А тамъ во пещерахъ во змѣиныихъ
А не много ли не мало да двѣнадцать всѣхъ зміёныишовъ;
А й прибилъ-то вѣдь Добрыня всѣхъ зміёныишовъ,
А й снималъ онъ со стѣны да красну дѣвушку,
Приходилъ Добрыня на зеленый лугъ,
Къ своему Добрыня кóню доброму.
А й садился вѣдь Добрыня на добрá коня,
Пріѣзжаетъ-то Добрынюшка ко стольнему ко городу ко Кіеву
А й ко ласкову ко князю ко Владимíру,
А й привозитъ князю дочику любимую.
А й за тую-то за выслугу великую
Князь его нечимъ не жаловалъ.
Пріѣзжаетъ-то Добрынюшка во свой-отъ домъ,
А засталъ[2]) коня во стойлу лошадиную,
Насыпáлъ коню пшены да бѣлояровой.

---

1) Т. е. прикована къ стѣнѣ руками врозь,—такъ объяснилъ Фепоновъ.
2) Т. е. поставилъ.

А й заходитъ-то Добрыня въ нову горницу,
Этта тутъ Добрыня опочивъ держалъ.
Этта тымъ поѣздка та рѣшилася.

Записано тамъ же, 28 іюля.

60.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

(См. Рыбникова, т. II, 10).

Какъ изъ да́леча было изъ чиста́ поля,
Изъ-подъ бѣлыя березки кудревастыи,
Изъ-подъ того ли сподъ кустичка ракитова,
А й выходила́-то турица́ златорогая,
И выходила-то турица со турятами,
А й расходилися туры́ да во чисто́мъ поли,
Во чистомъ поли туры да со турицою.
А й лучи́лосе турамъ да мимо Кіевъ градъ итти,
А й видли надъ Кіевымъ чудны́мъ чудно,
Видли надъ Кіевымъ дивны́мъ дивно.
По той по стѣны по городовыи
Ходитъ дѣвица душа красная,
А на рукахъ носитъ книгу Леванидову,
А не тольки читае, да вдвои́ плаче.
А тому чуду туры удивилися,
Въ чистое поле возвратилися,
Сошлися, со турицей поздоро́вкалисе:
«А ты здравствуешь турица наша матушка!»
— Ай здравствуйте туры да малы дѣтушки!
— А гдѣ вы туры были, что вы видѣли? —
«Ай же ты турица наша матушка!
«А й были мы туры да во чисто́мъ поли,
«А лучилосе намъ турамъ да мимо Кіевъ градъ итти,

«А й видѣли надъ Кіевомъ чудны́мъ чудно,
«А й видѣли надъ Кіевомъ дивны́мъ дивно:
«А по той стѣны по городовыи
«Ходитъ-то дѣвица душа красная,
«А на рукахъ носитъ книгу Леванидову,
«А не столько читаетъ, да вдвои́ плаче».
Говоритъ-то вѣдь турица родна матушка:
— Ай же вы туры да малы дѣтушки!
— А й не дѣвица плачетъ, да стѣна́ плаче,
— А й стѣна-та плаче городовая,
— А она вѣдаетъ незгодушку надъ Кіевомъ,
— А й она вѣдаетъ незгодушку великую. —

А изъ-подъ той ли страны да сподъ восточныя
А наѣзжалъ ли Батыга сынъ Сергіевичъ,
А онъ съ сыномъ со Батыгой со Батыговичемъ,
А онъ съ зятемъ Тараканчикомъ Корабликовымъ,
А онъ со чернымъ дьячкомъ да со выдумщичкомъ.
А й у Батыги-то силы сорокъ тысячей,
А у сына у Батыгина силы сорокъ тысячей,
А у зятя Тараканова силы сорокъ тысячей,
А у чернаго дьячка, дьячка выдумщичка,
А той ли той да силы счёту нѣтъ,
А той ли той да силы да вѣдь смѣту нѣтъ:
Соколу будетъ летѣть да на межéнный долгій день,
А малою-то птичики не óблетѣть.
Становилась тая сила во чистóмъ поли.
А по грѣху ли-то тогда да учинилосе,
А й богáтырей во Кіеви не лучилосе:
Святополкъ богáтырь на святы́ихъ на горàхъ,
А й молодой Добрыня во чистóмъ поли,
А Алеша Поповичъ въ богомóльной стороны́,
А Самсонъ да Илья у синя́ моря.
А лучилосе во Кіеви голь кабацкая,

А по имени Василей сынъ Игнатьёвичъ.
А двѣнадцать годовъ по кабакамъ онъ гулялъ,
Пропилъ промоталъ все житьё бытьё своё,
А й пропилъ Василей коня добраго,
А съ той ли-то уздицей тесмяною,
Съ тѣмъ сѣдломъ да со черкальскімъ,
А триста онъ стрѣлочекъ въ залóгъ отдалъ.
А со похмѣлья у Василья голóвка болѝтъ,
Съ перепою у Василья ретиво сердцó щемитъ,
И нечимъ у Василья опохмѣлиться.
А й беретъ-то Василей да свой тýгой лукъ,
Этотъ тугой лукъ Васильюшко розрывчатой,
Налагаетъ вѣдь онъ стрѣлочку каленую.
А й выходитъ-то Василей вонъ изъ Кіёва,
А стрѣлѝлъ-то Василей да по тѣмъ шатрамъ,
А й по тѣмъ шатрамъ Василей по полóтнянымъ,
А й убилъ-то Василей три головушки,
Три головушки Василей три хорошенькихъ:
А убилъ сына Батыгу Батыговича,
А убилъ зятя Тараканчика Корабликова,
А убилъ чернаго дьячка, дьячка выдумщичка.
И это скоро-то Василей поворотъ держалъ
А й во стольнёй во славной во Кіевъ градъ.
А это тутъ Батыга сынъ Сергѝевичъ
А посылаетъ-то Батыга да скорыхъ пословъ,
Скорыхъ пословъ Батыга виновáтаго искáть.
А й приходили-то солдаты каравульніи,
Находили-то Василья въ кабакѝ на печѝ,
Приводили-то Василья ко Баты́гѣ на лицó.
А й Василей отъ Батыги извиняется,
Низко Василей поклоняется:
«Ай прости меня Батыга во такой большой вины!
«А убилъ я три головки хорошенькихъ,
«Хорошенькихъ головки что ни лучшенькихъ:

«Убилъ сына Батыгу Батыговича,
«Убилъ зятя Тараканчика Корабликова,
«Убилъ чернаго дьячка, дьячка выдумщичка.
«А со похмѣлья у меня теперь голóвка болѝтъ,
«А съ перепою у меня да ретиво сердцó щемитъ.
«А опохмѣль-ко меня да чарой винною,
«А выкупи-ко мнѣ да коня добраго,
«Съ той ли-то у́здицей тесмянною,
«А съ тѣмъ сѣдломъ да со черкальскімъ,
«А триста еще стрѣлочекъ каленыихъ.
«Еще дай-ко мнѣ-ка силы сорокъ тысячей,
«Пособлю взять-плѣнить да теперь Кіевъ градъ.
«А знаю я воротца незаперты,
«А незаперты воротца незаложены,
«А во славный во стольнёй во Кіевъ градъ».
А на ты лясы́ Батыга пріукинулся,
А выкупилъ ему да коня добраго,
А съ той ли-то уздицей тесмяною,
А съ тѣмъ сѣдломъ да со черкальскімъ,
А триста-то стрѣлочекъ каленыихъ.
А наливаетъ ему чару зелена́ вина,
А наливаетъ-то другую пива пьянаго,
А наливаетъ-то онъ третью мёду сладкаго,
А слилъ-то эти чары въ едино́ мѣсто.
Стала мѣрой эта чара полтора ведра,
Стала вѣсомъ эта чара полтора пуда.
А принималъ Василей едино́ю рукой,
Выпиваетъ-то Василей на единый духъ.
А крутешенько Василей поворáчивалсе,
Веселешенько Василей поговáриваё:
«Я могу теперь, Батыга, да добрымъ конёмъ владать,
«Я могу теперь, Батыга, во чистòмъ полѣ́ гулять,
«Я могу теперь, Батыга, вострой сáбелкой махàть».
И далъ ему силы сорокъ тысящей.

А выѣзжалъ Василей во чисто́ полѣ
А за ты эты́ за лѣсушки за тёмные,
А за ты эты́ за горы за высокіе,
И это началъ онъ по силушкѣ поѣзживатѝ,
И это началъ вѣдь онъ силушки поруби́ватѝ,
И онъ прибилъ прирубилъ до еди́ной головы́.
Скоро тутъ Василей поворо́тъ держалъ.
А пріѣзжаетъ тутъ Василей ко Батыги на лицо̀,
А й съ добра коня Васильюшка спущается,
А низко Василей поклоняется,
Самъ же онъ Батыгѣ извиняется:
«Ай прости-ко ты Батыга во такой большой вины!
«Потерялъ я вѣдь силы сорокъ тысящей.
«А со похмѣлья у меня теперь голо́вка боли́тъ,
«Съ перепою у меня да ретиво сердцо́ щемитъ,
«Помутились у меня да очи ясныя,
«А подрожало у меня да ретиво́ сердцо.
«А опохмѣль-ко ты меня да чарой винною,
«А дай-ко ты силы сорокъ тысящей,
«Пособлю взять-плѣнить да я Кіевъ градъ».
А на ты лясы́ Батыга пріукинулся,
Наливаетъ вѣдь онъ чару зелена́ вина,
Наливаетъ онъ другую пива пьянаго,
Наливаетъ вѣдь онъ третью мёду сладкаго,
Слилъ эты чары въ едино́ мѣсто.
Стала мѣрой эта чара полтора ведра,
Стала вѣсомъ эта чара полтора пуда.
А принималъ Василей едино́ю рукой,
А выпивалъ Василей на единый духъ,
А й крутешенько Василей поворачивалсе,
Веселешенько Василей поговариваe:
«Ай же ты Батыга сынъ Серги́евичъ!
«Я могу теперь, Батыга, да добрымъ конёмъ владатъ,
«Я могу теперь, Батыга, во чистòмъ полѣ́ гулятъ,

«Я могу теперь, Батыга, вострой сабелкой махать».
А далъ ему силы сорокъ тысящей.
А садился Василей на добра коня,
А выѣзжалъ Василей во чисто полё
А за ты эты за лѣсушки за тёмные,
А за ты эты за горы за высокіе,
И это началъ онъ по силушкѣ поѣзживать,
И это началъ вѣдь онъ силушки порубливать,
И онъ прибилъ прирубилъ до единой головы.
А розгорѣлось у Василья ретиво сердцо,
А й размахалась у Василья ручка правая.
А й пріѣзжаетъ-то Василей ко Батыги на лицо,
И это началъ онъ по силушки поѣзживать,
И это началъ вѣдь онъ силушки порубливать,
А онъ прибилъ прирубилъ до единой головы.
А й тотъ ли Батыга на уходъ пошолъ,
А й бѣжитъ-то Батыга запинается,
Запинается Батыга заклинается:
— Не дай Боже, не дай Богъ да не дай дитямъ моимъ,
— Не дай дитямъ моимъ да моимъ внучатамъ
— А во Кіеви бывать да вѣдь Кіева видать! —

Аи чистыи поля были ко Опскову,
А широкі роздольица ко Кіеву,
А высокія-ты горы Сорочинскіи,
А церковно-то строенье въ каменной Москвы,
Колоколыёй-отъ звонъ да въ Новѣ-городѣ,
А й тёртыя колачики Валдайскія,
А й щапливы щеголивы въ Ярослави городи,
Дешёвы поцѣлуи въ Бѣлозёрской сторонѣ,
А сладки напитки во Питери,
А мхи-ты болота ко сиюо морю,
А щельё камешьё ко сиверику,

А выѣзжалъ Василей во чисто́ полё
А за ты эты́ за лѣсушки за тёмные,
А за ты эты́ за горы за высокіе,
И это началъ онъ по силушкѣ поѣзживатѝ,
И это началъ вѣдь онъ силушки поруби́ватѝ,
И онъ прибилъ прирубилъ до еди́ной головы́.
Скоро тутъ Василей поворо́тъ держалъ.
А пріѣзжаетъ тутъ Василей ко Баты́ги на лицо́,
А й съ добра коня Васильюшка спущается,
А низко Василей поклоняется,
Самъ же онъ Батыгѣ извиняется:
«Ай прости-ко ты Батыга во такой большой вины!
«Потерялъ я вѣдь силы сорокъ тысящей.
«А со похмѣлья у меня теперь голо́вка боли́тъ,
«Съ перепою у меня да ретиво сердцо́ щемитъ,
«Помутились у меня да очи ясныя,
«А подрожало у меня да ретиво́ сердцо.
«А опохмѣль-ко ты меня да чарой винною,
«А дай-ко ты силы сорокъ тысящей,
«Пособлю взять-плѣнить да я Кіевъ градъ».
А на ты лясы́ Батыга пріукинулся,
Наливаетъ вѣдь онъ чару зелена́ вина,
Наливаетъ онъ другую пива пьянаго,
Наливаетъ вѣдь онъ третью мёду сладкаго,
Слилъ эты чары въ едино́ мѣсто.
Стала мѣрой эта чара полтора ведра,
Стала вѣсомъ эта чара полтора пуда.
А принималъ Василей едино́ю рукой,
А выпивалъ Василей на единый духъ,
А й крутешенько Василей поворачивалсе,
Веселешенько Василей поговариваe:
«Ай же ты Батыга сынъ Сергіевичъ!
«Я могу теперь, Батыга, да добрымъ конёмъ владатъ,
«Я могу теперь, Батыга, во чистòмъ полѣ́ гулять,

А широки подолы Пудожаночки,
А й дублёны сарафаны по Онѐги по рѣкѝ,
Толстобрюхіе бабенки Лёшмозёрочки.
А й пучеглазыя бабенки Пошозёрочки.
А Дунай Дунай Дунай,
Да болѣ нѣть впередъ не знай [1]).

Записано тамъ же, 28 іюля.

61.

НАѢЗДЪ ЛИТОВЦЕВЪ.

Ай на панови да на улáнови *(такъ)*
Тамъ жило было два Лúвика,
Королевскіихъ да два племянника.
Оны думали да думу крѣпкую,
Оны хочутъ ѣхать во святую Русь,
А й во матушку да каменну́ Москву,
Къ молодому князю Роману Мúтріевичу,
А й къ ему да на почестный пиръ.
А й приходятъ-то оны къ своéму дадюшки,
Чéмбалъ кóролю земли литовскіе:
«Ахъ ты дядюшка да нашъ Чембалъ король,
«А й Чембáлъ король земли литовскіе!
«Ужъ ты дай-ко намъ теперь прощеньицо,
«Ахъ ты дай-ко намъ да бласловленьицо, —
«Хочемъ ѣхать мы да во святую Русь,
«А й во матушку да каменну́ Москву,
«А й ко тому ко князю Роману Митріевичу,
«А й къ ему-то ѣхать на почестный пиръ».
Говоритъ имъ дядюшка Чембалъ король,

---

1) Послѣдніе стихи суть, по замѣчанію сказителя, «небылица», которую старый калика Мѣщаниновъ—учитель Фепонова—пѣвалъ послѣ этой былины.

А й Чембáлъ король земли литовскіе:
— Ай да рóдныи мои племяннички!
— А й не дамъ я вамъ теперь прощеньица,
— А й не дамъ я вамъ да бласловленьица,
— Это ѣхать вамъ да на святую Русь.
— Еще кто жъ ѣзжалъ да на святую Русь,
— А й счастли́въ съ Руси да не выѣзживалъ. —
Не послушали оны своёго дядюшки,
А й уздали вѣдь сѣдлали да добры́хъ коней,
Обкольчужились скоро, облатились,
А й садилисе оны да на добры́хъ коней,
Пріѣзжали-то оны да во святую Русь.
Наѣзжали-то въ Руси оно первó село,
А первó село да Ярославское,
А й первó село да прекраси́вое;
А й во томъ сели да было три́ церквы,
А й было три церквы три соборныихъ.
Оны жили были да пограбили;
Это-то ссло да óгню придали.
А й наѣзжали́ въ Русѝ да второ́ село,
А й второ село Катеринградское,
Превеликое село да прекрасивоё;
А во томъ сели да было шесть церквей,
Было шесть церквей да шесть соборныихъ.
Оны жили были да пограбили,
Это-то село да всё огнёмъ пожгли.
Наѣзжали во Русíи да третьё село,
А третьё село да Косоульское,
А этó-то село да превеликое,
Превеликое село да прекрасивое;
А й во томъ сели было девя́ть церквей,
А й девя́ть церквей было соборныихъ.
Оны жили были да пограбили,
А этó-то село да всё огнёмъ пожгли,

Полонили мла́ду полоненочку,
А мо́лоду Настасью да вѣдь Ми́трьевну,
Со тыи́мъ младенцемъ двоюмѣ́сячнымъ;
Увезли далече во чисто́ поле
За быстру́ рѣку да за Смородину.
Во чисто́мъ поли столбы розставили,
На столбы шатры оны роздернули,
Это тутъ-то мо́лодцы да опочивъ держатъ,
А й не много ли не мало столько шесть-то дней.
Какъ изъ да́леча дале́ча изъ чиста́ поля
Налетала мала птица, пѣвчій заворо́ночокъ *(такъ)*,
А садился онъ ко князю во зеленый садъ,
А въ саду поётъ онъ выговаривать:
«Ай ты молодой князь Романъ Ми́тріевичъ!
«Ѣшь ты пьешь да проклаждаешься,
«Надъ собой ты вѣдь незгодушки не вѣдаешь.
«Во твою-то во святую Русь
«А й пріѣхало-то два поганыихъ два Ливика,
«Королевскіи да два племянника;
«Наѣзжали-то въ Русѝ они перво́ село,
«Оны жили были да пограбили,
«Оны то село да вѣдь огнёмъ пожгли;
«Наѣзжали-то въ Руси они второ́ село,
«Оны жили были да пограбили,
«Оны то село да вѣдь огнёмъ пожгли;
«Наѣзжали-то въ Русѝ они третьё село,
«Оны жили были да пограбили,
«Это-то село да вѣдь огнёмъ пожгли;
«А полонили мла́ду полоненочку,
«А й твою-то родиму́ сестру
«Со тыимъ младенцемъ двоюмѣсячнымъ,
«Увезли-то вѣдь далече во чисто поле,
«За быстру́ рѣку да за Смородину».
А й закручинился тутъ князь да запечалился

Еще той тоской печалью онъ великою.
А хватилъ-то онъ ножи́ще да кинжа́лище,
Кинулъ онъ ножищо во дубовой столъ,
Пролетѣло тутъ ножищо скрозь дубовой столъ,
Скрозь дубовый столъ, стало́ въ кирпичный мостъ:
— Не дойдетъ-то имъ щенкамъ да надсмѣхатисе. —
А й собираетъ-то онъ силы ра́вно три́ полку,
Ра́вно три полку да вѣдь тритысячныхъ.
Поѣзжаетъ тутъ вѣдь князь да Романъ Ми́тріевичъ
А й со своей со дружиной со хороброю
А й во да́лечо дале́чо во чисто́ полѣ.
Первая дружина да ѣдятъ-то пьютъ нападкою [1]),
Вторая-то шо́ломомъ роскатнымъ [2]),
Третья дружина ѣли столомъ скатертью.
Пріѣзжае князь да ко быстро́й рѣки,
Ко быстрой рѣки да ко Смородины;
А й вырѣзывалъ-то онъ да три же́ребья,
А три жеребья вырѣзывалъ три ли́повыхъ;
А й спущалъ-то онъ да первы жеребьи
На быстру́ рѣку да на Смородину:
А которыи-то ѣли пили да нападкою,
Тыи жеребьи да каменёмъ ко дну,
А й той-то дружины да убитой быть.
А й спущаетъ онъ-то вто́ры жеребьи
На быстру́ю рѣку онъ да на Смородину:
А которыи-то ѣли шо́ломомъ роскатнымъ,
Тыи жеребьи да ѳны ни́зъ быстринъ,
Это тая-та дружина буде во полонъ взята.
А спущалъ-то онъ вѣдь третьи жеребьи:
А которыи-то ѣли столомъ скатертью,

---

1) *Нападкою* — накидываясь на пищу и питье, какъ животныя, безъ помощи рукъ.

2) *Шоломомъ роскатнымъ* — розвалившись въ лежачемъ положеніи: такъ объяснилъ пѣвецъ.

Тыи-ты вѣдь жеребьи встрѣчу́ быстринъ,
Это тая-то дружина да весьма храбра.
А двѣ эты́ дружины оставляетъ тутъ,
Третью-ту дружину за собой беретъ.
Выѣзжали они скоро во чисто́ полё;
Говоритъ тутъ младый князь Романъ да Ми́тріевичъ:
— Ай же вы дружинушка хоробрая!
— А вы слушайте-тко бо́льшаго вота́мана,
— А и дѣлайте вы дѣло повелёное:
— А и закрычитъ какъ черный воронъ на сыромъ дубу.
— На сыромъ дубу да во перво́й наконъ,
— А й вы ѣшьте тогда вы кушайте;
— А закрычитъ черно́й-то воронъ на сыромъ дубу,
— На сыромъ дубу да во второ́й наконъ,
— Вы уздайте сѣдлайте да добры́хъ коней;
— А закрычитъ-то че́рный воронъ на сыромъ дубу,
— На сыромъ дубу да во трете́й наконъ,
— А вы ѣдьте ко шатрамъ бѣлополо́тнянымъ,
— А й возьмите вы берите да вы Ливиковъ,
— Королевскіихъ возьмите вы племянниковъ. —
А самъ онъ обвернулся да сѣры́мъ волкомъ,
Это началъ онъ вѣдь по полю побѣгивать,
Это началъ онъ по чистому порыскивать,
Прибѣгалъ-то онъ вѣдь близко ко бѣлу́ шатру,
Заходилъ скоро́ во стойлы лошадиныи,
У добры́хъ коней головочки поо́торвалъ,
По чисту́ полю головочки поро́скидалъ.
Обвернулся князь-то добрымъ молодцомъ,
Заходилъ-то въ кладовыи оружейныя,
А у оружьицовъ замочики повывертѣлъ,
По чисту́ полю замочики поро́скидалъ.
Обвернулся бѣлымъ малыимъ горно́сталёмъ,
У туги́хъ луковъ тетивочки повыщелкалъ.
Это началъ по шатру да онъ побѣгивать,

Этотъ весь шатёръ да сталъ продрагивать;
Двоюмѣсячный младенчикъ проязычился:
«Маменька, маменька, не мой ли-то дяденка,
«Твой братецъ по бѣлу шатру побѣгиватъ,
«Ино бѣлъ-то шатеръ да весь продрагиватъ?»
Услыхали эти рѣчи да вѣдь Ливики,
Начали горнóсталя поганивать,
Соболиной éго шубонькой закидывать,
А пріокинули вѣдь шубой соболиною,
А повыскочилъ сподъ шубы соболиныи,
А скочилъ-то онъ тогда да на окошечко,
Со окошечка скочилъ да за окошечко.
Обвернулся онъ тогда да чернымъ вóрономъ,
А й садился-то онъ да на сы́рой дубъ;
Закрычалъ-то воронъ во первóй наконъ,
А во пéрвый-то наконъ да на сыромъ дубу.
Говорятъ-то поганыи-ты Ливики:
— Ай не крычи-тко ты чернóй воро̀нъ да на сыромъ дубу!
— А поберемъ-то вѣдь мы нонь тугѝ луки,
— А й постре́лимъ мы тебя да черна вóрона,
— А мы кровь твою-ту прóльемъ по сыру́ дубу,
— А мы пéрьё-то роспустимъ по чисту́ полю! —
А й закрычалъ тутъ вранъ да на сыромъ дубу,
А й на сыромъ дубу да во второй наконъ.
Говорятъ-то вѣдь тутъ Ливики таково слово:
— Ай не крычи-тко ты чернóй воро̀нъ да на сыромъ дубу!
— А й поберемъ-то мы теперь свои оружьица,
— А й постре́лимъ мы тебя да черна ворона,
— А мы кровь твою-ту прóльемъ по сыру́ дубу,
— А мы перьё-то роспустимъ по чисту́ полю! —
А и закрычалъ тутъ вранъ да во третéй наконъ,
Наѣзжае тутъ дружинушка хоробрая.
Это тутъ-то Ливики вѣдь испугалися
А за тугіе-ты луки́ да захваталисе,

А у тугихъ луковъ тетивочки пощолканы,
По чисту́ полю тетивочки роскиданы;
А бѣжали ѳны скоро въ оружейную,
А у оружьицовъ замочики отверчены,
По чисту полю замочики роскиданы;
А бѣжали тутъ во стойлу лошадиную,
А тутъ у ихъ кони безъ головъ стоятъ.
А спущался онъ да изъ сыра дуба,
Обвернулся онъ да добрымъ мо́лодцомъ.
А взимали ѳны тутъ поганыхъ Ливиковъ,
А у бо́льшого-то руки сломали, глаза вы́копали,
А у ме́ньшого сломали рѣзвы́ ноги до́ гузна,
А й посадили тутъ-то ме́ньшого на бо́льшого,
А отпустили-то да ихъ во свою сторону.

Записано тамъ же, 28 іюля.

62.

ПТИЦЫ И ЗВѢРИ [1]).

А й отчего-те зима да зачаласе,
А и красно лѣто состоялось?
Зачалася зима да отъ мороза,
А и красно лѣто отъ солнца,
А й богатая осень отъ лѣта.
И по тыя-то осени богатой
Вылетала малая птица,
А и малая птица пѣвица;

---

1) Эта «старинка» отличается какъ особымъ размѣромъ, такъ и тѣмъ, что пѣвецъ въ ней неоднократно протягиваетъ буквы ъ и ь, произнося вмѣсто ъ-ра почти ы, вмѣсто ь-ря почти и. Вездѣ, гдѣ онъ это дѣлалъ, надъ буквами ъ и ь поставлена черточка. Чтобы при томъ быть вполнѣ точнымъ, собиратель, записавъ настоящую «старинку», заставилъ Фепонова еще три раза повторить ее.

Садилась въ зелену́ садочку,
А на тое на дерево калино *(такъ)*,
А и начала пѣти, жупѣти,
Всякими она-те ясака́ми,
А й услыхали русьскія птичи,
Сбиралися стады́ оны стадами,
Прилетали къ зелену́ садочку,
А й садились птичи рядами,
Въ о́дну сторону да головами;
А начали пѣти, жупѣти,
Заморскую птицу пытати:
«Ай малая птица пѣвица!
«Скажи Божью правду, не утайсе:
«Кто у васъ за моремъ большíи,
«Кто за Дунаечкимъ меньшíи?»
А отвѣтъ держитъ птица пѣвица:
— Глупыя вы русьскія птичи!
— А зачѣмъ же сюда да прилетали,
— За́чимъ про синё морё спрашали?
— Всѣ у́ насъ за́ моремъ большíи,
— Всѣ за Дунаечкимъ меньшíи.
— А й крестьяна у́ насъ по деревнямъ,
— А десятски у́ насъ по селеньямъ,
— А й старосты у́ насъ по волóстямъ,
— Попы дьяки у́ насъ по погостамъ,
— Старцы игумны въ манасты́ряхъ,
— Подъячіе люди по присуствамъ,
— А гости торговы по посадамъ.
— Воеводы живутъ у на́съ по мызамъ,
— Солдаты идутъ по походамъ,
— Цари да царьствуютъ по царьствамъ,
— А всѣ ль-то у насъ оны по служебамъ,
— Всѣ ль-то у насъ и по роботамъ.
— А еще бы за Дунаечкімъ морёмъ

— Бѣлой-отъ колпикъ[1]) былъ царикъ,
— Бѣлая колпи́ца царица.
— А гуси-ты на́ мори́ бояра,
— Лебеди бояpицкія жены,
— Соловей при нихъ весельи́и
— Во всякія игры играе́тъ,
— Все вѣдь онъ бояръ и спотѣшаётъ.
— Во́робьи боярьски холопы,
— Колья жердьё да робота́ли,
— Крестьянски коно́пля розбивали,
— О́ттого сыты пребывали.
— А голубчик-отъ на́ мори попикъ,
— Голубу́шка-та была попадью́шка,
— А й косачки́ дьячки́ церковны,
— Тетёрки-ты дьяческія же́нки,
— Куликъ понамарь церковной.
— А травни́к-отъ былъ протаможникъ[2]),
— А те́рпукъ-отъ былъ вѣдь трапезникъ.
— А канюк-отъ былъ чѣловальникъ,
— Рябчик-отъ на́ мори стряпчей.
— А ластушки красны́ дѣвицы,
— Утки да были молодицы,
— Селезень гостъ торговой;
— А й по си́нему морю вѣдь онъ пла́ваётъ,
— Всякими товарами торгуётъ.
— Чайки-ты были водоплавки,
— Гагары-ты были рыболовки,
— А съ озера въ о́зёро ныряли,
— Всяку о́ны рыбу добывали;

---

1) Фепоновъ не умѣлъ объяснить хорошенько, что это за птица, но говорилъ въ видѣ догадки, что это должно быть какая-то птица «подорожникъ», являющаяся зимовать въ Пріонежье. У сербовъ-лужичанъ колпо значитъ лебедь.

2) Т. е. таможенный чиновникъ.

— На го́ры [1]) ихъ рыба не бывала,
— А въ торгу́ ихъ рыбы не видали,
— Крестьяна ихъ рыбы не ѣдали.
— А журавль-отъ былъ перевощикъ;
— По синему морю вѣдь онъ бродитъ,
— Русьскія птицы перевозитъ,
— Цвѣтнаго платія не мочитъ.
— Га́лици были́ черници,
— Че́рныя вранъ да игу́менъ,
— А ястрёбъ былъ и атаманомъ,
— А филин-отъ татъ да розбойникъ.
— Сокол-отъ скорыи посланникъ,
— Орёл-отъ на́ мори але́тникъ;
— Единожды въ годъ прелета́ё,
— А велику се́би данъ собира́ё,
— По три головы́ да по четыре,
— Иногда по цѣлому десятку.
— А мошни́к-отъ [2]) на́ мори крестьянинъ,
— Ко́ппала [3]) крестьянъская же́нка.
— А синька блядь полежлива;
— Часто лежитъ она хвора́ётъ,
— Долго она не пропадаётъ,
— Робо́ты робота́ть она можетъ,
— Казака нанять она не смыслитъ.
— Дрозд-отъ у нёй казаче́нко,
— День-то онъ ночи робота́ё,
— Гроша онъ найму́ да не вида́ё.
— Коку́ша [4]) побѣдъна горюша;
— Много она я́ицъ выкладае́тъ,
— А счоту во я́ицахъ не знаётъ,

---

1) Т. е. на сушѣ.
2) Т. е. глухой тетеревъ.
3) Самка глухаго тетерева.
4) Т. е. кукушка.

— Дѣтей выводити не умѣётъ.
— Ку́ропать бобы́лъ безпомѣстной;
— Штаники онъ носитъ съ напуска́ми,
— Изъ куста во кустъ перебродитъ,
— Помѣстья себѣ да не имѣётъ.
— Дятель-отъ на́ мори пло́тникъ,
— Желна́-та церковной строитель;
— По́ темно́му лѣсу лета́ётъ,
— Всяко она дерево пытаётъ,
— Церквы соборы роботаётъ.
— Сорока кабацъкая же́нка;
— Черныя че́боты держала,
— Съ ножки на но́жьку скакала,
— На́ груди подолы подымала,
— Молодыхъ ребятъ приманяла;
— Безъ колача да ѣсть не ся́дётъ,
— Безъ молодца́ да спать не ля́жётъ;
— Пѣшь же она́ курва́ не ходитъ,
— Всё ль-то ѣдё на подводахъ,
— А пара у́ ней ко́ней вороныхъ,
— Извощички ребята молоды.
— Ворона-та на мори бабка;
— Когти толсты́ грязны́,
— Поря́дню-ту водитъ худую.
— Пѣтухи ка́заки донскіи,
— То-то молодцы́ да удалыи;
— По́ многу жёнъ оны́ содёржатъ,
— По́ три жёны́ да по четыре,
— И́ноии до цѣлаго десятка,
— А всѣхъ нарядити онъ умѣётъ,
— Всѣма розрядити разумѣётъ,
— Не такъ какъ на́ Руси у́ мужа
— Одна его́ бажоная жену́шка,
— И той нарядить онъ не умѣётъ,

— На роботу розрядить не разумѣётъ.
— А курица послѣдняя птица;
— Кто ни ею да понима́ётъ
— Всякой въ дырѣ да ковыря́ётъ,
— Все изъ яица́ бѣдну́ пыта́ётъ,
— Любимымъ зятевья́мъ и припасаётъ.

— Левъ-тотъ на́ мори мясникъ былъ,
— Медвѣдь-отъ былъ кожеде́рникъ;
— Много онъ кожъ придираётъ,
— Сопоговъ на ногахъ не вида́ётъ.
— Волкъ-тотъ на́ мори овчинникъ;
— Много онъ овчинъ придираётъ,
— А й шубы онъ на плечахъ не видаётъ,
— Велику себи стужу принимаётъ.
— Олень-отъ скорыи посланникъ,
— Зайко-то на мори калачникъ,
— А ножки тоне́ньки бѣле́ньки,
— Калачики пекётъ онъ и мяконьки.
— А лисица моло́да молодица;
— Дологъ хвостъ — и не наступитъ,
— Сдѣлаётъ вину — она не скажё.
— А собака-та зла лиха свекрова;
— День она ночи варайда́ётъ,
— Дѣла ника́кова не скажётъ.
— А й кошки эты́ были вдовицы,
— То-то сироты да бобылицы;
— Днёмъ кошки́ лежа́ по печкамъ,
— Ночью по́йдутъ по добычкамъ,
— А криночки горшочки открываютъ,
— Безъ ложки сметанъку снимаютъ,
— За то же ихъ бьютъ и безпощадно. —
А всѣмъ молодцамъ былъ и роспускъ,

Всѣмъ удалыъ былъ и розъѣздъ:
Краснымъ дѣвицамъ по теремамъ,
А й молодымъ молодцамъ былъ по лавкамъ,
А молодымъ молодкамъ по скамейкамъ,
Старымъ старикамъ и по полатямъ,
Старыймъ старушкамъ по печкамъ.
То-то старуха на печки,
То-то старухи надоѣства,
Кринка овсянаго тѣста.
А ѣла бы старуха, молчала,
Молчала бы старуха, не ворчала... тпру.

Записано тамъ же, 29 іюля.

XIV.

ПОТАПЪ АНТОНОВЪ.

Потапъ Трофимовичъ Антоновъ, крестьянинъ дер. Гагарки Шальскаго погоста, бодрый старикъ, лѣтъ подъ 70 отъ роду, занимающійся земледѣліемъ и рыболовствомъ. Былинамъ онъ выучился отъ своего дѣда, крестьянина, умершаго 97-ми лѣтъ, а дѣдъ, въ свою очередь, перенялъ ихъ отъ слѣпаго калики Мины Ефимова изъ Андомы (Вытегорскаго уѣзда), который много странствовалъ, ходилъ и въ Москву и тамъ, по увѣренію Антонова, научился «старинамъ»[1]). Этотъ Мина пользовался особеннымъ уваженьемъ своею мудростью; самъ Антоновъ помнитъ его въ дѣтствѣ; умеръ онъ лѣтъ 60 тому назадъ. Потапъ Антоновъ сдѣлался извѣстенъ г. Рыбникову, для сборника кото-

---

1) Если Мина Ефимовъ зналъ былины, то конечно могъ ихъ почерпнуть скорѣе на родинѣ, въ Андомѣ, чѣмъ въ Москвѣ; но Москва, для крестьянина Пріонежья, является мѣстомъ крайне отдаленнымъ и мало кому знакомымъ; поэтому, вѣроятно, и сложилось понятіе, что Мина, который ходилъ въ Москву, вынесъ оттуда свою премудрость.

раго писарь, служившій при мѣстномъ исправникѣ, записалъ съ его словъ нѣсколько былинъ. По какой-то ошибкѣ онъ при этомъ названъ Потапомъ Потахинымъ.

63.

СУХМАНЪ.

Было во славномъ во городѣ во Кіеви,
У ласкова князя у Владиміра,
Заводился у него-то тутъ почестной пиръ.
На томъ на пиру у Владиміра
Были князи вѣдь тутъ, вси вѣдь бóяра,
А вси сильни могучи вси богáтыри;
А сидитъ во самомъ-то во большóмъ углу
А Сухмáнъ да сидитъ сынъ Долмáнтьёвичъ.
Вси князи оны вси тутъ бóяра,
Сильнiи могучiи богáтыри,
Ѣдятъ-то, пьютъ, вси-то кушаютъ
И бѣлую лебедь оны рушаютъ.
Молодой Сухманъ сынъ Долмáнтьёвичъ
Онъ не ѣстъ, не пьетъ, самъ не кушаетъ,
Бѣлой лебеди самъ не рушаетъ,
Нечимъ мóлодецъ самъ не хвастаетъ.
Згóворитъ Владиміръ стольно-кіевской:
«Что же ты, Сухманъ сынъ Долмáнтьёвичъ,
«Ты не ѣшь, ты не пьéшь, ты не кушаешь,
«Бѣлой лебеди самъ не рушаешь,
«Ничимъ молодецъ самъ не хвастаешь?»
Воспрогóворитъ Сухманъ сынъ Долмáнтьёвичъ:
— Ахъ же ты Владиміръ столенъ-кіевской!
— Дай-ко мнѣ времечки день съ утра,
— День съ утра и какъ до вечера,

— Мнѣ поѣздить Сухману нынь по заводямъ.
— Привезу ти лебедушку живьемъ въ руки,
— А на твои на пиръ княженецкій,
— На твои на столъ на дубовыи. —
Далъ ему времечки день съ утра,
День съ утра и какъ до вечера.
Поѣхалъ Сухманъ сынъ Долмантьёвичъ;
Онъ ѣздилъ день съ утра до вечера
А по тихимъ глубокимъ по заводямъ,
Не наѣхалъ ни на гуся ни на лебедя,
Ни на сѣраго на малаго утёныша.
Проѣздилъ Сухманъ трои суточки,
Пріѣхалъ Сухманъ сынъ Долмантьёвичъ
Ко матушкѣ ко Нѣпры рѣки;
А у той ли у матушки Нѣпры рѣки
А стоитъ тутъ сила вѣдь-то малая, —
Вода съ пескомъ возмутиласи;
Стоитъ за Нѣпрой, за Нѣпрою рѣкой
А невѣрныи силы сорокъ тысячей,
Мостятъ мосты все калиновыи,
Ладятъ тутъ перейти черезъ ту Нѣпру,
Ко тому ли ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру,
Ладятъ Кіевъ градъ какъ огнёмъ пожгать,
А Владиміра-того во полонъ-тотъ взятъ.
Тутъ Сухманъ здогодается,
А пошолъ Сухманъ за тую Нѣпру,
Находилъ ёнъ дубиночку вязиночку,
Въ долину какъ дубина десяти сажонъ,
Въ толщину какъ дубина три обхвати.
Тутъ Сухманъ снаряжается,
За вершинку браль — съ комля сокъ бѣжалъ.
Сталъ по поганымъ похаживать,
По тою по силѣ по невѣрныи,

Сталъ ёнъ дубиною помахивать,
Убилъ ёнъ татаръ сорокъ тысячей;
Со всихъ сторонъ дубину пріущолкалъ ёнъ,
Въ кровь ёнъ дубину пріомáралъ тутъ.
А изъ поганыи изъ сúлы тутъ
Оставалося только два татарина,
А ёны отъ его обряжáлися,
За тыя за кустья завалялися.
Пошолъ тутъ Сухманъ ёнъ во Кіевъ градъ
Ко тому ли князю ко Владимiру.
Гóворитъ Владимiръ таково слово:
«Что же долго ты ѣздилъ, Сухманъ, теперь?
«Ѣздилъ ты да трои суточки,
«Привезъ ты ко мнѣ нынь лебéдушку,
«Обѣщался кою да живьéмъ въ руки,
«А ни сѣраго ни малаго утёныша?»
Отвѣтъ держитъ Сухманъ какъ тутъ,
Отвѣтъ держалъ сынъ Долмáнтьёвичъ:
— Не до тóго мнѣ-ка нынь дѣлось.
— Былъ я вѣдь нынь за Нѣпрóй рѣкой,
— Увидалъ я силы сорокъ тысячей,
— Той ли силы поганыи,
— Той ли силы всё невѣрныи.
— Оны ладили тутъ какъ вѣдь Кіевъ градъ,
— Кіевъ градъ какъ огнёмъ пожгать,
— А Владимiра тебя въ полонъ какъ взять. —
А говорятъ князи́ вѣдь и бóяра
А и сильни могучи богáтыри:
«Ахъ ты Владимiръ столенъ-кіевской!
«Не надъ нами Сухманъ насмѣхается,
«Надъ тобою Сухманъ нарыгается,
«Надъ тобой ли нынь какъ Владимiръ князь».
За тыи за рѣчи за похвальныи
Посадилъ его Владимiръ стольно-кіевской

Во тый погреба во глубокій,
Во тый темницы тёмныя.
Желѣзными плитами задвигали,
А землёй его призасыпали,
А травой его замуравили,
Не много ли не мало лѣтъ-то ни тридцять.
Послали туда вѣдь-тоослѣдовать,
Къ той ли ко матушки Нѣпры рѣки,
Старóго казáка Илью Муромца.
А пошолъ старóй казакъ Илья Муромецъ,
Онъ пошолъ къ матушки Нѣпры рѣки,
А сталъ Илья какъ по силѣ похаживать,
По той ли силы онъ поганыя,
По той ли по силы все невѣрныя,
Онъ нашолъ тамъ дубиночку вязиночку,
А лежитъ она межъ силы межъ поганою,
А лежитъ тая дубина девяти сажонъ,
Въ толщину тая дубинá три обóймени,
Со всихъ сторонъ дубина пріущолкана,
Въ кровь дубина пріомарана.
Пошолъ да старóй ёнъ ко городу,
Ко тому ко городу ко Кіеву,
Увидалъ два татарина поганыихъ.
Говорятъ тутъ татарины поганыи:
— Ты куда калика перехаживашь,
— Ты откуль идёшь, откуль путь держишь? —
Воспрогóворитъ старóй Илья Муромецъ:
«Я иду вѣдь отъ города отъ Кіева,
«Отъ ласкова князя Владимíра».
Говорятъ татарины поганыи:
— У васъ какъ вѣдь есть нынь во Кіеви
— А богáтырь старóй Илья Муромецъ;
— По многу заѣдатъ-то хлѣба къ выти онъ,
— По многу ль выпиватъ питья медвянаго? —

Говоритъ Ильюша таково слово:
«У насъ какъ было нынь во Кіеви,
«У ласкова князя Владиміра,
«Ѣстъ хлѣба по колачику крупивчату,
«Запиває стаканчикомъ медвянымъ».
— То тутъ у Ильюши вѣдь не сила есть.
— Какъ мы есть поганы татарова
— Ѣдимъ хлѣба къ выти по печи печенаго,
— По ушату пьемъ водоносныихъ. —
Воспрого́воритъ Илья тутъ вѣдь Муромецъ:
«У насъ было во городѣ во Кіёви,
«При ласковомъ князи Владиміри,
«Коро́вищо была обжорищо, —
«Она много ѣла, вино пи́ла тутъ,
«Нынь вся она теперь перелопала».
Тутъ татаринамъ поганымъ не къ лицу пришло,
Выскака́ли со шатра полотнянаго,
Кинули въ Ильюшу ножищо бо́ны тутъ.
Попало тутъ во дверь во дубовую,
Выскочила тутъ и со липи́ньямы.
Взялъ Ильюша старо́й тутъ вѣдь Муромецъ
Клюху свою онъ дорожную,
А ударилъ ёнъ по татаровамъ,
Тутъ у татаринов души нѣту.
Приходитъ старо́й Илья Муромецъ
Ко городу ко тому ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру,
Отвѣтъ держалъ, выговаривалъ:
«Правда Сухмана Долма́нтьёвица,
«Чѣмъ Сухманъ только хвастаетъ.
«Былъ-то я у Нѣпры́ рѣки,
«Видѣлъ силы поганой убитою,
«Числомъ лежитъ сорокъ тысячей.
«Межъ тыма межъ поганыма татарамы

«Увидѣлъ дубину девяти сажонъ,
«Въ то́лщину дубина три обо́ймени,
«Со всихъ сторонъ дубина пріущолкана,
«Въ кровь-ту дубина пріомарана».
Зго́воритъ Владиміръ таково слово:
— Ахъ же вы князи вы бо́яра,
— А вы сильни могучи вси бога́тыри!
— Выводите Сухмана со погребовъ,
— Со тыхъ погребовъ со глубокіихъ,
— А со тыхъ ли со те́мницъ со те́мныихъ. —
Тутъ приходили князи бо́яра,
Сильни могучи бога́тыри;
Траву-ту всю оны тутъ вырвали,
Землю изъ плиты вѣдь повырыли,
Желѣзную плиту повыняли,
Выводили Сухмана сына Долма́нтьёвича
Со тыхъ погребовъ со глубокіихъ,
Со тыхъ ли со те́мницъ со те́мныихъ.
Воспрого́ворятъ ему вси князи бо́яра:
«Ахъ ты Сухманъ сынъ Долма́нтьёвичъ!
«За твои услуги великіи
«Тебя пожалуетъ Владиміръ столенъ-кіевской
«Золотою казной тебя долюби,
«Городами-то да съ пригородкамы,
«Приселами-то да со приселкамы».
Выходитъ Сухманъ сынъ Долма́нтьёвичъ
Со тыхъ погребовъ со глубокіихъ,
Со тыхъ ли со те́мницъ со те́мныихъ,
Говоритъ Сухманъ таково слово:
— А не честь хвала молодецкая
— Брать города съ пригородкамы,
— Брать присела да со приселкамы,
— Брать мнѣ безсчетна золота казна,
— А моя есть смерть напрасная,

— Отъ тыхъ отъ ранъ отъ великіихъ. —
Выдергалъ онъ листочки макóвыи:
— Протеки отъ ранъ отъ великіихъ,
— Протеки Сухманъ рѣка ты кровавая! —

Записано въ Пудожѣ, 31 іюля.

64.

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

И задумалъ Добрынюшка поѣхать ёнъ
Ко той ли ко рѣчки ко Пучайныи.
Только проситъ Добрынюшка прощеньица,
Только проситъ Добрыня благословеньица
У родители своеи какъ у матушки,
У честнóй вдовы Офимьи Олександровной:
«Ужъ какъ дай-ко мнѣ-ка-ва прощеньицо,
«Дай-ко мнѣ-ка благословленьицо,
«Мнѣ съѣздить ко рѣчки ко Пучайныи;
«Надо въ той мнѣ рѣчкѣ покупатися,
«Простудить мнѣ-ка нынь да тѣло нѣжное».
Отвѣтъ держитъ да ко Добрынюшки
А его же вѣдь тутъ рóдна матушка:
— Ахъ же ты чадо мое милое,
— Молодой Добрынюшка Микитиницъ!
— А тамъ вѣдь есть змѣя какъ тутъ поганая,
— Тобе съѣстъ Добрыня, поглотáетъ она. —
Говоритъ Добрыня родной матушкѣ:
«Не боюсь я змѣи теперь поганыи.
«Ужъ ты дашь мнѣ прощенья — поѣду я;
«А не дашь прощеньица — поѣду я».
Только дала Добрынюшки прощеньицо,
Только дала Добрыни благословленьицо.

А выходитъ Добрыня на ши́рокъ дворъ,
А беретъ въ рукѝ уздицу тесмяную,
На того добра́ коня ёнъ накладываетъ,
Войлочки да онъ накидываетъ,
Сѣдёлышко да онъ накладываетъ,
Тое сѣдёлышко окова́ное,
А двѣнадцати подпругами подтягивалъ,
Самъ ёнъ подпругамъ приговаривалъ.
Не просты были подпруги, семи шелковъ,
Не простого-то шолку, шахтанскаго,
Пряжечки изъ мѣди изъ казанскія,
Шпенечки изъ булата были желѣза сибирскаго.
Съ собою беретъ онъ товарища
По́тыку Михайла Ивановича.
Во тугі́и руки ту́гой быстрой лукъ,
Палицу беретъ онъ военную,
А копье-то беретъ да долгомѣрное,
Саблю взимаетъ-то вострую.
Сѣлъ-то Добрыня на коня добраго,
Поѣхали ко рѣки ко Пучайныи.
День-тотъ ѣдутъ не доѣдучись,
А другой ѣдутъ не видаючись,
А на третій-то день доѣзжаючись.
А пріѣхалъ Добрыня ко Пуча́й ко рѣки,
Останавливалъ коня на чисто́емъ на поли,
Привязывалъ коня да къ дубу сы́рому,
Оставлялъ-то тутъ брата крестоваго,
По́тыку Михайла Ивановица.
Пошолъ-то Добрыня къ рѣчки быстрыи,
Ко той ли-то ко рѣчки ко свирипыи,
Скидыва́етъ съ се́бя платьё-то дорожноё,
Розуваетъ сапожки зеленъ сафьяшъ,
Вынимаетъ съ буйной головы
Шляпу свою да земли греческой,

Скидывáетъ рубашку миткалинную,
Штаники розулъ ёнъ со нáпускамы̀.
Опустился Добрыня въ ричку быструю,
Сквозь тую онъ струйку вѣдь прóнырнулъ,
Сквозь другу онъ тутъ повы́нырнулъ,
Сквозь третью онъ повыскочилъ.
И это тутъ вода въ рѣки смутиласи,
Лютая змѣя показаласи.
Тутъ перепался братъ крестовыи,
Пóтыкъ Михайла сынъ Ивановичъ,
Угналъ Добрыни коня добраго,
Увёзъ у Добрыни тýгой быстрой лукъ,
Палицу увéзъ ёнъ военную,
Копье-то увéзъ какъ долгомѣрное,
Саблю увёзъ ёнъ вѣдь вострую.
Одна осталась только шляпа греческа,
Тая ли шляпа богатырская.
Тутъ вѣдь выскакивалъ со риченки,
Надѣвалъ ёнъ платье свое скоро тутъ,
Обувалъ ёнъ сапожки зеленъ сафьянъ,
Бралъ ёнъ шляпу земли греческой,
А махнулъ-то вѣдь какъ онъ на ту змѣю,
А й на ту змѣю на поганую,
Отбилъ-то у змѣи онъ три хобота,
Пропустилъ-то змѣи кровь горючую,
А сшибилъ-то змѣю да на сыру землю,
Наступилъ-то змѣи да ножкой правою,
А на ты наступилъ да ей на хоботы,
Ладилъ отсѣчь буйну голову.
Тутъ-то змѣя ему смолиласе,
Нечестлива она покориласе:
— Ахъ же ты Добрынюшка Микитиницъ!
— Не убей-ко змѣи меня до смерти нынь.
— Я буду змѣя теби покорная,

— А я буду змѣя теби повинная
— Спусти-ко ты змѣю да на своё волю,
— А я буду сестра теби меньшая,
— А ты будешь братъ да мнѣ-ка бо́льшіи. —
А на ты лясы́ Добрыня пріукинулся,
Спустилъ-то змѣю да на своё волю.
Тутъ-то змѣя подымаласе
Выше лѣсу того она стояцего,
Ниже облака того вѣдь летацаго,
Полетѣла змѣя какъ ко Кіёву,
Ко тому ли ко князю ко Владиміру.
Тутъ пошолъ какъ Добрынюшка во свой-тотъ домъ;
Сустигала Добрыню ночка темная
На тоёмъ полѝ его на чи́стоёмъ.
Столбички розставилъ тоце́ные,
Шате́ръ-тотъ роздвинулъ полотняныи,
Тутъ-то Добрыня спать ложился онъ,
На матушку ложился на сыру́ землю,
На тую ложился мураву́ траву.
Спалъ тутъ Добрыня отъ ве́чера,
Спалъ тутъ Добрыня до полу́ночи,
Отъ полу́ночи спалъ ёнъ вѣдь до́ утра
Отъ крѣпкаго сна пробуждается,
По утру ставалъ ёнъ ране́шенько,
Умывался водою самъ бѣлёшенько,
Утирался полотёнышкомъ сушохонько,
Господу Богу помо́лился,
Въ сырую во землю покло́нился.
Беретъ въ руки́-то трубочку подзорную,
Оглядѣлъ ёнъ ко городу ко Кіёву,
Ко ласкову князю Владиміру.
Летитъ-то тутъ змѣя поганая,
А несе́тъ во когтяхъ дочку царскую,
Царскую дочку княженецкую.

Тутъ-то Добрыня закручинился,
Тутъ какъ Добрыня запечалился.
Онъ приходитъ Добрыня во свой какъ домъ,
Онъ садился на брусóву нову лавочку,
Онъ повѣсилъ голову до самóй зени.
Подходитъ къ ему рóдна матушка,
Она стала Добрынюшку выспрашивати,
Она стала Добрынюшку вывѣдывати:
«О чемъ ты Добрынюшка кручинишься,
«О чемъ ты Добрынюшка печалишься?»
А отвѣтъ держалъ Добрыня къ родной матушки:
— Не объ чёмъ я Добрыня не кручинюся,
— Не объ чёмъ я Добрыня не печáлуюсь,
— Только дай-ко мнѣ-ка матушка прощеньицо,
— Только дай-ко мнѣ благословленьицо,
— Мнѣ съѣздить ко городу ко Кіёву,
— Ко ласкову князю ко Владимíру;
— У того князя какъ у Владимíра
— А й зачался пиръ да на двѣнадцать дѐнъ,
— Для князей ли пиръ какъ для бóяровъ
— А для сильнихъ могучихъ для богáтырёвъ. —
Сѣлъ тутъ Добрыня на коня добраго;
Скоро будучись Добрыня на чистóмъ на поли,
Пріѣзжаетъ ко городу ко Кіёву,
Ко тому ко князю ко Владимíру,
Ко тыи стѣны городóвыи,
Ко тыи ко башни углóвыи.
Прямо ѣхалъ Добрыня черезъ стѣну тутъ,
Черезъ тую стѣну городóвую,
Черезъ тую башню углóвую.
Заѣзжаетъ Добрыня ко Владимíру на дворъ,
Сбываетъ слѣзаетъ съ коня добраго,
Привязыватъ коня ёнъ ко столбичку,
Ко тому ли столбу ко точёному,

Ко тому ль кольцу золочёному,
Насыпаетъ пшены бѣлояровы.
Пошолъ-то вѣдь Добрыня во высо́кой домъ,
Проходитъ ёнъ во гри́деню столовую,
Гдѣ стоятъ столы тамъ дубовыи,
Кладены скатерти шелко́выи,
А укладены ѣствы саха́рніи,
А й розставлены питья медвяныи.
Онъ крестъ тутъ клалъ по писа́ному,
А поклоны-ты ведетъ по учёному,
На всѣ на четыре на стороны,
Тому же Владиміру въ особину.
Ставаетъ Владиміръ на рѣзвы́ ноги,
Говоритъ Владиміръ таково слово:
«Ахъ же вы князи вы бо́яра.
«А вы сильни могучи бога́тыри!
«Ставайте зъ-за сто́ловъ вы дубовыихъ,
«Зъ-за тыихъ за ѣстовъ вы саха́рніихъ,
«Зъ-за тыихъ за питьевъ вы медвяныихъ,
«Вы берите-ко гостя нынь подъ руки,
«Садите вы гостя за столъ какъ нынь,
«За тыи столы его дубовыи,
«За тыи за ѣства за саха́рніи,
«А и за тыи за питья за медвяныи,
«Проводите вы во мѣсто во бо́льшое,
«Гдѣ ему мѣсто вѣдь по́любви».
А ставали князи́ тутъ вѣдь бо́яра,
Сильни могучи вси бога́тыри,
А взимали тутъ гостя вѣдь за руки,
Проводили за столы тыѝ дубовыи,
За тыи за ѣствы за саха́рніи,
За тыи за питья за медвяныи,
Наливали чару зелёнаго вина,
Другу наливали пива пьянаго,

Третью наливали меду сладкаго.
Принимаетъ Добрыня единóй рукой,
Выпиваетъ Добрыня едины́мъ духомъ.
Ставаетъ Владиміръ на рѣзвы́ ноги,
А приходитъ Владиміръ супротивъ стола
Самъ онъ говорилъ таково слово:
«Ахъ же вы кня́зи вы бóяра,
«А вы сильни могучи бога́тыри!
«Кто у васъ ѣдетъ во Туги́-горы,
«А во тыи пещеры змѣиныи,
«За моёй-то вѣдь дочкой за царскою,
«За моёй-то дочкой государскою?»
И какъ за тыма столами за дубовыма,
За тыми за ѣствами саха́рними,
За тыма за питьямы медвяныма,
Да никто ничего тутъ не спрогóворитъ;
Ни отъ бóльшего, какъ ни отъ мéньшого,
Зъ-за того стола зъ-за середнего
Меньшій бояринъ Иванъ какъ тутъ,
А по изотчины какъ Карамышовичъ,
Зъ-за стола выходитъ зъ-за середнего,
Поклонился къ Владиміру низешенько,
А ёнъ самъ згóворилъ таково слово:
— Послухай-ко Владиміръ столенъ-кіевской!
— Изъ насъ нéкому ѣхать въ Туги́-горы,
— А во тыи пещеры змѣиныи,
— За твоёй-то за дочкой за царскою,
— За твоей-то дочкой княженецкою.
— А я былъ теперь какъ у риценки,
— А у той я рѣки да у Пучайныи,
— А я видѣлъ какъ тамъ Добрынюшку,
— Онъ какъ со змѣёю тамъ поляковалъ,
— А махнулъ на змѣю какъ шляпой греческой,
— А отбилъ отъ змѣи-то онъ три хобота,

— Пропустилъ-то змѣи какъ кровь горючую,
— А сшибъ-то змѣю да на сыру землю,
— Наступилъ-то змѣи какъ онъ на хоботы,
— Ладилъ отсѣчь буйну голову:
— Это тутъ же змѣя возмолилася,
— Нечестлива ему покорилася,
— Называла его братомъ бо́льшимъ,
— А ёна называлась сестрой ме́ньшею.
— Дакъ ему буде ѣхать во Туги́-горы,
— Во тыи пещеры во змѣиныи,
— За твоёй топри[1]) дочкой за царскою,
— За твоей топри дочкой княженецкою. —
И подходитъ Владиміръ стольно-кіевской
Ко тому Добрынѣ близёшенько,
Говоритъ сло́вце ему поскорёшенько:
«Ты послухай Добрыня сынъ Микитинецъ!
«Я накину на тя службу великую,
«А я службу накину не малую:
«А ты съѣзди отъ города отъ Кіёва,
«Отъ того князя какъ отъ Владиміра,
«А во тыи во славны Туги́-горы,
«А во тыи пещеры змѣиныи,
«За моёй-то дочкой за царскою,
«За моёй-то дочкой княженецкою».
Ставалъ тутъ Добрыня на рѣзвы́ ноги,
А выходитъ зъ-за сто́ловъ дубовыихъ,
Зъ-за тыихъ за ѣстовъ зъ-за сахарніихъ,
Зъ-за тыихъ за питьевъ за медвяныихъ,
Господу Богу помоли́лся самъ,
Всѣмъ благодарность относилъ какъ онъ.
Становился Добрыня на своё мѣсто
Осередь той полаты грановитыя,

1) *Топри* — теперь.

Топнулъ Добрыня ножкой правою,
Тымъ ли онъ чоботомъ булатніимъ,
Весь шатёръ тутъ шатается,
Тыи столы опрокида́ются,
Питья въ стоканахъ проливаются,
А бояра со стульевъ повалилисе,
По тому мосту да покатилисе.
А выходитъ Добрыня на улицку,
Къ своему коню приходитъ ко доброму:
— Ахъ ты мой конь есте добрыи,
— А не знаешь теперь ты незгодушки!
— А Владиміръ князь столенъ-кіевской
— Онъ накинулъ службу тяжёлую. —
Садился Добрыня на коня добраго
А поѣхалъ Добрынюшка во свой-отъ домъ
Становилъ коня да своя *(такъ)* добраго
А во тую во стойлу лошадиную,
Насыпалъ пшёны́ бѣлояровыи.
А приходитъ Добрыня во свой какъ домъ,
А садился онъ какъ вѣдь на лавочку,
Онъ повѣсилъ головку до само́й зени,
Самъ ёнъ кручинится, печалится.
Подходитъ къ ему какъ родна матушка,
Честна́ вдова Офимья Олександровна,
Начала Добрыню выспрашивати,
Ена начала Добрыню вывѣдывати:
«Ты объ чёмъ нынѣ Добрынюшка кручинишься,
«Да объ чёмъ ты Добрынюшка печалишься?
«А ты былъ вѣдь Добрынюшка во Кіёви,
«А у ласкова князя у Владиміра,
«А на томъ ты на пиру на почёстноёмъ,
«Али мѣсто тебѣ было не по́любо,
«Али чара ли тебѣ не рядо́мъ пришла,
«Не рядо́мъ пришла какъ непочётная,

«Али пьяница дуракъ въ глаза на́плевалъ,
«Али дѣвки-курвы насмѣялисе?»
Зго́воритъ Добрыня таково слово:
— Ай же ты родитель моя матушка,
— А ты честна́ вдова Офимья Олександровна!
— А вѣдь мѣсто было мнѣ-ка вѣдь по́любо,
— А й вѣдь чара ко мнѣ да всё рядо́мъ-то шла,
— А й чара тая вѣдь-то почётная,
— Пьяница дуракъ въ глаза не́ плёвалъ,
— Дѣвки-курвы не смѣялисе;
— А накинулъ Владиміръ столенъ-кіевской
— На меня службу теперь тяжёлую.
— Надо съѣздить мнѣ-ка во Туги́-горы,
— А во тыи пещеры змѣиныи,
— За его-то за дочкой за царскою,
— За его за дочкой княженецкою;
— Дакъ объ томъ я Добрынюшка кручинюсе,
— А объ томъ такъ Добрынюшка печалуюсь. —
Говоритъ родитель ему матушка,
Честна́ вдова Офимья Олександровна:
«Не кручинься Добрыня, не печалуйся.
«А ѣздилъ-то вѣдь твой вѣдь батюшко
«Во тыи во славны во Туги́-горы,
«Во тыи пещеры змѣиныи,
«Побивалъ ёнъ ту змѣю поганую.
«Ты послухай-ко да меня матушки,
«Честно́й вдовы Офимьи Олександровной:
«Ты поѣдешь теперь да во Туги́-горы,
«А во тыи пещеры во змѣиныи,
«Не бери-тко съ собой туга бы́стра лука́,
«Не бери-ко ты палицы военныи,
«Не бери-ко копья долгомѣрнаго,
«Не бери-ко ты сабли съ собой вострою.
«Дамъ тебѣ плеточку семи шелковъ,

«Этоїй плеточкой будешь помахивать;
«А еще дамъ я тебѣ тальянской платъ,
«А рука твоя права́ призамашется,
«Свѣтъ со глазъ какъ потеряется,
«Тебя станетъ змѣя она потаскивать,
«Станетъ люта́ тебя побрасывать,
«Ты возьми-тко нынь свой тальянской платъ,
«Поводи по тому лицу по бѣлому,
«А утри-тко свои ты очи ясныи,
«Будешь лучше стараго да лучше прежнаго.
«Поводи ко́ня да по толсты́мъ рёбрамъ
«Тымъ платкомъ ты тальянскімъ,
«Тогда здымай ты ручку свою правую,
«А махни плетью да ты шелко́вою, —
«Ты склонишь змѣю-ту на сыру землю,
«Оторвешь у змѣи вѣдь шесть хоботовъ,
«Придае́шь змѣи смерть ты вѣдь скорую».
Это сѣлъ Добрыня коня добраго *(такъ)*,
Онъ поѣхалъ Добрыня во тыи́ опы
А во ты славны да во Туги́-горы,
Во тыи пещеры да во змѣиныи;
Ѣхалъ Добрынюшка двѣнадцать дён,
Обѣда Добрыня не обѣдывалъ,
Только колачикомъ Добрыня закусывалъ.
На тринадцатый день доѣзжаетъ онъ
А во тыи во славны во Туги́-горы,
Въ тыи пещеры змѣиныи,
А ко тымъ вѣдь ён ко Тугі́мъ-горамъ.
А и то змѣи какъ не случилосе
А во тыихъ во славныхъ во Тугі́хъ-горахъ,
А во тыхъ ли во пещерахъ во змѣиныихъ;
Только тамъ сидитъ одна дочка царская,
Царская дочка княженецкая.
Глядитъ Добрыня во чисто́ поле́,

А лéтитъ змѣя тутъ поганая,
Во когтяхъ несетъ да тѣло мéртвое.
А увидла змѣя какъ Добрынюшку,
Какъ сидитъ Добрыня конь доброёмъ *(такъ)*,
А спустила змѣя тѣло мертвое,
А й на матушку спустила на сыру землю,
А на тую спустила мураву траву,
Сама подлетѣла ко Добрынюшкѣ:
— Ахъ же ты Добрынюшка Микитинецъ!
— Ты зачѣмъ нынь пріѣхалъ въ Туги́-горы,
— А во тыи пещеры змѣиныи? —
Тутъ-то змѣя она сряжается
Со Добрынюшкой да биться ратиться.
Оны бились со змѣёй трои суточки,
Не ѣдаючись какъ не пиваючись.
Стала змѣя тутъ поганая,
Она стала Добрынюшку покидывать,
Она стала Добрынюшку побрасывать.
А вспомнилъ онъ Добрынюшка
А родительско онъ наказаньицо,
А берéтъ-то Добрыня въ руки бѣлыи,
А берéтъ-то Добрыня платъ тальянскіи,
Поводилъ ёнъ самъ какъ по бѣлу́ лицу,
У́теръ глаза да свои ясныи,
Сталъ Добрыня лучше стараго,
Сталъ Добрыня лучше прежнаго.
Поводилъ коня онъ по тучны́мъ ребрамъ,
Пошолъ его конь по чисту́ полю,
По чисту́ полю пошóлъ со храбростью.
Поймалъ Добрыня змѣю лютую,
Поймалъ Добрыня во бѣлы́ руки,
Приклонилъ Добрыня ко сырой земли,
А махнулъ-то Добрыня ручкой правою
Тою ли плеткою шелковою,

Оторвалъ ёнъ змѣи да буйну голову.
Пріѣзжаетъ тутъ Добрыня ко пещеры той,
А ко той ли ко пещеры ко змѣиныи,
А взималъ-то вѣдь тутъ дочку царскую,
Царскую дочку княженецкую.
Онъ поѣхалъ ко городу ко Кіёву,
Ко ласкову князю Владиміру,
Тутъ онъ привезъ да дочку царскую,
Тую ли дочку княженецкую.
Выходитъ Владиміръ на крутó крыльцо,
А стрѣтаетъ Владиміръ со чéстью тутъ,
Со великою со той благодарностью:
«А спасибо ти Добрыня Микитиницъ!
«Сослужилъ мнѣ-ка службу великую,
«А привезъ мою да ты дочку царскую,
«Царскую дочку княженецкую».
А дарилъ его Добрыню платьемъ цвѣтныимъ,
Благодарность сказалъ да до самой земли:
«А спасибо благодарно Добрынюшка!
«Послужилъ мнѣ-ка князю Владиміру.
«Никого не могъ найти я во Кіёви,
«Изъ тыхъ только изъ богáтырёвъ
«Только ты одинъ нашолся Добрынюшка».
Тутъ Владиміръ оставается,
А поѣхалъ Добрыня во свой онъ домъ.

Записано тамъ же, 31 іюля.

65.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

(См. Рыбникова, т. III, 17).

Во славномъ во городи во Кіёви,
При ласковомъ князи при Владиміри,
Жили были честны́и тутъ бо́яра
И вси сильни могучи бога́тыри.
Воспрого́воритъ Добрыня таковое слово:
«Ахъ же ты Владіміръ столенъ-кіевской!
«Хочу я Добрыня поженитися
«На молодой Настасьи Микуличной».
Эго тутъ вѣдь заве́лся у Добрынюшки,
Этотъ тутъ вѣдь завёлся почестной пиръ,
Перво любовь начинается,
Честны́и пиръ производится.
Пошолъ тутъ Добрыня во Божью́ церкву,
Принялъ Добрыня по злату вѣнцу,
Златыми вѣнцами повѣнчался,
Златыми перстнями обручался.
А й живетъ-то Добрынюшка при Кіёви,
Онъ при ласкови князи при Владиміри.
А изволилъ Добрыня онъ сказать теперь,
Честно́е слово воспрого́ворить:
«Ахъ же ты есть молода жена,
«Молода Настасья Микулична!
«Ахъ же родитель моя матушка,
«Честна́ вдова Офимья Олександровна!
«Дай мнѣ Добрынюшки прощеньицо,
«Дай-ко Добрыни бласловленьицо,
«А съѣздить Добрыни на чисто́ на полё,
«А мнѣ ли Добрыни исполяковать,
«Могучи́ плечи́ Добрынюшки росталкивать».
Отвѣтъ держитъ ему матушка,

Честна̀ вдова Офимья Олександровна:
— Поѣ́зжаешь Добрыня на чисто́е на полё,
— На кого оставляшь стару матушку?
— На кого покидаешь молоду жену,
— Молоду Настасью Микуличну?
— Куда оставляешь золоту казну,
— Куда кладешь-то цвѣ́тно платьицо,
— На кого еще оставишь добры́хъ коней?—
Отвѣ́тъ держитъ Добрыня онъ ко матушки,
Ко честно́й вдовы Офимьи Олександровной:
«Ты родитель моя-ка сударь матушка,
«Ты честна̀ вдова Офимья Олександровна!
«А добры́хъ коней я во по́лё спущу,
«Золоту казну я въ погреба́ замну,
«Цвѣ́тно платьицо я на вы́шки кладу.
«А тебе какъ родитель моя матушка,
«Честна̀ вдова Офимья Олександровна,
«Оставлю тебѣ́ я золотой казны,
«Золотой казны тебѣ́ безсчетныи.
«Молодой жены я завѣ́тъ кладу:
«Я не буду Добрынюшка съ чиста́ поля,
«Я не буду Добрыня ровно три́ году,
«А во ты-пору Настасья вдовой живи,
«Хоть вдовой живи, да хоть заму́жъ поди,
«Ты за князя поди, ли за боярина,
«Аль за сильнаго могучаго бога́тыря;
«Не ходи́ только за братца за крестоваго,
«А за младаго́ Олёшу за Поповица».
Это тутъ Добрыня снаряжается,
А и на добры́хъ коней-то онъ сбирается,
А бере́тъ съ собой нынече товарища,
Брата бере́тъ-то онъ крестоваго,
А и По́тыку Михайлу Ивановица,
И поѣ́хали они́ на чисто́е на полё.

День отъ дни какъ коротается,
Скоро будутъ здѣсь они какъ на чистыихъ на поляхъ
А на тыхъ ли на роздольицахъ широкіихъ.
Оны ѣхали, дорожку продолжали тутъ,
А пріѣхали оны на чисто́ на полё
А на тыи на роздольица широкіи,
Подѣлали тутъ стойлы лошадиныи,
Роздернули шатры полотняныи,
Насыпа́ли пшены бѣлояровыи
Во тыхъ ли во стойлахъ лошадиныихъ.
Оны-то вѣдь стали пировати тутъ,
Хлѣба соли тутъ покушати,
По чары выпить зелена́го вина,
По другой-то выпить пива пьянаго,
По третьей выпить меду сладкаго.
Поѣли попили покушали,
Сдѣлали пынь опочивъ себѣ,
А й ложилися спать во бѣлыхъ шатрахъ
А й ложилися спать по вечеру
И спали тутъ ёны до́ утра,
До того же спали до бѣла́ свѣту.
Тутъ Добры́ня профатается,
Самъ говоритъ таково слово:
«Стань-ко братъ мой крестовыи,
«Подь ты Михайла сынъ Ивановичъ,
«Ото крѣпка сна да пробудись-ко ты».
Ставалъ его братъ тутъ крестовыи,
Вымылъ очи свѣжо́й водой,
У́терся полотенышкомъ сушохонько,
Господу Богу помо́лился,
На вси стороны вѣдь ёнъ покло́нился,
И пошолъ во конюшни лошадиныи,
Засмотрить пошолъ ёнъ да добры́хъ коней,
Всѣ ль кони стоятъ тамъ по старому,

Всѣ ль кони стоятъ тутъ по прежному.
Осмотрѣлъ, оглядѣлъ онъ копей добрыихъ,
Всѣ кони стоятъ тамъ по прежному,
Зоблютъ пшену бѣлоя́ровую.
Пошолъ ёнъ какъ отъ добры́хъ коней,
И взялъ ёнъ тутъ вѣдь во бѣлы́ руки,
Трубочку взялъ ёнъ подзорную,
Поглядѣлъ ёнъ тутъ во чисто́ полё,
Оглядѣлъ ёнъ во чисто полѣ́ какъ тутъ,
Во тое во поле во чистоё,
А ко той ли горы онъ ко высокіи,
Ко тымъ лѣсамъ ко дремуцiимъ.
Подъ той ли подъ горою подъ высокою
А стоитъ вѣдь конь тамъ богатырскіи,
А сидитъ на кони воинъ главныи:
Голова на немъ какъ бу́ракъ си́льняя,
И глаза у него какъ чаши пи́вныи,
Носъ палица какъ богатырская;
На лѣво́й ноги какъ борзо́й кобель,
На право́й ноги какъ ясе́нъ соколъ.
Это тотъ ли кобель воспрово́ркиваетъ,
А ясе́нъ соколъ какъ воспросвистываетъ,
И также бога́тырь воспрого́ворилъ ёнъ:
— Я матушку русску́ землю,
— А русску́ землю я наскрозь пройду,
— Что ни лучшіихъ бога́тыревъ въ полонъ возьму. —
Это тутъ его братъ крестовыи,
По́тыкъ Михайла сынъ Ивановичъ,
Ёнъ повѣсилъ головушку до самой земли,
А идетъ-то онъ, самъ кручинится,
А идетъ-то, самъ ёнъ печалится;
А стрѣтаетъ его братъ тутъ крестовыи,
Молодой Добрынюшка Микитинищъ:
«Объ чемъ ты мой братъ нынь кручинишься,

«Объ чемъ ты скоро нынь запечалился?»
Отвѣтъ дёржитъ брату́ крестовому
Пóтыкъ Михайла сынъ Ивáновичъ:
— Видѣлъ богáтыря престрашнаго,
— А сидитъ богáтырь на добрóмъ кони,
— А сидитъ-то богáтырь, самъ шатается,
— Ладитъ-то ёнъ русьску землю наскрозь пройти,
— Насъ богáтыревъ нынь какъ во полонъ взимать. —
Возговоритъ Добрыня таково слово:
«Поѣзжай-ко богáтырь поскорёшенько.
«Пóтыкъ Михайла сынъ Ивановичъ!
«Прогони-тко богáтыря съ чистá поля,
«Со тою со силою великою,
«Со тою со силою невѣрною».
Поклонился братъ ему крестовый,
Пóтыкъ Михайла сынъ Ивановичъ:
— Я не смѣю поѣхать на чистó полё
— На этого богáтыря престрашнаго,
— Я этого богáтыря весьмá боюсь. —
Это-то Добрынюшка выходитъ самъ
Со того ль шатра полотнянаго:
«Оставлялся братъ ты мой крестовый,
«Стереги береги ты бѣлóй шатёръ;
«Я поѣду Добрыня на чистó полё
«Предъ того ль богáтыря престрашнаго»
Выскакивалъ Добрыня скорымъ нá скоро
На тое сѣделышко окованое,
Взимаетъ палицу́ военную,
А копьё-то беретъ долгомѣрноё,
Поводами коня онъ призадергиваетъ,
Шпорамы коня подшевеливаётъ.
Никуда какъ Добрыня не оглянется,
Только смотритъ Добрыня во чистó полё,
На того ли престрашнаго богáтыря.

Онъ наѣхалъ Добрыня предъ богáтыря,
Закрычалъ-то Добрыня во всю голову,
Колько у Добрыни было гóлоса:
«Что же ты богáтырь сидишь нá кони,
«А не стрѣтаешь меня таперь Добрынюшку?
«Надо намъ съ тобою познакомиться».
Приздынýлъ ёнъ головки богáтырь тутъ,
Самъ згóворитъ таково слово:
— Молодой Добрыня не поѣзживай,
— А русьской богáтырь не попурхивай,
— А будешь въ мои́ руки пои́маной,
— А вдругъ ты будешь пріобщи́паной! —
А на то Добрыня не согласёнъ былъ.
Розгорѣлось ёго сердцо богатырскоё,
Розогналъ ёнъ коня какъ по чисту́ полю,
Билъ коня ёнъ по тупны́мъ рёбрамъ,
А поѣхалъ онъ на ручку онъ на правую,
Сталъ бить рубить онъ силу тутъ поганую,
Котора́ стояла при богáтыри.
Дока́ ладился онъ богáтырь, ладился,
А во ты-пору Добрынюшка прикончилъ всѣхъ,
А убилъ ёнъ силы поганыи,
А убилъ ёнъ силы сорокъ тысящей.
Самъ онъ говорилъ таково слово
Молодой Добрыня Микитиницъ:
«Выѣзжай-ко богáтырь на чисто́ на полё!
«У меня палица какъ розмахаласе,
«Сила какъ росходиласе».
Поѣхалъ богáтырь на чисто́ на полё,
Розъѣздъ-то дѣлали великіи.
Съѣхались на копья на вострыи,
Копья по яблокамъ срывалисе,
А другъ друга оны не ранили.
А съѣхались они на палицы,

А й на палицы тыи военныи,
Другъ друга тутъ пріударили,
Ни который котораго не ранили.
Третій разъ оны съѣхались
А на тыи на сабли на вострыи,
Отфатилъ Добрыня богáтырю,
Отфатилъ ёнъ Добрыня буйну голову.
Палъ тутъ богáтырь со добрá коня,
Тотъ богáтырь кончается.
Тутъ поѣхалъ Добрыня къ своему шатру,
Къ своему шатру онъ ко бѣлому,
А ко брату тому онъ ко крестовому.
Соходилъ Добрыня ёнъ съ коня добраго,
Становилъ коня да ёнъ въ стойлы-ты,
А во стойлы во тыи лошадиныи.
День-тотъ за день какъ водá текетъ,
А недѣля за недѣлю какъ трава ростетъ;
Прошло того времечку вѣдь трú году,
А не видать Добрыни со чистá поля.
Сталъ Владимíръ тутъ подхаживать,
Молодую Настасью подговаривать
За его ли за брата за крестоваго,
А за младáго Алёшу Поповица.
Отвѣтъ держитъ Настасья Микулúчна:
— Я исполнила заповѣдь женскую,
— Я исполню вѣдь заповѣдь мýжскую.
— А не будетъ Добрыня со чистá поля,
— А пройдетъ того времечки-то вѣдь шесть годовъ,
— Я во ты-пору Настасья вдовой живу,
— Хоть вдовой живу я, хоть замýжъ пойду,
— Я за князя ль пойду, за боярина,
— А за сильнаго могучаго богáтыря,
— Не пойду ль только за брата крестоваго,
— А за младáго Олёшу Поповица. —

Это день отъ дни какъ продолжается,
А ѣздитъ Добрыня на чистыхъ на поляхъ,
А проходитъ-то времечки вѣдь шесть годовъ,
А не видать-то Добрыни со чиста поля.
Это сталъ Владиміръ ёнъ подхаживать,
Сталъ ёнъ Настасью подговаривать:
«Ты поди поди Настасья Микулична,
«А поди топере во замужество,
«А за братца поди-ка за крестоваго,
«За младаго Алёшу за Поповица;
«А я былъ Владиміръ на чистомъ поли,
«Видѣлъ Добрынюшку убитаго,
«А лежитъ убитъ Добрыня на чистомъ поли,
«А ёнъ ножкамы лежитъ вдоль дороженки,
«Буйной головой лежитъ во ракитовъ кустъ,
«А ёнъ ручкамы лежитъ о сыру землю,
«Сквозь его ребра травка выросла,
«Росцвѣли цвѣточки лазуревы».
Это тутъ Настасья пріодумалась:
— Я не знаю сама своей головушки,
— А сама своей головушки подѣвати,
— А меня не въ честь берутъ, какъ неохвотою,
— А и силою меня берутъ неволею.—
А про то вѣдь Добрынюшка не вѣдаетъ,
Какъ тутъ вѣдь Настасья просваталась
За того ли за брата за крестоваго,
И за младаго Олёшу за Поповица.
А на тую на пору въ тое времячко
А пріѣхалъ къ Добрынюшки богатырь нынь,
А на томъ ли богатырь на добромъ кони,
А й на томъ ли богатырь кованомъ сѣдли.
Это тотъ ли богатырь съ Золотой Орды,
Да король земли какъ онъ Бухарскій.
Онъ проситъ король земли Бухарскій

Выѣхать Добрыню на чистóе на полё.
Говоритъ Добрыня таково слово:
«Молодой богáтырь Золотой Орды,
«Еще король земли Бухарскія!
«А ѣздишь ты, да не попурхивай,
«А будешь ты курёнокъ пойманой,
«А мла́дой богáтырь ты общипаной».
Скорымъ-на-скоро Добрыня снаряжается
На своёмъ Добрыня кони доброёмъ
А на томъ ли Добрыня кованóмъ сѣдли;
Они съѣхались на копья на вострыя,
Копьи пополамъ прилоиплиси,
Другъ друга они не ранили;
А й на тыи на палицы военныи,
Палици у нихъ сломилиси,
Другъ друга они не ранили.
Третій разъ оны какъ тутъ посъѣхались.
Оба выпали они со добры́хъ коней,
Стали оны собой таскатися,
Подъ нима̀ земля какъ подгибатися.
Розгорѣлся Добрыня Микитинецъ
Своимъ сердцомъ онъ тутъ богатырскімъ,
А фатилъ короля за желты́ кудри,
Кинулъ короля ёнъ на сыру́ землю,
Сѣлъ королю на бѣлы́ груди,
Заздыну́лъ ёнъ До́брыня саблю вострую,
Во плечи рука тутъ застоялася.
Сталъ ёнъ Добрынюшка выспрашивать,
Сталъ ёнъ богáтыря вывѣдывать:
«Ты скажись, скажись, богáтырь, со коёй земли,
«Какъ тебя богáтырь именёмъ зовутъ,
«Какъ звеличаютъ по отечеству?»
Говоритъ король ни съ упадкою:
— Ахъ сѣдатый пёсъ ты сѣда́ брада!

— Кабы я какъ былъ на твоихъ грудяхъ,
— Я не спрашивалъ бы ни роду ни племени,
— А не имени тебѣ бы ни отечества;
— Пласталъ те груди вѣдь я бѣлыи,
— Вынималъ бы сердце со-о печенью. —
Заздынýлъ Добрыня ручку правую,
Подынýлъ Добрыня саблю вострую
А хотѣлъ ёнъ отсѣчь буйну голову,
Во плечи рука тутъ застояласе.
Сталъ ёнъ Добрынюшка выспрашивати,
Сталъ ёнъ Добрынюшка вывѣдывати:
«А скажись, молодецъ ты богáтырь нынь:
«Со коёй земли ты, со коёй орды,
«Какъ молодца именéмъ зовутъ?»
Говоритъ король таково слово:
— Я есть вѣдь богáтырь Золотой Орды,
— Я король земли я есть Бухарскіи. —
А взималъ Добрыня за бѣлы́ руки,
Отдымáлъ *(такъ)* Добрыня отъ сырой земли,
Поставилъ Добрыня на рѣзвы́ ноги,
Говоритъ Добрыня таково слово:
«А садись-ко богáтырь на добрá коня,
«Поѣзжай-ко богáтырь во свою землю,
«Во свою землю да Золоту Орду.
«Подарю тебѣ колечко подзолóченое,
«А свези-тко теперь да своей матушки,
«Дорогой свези топеричу подарочокъ,
«А еще свези ты челомъ-битьице».
Это сѣлъ тутъ король земли Бухарскіи,
А поѣхалъ король-тотъ во свою землю.
А поѣхалъ Добрыня во бѣлы́ шатры,
А лёгъ-то спать какъ Добрынюшка
А при тыихъ при латахъ богатырскіихъ,
А поѣхалъ король, тутъ пріодумался:

— А честь хвала мнѣ молодецкая
— А съѣхать мнѣ-ка во свою землю,
— Во славную мою Золоту Орду,
— Свезти матушкѣ своёй мнѣ низкóй поклонъ,
— Дорогіе свезти мнѣ-ка подарочки;
— Станутъ люди всѣ мнѣ смѣятися,
— Будутъ звать меня какъ заугольнíимъ,
— Будутъ звать меня какъ беззаконныимъ. —
Поворотъ держалъ богáтырь со дороженки,
Пріѣзжаетъ богáтырь ко бѣлу́ шатру,
Заздынýлъ богáтырь саблю вострую,
Онъ ударилъ Добрыню по бѣлóй шеи.
Вострая сабля не забрала,
Прокатилась она со бѣлóй шеи,
Докатилася она до рѣзвы́ихъ ногъ.
Тутъ Добрыня испужался есть,
Отъ крѣпкаго сну онъ пробуждается.
Возсталъ ёнъ Добрыня на рѣзвы́ ноги,
Взималъ короля ёнъ за желты́ кудри,
А здымалъ короля да отъ земли́ сырой
Кинулъ короля о сыру́ землю,
Придалъ королю смерть-ту скорую,
«Отъ кого ты чадо ты зачатó было,
«Отъ кого ты чадо вѣдь посѣяно,
«Отъ того ты чадо нынь кончайся-тко!»
Это тутъ у князя у Владимíра
А пошолъ онъ начался почестной пиръ:
Это идéтъ Настасья во замужество
А й за мла́даго Олёшу Поповица,
За его за брата за крестоваго.
А на тую пору въ тое времячко
Налеталъ тутъ голубъ со голубкою,
А садился голубъ на бѣлóй шатёръ,
Полетаетъ голу́бъ въ каменну́ Москву,

Оставляетъ голубку на бѣло́мъ шатру.
Зго́воритъ голубка голубочику:
— Не остануси голубка на бѣло́мъ шатру,
— Полечу съ тобой голубка въ каменну́ Москву.
— Какъ нынечу таперичу
— А уѣхалъ Добрыня на чисты́ поля,
— А оставилъ Настасью во Кіёви,
— А прошло того времечки вѣдь шесть годовъ,
— А нынь Настасья-то заму́жъ пошла,
— Не за князя пошла за боярина,
— Не за сильнаго могучаго бога́тыря,
— Пошла столько Настасья Микулична
— А за братца его за крестоваго,
— А й за мла́да Алёшу за Поповица. —
Это тутъ Добрыня догодается,
На своихъ коней скоро сбираются,
Они сѣли, съ товарищомъ поѣхали
Ко тому ли князю ко Владиміру,
Ко братцу тому ли ко крестовому,
Ко мла́дому Алеши ко Поповицу,
Ко ему теперь на почестной пиръ.
Подъѣхали оны тутъ ко Кіёву,
Розлагали розсѣдлали коней добрыихъ
А спустили коней да во чисты́ поля.
А приходитъ Добрыня во свой тотъ домъ,
Ко родители ко той ли ко матушки,
Ко честно́й вдовы Офимьи Александровной,
Самъ ёнъ во платьи во дорожноёмъ.
Это тутъ вдова какъ перепаласе,
Крѣпко вдова испугаласе.
Говоритъ Добрыня таково слово:
«Ты послухай, честна́ вдова Офимья Александровна!
«Накорми меня теперь со дороженки,
«Поднеси мнѣ-ка чару зеле́наго вина,

«Это дру́гу поднеси мнѣ пива пьянаго,
«Третью поднеси мнѣ меду сладкаго».
Это тутъ его узнала родна матушка,
Честна́ вдова Офимья Олександровна.
А зго́воритъ Добрыня таково слово:
«А гдѣ моя нынь молода жена,
«Гдѣ моя теперь любима́ семья,
«Молода Настасья Микулична?»
— А твоя теперь молода жена,
— А твоя теперь да любима́ семья,
— Она теперь да заму́жъ пошла;
— А не за князя идетъ вѣдь за боярина,
— Не за сильняго могучаго бога́тыря,
— Берутъ ю за брата за крестоваго,
— А за мла́да Олешеньку Поповица.
— А не въ честь берутъ ю, не охвотушкой,
— А й силою берутъ ю неволюшкой. —
Сокрутился Добрынюшка Микитинецъ
А во тыи во платья каличьи,
Взялъ въ руки гуселка ярбвчатыи,
И пошолъ вѣдь онъ тутъ на почестной пиръ
Ко тому ёнъ князю ко Владиміру,
Ко младому́ Олеши ко Поповицу.
Приходитъ ёнъ тутъ во высокой домъ,
Онъ проходитъ во гридню столовую,
Гдѣ сидятъ тамъ князи вѣдь бо́яра
А и сильни могучи тутъ бога́тыря,
Гдѣ сидитъ князь тутъ моло́дыи,
А Алешенька тутъ Поповинецъ,
Подли его сидитъ тутъ Настасья Микулична.
Говоритъ калика таково слово:
— Ахъ же ты Владиміръ столенъ-кіевской!
— Дай-ко калики тòперь мистечко
— А на тую на печку мура́вленую. —

А тутъ ёму дали вѣдь ми́стечко
А на той ли на печки мура́вленыи.
Сѣлъ тутъ калика, слово вымолвилъ:
— Ахъ же ты Владиміръ столенъ-кіёвской!
— Позволь-ко калики заиграть топерь,
— А позволь-ко Владиміръ заиграть-то мнѣ,
— Какъ мнѣ-ка калики во гуселышка,
— А во тыи ли во гусли ярóвчатыи. —
Заиграла калика въ гуселышка,
Во тыи во гусли яровчатыи,
Тонцы повелъ отъ Нова-гóрода,
Другіе повелъ отъ Царя́-града.
Это тутъ Владиміръ здогодается:
«Выходи-ко калика со за́печья,
«А садись-ко калика за дубовый столъ,
«Супротивъ князя топерь моло́дого
«Супротиво княгины Опраксіи,
«Молодой Настасьи Микуличной».
Гóворитъ калика таково слово:
— Ахъ же ты Владиміръ столенъ-кіёвской!
— А налей-ко калики ты вѣдь чару нынь,
— Чару наливай умѣрéнную. —
Это тутъ Владиміръ догодается,
Наливалъ ему чару зелёнаго винà,
Дру́гу наливалъ тутъ пива пьянаго,
Третью наливалъ ёнъ меду сладкаго.
Это тутъ у калики розгорѣлосе
Сердце его какъ богатырское:
— А позволь-ко, Владиміръ столенъ-кіёвской.
— А налить мнѣ нынь чару зелёна́ вина,
— Поднести вѣдь нынь молодой Настасьи Микуличной. —
«Наливай-ко калика какъ ты знаешь нынь».
Наливалъ калика, приговаривалъ,
Спускалъ туда перстень именитыя,

Кольцомъ пе́рстнёмъ обручался,
Подносилъ молодой княгини Микуличной,
Самъ подноситъ, выговариватъ:
— Прими-тко нынь ты Настасья Микулична,
— Прими-тко нынь отъ калики зелена́ вина,
— Принимай Настасья едино́й рукой,
— Выпивай Настасья едины́мъ духомъ.
— Пьешь Настасья вѣдь нынь до дна,
— Увидашь Настасья себѣ добра. —
Принимала Настасья едино́й рукой,
Выпивала Настасья едины́мъ духомъ;
Она пила чару, оглядѣла тутъ
Спущоный перстенъ именитыя,
Кольцомъ перстнёмъ обручался.
Скочила зъ-за столовъ зъ-за дубовыихъ,
Зъ-за тыихъ за ѣстовъ за саха́рнiихъ:
«Ахъ же вы князи, вы бо́яра,
«Сильни могучи вси бога́тыри!
«А не тотъ вѣдь мужъ, кой подли́ меня,
«А тотъ мой мужъ да супротивъ меня.
«Прости-ко, Добрынюшка Микитинецъ,
«Мужъ ты мой Богомъ суждёный,
«А женихъ ты мой какъ обручёный,
«Не дивуй-ко ты разуму женскому,
«Подивуй-ко ты разуму му́жскому!
«А не честью-то берутъ меня охвотою,
«Силою берутъ меня неволею».
Это тутъ Добрыня росходился самъ,
Самъ говорилъ таково слово:
— Не дивую я разуму-то женскому,
— Подивую я разуму му́жскому,
— А честны́ завѣты исполнила.
— Не пріѣхалъ Добрыня со чиста́ поля,
— Не пріѣхалъ я Добрыня ровно три́ году,

— Не пріѣхалъ Добрыня ровно шесть годовъ,
— Пала вѣсточка ко мнѣ нерадостна.
— Я теперь пріѣхалъ ко Кіёву,
— Ко ласкову князю ко Владиміру.
— Ахъ ты Владиміръ столенъ-кіевской!
— Что ты Владиміръ теперь дѣлаешь,
— Отъ жива мужа какъ ты жену берешь! —
Подходитъ нынь Добрыня Микитиницъ
А ко брату тому ко крестовому,
А къ Олёши тому ко Поповицу:
— А на что ты, братъ мой крестовыи,
— А берешь мою нынь молоду жену,
— Молоду Настасью Микуличну? —
А взималъ ёнъ Олешу за желты́ кудри,
А кидалъ ёнъ Олёшу о кирпичной мостъ,
Попридалъ Олёшѣ смерть-ту скорую.
Сталъ Добрынюшка похаживать,
Съ ноги на́ ногу Добрынюшка поступывать,
Зычнымъ голосомъ по терему поваживать:
— Ахъ же князи́ видно бо́яра,
— А вы сильни могучи бога́тыри,
— Ай ты пашъ Владиміръ на что нынь укинулись,
— Дѣлаете дѣло нехорошее! —
Это тутъ бояра перепалися,
Со того пиру какъ розбѣга́лися.
Говоритъ Добрыня таково слово:
— Ахъ же Владиміръ столенъ-кіевской!
— Я служилъ тебѣ какъ вѣрой правдою,
— А ты вѣдь сдѣлалъ дѣло доброё:
— Молоду Настасью Микуличну
— А силою берешь ты великою.
— Ты прощай меня нынь-ка, Владиміръ князь! —
Взялъ Настасью за бѣлы́ руки,
Повёлъ Настасью во свой онъ домъ.

Это тутъ Добрыня наживается,
А исторія-рѣчь тымъ кончается.

Записано тамъ же, 31 іюля.

66.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

(См. Рыбникова, т. III, 37).

Динь-динь-динь изъ подъ того креста Леванидова
Выходило выбѣгало два тура трѝ тура̀.
Случилосе турамъ мимо Кіевъ градъ итти;
Оны видли надъ Кіевымъ дивны́мъ дивно,
Они видли надъ Кіевомъ чудны́мъ чудно:
Выходила дѣвица, слезно плакала,
Она книгу читала Евангелью,
А и не только читала, вдвоёмъ плакала.
Соходились туры со ро́дной матушкой:
«Здравствуй турица родна матушка,
«Ты здравствуй турица златорогая!
«А мы шли туры да мимо Кіёвъ градъ,
«А й мы видли надъ Кіевымъ дивны́мъ дивно,
«А и видѣли надъ Кіевымъ чудны́мъ чудно:
«Выходила дѣвица, слезно плакала,
«На рукахъ держитъ книгу святу Евангелью,
«А и не только читаетъ, вдвоёмъ плачетъ».
— А й вы глупы туры-ты малы дѣтушки!
— Не дѣвица выходила, слезно плакала,
— А й не книгу читала не Евангелью,
— Тутъ плакала стѣна городо́вая;
— Она свѣдала надъ Кіевымъ незгодушку:
— Наѣхалъ князь Батыга Батыговичъ,
— Со своимъ со сыномъ со Батыгою,

— Со зятемъ Тороканчикомъ Корабликовымъ,
— Со тымъ дьячкомъ со выдумщичкомъ.
— У Батыгушки силы сорокъ тысячей,
— А у сынушка силы сорокъ тысячей,
— А у зятюшка силы сорокъ тысячей,
— У дьячка ль было силы сорокъ тысячей. —
Проситъ Батыга отъ Кіёва,
Проситъ Батыга супротивника,
Проситъ Батыга поединщика:
«Владиміръ князь стольне-кіевской!
«Дай-ко мнѣ-ка супротивника,
«Дай-ко мнѣ поединщика,
«Чтобы со мной съ Батыгой поправиться».
Да несчастно во Кіеви случилоси,
Что ни лучшихъ богáтырей не згодилоси.
Святогоръ богаты́рь на святы́хъ на горáхъ,
А Илья да Самсонъ у си́няго у моря́,
Добрынюшка Микитичъ во чисты́хъ во поля́хъ,
А Алеша богомолъ въ богомóльнёй стороны́.
Жилъ-то былъ голь кабацкая,
Пропилъ промоталъ все житьё бытьё своё,
А идетъ-то онъ ко Владиміру на дворъ,
Крёстъ кладетъ-то по писáному,
А поклоны ведетъ по учёному
На всѣ три на четыре на стороны,
Князю Владиміру въ особину:
— Здравствуй Владиміръ стольне-кіевской!
— Опохмѣль-ко Василья чарой пьяною.
— У Васи съ похмѣлья буйна головá болитъ,
— У Василья ретивó сердцо щемитъ. —
Приказалъ князь Владиміръ стольне-кіевской
Наливать ему чару зелёнаго винá,
Дру́гу наливать пива пьянаго,
Третью наливать меду сладкаго.

Становилось питья полъ-пята́ пуда,
Становилось питья полтора ведра.
Принималъ тутъ Василій единóю рукой,
Выпилъ Василій едины́мъ духомъ,
Самъ ёнъ Василій слово вымолвилъ:
— Я топерь могу на своёмъ кони сидѣть,
— Я теперь могу своей саблéй владѣть,
— Которая сабля во сорокъ пудъ. —
Взималъ выбиралъ да кóня добраго,
Шелковую уздицу налага́лъ на его̀,
На косматаго коня войлокъ накидывалъ,
Сѣделышко черкаско накладывалъ,
А двѣнадцать подпругъ онъ подтягивалъ,
Не для ради красы басы угожества,
Для-ради укрѣпы богатырскія;
Булатъ не гнется не ломится,
Шелковы́ подпруги не обóрвутся.
Тугіе луки́ по бокамъ металъ,
Калену́ стрѣлу онъ въ подзолотку *(такъ)* клалъ,
Шолковъ онъ поводъ въ бѣлы́ руки бра̀лъ,
Шпорами коня онъ потыкивалъ.
Конь его добрый поскакивалъ
За ту за стѣну городовую
И за ту за башню заугловую.
Поѣхалъ Василей на чисто́ на полё,
Видитъ Батыгу на чисто́мъ на полѝ.
Натягалъ Василей калéный лукъ,
Стрѣлку вынималъ съ подзолоточки,
Стрѣлѝлъ по головамъ что ни лу́чшенкіѝмъ,
Убилъ сына Батыгу Батыговича,
Убилъ зятя Тороканчика Корабликова,
Убилъ чéрна дьячка ёнъ выдумщика.
У Батыги вѣдь кони хорошіи,
У Батыги вѣдь кони снарядныи,

Посылаетъ Батыга скорыхъ гонцовъ,
Скорыхъ гонцовъ въ славенъ Кіёвъ градъ.
Кіевъ градъ онъ немалой есть,
Соколу летѣть на угряг'у ему,
Маленькой птицѣ натѣшиться,
Виноватаго во Кіеви не взыскати.
Ѣдетъ Василей ко Батыги на лицо
На своёмъ кони онъ на доброёмъ
И на томъ сѣдли на окованоёмъ.
Рѣки озёра межу ноги пускалъ,
Сини моря ёнъ около скакалъ,
На горы высоки выскакиваетъ,
Хвостъ по земли розстилается,
Грива подъ копыта подвивается,
Огненный пламень вымахиваетъ,
Тымъ лукомъ калёнымъ выстрѣливаетъ,
Вострымъ копьёмъ онъ помахиваетъ.
Отъ того копья какъ отъ востраго,
Отъ той отъ палицы военныи
На Батыгу страхъ да уклоняется,
Стоитъ онъ Батыга, удивляется:
Колько ни было какъ выѣзживанò,
На такомъ было страху̀ не ста́иванò,
Какъ ѣдетъ отъ города отъ Кіева,
Отъ того отъ князя отъ Владимíра,
Ѣдетъ богатырь уда́лый молодѐцъ,
Самъ онъ собою тутъ не хвастаетъ,
Только страшно стоять-то на чисто́мъ на полѝ.
Пріѣхалъ Василей ко Батыгѣ на лицо:
— Здравствуѝ Батыга Батыговичъ,
— Со своимъ со сыномъ со Батыгою,
— Со зятемъ Тороканомъ Корабликовымъ! —
Отвѣтъ держитъ тотъ Батыга нынь:
«Нѣту сына Батыги Батыговича,

«Нѣту зятя Торокана Корабликова,
«Нѣту черна дьячка какъ выдумщичка!»
Отвѣтъ держалъ Василей ко Батыги нынь:
— Прости-ко меня во первóй нынь винѣ,
— Во первóй вины прости во великіи!
— Я убилъ у тебя сына Батыгу нынь,
— Убилъ зятя Торокана Корабликова,
— Убилъ черна дьячка я выдумщичка.
— За свою за вину за великую
— Я могу послужить какъ Батыги тебѣ.
— Дай-ко мнѣ силы сорокъ тысячей,
— Я пойду ко городу ко Кіёву
— А ко ласкову князю ко Владиміру,
— А мы Кіевъ градъ да мы огнёмъ пожгёмъ,
— А Владиміра мы во полонъ возьмёмъ. —
А на ты лясы Батыга пріукинулся,
Далъ ему силы сорокъ тысячей.
Выѣхалъ Василей на чистó на полё,
Поворотъ держалъ на ручику на правую,
Присѣкъ прирубилъ до одной головы.
Скоро ѣде Василей ко Батыги на лицо:
— Прости-ко Батыга во другой вины,
— Во другой вины ты меня великіи!
— Потерялъ я силы сорокъ тысячей.
— Нынь я въ городи повысмотрѣлъ,
— Нынь я во Кіеви повыглядѣлъ,
— Гдѣ стоятъ воротца отлóженныи.
— Прямо нынь мы поѣдемъ и ко Кіёву,
— Только дай мнѣ-ка силы сорокъ тысячей. —
Онъ поѣхалъ со тою-то со силою,
Поворотъ держалъ на ручику на правую,
Палицей бьётъ онъ военною,
Копьёмъ ёнъ бьётъ да долгомѣрнымъ,
Не оставилъ Василей ни единой головы.

Пріѣхалъ Василей ко Батыги на лицо,
Челомъ ему билъ и поклоняется:
— Я еще вѣдь во городѣ все высмотрѣлъ,
— Я нынь же Батыга постою за тебя. —
Далъ ему силы сорокъ тысячей,
Сорокъ сороковъ все черныхъ соболёвъ,
Злата сребра ему смѣту нѣтъ.
Повыѣхалъ Василей на чисто́ на полё,
Ѣдетъ ко Кіеву со радостью,
Всю онъ силу вѣдь са́блей рубитъ.
Натягалъ Батыга вѣдь трубочку,
Трубочку натягивалъ подзорную,
Глядитъ онъ во славно во чисто́ полё,
Ко тому ль ко городу ко Кіёву,
Ко тому ль ко князю Владимі́ру,
На тыи поля-то онъ на чистыи,
На ты луга на зеле́ныи,
На ты на травы на шелко́выи,
Видитъ дѣло не хорошеё.
Сбирается Батыга на до́брыхъ коне́й,
Поѣзжае Батыга во свою́ скоро землю,
Во тую во землю во невѣрную.
Кле́нется Батыга проклинается:
«Не дай мнѣ нынь подъ Кіевымъ бывать,
«Не могу я теперь про Кіевъ про́сказать,
«Золоту казну я истра́тилъ всю!
«Кіевъ градъ онъ не малый есть,
«Во Кіеви бога́тыревъ смѣту нѣтъ».
Что ни лучшіе бога́тыри во Кіёви,
Золота казна-то во Чернигови,
Цвѣтно платье въ Новѣ́-городи,
Хлѣбны запасы Смоле́нца городу́.
Поѣхалъ Батыга онъ отъ Кіева,
День онъ ночь удаляется

Отъ того ли отъ города отъ Кіева,
Отъ того ли князя отъ Владиміра.
Увидѣлъ Василей Игнатьёвъ сынъ,
Розгорѣлось его сердце богатырское,
Роскипѣлась его мысель молодецкая,
Самъ онъ говоритъ таково слово:
— Не поѣду ко городу ко Кіеву,
— Ко тому князю къ Владиміру,
— Поѣду въ сугонъ да въ слѣды Батыгины,
— Пусть онъ Батыга не хвастаетъ,
— Со мной съ богáтыремъ нынь повидается.
— Я поѣду вѣдь нынь да спрошу его:
— Что же те Батыги не слюбилоси,
— Ты поѣхалъ вѣдь нынь-ка отъ Кіёва,
— Да поѣхалъ ты, не простился нынь
— Съ тымъ ли съ городомъ со Кіёвымъ? —
Это тутъ Батыги не слюбилоси,
Обнажилъ онъ Батыга саблю вострую
На того ли на Василья на Игнатьевича,
На храбраго воина военнаго.
Взималъ ёнъ тутъ какъ Василей нунь
А й наѣхалъ Василей съ саблей вострою,
Отсѣкъ-то Василей буйну голову
А невѣрному Батыги по кóреню.
А упалъ-то Батыга съ кóня добраго
На тую на матушку сыру землю
А на ту ёнъ на мураву траву.
Отъѣзжаетъ Василей отъ Батыги нынь,
Прирубилъ прикосилъ послѣдню силу тутъ.
Поѣхалъ Василей ёнъ ко Кіёву,
Ко тому ко князю Владиміру,
Кричалъ онъ Василей на полѝ на томъ,
На поли на томъ какъ на чѝстоёмъ:
— Прикажи-тко, Владиміръ стольнё-кіевской,

— Отпереть мнѣ ворота широкіи,
— Заѣхать на кони мнѣ-ка на доброёмъ
— За тую стѣну городо́вую,
— За тую за башню углóвую! —
Отворили ворота широко́ ему,
Заѣзжае Василей на ко́ни до́броёмъ,
Сходитъ слѣзаетъ съ ко́ня добраго,
Самъ онъ привязыватъ коня́ какъ тутъ
Ко тому столбу ёнъ точеному,
Насыпатъ пшены бѣлоя́ровыи;
Заходитъ ёнъ въ полату бѣлока́менную̀ю,
Крёстъ кладыва́етъ по писа́ному,
Поклоны веде́тъ-то по учёному.
Говоритъ Владиміръ таково слово:
«Ахъ же слуги мои вѣрныи,
«Слуги вы мои княженецкіи!
«Допросите Василья вы какъ нынечу,
«Каково ёнъ ѣздилъ во чисто́мъ поли».
Какъ спросили слуги его вѣрныи,
Тыи слуги княженецкіи:
— Каково ты ѣздилъ во чисто́мъ поли? —
Зго́воритъ Василей таково слово:
«Вся сила вѣдь воспорублена,
«Славны бога́тыри привыбиты».
Какъ завелъ тутъ князь какъ Владиміръ нынь,
Для того воина для главнаго,
Завелъ ёнъ балъ какъ на двѣнадцать дёнъ;
А на томъ на пиру княженецкоёмъ
А сидятъ тамъ вси князи бо́яра,
А вси говорятъ таково слово:
— Ахъ же Василей Игнатьёвъ сынъ!
— Вѣдь всѣ ли бога́тыри розъѣхались,
— А хоть ты нынь съѣздилъ на чисто́ полё,
— Постоялъ ты Василей за Кіевъ градъ,

— За того князя за Владиміра! —
И на томъ ли пиру вси росходятся,
И пиръ тотъ весь да нынь кончается.

Записано въ Шалѣ, 29 іюля.

67.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

(См. Рыбникова, т. III, 26).

Ѣздитъ Чурилушка выгу́ливаетъ,
На своемъ Чурила на до́бромъ конѝ,
Пріѣхалъ Чурила къ Вельмино́му домѹ̀,
Скрычалъ-то Чурила во всю́ голову̀:
«Въ домѣ́ ль Вельма̀ сынъ Васи́льевичъ?»
Выходитъ выбѣгатъ Катеринушка,
Выходитъ она дочь Микулична,
Сама говоритъ таково слово:
— Да нѣ́ту Ве́льма сына Васи́льевица̀,
— Ушолъ Вельма̀ во Божью́ церкву.
— Что же ты Чурила не пожаловалъ? —
А отвѣ́тъ держалъ какъ Чурилушка:
«Не въ убори я былъ, Катеринушка;
«Нынь я Чурила обладился,
«Лапотци обувалъ я семи шелковъ,
«По́дпяты пя́ты ши́ломъ востры̀,
«Около носовъ яицо́мъ прокатитъ,
«По́дъ пяты пя́ты воробе́й пролетитъ;
«Шапочка ушиста пуши́ста было̀,
«Хорошо была надвѣ́систаѧ,
«Соперед не видно лица бѣ́лаго,
«Иззади не видно шеи бѣ́лыи, —
«Дакъ нынь я Чурилушка обладился

«И такъ я Чурилушка пріѣхалъ къ тебѣ».
Воспрося его Катеринушка
Брáла за ручки за бѣлыи
И провела его въ полату браную,
Садилась за столы дубовыи,
За тыи за ѣствы сахáрніи,
Наливала ёму питья медяныи,
Отходя же сама низко кланяласи:
— Ѣшь-ко пей ты Чурилушка,
— Покушай-ко ты нынь Поплёнковичъ! —
Поѣлъ-то попилъ какъ Чурилýшка,
Изъ-за стола выходитъ дубоваго,
Зъ-за тыи за ѣствы сахарніи,
Зъ-за того питья за медянаго,
Господу Богу поклонится,
На всѣ стороны онъ поклоняется,
Катерину да ёнъ въ особину:
«Благодарно тебѣ Катеринушка,
«Благодарно тебѣ дочь Микулична!»
Отвѣтъ держала Катеринушка:
— На дóбро тебѣ-ка здоровьице,
— Да на дóбро тебѣ-ка Чурилушка,
— Чурилушка да ты Поплéнковицъ! —
Взяла за ручки за бѣлыи,
За его перстнѝ за злаченыи,
Повела его въ спаленку теплую,
Къ той ли ко кроватки ко кисовыи,
Къ той ли ко перинушки ко пуховыи,
Ко крýтому высокому зголовьицу,
Ко тому ль одѣялу соболиному.
Сама говорила таковóе слово:
«Изволь-ко ложиться Цурилушка,
«Изволь-ко ложиться сынъ Поплéнковичъ!»
Лёгъ тутъ спать какъ Чурилушка,

Лёгъ тутъ спать да сынъ Попле́нковичъ,
Подли е́го-то Катеринушка,
Да подли́ бочка дочь Микулична.
Оны стали-то жити-то бы́ти оны,
Межу со́бою времечки коро́тати.
Какъ на тую пору въ тое времячко
Прови́дала дѣвка дворовая,
Дворовая дѣвка челягична,
Башма́ченка обувала на босу́ю ногу̀,
Шубу надѣвала на одно́е плечо,
Бѣжала дѣвче́нка ко Божье́и церквѣ̀,
Крычала дѣвчонка во всю голову:
— Что же ты, Вельма̀ сынъ Васильёвичъ,
— Стоишь ты Вельма̀ во Божье́й церквы,
— Господу Богу Вельма̀ молишься,
— До мосту̀ ты Ве́льма поклоняешься,
— Надъ собой ты незгодушки не вѣдаешь!
— Есть у тебя во твоёмъ дому,
— Во твоёмъ дому какъ нелюбимый гость,
— Онъ ѣстъ-то пьетъ проклаждается,
— Со твоею женой забавляется. —
Онъ кинулъ головушку межу́ плечью,
Утупилъ ясны очи въ калиновъ мостъ,
Самъ зго́ворилъ таково слово:
«Ахъ ты вѣдь дѣвка дворовая,
«Дворовая ты дѣвка челягична!
«А никто тебя дѣвку не спрашиваетъ,
«А никто тебя дѣвку вывѣдываетъ *(тахъ)*!
«Знала бы ты дѣвка своё дѣло,
«А своё бы ты дѣвка дворовоё,
«Знала бы ты дѣвка коровъ кормить,
«Знала бы ты дѣвка теляшо́въ поить!
«Правду говоришь — во замужъ возьму,
«А неправду говоришь — голову́ срублю».

Какъ бѣжала тутъ дѣвка на своё мѣсто,
На своё на мѣсто на прежноё.
А приходитъ Вельмá отъ Божьéй церквы,
Приходитъ-то Вельмá ко конюшенки,
Ко той ли ко стойлы лошадиныи,
Гдѣ стоялъ-то конь его добрыи,
А не видитъ коня своя *(такъ)* добраго,
Только видитъ коня ёнъ Чурúлушкинá;
Онъ зоблетъ пшену бѣлояровую,
А его видно конь какъ прiбтогнанъ,
А Вельмúнъ же конь тутъ прiбтведенъ.
Такъ отходитъ отъ конюшни стоялыи
А отъ той ли отъ стойлы лошадиныи,
Приходитъ къ воротцамъ рѣшбтчатыймъ,
Да ко тымъ ко пя́тинчкамъ *(такъ)* булатнiимъ,
Ко тымъ ли петличкамъ шелкóвенькiимъ;
У тыхъ воротецъ колотится,
У тыхъ воротецъ давается.
Это тутъ Катеринушка,
Это тутъ дочь она Микулична,
Крику ёна испугаласи,
Крику сама перепаласи.
Бѣжитъ она какъ въ одныхъ чулкахъ,
Да безъ чéрныихъ бѣжитъ безъ чéботовъ,
Въ одной тоненькой мягкóй рубашечки;
У ней женскiи волосы рострéпаныи,
У ей нѣжна грудь бѣлá покáзаная.
Отпирала воротца рѣшбтчатый.
Говоритъ Вéльма тутъ сынъ Васильёвичъ:
«Что же ты Катеринушка
«Видно крѣпко меня испугаласи?
«Въ одныхъ бѣлыхъ чулкахъ ты безъ чеботовъ,
«Въ одной тоненькой мягкóй рубашечки».
Отвѣтъ держала Катеринушка,

Отвѣтъ держитъ дочѝ Микулична:
— Ахъ же ты Вельмà сынъ Васильёвичъ!
— Мнѣ ль Катеринушки не можется,
— Мнѣ ль Микуличной хворается,
— Да крѣпко мнѣ не домогается. —
Пошолъ-то Вельмà тутъ по полатушки,
Да увидѣлъ лапо́тцы Чурилушкины:
«Эты лапо́тцы у Чури́лушки видалъ».
Отвѣтъ дёржитъ Катеринушка,
Отвѣтъ держитъ дочь Микулична:
— Ахъ же Вельмà сынъ Васильевичъ!
— А эты лапо́тцы братца моего,
— А по смерти моей по души отдать. —
Пошолъ-то Вельмà да по полатушки,
А увидѣлъ шапку Чурилушкину:
«А эту шапку на Чури́лы видалъ,
«Этую шапку у Чури́лы слыхалъ».
Отвѣтъ дёржитъ Катеринушка,
Отвѣтъ дёржитъ дочь Микулична:
— Это шапка братца моего,
— А по смерти моей по души отдать. —
Пошолъ Вельмà ёнъ во спаленку,
Увидѣлъ тамъ какъ Чурилушку
На́ той кровати кисовыи,
На́ той перины пуховыи,
Подъ тымъ одѣяломъ соболиныимъ,
Да на томъ ли еще на зголовьицѣ,
Обвернулся на стѣнку лицовую,
Ко́ той ко стопочкѣ точеныи.
Взялъ-то Вельмà да саблю вострую,
Отсѣкъ-то Чурилы буйну голову.
Поворотъ держалъ па ручку на правую:
«Гдѣ пала головка Чурилушкина,
«Тутъ пади головка Катеринушкина!»

Такъ дѣвку дворовую,
Этую дѣвку челягичну,
Ёнъ отмы́лъ чередѝлъ,
Въ цвѣтно пла́тьё снаряди́лъ,
По утру по свѣ́ту къ вѣнцу пошолъ,
Во ту́ю оны́ во Божью́ церкву,
Принимали оны да по злату вѣнцу,
Златыми вѣнцами повѣнчалисе,
Златыми перстнями обручалисе.
Приходитъ Вельмà тутъ во полатушку,
Приводилъ ёнъ ту за бѣлу́ руку.
Такъ оны нынѣ́ теперичу
Стали жити-то бы́ти оны́,
Межу со́бой вре́мечки коро́тати.
Тутъ Чурилушки славу́ поютъ,
Тутъ Катерины неминуе́му.

Записано въ Пудожѣ, 31 іюля.

68.

СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. III, 32).

Изъ-за того острова Кадольскаго,
Изъ-за того ли моря за Дунайскаго,
Выходило выбѣгало тридцать ка́раблей.
Ино па тыихъ было тутъ на ка́рабляхъ
Тридцать молодцевъ безъ единаго,
Самъ Солове́й во тридцатыихъ,
Тридцать одна его ма́тушка родна̀.
Хорошо кара́бли изукрашены,
Хорошо кара́бли изнаряжены:
И носъ корма да по турину,

Широки́ бока по лосиному̀,
Парусы кру́пчато́й камки,
Якори на ка́рабляхъ булатніи,
У якорёвъ колечика серёбряны̀й,
Кадолы-ты [1]) изъ семи шелковъ;
И мѣсто было руля повѣшено
По заморскому соболю по до́рогому̀,
Да руль-то былъ занала́женной.
И на томъ было какъ на ка́рабли
Младъ Соловейко Гуди́міровичъ.
Самъ зго́ворилъ таково слово:
«Ай вся моя дружина хоробрая!
«Дѣлайте дѣло повелѣное,
«Слушайте бо́льшаго ата́мана.
«Вы берите-тко трубочки подзорны̀и,
«Глядите во славно во сине́ морё,
«Ко тому ли ко городу ко Кіеву,
«Ко ласкову князю Владиміру,
«Наглядите въ при́сталь карабельнюю».
И ставали во машты высокіи,
Дѣлали дѣло повелѣное,
Слушали бо́льшаго атамана,
Глядѣли во славно синёе морѐ,
Ко тому ли ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру,
Углядѣли при́сталь карабельнюю.
Скоро будучи съ ка́раблемъ подъ Кіевомъ,
Забѣгали во присталь карабельнюю,
Па́русы спускали крупчато́й камки,
Якори бросали булатніи.
Зго́воритъ мла́дъ Соловѐй сынъ Гуди́міровѝцъ:
«Сходенку выкидывай серебряную̀,

---

1) Т. е. спасти, такъ объяснилъ пѣвецъ.

«Другу выкидай подзолоченую,
«Третью выкидай исповолжануюо.
«Берите подарки умильніи,
«Куницъ вы лисицъ да заморскіихъ».
Брали ёны во бѣлыи руки,
Матушка камочку узорчатую,
И самъ беретъ гусельки яровчатыи,
И самъ идетъ по сходенки золоченыи,
Матушка идетъ по серебряныи,
Вся его дружина по исповолжаныи;
Приходятъ оны ко Владиміру на дворъ.
Приходитъ въ палату грановитую,
Крестъ кладетъ по писаному,
А поклоны-ты ведетъ по ученому,
На всѣ три вѣдь на четыре онъ на стороны,
Тому ли Владиміру въ особину.
Подаютъ ему подарочки хорошіе,
Матушка камочку узорчатую
Молодой княгины Опраксіи.
Взимаетъ княгиня на бѣлыи руки,
А взимаетъ княгина, дивуетси:
Да не дорога камочка заморская,
А й дороги узоры заморскіи!
Сталъ его Владиміръ выспрашиватьи,
Сталъ его Владиміръ вывѣдыватьи:
— Ты скажись, молодецъ, со коёи земли,
— Какъ молодца именемъ зовутъ? —
Подходитъ къ ему поблизешенько,
Поклонилси князю самъ низешенько:
«Зъ-за того я моря зъ-за Дунайскаго,
«Зъ-за того я острова Кадольскаго
«Душечка удалый добрый молодецъ,
«Младъ Соловейко да сынъ Гудиміровичъ».
— Ты зачѣмъ же сюда побывалъ ко мни?

— Торго́мъ торговать ли на съѣ́здъ ко мни,
— Ли на съѣ́здъ ко мни, ли на житьё пожить? —
Отвѣ́тъ держалъ Солове́юшко,
Младъ Солове́й да сынъ Гуди́міровичъ:
«Не торго́мъ торговать да не на съѣ́здъ къ тобѣ́,
«Я пріѣхалъ къ тобѣ́ какъ на житьё пожить.
«Дай-ко мнѣ́ да теперь ми́стечка
«Подли се́бя да ты подли́ бочка.
«Есть у тя молода племянница,
«Молода Забавушка Путятична,
«У нёй какъ есть во зелены́хъ садохъ *(такъ)*
«Дубьица вязьё повы́рощеноё:
«Позволь-ко мнѣ́-ка нунь су *(такъ)* повы́рубитѝ,
«Изъ саду вонъ мнѣ́ повы́метатѝ,
«Построить мнѣ́ да тамъ три́ терема̀,
«Со тро́ими со си́нями съ нарядними».
Зго́ворить Владиміръ таково́е слово̀:
— За тыи за рѣ́чи умильніи,
— За твои слова постановныи,
— Ступай нынь теперь въ зелены́и сады̀,
— Дѣ́лай ты дѣ́ло повелѣ́леное. —
Также приходитъ Соло́вьюшко,
Младъ Со́ловей да сынъ Гуди́міровичъ,
Ко своей дружины ко хоробрыи,
Тридцать молодцовъ безъ единого:
«Дѣ́лайте вы дѣ́ло повелѣ́ноё,
«Слушайте бо́льшаго ата́мана,
«Берите вы нынь да во бѣ́лы́ руки
«А и ты ль топорики булатніи,
«Подѣ́лайте кирочки лопаточки,
«Поди вы таперь да въ зелены́и сады̀,
«Ду́бья вы вязья̀ всё повы́рубитѐ,
«Да изъ саду вонъ да вы повы́мечитѐ,
«А тыи коренья вы повы́копайтѐ;

«Постройте вы тамъ да ровно три́ терема̀,
«Со тро́има со си́ними съ нарядними, —
«По утру мнѣ-ка стать нынь-ка жи́ть пойти».
Дѣлали дѣло повелѣноѐ,
Слушали бо́льшаго а́тамана,
А има́ли топорики булатніи,
Подѣлали кирочки лопаточки,
Дубья-то вязья̀ повы́рубилѝ,
Изъ саду вонъ какъ тутъ повы́металѝ,
Построили оны̀ вѣдь тутъ три́ терема̀,
Со тро́има со си́ними съ нарядними;
Къ утру свѣту они жить пошли.
По утру было какъ тутъ ранёшенько
А ставала какъ есть нынь Забавушка,
Молода Забава Утятична,
Умывалась водою тутъ бѣле́шенько,
Утиралась полотёнушкомъ суше́хонько,
Она Господу Богу помоли́ласе,
Глядѣла она̀ тутъ во окошечко,
Сама-то о́на тутъ счудовалась̀е,
Сама-то о́на тутъ здивовалась̀е:
— Что это нынь чудо счу́дилосѐ,
— Вино пиво да воспроку́рилосѐ?
— А во моихъ топерь зелены́хъ садахъ
— А дубьицо вязья все повы́рублено̀
— А изъ саду вонъ оны повы́метаны̀. —
Какъ шубу надѣвала на одно плечо,
Башмачки надѣвала на босу́ ногу,
Пошла ёна Забава въ зелены́ сады,
Приходитъ она ко пе́рву терему́,
Въ первомъ терему шопотко́мъ говоря̀тъ:
Молится матушка вѣдь Господу,
Умаливатъ за сына за любимаго,
За мла́даго сына Гуди́мірова̀.

Приходитъ она ко дру́гу терему̀,
Въ другомъ терему̀ стучитъ гремитъ,
Стучитъ гремитъ какъ золота казна:
Считаетъ Соловей да золоту казну,
Золоту казну ёнъ тутъ безсчётную.
Приходила она ко тре́тью терему̀,
Тамъ играютъ во гусе́лка яро́вчатыѝ,
Тонцы ведутъ отъ Нова́-города̀,
Дру́ги ведутъ-то отъ Ерóсолима̀,
Припѣвы припѣваютъ хоро́шіѝ.
Заходила Забава Утятична
Во тотъ ли она во бѣло́й шатёръ,
Крёстъ она кла́ла по писа́ному,
Поклоны-ты вела какъ по учёному,
На вси три вѣдь на четыре какъ на сто́роны,
Той ли дружины въ особину;
Садилась на брусо́ву нову лавочку,
Сидѣла она видно де́нь съ утра,
День съ утра она до вечера,
А отъ вечера какъ до полуночи,
Отъ полуночи какъ до бѣла́ свѣту.
По утру было тутъ поранёшенько
Приходитъ душечка уда́лый мо́лодецъ,
Младъ Соловейка сынъ Гудіміровичъ,
Самъ онъ говоритъ таково́е слово̀:
«Чья у васъ дѣви́ца присва́таная̀,
«Чья у васъ дѣви́ца незна́емая̀?»
Ставала Забава на рѣзвы́ ноги,
Поклонилась Забава до самой земли:
— Здравствуй уда́лый добрый молодецъ,
— Младъ Соловёйко Гудіміровичъ!
— Есть ты мо́лодецъ вѣдь нежёнёный,
— Я ли дѣви́ца на выда́ваньи. —
Зго́воритъ душка уда́лыѝ добрый мо́лодецъ,

Младъ Соловéй да сынъ Гудíміровúчъ:
«За всё тебя дѣвица, за всё люблю̀,
«За одно тебя дѣвица я никáкъ не люблю̀,
«Ты сама себе дѣвица просвáтала....
«Ступай-ко дѣвúца ты во свóй нынь дóмъ,
«Бей-ко челомъ поклоняйси-тко
«Князю ль тому же ты Владимíру,
«Чтобы онъ завёлъ какъ нынь почестный пиръ».
Такъ пошла нынь дѣвúца какъ во свóй тутъ домъ,
Била дѣвица и челóмъ онà
Кó тому ко князю Владимíру:
— Ты послушай-ко нынь мой ты дядюшка,
— Ты Владимíръ князь-ко стольне-кіевской!
— Во своей полаты грановитыи
— Для меня любимой племянницы
— Заведи-ко ты ныни какъ почестный пиръ,
— Чтобы было мнѣ чимъ нынь похвастати. —
А какъ завелъ вѣдь ей тутъ дядюшка,
Онъ завелъ нынь тутъ какъ почестный пиръ.
На томъ на пиру да было весело,
Пили ѣли проклаждалися.
Тогда приходитъ удáлый мóлодецъ,
Младъ Соловéйко сынъ Гудíміровичъ,
Беретъ еé дѣвицу за бѣлы́ руки,
Пошли оны съ дѣвицей во Божью̀ церкву,
Златыми перстнями да обручалиси,
Златыми вѣнцами да повѣнчалиси.
Приходитъ Соловéй ко Владимíру,
Приноситъ благодарность великую,
Дѣлатъ почéтъ ему честныи,
Честныи почéтъ и благодарныи.
Пошолъ Соловéй да во свой тутъ домъ,
Сталъ Соловéй-то жить и быть,
Мéжу сóбой времечки корóтати.

Здунинай Дунай сынъ Ивановичъ Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай про то дѣло не знай.

Мхи да болота въ Помо́рской сторонѣ,
Щелья каменья Подсѣверной странѣ,
Претолстыи горы высокіи,
Превысоки лѣса все дремучіи.
А рострубисты сарафаны по Моши по рѣки,
Здунинай Дунай про то дѣло не знай.

Записано въ Шалѣ, 29 іюля.

XV.

АНДРЕЙ СОРОКИНЪ.

Андрей Пантелѣевъ Сорокинъ, крестьянинъ дер. Новинка на Сумозерѣ, 43 лѣтъ, черноволосый, средняго роста, съ небольшой бородкой; живетъ земледѣліемъ; родился и жилъ до 30-лѣтняго возраста въ дер. Ценежахъ у Пудожа, переселился на Сумозеро въ домъ тестя, у котораго не было сыновей. Его отецъ и дѣдъ не пѣвали былинъ; онъ выучился имъ мальчикомъ и молодымъ человѣкомъ, когда живалъ подолгу на мельницѣ, гдѣ собиралось много крестьянъ изъ окрестныхъ деревень и коротали время, распѣвая «старины». Въ числѣ своихъ учителей Сорокинъ называлъ старика Аѳанасья изъ Кулгалы у Пудожа; отъ него онъ перенялъ былину про Соловья Будиміровича. Сорокинъ поетъ весьма пріятнымъ голосомъ и складною, мѣрною рѣчью былины, не смотря на то, что вовсе не соблюдаетъ въ нихъ размѣра. Онъ пробовалъ когда-то распѣвать въ видѣ былинъ и сказки, которыя разсказываются «словами» (т. е. прозаическою рѣчью), но это, какъ онъ говорилъ, ему не удавалось: видя, что дѣло не ладится, онъ бросилъ эту мысль. Сорокинъ пріѣзжалъ къ г. Рыбникову, который частью самъ записалъ его былины,

частью поручилъ это писарю. При сличеніи напечатанныхъ въ сборникѣ г. Рыбникова былинъ Сорокина съ тѣмъ, какъ онъ ихъ пѣлъ нынѣ, не оказалось почти никакой разницы, кромѣ нѣкоторыхъ частицъ *(а й, каж)*, которыя Сорокинъ ставитъ въ началѣ каждаго почти стиха при пѣніи былины «голосомъ» и опускаетъ при пословесной ея передачѣ. Такъ какъ, по отсутствію размѣра въ былинахъ Сорокина, онѣ, будучи записаны съ голоса, не разнятся ничѣмъ, кромѣ мелкихъ и случайныхъ измѣненій, отъ текста, напечатаннаго въ сборникѣ г. Рыбникова, то тѣ былины, которыя вошли въ этотъ сборникъ, здѣсь не повторяются, а приводятся лишь существенные въ нихъ варіанты, цѣликомъ же печатаются только былины, у г. Рыбникова не помѣщенныя.

69.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

А й не волна ли какъ на мори расходилася,
А й не сине море всколыбалоси,
А й взволновался да вѣдь Ка́линъ царь,
А й на славныи на стольныи на городъ на Кіевъ онъ,
А й на солнышка князя Владиміра,
А й какъ онъ на святую Русь.
А й какъ бралъ ёнъ съ сорока земель
А й какъ сорокъ ёнъ королей да королевичевъ;
А й за кажнымъ королёмъ королевичемъ
А й какъ силы было какъ по со́року ужъ тысячей.
А й какъ бралъ ёнъ пятьсотъ князей да бояръ онъ невѣрныихъ,
А й за кажнымъ силы по сороку было тысячей.
А й какъ пришолъ онъ подъ славныи подъ стольніи
А й подъ городъ по Кіевъ-онъ,
А й становился ёнъ ко матушки да Енисей-рѣки,

А й во ты во поля во Елѝсина.
А й какъ тутъ безбожныи Калинъ царь
Призывалъ онъ посланника да любезнаго,
А й какъ самъ говорилъ онъ посланнику таково слово:
«Ай же ты посланникъ любезныій!
«А й неси какъ мою чернилицу да вальячную,
«А й неси моё перо какъ лебединое,
«А й неси листъ бумагу гербовую».
А й какъ тутъ безбожный Калинъ царь
А й садился онъ да на ременчатъ стулъ,
А къ тому онъ столику ко дубовому;
А й какъ началъ онъ ёрлуковъ да написывать,
А й какъ началъ силу свою онъ да назначивать,
А й писалъ ужъ какъ силушки много да тысячей,
А й какъ ёнъ ерлуки запечатывалъ,
Подавалъ-то онъ посланнику да любезному,
А й какъ говорилъ ёнъ ему таково слово:
«Ай же ты посланникъ любезныій безызмѣнныій!
«А й беря ерлуки во бѣлы́ руки,
«А ступай-ко садись на добра́ коня,
«А й поѣзжай-ко ты во славный во Кіевъ во городъ-онъ,
«А й ко солнышку ко князю ѣдь прямо на ши́рокъ дворъ,
«А становн-тко добра́ коня осере́дь двора ши́рока,
«Осередь двора ши́рока княженецкаго,
«А самъ прямо поди-тко въ полаты вѣдь княженецкія,
«А какъ проходи въ полаты-ты княженецкія,
«А й какъ русьскому Богу не кланяйся,
«А й какъ солнышку князю челомъ не бей,
«Не клони ёму буйны головушки,
«Кла́дывай ерлуки ему на дубовый столъ,
«А й да говори рѣчи съ нимъ да не съ упадкою,
«А й скажи: ««Солнышко князь стольнё-кіевскоій!
««А й бери ерлуки во бѣлы́ рѣки,
««А й ерлуки роспечатывай,

«А й какъ ты роспечатывай да розвертывай,
«А й до кажнаго словечка да высматривай»».
«А й скажи ему да еще таковы слова,
«А й скажи: ««Солнышко князь стольнё-кіевской!
««А й по всему какъ по городу какъ по Кіеву
««А й со Божьихъ какъ церквей да чудны́ кресты повыснимай,
««Во церквахъ сдѣлай стойлы лошадиныи,
««А й стоять нашіимъ да добры́мъ конямъ.
««А й еще по всему какъ по городу какъ по Кіеву
««А й умой-ко полаты вѣдь бѣлокаменны,
««А стоять нашей рать силы великіи.
««А еще по всему какъ по городу какъ по Кіеву
««А й широкіи улушки да повы́паши»».
«А й потомъ повернись да поди съ полатъ вонъ съ бѣлокаменныхъ,
«А й потомъ садись на своего на добра́ коня,
«А й поѣзжай въ свою рать силу великую».
А й какъ тутъ посланникъ любезныій безызмѣнныій
А й какъ шолъ садился ёнъ на своего добра́ коня,
А й какъ ѣхалъ во славныій да во стольныій
А й во городъ во Кіев-отъ;
А й пріѣзжалъ какъ онъ ко солнышку князю къ Владиміру,
А й пріѣзжалъ къ нему онъ на ши́рокъ дворъ,
Становилъ какъ онъ да добра́ коня
Осере́дь двора широка княженецкаго,
А й какъ самъ онъ шолъ прямо въ полаты княженецкіе,
А й какъ русьскому Богу не кланялся,
А й какъ солнышку князю челомъ не билъ,
Не клонилъ ему буйны головушки.
А й какъ самъ кла́дывалъ ерлуки на дубовый столъ
Говорилъ какъ рѣчи самъ да не съ упадкою,
А й какъ говорилъ: ужъ ты солнышко Владиміръ князь,
— А й Владиміръ князь да стольнё-кіевской!

— А й ты бери ерлуки во бѣлы́ руки,
— А ерлуки роспечатывай,
— А ты еще ихъ да розвертывай,
— А й до кажнаго словечка да высматривай.
— А ты еще да послухай-ко
— А что теби́ я́ скажу:
— А й какъ ты по всёму какъ по городу по Кіеву
— А й широкія улушки повыпаши,
— А й съ Божьихъ какъ церквей да чудны́ кресты повыснимай,
— Во церквахъ сдѣлай стойлы лошадиные,
— А й стояти нашимъ добры́мъ конямъ;
— А еще какъ по городу да по Кіеву
— А умой-ко полаты вѣдь ты бѣлокаменны,
— А й стоять нашей рать силы великіей. —
А потомъ повернулся ёнъ
А пошолъ онъ съ полатъ-то княженецкихъ,
Выходилъ-то онъ на ши́рокъ дворъ,
А й какъ онъ садился на своего да на добра́ коня,
А й какъ онъ поѣхалъ въ свою рать силу великую.
А й какъ тутъ солнышко да Владиміръ князь
А ставалъ ёнъ какъ со мѣста да со бо́льшого,
А й взималъ свой золотой тотъ стулъ,
А й садился ко тому столу дубовому,
А й какъ бралъ е́рлуки да во бѣлы́ руки,
Ерлуки онъ тутъ роспечатывалъ,
Роспечатывалъ онъ розвертывалъ,
А й до кажнаго словечка онъ высматривалъ.
А й какъ тутъ увидѣлъ ёнъ какъ у матушки,
А у матушки да Елисей-рѣки,
А й во тыхъ во поляхъ во Ели́синахъ,
А стоитъ какъ безбожный Ка́линъ царь
Со своёй силой съ невѣрною,
А й какъ силушки на чисто́мъ поли

А й какъ мелкаго лѣсу да шумячего,
А й не видно ни краю да ни берега;
А й какъ знамéньёвъ на чистóмъ поли
А й какъ будто сухого лѣсу жарóваго.
А й какъ тутъ устрашился солнышко Владимiръ князь,
А й повѣсилъ свою буйную ёнъ головушку
А й какъ ниже плечъ своихъ могучiихъ,
Притупилъ очи ясны во кирпичной полъ,
А й самъ говорилъ да еще таковы слова:
«Ай же ты жонá моя да любезная,
«А й княгина Апраксiя!
«А й пришло видно времечко да великоё,
«А й пришло видно въ полонъ отдать
«Славный городъ намъ Кiев-отъ
«А й безбожному царю ужъ какъ Калину!
«А й какъ видно дѣлать намъ нечего,
«А й какъ всѣмъ-то князьямъ да бояринамъ,
«Всѣмъ сенатóрамъ-то думнымъ,
«А какъ всѣмъ вельможамъ, куицамъ да всѣмъ богатымъ,
«А й какъ всѣмъ поляницамъ удáлымъ,
«А й русейскимъ сильнымъ могучимъ богáтырямъ,
«А й пришлось имъ да порозъѣхаться,
«А й повыѣхать какъ со города да со Кiева,
«А й какъ намъ съ тобой на убѣгъ бѣжать.
«А й какъ видно дѣлать намъ нечего
«Со безбожнымъ царемъ да намъ со Калинымъ!»
«А какъ давалъ какъ ёй ерлыки скорописчаты,
А й какъ брала ёнá ерлыки во бѣлы́ руки,
А й какъ начала да читать она розсматривать,
А й сама говорила вѣдь таковы слова:
— Ай же солнышко Владимiръ князь!
— А й послушай-ко что я́ скажу.
— А й возьми-тко ты публикуй-ко вѣдь
— А указы ты строгiе,

— А й по городу по Кіеву,
— А й по городу по Чернигову,
— А й по прочімъ городамъ по губерскімъ, по уѣзднымъ,
— А й выпущай затюремщиковъ грѣшниковъ,
— А й прощай-ко во всѣхъ винахъ великіихъ,
— А й какъ всихъ призывай къ себѣ да на почестенъ пиръ.
— А й какъ призывай-ко сильніихъ могучіихъ богáтырей,
— Призывай-ко стáраго казакá да Илью Муромца.
— А хоша онъ сердитъ на тебя на солнышка князя на Владиміра,
— А може пріѣде къ тебѣ да на почестенъ пиръ.
— А пусть-ко оны со честнóго пиру да порозъѣдутся да порозóйдутся,
— А мы тожно[1]) съ тобой на убѣгъ пойдемъ. —
А й какъ солнышко да Владиміръ князь стольне-кіевской
А й писалъ онъ письма скорыи,
Письма строгіи,
Призывалъ куліерковъ онъ вѣдь скорыихъ,
А й розсылалъ письма ёнъ по городу по Кіеву,
А й какъ ёнъ да по городу Чернигову,
А й по прочимъ городамъ по губерскімъ по уѣзднымъ,
По своимъ городамъ да по русейскімъ;
А й выпущалъ затюремщиковъ грѣшниковъ,
А й прощалъ какъ во всѣхъ винахъ-то ихъ великіихъ,
А й просилъ къ себѣ ихъ всѣхъ да на почестенъ пиръ,
А й какъ всѣхъ онъ князей бояръ топерь,
А й какъ всѣхъ сенатóровъ какъ думныихъ,
А й какъ всѣхъ вельможъ, купцей теперь богатыихъ,
А й какъ поляницъ да всѣхъ удалыихъ,
А й русейскихъ сильныихъ могучихъ богáтырей,
А й просилъ онъ стараго казака Илью Муромца.
А й топерь послѣ этого

1) Т. е. тогда.

А й какъ много сбиралосе, какъ много съѣзжалосе,
А й князей бояръ топерь,
А й сенатóровъ да думныихъ,
А й вельможъ, купцей богатыихъ,
Поляницъ да удалыихъ,
А й русейскихъ сильнихъ могучихъ богáтырей.
А й наѣхали ко солнышку князю Владимíру,
А й наѣхали на шúрокъ дворъ,
А й какъ нáгнали да добрúхъ коней
Полонъ шúрокъ дворъ да княженецкíи.
Набрались полны какъ полаты княженецкíи
А все князей да бояръ топерь,
А й сенатóровъ да думныихъ,
А й вельможъ, купцей богатыихъ,
Поляницъ да удалыихъ,
А й русейскихъ сильнихъ могучихъ богáтырей;
А й садилиси какъ за ты столы за дубовые,
А за ты скамейки за окольніе,
А за тыи за ѣствы за сахáрніе,
За напитки за тыи за медвяные.
А какъ начали пить топерь, проклаждаются,
Надъ собою незгоды не начаючи,
А й какъ всѣ на пиру пьяны веселы,
А й какъ столько не веселъ былъ одинъ солнышко Владимíръ князь.
А й какъ ходитъ по полатамъ княженецкíимъ,
А й повѣшена буйная головушка
А й какъ ниже плечъ своихъ могучíихъ,
А й притуплены очушки ясны во кирпичной полъ.
А й какъ самъ говорилъ топерь таковы слова:
«Ай же вы князи боя́ра вѣдь,
«А й какъ сенатóры да думные,
«А й вельможи, купци вы богатые,
«Полянци удалые,

«А й русейскіе сильни могучіи богáтыри!
«А й какъ вы у мня на честнóмъ пиру
«А вы у мня да пьяны веселы,
«А вы всѣ напивалисе,
«Похвальбамы вы всѣ пофалялисе.
«А й какъ столько вы не знаете,
«А й надъ намы есть незгода великая:
«А у матушки да Елисей-рѣки,
«А й во тыхъ во поляхъ во Елúсинахъ
«А й стоитъ какъ безбожный Калинъ царь
«Со своéй какъ со ратью силой великою;
«А й стоитъ ужъ какъ силушки на чистóмъ поли
«А й какъ будто мелкаго лѣсу шумячего;
«А й какъ знамéньёвъ на чистóмъ поли
«А й какъ будто сухого лѣсу жарóваго.
«А намъ да приказано
«А по всéму какъ по городу по Кіеву
«А й широкіи улушки повыпахать,
«А й съ Божьихъ какъ церквей да чудны́ кресты повы снимать,
«Во церквахъ сдѣлать стойлы лошадиные,
«А по всéму какъ по городу по Кіеву
«А умыть полаты бѣлокаменны,
«А стоять ихней рать силы великіи».
А й тутъ бралъ ерлуки скорописчаты,
Подавалъ старому казакý да Ильи Муромцу.
Тотъ какъ бралъ ерлуки на бѣлы́ руки,
А ерлыки началъ розвертывать,
А началъ ерлуки да онъ розсматривать, —
Такъ и тотъ повѣсилъ буйну голову
Ниже плечъ своихъ могучіихъ,
Притупилъ очи ясны во кирпичный полъ.
А й какъ понесли эти ерлуки съ рукъ какъ на́ руки,
А й какъ начали всѣ розсматривать,

Такъ и всѣ какъ повѣсили буйны головы
Ниже плечъ своихъ могучіихъ,
Потому что оны да устрашилисе.
А й какъ говорилъ ужъ солнышко Владиміръ князь:
«Ай же гости бажёные любезные,
«Ай русейскіе сильніи могучіи богáтыри!
«А что же заведемъ да теперь дѣлати?»
А й какъ тутъ ставалъ какъ со мѣста со бóльшаго на рѣзвы́ ноги,
А ставалъ-то старой казакъ Илья Муромецъ,
А й какъ самъ говорилъ теперь да таковы слова:
— Ай же солнышко да Владиміръ князь!
— А й послушай-ко что я скажу.
— А й возьми-ко насыпь ты теперичко
— А й какъ перву телѣгу ордынскую,
— А й насыпь-ко краснаго золота,
— А й насыпь-ко дру́гу телѣгу чистаго се́ребра,
— А й насыпь-ко третью телѣгу мелкаго да крупнаго скатняго жемчугу,
— А й кати-тко въ подарочкахъ
— Ко безбожному царю да ко Калину,
— А проси-тко ты стро́ку на три мѣсяца.
— А ежели бъ далъ онъ намъ строку на три мѣсяца,
— А й какъ я да въ три мѣсяца
— А какъ съѣзжу я къ чисту́ полю,
— А какъ я сберу свою дружину да хоробрую,
— А какъ сберу я тридцать молодцовъ да безъ единаго,
— А тогда я съѣзжу ко безбожному царю ко Калину,
— Въ рать его силу да великую.
— А й тогда да я попробую,
— А я да отвѣдаю,
— А врядъ больше пріѣде онъ
— А й ко славному ко городу́ ко Кіеву. —
А й какъ солнышко да Владиміръ князь да стольнё-кіевской

Приказалъ онъ какъ насыпать перву телѣгу да ордынскую
А й какъ красно́го золота,
А й какъ дру́гу телѣгу чистаго се́ребра,
А й какъ третьюю телѣгу мелкаго крупнаго скатнаго да жемчугу;
А й покатили русейскія посланники
А отъ солнышка отъ князя отъ Владиміра
Ко безбожному царю теперь да ко Калину,
А й просили строку теперь да на три мѣсяца.
Говорилъ какъ безбожный Калинъ царь:
«Ай же вы русейскіе вы посланники
«А отъ солнышка отъ князя отъ Владиміра!
«А хошь возьму я ваши подарочки до́роги,
«А какъ дамъ я строку вамъ на три мѣсяца,
«А чтобы да въ три мѣсяца,
«Чтобы было все исполнено
«По моему да приказаньицу:
«А всѣ улушки роспаханы,
«А со всѣхъ церквей чудны́ кресты снятые,
«Въ церквахъ сдѣланы стойлы лошадиные.
«А умыты полаты бѣлокаменны».
А воротились въ задъ какъ русейскія посланники,
А сказали солнышку князю таковы слова
И розсказали какъ да приказано.
А й какъ тутъ-то старой казакъ Илья Муромецъ
А й какъ всё ёнъ то же повыслухалъ,
А какъ скоро шолъ ёнъ, садился на добра́ коня,
А какъ скоро поѣхалъ ёнъ да въ чисто́ полё,
А какъ сбиратъ-то онъ своей дружины да хоробрыей;
А какъ вѣдь топеречку послѣ этого
А й промедлилось времечки три мѣсяца,
Не видать какъ ста́рого каза́ка Ильи Муромца да изъ чиста́ поля.
А й какъ солнышко князь опять да не веселъ сталъ,

А й какъ самъ говорилъ да таковы слова:
— Ай же ты княгина Апраксія!
— А й какъ видно какъ пришло тое времечко да великое,
— А й какъ теперь пришло да отдать въ полонъ
— А какъ славный городъ намъ Кіев-отъ;
— А какъ всѣмъ князьямъ да боярамъ вѣдь
— А й какъ быть да порозъѣхаться,
— А й какъ всѣмъ поляницамъ удалымъ,
— А й русейскимъ сильнімъ могучимъ богáтырямъ
— А намъ пришло съ тобой какъ на убѣгъ бѣжать.
— А какъ видно на кого была надѣя великая,
— А й на стараго казака да Илью Муромца,
— А й у того теперь да уѣхано
— А въ дáлечо далéчо да въ чистó полѣ,
— А й не будетъ ёнъ изъ чистá поля. —
А й какъ тутъ ёнà говоритъ ему таковы слова:
«Ай же ты солнышко Владиміръ князь!
«Забери остáтнее столованье да почестенъ пиръ,
«А й забери-тко ты теперь всѣхъ князей бояръ,
«Всѣхъ сенатóровъ да думныихъ,
«А й какъ всѣхъ вельможъ, купцей богатыихъ,
«Всѣхъ поляницъ да ты удалыихъ,
«А русейскихъ сильныхъ могучихъ богáтырей.
«А какъ пусть-ко вѣдь со честнà пира порозóйдутся,
«Со честнаго пиру порозъѣдутся».
А й какъ забиралъ онъ остáтнее столованье да почестенъ пиръ.
А й какъ тутъ пріѣзжали князи бояра вѣдь,
Сенатóры да думные,
А й вельможи, купци всѣ богатые,
Поляници удалые,
А русейски сильни могучи богáтыри
А й ко солнышку князю Владиміру на почестенъ пиръ;
А й какъ вѣдь набрались полны полаты бѣлокаменны

Все удалыхъ добрыхъ мо́лодцовъ.
А й какъ вѣдь да садилисе
А й за ты столы за дубовыя княженецкіе,
А за ты за ѣствы саха́рніе,
А за ты за напитки за медвяныя.
А какъ болѣ́ сидятъ оны,
Никто не пьетъ да не кушаетъ,
А у всѣхъ повѣшены да буйны головы
А й какъ ниже плечъ своихъ могучіихъ,
Притуплены очушки ясныя,
Очушки ясныя во кирпичной полъ.
А тутъ еще какъ съ мѣста середняго
А еще ставалъ уда́лый добрый мо́лодецъ,
А ставалъ какъ вѣдь молодой Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ,
А ставалъ какъ молодой Ермакъ да на рѣзвы́ ноги,
А говорилъ молодой Ермакъ да таковы слова:
— Ай же солнышко да Владиміръ князь стольне-кіевской!
— А спусти-тко меня да ты въ чисто́ полѣ.
— А й какъ съѣзжу я да сыщу теперь
— А какъ стараго казака да Илью Муромца
— А со всѣй я съ дружиной со хороброю. —
А й какъ ѣнъ говори́лъ ему:
«Ай же ты молодой Ермакъ,
«Молодой Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ!
«А й какъ ты молоде́цъ молодѣшенокъ,
«А й какъ ты молоде́цъ да лѣтъ двѣнадцати,
«Не бывать тебѣ́ да въ чисто́мъ поли,
«Не видать те стараго казака Ильи Муромца.
«Вѣдь промедлилось времечки три мѣсяца,
«А въ три мѣсяца Богъ знать куда у его теперь у́ѣхано,
«А какъ може уѣхано
«Край свѣтушка край бѣлаго».
А какъ наливалъ ему чару онъ да зелена́ вина,
Зелена вина чара мѣрой полтора ведра,

Вѣсомъ какъ чара ровно полтора пуда,
А й подавалъ ему единóй рукой,
Принималъ какъ онъ да единóй рукой,
Выпивалъ онъ какъ да едины́мъ здухомъ.
Онъ опять онъ дается ѣхати въ чистó поле:
— Ай же солнышко да Владимiръ князь да стольне-кіевской!
— А спусти меня да въ чистó полё,
— А съѣзжу сыщу я какъ стараго казака да Илью Муромца
— А со всей съ дружиной съ хороброю. —
А й какъ ёнъ да говори́лъ ему:
«Ай же ты молодой Ермакъ,
«Молодой Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ!
«А й какъ ты молоде́цъ молодёшенокъ,
«Молоде́цъ ты лѣтъ да двѣнадцати,
«А й не бывать тебѣ да въ чистóмъ поли,
«Не видать те стараго казака Ильи Муромца.
«Вѣдь промедлилось времечки ровно да три мѣсяца,
«А й какъ може въ три мѣсяца
«А уѣхано край свѣтушка край бѣлаго».
Наливалъ ему какъ вторую-ту чару зелена́ вина,
А й какъ мѣрой чара полтора ведра,
Вѣсомъ какъ чара ровно полтора пуда.
А й подавалъ-то ему солнышко князь да единóй рукой,
Принималъ какъ молодой Ермакъ да единóй рукой,
Выпивалъ какъ молодой Ермакъ да едины́мъ здухомъ.
А й опять онъ дается ѣхать во чистó полё:
— Ай же солнышко Владимiръ князь!
— А спусти меня да въ чистó полё,
— А съѣзжу сыщу я стараго казака да Илью Муромца
— А со всёй я съ дружиной съ хороброю. —
А й какъ тутъ говорилъ ему солнышко Владимiръ князь:
«Ай же ты молодой Ермакъ,
«Молодой Ермакъ сынъ Тимофеевичъ!

«А й какъ ты молодецъ да молодёшенокъ,
«Ты какъ молодецъ да лѣтъ двѣнадцати,
«А й не бывать тебѣ да въ чистомъ полѣ,
«Не видать те стараго казака да Ильи Муромца.
«Вѣдь какъ промедлилось времечки да три мѣсяца,
«А въ три мѣсяца Богъ знать куда у его уѣхано,
«А й какъ може уѣхано край свѣтушку край бѣлаго».
А й наливалъ ему третью да чару зелена вина,
А й какъ мѣрой чара полтора ведра,
Вѣсомъ какъ чара ровно полтора пуда.
А й подавалъ-то ему солнышко князь да единой рукой,
Принималъ какъ молодой Ермакъ да единой рукой,
Выпивалъ какъ молодой Ермакъ да единымъ здухомъ.
А й потомъ какъ онъ ставалъ да на рѣзвы ноги,
А й какъ тутъ скакалъ черезъ ты столы ёнъ дубовые,
Черезъ ты ѣствы сахарніе,
А черезъ ты напитки да медвяные,
А й какъ столько едва да розобралъ
А на стопочки приправу свою да богатырскую,
А й какъ онъ приправу вѣдь да богатырскую.
А й бѣжалъ потомъ онъ на широкъ дворъ,
А й садился ёнъ на своего на добра коня,
А й поѣхалъ онъ съ того ли двора да княженецкаго.
А тутъ канъ топоречко солнышко Владиміръ князь
А й не знать какъ куда уѣхалъ молодой Ермакъ:
А искать ли онъ да стараго казака Ильи Муромца,
Али онъ уѣхалъ въ поля да во Елисѣна?
А онъ прямо ѣхалъ въ ты поля во Елисѣна,
А й поѣхалъ ко матушкѣ да Елисей-рѣки.
А й какъ онъ увидѣлъ на тыхъ поляхъ на Елисѣнахъ
А стоитъ-то ужъ силушки какъ на чистомъ полѣ,
А какъ мелкаго лѣсу шумячего,
А й не видно ни краю да ни берега,
А й какъ знаменьёвъ на чистомъ полѣ

Какъ сухого лѣсу жарóваго,
А й какъ тутъ ли самъ пороздумался:
А хошь много силы на чистóмъ поли,
А й какъ столько могу я розбить на своёмъ да на добрóмъ конѣ,
А не захватить меня во рать во силы великіей
А поганымъ воинамъ,
А й потому что у меня подо мной да конь крылатыій.
А й столько хоче спуститься на рать на силу великую,
А й какъ шумъ зашумѣлъ изъ чистá поля,
А какъ онъ посмотритъ вѣдь на чистó полё,
А какъ ажно ѣде старóй казакъ Илья Муромецъ,
А Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
А й со всёй онъ съ дружиной съ хороброю.
А й какъ тутъ ужъ какъ съѣхалось
А й какъ тридцать молодцовъ да со единымъ,
А й какъ тридцать сильнихъ русейскихъ богáтырей;
А й какъ тутъ старóй казакъ Илья Муромецъ
А й говоритъ своей дружины да хоробрыей:
— Ай же вы пятнадцать молодцовъ да вы удалыихъ!
— А й поѣзжайте-тко о матушку Елисей-рѣку,
— А й не упущайте-ко силы за матушку Елисей рѣку,
— А й какъ другіе поѣзжайте-тко на чистó полё,
— Становитесь-ко рáтёй силой великою,
— А не упущайте-ко силушки да на чистó полё,
— Съ краю рубите до единаго. —
А й какъ тутъ правóй рукой да поѣхалъ старóй казакъ,
А й старóй-то казакъ да Илья Муромецъ;
А й лѣвой рукой какъ поѣхалъ да молодой Ермакъ,
Молодой Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ;
А й какъ начали рубить да силушку на чистóмъ поли,
А й какъ начали прижимать со всѣхъ да со сторонушокъ,
А какъ не промедлилось времечки ровно до шести часовъ,
А той порой до тымъ времечкомъ

А й какъ силу присѣкли до единаго.
А й какъ тутъ молодой Ермакъ какъ розъѣхался
Ко безбожному царю ёнъ ко Калину,
Изымалъ царя Калина за желты́ кудри,
А й какъ самъ сказалъ ему таковы слова:
«А й какъ вотъ тебѣ, безбожный Калинъ царь,
«Вотъ тебѣ улушки роспаханы,
«Со тыхъ Божьихъ церквей чудны́ кресты сняты вѣдь,
«А й какъ вотъ во церквахъ сдѣланы стойлы лошадиныи,
«Вотъ те умыты да вѣдь полаты бѣлокаменны!
«Нѣтъ, не приписывай ерлуковъ скорописчатыхъ
«А й ко нашему солнышку князю Владиміру,
«А й съ угрозамы со великима!»
А й здынўлъ его выше буйныя головушки,
А спустилъ какъ о матушку да о сыру́ землю,
А й какъ тутъ у царя какъ у Калина
А й на ёмъ да кожа лопнула,
А й какъ тутъ царь Калину славы́ поютъ.
А й какъ тутъ удалыи добры мо́лодцы
А й садилисе на добры́хъ коней
А й отправились во славныи какъ во стольнiи
А й во городъ во Кіёв-отъ
А й ко солнышку князю Владиміру,
А й пріѣхали, какъ сказали вѣдь,
Что убитъ безбожный Калинъ царь,
А со всёю со рать силой великою,
А й какъ тутъ солнышко какъ Владиміръ князь
А й на радости на великіей
А й какъ тутъ для уда́лыхъ для мо́лодцовъ
Забиралъ столованье почестенъ пиръ;
А й какъ начали пить, кушать вѣдь, добромъ проклаждаются,
А й какъ надъ собой незгоды болѣ не нача́ются.
А й какъ публиковалъ указъ онъ строгіи
А й по городу по Кіеву,

Розотворилъ какъ онъ всѣ кабаки конторы онъ,
Чтобы весь народъ какъ пилъ да зелено́ вино;
Кто не пье зелена́ вина,
Тотъ бы пилъ да пива пьяныя;
А кто не пьетъ пивовъ пьяныихъ,
Тотъ бы пилъ меды́ стоялые, —
Чтобы всѣ да веселилисе..
А топерь да посли этого
А й тому да всему да славы́ поютъ.
А й Дунай, Дунай,
Болѣ вѣкъ не знай.

Записано на Сумозерѣ, 2 августа.

70.

САДКО.

А какъ вѣдь во славноёмъ въ Новѣ́-гради,
А й какъ былъ Садке́ да гусельщик-отъ,
А й какъ не было много несчотной золотой казны,
А й какъ только ёнъ ходилъ по честны́мъ пирамъ,
Спотѣшалъ какъ онъ да купцёй, бояръ,
Веселилъ какъ онъ ихъ на́ честны́хъ пирахъ.
А й какъ тутъ на́дъ Садкомъ топерь да случилюсе,
Не зовутъ Садка́ ужъ цѣлый день да на почестенъ пиръ,
А й не зовутъ какъ другой день на почестенъ пиръ,
А й какъ третій день не зовутъ да на почестенъ пиръ.
А й какъ Садку́ топерь да соскучилось,
А й пошолъ Садке́ да ко Ильме́нь онъ ко озеру,
А й садился онъ на синь на горючъ камень,
А й какъ началъ играть онъ во гусли во яровчаты,
А игралъ съ утра какъ день топерь до вечера.
А й по вечеру́ какъ по поздному

А й волна ужъ въ озерѣ́ какъ сходилася,
А какъ вѣдь вода съ пескомъ теперь смутилася.
А й устрашился Садке́ теперечку да сидѣти онъ,
Одолѣлъ какъ Садка страхъ теперь великій,
А й пошолъ вонъ Садке́ да отъ озера,
А й пошолъ Садке́ какъ во Но́въ-городъ.
А опять какъ прошла теперь тёмна ночь,
А й опять какъ на дру́гой день
Не зовутъ Садка да на почестенъ пиръ,
А другой-то да не зовутъ его на почестенъ пиръ,
А й какъ третій-то день не зовутъ на почестенъ пиръ.
А й какъ опять Садку теперь да соскучилось,
А пошолъ Садкѣ ко Ильме́нь да онъ ко озеру,
А й садился онъ опять на синь да на горючъ камень
У Ильме́нь да онъ у озера.
А й какъ началъ играть онъ опять во гусли во яровчаты,
А игралъ ужъ какъ съ утра день до вечера.
А й какъ по вечеру опять какъ по позднему
А й волна ужъ какъ въ озери сходилася,
А й какъ вода съ пескомъ теперь смутилася,
А й устрашился опять Садкѣ да новгородскій,
Одолѣлъ Садка ужъ какъ страхъ теперь великій.
А какъ пошолъ опять какъ отъ Ильме́нь да отъ озера,
А какъ онъ пошолъ во свой да онъ во Но́въ-городъ.
А й какъ тутъ опять надъ нимъ да случилосе,
Не зовутъ Садка опять да на почестенъ пиръ.
А й какъ тутъ опять другой день не зовутъ Садка да на почестенъ пиръ,
А й какъ третій день не зовутъ Садка да на почестенъ пиръ,
А й опять Садку теперь да соскучилось.
А й пошолъ Садкѣ ко Ильме́нь да ко озеру,
А й какъ онъ садился на синь горючъ камень да объ озеро,
А й какъ началъ играть во гусли во яровчаты,
А й какъ вѣдь опять игралъ онъ съ утра до вечера,

А волна ужъ какъ въ озери сходиласе,
А вода ли съ пескомъ да смутиласе;
А тутъ осмѣлился какъ Садкé да новгородскій
А сидѣть играть какъ онъ объ озеро.
А й какъ тутъ вышелъ Царь Водянóй топерь со озера,
А й какъ самъ говоритъ Царь Водянóй да таковы слова:
«Благодаримъ-ка Садкé да новгородскій!
«А спотѣшилъ насъ топерь да ты во озери,
«А у мня было да какъ во озери,
«А й какъ у мня столованье да почестенъ пиръ,
«А й какъ всѣхъ розвеселилъ у мня да на честнóмъ пиру
«А й любезныихъ да гостей моихъ.
«А й какъ я не знаю топерь Садка тебя да чѣмъ пожаловать:
«А ступай, Садкѐ, топеря да во свой во Новъ-городъ,
«А й какъ завтра позовутъ тебя да на почестенъ пиръ,
«А й какъ будетъ у купца столованьé почестенъ пиръ,
«А й какъ много будетъ купцей на пиру много новгородскіихъ,
«А й какъ будутъ всѣ на пиру да напиватисе,
«Будутъ всѣ на пиру да наѣдатисе,
«А й какъ будутъ всѣ пофальбами теперь да пофалятисе,
«А й кто чимъ будетъ теперь да фастати,
«А й кто чимъ будетъ топерь да похвалятисе;
«А и́ной какъ будетъ фастати да несчётной золотой казной,
«А какъ и́ной будетъ фастать добры́мъ конемъ,
«Иной буде фастать силой удачей молодецкою,
«А и́ной буде фастать молóдый молодечествомъ,
«А какъ умной разумной да буде фастати
«Старымъ батюшкомъ, старой матушкой,
«А й безумный дуракъ да буде фастати
«А й своей онъ какъ молодой женой;
«А ты, Садке, да пофастай-ко:
««А я знаю, что во Ильмéнь до во озери

«А что есте рыба-то перья золотыи вѣдь»».
«А какъ будутъ купцы да богатыи
«А съ тобой да будутъ спо́ровать,
«А что нѣту рыбы такою вѣдь,
«А что теперь да золотыи вѣдь,
«А ты съ нима бей о залогъ теперь великіи,
«Залагай свою буйную да голову,
«А какъ съ нихъ выряжай теперь
«А какъ лавки во ряду да во гостиноёмъ
«Съ дорогима да товарамы;
«А потомъ свяжите неводъ да шёлковой,
«Пріѣзжайте вы ловить да во Ильме́вь во озеро,
«А закиньте три тонѝ во Ильме́нь да во озери,
«А я въ кажну тоню дамъ теперь по рыбицы,
«Ужъ какъ перья золотыи вѣдь.
«А й получишь лавки во ряду да во гостиноёмъ
«Съ дорогима вѣдь товарамы;
«А й потомъ будешь ты купецъ Садко́ какъ новгородскіи,
«А купецъ будешь богатыи».
А й пошолъ Садкѐ во свой да какъ во Новъ-городъ.
А й какъ вѣдь да на дру́гой день
А какъ по́звали Садка да на почестенъ пиръ
А й къ купцю да богатому.
А й какъ тутъ да много сбиралосе
А й къ купцю да на почестенъ пиръ
А купцей какъ богатыихъ новгородскіихъ;
А й какъ всѣ теперь на пиру напивалися,
А й какъ всѣ на пиру да наѣдалисе,
А й пофальбами всѣ пофалялисе.
А кто чѣмъ ужъ какъ теперь да фастаетъ,
А кто чѣмъ на пиру да похваляется;
А и́ной фастае какъ несчотной золотой казной,
А и́ной фастае да добры́мъ конёмъ,
А и́ной фастае силой удачей молодецкою;

А й какъ умной теперь ужъ какъ фастастъ
А й старымъ батюшкомъ, старой матушкой,
А й безумной дуракъ ужъ какъ фастаетъ,
А й какъ фастае да какъ своей молодой женой;
А сидитъ Садкѐ какъ ничимъ да онъ не фастаетъ,
А сидитъ Садкѐ какъ ничимъ онъ не похваляется.
А й какъ тутъ сидятъ купци богатыи новгородскіи,
А й какъ говорятъ Садкѹ таковы слова:
— А что жс, Садкѐ, сидишь, ничимъ же ты не фастаешь,
— Что ничимъ, Садкѐ, да ты не похваляешься? —
А й говоритъ Садкѐ таковы слова:
«Ай же вы купци богатые новгородскіе!
«А й какъ чимъ мнѣ Садку теперь фастати,
«А какъ чѣмъ-то Садку похвалятися?
«А нѣту у мня много несчотной золотой казны,
«А нѣту у мня какъ прекрасной молодой жены,
«А какъ мнѣ Садку только есть однымъ да мнѣ пофастати:
«Во Ильмень да какъ во озери
«А есте рыба какъ перья золотыи вѣдь».
А й какъ тутъ купци богатыи новгородскіи
А й начали съ нимъ да оны спбровать,
Во Ильмень да что во озери
А нѣту рыбы такою что,
Чтобы были перья золотыи вѣдь.
А й какъ говорилъ Садкѐ новгородскіи:
«Дакъ заложу я свою буйную головѹшку,
«Болѣ заложить да ѹ мня нечего».
А оны говоря: мы заложимъ въ ряду да во гостиноёмъ
Шесть куппей, шесть богатыихъ;
А залагали вѣдь какъ по лавочки,
Съ дорогима да съ товарамы.
А й тутъ посли этого
А связали неводъ шёлковой,
А й поѣхали ловить какъ въ Ильмѐнь да какъ во озеро,

А й закидывали тоню во Ильме́нь да вѣдь во озери,
А рыбу ужъ какъ добыли перья золотыя вѣдь;
А й закинули дру́гу тоню во Ильмень да вѣдь во озери,
А й какъ добыли другую рыбину перья золотыя вѣдь;
А й закинули третью тоню во Ильмень да вѣдь во озери,
А й какъ добыли ужъ какъ рыбинку перья золотыя вѣдь.
А теперь какъ купци да новгородскіи богатыи
А й какъ видятъ — дѣлать да нечего,
А й какъ вышло пра́вильнё, какъ говорилъ Садке́ да новгородскіи,
А й какъ отперлись ёны да отъ лавочокъ,
А въ ряду да во гостиноёмъ,
А й съ дорогима вѣдь съ товарамы.
А й какъ тутъ получилъ Садкѐ да новгородскіи
А й въ ряду во гостиноёмъ,
А шесть ужъ какъ лавочокъ съ дорогима онъ товарамы,
А й записался Садке́ въ купци да въ новгородскіи,
А й какъ сталъ теперь Садке́ купецъ богатыи.
А какъ сталъ торговать Садке́ да теперечку
Въ своёмъ да онъ во городи,
А й какъ сталъ ѣздить Садке́ тортовать да по всѣмъ мѣстамъ,
А й по прочимъ городамъ да онъ по дальнимъ,
А й какъ сталъ получать барыши да онъ великіе.
А й какъ тутъ да послѣ этого
А женился какъ Садке́ купецъ новгородскіи богатыи.
А еще какъ Садке́ послѣ этого
А й какъ выстроилъ онъ палаты бѣлокаменны,
А й какъ сдѣлалъ Садкѐ да въ своихъ онъ полатушкахъ,
А й какъ обдѣлалъ въ теремахъ все да по небесному:
А й какъ на́ небы пеке́тъ да красное ужъ солнышко,
Въ теремахъ у его пеке́тъ да красно солнышко;
А й какъ на́ небы свѣтитъ младъ да свѣтѣлъ мѣсяцъ,
У ёго̀ въ теремахъ да младъ свѣтѣлъ мѣсяцъ;

А й какъ на́ небн пекутъ да звѣзды частыи,
А у его въ теремахъ пекутъ да звѣзды частыи;
А й какъ всѣмъ изукрасилъ Садке́ свои полаты бѣлокаменны.
А й теперь какъ вѣдь послѣ этого
А й сбиралъ Садке́ столованьё да почестенъ пиръ,
А й какъ всѣхъ своихъ купцей богатыихъ новгородскіихъ,
А й какъ всѣхъ-то господъ онъ своихъ новгородскіихъ,
А й какъ онъ еще настоятелей своихъ да повгородскіихъ;
А й какъ были настоятели новгородскіе
А й Лука Зиновьевъ вѣдь да Ѳома да Назарьевъ вѣдь;
А еще какъ сбиралъ-то онъ всихъ мужиковъ новгородскіихъ,
А й какъ повелъ Садке́ столованьё почестенъ пиръ богатыи.
А теперь какъ всѣ у Садка на честно́мъ пиру,
А й какъ всѣ у Садка да напивалисе,
А й какъ всѣ у Садка теперь да наѣдалисе,
А й похвальбами-то всѣ да пофалялисе.
А й кто чимъ на пиру ужъ какъ фастастъ,
А й кто чѣмъ на пиру похваляется;
А и́ной какъ фастае несчотной золотой казной,
А и́ной фастае какъ добры́мъ конёмъ,
А и́ной фаста силой могучою богатырскою,
А и́ной фастае славнымъ отечествомъ,
А и́ной фастатъ молодымъ да молодечествомъ;
А какъ умной разумной какъ фастастъ
Старымъ батюшкомъ да старой матушкой,
А й безумный дуракъ ужъ какъ фостаетъ
А й своей да молодой женой.
А й какъ вѣдь Садке́ по полатушкамъ онъ похаживатъ,
А й Садке́ ли-то самъ да выговаривать:
«Ай же вы купци новгородскіе вы богатые,
«Ай же всѣ господа новгородскіе,
«Ай же всѣ настоятели новгородскіе,

«Мужики какъ вы да новгородскіе!
«А у меня какъ вси вы на честно́мъ пиру
«А вси вы у меня какъ пьяны веселы,
«А какъ вси на пиру напивалисе,
«А й какъ всѣ на пиру да наѣдалисе,
«А й похвальбами всѣ вы похваллисе.
«А й кто чимъ у васъ теперь хвастае:
«А и́ной хвастае какъ былицею,
«А и́ной фастае у васъ да небылицею.
«А какъ чѣмъ буде мнѣ Садку́ теперь пофастати?
«А й у меня у Садка́ новгородскаго
«А золота казна у меня теперь не то́щится,
«А цвѣтное платьице у меня теперь не дёржится,
«А й дружинушка хоробрая не измѣняется;
«А сколько мнѣ Садку будѐ пофастати
«А й своёй мнѣ несчётной золотой казной:
«А й на свою я несчётну золоту казну
«А й повыкуплю я какъ всѣ товары новгородскіе,
«А какъ всѣ худы́ товары в добрые,
«А что не буде болѣ товаровъ въ продажѣ во городи».
А й какъ ставали тутъ настоятели вѣдь новгородскіе,
А й Ѳома да Назарьевъ вѣдь,
А Лука да Зиновьевъ вѣдь,
А й какъ тутъ ставали да на рѣзвы́ ноги,
А й какъ говорили самы́ вѣдь да таковы слова:
— Ай же ты Садке купецъ богатый новгородскій!
— А о чомъ ли о многомъ бьешь съ намы о великъ заклад
— Ежели выкупишь товары новгородскіе,
— А й худы товары всѣ добрыи,
— Чтобы не было въ продажѣ товаровъ да во городи?—
А й говорилъ Садке имъ намѣсто таковы слова:
«Ай же вы настоятели новгородскіе!
«А сколько угодно у меня фатитъ заложить безсчётной зо
той казны».

А й говоря настоятели намѣсто новгородскіе:
— Ай же ты Садке да новгородскій!
— А хошь ударь съ намы ты о тридцати о тысячахъ. —
А ударилъ Садкé о тридцати да вѣдь о тысячахъ.
А й какъ всѣ со честнаго пи́ру розъѣзжалисе,
А й какъ всѣ со честнаго пи́ру розбиралисе
А й какъ по своимъ домамъ по своимъ мѣстамъ;
А й какъ тутъ Садке купецъ богатый новгородскіій,
А й какъ онъ на другой день вставалъ по утру да по раному,
А й какъ вѣдь будилъ онъ свою вѣдь дружиннушку хоробрую,
А й давалъ какъ онъ да дружиннушки
А й какъ до́любви онъ безсчётныи золоты́ казны;
А какъ спущалъ онъ по улицамъ торговымъ,
А й какъ самъ прямо шолъ во гостиной рядъ,
А й какъ тутъ повыкупилъ онъ товары новгородскіе,
А й худы товары всѣ добрые.
А й ставалъ какъ на дру́гой день
Садкѐ купецъ богатый новгородскіій,
А й какъ онъ будилъ дружиннушку хоробрую,
А й давалъ ужъ какъ до́любви безсчётныи золоты́ казны,
А й какъ самъ прямо шолъ во гостиный рядъ, —
А й какъ тутъ много товаровъ принавéзено,
А й какъ много товаровъ принаполнено
А й на ту на славу великую новгородскую;
Онъ повыкупилъ еще товары новгородскіе,
А й худы товары всѣ добрые.
А й на третій день ставалъ Садкѐ купецъ богатый новгородскіій,
А й будилъ какъ онъ да дружиннушку хоробрую,
А й давалъ ужъ какъ до́любви дружиннушки
А й какъ много несчётной золотой казны,
А й какъ роспущалъ онъ дружиннушку по улицамъ торговымъ,

А й какъ самъ онъ прямо шолъ да во гостиный рядъ, —
А й какъ тутъ на славу великую новгородскую
А й подоспѣли какъ товары вѣдь московскіе,
А й какъ тутъ пришаполнился какъ гостиной рядъ
А й дорогима товарамы вѣдь московскима.
А й какъ тутъ Садке теперь да пораздумался:
«А й какъ я повыкуплю еще товары всѣ московскіе, —
«А й на тую на славу великую новгородскую
«А й подоспѣютъ вѣдь какъ товары заморскіе,
«А й какъ вѣдь теперь ужъ какъ мнѣ Садку
«А й не выкупить какъ товаровъ вѣдь
«Со всёго да со бѣла́ свѣту.
«А й какъ лучше пусть не я да богатѣе,
«А Садкѣ купецъ да новгородскіій,
«А й какъ пусть побога́тѣе менл славный Новъгородъ,
«Что не могъ не я да повыкупить
«А й товаровъ новгородскіихъ,
«Чтобы не было продажи да во городи;
«А лучше отдамъ я денежокъ тридцать тысячей,
«Залогъ свой великіій!»
А отдавалъ ужъ какъ денежокъ тридцать тысячей,
Отпирался отъ залогу да великаго.
А потомъ какъ построилъ тридцать ка́раблей,
Тридцать ка́раблей, тридцать че́рныхъ,
А й какъ вѣдь свалилъ онъ товары новгородскіе
А й на черныи на корабли,
А й поѣхалъ торговать купецъ богатый новгородскіій
А й какъ на своихъ на черныхъ на ка́рабляхъ.
А поѣхалъ онъ да по Волхову,
А й со Волхова онъ во Ладожско,
А со Ладожскаго выплываль да во Неву рѣку,
А й какъ со Невы́ рѣки какъ выѣхалъ на синё морё.
А й какъ ѣхалъ онъ по синю́ морю,
А й какъ тутъ воротилъ онъ въ Золоту Орду.

А й какъ тамъ продавалъ онъ товары да вѣдь новгородскіе,
А й получалъ онъ барыши теперь великіе,
А й какъ насы́палъ онъ бочки вѣдь сорокóвки-ты
А й какъ краснаго золота;
А й насыпалъ онъ много бочекъ да чистаго сéребра,
А еще насыпа́лъ онъ много бочекъ мелкаго онъ крупнаго скатняго жемчугу.
А какъ потомъ поѣхалъ онъ зъ-за Золотой Орды,
А й какъ выѣхалъ топеречку опять да на синё морё,
А й какъ на синемъ морѣ устоялисе да черны ка́рабли,
А й какъ волной-то бьетъ и паруса-то рветъ,
А й какъ ломатъ черны ка́рабли,
А все съ мѣста не йдутъ черны ка́рабли.
А й воспрогóворилъ Садкѐ купецъ богатый новгородскіій
А й ко своей онъ дружинушки хоробрыи:
«Ай же ты дружина хоробрая!
«А й какъ сколько ни по морю ѣздили,
«А мы Морскому Царю дани да не плачивали.
«А теперь-то дани требуетъ Морской-то Царь въ синё морё»
А й тутъ говорилъ Садкѐ купецъ богатый новгородскіій:
«Ай же ты дружина хоробрая!
«А й возьмите-тко вы мечи-тко въ синё морё
«А й какъ бочку сороковку краснаго золота».
А й какъ тутъ дружина да хоробрая
А й какъ брали бочку сороковку краснаго золота,
А мётáли бочку въ синё морё.
А й какъ все волной-то бьетъ, паруса-то рветъ,
А й ломатъ черны ка́рабли да на синём морн,
Всё не йдутъ съ мѣста ка́рабли да на синём мори.
А й опять воспрогóворилъ Садке купецъ богатый новгородскіій
А й своей какъ дружинушки хоробрыи:
«Ай же ты дружинушка моя ты хоробрая!
«А видно мало этой дани Царю Морскому въ синё морё.

«А й возьмите-тко вы мечи-тко въ синё морё
«А й какъ другую вѣдь бочку чистаго сéребра».
А й какъ тутъ дружинушка хоробрая
А кидали какъ дрýгую бочку въ синё морё
А какъ чистаго да сéребра.
А й какъ все волной-то бьетъ, паруса-то рветъ,
А й ломатъ черны кáрабли да на синёмъ мори,
А все не йдутъ съ мѣста кáрабля да на синёмъ мори.
А й какъ тутъ говорилъ Садкѐ купецъ богатый новгородскій
А й какъ своёй онъ дружинушки хоробрыи:
«Ай же ты дружина хоробрая!
«А видно этой мало какъ дани въ синё морё.
«А берите-тко третью бочку да крупнаго мелкаго скатнаго жемчугу,
«А кидайте-тко бочку въ синё морё».
А какъ тутъ дружина хоробрая
А й какъ брали бочку крупнаго мелкаго скатнаго жемчугу,
А кидали бочку въ синё морё.
А й какъ все на синёмъ мори стоятъ да черны кáрабли,
А й волной-то бьетъ, паруса-то рветъ,
А й какъ все ломатъ черны кáрабли,
А й все съ мѣста не йдутъ да черны кáрабли.
А й какъ тутъ говорилъ Садкѐ купецъ богатый новгородскій
А своёй какъ дружинушки онъ хоробрыи:
«Ай же ты любезнай какъ дружинушка да хоробрая!
«А видно Морской-то Царь требуе какъ живой головы у насъ въ синё морё
«Ай же ты дружина хоробрая!
«А й возьмите-тко ужъ какъ дѣлайте
«А й да жéребья да себѣ вóлжаны,
«А й какъ всякъ свои имена вы пишите на жéребьи,
«А спущайте жеребья на синё морё;

«А я сдѣлаю себѣ-то я жеребей на красное-то на золото [1]).
«А й какъ спустимъ жеребья теперь мы на синё морё,
«А й какъ чей у насъ жеребей теперь да ко дну пойдетъ,
«А тому итти какъ у насъ да въ синё морё».
А у всёй какъ у дружины хоробрыи
А й жеребья́ теперь гоголёмъ пловутъ,
А й у Садка купца гостя богатаго да ключомъ на дно.
А й говорилъ Садке таковы слова:
«А й какъ эты же́ребьи есть неправильни;
«А й вы сдѣлайте жеребьи какъ на красное да золото,
«А я сдѣлаю жеребей да дубовыи.
«А й какъ вы пишите всякъ свои́ имена да на же́ребьи,
«А й спущайте-тко жеребьи на синё морё.
«А й какъ чей у насъ же́ребей да ко дну пойдетъ,
«А тому какъ у насъ итти да въ синё морё».
А й какъ вся тутъ дружинушка хоробрая
А й спущали жеребья́ на синё морё,
А й у всёй какъ у дружинушки хоробрыи
А й какъ всѣ жеребья́ какъ теперь да гоголёмъ пловутъ,
А Садковъ какъ же́ребей да теперь ключомъ на дно.
А й опять говорилъ Садке да таковы слова:
«А какъ эты жеребьи есть неправильни.
«Ай же ты дружина хоробрая!
«А й какъ дѣлайте вы какъ жеребьи дубовыи,
«А й какъ сдѣлаю я жеребей липовой,
«А какъ будемъ писать мы и́мена всѣ на жеребьи,
«А спущать ужъ какъ будемъ жеребья́ мы на синё морё,
«А теперь какъ въ остатнихъ [2])
«Какъ чей теперь жеребей ко дну пойдетъ,
«А й тому какъ итти у насъ да въ синё морё».
А й какъ тутъ вся дружина хоробрая

---

1) Т. е., какъ объяснилъ сказитель, съ золотою надписью.
2) Т. е. въ послѣдній разъ.

А й какъ дѣлали жеребьи всѣ дубовые,
А онъ дѣлалъ ужъ какъ жеребей себѣ липовой.
А й какъ всякъ свои имена да писали на жеребьи,
А й спущали жеребья на синё морё.
А у всёй дружинушки вѣдь хоробрыей
А й жеребья теперь гоголемъ плывутъ да на синёмъ морѣ,
А й у Садка купца богатаго новгородскаго ключомъ на дно.
А какъ тутъ говорилъ Садкѣ таковы слова:
«А й какъ видно Садку да дѣлать теперь нечего,
«А й самого Садка требуетъ Царь Морской да въ синё морё.
«Ай же ты дружинушка моя да хоробрая любезная!
«А й возьмите-тко вы несите-тко
«А й мою какъ чернильницу вы вальячную,
«А й неси-тко какъ перо лебединое,
«А й несите-тко вы бумаги теперь вы мнѣ гербовыи».
А й какъ тутъ какъ дружинушка вѣдь хоробрая
А несли ему какъ чернильницу да вальячную,
А й несли какъ перо лебединое,
А й несли какъ листъ-бумагу какъ гербовую.
А й какъ тутъ Садкѣ купецъ богатый новгородскіій
А садился ёнъ на ременчатъ стулъ
А къ тому онъ къ столику ко дубовому,
А й какъ началъ онъ имѣньица своего да онъ отписывать,
А какъ отписывалъ онъ имѣнья по Божьимъ церквамъ,
А й какъ много отписывалъ онъ имѣнья нищей братіи,
А какъ ино имѣньицо онъ отписывалъ да молодой жены,
А й достальнёё имѣнье отписывалъ дружины онъ хоробрыей.
А й какъ самъ потомъ заплакалъ ёнъ,
Говорилъ ёнъ какъ дружинушкѣ хоробрыей:
«Ай же ты дружина хоробрая да любезная!
«А й полагайте вы доску дубовую на синё морё,
«А что мнѣ свалиться Садку мнѣ-ка на доску,
«А не то какъ страшно мнѣ принять смерть во синёмъ
морѣ».

А й какъ тутъ онъ еще взималъ съ собой свои гусёлка яровчаты,
А й заплакалъ горько, прощался ёнъ съ дружинушкой хороброю,
А й прощался ёнъ топеречку со всимъ да со бѣлы́мъ свѣтомъ,
А й какъ онъ топеречку какъ прощался вѣдь
А со своимъ онъ со Новы́мъ со го́родомъ;
А потомъ свалился на́ доску онъ на дубовую,
А й понесло какъ Садка на́ доски да по сине́ морю.
А й какъ тутъ побѣжали черны-ты ка́рабли,
А й какъ будто полетѣли черны вороны;
А й какъ тутъ остался теперь Садкѐ да на сине́мъ мори.
А й какъ вѣдь со страху великаго
А заснулъ Садке на той доскѣ на дубовыи.
А какъ вѣдь проснулся Садке купецъ богатыи новгородскіій
А й въ Окіянъ-мори да на самомъ дни,
А увидѣлъ — скрозь воду пекетъ красно солнушко,
А какъ вѣдь очудилась *(такъ)* возлѣ полата бѣлокаменна,
А заходилъ какъ онъ въ полату бѣлокаменну,
А й сидитъ теперь какъ во полатушкахъ
А й какъ Царь-то Морской теперь на стули вѣдь,
А й говорилъ Царь-то Морской таковы слова:
— А й какъ здравствуйте купецъ богатыи,
— Садке да новгородскіій!
— А й какъ сколько ни по морю ѣздилъ ты,
— А й какъ Морскому Царю дани не плачивалъ въ синё морё,
— А й теперь ужъ самъ весь пришолъ ко мнѣ да во подарочкахъ.
— Ахъ скажутъ, ты мастёръ играть во гусли во яровчаты:
— А поиграй-ко мнѣ какъ въ гусли во яровчаты. —
А какъ тутъ Садкѐ видитъ, въ синемъ морѣ дѣлать нечего,
Принужонъ онъ играть какъ во гусли во яровчаты;
А й какъ началъ играть Садкѐ какъ во гусли во яровчаты,

А какъ началъ плясать Царь Морской теперь въ синёмъ
мори,
А отъ него сколебалосе все синё морё
А сходиласе волна да на синёмъ мори,
А й какъ сталъ онъ розбивать много черныхъ ка́раблей да
на синёмъ мори,
А й какъ много стало вѣдь тонуть народу да въ синё морё,
А й какъ много стало гинуть имѣньица да въ синё морё.
А какъ теперь на синёмъ мори многи люди добрыи,
А й какъ многи вѣдь да люди православные,
Отъ желаньица какъ мо́лятся Миколы да Можайскому,
А й чтобы повышесъ Микулай ихъ угодникъ изъ синя́ моря.
А какъ тутъ Садка́ новгородскаго какъ чёсну́ло въ плечо
да во правое,
А й какъ обернулся назадъ Садкѐ купецъ богатый новго-
родскіій,
А стонтъ какъ теперь старичокъ да назади ужъ какъ бѣлы
сѣдатыи,
А й какъ говорилъ да старичокъ таковы слова:
«А й какъ поляно те играть, Садкѐ, во гусли во яровчаты
въ синёмъ мори!»
А й говоритъ Садке какъ намѣсто таковы слова:
— А й теперь у миня не своя воля да въ синёмъ мори,
— Заставлятъ какъ играть ме́ня Царь Морской. —
А й говорилъ опять старичокъ намѣсто таковы слова:
«А й какъ ты, Садкѐ купецъ богатый новгородскіій,
«А й какъ ты струночки повырви-ко,
«Какъ шпишёчики повы́ломай,
«А й какъ ты скажи теперь Царю Морскому вѣдь:
«А й у миня струнъ не случилосе,
«Шпишёчиковъ у миня не пригодилосе,
«А й какъ болѣ играть у миня не во что.
«А тебѣ скаже какъ Царь Морской:
«А й не угодно ли тебѣ Садкѐ женитися въ синё́мъ мори

«А й на душечкѣ какъ на красной на дѣвушкѣ?
«А й какъ ты скажи ему теперь да въ синéмъ мори,
«А й скажи: Царь Морской, какъ воля твоя теперь въ синéмъ мори,
«А й какъ что ты знашь, то и дѣлай-ко.
«А й какъ онъ скажетъ тебѣ да теперечку:
«А й зáутра ты приготовляйся-тко,
«А й Садке купецъ богатый новгородскіій,
«А й выбирай, какъ скажетъ, ты дѣвúцу себѣ пó уму по разуму,
«Такъ ты смотри, перво тристá дѣвицъ ты стадо прóпусти,
«А ты другое тристá дѣвицъ ты стадо прóпусти,
«А какъ третье тристá дѣвицъ ты стадо прóпусти,
«А въ томъ стади на конци на остатніемъ
«А й идетъ какъ дѣвица красавица,
«А по фамиліи какъ Чернава-то:
«Такъ ты эту Чернаву-то бери въ замужество;
«А й тогда ты Садке да счастливъ будешь.
«А й какъ лягешь спать первой ночи вѣдь,
«А смотри, не твори блудá никакого-то
«Съ той дѣвицей со Чернавою.
«Какъ проснешься тутъ ты въ синéмъ мори,
«Такъ будешь въ Новѣ градѣ на крутомъ кряжу,
«А о ту о ричéнку о Чернаву-ту.
«А ежели сотворишь какъ блудъ ты въ синéмъ мори,
«Такъ ты останешься на вѣки да въ синéмъ мори.
«А когда ты будешь вѣдь на святой Руси,
«Да во своёмъ да ты да во городи,
«А й тогда построй ты церковь соборную
«Да Николы да Можайскому,
«А й какъ есть я Микола Можайскіій».
А какъ тутъ потерялся теперь старичокъ да сѣдатыій.
А й какъ тутъ Садке купецъ богатый новгородскій въ синёмъ мори

А й какъ струночки онъ повы́рывалъ,
Шпинёчики у гусёлышекъ повыломалъ,
А не сталъ вѣдь онъ болѣ играти во гусли во яровчаты.
А й остоялся какъ Царь Морской,
Не сталъ плясать онъ теперь въ синёмъ мори.
А й какъ самъ говорилъ ужъ Царь таковы слова:
— А что же не играшь, Садке купецъ богатый новгородскіій,
— А й во гусли вѣдь да во яровчаты? —
А й говорилъ Садке таковы слова:
«А й теперь струночки какъ я повы́рывалъ,
«Шпинёчики я повыломалъ,
«А у меня болѣ съ собой ничего да не случилосе».
А й какъ говорилъ Царь Морской:
— Не угодно ли тебѣ женитися, Садке, въ синёмъ мори,
— А й какъ вѣдь на душечкѣ на красной да на дѣвушкѣ? —
А й какъ онъ намѣсто вѣдь говорилъ ему:
«А й теперь какъ волюшка твоя надо мной въ синёмъ мори».
А й какъ тутъ говорилъ ужъ Царь Морской:
— Ай же ты Садке купецъ богатый новгородскіій!
— А й за́утра выбирай себѣ дѣви́цу да красавицу
— По уму себѣ да по разуму. —
А й какъ дошло дѣло до утра вѣдь до раннаго,
А й какъ сталъ Садке купецъ богатый новгородскіій,
А й какъ пошолъ выбирать себѣ дѣвицы красавицы,
А й посмотритъ, стоитъ ужъ какъ Царь Морской.
А й какъ триста́ дѣвицъ повели мимо ихъ-то вѣдь,
А онъ-то перво триста́ дѣвицъ да стадо про́пустилъ,
А друго онъ триста́ дѣвицъ да стадо про́пустилъ,
А й третье онъ триста́ дѣвицъ да стадо про́пустилъ.
А посмотритъ, позади идетъ дѣвица красавица,
А й по фамиліи что какъ зовутъ Черна́вою.
А онъ ту Черна́ву любовалъ, бралъ за себя во замужество.
А й какъ тутъ говорилъ Царь Морской таковы слова:

— А й какъ ты умѣлъ да женитися, Садке, въ синёмъ мори.—
А теперь какъ пошло у нихъ столованье да почестенъ пиръ
въ синёмъ мори,
А й какъ тутъ прошло у нихъ столованье да почестенъ пиръ,
А какъ тутъ ложился спать Садкѐ купецъ богатый новгородскіій
А въ синёмъ мори онъ съ дѣвицею съ красавицей,
А во спальней онъ да во тёплоей;
А й не творилъ съ нёй блудá никакова, да заснулъ въ сонъ
во крѣпкіи.
А й какъ онъ проснулся Садкѐ купецъ богатый новгородскіій,
Ажно очудился Садкѐ во своёмъ да во городи,
О рѣку о Чернаву на крутóмъ кряжу.
А й какъ тутъ увидѣлъ, — бѣжатъ по Волхову
А свои да черныи да кáрабли,
А какъ вѣдь дружинушка какъ хоробрая
А поминаютъ вѣдь Садка въ синёмъ мори,
А й Садка купца богатаго да жена его
А поминатъ Садка со всей дружиною хороброю.
А какъ тутъ увидла дружинушка,
Что стоитъ Садкѐ на крутомъ кряжу да о Волхово,
А й какъ тутъ дружинушка вся она росчудоваласе,
А й какъ тому чуду вѣдь сдивоваласе,
Что оставили мы Садка да на синёмъ мори,
А Садкѐ впереди насъ да во своемъ во городи.
А й какъ встрѣтилъ вѣдь Садкѐ дружинушку хоробрую,
Вси черные тутъ кáрабли,
А какъ теперь поздоровкались,
Пошли во полаты Садка купца богатаго.
А какъ онъ теперечку здоровкался со своею съ молодой
женой.
А й теперь какъ онѣ послѣ этого

А й повыгрузилъ онъ со ка́раблей
А какъ всё своё да онъ имѣньицо,
А й повыкатилъ какъ ёнъ всю свою да несчётну золоту казну.
А й теперь какъ на свою онъ несчетну золоту казну
А й какъ сдѣлалъ церковь соборную
Николы да Можайскому,
А й какъ дру́гую церковь сдѣлалъ Пресвятыя Богородицы.
А й теперь какъ вѣдь да послѣ этого
А й какъ началъ Господу Богу онъ да молитися,
А й о своихъ грѣхахъ да онъ процатися;
А какъ болѣ не сталъ выѣзжать да на синё морё,
А й какъ сталъ проживать во своёмъ да онъ во городи.
А й теперь какъ вѣдь да послѣ этого
А й тому да всему да славы́ поютъ.

Записано тамъ же, 1 августа.

71.

НАѢЗДЪ ЛИТОВЦЕВЪ.

А й какъ у Чемба́ла короля у Литовскаго
А й какъ былъ столованье почестенъ пиръ,
А для своихъ какъ для ба́новьёвъ для ула́новьёвъ,
А для бурзо́въ погапыихъ татаровьевъ.
А й какъ вси на пиру напивалисе,
А й какъ вси на пиру да наѣдалисе,
А й пофальбамы всѣ пофалялисе.
А й какъ вѣдь король по полатушкамъ какъ похажпватъ,
А й король какъ увидѣлъ за тыма́ столамы дубовыма,
А й увидѣлъ ёнъ, сидятъ два любезныихъ племянника,
А й не пьютъ да не кушаютъ,
Бѣлой лебеди да не рушаютъ,

А сидятъ, повѣшены буйныя головушки
А й пониже своихъ плечъ могучіихъ,
А й притуплены очушки ясныи въ кирпичной полъ,
Призадумались удалы добры молодцы.
Л говорилъ имъ какъ родитель свой ужъ какъ дядюшка,
А й Чембалъ король да Литовскіій:
«Лй же вы два витничка два совѣтничка,
«А й два любезныихъ королевскіихъ да племянника!
«А й сидите за столамы дубовыма,
«А й какъ не пьете вы не кушаѣте,
«Бѣлой лебеди вы не рушаѣте,
«А й повѣсили буйны головы ниже плечъ своихъ могучіихъ,
«А й притупили какъ очушки ясныи во кирпичной полъ.
«А развѣ вамъ какъ напиточки мои не по нраву-то,
«А ѣствы мои не по обычаю,
«Алп мужикъ деревенщина
«А обнесъ васъ словамы да нехорошима,
«Али вы каку ни незгодушку свѣдали
«А й надъ своей да надъ буйной головушкой,
«Али вы какъ да въ чистомъ поли
«Аль заслышали рать-силу каку нибудь великую?»
А й оны говорятъ ему таковы слова:
— Ай же ты родитель ты нашъ дядюшка,
— А й Чембалъ король да ты Литовскіій!
— Никакой вѣдь какъ мужикъ деревенщина
— Не обиссъ насъ словамы нехорошима,
— Никакой вѣдь мы незгодушки не свѣдали,
— А никакой рать-силы великіи да не наслышали
— А й какъ мы да въ чистомъ поли;
— А й какъ ѣствы намъ всѣ по нраву-то,
— А й напиточки да по обычаю,
— А й какъ только не можемъ боль терпѣть славы да великіи
— А й про князя Романа Митріевича:
— А й про его слава иде да великая

— А й по всимъ землямъ по всимъ ордамъ,
— А й по всимъ чужимъ дальнимъ сторонушкамъ.
— А й родитель ты нашъ дядюшка,
— А й Чембалъ король да Литовскія!
— А й давай-ко силы намъ да сорокъ тысячей,
— А й поѣдемъ мы на святую Русь,
— А ко князю Роману Митріевичу,
— А подъ матушку славну каменну́ Москву. —
А й говорилъ имъ ужъ какъ дядюшка:
«Ай же вы два любезныя племянника!
«А у меня была пора-сила великая,
«Я не смѣлъ ѣхать да на святую Русь
«А ко князю Роману Митріевичу,
«А й потому что я да слыхалъ теперь,
«А й какъ князь Романъ Ми́трьевичъ,
«А во матушки славной каменно́й Москвы,
«А какъ ёнъ да хитёръ мудёръ,
«А какъ знать язы́ки какъ ужъ птичьи,
«Знатъ ёнъ язы́ки какъ врани́ныя,
«А какъ ёнъ мастеръ вѣдь по полямъ скакать,
«А й по полямъ скакать да онъ сѣры́мъ волкомъ,
«А по темнымъ лѣсамъ летать да чернымъ ворономъ,
«А по крутымъ горамъ скакать черны́мъ да горносталюшкомъ,
«А й какъ по синимъ морямъ плавать сѣрой утушкой:
«Такъ вѣдь я терпѣлъ славу ужъ какъ вѣкъ по́ вѣку,
«А не смѣлъ я ѣхать на святую Русь.
«А й какъ сколько ни я слыхалъ, на святую Русь
«А какъ силушки важивали,
«А взадъ ужъ какъ силушки вѣкъ не вываживали.
«А й какъ я дамъ вамъ силы вѣдь сорокъ тысячей,
«А какъ силу-войско все вѣдь латничковъ я кольчужниковъ,
«А силу-войско на добры́хъ коняхъ,
«А поѣзжайте-тко во землю во Лимоньскую,

«А й какъ та земля есть пребогатѣюща,
«А й какъ въ той земли много есть краснаго золота,
«А й какъ въ той земли много есть да чиста се́ребра,
«А й какъ много есть мелкаго скатняго да жемчугу,
«А силы-рати въ ней мало можется:
«А й какъ можете тую землю въ полонъ-то взять».
А й любезныи племянники да согласилисе.
А й какъ давалъ вѣдь имъ дядюшка
А Чембалъ король Литовскіій
А й какъ силушки сорокъ тысячей,
А й какъ силушку войско вѣдь на добры́хъ коняхъ,
А й все латничковъ все кольчужничковъ,
А й отпущалъ ихъ во землю вѣдь да во Лимоньскую.
А й какъ отправились оны да поѣхали
А со всей со ратью со силой великою;
А й какъ съѣхали во землю вѣдь во Лимоньскую,
А тую землю всю въ полонъ взяли,
А й самого короля предали смерти да злою вѣдь.
А й какъ съ той земли со Лимоньскіей
А какъ по́гнали добры́хъ коней
А стады́-ты стадамы вѣдь,
А й повели какъ добрыхъ мо́лодцевъ
А ряды́-ты рядамы вѣдь;
А й какъ вели моло́дыихъ моло́душокъ,
А какъ красныихъ дѣвушокъ,
А и повели оны толпи́цами.
А й какъ краснаго золота,
А й какъ чистаго да се́ребра,
А й какъ мелкаго скатняго да же́мчугу
А покатили многи телѣги да ордынскіи.
А какъ выѣхали на славное чисто́ полё,
А й какъ на чисто́мъ полѣ пораздумались:
А однакоже вышла намъ путь счастливая!
А й два братца вѣдь два родимыихъ,

А й два любезныхъ королевскіихъ племянника,
А й говоря какъ самы промéжъ собой:
— А однакоже когда вышла намъ путь счастливая,
— А й поѣдемъ-ка мы на святую Русь,
— А й подъ матушку славную каменну́ Москву,
— А ко князю Роману Митріёвичу. —
А й какъ взяли оны да отправились,
А й пріѣхали какъ подъ матушку славну каменну́ Москву.
А подъ той какъ подъ матушкой славной каменно́й Москвой
А розбили четыре села да, что ни лучшіихъ,
А какъ перво село Лягово,
А какъ дру́го село Коротяево,
А какъ третьее село Карачаево,
А какъ четвертое село что ни лучшее Косы-улицы.
А у князя Романа Митріёвича
А й убили зятя любезнаго,
А й увезли Настасью вѣдь да Митріевичну
А й со любезной какъ со пле́мянчкой съ трехъ да ме́сячной.
А й увезли оны какъ ко рубежу ко московскому,
А й какъ тутъ роздёрнули шатры оны да шолковы,
А й какъ начали стоять добры молодцы,
А дожидаютъ какъ осени богатыей хлѣбородныей:
А й будетъ бора́нъ тучёнъ, да овёсъ ядрёнъ,
А й когда повыростутъ пшеницы вѣдь да бѣлоярыи,
А й тогда оны грозятся какъ заѣхати
А й во матушку славну каменну́ Москву,
А ко князю Роману вѣдь да Митріёвичу.
А й говорятъ какъ самы промéжъ собой:
— А й московскій князь Ро́манъ Митрьевичъ
— А й не смѣлъ какъ намъ показаться на свѣтлы очи! —
А й во матушки славной каменно́й Москвы
А у князя Романа Митріёвича
А какъ былъ забранъ столованье почестенъ пиръ,
А й какъ для ради своего силы-войска великаго,

А й какъ для ради своихъ сильнихъ могучихъ богáтырей;
А какъ пьетъ-то онъ, кушатъ, проклаждается,
А й незгодушки великіи да не начается.
А какъ летитъ вóронъ черныи мимо подóконьё,
А й садился какъ супротúвъ князя Романа Митрiёвича
А й какъ воронъ во садъ да во зеленыiй,
А й какъ ёнъ на яблонь на кудрявую;
А й грае воронъ вѣдь да по вранином у:
«Ай же ты московскiй князь Рóманъ Митрьевичъ!
«Пьешь ты, кушашь вѣдь да проклаждаешься,
«А й надъ собой незгодушки да не начаешься!
«А й отъ Чембала короля отъ Литовскаго
«А й наѣхало два любезныихъ два племянника
«А й подъ матушку славную каменнýю Москву,
«А й розбили твои четыре села да что ни лучшiихъ:
«А перво село ужъ какъ Лягово,
«А дрýго какъ село да Коротяево,
«А й какъ третьеё село да Карачаево,
«А четвертоё село да Косы-улицы,
«А й убили твоего зятя любезнаго,
«А увезли твою сестрицу родимую,
«А й какъ вѣдь Настасью вѣдь да Матрiёвичну,
«А со своимъ да со младенчикомъ,
«А со младенчикомъ съ трёхъ да мѣсячнымъ,
«А й ко рубежу ко московскому.
«А стоятъ оны какъ у рубежа да у москóвскаго,
«А й какъ спущены у ихъ добры́ кони
«А во вашiи во травки во шолковы,
«А во вашiи пшеницы вѣдь да бѣлоярыи.
«А й дожидаютъ осени какъ богатыей хлѣбородныей;
«А й когда вѣдь будетъ борáнъ тучёнъ да овесъ ядрёнъ,
«А й повыростутъ пшеницы бѣлоярыи,
«А тогда еще грозятся заѣхати
«А й во матушку славну каменнýю Москву;

«А еще говорятъ ёны самы промежъ собой:
«А что московскіій князь Ро́манъ Митрьевичъ
«А не смѣлъ намъ показаться на свѣтлы́ очи».
А какъ тутъ московскіій князь Ро́манъ Митрьевичъ
А й ставалъ какъ онъ да на рѣзвы́ ноги,
А й говорилъ онъ таковы слова:
— А й же сила вы, сила какъ любезная, войско сорокъ тысячей,
— А всѣ князи бояра вѣдь,
— А сенато́ры мои да думныи!
— А пьете́, кушаете, проклаждаетесь,
— А й надъ собой незгодушки какъ не начаетесь.
— А получилъ я какъ сейчасъ ужъ какъ вѣсточку нерадостну,
— А какъ вѣсть-то я нехорошую:
— А вѣдь отъ Чембала короля отъ Литовскаго
— А й наѣхало два любезныихъ два племянника,
— А й подъ нашу матушку славную каменну Москву,
— А й розбили наши четыре села да что ни лучшіихъ:
— А перво село ужъ какъ Лягово,
— А дру́го какъ село да Коротяево,
— А й какъ третьеё село да Карачаево,
— А четвертоё село да Косы-улицы,
— А й убили моего зятя любезнаго,
— А увезли мою сестрицу родимую,
— А й какъ вѣдь Настасью вѣдь да Митріевичну,
— А со своимъ да со младенчикомъ,
— А со младенчикомъ съ трёхъ да мѣсячнымъ,
— А й ко рубежу ко московскому.
— А стоятъ оны какъ у рубежа да у московскаго,
— А й какъ спущены у ихъ добры́ кони
— А во нашіи во травки во шолковы,
— А во нашіи пшеницы вѣдь да бѣлоярыи,
— А й дожидаютъ осени какъ богатыей хлѣбородныей;

— А й когда вѣдь будетъ боранъ тучёнъ да овесъ ядрёнъ,
— А й повыростутъ пшеницы бѣлоярыи,
— А тогда еще грозятся заѣхати
— А й во матушку славну каменну́ю Москву.
— Ай же сила моя все войско вы сорокъ тысячей,
— А какъ сила войско латнички все кольчужнички,
— А сила войско все на добры́хъ коняхъ!
— А вы сѣдлайте-тко да уздайте добры́хъ коней
— А й крѣпко-на-крѣпко туго-на́-туго,
— А поѣдемъ мы за има́ вслѣдъ топерь съ угоною,
— А й чтобы королевская какъ щёпядь да бѣлогубая,
— А чтобы ёна могла да намы фастати,
— А й какъ фастати нашей матушкой славной каменно́й Москвой!
— А топерь какъ мы поѣдемъ вслѣдъ да съ угоною. —
А сила войско все сорокъ тысячей
А сѣдлали уздали добры́хъ коней,
А й туго-на-туго крѣпко-на-крѣпко,
А какъ всѣ садилисе на добры́хъ коней,
А й поѣхали вслѣдъ съ угоною;
А й какъ всѣ оны да отправились,
А отправился московскій съ нима́ князь Ро́манъ Ми́трьевичъ.
А пріѣзжали какъ оны ко рѣки да ко Березины,
А й какъ вѣдь московскій князь Ро́манъ Ми́трьевичъ
А припущалъ да свою силушку
А какъ пить да ко рѣки ко Березины,
А начала сила пить во рѣки во Березины,
А й какъ сила пи́ла во рѣки во Березины,
А какъ смотритъ на силушку
А й московскій князь Ро́манъ Ми́трьевичъ:
А какъ и́на сила пьетъ да нападкою,
А и́на сила пьетъ шоломамы да черпушкамы.
А й московскіій князь Ро́манъ Ми́трьевичъ
А й говорилъ ёнъ да таковы слова

А силы любезною:
— Ай же сила моя вы любезная,
— А сила войско сорокъ тысячей!
— А й котора сила пи́ла нападкою,
— А поѣзжайте-тко а й взадъ да во матушку славную каменну́ Москву,
— А й той силушки на бою да мертво́й-то быть. —
А й котора сила пила шоломамы черпушкамы,
А й какъ тую силу за собой-то бралъ,
А й какъ выѣхалъ онъ на да́лечо на дале́чо на чисто́ поле́,
Становилъ свою силу на чисто́мъ поли,
А й какъ самъ своей силы ёнъ наказывалъ:
— Ай же сила любезная моя, войско сорокъ тысячей!
— А й вы какъ кормите-тко вы добры́хъ коней,
— А не травкамы вы не шо́лковма *(такъ)*,
— А й кормите-тко пшеницамы да бѣлоярыма,
— А самы слухайте:
— А й загра́ю я перво́й наконъ да по врапиному,
— А й какъ да сѣдлайте-тко уздайте-тко добры́хъ коней;
— А заграю я какъ второй наконъ по врапиному,
— А какъ вы приго́товля́йтесь-ко;
— А й заграю трете́й наконъ какъ я по врапиному,
— А какъ ѣдьте-ко скоры́мъ скоро̀, скоро-на́-скоро,
— А й заставайте-ко меня во живностяхъ. —
А й какъ самъ обернулся онъ чернымъ ворономъ,
Полетѣлъ какъ онъ да по чисту́ полю,
А прилеталъ какъ онъ ко рубежу ко московскому;
А й какъ тамъ у ихъ какъ бѣлы шатры да пороздёрнуты,
А тамъ у ихъ добры́ кони пороспущены,
Пороспущены да по чисту́ полю;
А й у ихъ вѣдь сабелки какъ порозмётаны,
А какъ оружія порозмётаны;
А какъ копьица вострыи порозмётаны,
А й туги луки порозмётаны,

А й какъ сила крѣпко спитъ да не пробудится.
А й какъ вѣдь московскій князь Ро́манъ Ми́трьсвичъ
А й какъ о́бвернулся ёнъ да сѣры́мъ волкомъ,
А й какъ началъ ёнъ гонять ихныихъ добры́хъ коней,
А й какъ началъ гонять да по чисту́ полю,
А у и́ныхъ горлышка ёнъ повырвалъ вѣдь,
А и́ныхъ загналъ во рѣку да во Березину.
А й потомъ какъ обвернулся онъ тонкимъ бѣлымъ да горносталюшкомъ,
А й заскакивалъ къ нимъ онъ въ шатрики,
А й какъ тамъ теперь онъ у тугихъ луковъ
А й тетивочки какъ опъ да повыѣлъ вѣдь,
А у копьицовъ ко́нечки да всѣ повыломалъ,
У оружіевъ кремешки да всѣ повывертѣлъ,
А у сабелокъ всѣ остре́ица повыщипалъ.
А й какъ племянчка трехъ да мѣсячна
А провѣщилась язы́комъ она да по хорошему:
«Ай же ты родитель моя да матушка,
«А й Настасья Митріёвична!
«А твой братецъ любезныій,
«А какъ мой родитель да какъ дядюшка,
«А московскій князь Романъ Митрьевичъ
«А поскакива онъ по шатрику
«Тонкимъ бѣлымъ да горносталюшкомъ,
«А выручае насъ со полону ёнъ великаго».
А й какъ тутъ услышали два любезныихъ королевскіихъ
А два любезныхъ два племянника,
А какъ говорятъ самы вѣдь таковы слова:
— А ставай-ка наша сила войско великоё,
— А скоры́мъ скоро да скоро-на-скоро,
— А и́майте горносталюшка да во шатрикахъ! —
А начали имать горносталюшка да во шатрикахъ,
А й начали да закидывать
А й какъ шубкамы его да соболиныма,

А й какъ онъ по шубонькѣ, по рукавчику,
А й выскакивалъ да онъ на улушку.
А й какъ тамъ обвернулся онъ да чернымъ ворономъ,
А й какъ бы летѣлъ онъ на сы́рой дубъ,
А й какъ заграялъ онъ да во всю голову,
А й заграялъ онъ да по вранинному.
А й какъ сила его теперь да услышала,
А сѣдлаютъ уздаютъ добры́хъ коней.
А й говорятъ два любезныихъ племянника,
А й два любезныихъ королевскіихъ,
А й Чембала короля да Литовскаго,
А й говорятъ оны таковы слова:
— А й не грай, не грай, московскій князь Ро́манъ Митрьевичъ,
— А й какъ ты на сыромъ дубу,
— На сыромъ дубу да чернымъ вороном!
— А й мы натянемъ какъ своя да туги́ луки,
— А й мы кладёмъ свои калены́ стрѣлы,
— А мы спустимъ твою тушу о сыру землю,
— А й роспустимъ твое перье по чисту́ полю,
— А прольемъ твою кровь да по сыру дубу,
— Предаемъ ти смерть ужъ какъ въ чисто́мъ поли. —
А й какъ онъ заграялъ вѣдь второй наконъ по вранинному,
А й какъ сила его теперь услышала,
А й какъ начали вѣдь садиться да на добры́хъ коней,
А й какъ начали приготовлятися.
А й какъ говорятъ-то вѣдь два любезныихъ королевскіихъ племянника:
— А не грай, не грай, какъ московскіій
— А князь Ро́манъ Митрьевичъ чернымъ вороном,
— А какъ по вранинному на сыромъ дубу!
— А какъ мы натянемъ свои да туги луки,
— А й мы кладёмъ свои калены́ стрѣлы,
— А мы спустимъ твою тушу о сыру землю,
— А й роспустимъ твое перье по чисту́ полю,

— А прольемъ твою кровь да по сыру дубу,
— А предаимъ ти смертъ какъ мы скорую. —
А й заграялъ онъ третéй наконъ да по вранпому,
А й какъ сила ёгó топерь да услышала,
А й какъ вѣдь поѣхали скорúмъ скорò, скоро-нá-скоро.
Пріѣзжали какъ къ Литвы да поганыей,
А й какъ начали рубить оны Литву да поганую.
А й какъ тутъ какъ сила да невѣрная,
А й какъ сила вѣдь да литовская,
А хваталасе сила вѣдь да за тугúлуки,
А у тугихъ луковъ тетивочки всѣ повы́гѣдены;
А й какъ сила хваталасе за копьица,
А у копьицовъ кóнечки всѣ повы́ломаны;
А сила хваталась за оружіё,
А й у оружіёвъ крéмешки всѣ повы́верчены;
А сила хваталасе за вострыи за сабелки,
А й у сабелокъ всѣ остréпца какъ повы́щипаны.
А й тою порою тымъ какъ времечкомъ
А пресѣкли всю силушку литовскую,
А й какъ взымали двухъ королевскіихъ племянниковъ.
А й бóльшому брату копали вѣдь со лба да очи ясныи,
А й мéньшому отрубили ноги рѣзвыи,
А й садили безногаго на безглазаго,
А й отпущали во землю вѣдь да во литовскую,
А къ Чембалу къ королю ко Литовскому.
А й сказалъ московскій князь Романъ Митрьевичъ таковы слова:
«Ай же вы любезныихъ два королевскіихъ племянника!
«Сойдетé въ свою землю во литовскую,
«А къ своему ужъ къ дядюшкѣ
«Къ Чембалу королю ко Литовскому,
«А скажите-тко ему таковы слова:
«А что московскій князь Рóманъ Мúтрьевичъ
«А какъ старостью ёнъ не стáрѣетъ,

«А й голова ёго не сѣдатѣетъ,
«А сердце ёго да не ржавѣетъ,
«А слава́ ему вѣкъ по вѣку́ да не минуется».
А й какъ тутъ отправились два любезныихъ королевскіихъ племянника
А въ свою землю во литовскую.
А какъ князь Ро́манъ Митрьевичъ
Со своей онъ со силою
А отправился во матушку славну каменну́ Москву.
А й какъ тутъ два любезныихъ королевскіихъ два племянника
А й приходили какъ къ родителю ко дядюшки,
А къ Чембалу королю да ко Литовскому.
А увидѣлъ ихъ какъ дядюшка Чембалъ король Литовскіій
А какъ двухъ своихъ любезныихъ племянниковъ,
А пріѣхалъ какъ безногой на безглазоёмъ,
А й какъ самъ говорилъ какъ имъ таковы слова:
— Ай же вы два любезныихъ моихъ да два племянничка!
— А какъ я говорилъ, что не йдите-тко на славную на святую Русь
— А й подъ матушку славну каменну́ Москву,
— А й ко князю Роману вы да Митріёвичу,
— А й какъ князь Ро́манъ Ми́трьевичъ на святой Руси хитёръ-мудёръ,
— А что не вынести вамъ съ Русеюшки головушокъ.
— А какъ сколько ни на святую Русь какъ ѣзживано,
— А й какъ на святую Русь силы важívано,
— А й со святой Русеи силы взадъ не выважívали,
— А не бе́зъ чего[1]) отъ князя Ро́мана Митріёвича! —
А й говорили вѣдь два любезныихъ королевскіихъ племянника:
«А й родитель ты нашъ дядюшка,

---

1) Т. е. недавно.

«А Чембалъ король Литовскіій!
«А й казни насъ казенью своеручною,
«А й копай-ко насъ во матушку сыру́ землю,
«А не можемъ мы болѣ терпѣть безчестья да великаго,
«А что мы со святой Руси
«А пріѣхалъ какъ безногой на безглазоёмъ!»
А какъ дядюшка Чембалъ король да Литовскіій,
А хоша жалко было, только вѣдь казнилъ своихъ племянников
А своей казенью да своеручною,
А копалъ какъ ихъ во матушку сыру землю,
Хоронилъ ихъ со славою великою.
А й какъ двумъ королевскімъ да племянникамъ
А теперь да имъ славы́ поютъ.
А Дунай Дунай да болѣ вѣкъ не знай.

Записано въ Куга-наволокѣ
на Водлозерѣ, 4 августа.

72.

СОРОКЪ КАЛИКЪ.

А й на тоёмъ вѣдь на полѣ на турецкоёмъ
А й какъ вѣдь сбиралосе какъ съѣзжалосе
А й какъ много сильніихъ могучіихъ какъ бога́тырей,
А й какъ тридцать бога́тырей со единымъ;
А й единый былъ бога́тырь-отъ
Молодой Касьянъ да Офонасьевичъ.
А спустилисе оны какъ съ добры́хъ коней,
А й какъ вѣдь садилисе на лужокъ на зеленыій,
А й садилисе да бесѣдовать.
А й какъ стали тутъ они теперь розсужать промежъ собой,
А й какъ кто гдѣ бывалъ уда́лый добрый мо́лодецъ,
А й кто бывалъ какъ въ какой земли да въ какой орды,

А кто гдѣ-ка билъ поганыихъ татаровьёвъ,
А й кто билъ поганыихъ идóлищовъ.
А й какъ выслушалъ молодой Касьянъ Офонасьевичъ
А й какъ рѣчь онъ отъ сильнiихъ богáтырей,
А й какъ самъ говорилъ имъ да таковы слова:
«Ай же вы какъ сильнiи могучiи вы богáтыри!
«А предъ Богомъ согрѣшили вы тяжко вѣдь,
«Вѣдь убили много буйныихъ головушокъ понапрасно вѣдь
«А пролили крови да горючiей.
«А й согласны ли вы что да я вамъ скажу:
«А й не лучше ли забросить теперь войско намъ великое.
«А й какъ ѣздить намъ да по чисту́ полю,
«А й какъ намъ сходить-то ко граду къ Еросóлиму.
«Ко святой святыни Богу помолитисе,
«Ко Господню гробу намъ да приложитисе,
«А во Ердань рѣки окупатисе,
«Во своихъ грѣхахъ да намъ прощатисе?
«А столько[1]), вы сильнiи вы богáтыри,
«А въ томъ класть надо намъ заповѣдь себѣ великая,
«А й чтобы не красть намъ да бы не вóровать,
«А й на женскую прелесть не упадывать,
«И не кровавить намъ своихъ рукъ да больше вѣкъ да богатырскiихъ.
«А й кто станетъ красть либо вóровать,
«А й на женскую прелесть да упадывать,
«А либо кровавить да руку вѣдь богатырскую,
«А й такому по колѣнъ отрубить да ноги рѣзвыи,
«По локóть отсѣчь да руки бѣлые,
«А со лба какъ копать да очи ясные,
«А тянуть ёму какъ языкъ теперь со темени,
«А й копать по грудямъ какъ во матушку сыру землю».
А й какъ они всѣ тому дѣлу не устрашилисе,

1) Т. е. только.

Оны всѣ согласилисе.
А какъ оны да спустили добры́хъ коней
А во травки во шолковы
А й на ты поля да на чистыя,
А й самы надѣвали какъ платья калицкія,
Какъ тутъ оны кла́дывали да подсумки,
А й подсумки да каличьіи,
На свои плеча вѣдь да богатырскія,
А й какъ брали оны по клюки по дорожныей,
А й какъ тутъ оны да отправились,
А й какъ вѣдь пошли какъ уда́лы добры молодцы
А й ко граду вѣдь да Еросо́лиму.
А й какъ встрѣтили какъ въ чисто́мъ поли
А й какъ солнышка князя да Владиміра,
А й какъ самы вѣдь теперь говорятъ таковы слова:
— Ай же солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской!
— Сотвори-тко намъ ужъ какъ ми́лостыню рукоданную благословлённую,
— Сорока намъ каликамъ со единою. —
А й какъ тутъ говорилъ солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской:
«Ай же вы сорокъ каликъ да со единымъ!
«А й у меня хлѣба да соли вѣдь съ собой да не случилосе,
«А у меня золотой казны не пригодилосе.
«А й ступайте-тко во городъ во Кіев-отъ
«А й какъ къ мо́ей княгины Апраксіи,
«А она накормитъ напоитъ-то васъ,
«А й да вы да ночуйте-тко
«У меня въ полатахъ княженецкіихъ,
«А й скажите, что послалъ да солнышко Владиміръ князь
«Насъ изъ чиста́ поля».
А оны пошли какъ отправились во городъ во Кіев-отъ,
А й пришли какъ ко князю на ши́рокъ дворъ,
А потомъ проходили въ полаты вѣдь княженецкія,

А й какъ вѣдь говорятъ самы-то таковы слова:
— Ай же ты княгина Апраксія!
— А й какъ послалъ насъ изъ чиста́ поля
— А й какъ солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской,
— А й какъ онъ велѣлъ накормить напоить тебѣ,
— А й мы бу́дёмъ да ночевать теперь. —
А й какъ она вѣдь скоры́мъ скоро̀, скоро-на́-скоро
Приказала какъ вѣдь поставить столы да дубовые,
Наносить ѣстовъ саха́рныхъ,
Наносить какъ напитковъ да медвяныхъ.
А й какъ тутъ наѣлись да накушались
А й какъ сорокъ каликъ да со калякою,
А й какъ тутъ выходили зъ-за тыхъ столовъ зъ-за дубовыхъ,
А й теперь спать оны ложилисе.
А й какъ тутъ все ихъ замичала княгина Апраксія,
А й что одинъ изъ артели былъ да прекрасныи,
Что называли его молодой Касьянъ да Офонасьевичъ;
А й какъ не могла она заснуть во спальни княженецкоей;
А й пришла она да смотрять теперь,
А что всѣ ли спя удалы добры молодцы,
А й какъ приходила къ нимъ добрымъ молодцамъ,
А й какъ всѣ спятъ сорокъ каликъ да добрыхъ молодцовъ,
А й какъ вѣдь едвная калика не спитъ, да Богу молится.
А й какъ вѣдь она говоритъ сама таковы слова:
«Ай же ты молодой Касьянъ да Офонасьевичъ!
«А й какъ полно Господу Богу молитисе,
«А й пора тебѣ спать теперь ложитисе.
«А й подемъ со мной во спальню вѣдь княженецкую,
«А на тую перину пуховую».
А й какъ ёнъ отвернулся, сказалъ-то ей:
— Ай же ты княгина Апраксія!
— А й поди же прочь отъ меня съ добра.
— Не пойду я во спальню вѣдь княженецкую,

— Не хочу я сквернить спальни княженецкіей,
— Не хочу сквернить своего тѣла бѣлаго,
— А й когда я пошолъ Богу молитися. —
А й она овернулась, ушла теперь
А й во спальню вѣдь княженецкую,
А й не могла да заснуть теперь.
А опять теперь она пришла какъ къ каликушки,
А ёнъ все не спитъ, да Богу молится.
А она говоритъ опять ему да таковы слова:
«Ай же ты молодой Касьянъ да Офонасьевичъ!
«А й какъ полно те Господу Богу молитисе,
«А й пора теперь спать тобѣ ложитисе.
«А й пойдемъ со мной во спальню вѣдь княженецкую
«А й на ту перину пуховую».
А й какъ онъ овернулся, сказалъ-то ёй:
— Ай же ты княгина да Апраксія!
— А й же ты съ добра какъ прочь поди отъ меня да отъ молодца.
— А й пойду ли я съ тобой во спальню княженецкую,
— А й когда пошолъ Господу Богу я молитисе,
— А й когда кла́дена заповѣдь у насъ да великая
— А й не красть да намъ не во́ровать,
— А й на женскія прелести не упадывать,
— А й не кровавить да рукъ своихъ да богатырскіихъ,
— А й сходить намъ ко граду къ Еросо́лиму,
— А й какъ Господу Богу помолиться намъ,
— Ко Господню гробу приложитисе,
— Во Ерданъ рѣкѣ окупатисе,
— Во своихъ какъ грѣхахъ да намъ прощатисе;
— А й какъ ежели стане красть либо во́ровать,
— А й на женскую прелесть упадывать,
— А й какъ кровавить руки да бѣлые,
— А й такому по колѣнъ отрубить да ноги рѣзвые,
— По локо́тъ отрубить да руки бѣлые,

— А й со лба какъ копать да очи ясные,
— А й тянуть намъ языкъ да вѣдь со темени. —
А она опять какъ поворотилася,
А ушла опять во спальню она княженецкую.
А й она еще тому не устрашилася,
А еще она спать да не ложилася,
А еще пришла ко каликушки;
А все какъ калика не спитъ, да Богу молится.
А й какъ вѣдь ёна говоритъ таковы слова:
«Ай же ты молодой Касьянъ да Офонасьевичъ!
«А й какъ полно те Господу Богу молитисе,
«А й пора тебѣ спать, смотри, ложитисе.
«А й подемъ со мной во спальню вѣдь княженецкую».
А й какъ онъ отворотился вѣдь добрый молодецъ,
А й хватилъ свою дубину да дорожную,
А держалъ онъ замахъ да великій,
А й какъ самъ говорилъ таковы слова:
— Ай же ты княгина Апраксія!
— А ежели ты какъ съ добра не пойдёшь теперь,
— А ударю какъ я дубиной дорожною,
— А тутъ у мня ты падешь да на кирпичной полъ. —
А она теперь какъ тутъ да устрашилася.
А й какъ скоро взадъ поворотилася,
А й тожно какъ опять сошла во спальню княженецкую.
А й потомъ молодой Касьянъ да Офонасьевичъ
Тутъ какъ спать да ёнъ ложился-то,
А й заснулъ какъ во сонъ да богатырскій.
А она тамъ во спальнѣ что удумала
А й княгина Апраксія,
А й какъ взяла еще вышла со спальни княженецкіей,
А пришла она тихошенько,
А й гдѣ спятъ какъ удалы добры молодцы,
А какъ сорокъ каликъ да со каликою;
А она какъ раньше замѣтила

А у мóлода Касьяна Офонасьева,
А что у его былъ какъ пóдсумокъ
А й какъ лыту *(такъ)* бархату краснаго;
А й какъ взяла роспорола ужъ его какъ подсумокъ,
Кладывáла тýды чашу княженецкую,
А й зашила какъ бархатней подсумокъ,
А й потомъ шла какъ во спальню княженецкую.
А потомъ прошло времечко да до утрія,
А й ставали какъ сорокъ каликъ да со каликою,
А й какъ начали оны обуватисе, умыватисе,
А й какъ начали Господу Богу да молитисе.
А й потомъ какъ княгиня Апраксія
Приказала поставить столы она дубовые,
А й наносить ѣстовъ сахáрніихъ
А й напитокъ медвяныихъ;
А й какъ вѣдь садила сорокъ каликъ со каликою
А й какъ хлѣба соли да кушати.
А й какъ садилисе сорокъ каликъ со каликою
А й какъ хлѣба соли да кушати,
А й наѣлисе оны ужъ какъ досыта,
А й наѣлись, напились да накушались.
Потомъ вышли зъ-за столовъ онѣ дубовыихъ,
А й благодарили княгиню Апраксію,
А й какъ Бога молили за солнышка князя Владиміра.
А й потомъ надѣвали какъ платья каличьіи,
А потомъ брали они свои подсумки бархатніи,
А й кладáли на плечà богатырскіи,
А й потомъ поклонилисе княгины Апарксіи,
А потомъ оны да отправились,
А опять какъ пошли оны ко граду Еросóлиму.
А потомъ какъ вѣдь да наѣхалъ изъ чистá поля
А й какъ солнышко Владиміръ князь,
А Владиміръ князь да столнё-кіевской,
А й какъ садился хлѣба кушать да трапéзовать,

А й какъ вѣдь стали искать чаши княженецкіей,
А й какъ нѣту нигдѣ чаши вѣдь княженецкіей.
А й какъ начали искать по всѣмъ полатамъ княженецкіим
А й какъ тутъ говорилъ ужъ солнышко да Владиміръ кня
«А й куда же дѣвалась
«А й какъ чаша вѣдь княженецкая?
«Кто у насъ унесъ чашу вѣдь княженецкую?»
А й говоритъ княгиня вѣдь таковы слова:
«Ай же солнышко Владиміръ князь!
«А й у тя были посланы изъ чистá поля
«А й какъ сорокъ каликъ да со единымъ:
«Не они ли унесли чашу вѣдь княженецкую?
«А они вѣдь здѣсь ночевали-то,
«А й недавно отправились въ чисто полё.
«А й смотри, они унесли твою чашу княженецкую».
А й какъ солнышко да Владиміръ князь,
А й Владиміръ князь да стольнё-кіевской,
А й какъ ёнъ скорымъ скорò, скоро-нá-скоро
А приказывалъ своихъ сильнихъ богáтырей,
А й какъ самъ говорилъ онъ богáтырямъ таковы слова:
— Ай же вы любезныя богáтыри!
— А кто бы у васъ съѣздилъ въ чистó полё
— А й да вслѣдъ съ угоною за каликамы?
— А й какъ вѣдь и каликушки
— Унесли какъ чашу княженецкую. —
А й какъ тутъ говорилъ старой казакъ да Илья Муромец
«Ай же солнышко да Владиміръ князь,
«А й Владиміръ князь да стольне-кіевской!
«А это не сорокъ каликъ да со каликою,
«А смотри сорокъ сильнихъ могучихъ богáтырей.
«А только же намъ кого да послать будетъ?»
А й говорилъ какъ солнышко да Владиміръ князь:
— А пошлёмте смѣлаго Олешенку Поповича. —
А посылали какъ смѣлаго Олешу да Поповича,

А велѣли спросить Олёши по хорошему.
А Олешенька шолъ какъ садился на добра́ коня,
А Олеша не боялся да отправился.
А й какъ застали сорокъ каликъ да онъ въ чисто́мъ поли,
А й сидя калики, хлѣба кушаютъ, трапе́зуютъ.
А й какъ онъ говорилъ каликамъ таковы слова:
«Ай же вы сорокъ каликъ со каликою!
«А видно вы не сорокъ каликъ да со каликою,
«А й какъ со́рокъ воровъ соро́къ розбойниковъ!
«А украли вы чашу вѣдь княженецкую,
«А съ добра вы отдайте чашу вѣдь княженецкую».
А й какъ тутъ молодой Касьянъ да Офонасьевичъ
А й ставалъ да на рѣзвы́ноги,
А взималъ свою дубину онъ дорожную,
А держалъ онъ замахъ теперь да великій,
А й какъ самъ говорилъ таковы слова:
— А й какой ты пріѣхалъ изъ города изъ Кіева,
— Я те дамъ какъ вѣдь чашу княженецкую,
— А й какъ ты у меня не долго скати́шься вѣдь съ добра́ коня!
— Развѣ мы украли чашу княженецкую?
— А й какъ развѣ приходили для вашей чаши княженецкіей? —
А Олёшенька со страху великаго,
А Олёша видитъ, дѣлать то́перь нечего,
А й поворотилъ скоро Олеша да добра́ коня,
А й какъ скоро поѣхалъ онъ въ городъ во Кіев-отъ,
Скоро пріѣзжалъ ко солнышку ко князю ко Владиміру,
А й какъ самъ говорилъ таковы слова:
«Ай же солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской!
«А й дѣйствительно какъ не сорокъ каликъ со каликою,
«А дѣйствительно со́рокъ воровъ соро́къ розбойниковъ.
«А й какъ я спросилъ вѣдь про чашу про княженецкую,
«А они какъ всѣ на меня да сходилисе,
«А одинъ хватилъ какъ дубину да дорожную,

«А едва не убилъ меня да на добро́мъ кони,
«А едва я уѣхалъ вѣдь да изъ чиста́ поля».
А й тутъ говорилъ опять старо́й казакъ Илья Муромецъ:
— Ай же солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской!
— А й не гляди-тко ты на дурака какъ на смѣлаго Олёшу на Поповича,
— А я знаю какъ Олёшенька спрашивалъ.
— А й какъ надо послать намъ туда больше некого,
— А й послати намъ молодаго Добрыню да Никитича,
— А тотъ ужъ спроситъ вѣдь да по хорошему. —
А й послали какъ молодаго какъ Добрыню какъ Никитича,
А й поѣхалъ молодой Добрынюшка въ чисто́ полё,
А й застали ихъ на томъ на одномъ да на мѣстечки;
А все сидя́, хлѣба кушаютъ, трапезуютъ.
А й какъ ёнъ говорилъ молодой Добрыня Микитиничъ:
«А какъ здравствуйте, сорокъ каликъ да со каликою,
«А хлѣбъ да соль, какъ сорокъ каликъ со каликою!»
А они говоря: — Поди пожалуй, уда́лой добрый молодецъ,
— Хлѣба кушать, удалой доброй молодецъ,
— А сидись-ко съ нами за кумпанью, хлѣба кушати. —
А й какъ тутъ говорилъ молодой Добрыня Микитинецъ:
«Ай же вы сорокъ каликъ да со каликою!
«А что я вамъ скажу да добрымъ молодцамъ:
«А й какъ вѣдь теперь у насъ какъ во городѣ да во Кіевѣ
«А й какъ сдѣлалась тревога да великая,
«Потерялась золотая чаша княженецкая,
«Безъ которой чаши князь теперь хлѣба не кушаетъ.
«А какъ вы поищите-тко, добры молодцы,
«Не попала ли къ вамъ въ ошибку къ какому ли къ мо́лодцу въ подсумокъ».
А оны какъ всѣ-то другъ на друга розглядѣлисе,
А не знаютъ что да то́перь дѣлати.
А й какъ тутъ говорилъ молодой Касьянъ да Офонасьевичъ:
— Ай же вы товарищи вы любезные,

— А й калики богомольніи!
— А й роспорите сво́и да подсумки
— А покажите ёму молодцу. —
А й какъ всѣ каликушки ставали на рѣзвы́ ноги,
А всѣ брали свои ужъ какъ подсумки,
А й показали молодому Добрыни да Микитичу.
А не въ какомъ какъ во подсумки
А й какъ не нашлась чаша вѣдь княженецкая;
А й розвёртывалъ ужъ какъ подсумокъ
Молодой Касьянъ да Офонасьевичъ,
А свой подсумокъ бархатнёй,
А й какъ тутъ объявилась чаша княженецкая.
А й какъ тутъ оны всѣ взволновалисе,
А й топерь всѣ какъ счудовалисе:
— А кто насъ звалъ Господу Богу молитисе,
— А кто кладáлъ у насъ заповѣдь великую,
— А у того какъ очу́дилась чаша княженецкая. —
А й какъ самы всѣ вѣдь говорятъ таковы слова:
— Ай же ты молодой Касьянъ да Офонасьевичъ!
— А что мы будемъ съ тобой да топерь дѣлати?
— А й ты самъ вѣдь какъ кладáлъ заповѣдь великую. —
А й какъ тутъ говорилъ молодой Касьянъ Офонасьевичъ:
«Ай же вы любезныи товарищи!
«А я что не укралъ вѣдь чаши княженецкіей;
«А й ночéсь вѣдь три рáзъ приходила княгиня да Апраксія,
«А меня звáла во спальню княженецкую,
«А черезъ то кладена чаша княженецкая,
«А что я не шолъ во спальню княженецкую.
«А й какъ вѣдь ужъ вы дѣлайте дѣло повелѣное,
«А не рушайте вы заповѣди великіей:
«А какъ вы сѣките мнѣ ноги рѣзвыя,
«А й рубите-тко руки бѣлыя,
«А й со лба-то копайте очи ясные,
«А й тяните-тко языкъ мнѣ-ка со темени,

«А й копайте какъ по грудямъ во матушку сыру землю!»
А оны какъ тутъ теперь какъ всѣ оны заплакали,
А отъ желанья какъ начали съ нимъ прощатисе,
А какъ всѣ отъ желанья съ нимъ простилисе.
А хоша жалко было, только приступилисе,
А й по колѣнъ отсѣкли ему да ноги рѣзвыя,
По локо́тъ отрубили руки бѣлыя,
А со лба какъ копали очи ясные,
А й тянули языкъ ему со темени,
А й копали по грудямъ во матушку сыру землю;
А й потомъ какъ со мёртвымъ простилисе,
А й какъ тутъ оны какъ заплакали, отправились
А какъ граду вѣдь да Еросо́лиму.
А й какъ тутъ молодой Добрыня Микитиничъ
А й какъ высмотрѣлъ всё да ихъ дѣяньицо,
А й какъ скоро-на́-скоро тоже онъ теперь отправился
А со чашею да княженецкою,
А й во городъ онъ во Кіев-отъ.
А й пріѣзжалъ онъ какъ во городъ во Кіев-отъ
А й ко солнышку князю да на ши́рокъ дворъ,
А й потомъ шолъ въ полаты княженецкіе,
Подавалъ солнышку князю чашу княженецкую,
А й какъ самъ говорилъ да таковы слова:
— Ай же солнышко Владиміръ князь ты да стольне-кіевской!
— А й какое я чудушко видѣлъ да въ чисто́мъ поли,
— А хоша не сорокъ каликъ да со каликою,
— А сорокъ сильнихъ бога́тырей.
— А столько видно крѣпко кладена заповѣдь великая
— А штти Господу Богу да молитисе.
— А не украли чаши оны вѣдь княженецкіе,
— А какъ ни будетъ въ ошибку попала имъ чаша княженецкая. —
А й не сказалъ того, что звала княгина да Апраксія
А й во спальню вѣдь княженецкую,

А что онъ не шолъ во спальню княженецкую,
Черезъ то она зашила вѣдь чашу княженецкую;
А столько ёнъ да сказалъ топерь:
— А й у кого какъ нашлась чаша вѣдь княженецкая,
— А того казнили какъ оны топерь въ чистóмъ поли:
— По колѣнъ отсѣкли ноги рѣзвыя,
— По локóтъ отрубили руки бѣлыя,
— А со лба какъ копали очи ясные,
— А й тянули языкъ оны со темени,
— А й копали по грудямъ во матушку сыру землю. —
А й началъ солнышко князь туда справлятисе,
И начало много богáтырей справлятисе,
А смотрить того дѣла да великаго.
А й какъ той порой да тымъ времячкомъ
А впереди какъ ихъ добрыхъ мóлодцовъ
Къ молодому Касьяну къ Офонасьеву
Приходилъ какъ Микола да Можайскiй,
А ему какъ вложилъ да ноги рѣзвыя,
А вложилъ да руки бѣлыя,
А й положилъ ёму да очи ясные,
Положилъ языкъ во темя вѣдь,
А й положилъ какъ здыханье во бѣлу́ю грудь,
А й поставилъ какъ ёго́ да на рѣзвы́ ноги,
А й какъ самъ говорилъ ему да таковы слова:
«А й ступай, молодой Касьянъ да Офонасьевичъ,
«А й на первыи на станцiи [1])
«А й застанешь свою да дружью-братiю,
«А й своихъ да ты товарищовъ.
«А меня вѣдь Господь послалъ
«А къ тебѣ да добру молодцу,
«А потому что ты напрасно сказнёнъ да добрый молодецъ:

1) Пѣвецъ видимо искалъ слова и, какъ бы не находя настоящаго выраженiя, пропѣлъ: «станцiи».

«Не укралъ ты вѣдь чаши княженецкіей,
«А за то меня вѣдь Господь послалъ.
«А какъ сходишь ты ко граду да къ Еросо́лиму,
«Ко святой святыни Богу помолитисе,
«Ко Господню гробу приложитисе,
«А во Ердан̀ъ какъ рѣки да окупаетесь,
«А й во своихъ грѣхахъ да попрощаетесь,
«А й какъ взадъ да вы воротитесь
«А къ своимъ да къ добры́мъ конямъ,
«А й поѣдете по своимъ мѣстамъ,
«А й тогда какъ съѣдешь во свою ужъ какъ землю ты,
«А сдѣлай-ко церковь ты да соборную,
«А ты Миколы да Можайскому;
«А я какъ есть Микола да Можайскіій».
А й тутъ потерялся старичокъ да теперь бѣлыій.
А й какъ тутъ молодой Касьянъ теперь отправился,
А какъ засталъ своихъ теперь товарищовъ
А какъ по вечеру да по поздному,
А оны сидя́, хлѣба кушаютъ, трапезуютъ.
А оны какъ теперь ли тому чуду счудова́лисе,
Что сказнили молодого Касьяна Офонасьева,
А й какъ ёнъ насъ да засталъ теперь;
А й какъ что надъ нимъ да теперь счу́дилось,
А какъ видно такъ ему Господь благословилъ теперь,
А не кто и́ной не помогъ ему;
А какъ всѣ оны обрадовались ужъ какъ радостью великом
А й потомъ какъ на тое на мѣсто-то,
Гдѣ былъ сказнёнъ молодой Касьянъ да Офонасьевичъ,
А й поѣхалъ какъ солнышко Владиміръ князь,
А Владиміръ князь да стольнё-кіевской;
А наѣхало съ нимъ много прочіихъ бога́тырей.
А столько знать тая яма великая,
А гдѣ былъ сказнёнъ уда́лой добрый молодецъ,
Гдѣ закопанъ во матушку сыру землю.

А такъ вѣдь тому чуду чудуются,
А на то оны расположилисе:
А й куды ни унесенъ у нихъ топерь
А й закопанъ во матушку сыру землю.
А и тутъ оны какъ поѣхали во городъ во Кіев-отъ.
А й какъ тутъ сорокъ сильнихъ богатырей
Приходили во градъ да Еросолим-отъ,
А й какъ Господу Богу помолилисе,
Ко Господню гробу приложилисе,
А й во Ерданъ какъ рѣки да окупалисе,
А й во своихъ какъ грѣхахъ да попрощалисе.
А й ужъ какъ взадъ оны да отправились
А й со града вѣдь да Еросолима
А й къ своимъ да къ добрымъ конямъ,
А пришли оны опять какъ во городъ во Кіев-отъ,
Приходили ко солнышку князю да на широкъ дворъ
А й попросили какъ милостины рукоданныей,
Рукоданныи благословлённыей:
— Ай же солнышко да Владиміръ князь да стольнё-кіевскоі!
— А й сотвори-тко намъ да Христа ради,
— А й какъ милостину намъ да Христа ради,
— Чтобы было сорока каликамъ пообѣдати. —
А й закричали всѣ вдругъ да громкимъ голосомъ,
Ажно задрожали полаты княженецкія.
А й говорилъ какъ имъ топерь солнышко Владиміръ князь:
«Ай же вы сорокъ каликъ да со каликою!
«А ступайте-тко во полаты хлѣба кушати,
«Во полаты вѣдь княженецкія.
«А й накормлю я васъ сорокъ каликъ да со единымъ,
«А напою васъ сорокъ каликъ да со единымъ».
А оны говорятъ топерь да таковы слова:
— А не йдемъ мы къ тебѣ во полаты княженецкія;
— Потому мы не йдемъ къ тебѣ,
— А что у тя княгина Апраксія

— А опять нашему мóлоду Касьяну Офонасьеву
— А положитъ во подсумокъ
— А чашу вѣдь княженецкую,
— А украде у тя у солнышка у князя у Владимíра.
— Оногда ночёвáли, такъ знаемъ мы,
— А ёна какъ звала его во спальню княженецкую,
— А ёнъ не шолъ какъ съ ней во спальню княженецкую,
— А за то ему ёна какъ твою чашу княженецкую
— А клала во подсумокъ во бархатнёй,
— А за то какъ казнили его мы да добра молодца;
— А хотя сказнили, только онъ сходилъ съ намы ко граду Еросóлиму. —
А й какъ солнышко да Владимíръ князь да стольнё-кіевской
А й какъ милóстину далъ рукоданную да благословлённую Христа ради,
А что буде каликамъ пообѣдати.
А какъ сошли теперь да на чистó поле,
На чисто полё къ своимъ добры́мъ конямъ,
Потому что нé далечо были порато[1]) кони оставлены
А отъ города да отъ Кіёва;
А й приходили какъ къ добры́мъ конямъ,
А садились хлѣба кушать да трапезовать.
А поѣли какъ, попи́ли, покушали,
А й потомъ какъ начали брать своихъ добры́хъ коней,
А й какъ начали сѣдлать уздать добры́хъ коней,
А й какъ начали отправляться по своимъ да по сторонушкамъ,
А й начали другъ съ другомъ прощатисе.
А всѣ простились вѣдь да отъ желаньица,
А й теперь всѣ да порозъѣхались
А й по своимъ мѣстамъ, по своимъ домамъ.
А какъ больше изъ нихъ какъ нé какой не сталъ ѣздить да въ чистó поле,

1) Т. е. очень.

Болѣ не стали кровавить рукъ да богатырскіихъ.
А й какъ тутъ молодой Касьянъ да Офонасьевичъ
Пріѣзжалъ во свою какъ онъ во землю-ту,
А й тамъ какъ состроилъ церковь соборную
А й Миколы онъ да Можайскому.
А й какъ началъ ёнъ какъ тутъ Господу Богу да молитисе,
А й какъ началъ въ своихъ грѣхахъ прощатисе.
А й теперь да послѣ этого
А й тому да всему да славы́ поютъ.
А й Дунай Дунай болѣ вѣкъ не знай.

Записано тамъ же, 4 августа.

Когда Сорокинъ пѣлъ былины, которыя записаны были съ его словъ г. Рыбниковымъ, оказались слѣдующія замѣтныя разнорѣчія:

1. ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ ВЪ ССОРѢ СО ВЛАДИМІРОМЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 63).

Стихъ 5. «Упавенькой», а не «упаленькой».
Ст. 104. На шумъ на гамъ на великіи
Какъ на тотъ ли городъ Смоленскіій.
Ст. 129. Сколько самъ-то билъ, втрое конёмъ топталъ.
Ст. 137. Во городъ Смолягиной.
Ст. 138. Мужики Смолягинцы (тоже ст. 175).
Ст. 159. Удаленькой какъ упавенькой.
Ст. 181. Скакали вси на стѣну городовую.
Ст. 196. Суды суди ты всё пра́вильни.
Послѣ ст. 210. А й какъ есте двѣ дорожки путистыя.
Ст. 227. На крякно́вистыхъ.
Ст. 263. Волчья сыть пеляной мѣшокъ.
Ст. 265. Крику звѣринаго, той прогласицы богатырскіи.
Ст. 282. Покатился Соловеюшко со гнѣздышка.

После ст. 290. Самъ робота дорожку прямоѣзжену.
Ст. 298. Ко посе́льицу Соловьиному.
Ст. 306. «Привязана» вмѣсто «прикована».
Ст. 345. «Скатияго», а не «скачнаго».
Ст. 361. Во Кіев-отъ (такъ вездѣ, вмѣсто: во Кіевъ-то).
Ст. 365. княженецкаго.
Стихи 388—393 Сорокинъ пропустилъ.
Ст. 414, 417, 426, 428, 440, 443. «на зени» вмѣсто «на земли» или «мертвы».
После ст. 449. Пошолъ на городъ на Кіев-отъ.

Вмѣсто ст. 469—493 Сорокинъ пѣлъ:

А какъ солнышко князь какъ вышелъ на улушку на широкую,
А на свой онъ да на ши́рокъ дворъ,
А со своима какъ съ русскима какъ бога́тырьми,
А й увидѣлъ середи двора чудо чудное,
А й увидѣлъ дивушко дивное,
А й какъ стоитъ осередь двора ужъ какъ добрый конь,
Ни къ чему конь да не привязыванъ.
А й у коня какъ у стремены,
А й у стремены у правой у булатніей,
А й какъ стоитъ чудушко чудное, диво дивное,
А й стоитъ проклятой Со́ловей
А й привязанъ жолтыма кудеркамы онъ ко стремены.
А й какъ тутъ онъ пороздумался, началъ совѣтовать
А й съ любезныма какъ съ русскима бога́тырями:
«А й какъ кто пріѣхалъ къ намъ во городъ во Кіёв-отъ?
«А й какъ ежели пріѣхала какъ невѣжа поганая
«А й погано Идолищо,
«Тамъ русскому Богу онъ не кла́нялся бъ,
«Солнышку князю челомъ не билъ.
«А й какой нибудь свой русьскій есть богатырь-отъ».
А й какъ тутъ говорилъ молодой Добрыня Микитинецъ:
— Ай же солнышко Влади́міръ князь стольнё-кіевской!

— А какъ я всѣхъ русейскіихъ богáтырей знаю на святой Руси,
— А какъ столько я да не знаю вѣдь,
— А какъ есте говорятъ теперь
— А во городи какъ во Муромци
— А какъ въ томъ селѣ въ Карачаевомъ
— А какъ е старóй казакъ Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.
— А ему вѣдь на бою смерть-та не написана,
— А какъ тутъ-то дѣлать съ нимъ намъ-то нечего,
— Какъ намъ вѣдь-то всимъ городомъ Кіёвымъ,
— А й какъ столько намъ кого послать позвать его,
— А й позвать его на почестенъ пиръ. —
А й говорилъ какъ солнышко да Владиміръ князь:
«А й кого же намъ да позвать будетъ?
«А й какъ ежели да послать-то намъ
«А й какъ смѣлаго Олёшеньку Поповича и проч.

Вмѣсто ст. 512, 513. А й нынѣ послалъ позвать тебя.
Ст. 537, 538 Сорокинъ пропустилъ.
Ст. 580, 581 пропущены.
Ст. 645. Фасталъ, може, небылицею.
Ст. 649. подъ городомъ подъ Смоленскіимъ.
Ст. 656. отъ города отъ Смоленскаго.
Послѣ ст. 658. Ай во тыхъ лѣсахъ во Брянскіихъ.
Ст. 666. Привéзенъ у меня.
Ст. 752. покарамбались.
Ст. 769. Не строитель вѣдь, а вѣковой разоритель онъ.
Послѣ ст. 785. А сиди тутъ Соловей вѣки нерушимые.

2. СТАВЕРЪ.

(У Рыбникова, т. II, № 19).

Послѣ стиха 9 Сорокинъ пѣлъ:

«А й во славномъ городѣ да въ Черниговѣ
Какъ прослышалъ-то старъ Ставёръ сынъ Годиновичъ
А й про тотъ столованье онъ почестенъ пиръ,
А й какъ говорилъ своей Василисты Микулиной:
«Ай же ты моя молода жена,
«Ай молода жена любима́ семья,
«Ай молода Василиста да Микулична!
«А я поѣду во славныи во стольнiи
«А й во городъ во Кіев-отъ
«А й ко солнышку князю Владиміру
«А й на тотъ столованьё почестенъ пиръ».
А й тутъ ёна говоритъ ему таковы слова:
— Ай ты мужъ ты мой любезныи,
— Ай ужъ старъ ты Ставёръ сынъ Годиновичъ!
— А й не велѣла бы тебѣ ужъ какъ ѣхати,
— Набъ чтобъ ты не сдѣлался тамъ несчастнымъ.
— Какъ будете вы пьяны веселы,
— Какъ будете вы всѣ фастасти,
— А ты старъ охотникъ пофастати:
— Ты смотри не фастай иной молодой женой,
— А ничѣмъ смотри не фастай тамъ,
— Не фастай во городи во Кіеви.

Потомъ Сорокинъ описывалъ, какъ Ставеръ сѣдлаетъ коня, одѣвается, пріѣзжаетъ въ Кіевъ, ставитъ коня на дворѣ княженецкомъ, входитъ въ полаты, кланяется; тутъ всѣ садятся за столъ, и тогда слѣдуетъ продолженіе былины со стиха 10 у Рыбникова.

Ст. 96. потнички на потнички.

Послѣ ст. 109: Брала съ собой дружинушку хоробрую
Дружинушку что у Ставра́ была.

Послѣ ст. 112: Оставила дружину во чистомъ поли
Сама поѣхала во городъ Кіев-отъ.
Послѣ ст. 132: Возрощёной ты мой батюшко (такъ и въ другихъ мѣстахъ былины).
Ст. 147: «посла», вмѣсто «послать».
Ст. 182: остре́ице, вмѣсто острице (такъ и въ другихъ мѣстахъ).
Ст. 208. на вѣсы на вѣрные.
Ст. 221. Раньше солнышка князя Владиміра [1]).
Ст. 342. На свой на ши́рокъ дворъ.

---

3. ДЮКЪ.

(У Рыбникова, т. II, № 30).

Стихъ 2 Сорокинъ пропустилъ.
Ст. 21. Прогласици поѣздки богатырскія, дѣла ратняго.
Ст. 67. шоломчатую, вмѣсто холомчатую.
Ст. 135. богатырь-отъ, вмѣсто богатырь (такъ и въ другихъ стихахъ былины, оканчивающихся этимъ словомъ).

Послѣ ст. 264 Сорокинъ вставилъ:

А й выходили съ шатра да со шолкова
А й на улушку на широкую,
А й какъ тутъ говорилъ какъ старо́й казакъ Илья Муромецъ:
«Ай же братецъ мой да крестовыи
«Ай молодой бояринъ Дюкъ да Степановичъ!
«А й куда же мы да коня кладемъ
«А й поганаго да Идолища?
«А топерь у насъ есть по коню по доброму,

---

1) Въ этомъ же смыслѣ, очевидно, Сорокинъ, когда пѣлъ г. Рыбникову, употребилъ выраженіе: «вставала по утру по раннему — *до* солнышка князя до Владимера»; потому нельзя понять, какое тутъ «замѣчательное отождествленіе солнышка Владиміра съ раннимъ утреннимъ солнцемъ» найдено издателемъ II-го тома Рыбниковскаго сборника.

«А какъ гнать намъ его теперь некуда.
«А й гдѣ видно пала головка хозяйская,
«А тутъ пади да головушка добра коня!»
А й чеснулъ коня какъ межъ ушей рукой правою.
А й какъ конь-тотъ палъ да на сыру землю.

Ст. 307. Изъ той *Корѐти* богатыя, вмѣсто «Корелы»; такъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ этой былины.
Ст. 317: Либо халупна господская,
Либо волочага голь кабацкая.
Ст. 381. «мостовъ калиновыхъ», а не «каленыхъ».
Ст. 430. «задушилися», вмѣсто «заткнулися».
Ст. 481. Аль будто мужики залисскіи.
Ст. 487. «пороздорили», вмѣсто «пороссорились».
Ст. 664. Со города со Галичи.
Ст. 822. «Не далъ бы», вмѣсто «далъ ли».
Ст. 823. «надсматривалъ», вмѣсто «засматривалъ».

---

4. СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЪ.

(У Рыбникова, т. II, № 31).

Ст. 3. ко Опскову.
Ст. 8. мимо Казань мимо Астрахань.
Ст. 19. «черненые», вмѣсто «черные».
Ст. 46. Будіміровичъ (а не Будиморовичъ, какъ отмѣчено въ примѣчаніи къ этому стиху).
Ст. 61. шапочки гладены черны-мурмонки.
Ст. 75. скатняго (такъ и въ другихъ мѣстахъ, вмѣсто скачнаго).
Ст. 91. Кіев-отъ (такъ и въ другихъ мѣстахъ, вмѣсто Кіевъ, когда этимъ кончается стихъ).
Ст. 102. «присталь», а не «пристань».
Ст. 109. сундуки окова́ные.
Послѣ ст. 139. Любезной племянницы солнышка князя Владиміра.

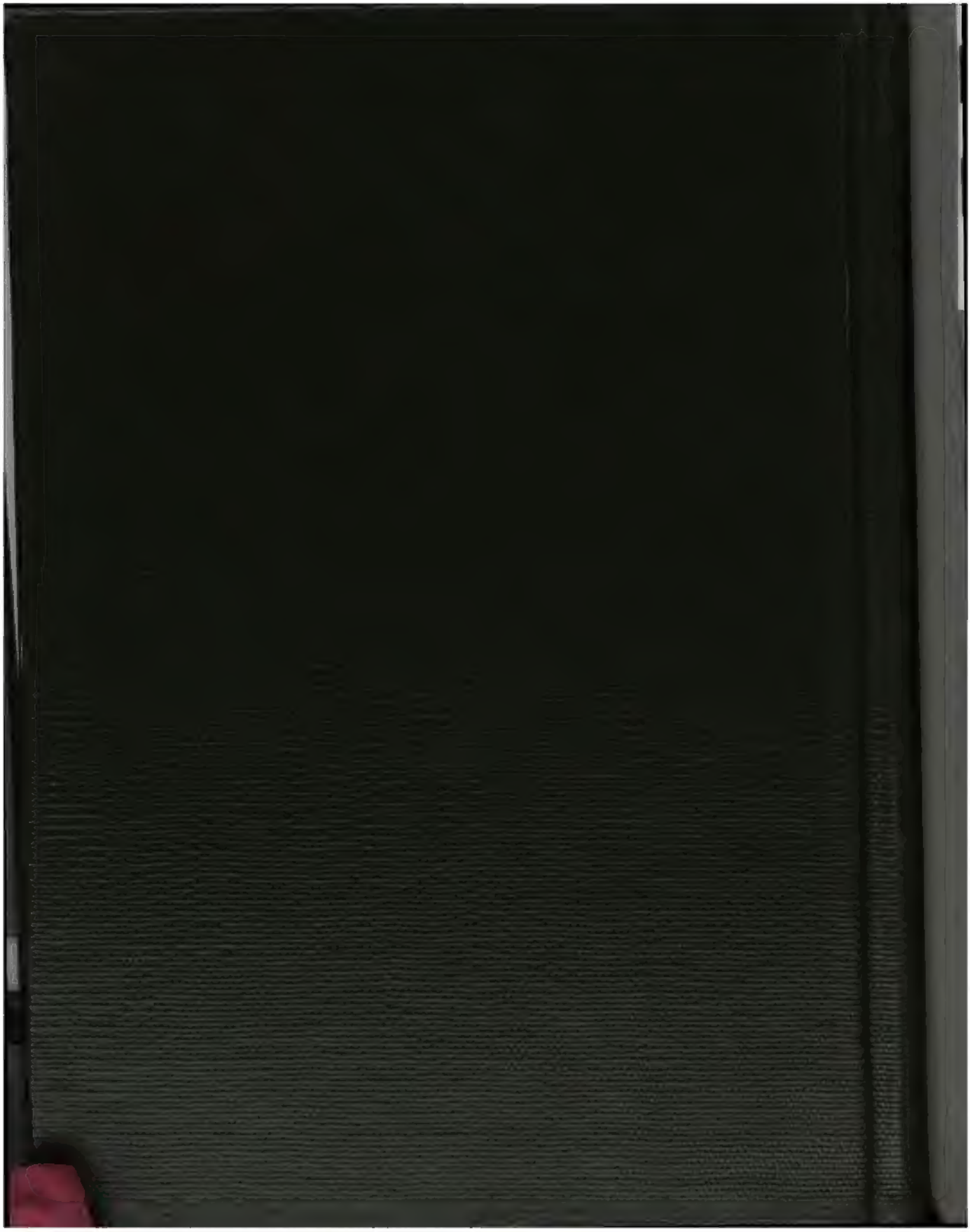
Ст. 205. Три терема златоверхіихъ.
Ст. 214. «розували», ст. 215. «обували», вмѣсто «скидывали», «одѣвали».
Ст. 229. «стекольчаты», а не «стекольныи».
Послѣ ст. 263. Не зналъ что забаяти.

Послѣ ст. 296 Сорокинъ вставилъ:

А й какъ тутъ солнышко Владиміръ князь
Призывалъ онъ свою любезную племянницу,
Молоду Любаву Путятичну:
«Ай же ты любезная племянница
«Молода Любава Путятична!
«А й желаешь ли итти ужъ какъ замуж-отъ
«Ужъ какъ въ тую землю Веденецкую,
«А й за млада Соловья сына какъ Будиміровича?»
А й какъ вѣдь ёна говоритъ ему таковы слова:
— А й родитель мой дядюшка,
— Возрощёный мой какъ батюшко!
— А й какъ воля теперь твоя надъ красною надъ дѣвушкой,
— А хошь отдавай, хоша ты нѣтъ меня. —
А какъ ёнъ говоритъ: «я желаю вѣдь отдать тебя».
А й она говоритъ: «ежели желаешь ты отдать меня
Такъ я иду за его во замужество».

Конецъ былины, начиная съ стиха 305, Сорокинъ пѣлъ такъ:

А й какъ тутъ честнымъ пиркóмъ да за свадебку.
А й какъ тутъ младъ Соловей сынъ Будиміровичъ
А й какъ началъ дарить-то ёнъ
А й князей бояръ да господъ-то всѣхъ
А й краснымъ золотомъ, а й какъ чистымъ да сéребромъ,
А й какъ мелкимъ скатніимъ жемчугомъ;
А й какъ далъ солнышку князю много несчётной золотой казны,
А для того онъ далъ топеречку,
А й чтобы ёнъ да его да для молодца

Для пріѣзду счастливаго
И для его да для свадебки,
По всему какъ по городу да по Кіеву
А й розотворилъ всѣ кабаки конторы пивоварни-ты,
Чтобы весь народъ какъ пилъ да зелено́ вино,
А й какъ кто не пье да зелена́ вина,
Тотъ бы пилъ да пива пьяные,
А й какъ кто не пье пивовъ пьяныихъ,
Тотъ бы пилъ да мёды сладкіе,
Чтобы знали что да наѣхалъ вѣдь
А й какъ младъ Соловей сынъ Будимі́ровичъ
А й зъ-за славнаго синя́ моря
А й свататься на молодой Любавы Путятичной.
Шолъ-то пиръ какъ у ихъ трои сутки-ты,
А й теперь какъ послѣ троихъ суточекъ
А й какъ говорилъ да солнышко Владиміръ князь:
«Ай же ты младъ Соловей сынъ Будимі́ровъ,
«А й любезный нынь племянникъ мой!
«А й какъ здѣ ли будешь вѣнчаться съ нёй,
«А такъ домой какъ будешь отправлятися?»
— Ай же солнышко Владиміръ князь!
— А я буду такъ домой да отправлятися. —
А й какъ теперь да послѣ этого
А й какъ началъ ёнъ отправлятися,
А й какъ началъ ёнъ на черныи на ка́рабли сбиратися,
А й какъ приказалъ дружинушки все сбирать на черныи
ка́рабли.
А й какъ тутъ оставилъ солнышку князю Владиміру
А й три терема да златоверхіихъ
Въ томъ саду да во Путятичномъ,
А й на той на горки да на Конныи.
А й потомъ послѣ этого
А й дарилъ какъ солнышко Владиміръ князь
А й свою любезную племянницу

А й какъ краснымъ золотомъ,
А й да чистымъ да се́ребромъ,
Мелкімъ скатнымъ жемчугомъ,
А вещамы всё разныма,
А какъ началъ отпущать ю за славное синё море;
А й пошли провожать какъ ю,
А й какъ вѣдь молоду Любаву да Путятичну
А й какъ много князя бояра вѣдь,
Сенато́ры да думные
И вельможи, купци всѣ богатые,
А й какъ многи поляницы да удалые,
Многи русейскіе сильни бога́тыри,
Провожалъ свой какъ дядюшка
А й какъ солнышко Владимі́ръ князь да стольнё-кіевской
А й на черные на ка́рабли.
А й потомъ какъ отправился
А й какъ младъ Соловей сынъ Буди́мі́ровъ,
Приказалъ отвалить да свои ка́рабли
А й во славное синё морё,
А й какъ онъ поѣхалъ за славное синё морё
Въ свою́ землю вѣдь да Веденецкую,
Пріѣзжалъ какъ въ свою́ землю Веденецкую,
Для своихъ мужиковъ веденецкіихъ
Для своихъ всѣхъ господъ да веденецкіихъ,
Для купцей богатыхъ веденецкіихъ,
А й завёлъ столованье да почестенъ пиръ,
Повѣнчался тутъ съ молодой Любавой да Путятичной.
А теперь у ихъ да послѣ этого
А какъ сталъ младъ Соловей въ земли да Веденецкоей
Съ молодой Любавой да Путятичной,
А тому да всему славы́ поютъ.
А й Дунай Дунай, да болѣ ввѣкъ не знай.